

Н. М. ДРУЖИНИН

Избранные
труды

РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ
в XIX в.

Н. М. ДРУЖИНИН

Избранные
труды

РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ
в XIX в.

Ответственный редактор
профессор С. С. ДМИТРИЕВ

МОСКВА «НАУКА» 1985

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Отделение истории

Институт истории СССР

Н. Дружинин

В первую книгу избранных трудов академика Николая Михайловича Дружинина вошли основные его работы по истории декабристского движения, ставшие библиографической редкостью. Это монография «Декабрист Никита Муравьев», статьи «К истории идейных исканий П. И. Пестеля», «Семейство Чернышевых и декабристское движение», «С. П. Трубецкой как мемуарист» и публикация «Записи кн. С. П. Трубецкого (Из архива Якушкиных)», статья «И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа». По более позднему периоду в книгу вошли статья «А. Гакстгаузен и русские революционные демократы» и популярный очерк об участнице движения революционных народников А. В. Якимовой (Кобозевой).

Книга рассчитана не только на историков-специалистов, но и на широкий круг читателей, интересующихся историей революционного движения в России.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. С. ДМИТРИЕВ, профессор
(ответственный редактор),

Е. И. ДРУЖИНИНА, член-корреспондент АН СССР,

И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, член-корреспондент АН СССР

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Избранные труды академика Николая Михайловича Дружинина издаются по решению Отделения истории Академии наук СССР.

Н. М. Дружинин — выдающийся представитель современной советской науки. Участник трех российских революций и Гражданской войны. Н. М. Дружинин сложился как историк-марксист в советское время. Многочисленные труды Н. М. Дружинина по отечественной истории занимают видное место в нашей историографии. Настойчивая и плодотворная научно-исследовательская работа Н. М. Дружинина всегда сочеталась с научно-просветительской и общественной деятельностью агитатора и пропагандиста, выступавшего перед самой широкой аудиторией, энтузиаста музейного дела и исторического краеведения, известного профессора и лектора нашей высшей школы и сети партийного просвещения. Предлагаемые «Избранные труды» академика Н. М. Дружинина дадут представление о главных видах творческой деятельности автора.

Четыре книги «Избранных трудов» Н. М. Дружинина включают несколько десятков произведений ученого, относящихся по времени их создания к пятидесятилетию становления и развития советской исторической науки — от середины 20-х до конца 70-х годов нашего века. Подавляющее большинство произведений в настоящее время трудно доступны — одни появились в редких изданиях, ныне забытых, другие печатались малым тиражом. Собранные воедино они позволят историкам-исследователям и всем, интересующимся развитием отечественной исторической мысли, зримо представить вклад автора в развитие советской науки.

В первую книгу входят труды по истории революционного движения в России в XIX в., главным образом по истории декабристов. Вторая книга — работы по социально-экономической истории. В третью книгу включены труды по внешней политике России, истории Москвы и статьи, относящиеся к вопросам музейного дела. Последнюю, четвертую книгу составят воспоминания и мысли историка и другие мемуарные и мемуарно-биографические его произведения, а также его открытые письма и ответы на вопросы зарубежных историков.

«Избранные труды» Н. М. Дружинина дадут довольно полное представление о вкладе ученого в советскую историческую науку. В них только, естественно, не включены очень крупные по объему и хорошо известные читателям-специалистам исследования историка — двухтомный труд «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева» (М., 1946,

т. 1, 1958, т. 2) и недавно вышедшая монография «Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг.» (М., 1978).

Подборка произведений для «Избранных трудов» осуществлена по плану и предложениям профессора С. С. Дмитриева, одобренным автором.

Подготовка текстов и составление комментариев осуществлены младшим научным сотрудником Института истории СССР АН СССР Л. П. Дойниковой.

Редакционная коллегия глубоко признательна сотруднику Центрального государственного исторического архива В. И. Вельбель, помогавшей в перешифровке ссылок на материалы ЦГИА СССР (Ленинград).

Редколлегия считает долгом выразить благодарность сектору истории СССР периода капитализма и Группе по изучению революционной ситуации в России в середине XIX в. Института истории СССР АН СССР, сотрудникам Центрального государственного архива Октябрьской революции, Центрального государственного военно-исторического архива, Государственного архива Иркутской области, Государственного Исторического музея, Рукописного отдела Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Отдела рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдела рукописей Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, неизменно оказывавшим содействие в работе.

ДЕКАБРИСТ НИКИТА МУРАВЬЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научная обработка истории декабристов получила свое развитие сравнительно недавно: только революция 1905 г. заострила внимание исследователей на истоках революционного движения, заставила пристальнее всмотреться в его социально-экономическую базу и сделала более доступными материалы государственных хранилищ. Почти одновременно появились, с одной стороны, крупные описательные работы, опиравшиеся на подлинные материалы Следственного комитета (М. В. Довнар-Запольского, В. И. Семевского), с другой стороны — новая материалистическая концепция, которая разрушила либеральную легенду о декабристах (статьи К. Н. Левина и М. Н. Покровского). К сожалению, между процессом архивного освоения большого конкретного материала и напряженной работой методологической мысли не образовалось глубокой внутренней связи: общие описательные труды обогатили историографию ценными фактами, но совершенно обходили экономическую и классовую основы движения; наоборот, статьи, развивавшие новую, марксистскую концепцию, необычайно углубили научное понимание фактов, но не являлись прочным результатом длительного изучения первоисточников. Такое исходное положение определило последующие пути декабристской историографии: описательные работы дали общую фактическую ориентацию в вопросе, марксистская концепция вооружила историков методологически правильной «рабочей гипотезой»; необходимо было сделать следующий шаг — разделить сложную проблему о декабристах на составные части и каждую выделенную тему подвергнуть обстоятельному анализу под новым теоретическим углом зрения. Объектами такого монографического изучения сделались преимущественно отдельные эпизоды (Московский съезд 1821 г., 14 декабря, восстание Черниговского полка), отдельные организации (например, «Общество соединенных славян») или отдельные революционные деятели (Н. И. Тургенев, С. П. Трубецкой, Н. А. Бестужев и пр.). Постепенно начал накапливаться обширный, научно освещенный материал, который далеко оставляет за собою и старую работу В. И. Семевского, и первые высказывания историков-марксистов. Так, совокупными усилиями различных исследователей закладывается надежное основание для обобщающего труда, который соединит в себе последовательное применение марксистского метода с необходимой полнотой фактических данных.

Среди этих разнообразных работ, которые помогут будущему большому исследованию, биография отдельного декабриста имеет не только законное право на существование, но и некоторые преимущества в разработке материала. Избирая предмет своего изучения единичную личность, мы концентрируем свое внимание на отдельной неразложимой частице общественного коллектива; располагая при этом компактной группой документального материала, мы в состоянии достигнуть исчерпывающей полноты и конкретности в установлении фактов; такая предельная степень конкретизации является для историка хорошей гарантией против необоснованных выводов и поверхностных обобщений.

*Декабрист Никита Михайлович Муравьев.
(Рис. П. Ф. Соколова, 1822 г. ГИМ)*

Но изучение биографии имеет свою опасную сторону: исследователь может легко увлечься художественным воссозданием живой индивидуальности и за случайными психологическими чертами оставить нераскрытой закономерную диалектику общественных явлений. Задача историка представляется нам иной: использовать данные личной биографии для широкого социологического обобщения, подметить в изучаемом деятеле (его идеологии и его деятельности) типичные повторяющиеся черты, которые проливают свет на современные ему социально-политические процессы. Личность должна быть вдвинута в общую перспективу эпохи и понята в ее временной классовой обусловленности. Живое, конкретное изображение должно быть всецело подчинено этой социологической задаче, всесторонне помогая ее успешному разрешению. С такой основной точки зрения одинаково приемлемо изучение жизни рядового, но типичного декабриста и исследование биографии крупного, первостепенного деятеля: личность, вынесенная на гребень нарастающей революционной волны, не могла не отразить на себе общественные процессы в более яркой, выпуклой и легче наблюдаемой форме.

Декабрист Никита Муравьев — один из таких крупных и ярких деятелей развернувшегося движения. Он был в числе основателей и руководящих членов первых декабристских союзов, он действовал как главный организатор и идеологический вождь Северного общества, из-под его пера вышел конституционный проект, который является важнейшим документом по истории движения наряду с «Русскою Правдою»

П. И. Пестеля. Он сосредоточил вокруг себя умеренные элементы революционного течения и противопоставил их политическую позицию радикальному течению Южного общества. В лице Никиты Муравьева перед нами один из важнейших двигателей тайной организации, непосредственно переживший все перипетии ее десятилетней истории.

В отличие от других руководителей заговора — Пестеля, Рыльева, Трубецкого, Н. Тургенева и др. — Никита Муравьев до сих пор не являлся предметом биографического исследования. Единственное, что мы имеем, это — краткие и неточные справки, рассеянные в сочинениях М. В. Довнар-Запольского (Мемуары декабристов. Киев, 1906) и В. И. Семевского (Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909). Гораздо больше писали о конституции Н. Муравьева, но, излагая содержание и классовые тенденции этого политического проекта, мало задумывались над процессом его последовательной разработки и над его жизненными и идеологическими источниками. Никита Муравьев представлялся таким, каким его рисуют односторонние показания на следствии и субъективные, нередко противоречивые, впечатления мемуаристов.

В настоящее время мы располагаем более полным и, главное, более надежным материалом для изучения этого выдающегося деятеля декабристского движения. В 1925 г. в Особый отдел Архива Октябрьской революции * поступил фамильный архив Муравьевых и Бибиковых, брошенный при отъезде эмигрировавшими потомками. Это большое собрание документов, получившее наименование «фонд 1153», состоит из четырех основных элементов. Наиболее значительную часть архива составляет коллекция писем самого Н. Муравьева и членов его семьи (отца, матери, жены, дочери и др.). Письма охватывают собой отчасти период до 1825 г., отчасти последующую эпоху; в подавляющей массе они носят личный характер и не имеют непосредственной связи с историей тайного общества. Но в этой многолетней и разнообразной переписке раскрываются имущественное положение Н. Муравьева, его социальные связи, общественные и литературные интересы, основные элементы его мирозерпцания. Особенно важны письма Н. Муравьева из заграничного похода (1814—1815 гг.), письма 1818 г. (времени пребывания гвардии в Москве), письма из Минска (периода гвардейского похода в западные губернии 1821—1822 гг.) и, наконец, письма из нижегородской деревни, посланные жене незадолго до восстания 1825 г. Сопоставляя данные эпистолярного материала, мы можем проследить основную линию идеологического развития Н. Муравьева в тесной связи с его житейскими и литературными восприятиями. Вторым элементом фамильного архива являются служебные бумаги: военные аттестаты, прошения, топографические чертежи и деловые записки, которые помогают воспроизвести внешнюю сторону жизни Н. Муравьева. Третью часть рассматриваемого собрания составляют немногочисленные, но ценные остатки хозяйственных бумаг, которые характеризуют имущественное положение семьи Муравьевых до и после 1825 г. Наконец, последний и наиболее важный источник ф. 1153 — собственноручные записи и сочинения Н. Муравьева, начиная с его детских ученических тетрадей и кончая его агрономическим дневником времени сибирского поселения. Непосредственным дополнением к собранию ЦГАОР СССР служат отдельные фрагменты фамильного архива, отложившиеся в хранилище Музея революции

* В дальнейшем обозначается — ЦГАОР СССР.

СССР^{2*}; сюда относятся письма и записная книжка отца Н. Муравьева и важные по содержанию хозяйственные акты его деда и матери.

Таким же ценным источником для изучения идеологии и деятельности Н. Муравьева является следственное дело о декабристах, хранящееся ныне в ЦГАОР СССР (фонд 48). Историкам хорошо известен этот первоисточенный материал, не раз подвергавшийся обстоятельной научной разработке. Наиболее важные «дела» декабристов (в том числе показания Н. Муравьева) были опубликованы в прекрасном издании Центрархива. Тем не менее историк не может обойтись без непосредственного изучения данного фонда; для всестороннего освещения темы необходимы не только неизданные показания Н. Муравьева (по делу о Раупахе и по делам второстепенных декабристов), не только тюремный, плохо изданный в 1906 г. вариант конституции, но и целый ряд «дел», которые чрезвычайно важны для выяснения деятельности Н. Муравьева. Таковы показания П. П. Лопухина, И. П. Шипова и И. А. Долгорукова о начальном периоде истории Общества, показания Матвея Муравьева-Апостола, С. Г. Волконского, А. П. Барятинского и В. Л. Давыдова о взаимоотношениях Северного и Южного обществ, дела П. Н. Свистунова, Ф. Ф. Вадковского, З. Г. Чернышева и других декабристов о северном филиале Южного общества, показания В. И. Штейнгеля и С. Н. Кашкина о конституции Н. Муравьева и т. д.^{3*} Но и тот материал, который известен благодаря систематическим публикациям, требует тщательной проверки и дополнительного анализа: без пристального изучения почерков и без обследования техники письма невозможно разрешить некоторые вопросы об атрибуции и датировке различных документов.

К материалам ЦГАОР СССР и Музея революции СССР можно присоединить целый ряд дополняющих источников. В Рукописном отделении Государственной библиотеки им. В. И. Ленина хранятся один из вариантов конституции Н. Муравьева и протоколы масонской ложи «Трех добродетелей», в которой Н. Муравьев состоял одним из ревностных членов. В официальных фондах Межевого архива^{4*} можно почерпнуть дополнительные сведения об имуществе Муравьевых и постановке их помещичьего хозяйства. В Центральном государственном историческом архиве СССР хранится официальный материал о заключении Н. Муравьева в Петропавловской крепости и о последующем пребывании его в Сибирь (ф. С.-Петербургской крепости, Военного министерства^{5*}. Министерства юстиции и пр.). К этим правительственным документам примыкают аналогичные дела Центрального государственного военно-исторического архива о производствах Н. Муравьева, об его аресте и пр. и Архива революции и внешней политики (сибирское дело III Отделения)^{6*}.

Такой же дополнительный характер носят различные фрагменты, заключенные в других архивохранилищах: в Архиве Академии наук (неизданная записка Н. Муравьева о значении тайного общества),

^{2*} В настоящее время эти материалы хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея — ОПИ ГИМ.

^{3*} Показания Матвея Муравьева-Апостола, С. Г. Волконского, А. П. Барятинского, В. Л. Давыдова, П. Н. Свистунова, Ф. Ф. Вадковского, З. Г. Чернышева, В. И. Штейнгеля, С. Н. Кашкина и др. опубликованы в сборниках документов «Восстание декабристов» (М., 1958—1984. Т. 7—18).

^{4*} Материалы Межевого архива в настоящее время хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), ф. 1355.

^{5*} Материалы Канцелярии Военного министерства хранятся ныне в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), ф. 1.

^{6*} «Сибирское дело» хранится в ЦГАОР СССР (ф. 109, 1 экспедиция, 1826 г., д. 61, ч. 54).

ИРЛИ (Пушкинском доме), частном архиве Якушкиных (отдельные экземпляры писем)^{7*}, в Рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки и в московском Историческом музее (бумаги литературного общества «Арзамас»). Наконец, ценным источником для изучения политического развития Н. Муравьева является его богатая библиотека, рассеянная в книжном фонде Московского университета^{8*}. Некоторые из французских и немецких изданий, входивших в библиотеку, хранят на себе не только *ex libris*-ы декабриста, но и его собственноручные пометки, вызванные тою или другою мыслью автора.

Анализируя и обобщая этот разнообразный исторический материал, исследователь должен руководиться определенными приемами, соответствующими не только выдвинутой задаче, но и характеру имеющегося материала. Прежде всего историк должен пожертвовать значительной долей накопленных данных, которые не имеют отношения к идеологии и деятельности Н. Муравьева: это те многочисленные и часто повторяющиеся высказывания (особенно в письмах сибирского периода), которые носят ограниченный личный и бытовой характер; весьма интересные с психологической точки зрения, они ничего не прибавляют к характеристике Н. Муравьева как представителя определенного общественного течения.

Главное внимание исследователя должно быть сосредоточено на двух основных моментах: Н. Муравьев интересует нас как политический деятель — другими словами, как руководитель тайного общества и как автор революционной конституции. Поэтому деятельность Н. Муравьева в качестве члена декабристской организации и политический проект Н. Муравьева, как выражение его классовой позиции, составляют важнейшие объекты исторического исследования; именно им должно быть отведено и главное внимание, и наибольшее место. Но понять идеологию и деятельность Н. Муравьева можно только при одном условии — если его сложившаяся личность изучена в процессе последовательного развития, другими словами, если прослежены первоначальные истоки его жизненного мировоззрения в конкретной классовой обстановке. Это обязывает историка осветить начальный период жизни Н. Муравьева: его семейное и общественное окружение, характер его образования и важнейшие факты, повлиявшие на его политическое развитие. Кроме того, история декабризма как политического течения не закончилась событиями 1825 г.: оно продолжало жить, трансформироваться и влиять на окружающее общество не только в формулах либеральной легенды, но и в реальных высказываниях сосланных заговорщиков. Многочисленные мемуары, политические сочинения М. С. Лунина, Н. А. Бестужева и М. А. Фонвизина, позднейшие письма И. Д. Якушкина, И. И. Горбачевского и других не только проясняют деятельность тайного общества, но и воплощают в себе последнюю стадию в развитии буржуазного радикализма первой половины XIX в. Именно здесь, в сибирском периоде жизни и деятельности декабристов, мы должны искать интересующие нас данные о преемственной связи сменяющихся революционных поколений. Поэтому крепостной и сибирский периоды в жизни Н. Муравьева составляют неотъемлемую часть единого биографического исследования.

Проследивая жизненный путь Н. Муравьева с момента рождения до смерти, мы должны раскрыть сложение личности декабриста — развитие

^{7*} Архив Якушкиных находится ныне в ЦГАОР СССР (ф. 279).

^{8*} Книги Н. Муравьева в библиотеке Московского университета выделены в особый фонд и составляют мемориальную библиотеку Н. Муравьева.

его идеологии и видоизменения его деятельности — в многообразных связях с окружающим миром. Мы должны учесть все условия, которые определяют собой внутренний рост Н. Муравьева, все столкновения, которые он пережил как политический деятель, все изменения, которые он испытал в борьбе со своими противниками. Это требование относится и к важнейшему результату деятельности Н. Муравьева — к его проекту будущей конституции России. Ошибка прежних исследователей заключалась в том, что они рассматривали эту работу статически, как застывшую систему сложившихся юридических норм. Необходимо изменить метод исследования, перенести главное внимание на процесс сложения конституции Н. Муравьева в конкретных условиях развертывавшейся политической борьбы. Нужно учесть не только сложные взаимоотношения между Северным и Южным обществами, но и процесс внутреннего расслоения, который совершался в непосредственном окружении Н. Муравьева; в зависимости от изменяющейся политической обстановки необходимо понять те наслоения и поправки, которые постоянно вносились в составляемый и перерабатываемый текст сочинения. Конституция Н. Муравьева должна быть представлена как живое, развивающееся явление, отражившее в модификациях своих норм реальные соотношения сталкивавшихся течений.

Изучая этот процесс политического развития личности, исследователь должен раскрыть его внутреннее социальное содержание. Другими словами, он должен определить, к какому борющемуся классу принадлежал Н. Муравьев по своим взглядам, стремлениям и политическим действиям, какие скрытые классовые интересы таились под субъективной оболочкой его политических идеалов, какие классовые столкновения и на какой экономической основе характеризуют собой основные этапы его жизненного пути. Чтобы ответить на эти вопросы, историк должен выйти из ограниченных пределов личного существования Н. Муравьева. Он должен привлечь необходимый материал по социально-экономической истории эпохи и ввести личные воззрения и личные действия Н. Муравьева в общую систему закономерно совершавшегося процесса. Однако, применяя синтетический метод, историк не должен нарушать одного обязательного условия: прежде чем делать то или иное обобщение, необходимо точно установить факты и только на основе конкретного эмпирического материала пытаться строить синтезирующие заключения. Где провести границу возможного исторического обобщения, зависит не только от желания историка, но и от характера исследуемого материала; самая важная и общепризнанная проблема может не найти себе полного разрешения, если не накоплено достаточно данных для всестороннего и глубокого освещения вопроса. Автор отдельной монографии на декабристскую тему не может претендовать на исчерпывающее разъяснение всех проблем декабристоведения. Изучая избранный и поневоле ограниченный круг вопросов, он сам зависит в своих построениях от общих выводов смежных дисциплин и от исторических исследований, посвященных той же эпохе. Состоянием научного знания по экономике, социально-политической жизни и идеологии изучаемого времени в значительной степени определяется точность и полнота монографических выводов. Но с таким же основанием можно сделать обратное заключение: без постановки предварительных монографических исследований не может быть правильно намечена общая историческая перспектива. Авторы отдельных монографий (в том числе научных работ биографического типа) пролагают путь не только друг другу, но и будущему исследователю — ученому крупно-

го синтетического охвата. В изучении всякой сложной проблемы отдельная монография составляет необходимую точку опоры, но ее значение ограничено не только внешними тематическими пределами, но и внутренними методологическими возможностями.

Выпуская в свет настоящую работу, автор считает своим долгом поблагодарить учреждения и лиц, которые оказали ему содействие при собирании и разработке материала. Автор выражает особенную признательность Б. Е. Сыроечковскому, которому он обязан не только указанием на местонахождение фамильного архива Муравьевых и Бибиковых, но и разнообразными ценными замечаниями.

Октябрь 1931 г.

I. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Первая четверть XIX в. представляет собою своеобразный период в истории дореволюционной России. Достаточно общего взгляда, чтобы убедиться в характерных отличиях этого времени и от предшествовавшей эпохи, и от последовавшего дореформенного тридцатилетия. Хронологически обособленный рамками одного царствования, этот период был отмечен внешними событиями огромного общеевропейского масштаба; внутренняя жизнь государства была заполнена напряженной борьбой социально-политических направлений, которые достигли значительной четкости и остроты классовых формулировок; проекты ликвидации крепостного права и самодержавной монархии настойчиво заявляли о себе в продолжение всего двадцатипятилетия; в области литературы и искусства наблюдался небывалый подъем творческой энергии: молодые побег обновлявшейся общественной жизни ясно проступали на общем фоне живой динамической эпохи. Внимательный анализ экономических сдвигов первой четверти XIX в. дает нам достаточное объяснение разворачивающейся картины: именно в этот период были заложены основы промышленного капитализма и испытала первые сокрушительные удары отживавшая свой век феодальная формация. Самодержавно-крепостная империя, втянутая в русло общеевропейских процессов, вступила в последнюю, критическую полосу своего существования. Воплощая в себе власть землевладельческого дворянства, она старалась выйти из положения начавшегося кризиса; приспособляясь к новым хозяйственным отношениям, она маневрировала между борющимися течениями, попеременно то идя на уступки усиливающимся буржуазным группировкам, то стараясь подавить их мощью своего государственного аппарата. На основе новых производственных отношений развивался глубокий процесс перерождения замкнутых феодальных сословий. Новая боевая идеология — политического освобождения и хозяйственного расцвета — вырастала и громко заявляла о себе как знамя нарождавшегося буржуазного общества.

Начало этого социально-экономического процесса лежит значительно раньше, за пределами XIX столетия: развитие внешнего и внутреннего рынка в связи с успехами общественного разделения труда послужило основой начавшегося преобразования еще во второй половине XVIII в. Новейшие исследования заставляют нас внести существенную поправку в старую концепцию М. И. Туган-Барановского: крупная мануфактура, работавшая вольнонаемным трудом, — далеко не редкое явление в последние десятилетия XVIII в. В ряде отраслей производства — металлообрабатывающей, льноткацкой и кожевенной — вольнонаемный труд в

эту эпоху или господствует, или решительно преобладает над трудом крепостным; в некоторых других производствах, например шелкоткацком, полотняном, писчебумажном, количество свободных рабочих достигает от-носительно значительной цифры. Постепенно слагаются кадры постоян-ных рабочих, которые обеспечивают непрерывное производство в продол-жение круглого года. В различных местах применяются первые механические двигатели; крупнейшее завоевание времени — паровая машина — спорадически появляется на отдельных индустриальных пред-приятиях. Таким образом, промышленность не только растет, но начи-нает постепенно изменять свою внутреннюю структуру. Правда, эти но-вообразования еще сравнительно ничтожны: старой крепостной мануфак-туре (особенно в ведущих отраслях производства, какими были металлургическая или суконная) принадлежит несомненное и решитель-ное преобладание; вольнонаемные рабочие в значительной части не сво-бодные пролетарии, а крепостные крестьяне, зарабатывающие оброк при помощи отхожего промысла. Но мы уже видим, как формируется новый тип промышленного предпринимателя — не дворянина, а купца, вынуж-денного обращаться к свободному найму рабочей силы. Перед нами — зародышевые ростки капиталистической промышленности, которые нераз-рывно связаны с последующими успехами вольнонаемной фабрики в пер-вой половине XIX в.⁴

Аналогичный процесс мы наблюдаем в области сельского хозяйства. Дворянское поместье, втянутое в торговый оборот еще на исходе XVI в., начинает испытывать новые производственные изменения. Благодаря усиленному росту городского ремесла и мануфактуры образуется значи-тельный внутренний рынок; одновременно усиливается спрос на русские сельскохозяйственные продукты в индустриально развивающихся стра-нах Европы, и прежде всего в Англии. Вторая половина XVIII в. отме-чена повсеместным ростом рыночных цен, который заметно стимулирует расширение сельскохозяйственного производства. В экономических рас-четах русских землевладельцев все большее место занимают вопросы хлебного экспорта; вывоз пшеницы становится предметом особенного вни-мания со стороны южных помещиков. Новые черноморско-азовские пор-ты притягивают к себе иностранных и русских торговцев: с 1776 по 1802 г. количество кораблей, бросивших свои якоря в этих гаванях, под-нялось с 29 до 700, а размеры годового экспорта увеличились с 305 тыс. руб. до 3 млн. руб. Русский помещик начинает превращаться в сельскохозяйственного предпринимателя и вовлекается в орбиту ши-рокого агрономического движения, которое захватило Западную Европу во второй половине XVIII в. Образование Вольного экономического об-щества и периодическое издание его «Трудов» — такое же закономерное явление, как аналогичные, но более ранние факты — учреждение сель-скохозяйственных обществ в Дублине, Цюрихе, Лондоне, Ренне, Ганно-вере и т. д. Сочинения Артура Юнга и экономические труды физиократ-ов становятся настольными книгами передовой части русских помещи-ков. Важно отметить, что идеи агрономических улучшений, которые настойчиво диктовались сельскохозяйственной практикой, возникали на русской почве и независимо от теоретической литературы: живой пример мекленбургского выгонного хозяйства заставил А. Т. Болотова после воз-вращения из Кенигсберга приступить к самостоятельным опытам по улучшению полеводства. Под давлением новых предпринимательских мо-тивов некоторые из русских хозяев перенимают английскую систему зем-леделия, увлекаются саксонскими методами Х. Шубарта, сажают корне-

плоды, заводят травосеяние, выписывают из-за границы сельскохозяйственные машины. В ответ на запросы практической жизни появляются не только переводы иностранных теоретиков (особенно немцев), но и сочинения собственных агрономов. Статьи и книги С. Е. Десницкого, А. А. Самборского, А. Т. Болотова, М. Г. Ливанова, М. П. Бакунина, И. М. Комова, А. В. Рознотовского — целая энциклопедия рационального земледелия, которая должна была научить хозяйствующее дворянство, как с наименьшими затратами и наибольшим эффектом можно повысить доходность крепостного имения. Эта агрономическая пропаганда XVIII в. дала определенные и вполне осязательные результаты. Современники указывают на целый ряд отдельных имений, которые перестраивают свое хозяйство на новых, рациональных началах. По преимуществу это имения в подмосковном районе, который непосредственно связан с крупным потребительским центром и может рассчитывать на широкий и легко обеспеченный сбыт. Таковы владения Бланкеннагеля, Ярославова, Всеволожского, Полякова, Угрюмова, Борисова, Рознотовского и др. Знаменитое Авчурино Д. М. Полторацкого, которое ликвидировало старое трехполье и рационализировало хозяйство на 600 десятинах земли, только наиболее яркий и показательный пример из целого ряда таких же попыток. Историки сельского хозяйства обыкновенно указывают на скороспелость и неудачу европейских начинаний русских помещиков XVIII в. Конечно, не следует переоценивать распространенность и успехи рационального помещичьего земледелия этого времени. Перед нами — еще ничтожные островки, которые тонут в общей массе доморощенного патриархального хозяйства. Огромное большинство дворянства предпочитало идти по линии наименьшего сопротивления: оно сохраняло традиционную систему полеводства и добивалось увеличения продукции усиленной эксплуатацией барщинного крестьянства. Но мы не должны забывать, что первые «европейские опыты» — начало нового, закономерно развивавшегося процесса, который нашел себе не только дальнейшее продолжение, но и более глубокое обоснование в первой четверти XIX в. Это была та объективная действительность, которая толкала социальную мысль в определенном направлении — разрушала не только старую косную практику, но и застывшее традиционное мировоззрение. Немецкая агрономическая литература XVIII в., которая усиленно переводилась на русский язык, проповедовала определенную точку зрения: коренное улучшение сельского хозяйства немислимо при существовании крепостного права, сервитутов, общинного владения и других остатков феодального строя. В интересах помещика-предпринимателя необходимо окончательно «освободить землю», развязать руки для нестесненного и самостоятельного хозяйствования. Аналогичные выводы, подкрепленные опытом английской действительности, можно было почерпнуть из классических произведений Артура Юнга. Вопросы о ликвидации крепостных отношений, о применении вольнонаемного труда, о развитии капиталистической аренды настойчиво стучались в умы сельскохозяйственных рационализаторов XVIII в. Известная задача Вольного экономического общества «о собственности земледельцев» (1767 г.) и обсуждение вопроса о выгодах «фармерства» — очевидные симптомы этого начавшегося брожения экономической мысли. Они имели такую же реальную, жизненную основу, как и правительственное предложение «апостолу травосеяния» Х. Шубарту переселиться в Россию и получить безвозвратную ссуду на заведение образцового многопольного хозяйства².

Несмотря на общую экономическую отсталость, первые зародыши

промышленного капитализма не могли не породить определенного социально-политического отзвука. Ярким представителем нового течения, который прекрасно понимал связь между экономикой и политикой своего времени, был профессор Московского университета С. Е. Десницкий. Разночинец XVIII в., получивший высшее образование в Глазго и жадно впитавший в себя впечатления европейской действительности, он возвратился на родину убежденным последователем Адама Смита, пропагандистом плодопеременной системы и поклонником английского конституционализма. Заняв кафедру в Московском университете, Десницкий не ограничился академическими дифирамбами европейским порядкам: он не только изучал русские отношения, но и подвергал их критическому анализу; рассчитывая на реальное применение своих планов, Десницкий представил Екатерине II обстоятельный проект реорганизации государственной власти: он предлагал преобразовать старый Сенат в законосовещательный орган из представителей дворянства, буржуазии и государственных крестьян; параллельно Десницкий проектировал радикальное переустройство суда — введение института присяжных, осуществление принципов публичности, гласности и состязательности процесса. Этот представитель буржуазной интеллигенции XVIII в. не был случайным выходцем с европейского Запада: у него была сочувствующая аудитория, были свои слушатели, читатели и последователи. Идеи освобождающейся буржуазии в различных вариациях находили себе широкое распространение в русском дворянстве конца XVIII в. «Вольтерьянство» было не только идеологическим течением, но и современной модой. Мы не поймем этого общественного явления, если не уловим за его широкой расплывчатой оболочкой закономерного и плодоносного жизненного ядра. Историки, которые настаивают на поверхностном и наносном характере русского «вольтерьянства», не только преуменьшают серьезность его содержания, — они забывают, что всякое идеологическое заимствование имеет под собой определенную объективную подоснову. Русские поклонники просветительной философии были провозвестниками нового буржуазного мировоззрения, которое питалось соками подпочвенных социально-экономических процессов. Новые формы промышленного и сельскохозяйственного производства многообразными нитями воздействовали на сознание современников; создавая определенные предрасположения, возбуждая соответствующие мысли, они подготовили в известных кругах сочувственное восприятие западноевропейской идеологии. Русское купечество, начавшее заводить вольнонаемные фабрики, было еще слишком аморфно и невежественно; только отдельные представители этого класса, вроде торговцев Коржавиных, были затронуты идеями религиозного и политического вольнодумства. Но наряду с торгово-промышленной буржуазией складывалась небольшая группа преобразующегося дворянства, которая медленно и с оглядкой переходила на новые, капиталистические рельсы. Выразителями интересов этой зарождавшейся «аграрной буржуазии» были интеллигенты и «теоретики», которые вышли из той же дворянско-землевладельческой среды и которые были еще крепко связаны с условиями своего феодального происхождения. Отсюда нерешительность и внутренняя противоречивость русских «вольтерьянцев» и «руссоистов» конца XVIII в. Только немногие из них, ближе стоявшие к зарождавшемуся «разночинству», оказались в состоянии подняться до последовательного буржуазного радикализма.

Но даже и на этом первоначальном этапе классового расслоения мы наблюдаем оживленную борьбу в рядах землевладельческого дворянства.

И в политической, и в художественной литературе к концу XVIII в. намечаются два идеологических фронта: с одной стороны, убежденные и последовательные сторонники феодального прошлого, защитники дворянских привилегий, апологеты крепостного права, хранители религиозных и исторических традиций; с другой — буржуазные новаторы, апостолы формального равенства и свободы, противники унижающего рабства, прозелиты материалистической философии. Наиболее яркий представитель феодального течения — кн. М. М. Щербатов с его утопией дворянского всемогущества, ненавистью к буржуазному городу и трезвым пониманием крепостнических интересов; наиболее выдающийся выразитель буржуазной идеологии — материалист А. Н. Радищев с его литературной борьбой против монархического деспотизма и помещичьего гнета. Между обоими стоит длинная фаланга писателей, которые более или менее полно, с различной степенью углубленности обосновывали классовые позиции или феодально-землевладельческого дворянства, или зарождавшейся капиталистической буржуазии. Среди этих «консерваторов» и «прогрессистов» XVIII в. было не мало таких, которые отражают промежуточную форму ломающейся идеологии: сохраняя многие из старых воззрений, они эклектически соединяли с ними элементы нового мирозерцания. Такая гибридная форма социально-политических взглядов особенно характерна для крепостного помещика, который постепенно и осторожно переходит на почву буржуазного развития³.

Первая четверть XIX в. продолжила и углубила наметившуюся линию экономического подъема. По данным В. И. Покровского, размеры внешнего товарного оборота за интересующий нас период определяются следующими средними за год цифрами:

Годы	Тыс. руб. золотом	Годы	Тыс. руб. золотом
1801—1805	127 873	1816—1820	161 761
1806—1808	74 988	1821—1825	153 622
1812—1815	101 092		

Особенно разрастается торговля через черноморско-азовские порты: в промежуток между 1802 и 1812 гг. количество кораблей, приставших к побережью, выросло с 700 до 1096, размеры экспорта — с 3 млн. руб. до 10 767 тыс. руб. Если подсчитать успехи южного вывоза за 36 лет (с 1776 по 1812 г.), то окажется, что он вырос почти в 50 раз.

Одновременно развивалась внутренняя торговля, которую особенно поддерживало географическое обособление промышленных и сельскохозяйственных районов. Непогодородный север и черноземный юг усиленно обменивались продуктами укреплявшейся индустрии и расширявшегося сельского хозяйства. По вычислениям К. Арсеньева, размеры внутреннего товарооборота в 1818 г. должны были достигать 900 млн. руб.⁴

Непрерывный рост внешнего и внутреннего рынка послужил источником новых преобразований в промышленности и сельском хозяйстве — еще более глубоких, чем во второй половине XVIII в. Современников поражало прежде всего быстрое развитие индустрии, которая сделала такие успехи за 1800—1825 гг. «Нынешнее царствование отличается необыкновенным приращением числа различного рода фабрик и быстрым, неимоверным усовершенствованием изделий мануфактурных», — утверждал в 1822 г. ученый статистик К. Арсеньев. Такое же впечатление выносилось и внимательными иностранными наблюдателями. По донесению французского посла Коленкура (март 1811 г.), русская промышленность непрерывно и быстро развивалась: «Основалось много суконных, шелко-

вых, прядильных фабрик; богатые помещики выписывают иностранных рабочих, которые обучают русских рабочих. Открылись также и свеклосахарные заводы, умножаются и винокуренные и водочные заводы». Сообщения Коленкура относятся к эпохе континентальной блокады. В настоящее время из специальных исследований по истории русской промышленности нам достаточно хорошо известно, какое огромное значение имел этот период для усиления самостоятельной национальной индустрии. Отгороженная от Англии высокими таможенными барьерами, русская мануфактура широко использовала создавшееся политическое положение. Начинается усиленное развитие хлопчатобумажного производства, которое отвечает спросу массового внутреннего потребителя. Эта отрасль мануфактурной промышленности развивается в новых капиталистических формах, на основе вольнонаемного труда и с применением разнообразных технических усовершенствований. Структурные изменения захватывают и другие отрасли индустрии: крепостные рабочие систематически заменяются вольнонаемными; во главе производства становятся инициативные предприниматели из разбогатевшего крестьянства и купечества; машины (в частности, паровые двигатели) все чаще появляются на отдельных предприятиях. Старая, крепостная мануфактура терпит решительное поражение в условиях свободной конкуренции; увеличиваются кадры формирующегося пролетариата; создаются предпосылки для широкого введения машинного производства. Правда, до 1825 г. процесс капиталистического преобразования русской промышленности не успел закончить своего первого закономерного цикла, он еще не вышел из стадии начального мануфактурного периода, не освободился от тяготевшего гнета крепостной эпохи. Некоторые современники (например, министр внутренних дел П. О. Козодавлев в официальной записке 1811 г.) высказывали даже мнение о неизбежной гибели нового типа индустриального предприятия. Но объективная экономическая действительность оказалась сильнее этих пророчеств: вотчинная и посессионная фабрика не побеждала, а разлагалась и падала, уступая место новому хозяйственному образованию. Если во второй половине XVIII в. можно было говорить о слабых зародышах капиталистической индустрии, то в первой четверти XIX в. мы видим первые уверенные шаги народившегося промышленного капитализма⁵.

Не менее глубокие структурные изменения испытало за этот период землевладельческое хозяйство. Донесение Коленкура отмечало усиливающееся развитие сельскохозяйственной индустрии: действительно, количество одних свеклосахарных заводов, которые начали возникать с 1800 г. по почину помещика Е. И. Бланкеннагеля, заметно выросло из года в год; в 1824 г. оно достигло значительной по тому времени цифры — 47 предприятий. Но развитие сельскохозяйственной промышленности было только одной стороной помещичьего предпринимательства. Преобразовательные попытки, начавшиеся во второй половине XVIII столетия, не прекращались в царствование Александра I. Континентальная блокада и вынужденный разрыв с важнейшим потребителем — Англией — временно понизили экспортные возможности и подорвали стимулы к рационализации земледелия. Но идеи сельскохозяйственных новаторов вспыхнули с новой силой после разорительной войны 1812—1814 гг. Непосредственное влияние боевых действий и общий послевоенный кризис больно ударили по классу землевладельцев. Даже в 40-х годах А. Гакстгаузену рассказывали о «катастрофе 1812 г.», которая разорила столичные гвезды, разогнала дворянство по деревням и обременила его

значительными долгами. В поисках выхода многие русские помещики «оседают на землю» и начинают задумываться над поправлением пошатнувшегося бюджета. Навстречу этим хозяйственным попыткам идет благоприятное изменение рыночной конъюнктуры. Прекращение континентальной блокады и неурожай в западноевропейских государствах создают выгодные предпосылки для усиления хлебного экспорта. По расчетам статистиков, средние размеры годового хлебного вывоза необычайно возрастают в послевоенный период: с 18 млн. руб. асс. в 1812—1815 гг. они сразу поднимаются до 74 млн. руб. в 1816—1820 гг. Прослеживая из года в год деятельность одесского порта, мы видим, как непрерывно увеличивается ценность экспортируемой пшеницы в промежуток между 1814 и 1817 гг.

Пшеницы было вывезено:

Год		Тыс. руб.	Год		Тыс. руб.
1814	На	4 757	1816	На	33 000
1815	«	11 000	1817	«	38 298

Не раз отмечалось, что экспортные операции не играли решающей роли в русской хлебной торговле начала XIX в. По подсчету К. Арсеньева, опубликованному в 1818 г., из 200 тыс. четв. собиравшегося в России хлеба вывозилось за границу только 30 тыс. четв. Тем не менее современники придавали большое значение вопросам хлебного вывоза; особенно крупную роль играл этот момент в развитии южного земледелия, в частности в расчетах новороссийских помещиков. Кроме того, мы имеем все основания утверждать, что после окончания Отечественной войны 1812 г. на базе развивавшейся промышленности быстро расширялся внутренний спрос на сельскохозяйственные продукты; цифры внутреннего товарооборота дают в это время такое же движение вверх, какое мы наблюдаем в это же время в сфере внешней торговли. Цены на сельскохозяйственные товары неуклонно растут (по крайней мере, до 1820 г.). Русские землевладельцы оказываются материально заинтересованными в расширении рамок сельскохозяйственного производства: каждая дополнительная затрата обещает им новые увеличивающиеся доходы; повышение цен на землю, особенно в местностях, прилегающих к портовым городам и потребительским центрам, — наилучший показатель доходности земледелия в послевоенные годы. По словам К. Арсеньева, благодаря быстрому развитию одесской торговли «обширные и плодородные земли Одессы... получили высокую цену и дают богатой и самой важной доход владельцам»⁶.

Но стремление повысить сельскохозяйственные доходы в условиях заманчивой конъюнктуры встречало неодолимую преграду в низком состоянии сельскохозяйственной техники: его одинаково ощущали и на севере, в районе истощенных неплодородных земель, и на юге, на обширных пространствах свежего чернозема. Однако эта отсталость приводила к различным последствиям в зависимости от местных экономических условий. Исходя из наблюдений начала XIX в. и проверяя их позднейшими данными, мы различаем в этот период следующие основные сельскохозяйственные районы.

На северо-западе, вдоль балтийского побережья, находились более культурно и экономически развитые губернии Остзейского края; близость к приморским портам, хозяйственные связи с Германией и благоприятные климатические условия создавали предпосылки для интенсивного развития земледелия; остзейским землевладельцам, сильно влиявшим

на русское правительство, удалось провести аграрную реформу по «английскому» образцу: феодальные отношения были ликвидированы ценою беспощадного обезземеления крестьянской массы. С этого момента заметно усилилась капиталистическая перестройка помещичьего хозяйства; введение улучшенных севооборотов, выписка земледельческих машин, высокоценные технические культуры сосредоточили на себе усиленное внимание прибалтийских помещиков. Резко выделяясь по своей технике и высокой урожайности, сельское хозяйство Остзейского края сделалось предметом изучения и подражания для русских рационализаторов. Лифляндское и Эстляндское общества сельского хозяйства играли роль практических центров, которые поощряли и обосновывали новые технические начинания. Но прибалтийские помещики не избегали участия и в центральных агрономических органах. Издания Вольного экономического общества привлекали к себе более инициативных хозяев, которые развивали свои проекты и делились своим опытом перед менее искушенными русскими сочленами⁷.

Несколько иначе складывались сельскохозяйственные отношения в Нечерноземной полосе великорусского центра. С конца XVIII в. сельское хозяйство этого района испытывало ясно выраженный кризис трехпольной системы. Малоплодородные почвы были истощены многовековой обработкой. Население, сосредоточенное здесь более плотными гнездами, искало выхода или в переселении на юг, или в развитии неземледельческих промыслов. Но у местных помещиков существовала материальная заинтересованность в развитии сельскохозяйственного производства. Именно здесь благодаря близости потребительских центров и прогрессирующему росту ремесла и мануфактуры создавались благоприятные условия для массового сбыта земледельческих продуктов. Достаточно сказать, что отношение городского населения к сельскому равнялось в Петербургской губернии отношению 1:1, в Московской — 1:1,5; между тем в южной Подольской губернии оно спускалось до отношения 1:26, а в западной Могилевской — 1:30. В значительной части внутренний спрос на сельскохозяйственные продукты удовлетворялся периодическим подвозом из более плодородных губерний, но низкая техника транспорта, удорожая накладные расходы, сильно ослабляла конкуренцию со стороны черноземных помещиков. Особенно выгодным оказывалось зерновое хозяйство в районе Московской губернии, которая обладала сносными климатическими и почвенными условиями и, что особенно важно, питала разраставшееся население крупного торгово-промышленного центра. Внимательный наблюдатель, проф. Л. Якоб находил, что в Московской губернии «противу прочих мест России земледелие наиболее прибыльное», ибо здесь «высокость цен на хлеб весьма ободряет земледельца». Того же мнения придерживался опытный практик, очень далекий от Якоба по своим хозяйственным и социально-политическим взглядам, — гр. Ф. В. Ростопчин.

Подмосковные хозяйства обладали еще одним большим преимуществом: широкий потребительский спрос вызвал здесь интенсивное развитие огородничества и молочного скотоводства. Вот почему, несмотря на менее благоприятные, по сравнению с южными губерниями, природные данные, помещичье хозяйство Московской и других центральных губерний не свертывалось, а росло и укреплялось в продолжение первой половины XIX в. Но чем притягательнее были рыночные перспективы, тем острее ощущались возникавшие препятствия. Сами помещики этого района признавали, что их поля были выпаханы, унавоживание почвы

было недостаточным, обработка земли была примитивною, естественных лугов не хватало на содержание скота. Периодические неурожаи предвещали грозную опасность полного истощения. Об этом подробно и ясно говорилось на страницах современных экономических изданий. Положение вещей осложнялось существовавшими социальными отношениями: нигде крепостничество не имело такого широкого и давнего распространения, как в губерниях «исконного», московского центра; крепостной помещик, желавший преобразовать приемы земледельческой техники, неизбежно упирался в проблему свободного и принудительного труда. Вопросы о сравнительной выгоде барщины и оброка, о производительности усилий крепостного крестьянина, о применимости и доходности вольнонаемной работы живо интересовали хозяев центрального Нечерноземного края. Здесь завязался тот узел, который требовалось предварительно разрубить для перехода на новые, капиталистические рельсы⁸.

Губернии Черноземного центра, Украины и среднего Поволжья отличались от северного района высоким плодородием своей почвы и еще более низкой земледельческой техникой: местами, особенно на востоке, население этого края переходило от примитивного перелога к трехпольной системе; удобрение почвы или отсутствовало, или применялось в ничтожной степени; господствовало зерновое хозяйство, которое неуклонно расширяло свои рыночные обороты, обслуживая не только ближайшие города, но и отдаленный нечерноземный рынок. Предпринимательские мотивы сильно звучали и у помещиков этого района; необходимость рационализации техники сознавалась особенно под давлением случавшихся неурожаев. Но природные условия Черноземного края были гораздо богаче, плотность его населения была значительно меньше, а отдаленность от потребительских центров, в условиях тяжелых и дорогих перевозок, ослабляла инициативу сельских хозяев. Здесь меньше проявлялось нарастающее противоречие между требованиями рыночного оборота и условиями земледельческой техники, между стремлением к повышению урожайности и непроизводительностью крепостного труда. Зато здесь еще острее чувствовалось противоречие интересов между крепостниками-помещиками и основным земледельческим населением. Владельческие и государственные крестьяне сидели здесь на земле, были слабо втянуты в развивавшуюся промышленность и непрерывно сталкивались с поместным дворянством на почве осложнявшихся аграрных отношений. Нигде так резко и отчетливо не обнаруживался антагонизм между феодалом-землевладельцем и мелким сельскохозяйственным производителем, как в губерниях Черноземного края. История крестьянских волнений, в частности столкновения первой четверти XIX в., достаточно характеризует этот район как средоточие непрерывной и острой классовой борьбы⁹.

Совершенно иную картину представляла собою южная черноземная полоса — губернии Новороссии и нижнего Поволжья. В значительной части это была плодородная степная целина с преобладанием экстенсивного сельского хозяйства. Земледельческая техника этого района была еще более примитивною, но свежесть невозделанной почвы возмещала здесь каждое хозяйственное усилие. Правда, агрономические писатели начала XIX в. находили, что «веками утучненные степи заметным образом истощили уже в недрах своих произрастительную силу»; указывали на повторявшиеся неурожаи как на очевидный признак истощения почвы; выдвигали не только требование унавоживания полей, но и проекты искусственного травосеяния, которое заменит полынные и жесткие па-

стбища Новороссии прекрасными питательными кормами. Но эти теоретические призывы не встречали живого практического отклика: на огромных и редко населенных пространствах Причерноморья и нижнего Поволжья были еще выгодны экстенсивные приемы земледелия и скотоводства. Особенно доходным было зерновое хозяйство в районах, прилегающих к портовым городам, в частности к Одессе. Крепостное право было здесь менее развитым, широко использовался вольнонаемный труд местных и пришлых рабочих. Зародыши капиталистического хозяйства, которому принадлежало здесь широкое будущее, не встречали резкого противоречия в существовавших социальных отношениях. Здесь не было той остроты положения, какая создавалась в средней Нечерноземной полосе с ее неразрешенными техническими и общественными проблемами, не было и такого острого классового антагонизма, какой отличает более северные черноземные губернии ¹⁰.

Несколько особое положение занимали губернии, расположенные на западе, в частности Белоруссия и Литва. Сдавленный крепостническим гнетом, разоренный походом 1812 г., поражаемый частыми неурожаями и голодовками, этот край представлялся современникам нищей страной «с худо обработанными полями и пустопорожними землями». В отличие от соседних районов мы не находим здесь благоприятных условий — хорошей почвы и широкого обеспеченного сбыта. Непосредственная близость к военным действиям болезненно отразилась не только на крестьянском хозяйстве, но и на доходах мелких и средних землевладельцев. Наряду с напряженными попытками выйти из состояния кризиса мы наблюдаем здесь нередкие случаи разорения и деклассирования отдельных помещиков ¹¹.

Таковы, за исключением холодного севера, почти непригодного к земледелию, основные сельскохозяйственные районы Европейской России в первой четверти XIX в. Везде и всюду мы наблюдаем развитие помещичьего предпринимательства и распространение новых агрономических течений. В более развитом Прибалтийском крае эти процессы протекают отчетливее и резче. Из остальных районов наиболее передовым является промышленная Нечерноземная полоса. В силу очерченных экономических условий помещики этого района берут на себя инициативу рационализации сельского хозяйства и выдвигают проблему коренного изменения его производственной структуры. Калужское имение Д. М. Полторацкого послужило образцом и рассадником усовершенствованного «английского» хозяйства для землевладельцев центральных промышленных губерний. Агрономы пореформенной эпохи называли имение Авчурино «изумительным для своего времени средоточием всевозможных технических усовершенствований», а самые начинания Д. М. Полторацкого превозносили, как «агрономический подвиг». Но сельскохозяйственные опыты этого поклонника плодопеременной системы были не единственной «учебно-показательной школой»: такую же роль распространителей новейших сельскохозяйственных приемов играли подмосковные Н. П. Румянцова («Кагул») и С. С. Апраксина («Ольгово»), тверские имения Д. Шелехова («Фролово») и Ф. Ф. Ралля («Первишино»), ярославские владения И. И. Самарина, рязанское поместье Г. Н. Коробына и т. д. Размеры и характер рациональных нововведений варьировались в зависимости от различных условий, но основные тенденции технического переворота были единообразными и совпадали с линией западноевропейского развития: стараясь повысить низкую урожайность, помещики ликвидировали трехполье и заменяли его многопольным севооборотом; благодаря травосея-

нию и корнеплодам увеличивалось количество скота, и избыток получавшегося навоза способствовал лучшему удобрению выпашанных полей; одновременно вводились усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, улучшались приемы пахоты, сева и бороньбы, совершенствовались способы содержания и кормления скота, и все хозяйство имения подчинялось принципам строгого учета и технической регламентации. При этом стремились к научной рационализации хозяйственных действий и опирались в своих преобразованиях или на агрономическую теорию, или на данные удавшегося эксперимента. Отсюда естественно вытекали старания расширить круг сельскохозяйственных знаний и сосредоточенное внимание к опытам и обобщениям западноевропейского земледелия. С таким стремлением к научной организации хозяйства неразрывно соединялось желание подготовить необходимые кадры образованного технического персонала. В большей или меньшей степени применялся труд вольнонаемных рабочих; иногда производительность труда собственных крепостных стимулировалась специальной денежной оплатой. Таковы отдельные черты, характеризующие передового помещика и его агрономические начинания в первой четверти XIX в. Перед нами заметно вырисовывается облик сельскохозяйственного предпринимателя заново слагающегося капиталистического типа¹².

Что эти капиталистические ростки не были единичными случайностями, показывает история Московского общества сельского хозяйства. В 1817 г. под свежим впечатлением послевоенного кризиса группа московских землевладельцев во главе с кн. Д. В. Голицыным решила образовать новое агрономическое объединение. Инициаторы не удовлетворились «существующими обществами» (точнее говоря, деятельностью старого Вольного экономического общества), так как находили их слишком теоретичными и «литературными». На целом ряде предварительных совещаний эти помещики-практики договорились о задачах и организации будущего учреждения. Непосредственно заинтересованные в улучшении собственного хозяйства, они стремились создать руководящий действенный центр, который направит рационализаторские усилия в строгом соответствии с местными природными и экономическими условиями. Формулируя цели нового общества, основатели особенно подчеркивали практическую сторону своего начинания: «отлагая привязанность к закоснелым обыкновениям и предрассудкам и не увлекаясь слепым пристрастием ко всему иноземному», они стремились «применять полезные изобретения государств, прославившихся в хлебопашестве, к нашему климату и kraju земли». Такая установка на сочетание теории с практикой требовала от Общества соответствующих мероприятий: основатели не могли удовлетвориться периодическими собраниями и изданием агрономического журнала; с самого начала они выдвинули проекты образования опытной фермы и учреждения сельскохозяйственного училища. Московское общество сельского хозяйства должно было непрерывно работать над опытной проверкой и местным приспособлением новейших агрономических принципов. Инициатива группы землевладельцев не оказалась мертворожденной: Московское общество развило интенсивную деятельность, привлекло к себе крупных теоретиков (профессоров Г. И. Фишера и М. Г. Павлова) и широкие слои помещичьего дворянства. Его «Земледельческий журнал» сделался публичной кафедрой, которая неустанно пропагандировала плодопеременную систему, введение травосеяния и сельскохозяйственную индустрию. При Обществе открылся опытный хутор, который организовал практическую проверку рекомендованных улуч-

шений. Скоро была образована земледельческая школа с пятилетним курсом обучения для подготовки образованных приказчиков взамен прежних малограмотных бурмистров. Общество установило связи с аналогичными западноевропейскими организациями, обзавелось собственными корреспондентами и устроило выставку сельскохозяйственных экспонатов. На страницах «Земледельческого журнала» завязалась оживленная переписка, в которой приняли участие помещики разных областей и районов. Вчитываясь в эту непрерывную и систематическую переписку, мы убеждаемся, что начинания членов Московского общества не остались изолированными единичными опытами: они возбуждали инициативу, находили сочувственный отголосок, служили предметом подражания и критического разбора. Параллельно продолжало функционировать старое Вольное экономическое общество, которое отразило в формулировке своих задач и подборе статей своего журнала агрономическое оживление начала XIX в. Широко развило свою деятельность Украинское филотехническое общество, основанное с определенной целью «усовершенствования сельскохозяйственных заведений». Наконец, в 1824 г. возникло Белорусское Вольно-экономическое общество с руководящим центром в городе Витебске. Ясно, что перед нами — широкое общественное течение, которое продолжало идеи конца XVIII в., но сообщило им несравненно большую глубину и широкую постановку.

Агрономическое движение первой четверти XIX в. носило ярко выраженный классовый отпечаток: пропагандистами и практиками рационального сельского хозяйства были, за редкими исключениями, дворяне-землевладельцы, представители того же предпринимательского типа, какой воплотился в лице прусских помещиков XVIII—XIX вв. Выйдя из среды феодальных землевладельцев, упираясь своими корнями в крепостные отношения, русские рационализаторы смотрели вперед, навстречу нарождавшемуся капиталистическому земледелию; но они стремились монополизировать улучшенные формы сельского хозяйства в собственных интересах, сохраняя всю полноту своих имущественных прав и неся наименьшие издержки при получении желаемого эффекта. На рубеже двух сменяющихся социально-экономических формаций они явились первыми глашатаями прусской аграрно-капиталистической эволюции, которая была противопоставлена В. И. Лениным революционному пути американского капиталистического земледелия. «Буржуазное развитие,— говорил В. И. Ленин,— может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплуатации буржуазными,— оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма „наrost“ крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства... В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной эксплуатации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства „гроссбауеров“ („крупных крестьян“). Во втором случае помещичье хозяйство нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков-юнкеров. Во втором случае основной фон — пере-

растание патриархального крестьянина в буржуазного фермера»¹³. Помещики-рационализаторы начала XIX в. стремились избежать второго пути — крестьянской революции — и пытались выйти на первый путь — капиталистического преобразования собственного хозяйства.

Революционная ликвидация крепостнического режима с его неизбежным атрибутом — феодальным землевладением — представлялась для данного периода реальной возможностью: об этом достаточно ясно говорили непрекращавшиеся массовые крестьянские волнения. Кроме того, в недрах закрепощенной деревни постепенно отслаивались зажиточные верхи — обладатели купленных земель, арендаторы оброчных угодий, организаторы доходных промыслов. Это были оформлявшиеся носители новых буржуазных тенденций, противники и соперники привилегированного землевладельца; возможная победа антидворянского восстания должна была обеспечить благоприятные условия для их дальнейшего процветания и роста.

Так, на фоне подтачиваемого крепостного хозяйства завязывалась длительная борьба между двумя основными тенденциями аграрно-капиталистического развития.

Однако феодальные собственники, постепенно перераставшие в аграрную буржуазию, составляли небольшой процент русского землевладельческого дворянства: как общее правило, сторонниками рационализации могли быть только обеспеченные, крупные земельные собственники. Современные и позднейшие писатели, внимательно изучавшие сельскохозяйственные процессы, приходили к одному и тому же выводу: затраты на агрономические преобразования в начале XIX в. были настолько значительны, что оказывались не под силу мелким и средним помещикам. Для того чтобы завести усовершенствованное хозяйство, необходимо было отказаться от доморощенного крестьянского инвентаря, приобрести собственный скот, выписать улучшенные орудия, расширить сельскохозяйственные постройки, пригласить сведущего управляющего; при более широкой постановке агрономических опытов нужно было пойти еще дальше — купить отборные семена, запастись искусственными удобрениями, подобрать штат подготовленных служащих и озаботиться наймом вольных рабочих. А главное — нужно было пойти на риск и, вкладывая денежные суммы в первоначальные расходы, оставить всякую надежду на немедленные блестящие результаты. Основатели Московского общества сельского хозяйства были правы: абстрактные теоремы западноевропейской агрономии требовали не только практической проверки, но и длительного приспособления к разнообразным местным условиям. Первые шаги сельскохозяйственной рационализации, особенно в отсталой и некультурной стране, были неизбежно связаны с временными потерями и периодическими колебаниями годового дохода. Чтобы перейти на этот рискованный путь, нужно было не только заразиться «предпринимательским духом», но и владеть необходимым денежным капиталом. В первой четверти XIX в. накопленные свободные средства были еще редким явлением: об этом говорят не только единодушные жалобы современников, не только задолженность землевладельцев, но и высокие размеры заемного и учетного процента. Страна все больше втягивалась в условия товарно-денежного оборота, но черты старого, натурально-хозяйственного строя были еще далеко не изжиты, особенно упорно сохраняясь в мелкопоместных и средних вотчинах. Чем крупнее было землевладельческое имение, тем шире и многообразнее были его рыночные связи, тем полнее и интенсивнее отлагалась его денежная наличность. Недостаток капита-

ла осознавался современниками как важнейшая преграда интенсификации земледелия; особенно чувствовалось отсутствие денежных средств на улучшение сельского хозяйства в крепостных имениях небольшого масштаба. Но и крупные собственники могли затрачивать на агрономические улучшения только определенные суммы: далеко не соответствовавшие всей площади полевых и сенокосных угодий. По вычислениям проф. Якоба, убежденного сторонника вольнонаемного капиталистического хозяйства, для того, чтобы завести такое хозяйство на 300 дес. земли, в начале XIX в. требовалось затратить не менее 15 тыс. руб. Отсюда понятен тот осторожный совет, который давал Якоб своим современникам: «Хозяйство, производимое наемниками, никогда не должно быть весьма обширно, ибо для исправления великого хозяйства не только требуются великие капиталы и знатные годовые запасы, каковые разве у немногих частных людей находятся, но не менее того точный надзор и порядок тем более затрудняются, чем более имение превышает 200—300 десятин». Сельскохозяйственная практика вполне соответствовала этому теоретическому выводу. Обыкновенно сторонники рационального земледелия отмежевывали в границах своего имения определенное количество десятин (в зависимости от размеров владения и наличного капитала) и развертывали на них систему нового интенсивного земледелия; все остальное пространство продолжало эксплуатироваться на основе традиционного крепостного уклада — с помощью испытанной барщины или оброка. Так действовали все новаторы — и Д. М. Полторацкий, и Н. П. Румянцев, и их позднейшие последователи. Участки «английского» земледелия оказывались редкими островками на безграничном море крепостного хозяйства. Таким образом, крупные собственники, стремившиеся вперед, к «английской системе», оставались не только крепостными владельцами, но в значительной мере и крепостными хозяевами. Они представляли собою тот промежуточный и половинчатый тип сельскохозяйственных предпринимателей, который характерен для прусского пути аграрно-капиталистического развития¹⁴.

Конкретные исторические факты вполне подтверждают высказанные соображения: пропагандистами нового земледелия, осуществлявшими на практике требования западноевропейской агрономии, были крупные землевладельцы преимущественно центральной Нечерноземной полосы. Правда, встречались единичные новаторы и среди мелкопоместных и средних владельцев: таков был некто Алехин, обладатель «маленькой собственности» в Яранском уезде Вятской губернии, знакомый с западноевропейскими теориями Тэера и Домбаля, производивший с 1827 г. самостоятельные опыты над плодосменной системой. Хорошо известен ярославский землевладелец И. И. Самарин, владелец 69 дес. и 44 ревизских душ, который в начале XIX в. самостоятельно завел у себя травосеяние. Но эти отдельные исключения только подтверждали общее правило. Пионеры многопольной системы — Д. М. Полторацкий, Н. П. Румянцев, С. С. Апраксин — владели тысячами душ крепостных крестьян. Инициаторами и главными руководителями Московского общества сельского хозяйства были богатейшие и влиятельные собственники района: кн. Д. В. Голицын, гр. П. А. Толстой, кн. С. И. Гагарин, те же С. С. Апраксин и Д. М. Полторацкий. В качестве активных и сочувствующих сотрудников «Земледельческого журнала» выступали такие помещики, как кн. Н. Г. Вяземский, П. Н. Демидов, гр. Н. П. Румянцев. Авторами премируемых задач в Вольном экономическом обществе являлись В. Г. и Г. Г. Орловы, гр. Р. И. Воронцов, гр. А. С. Строганов, гр. К. Г. Разумовский,

А. Б. Куракин, М. Н. Муравьев. Одним из первых рационализаторов южного сельского хозяйства был гр. Н. С. Мордвинов — владелец огромных имений, раскинутых по всей России. Насадителями тонкорунного овцеводства были кн. В. П. Кочубей, кн. К. В. Нессельроде, кн. Ю. В. Долгоруков, гр. Г. Г. Кушелев, кн. Горчакова и др. Достаточно просмотреть «Записки деяний Вольного экономического общества» и очередные номера «Земледельческого журнала», чтобы увидеть инициативную и руководящую роль крупных помещиков в аграрных начинаниях конца XVIII и первой четверти XIX в. Эта социальная верхушка увлекала за собой и менее зажиточные слои, которые в той или иной степени использовали прогрессивное сельскохозяйственное течение; но основной нерв капиталистического предпринимательства ощущался в той помещичьей группе, которая была наиболее вооруженной для новой экономической системы и наиболее заинтересованной в ее дальнейших успехах. Для средних землевладельцев гораздо типичнее была другая позиция, которую занял в 1809 г. во время дискуссии о барщине и оброке орловский помещик капитан Погодин. Исходя из расчетов среднепоместного владельца и опираясь на условия традиционного трехполья, Погодин рассуждал очень практично и трезво; взвешивая всевозможные доводы «за» и «против», он приходил к обоснованному выводу, что барщина оказывается выгоднее оброка, а естественные недостатки почвы лучше возмещать устройством небольшой фабрики, на которой использовать крепостной труд детей и подростков. Во всех рассуждениях этого автора обнаруживался ограниченный кругозор маломощного сельского хозяина, который выискивает линию наименьшего сопротивления и предпочитает получить скорее синицу в руки, чем журавля в небе. Еще ограниченнее точка зрения типичного идеолога мелкопоместного дворянства коллежского секретаря Михайлы Швиткова. В «Трудах Вольного экономического общества» помещено несколько статей этого реакционного поклонника «простоты нравов» и ненавистника «денежного стяжания». М. Швитков не только предпочитает барщину, он — враг капиталистической торговли, враг развивающейся промышленности и одинаково энергично протестует против монополий, роста налогов и развития роскоши. Его идеал — примитивное хозяйство, непосредственная связь с потребителем и торжество «здорового учения», в котором нет места «жадности и корысти», нарушающим безмятежное спокойствие патриархального уклада. Мелкопоместные землевладельцы, которым грозила надвигавшаяся капиталистическая эпоха (их одинаково теснили и крупные монополисты, и ловкие скупщики, и продавцы дорожавших товаров), были наихудшей опорой для сельскохозяйственного предпринимательства: им недоставало для этого и свободных земель, и денежных капиталов, и общей культурной подготовки. Проблема капиталистического земледелия была прежде всего вопросом о новой производственной структуре, но задача структурного преобразования при существовавших социальных условиях упиралась в проблему материальных ресурсов, т. е. в конечном счете в размеры помещичьего землевладения¹⁵.

Однако, говоря о крупных, средних и мелких землевладельцах, мы должны внести большую точность в эти общие и несколько расплывчатые понятия. Правда, всякое количественное определение остается условным, но, если мы оперируем подобным определением, мы должны очертить его конкретные, хотя бы приблизительные границы. Нет никакого сомнения, что нужно исходить при этом не из масштабов нашего времени, а из наблюдений и характеристик соответствующего периода. Экономи-

сты и политики первой четверти XIX в. придавали вопросу о размерах имущества немаловажное значение: при составлении хозяйственных выкладок и разработке государственных проектов они умели различать категории крупных, средних и мелких помещиков. Проф. Якоб в обстоятельной статье о сравнительных преимуществах крепостного и вольнонаемного труда исходил при этом из следующего определения: «Владельцев, относительно владений их, можно разделить на три рода: малых, средних и великих. Малыми разумеются те, кои имеют не более 100, средними — от 100 до 1 тыс. и великими — имеющими более сего десятин пахотной земли». Таким образом, в качестве измерителя Якоб указывал не количество ревизских крепостных душ (принцип, который господствовал в официальной статистике и частноправовых сделках), а более гибкий и близкий нам показатель — количество десятин культурно обработанной пашни. Нас не должно удивлять такое предпочтение земельно-оценочной норме: старое определение стоимости имения по количеству душ переставало отвечать условиям растущего рыночного оборота. Несмотря на юридические ограничения, росла мобилизация недвижимой собственности, развивалась земельная аренда, увеличивались купля и продажа свободных, ненаселенных земель. С предпринимательской точки зрения было важно учесть не только количество крестьян, но и пространство отдаваемой земли, степень ее близости к рынку, качество ее почвы, распределение по угодьям и пр. Под таким углом зрения уже в 1809 г. было составлено и помещено в «Трудах Вольного экономического общества» «Наставление к подробному описанию поместьев». Позднее энергичным противником устаревшей оценки по количеству душ выступил Н. И. Тургенев; разрабатывая налоговые проекты, он доказывал в Министерстве финансов, насколько не соответствует сохраняющаяся оценка реальному положению вещей, насколько ее грубый и неуравновешенный характер игнорирует действительную доходность помещичьего имения. Несмотря на упорство реакционного правительства, практика частноправовых сделок вносила необходимые коррективы в окостеневшие архаические формы: современники не только учитывали социальные выгоды приобретаемого имения, они умели переводить количество десятин на количество душ, а в случае необходимости устанавливали цены на землю независимо от численности крепостного населения.

Исходя из этих современных расчетов и оценок, мы можем развить количественные определения проф. Якоба. По авторитетному свидетельству виднейшего агронома своего времени Н. Н. Муравьева, в Можайском уезде Московской губернии имение с 8 дес. земли на ревизскую душу продавалось на вольном рынке от 450 до 500 руб. асс. за душу: другими словами, каждая ревизская душа при заключении сделки купли-продажи приравнивалась к 8 дес. «населенной земли» (включая не только пашню, но и другие угодья). При покупке имений в Центральном черноземном районе количество крестьян вообще не учитывали и оценивали землю по 100 руб. за дес. Экономические условия Можайского уезда можно считать типичными для промышленного Нечерноземного района начала XIX в.; сбрасывая из 8 дес. земли половину на усадьбы, сенокосы и лес, мы получаем 4 дес. пашни на ревизскую душу, включая сюда и крестьянский надел, и самостоятельную помещичью запашку. Переводя десятины на душу и учитывая покупные цены, мы можем развить характеристику Якоба следующей сводной таблицей (см. табл.).

Таким образом, стоимость имения в 100 тыс. — 120 тыс. руб. асс. — таков определяющий признак для категории крупных земельных собст-

Категория владельцев	Количество пашни, в дес.	Нечерноземный район		Черноземный район
		Количество ревизских душ	Цена населенного имения, в тыс. руб.	Цена имения, в тыс. руб.
Мелкие	100	25	12	10
Средние	100—1000	25—250	12—120	10—100
Крупные	Более 1000	Более 250	Более 120	Более 100

венников. Насколько велико было количество подобных помещиков? Официальные данные (1834 г.), обработанные статистиком П. И. Кепшеном, дают нам возможность приблизительно очертить искомое соотношение. На основании этих данных, в 45 губерниях Европейской России насчитывалось 127 103 душевладельца. Из них 17 763 чел. (14%) имели крепостных, но не имели земли, т. е. были рабовладельцами в настоящем и полном смысле этого слова; 58 457 помещиков (46%) владели 20 и менее крепостными; 30 417 чел. (24%) владели каждый от 21 до 100 крепостных душ; 16 740 чел. (13%) имели от 101 до 500 душ; 2273 (2%) — от 501 до 1 тыс. душ и только 1453 чел. (1%) обладали более чем 1 тыс. душ. Сопоставляя приведенные цифры с нашей итоговой таблицей, мы можем отнести обладателей 20 душ к числу мелкопоместных владельцев. (На такую точку зрения стали позднее Редакционные комиссии). Из числа 13% помещиков, владевших 101—500 крепостными, можно отнести не менее половины на долю тех, которые имели от 101 до 250 душ. В таком случае относительное большинство дворянства, т. е. 46%, окажется мелкими землевладельцами, 31% отойдет к средним помещикам и только 9% составит высшую категорию обеспеченных крупных собственников. Однако удельный вес этой группы был несравненно выше, чем первых двух, взятых вместе: из общего количества 10 766 561 крепостного крестьянина мелкопоместным дворянам принадлежало только 450 тыс. чел., средним помещикам — приблизительно 3 млн. чел. и, наконец, крупным собственникам — более 7 млн.¹⁶

Но мы оказались бы неправыми, если бы всю верхушечную группу, на которую преимущественно опиралось самодержавное правительство, зачислили в разряд прогрессивных носителей капиталистических тенденций. И современники, и позднейшие писатели не раз отмечали, что самые крупные помещики крепостной России в большинстве случаев не вели самостоятельного хозяйства: они предпочитали спокойное получение огромных оброчных сумм, живя вдалеке от своих имений и занимая видные посты в административной и военной иерархии. Правда, это наблюдение нуждается в некоторых поправках: мы знаем крупных сановников начала XIX в. (вроде Н. П. Румянцева, С. С. Апраксина, М. С. Воронцова, Ф. В. Ростопчина), которые имели собственное сельскохозяйственное производство и весьма интересовались агрономическими вопросами; с другой стороны, процесс «оседания на землю» непрерывно прогрессировал и учащавшиеся перебои в получении оброка вместе с развитием сельскохозяйственного предпринимательства расширяли количество самостоятельных помещичьих экономий. Но в общем указанное наблюдение правильно: характерными представителями новых агрономических течений были не крупнейшие магнаты (вроде Н. П. Шереметева или Н. Б. Юсупова), а менее богатые землевладельцы, «связанные с землей» и непосредственно руководившие ведением собственного хозяйства. Дру-

гая поправка, которую необходимо внести, определяя понятие зарождающейся аграрной буржуазии, имеет еще более важное экономическое значение. Крупные собственники переходили на путь агрономических улучшений, когда интенсификация сельского хозяйства обещала им несомненные материальные преимущества. Затрата капитала могла окутиться только при определенных условиях: если преобразуемое имение было расположено поблизости к рынку, если плотность населения исключала возможность широкого экстенсивного хозяйства, если стремление поднять урожайность упиралось в естественные границы — истощение почвы. Такие условия были далеко не повсюду: огромные неводеланные пространства восточных и южных степей, удаленные от потребительских центров и дававшие баснословные урожаи, не могли быть плацдармом для нового агрономического течения. Помещики этих районов (за исключением местностей, непосредственно прилегающих к черноморским гаваням) были мало заинтересованы в изменении традиционных приемов земледельческого хозяйства. Наоборот, собственники Остзейского края или подмосковного района, остро ощущавшие устарелость трехпольного севооборота, выступали в авангарде сельскохозяйственных рационализаторов. Вот почему среди крупных помещиков наблюдалось резкое расхождение во мнениях. Если одни из них безбоязненно переходили на новые, капиталистические рельсы, то другие с опаскою и недоверием относились к «абстрактным умствованиям» новоявленных теоретиков. Больше того, на примере известного гр. Ф. В. Ростопчина мы можем видеть, как под влиянием различной хозяйственной обстановки последовательно меняются преобразовательная и консервативная точки зрения. В 1803 г. Ростопчин начал не без успеха организовывать английское хозяйство в подмосковном владении Вороново; но когда он попробовал перенести свои усовершенствованные методы на девственную почву воронежского имения, то он испытал глубокое и горькое разочарование. В конце концов поклонник плодопеременной системы и машинной обработки превратился в защитника традиционного трехполья и патриархальных обычаев. Результаты своих наблюдений Ростопчин изложил в анонимной брошюре под названием «Плуг и соха». Отдавая теоретическое предпочтение новой системе, автор признавал ее совершенно не соответствующей современным русским условиям. По его словам, чтобы начать насаждение «английского фермерства», необходимы огромные затраты, постоянный надзор помещика и применение вольнонаемного труда. Но при существующих ценах на сельскохозяйственные продукты, изобилии плодородных земель, редкости и дороговизне наемных рабочих сложные приемы обработки не могут окупиться полученными доходами. Следовательно, заключал Ростопчин, только поблизости от больших городов английское «огородное» земледелие может дать не убытки, а несомненные выгоды. Русскому крестьянину гораздо легче, покинув истощенные поля, перейти на свежие необработанные земли, чем приспособляться к непривычным и трудным приемам чужого земледелия. Сторонник многопольной системы Д. Шелехов третировал брошюру Ростопчина, как «ничтожную книжонку»; однако мы не можем отказать ей в продуманности и экономической обоснованности выводов. Перед нами представитель того консервативного земледельческого слоя, которому действительно были невыгодны новые приемы сельскохозяйственного предпринимательства. Подобных помещиков было значительно меньше в Остзейском крае и в Центральном промышленном районе, но в Белоруссии, в Черноземной полосе и особенно на территории юго-восточных степей они составляли подавляющее и

сплоченное большинство. Сторонники агротехнических преобразований гнездились преимущественно там, где складывались благоприятные условия для их хозяйственного использования; сочетание таких данных могло быть не только по соседству с потребительскими и портовыми центрами; при наличии того или иного момента (избытка свободного капитала, возможности дешевого и быстрого вывоза, существования дешевой рабочей силы) оно могло иметь место и в других, более отдаленных местностях: помещики-рационализаторы встречались не только в прибалтийском или московском районах, их хозяйства вкрапливались в общую массу помещичьих экономий и на западе, и на востоке, и на юге. Но это было численно ничтожное меньшинство привилегированного сословия; ему противостояли не только реакционное мелкопоместное дворянство, не только подавляющая масса слабосильных средних помещиков, но и значительная часть крупнейших и просто крупных земельных собственников. По статистическим таблицам Кеппена, более половины крупных душевладельцев были территориально связаны с хозяйственно отсталыми районами; если мы присоединим к ним владельцев огромных непаселенных пространств, выпавших из расчетов Кеппена (а такова была распространенная форма землевладения на юге и юго-востоке), то из 9% отнесенных нами в категорию крупных помещиков, едва ли больше 3—4% придется на долю нарождающейся аграрной буржуазии. Вспоминая, что даже эта передовая группа представляла собой промежуточное социальное образование — одной ногой переходила на новую, капиталистическую дорогу, а другой еще крепко опиралась на старую, крепостную почву, — мы отчетливо уясняем себе ограниченные рамки аграрного капитализма в первой четверти XIX в.¹⁷

Однако эти первые капиталистические ростки несли в себе начала прогрессивного экономического развития; вот почему уже на первой стадии начинающегося перелома была поставлена и освещена основная проблема социального кризиса — проблема ликвидации отживающего института крепостного права. Помещичье хозяйство не могло отлиться в капиталистические формы без коренного изменения его производственной базы. Отношения принудительного труда должны были уступить свое место принципу свободного договора. Эту бесспорную истину ясно признавали более проникательные из современных экономистов. Апология собственности и частной инициативы неразрывно сплеталась с категорическим осуждением личного рабства. Не только в сочинениях А. К. Шторха и Л. Якоба, но и в работах статистика К. И. Арсеньева, и в статьях агронома С. С. Джунковского, и в записках адмирала Н. С. Мордвинова мы находим экономическое обоснование распространявшейся идеи «эмансипации». По примеру прусских и остзейских помещиков многие из русских землевладельцев должны были согласиться, что «крепостность земледельцев есть... великая преграда для улучшения состояния земледелия» и что «мера свободы есть мера приобретаемого богатства». Под непосредственным давлением нового хозяйственного течения Вольное экономическое общество предложило в 1812 г. разрешить очередную задачу: какой труд, крепостной или вольнонаемный, выгоднее для сельского хозяйства? Наконец, в несомненной связи с помещичьим предпринимательством появляется серия проектов, которые предлагают более или менее быстро покончить с существованием крепостного права¹⁸.

Занимая последовательную классовую позицию, помещики исходили из начала неприкосновенного права собственности на всю принадлежавшую им землю. Самостоятельное хозяйство даже при наличии значитель-

ных капиталов могло вестись только на определенной, сравнительно ограниченной территории. Перед крупными собственниками вставал неизбежный вопрос: какие формы должна получить хозяйственная эксплуатация имения в случае ликвидации принудительной барщины и оброка? Теория и практика английского капитализма давали определенное решение поставленного вопроса: с одной стороны, необходимо было обеспечить широкое развитие аренды, т. е. создать класс свободных и зажиточных фермеров; с другой,— нужно было обеспечить капиталистическое хозяйство достаточными резервами рабочей силы, т. е. образовать кадры свободного сельскохозяйственного пролетариата. Ликвидация крепостного права должна была сопровождаться расслоением крестьянства на основе растущего денежного оборота: выделением крепкого слоя свободных арендаторов и образованием рынка дешевых сельскохозяйственных рабочих. Безземельное освобождение крестьян, т. е. немедленная и полная пролетаризация земледельческой массы, было практическим выводом из данного построения. В условиях подобной реформы могли уцелеть зажиточные элементы деревни; разоренная часть сельского населения в поисках работы должна была броситься в городские центры и в соседние помещичьи экономии.

Такая классовая программа вполне соответствовала интересам не только аграрной, но и торгово-промышленной буржуазии: для развития капиталистической фабрики было не менее важно образование резервной промышленной армии и окончательный разрыв натурально-хозяйственных связей. Но подобное преобразование таило в себе огромную политическую опасность: крестьянские массы, которые веками боролись за условия свободного хозяйственного развития, не могли безропотно и покорно встретить попытку их полного обезземеления. Представители землевладельческого дворянства ясно ощущали эту потенциальную угрозу крестьянской революции. Аргумент «от пугачевщины» неизменно сопутствовал предположениям и расчетам составителей проектов; он заставлял их серьезно задумываться и выискивать среднюю линию, которая одновременно удовлетворяла бы интересы помещичьего класса и предупреждала возможность общественного потрясения. К этому основному социально-политическому мотиву присоединялось другое, чисто хозяйственное соображение: нужно было обставить ликвидацию крепостных отношений такими условиями, чтобы обеспечить сельскохозяйственного предпринимателя и денежным капиталом, и оседлыми батраками. Не безземельное освобождение крестьян, а увольнение с ничтожным наделом, выкупаемым в частную собственность,— такова была другая, более осторожная и умеренная программа, которую выдвигали некоторые сельскохозяйственные новаторы. Под капиталистическими «фермерами» они разумели не безземельных арендаторов, а самостоятельных собственников, насадителей рационального земледелия, которые расширяют площадь своих угодий и самостоятельными прикупками, и постоянной арендой. Неизбежным антиподом этого буржуазного слоя должны были явиться менее крепкие крестьяне, которые оказывались в хозяйственной зависимости и от соседнего помещика, и от собственной деревенской верхушки. При этих условиях процесс пролетаризации замедлялся и растягивался на более продолжительное время: создавались менее радикальные, но и менее «опасные» для помещика формы аграрно-капиталистического развития. Таковы были основные взаимно борющиеся тенденции, которые наблюдались в лагере эмансипаторов первой четверти XIX в.: если позиция «умеренного наделения» больше отвечала интересам аграриев, создавших собствен-

ное предпринимательское хозяйство, то позиция безземельного освобождения больше соответствовала требованиям богатых магнатов, которые владели обширными латифундиями и мечтали о положении могущественных лендлордов. И та и другая программы сталкивались с плотной стеной крепостнического течения и оформлялись в условиях медленного и перебегающего хозяйственного развития. Отсюда многочисленные поправки и оговорки, которые притупляли остроту преобразовательной идеи и обставляли условия ее практического осуществления целым рядом ограничительных компромиссов.

Проблема ликвидации крепостничества была поставлена еще в начале нового царствования в Негласном комитете 1801 г. По мысли В. П. Кочубея, П. А. Строганова и А. А. Чарторыйского, которые были крупными землевладельцами и убежденными англоманами, следовало запретить безземельное отчуждение крепостных и одновременно разрешить свободную покупку земли лицам, не принадлежавшим к дворянству. Такая двусторонняя мера должна была явиться приступом к разрешению крестьянского вопроса и одной из предпосылок для образования класса свободных фермеров. Перспектива сопротивления крепостников охладила инициативу Александра I, но одно из предложений Негласного комитета было воспринято и быстро реализовано: специальным указом 12 декабря 1801 г. правительство разрешило свободное обращение земельной собственности, которого так настойчиво требовало развитие товарного и денежного оборота. Мордвинов приветствовал эту меру, высокопарно называя ее «законом истинной народной свободы, коренным установлением целого русского народа, великою грамотою России, нашею „Magna Charta“».

Через два года идея Негласного комитета возродилась в новой и несколько измененной форме. По инициативе крупнейшего землевладельца гр. С. П. Румянцева был поставлен вопрос о разрешении увольнять с земель крепостных крестьян целыми селениями или за единовременный взнос, или за уплату денежного оброка. Автор рассматривал свой проект как продолжение и развитие указа 12 декабря 1801 г.; задуманная мера обещала двусторонние выгоды: она обеспечивала помещика «превосходною суммою против той, которую бы владетель от продажи ожидать мог», т. е. вооружала его необходимым денежным капиталом; с другой стороны, она отвечала требованиям буржуазной экономической мысли, подрывая устой крестьянской общины и насаждая частную мелкую собственность. Предложение Румянцева встретило упорное сопротивление крепостников, но, испытав некоторые редакционные изменения, отлилось в форму указа о «вольных хлебопашцах» (1803 г.). Применение этого закона на практике сопровождалось борьбой различных землевладельческих групп: умеренных аболиционистов, стоявших на позиции Румянцева, сторонников безземельного освобождения и принципиальных противников всякого нарушения патриархального уклада. Правительство колебалось между борющимися течениями: иногда затрудняло проведение изданной меры, нередко допускало увольнение без земли и, наконец, склонилось к идее фактического превращения «вольных хлебопашцев» в институт зависимых срочнообязанных крестьян.

Тем не менее планы безземельного освобождения, представлявшие в самом начале XIX в., вроде проектов А. Ф. Малиновского или Берга не встречали сочувствия и поддержки правительственной бюрократии. Наиболее буржуазный из всех сановников Александра I, М. М. Сперанский признавал английские аграрные отношения неосуществимыми и

нежелательными с военно-политической и хозяйственной точек зрения; Сперанскому были ясны огромные опасности, которые заключала в себе массовая пролетаризация русского крестьянства. Такая радикальная мера не только угрожала социальными катаклизмами, но и затрагивала фискальные интересы государственного аппарата. Вот почему самодержавная власть занимала в этом вопросе определенную позицию, не совпадавшую с точкой зрения последовательных и крайних англоманов¹⁹.

Условия послевоенного кризиса заставили обратить особенное внимание на волнующую проблему крепостного права. Война 1812 г. не только разорила многочисленные губернии, не только ударила по крестьянскому и помещичьему хозяйству, она обострила классовые противоречия между землевладельцами и их крепостными. После 1812—1814 гг. барщинные и оброчные обязанности становятся и более тяжелыми, и труднее переносимыми. Солдаты, возвратившиеся из заграничного похода, возбужденные впечатлениями от свободной Европы, сеяли повсеместную ненависть к крепостному угнетению. Начиная с 1812 г. кривая крестьянских волнений неизменно поднимается вверх. Учащаются случаи побегов, поджогов и массового «неповиновения», усиливаются массовое бродяжничество и разбой. В 1815 г. крестьянскими выступлениями охвачено 13 губерний, в 1817 г.— 16, в 1818 г. эта цифра поднимается до 19. Волнуются не только западные губернии, разоренные военными действиями (Смоленская, Минская, Гродненская и др.), те же явления наблюдаются в Прибалтийском крае, в Нечерноземной полосе, на Украине, в южном и восточном районах. Волнения вспыхивают по самым разнообразным поводам: жестокое обращение помещиков, усиление барщины, межевание земель, отобрание наделов, иногда смутные, но быстро распространяющиеся слухи о близком освобождении — одинаково возбуждают накопившуюся революционную энергию. Моментами движение принимает серьезную форму вооруженных столкновений с вотчинной администрацией и вызванными войсками. Министерство внутренних дел получает все более тревожные донесения, которые заставляют сильно задумываться и толкают вперед правительственную инициативу. Такое же ощущение тревоги охватывает и более проникательных помещиков. Н. С. Мордвинов передал это состояние следующими строками в своих секретных «Записках для памяти»: «Предварительные против рабства восстания со стороны крестьян наших несколько раз уже ознаменовывались. То были частые покушения, для усмирения коих правительство доныне имело достаточные силы. Но приближается время всеобщего возмущения. Время наступило о принятии мер против сего пагубного для российского дворянства возмущения».

Обострение классовых столкновений совпало с подъемом помещичьего предпринимательства: социальная проблема приобретала особую остроту на фоне выгодной конъюнктуры и начавшейся рационализации. В дворянских и правительственных кругах начинаются усиленные толки о предстоящей реформе. Проект за проектом восходят на рассмотрение Александра I. И что особенно важно, выступают не только единичные авторы — на этот раз идея эмансипации поддерживается целыми коллективами помещиков²⁰.

В 1816 г. 65 крупных петербургских землевладельцев во главе с кн. И. В. Васильчиковым выдвигают идею ограничения вотчинной власти в отношениях с собственными крестьянами. В 1818 г. выступают с проектом безземельного освобождения дворяне Динабургского уезда. В 1820 г. по инициативе крупных землевладельцев — кн. П. А. Вяземского,

А. и Н. Тургеневых, гр. М. С. Воронцова, кн. А. С. Меншикова и С. С. Потоцкого — возникает план образования особого дворянского общества для изыскания способов к уничтожению крепостного права.

По-прежнему скрешиваются два основных течения: с одной стороны, мы видим сторонников личного безземельного освобождения (таковы проекты А. Ф. Малиновского, Н. С. Мордвинова и Н. И. Тургенева), с другой, составляются сложные планы постепенной отмены принудительных отношений при условии некоторого земельного обеспечения (таковы предложения П. Д. Киселева, А. А. Аракчеева, Е. Ф. Канкрин). Социально-политический мотив особенно ясно звучит у последовательных губернаменталистов Киселева и Канкрин. По мнению первого, «брожение умов... указывает правительству необходимость предупредить те могущие последовать требования, которым отказать будет уже трудно или невозможно: кровью обгаренная революция Французская в том свидетельствует». По мнению второго, повсеместное крестьянское разорение — неизбежное последствие крепостного права, которое таит в себе большую угрозу: «Почти никто не подозревает, как опасно покоиться на вулкане... для предотвращения зол такого рода следует принимать надлежащие меры гораздо ранее пагубной развязки». В проекте Аракчеева, написанном по заказу Александра I и получившем его полное одобрение, сильнее звучат экономические мотивы: ссылаясь на послевоенное разорение и на задолженность землевладельческого дворянства, автор предлагает ввести добровольный выкуп крепостных крестьян с помощью государственной кредитной операции; при этом он сохраняет за крестьянами ничтожные наделы по 2 дес. на ревизскую душу. По мнению Аракчеева, такая реформа представляет для помещиков огромные выгоды: она освобождает их от долгов и в то же время обеспечивает их готовыми кадрами арендаторов и рабочих. Перед нами — классический образец классового проекта в духе прусского аграрно-капиталистического развития.

Классовая позиция авторов ясно обнаружилась и в другом характерном требовании: и Киселев, и Канкрин включили в свои проекты аристократическую идею дворянских майоратов. Для Киселева это было необходимым средством для уменьшения числа мелкопоместных владельцев, «которые от скудности и невежестваотягощают непомерным образом бедственное состояние рабов, им принадлежащих»; для Канкрин это — способ предотвратить дальнейшее раздробление дворянских имений, если они не достигают размеров 250 душ крестьян. Такое требование не было простой случайностью: оно вполне совпадает и с резкими характеристиками Строганова, направленными против среднего и мелкопоместного дворянства, и особенно с позицией Н. И. Тургенева, которую он занял в 1820 г. в вопросе о запрещении безземельного отчуждения крестьян. Этот старый и неразрешенный вопрос, снова поставленный на заседаниях Государственного совета, послужил основанием для специального законопроекта, разработанного Н. Тургеневым. Автор соединил в одно неразрывное целое ограничения вотчинной власти и запрещение раздроблять имения, насчитывавшие менее ста душ крестьян. По мысли Н. Тургенева, «ограничение... продажи и разделов имений, никоим образом не нарушая права собственности, послужит, напротив того, к умножению земледелия и благосостоянию самих помещиков. Оно должно соответствовать желаниям и собственным выгодам каждого коренного владельца, пекущегося о благоустройстве и улучшении своего имения, не говоря о тех мелких дворянах, кои привыкли смотреть на крестьян

своих, как на вещь, лишь бы только достать через нее деньги»... Впоследствии, вспоминая об этой попытке подорвать устой крепостного порядка, Н. Тургенев еще отчетливее расшифровывал ее внутренний общественный смысл: острое его предложение было направлено против мелких помещиков, которые «слишком исключительно владельцы крепостных, чтобы быть в состоянии улучшить культуру земли сколько-нибудь ощутительным образом». Принимая во внимание установленный минимум в сто ревизских крепостных душ, мы убеждаемся, что под «мелкими помещиками» Н. Тургенев разумел не только мелкопоместных владельцев в собственном смысле слова, но и значительную менее зажиточную часть средних землевладельцев. Предполагения Н. Тургенева, так же как рассуждения Строганова, проекты Киселева и Канкрина, планы Румянцева и Мордвинова, ориентировались на определенную группу земельных собственников, которые обладали достаточными материальными средствами и могли вложить их в сельскохозяйственные предприятия. Это — ставка на самостоятельное капиталистически организуемое помещичье хозяйство. За редкими исключениями проекты эмансипации исходили или непосредственно от крупных землевладельцев, или от авторов, выражавших тенденции крупновладельческой помещичьей группы. Это не были радикальные и смелые решения, направленные к окончательной и быстрой ломке крепостного порядка. Все проекты начала XIX в. были отмечены печатью половинчатости: одни из них выдвигали только первоначальные и паллиативные меры (таковы были предложения Кочубея, Киселева, Н. Тургенева), другие базировались на принципе добровольного согласия помещика (таковы были проекты Румянцева, Мордвинова, Аракчеева), третьи растягивали освобождение на очень продолжительный срок, измерявшийся целыми десятилетиями (таков был сложный проект Канкрина). Наконец, многие «эмансипаторы» не выходили из пределов самых общих и неопределенных предположений. Такая осторожная и расплывчатая позиция вытекала из промежуточного положения помещичьей группы, которая постепенно и медленно перерастала в категорию аграрной буржуазии.

Но даже такая осторожная и робкая инициатива встретила неодолимую преграду в основном массиве землевладельческого класса. Слухи о подготовке правительственной реформы возбудили волнения и тревогу в помещичьих кругах всей России. В 1818 г. московское дворянство открыто выражало свое недовольство преобразовательными начинаниями правительства. Обсуждение крестьянского вопроса на заседаниях Государственного совета сопровождалось неизменной борьбой сталкивавшихся течений. Около царского трона образовалось крепкое и влиятельное реакционное ядро, в котором мы находим А. Н. Голицына, А. С. Шишкова, Н. М. Карамзина и других представителей крепостнического лагеря. «Благие намерения» Александра I, продиктованные новыми буржуазными тенденциями, безнадежно тонули в традиционных возражениях консервативных сановников. Пытаясь продвигаться вперед и постоянно оглядываясь и отступая назад, самодержавная власть хотела выработать освободительный акт, но выработать так, чтобы он «не заключал в себе никаких мер, стеснительных для помещиков и, особенно, чтобы меры сии не представляли ничего насильственного со стороны правительства». Разрешить эту социальную «квадратуру круга» оказалось не под силу даже самому Аракчееву. Преобразовательные потуги, проявленные правительством в обстановке послевоенного кризиса, не привели к серьезным практическим результатам²¹.

Но вопрос о ликвидации крепостного права был не единственной проблемой, вызванной к жизни ростками промышленного капитализма. Развитие новых экономических отношений требовало не только победы свободного договора, но и внешних гарантий буржуазного правопорядка. Логика экономического развития неизбежно выдвигала другую, не менее сложную проблему — перехода государственной власти к новому классу промышленной и аграрной буржуазии. Такое завоевание политической власти должно было сопровождаться ломкой сословных привилегий и ограничений, установлением режима свободной хозяйственной конкуренции и организацией буржуазного конституционного государства. В условиях отсталой аграрной страны повторилось то же явление, которое мы наблюдали в XVIII в. Носителем прогрессивных политических тенденций явилась не промышленная буржуазия, а передовая прослойка землевладельческого дворянства. Правда, торгово-промышленный капитал оказывал определенное давление на экономическую политику Александра I. Вокруг Сперанского группировались богатые заводчики и негоцианты, которые подсказывали ему важнейшие финансовые и таможенные меры. От первой четверти XIX столетия сохранились коллективные петиции и индивидуальные записки, в которых торговцы и промышленники заявляли о потребностях и желаниях своего класса. Таково прошение московского купечества о введении протекционного тарифа или записка московского купца Свешникова против законодательного «унижения среднего состояния». Но российская торгово-промышленная буржуазия не поднималась на высоту широких политических обобщений: развитие ее классового сознания было сильно замедлено экономической политикой самодержавия; несмотря на известные колебания, правительство оставалось верным протекционной системе и удовлетворяло ближайшие интересы богатеего купечества. Это обстоятельство не устранило, но сильно ослабило недовольство бюрократическим произволом и сословным неравенством. Только единичные представители столичной буржуазии, вроде богатых купцов Селивановского и Сапожникова, склонялись к конституционным выводам из своих экономических построений. Как и раньше, прозелиты буржуазной идеологии выходили преимущественно из дворянского круга; они оформляли свои взгляды не столько под влиянием капитализировавшейся индустрии, сколько под сильным воздействием сельскохозяйственных преобразований.

В политических столкновениях первой четверти XIX в. по-прежнему обозначаются два основных враждующих фронта: с одной стороны — защитники феодальных традиций, с другой, — сторонники буржуазных нововведений. Но в противоположность XVIII столетию представители консервативного лагеря выступают с ослабленными и сокращенными требованиями; во взглядах этого господствующего течения мы не находим того политического максимализма, какой наблюдался в утопиях М. М. Щербатова и конституционных проектах Н. И. Панина. Феодально-аристократическая оппозиция заметно тускнеет и никнет в условиях нового социального развития. Разложение крупной натурально-хозяйственной вотчины с ее потребительскими тенденциями и административной обособленностью подрывало устои феодально-крепостнического мировоззрения. Идея господства аристократии еще находит своего идеолога в лице крупного сановника гр. Г.-М. Армфельдта; дворянская гвардейская молодежь сочувственно прислушивается к политическим высказываниям этого шведского эмигранта. Возрождая масонскую организацию «Капитул Феникса», крупные титулованные фамилии поддерживают идею незримо-

го и могущественного аристократического центра. Московское «боярство» еще фрондирует против верховной власти. Принцип «сопротивления тирану», оживленный недавним убийством Павла I, сохраняет свою традиционную силу даже в консервативных высказываниях Карамзина. Но эти отголоски аристократической реакции не отливаются в форму отчетливой и продуманной государственной программы. Изменяя традициям Д. М. Голицына и М. М. Щербатова, носители сословной идеологии переходят от нападения к обороне, от проекта аристократического правления к защите неограниченной монархии. В лице Ростопчина, Шишкова, Карамзина при поддержке придворной и бюрократической знати, опираясь на сочувствие огромного дворянского большинства, они отгораживаются от всякого посягательства на сложившиеся социально-политические отношения. Записка Карамзина «О древней и новой России» представляет собой законченную программу этого сословного охранительного течения. Чем решительнее и настойчивее повторялись атаки «либералов», тем упорнее и влиятельнее оказывалось сопротивление консерваторов. Защитники старины сумели ликвидировать преобразовательные попытки Негласного комитета, добились изгнания ненавистного Сперанского, сняли с очереди проекты эмансипации и конституции и, наконец, приобрели могущественную опору в европейской реакции, добились безоговорочного и полного сохранения старого порядка. Но в этом консервативном течении не было творческих, созидательных сил; наиболее выдающиеся представители дворянского общества были завоеваны новой идеологией или приспособляли старое сословное мировоззрение к условиям новой преобразующейся жизни²².

Распространение либеральных идей в царствование Александра I — достаточно изученное и освещенное явление. Для характеристики этого факта обыкновенно ссылаются на возникновение тайных политических обществ. Но либерализм начала XIX столетия — более раннее и широкое явление, чем революционное движение декабристов. Восходя своими корнями к «вольтерьянству» и «руссоизму» XVIII в., либеральная идеология приобретает теперь большую четкость и связывается с очередными задачами политического момента. Ее проповедуют с университетской кафедры А. П. Куницын и К. Ф. Герман, прославляют в поэзии А. С. Пушкин и кн. П. А. Вяземский, облачают в форму конституционных проектов М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов. Принципы «свободы и равенства» разделяют не только представители зажиточного нечиновного дворянства вроде столичного литератора А. Д. Улыбышева — в большей или меньшей степени идеями века захвачены видные аристократы — М. С. Воронцов, С. С. Потоцкий, А. А. Столыпин, Д. Н. Сенявин. Послевоенный Петербург блистает либеральными салонами кн. Куракиной и гр. И. С. Лавалья. Политическая литература Англии и Франции в оригиналах и переводах находит себе восприимчивых читателей и в крупных столичных центрах, и в захолустных провинциальных усадьбах. Последователи нового течения сильно отличаются друг от друга по степени глубины и последовательности своих взглядов. Но их объединяют не только критическое отношение к сложившемуся порядку, но и принципиальные основы буржуазно-индивидуалистического мировоззрения. Современники были правы, когда они резко расслаивали дворянское общество на два противоположных лагеря: «Первые, которых можно назвать правоверными... — сторонники древних обычаев, деспотического правления и фанатизма, а вторые — еретики, защитники иноземных нравов и пионеры либеральных идей. Эти две партии

находятся всегда в своего рода войне; кажется,— добавляет романтически настроенный автор,— что видишь дух мрака в схватке с гением света; из этой-то борьбы происходят умственные и нравственные сумерки, которые покрывают еще нашу бедную родину». Для того чтобы рассеять «застоявшиеся сумерки», либеральное меньшинство стремилось завоевать легальную публицистику, распространяло рукописные сочинения, составляло преобразовательные проекты.

Вчитываясь в эту богатую литературу первой четверти XIX в., мы видим на ней заметный отпечаток ее дворянского сословного происхождения: новые буржуазные принципы неразрывно сливаются с отголосками старого феодального мировоззрения. Идеальное государство, которое постулируют либеральные новаторы, в большинстве сохраняет в себе элементы прежнего государственного порядка. Перед нами — не резкий разрыв с отживающим строем, а попытка привить ему новые политические побег. Такое противоречивое сочетание несродных тенденций особенно характерно для многочисленных высказываний адмирала Н. С. Мордвинова. Крупнейший землевладелец и богатый акционер, занимавший место на вершине бюрократической иерархии, он приобрел себе славу убежденного и независимого либерала. По выражению бар. М. А. Корфа, это был «настоящий идол тогдашнего нового поколения». Мордвинов — поклонник учения А. Смита и И. Бентама, проповедник свободной конкуренции, апологет развивающейся промышленности и сельскохозяйственной рационализации. Не только в теории, но и на практике — своими административными мерами, деятельностью в Государственном совете, разнообразными записками — он доказал буржуазный характер своего общественного мировоззрения. В противовес консерваторам и в постоянной борьбе с их охранительной позицией, он выступает с обоснованной критикой существующих отношений. Его симпатии принадлежат английскому парламентскому государству, его возражения направлены против униженного и экономически вредного рабства. Но когда этот признанный апостол либерализма начинает давать конкретные очертания будущего государства, мы сразу замечаем двойственный характер его политического рисунка. От Мордвинова сохранилось два конституционных проекта, которые составлены ранее движения декабристов. В одном из набросков автор проектирует создание законодательного органа на основе двухпалатной системы. Верхняя палата конструируется им исключительно по сословному признаку: ее составляют пожизненные делегаты, избранные от дворянства каждой губернии. При формировании нижней палаты соединяются и сословный, и классовый признаки: она пополняется, с одной стороны, представителями дворянства и купечества, с другой — делегатами от промышленников, имеющих более 10 тыс. руб. чистого дохода, и от землевладельцев, имеющих не менее 1 тыс. дес. земли. Дополнительное представительство получают университеты, губернские города и торговые центры. Таким образом, в отличие от проектов Щербатова и Панина Мордвинов не ограничивается феодальным принципом сословного происхождения: он допускает буржуазное начало имущественного ценза и, следовательно, открывает двери новым, капиталистическим группировкам; но он сохраняет политическое преобладание за дворянским сословием и допускает к участию в государственной жизни только самых крупных капиталистов.

Еще характернее второй конституционный набросок Мордвинова. На этот раз Государственную думу он предлагает образовать из «вельмож», пожалованных в это звание императором и сохраняющих это звание по

наследству; каждый пожалованный вельможа получает из казенных имуществ неотчуждаемый майорат размером не менее чем в 10 тыс. душ крестьян. «Вельможки в имениях, к достоинству их присвоенных, получают с крестьян оброк, подобно как казенные крестьяне платят в казну. Леса принадлежат вельможе; из пахотных же и луговых земель принадлежит к усадьбе вельможи только $\frac{1}{5}$ часть, которую он обрабатывает или подданными своими, но на добровольных токмо условиях, или наемными людьми; оброчные статьи, в имении находящиеся, принадлежат вельможе». Таким образом, поклонник Бентама не только вернулся к принципам сословности и аристократизма, но и вступил в резкое противоречие с собственными мнениями о вредности рабства. Тяготение к английскому лендлордизму получило перевес над буржуазной доктриной и облеклось в доморощенные крепостнические одежды. Правда, Мордвинов старается вытравить преобладающие черты крепостного хозяйства: он предпочитает получение ренты, «добровольные условия» и вольнонаемный труд, но он сохраняет отношения подданства и, следовательно, внеэкономическое принуждение. Перед нами — идеология крупного землевладельца, который проникнут новыми буржуазными тенденциями, но который еще не оторвался от старой феодальной основы.

Мордвинов только наиболее крайний образец этого промежуточного и противоречивого социального типа. Если мы рассмотрим к другим представителям сановного либерализма, то увидим такую же двойственность в их социальных и политических взглядах: таков гр. М. С. Воронцов с его буржуазными стремлениями, английским конституционализмом и аристократическими симпатиями; таков кн. П. А. Вяземский с его ненавистью к деспотизму и одобрением политического режима эпохи Реставрации; таков будущий гр. П. Д. Киселев с его борьбой против рабства и проектами образования майоратов. За немногими исключениями такое противоречивое сочетание феодальных и буржуазных тенденций было неотъемлемо свойственно землевладельческому либерализму начала XIX в. Феодальная традиция имела здесь двойное определяющее влияние: с одной стороны, она облегчала оформление конституционной идеи, выраставшей из принципа аристократической курии сенюра; с другой стороны, она искажала сущность буржуазного парламентаризма, так как оставляла преобладание за началом сословного представительства. В построениях Мордвинова, Воронцова и других либералов сановного круга оживала старая идея верховников и кн. М. М. Щербатова, но усложненная и преобразованная под влиянием новой буржуазной идеологии. Дворянская аристократическая программа постепенно видоизменялась в программу аграрной буржуазии в соответствии с начавшимся перерождением землевладельческого класса. Такую же неустранимую двойственность мы находим в правительственных законопроектах, которые старались по-своему разрешить очередную политическую проблему²³.

Либеральное движение первой четверти XIX в. достигло особенной напряженности к 1817—1818 гг. Война 1812 г. и последовавшие за нею сначала кризис, а затем хозяйственное оживление сыграли роль возбуждательного ускоряющего толчка. Мемуары современников уделяют большое внимание воспитательной роли заграничных походов. Действительно, соприкосновение с европейской политической жизнью оказало глубокое воздействие на сознание нового поколения. Но в основе этого увлечения буржуазной идеологией лежали определенные социально-экономические процессы, которые возникли ранее наполеоновских войн и приобрели особую интенсивность в условиях послевоенного периода. Далеко не случай-

но, что усиление политического либерализма в России хронологически совпало с расширением помещичьего предпринимательства и с заострением социальной проблемы: между экономической и политической начала XIX в. была неразрывная причинная связь. Никогда правительство Александра I не ощущало так непосредственно и наглядно влияния нарождающегося капитализма, как в эти оживленные послевоенные годы. Действуя в обстановке постоянной борьбы между крепостническими и аграрно-буржуазными группами, самодержавная власть переживала моменты серьезного политического колебания. Варшавская речь Александра I и «Уставная грамота» Н. Н. Новосильцева на фоне аракчеевщины, Священного союза и военных поселений были симптомами правительственного раздумья перед двумя путями намечающегося развития. Но либеральные тенденции 1818 г. были не единственными и не первыми отголосками на требования капиталистической эпохи. Они генетически связаны и с совещаниями Негласного комитета, и с общегосударственной политикой Сперанского. Если реформаторские попытки 1801 г. носили расплывчатый и абстрактный характер, то проект политического преобразования Сперанского приобрел законченные и вполне ясные формы. Анализируя содержание этого обдуманного опыта, мы узнаем позицию выслужившегося сановника, который выискивает компромиссную линию между задачами буржуазного развития и давлением крепостнического дворянства. Сперанский исходит из принципиальных предпосылок, продиктованных новой либеральной идеологией: «...время, просвещение и промышленность приняли воздвигнуть новый вещей порядок, и приметить должно, что, невзирая на все разнообразие их действия, первоначальная мысль, движущая их, была одна и та же — достижение политической свободы». Обращаясь к России, Сперанский устанавливает, что она «стоит ныне во второй эпохе феодальной системы, то есть в эпохе самодержавия, и, без сомнения, имеет прямое направление к свободе». Прислушиваясь к повсеместным жалобам и наблюдая «всеобщее неудовольствие», автор делает заключение, что «настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый вещей порядок». Этот новый порядок он представляет себе в виде буржуазного правового государства, гарантирующего личную свободу и собственность, построенного на принципе разделения властей и привлекающего в законодательные органы обладателей недвижимой собственности и промышленного капитала. Но Сперанский сейчас же вносит политические поправки, которые исходят из совершенно иных социальных источников: он оставляет неприкосновенной систему сословной иерархии, сохраняет за дворянством его прежние привилегии, а в отношении крепостных крестьян ограничивается только отменой вотчинного суда. Сперанский, называя самодержавие феодальным наследием и обрекая его на неизбежную гибель, в то же время обеспечивает за монархом исключительное право законодательной инициативы и неограниченную полноту исполнительной власти. Таким образом, будущее государство Сперанского, несмотря на его преобразованные буржуазные формы, сохраняло свое прежнее сословно-дворянское содержание.

Еще очевиднее выступает сословно-монархическая традиция в «Уставной грамоте» Новосильцева, которая получила в 1819 г. одобрение Александра I. Как известно, проект конституции был составлен французом Дешампом и приспособлен «к русским условиям» поэтом и либералом кн. П. А. Вяземским. Грамота устанавливала гарантии личной свободы, вводила представительный образ правления и под видом «наместничеств»

создавала широкую провинциальную автономию. Но эти буржуазные принципы осуществлялись в весьма архаической форме: к выборам в центральные и местные органы допускались только имущие элементы из дворянства и горожан; нижние палаты представительных учреждений составлялись из депутатов, искусственно отобранных императором; в качестве верхних палат фигурировали бюрократические департаменты Сената; конституция исходила из принципа суверенитета монарха и предоставляла последнему не только неограниченную исполнительную власть, но и преобладающие права в законодательной области. Будущее государство в изображении Дешампа и Вяземского получило преобразованный буржуазный фасад, но опиралось по-старому на феодально-крепостнические устои. Тем не менее преобладающее сословное большинство не могло примириться и с такими частичными исправлениями. Правительственные либеральные проекты имели известную общественную поддержку. Они отвечали классовым интересам наиболее умеренного крыла прогрессивных землевладельцев, меньше всего затронутых новыми буржуазными отношениями, но в глазах крепостнического дворянства они заключали в себе реальную опасность дальнейшего жизненного развития. При этих условиях «Уставную грамоту» Новосильцева постигла одинаковая судьба с «Планом государственного образования» Сперанского: она получила платоническое одобрение Александра I, но встретила упорный и победоносный отпор со стороны охранительного течения. Эта окончательная победа политической реакции имела определенные социально-экономические основания: начиная с 1820 г. кривая хозяйственного развития неизменно падает вниз, а вместе с тем сужается и мельчает широко разлившееся либеральное течение²⁴.

Русское сельское хозяйство было непосредственно связано с западно-европейской экономикой: изменения рыночной конъюнктуры, наблюдавшиеся в Германии и, особенно, в Англии, сейчас же отражались на условиях экспорта русских сельскохозяйственных продуктов. Вплоть до начала 20-х годов XIX в. заграничные цены на хлеб, сало, лен и пеньку были достаточно высокими, чтобы окупать крупные затраты сельскохозяйственных предпринимателей. С 1820 г. рыночные цены в Лондоне, Гамбурге и русских вывозных портах начинают неуклонно и стремительно падать. По исчислениям А. Фомина, опубликовавшего в 1829 г. специальную работу на данную тему, за пятилетний промежуток 1819—1824 гг. хлебные цены на гамбургском рынке понизились почти втрое. Такое явление имело место не только в Европе, но и в Северо-Американских Соединенных Штатах. После усиленного подъема земледельческого хозяйства наступило повсеместное перепроизводство, которое коренилось в неравномерном развитии индустрии и земледелия. Анархия капиталистического хозяйства дала себя чувствовать уже на первой стадии развития нового капиталистического строя. Распашка обширных пространств и рационализация методов земледелия были ответом на повышенный спрос развивавшейся промышленности, но они привели к непропорциональному увеличению сельскохозяйственной продукции, сильному переполнению рынка и катастрофическому понижению цен. В интересах аграриев и крупного крестьянства европейские государства обставляют себя таможенными барьерами и стараются разнообразными мерами затруднить сельскохозяйственный импорт. В условиях разрастающегося кризиса получают перевес более передовые и организованные страны. Положение России с ее примитивной земледельческой и транспортной техникой, с ее огромными и трудно преодолимыми пространствами было особенно невыгодно срав-

нительно с более сильными конкурентами, в частности с Северо-Американскими Соединенными Штатами. Размеры русского сельскохозяйственного экспорта сокращаются стремительнее, чем падают цены: по официальным данным, вывоз главных земледельческих произведений в 1817 г. выражался в цифре 143 200 775 пудов, в 1820 г. он опускается до 38 163 232 пудов, а через четыре года, в 1824 г., падает еще ниже — до 11 908 519 пудов. Таким образом, если заграничные цены понизились втрое, то размеры русского экспорта уменьшились ни более ни менее как в 12 раз. Такое явление должно было отразиться и на состоянии внутреннего земледельческого рынка: увеличение хлебных излишков привело к понижению цен не только в вывозных портах, но и во внутренних русских губерниях. До известной степени здесь сказало также влияние собственного перепроизводства: введение агрономических улучшений заметно обгоняло непрекращавшийся рост городской и сельской промышленности. Впечатление затяжного аграрного кризиса ярко отразилось в жалобах современников: от сокращения сбыта и падения цен страдали не только помещики, но и торговые посредники, и государственная казна. Особенно больно чувствовали на себе последствия невыгодной конъюнктуры сельскохозяйственные предприниматели нового, капиталистического типа. Они атаковали своими заявлениями экономические общества, обращались за содействием к правительству, обсуждали волнующую проблему в агрономической литературе. Оглядываясь назад, они с горечью вспоминали недавнее время, когда «сожалели скорее о малочисленности изделий и произведений земли, нежели жаловались на малое движение, требование и употребление оных». Состояние кризиса болезненно ощущали на себе и крупные торговые центры. По свидетельству статистика В. П. Андросова, «несколько уже лет, как черноморская торговля находится в критическом положении... все предприятия торгующих здесь купцов ограничили вывозом хлеба, а посему с уменьшением требования на оный упала приметно и торговля». В конце концов сокращение оборотов повлекло за собой заметное уменьшение государственных доходов. Оправившись после разорительных войн, финансовая система снова вступила в критическую полосу своего существования; в июне 1825 г. министр финансов Канкрин писал в своем сообщении Аракчееву: «Внутреннее положение промышленности от низости цен на хлеб постепенно делается хуже, я, наконец, начинаю терять и дух. Денег нет»²⁵.

Аграрный кризис не прекратился вместе с царствованием Александра I; он захватил следующее десятилетие и только со второй половины 30-х годов XIX в. начал сменяться постепенно усиливающимся оживлением: именно к этому моменту бурное развитие английской и французской промышленности выравнивало колеблющиеся веса сельскохозяйственного спроса и предложения. Однако истекшие 15 лет обостренного кризиса не прошли даром для аграрного предпринимательства: они ослабили, а частью и заглушили ростки рационализаторских стремлений, которые появились в конце XVIII и первых десятилетиях XIX в. Чтобы преодолеть традиционную земледельческую отсталость при условии недостатка капитала и низком культурном уровне, необходим был сильный экономический стимул: в годы сельскохозяйственного подъема возбуждающим толчком служили высокие цены, которые давали надежду на быстрое повышение доходов. Устранение этого фактора резко понизило рационализаторскую инициативу: при создавшейся обстановке коренное изменение налаженной и привычной системы представлялось еще более рискованным и затруднительным делом. Сельскохозяйственные практики

стали ликвидировать начатые преобразования или выискивать компромиссные пути, приспособляясь к невыгодным условиям рыночного спроса. В агрономических журналах появились статьи, которые рекомендовали более осторожные и постепенные приемы рационализации. К 1830 г. положение вещей окончательно выяснилось и нашло свое литературное отражение в комментариях Н. Н. Муравьева к переводному сочинению Тэера «Об основаниях рационального сельского хозяйства». Обсуждая вопрос о сравнительных преимуществах плодопеременной и трехпольной системы, Муравьев становится на консервативную точку зрения. Он признается, что и сам был поклонником английского многополья, но практические опыты в современных условиях России разубедили его в выгоды подобной реформы: «При существующей дешевизне хлеба в России не должно помышлять о введении плодопеременных систем хозяйства... самое важное и, можно сказать, едва ли преодолимое препятствие состоит в бессмыслии и нерадении наших работников и в недостатке хороших управителей и помощников, отчего никогда убытков своих на заведение не вознаградить и наконец от всего отступить». Такую же скептическую позицию занимает Н. Н. Муравьев в вопросе о предпочтении свободного труда крепостному: подвергнув проблему основательному анализу, он делает вывод, что «работа... наемными людьми в России будет самым неосновательным и разорительным предприятием, доколе цена хлеба не возвысится, цена наемных работников не уменьшится, а число их не увеличится». Даже введение усовершенствованных орудий кажется автору неосуществимым при данных экономических условиях: в России нет достаточно мастеров и орудия обойдутся дорого; для орудий нужны смышленные и усердные работники и хорошие помещичьи лошади; то и другое дорого. Стоит заводить только ора́ла, железные бороны, два-три плуга для подъема новых земель, молотильную и вяльную машины. Не все соглашались с подобными рассуждениями: на страницах того же издания Тэера мы находим противоположные мнения другого агронома, С. А. Маслова. Однако авторитет Н. Н. Муравьева был очень высок, а, главное, его обобщения и расчеты совпадали с выводами подавляющего большинства хозяйствовавших помещиков. В условиях крепостного хозяйства было невозможно развитие капиталистического земледелия, а коренное изменение производственной базы утрачивало для помещиков притягательное значение в обстановке аграрного кризиса. Когда в Государственном совете в том же 1830 г. был опять поставлен вопрос о запрещении продажи крестьян без земли, Мордвинов занял определенную, резко отрицательную позицию: он говорил, что не время заводить новшества, «когда цены на все произведения земли упали, когда все почти недвижимые имения обременены долгами, когда денежные капиталы в обращении весьма скудны». Проблема ликвидации крепостного права утратила прежнюю напряженность. Приток легальных проектов освобождения крестьян прекратился. Все меньше голосов раздавалось в защиту эмансипации и в специальной литературе, и в текущих журналах. Даже прогрессивные группы землевладельцев, успокоенные временным ослаблением крестьянского движения, стали возвращаться к традиционной узкокрепостнической точке зрения²⁶.

Аграрный кризис послужил хозяйственной базой, на которой развивалась и крепла общеевропейская политическая реакция. Опираясь на усилившиеся слои крепостнического дворянства, самодержавие почувствовало себя достаточно прочно. Конституционные проекты отошли в прошлое. Просвещение и печать сделались жертвами реакционного курса;

во всех проявлениях общественной жизни наблюдалось давление консервативно-охранительного лагеря. Начиная с 1820 г. спадает волна дворянского либерализма, слабеют и замирают прогрессивные требования крупных землевладельцев. Изменившиеся экономические условия все меньше и меньше благоприятствуют идеям свободной предприимчивости и парламентского государства. Однако не следует преувеличивать это изменение помещичьих настроений. Оппозиционные выступления дворянства не прекратились, но утратили широкий масштаб и прежнюю отчетливую форму. Любопытным образчиком землевладельческих требований этого последнего периода является анонимная рукопись «Взгляд на упадок торговли и финансов в России», составленная в 1823 г. Записка написана дворянином-землевладельцем, который заинтересован в экспорте сельскохозяйственных продуктов, а следовательно, в беспрепятственном импорте иностранных фабрикатов. Фритредерские воззрения он соединяет с одобрением английской экономической политики и поддерживающего ее конституционного строя. Автор критикует не только программу Министерства финансов, но и коренные основы государственного порядка. В заключительных главах своей работы он помещает «некоторые рассуждения о самодержавии и рабстве крестьян, поколику оные препятствуют процветанию России». По его мнению, самодержавное правление «не способно к внушению общего доверия» и подавляет драгоценное начало личной инициативы. Воплощением самодержавия является государственная казна, которая, «подобно Сатурну, без жалости пожирает своих детей; она составляет среди государства ложный центр, отвлекающий народные силы и богатства от истинного их назначения на предметы посторонние и нередко для пользы государственной вредные». Такие же губительные последствия имеет рабство 30 миллионов крестьян. «Нельзя ожидать деятельной торговли и важных промыслов внутренних и внешних от людей, не имеющих к тому сильного побуждения, ибо всякая промышленность и трудолюбие возбуждается собственно пользою и надеждою улучшить свое состояние». Как представитель «небольшого круга здравомыслящих либералистов», автор настаивает на необходимости освобождения крестьян: «Дайте им свободу, и вы увидите, что они произведут; теперь они, может быть, угнетены работою, производя очень мало, а тогда будут производить много, не чувствуя отягощения». Записка уклоняется от конкретных указаний на «приличную форму правления» и на лучший способ освобождения крестьян, но ее конечные выводы представляются достаточно ясными. Ликвидация крепостного права должна быть произведена «без обиды дворянству и без вредных последствий для общественного спокойствия», что же касается «успехов в науке народовластия», то при невозможности представительного порядка можно ограничить самовластие хорошими коренными законами. Конституционная Англия является прекрасным, но далеким идеалом; однако Австрия, Пруссия и Дания, сохранившие самодержавную власть, сумели приблизиться к конституционному правлению. «Россия, вступившая уже более 100 лет тому назад на чреду просвещенных держав и подражая во всем иностранцам, должна бы подражать сему достоверному примеру изданием прочных законов, учреждением публичного судопроизводства и определением достоинства каждого сословия. Она могла бы также принять для блага своих народов форму умеренной монархии, не ослабляя той власти, которая нужна для обеспечения обширных ее предметов».

Многие либералисты периода кризиса и реакции могли бы подписаться под этой смягченной программой, составленной в духе трезвого дворян-

ского «реализма». Но огромное большинство помещичьего класса рассуждало иначе: оно могло согласиться с классовой критикой системы казенного хозяйства, но оно решительно отказывалось от лозунгов эмансипации и «умеренной монархии». Коллективные петиции, поданные предводителями дворянства во время коронации Николая I, не оставляют сомнений в консервативном характере общедворянского настроения. Авторы петиций не жалеют красок при описании аграрного кризиса, они говорят о широком распространении недовольства, но в то же время исходят из мысли о неизменном сохранении существующего социально-политического порядка. Помещичий либерализм в первой четверти XIX столетия питался не оскудением, а избытком, не разорением помещичьего хозяйства, а начавшимся процессом его капиталистического преобразования. Ослабление темпов капитализации заглушало источники буржуазного либерализма. Новые социальные и политические идеи сохраняли свое влияние в кругах обеспеченных землевладельцев, но они сохраняли его в ослабленной и суженной форме. Естественным союзником этого поредевшего либерального слоя оставалась незначительная прослойка торгово-промышленной буржуазии, которая сумела подняться до сознания своих классовых интересов: несмотря на распространение аграрного кризиса, размеры торгового оборота неуклонно росли, капиталистическая фабрика успешно развивалась, а предпринимательская инициатива по-прежнему наталкивалась на глухие преграды со стороны феодального сословно-дворянского государства²⁷.

Но чем слабее и уже становилась струя помещичьего либерализма, тем сильнее и громче заявляло о себе другое, радикально-демократическое течение. Облекаясь в формы той же буржуазной идеологии, оно исходило из иных социальных источников и приходило к другим социально-политическим выводам. Развитие капиталистических отношений имело неодинаковые последствия для разных слоев преобразующегося общества. Новые хозяйственные процессы обогащали крупных землевладельцев, зажиточное купечество и крестьянскую буржуазию, но одновременно они разоряли мелкопоместное, а частью и среднее дворянство, городскую ремесленную мелкоту и значительные слои крепостного и казенного крестьянства. Это явление еще не успело приобрести той интенсивности, какая будет характеризовать его позднее — в пореформенную эпоху: отсталая земледельческая страна еще оставалась во власти крепостной экономики; натурально-хозяйственные отношения уживались с явлениями торгового и денежного оборота не только в крупных помещичьих вотчинах, но и в мелких порах крестьянского хозяйства. Но, судя по сохранившимся данным, уже в первой половине XIX в. наблюдалась заметная дифференциация в недрах городского и сельского населения. Распространение отхожих промыслов и увеличение численности фабричных рабочих служили наглядными показателями обеднения и пролетаризации крестьянства. Аналогичный процесс хозяйственного оскудения и упадка переживался и некоторой частью земледельческого дворянства. По данным 1834 г., 13% привилегированного сословия принадлежало к категории безземельных душевладельцев; по свидетельству современников, положение мелкопоместных дворян поддерживалось только крайней эксплуатацией барщинных крестьян; некоторые мелкие помещики мало отличались по образу своей жизни от собственных крепостных; многие земельные собственники были опутаны ипотечными и личными долгами; публичная продажа разоренных имений была обычным явлением в первой четверти XIX в. Таким образом, определенный и довольно значитель-

ный процент землевладельческого дворянства утрачивал свою производственную базу и выпадал из рамок помещичьего класса. Некоторые деклассированные элементы оседали в крупных усадьбах на положении управляющих или простых приживальщиков. Другие поступали на военную и гражданскую службу и жили исключительно «с жалованья», наконец, третьи просачивались в частные торговые и промышленные предприятия. Развитие капитализма предъявляло повышенный спрос на людей умственного труда и организационных навыков. Крупные откупа и подряды, разрастающиеся мануфактуры, большие торговые и транспортные начинания требовали для себя подготовленного технического персонала. В качестве примера можно указать на образование крупных акционерных объединений. В 1825 г. наряду с Российско-Американской компанией функционировало несколько обществ: Российская юго-западная компания, учрежденная для устройства судоходства и транспортирования грузов по юго-западным губерниям; Черноморская компания по постройке паровых мельниц и вывозу муки из Одессы; Компания на паровое судоходство по Волге, Каме и Каспийскому морю; наконец, Страховая морская контора по страхованию судов и товаров, отправляемых из Одессы. Административный аппарат этих обществ был достаточно велик и частично рекрутировался из представителей «просвещенного сословия». Разрастание крупных хозяйственно-административных центров расширяло кадры юристов, учителей, «лекарей», живописцев. Создавался слой профессиональных литераторов, журналистов, переводчиков, стихотворцев, которые сосредоточивались вокруг издательских предприятий. Формировалась новая буржуазная интеллигенция, которая обслуживала нового социального заказчика — растущую и богатеющую российскую буржуазию. Представители деклассированного или неимущего дворянства были не единственными носителями этой нарождавшейся умственной силы: крупные города притягивали к себе выходцев из разных сословий — мещане, поповичи, однодворцы, дети государственных крестьян одинаково превращались в коллегских регистраторов, торговых приказчиков или профессиональных журналистов. Связанная экономически с развивающимся капиталом, новая интеллигенция попадала в орбиту буржуазного направления; она была кровно заинтересована в беспрепятственном росте слагавшейся социальной формации, которая открывала перед ней широкие творческие перспективы; феодальные препятствия, возникавшие на пути этого роста, противоречили интересам интеллигенции и должны были вызывать ее сопротивление и протест. Правда, в недрах новой общественной группы наблюдалось известное идеологическое расслоение: некоторые элементы, обслуживавшие землевладельческое дворянство и государственный аппарат, проникались более архаическими традиционными взглядами; другие, теснее связанные с кругами крупной торгово-промышленной буржуазии, отчетливее и резче отражали ее классовую позицию. Но были значительные слои, которые непосредственно соприкасались с мелкобуржуазными классами города и деревни; по своему происхождению и производственным функциям они занимали промежуточное положение между господствовавшей верхушкой и угнетенными массами. Такие элементы болезненно чувствовали на себе не только гнет феодально-землевладельческого дворянства, но и грозившую силу поднимавшегося капитала; они оказывались восприимчивее к запросам и чаяниям крестьянства, враждебнее и решительнее к требованиям эксплуататорских классов. Оставаясь на позиции мелкобуржуазного индивидуализма, эти демократические прослойки вырабатывали более радикальную и

действенную идеологию. Вооруженные революционной теорией европейской буржуазии, проникнутые суровой ненавистью к существующему порядку, они существенно отличались от носителей умеренного дворянского либерализма. Не соглашение, а разрыв с крепостническим строем составлял основание их слагавшейся социально-политической программы; не интересы капитализировавшегося помещичьего хозяйства, а задачи освобождения и расцвета крестьянской и ремесленной буржуазии были объективными источниками их общественного протеста. Однако выходцам из деклассированной и разночинной среды не доставало умственной и политической подготовки; они оформляли свое мировоззрение труднее и медленнее, чем представители имущего землевладельческого класса; они не имели за собой богатой традиции феодально-аристократической борьбы; они строили свои самостоятельные выводы на новых теоретических основаниях; наконец, многие из них были самоучками, плохо владели иностранными языками, располагали незначительным запасом общественных знаний. Вот почему идеология таких групп — менее развитая, менее четкая и менее обоснованная; но эти недостатки замедленного идеологического роста не мешают подметить в них ясно выраженную демократическую тенденцию. Она одинаково ощущается и в «Обществе независимых» с его отрицанием монархии и мечтами о равенстве, и в астраханском кружке А. Л. Кучевского, который проповедовал республику и экспроприацию богатей, и в резких антидворянских прокламациях, подброшенных к петербургским казармам во время волнений Семеновского полка. Радикальное демократическое течение — более позднее по своему происхождению, но более последовательное по своему развитию. Аграрный кризис и феодально-землевладельческая реакция не могли остановить его дальнейшего роста; наоборот, по мере усиления реакционного курса расширялась и крепла его протестующая боевая тенденция. Чем тяжелее складывались экономические условия в городе и деревне, тем больше ожесточения и ненависти накапливалось на низших ступенях общественной лестницы; чем произвольнее и грубее действовала самодержавная власть Александра I, тем успешнее и быстрее подвигалось политическое воспитание недовольных элементов. На фоне незамиравшего крестьянского движения радикальная среда мелкобуржуазной интеллигенции служила собирательным фокусом, который притягивал к себе истекавшие лучи революционной энергии.

Но демократическое течение несло в себе один неустранимый и крупный недостаток: его социальная база не отличалась нужной широтой и прочностью. Мелкобуржуазная интеллигенция начала XIX в. была еще ничтожна по своей численности, разнородна и разрозненна по своему составу, а, главное, обречена на вспомогательную, несамостоятельную роль в производственной жизни. Промежуточное положение лишало интеллигенцию необходимой устойчивости и внутренней силы; ориентируясь на условия капиталистического развития, она охотно опиралась на сильных союзников и легко подпадала под их общественное влияние. Такими естественными и более сильными союзниками были торгово-промышленная буржуазия и дворянско-землевладельческие слои, переходившие на буржуазную почву. Сближение и союз против единого могущественного врага диктовались всей обстановкой социально-политической жизни. «Великая ложа Астреи», которая обособилась от аристократического Капитула Феникса, была первоначальной попыткой такого негласного буржуазного объединения. Масонская идеология и политическая лояльность не могут заслонить от нас объективного

значения этого общественного союза: рассматривая списки его многочисленных филиалов, мы видим широкую консолидацию сил, в которую входят передовое дворянство, образованная буржуазия и значительные кадры мелкобуржуазной интеллигенции. В противоположность мистическим устремлениям шведской системы ложи Астреи проникнуты идеями рационализма и буржуазной морали; они порывают с феодально-аристократической иерархией, диктатурой командоров и обстановкой блестящего ритуала; этому наследству английского рыцарства они противопоставляют демократический принцип выборной власти, несложное количество степеней и внешнюю простоту религиозного обихода. Политические идеи эпохи не нашли себе непосредственного выражения в деятельности масонской организации, но участие в разнообразных ложах союза Астреи послужило предварительной школой, которая подготовила будущих деятелей политического движения. В этом смысле масонскую демократическую реформу 1817 г. можно считать одной из многочисленных предпосылок в процессе развития декабризма²⁸.

Однако, масонская идеология и ритуалистика были недостаточным оружием в обострявшейся классовой борьбе. Усиление феодальной реакции требовало более настойчивого и организованного отпора. Перед отсталой страной вставала историческая дилемма: или завоевать себе право на быстрое хозяйственное развитие ценою глубокого социально-политического переворота, или остаться при старых общественных отношениях и, следовательно, при прежней экономической отсталости. Противоречие между развивавшимся капиталистическим строем и устаревшей феодально-правовой оболочкой должно было разрешиться открытым революционным столкновением. Носители нового буржуазного будущего должны были теснее сомкнуться и выделить боевой авангард с отчетливо сформулированной программой и ясно продуманной тактикой. Политическое общество декабристов и явилось таким боевым авангардом. Под общим знаменем буржуазной революции оно объединило в своем разнородном составе представителей разных социальных слоев и различных политических взглядов.

II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ Н. МУРАВЬЕВА

Среди «вольнодумцев» конца XVIII столетия была определенная группа, которая одинаково отличалась и от политических протестантов типа А. Н. Радищева, и от поверхностных вольтерьянцев вроде жестокого крепостника Н. Е. Струйского; ее составляли представители обеспеченного дворянства, субъективные поклонники просветительной философии, но убежденные противники ее последовательных революционных выводов. Эти люди стояли на перепутье между старой традиционной идеологией и новыми освободительными принципами; они соединяли в себе теоретическое образование с гуманными принципами, но их политические и социальные воззрения были проникнуты глубоким скрытым консерватизмом; они были горячими «друзьями человечества» и абстрактными сторонниками прогресса, но всякое нарушение спокойного и мирного существования вызывало их решительное и непреклонное осуждение. Крепко спаянные с системой феодально-крепостнического режима, они воспринимали основы буржуазного мировоззрения, но придавали им чуждое, феодальное истолкование. Это внутреннее противоречие идеологической

формы отразило в себе начавшиеся, но еще слабые сдвиги в глубоких пластах социально-экономической жизни.

К числу таких искренних, но непоследовательных сторонников французского «Просвещения» принадлежал отец декабриста, савонник и педагог, историк и поэт Михаил Никитич Муравьев. Он не мог похвалиться блестящим аристократическим происхождением, но имел право сослаться на старинное выслуженное дворянство: его далекие предки, новгородские «боярские дети», с XV в. без перерыва служили московскому самодержцу. Не мог он считаться и крупным влиятельным землевладельцем: его родовые поместья в Новгородской и Рязанской губерниях были невелики и малоодоходны; но он сумел поправить свое небольшое состояние удачной женитьбой на дочери известного откупщика сенатора Ф. М. Колокольцова: жена принесла ему в приданое 14 деревень, разбросанных по разным губерниям Нечерноземного края, более 1 тыс. дес. земли и около 450 душ крепостных. М. Н. Муравьев не выдавался энергией и силою характера, но ему удалось занять почетное положение в дворянском обществе не только своим образованием, но и успешно сделанной карьерой. Он окончил Московский университет, владел классическими и несколькими новыми языками, хорошо знал античную и новоевропейскую литературу, разбирался в вопросах истории и философии, самостоятельно писал и прозой, и стихами. Состоя на военной службе в гвардии, он получил доступ к екатерининскому двору и занял ответственное место воспитателя великих князей Александра и Константина. В суровые времена павловского режима он принадлежал к небольшому кружку, поощрявшему либеральные мечтания заподозренного наследника. Воцарение собственного ученика открыло перед М. Н. Муравьевым широкие перспективы: сначала он занял доверенный пост статс-секретаря по принятию прошений, позднее — должность товарища министра в только что образованном ведомстве народного просвещения. Исполняя функции либерального комиссара при старом и отсталом П. В. Завадском, М. Н. Муравьев сделался проводником преобразовательных начинаний Негласного комитета. Но особенное внимание он уделял реформированию Московского университета, в котором исполнял руководящие и почетные функции «попечителя»: вырабатывал новый либеральный устав, выписывал иностранных ученых, устраивал заграничные командировки, создавал лаборатории, кабинеты и научные общества.

К явлениям окружающей жизни М. Н. Муравьев подходил с моралистической точки зрения, но его характеристики и оценки никогда не поднимались до уровня бичующей смелой сатиры. Он соединял в себе преклонение перед античной древностью, непоколебимую религиозность и сентиментальный культ природы и сердца. Сохранившаяся переписка и трехтомное собрание сочинений достаточно характеризуют его философское и социально-политическое мирозерцание.

Спокойный, безмятежный эпикуреизм — такова идеологическая подоплека симпатий, воззрений и вкусов М. Н. Муравьева. «Спокойствие, досуг, здоровье и дружба — вот настоящие жизненные блага», — писал он в 1797 г. в одном из откровенных писем своей жене. Безумцы те, которые в погоне за счастьем стремятся исколесить всю вселенную; идеал М. Н. Муравьева — «тишина, спокойствие, уединение». Отдавая в печать свое лучшее сочинение — «Обитатель предместья», он выбирает ему эпиграф из стихотворения Горация; переводя отрывок в привычном сентиментальном стиле, он вкладывает в него свои сокровенные и заветные желания:

Хотелось мне иметь землицы уголок
И садик, и вблизи прозрачный ручеек,
Лесочек сверх того; и лучше мне и боле
Послали небеса. Мне хорошо в сей доле,
И больше ни о чем не докучаю им,
Как только, чтоб сей дар оставили моим.

Эта краткая исповедь не только бегство от двора под сень умиротворяющей пасторали, не только протест «добродетели» против волнений и козней аристократического света: это философия спокойного примирения с действительностью, признание и освящение ее социально-политического порядка. Правда, ограниченный идеал удовлетворенного собственника не исчерпывает духовного содержания М. Н. Муравьева: он вдохновляется и мотивами личного честолюбия, и отвлеченными идеями «общественного блага», но его никогда не оставляет настроение патриархальной благожелательности, за которой скрывается глубоко консервативная точка зрения. Она становится особенно ясною, когда «друг добродетели» начинает высказываться на волнующие социальные и политические темы.

Воспитанный на произведениях французских философов, М. Н. Муравьев мечтает о всеобщем братстве и равенстве; присматриваясь к положению крестьянства, он сожалеет о «несчастных и равных нам людях, которые принуждаются бедностию состояния своего исполнять без награждения все наши своенравия», больше того — он подвергает суровому порицанию «злонравие» жестоких помещиков. Но эти темные пятна не колеблют его спокойного оптимизма. Оглядываясь на крепостную деревню, он видит в ней не жестокую эксплуатацию, а, наоборот, «картину благополучия»: «На полях трудолюбие, веселость земледельцев, в усадьбах помещиков приличное изобилие, добросердечие, домостроительство...». Институт крепостного права, источник массового унижения и рабства, не вызывает в М. Н. Муравьеве принципиального осуждения: «Общим опытом доказано, сколько российский дворянин внимателен к пользе подвластного ему селянина, приверженного с своей стороны чрез целые столетия одному семейству и смешивающего повиновение с благодарностью». Деревенскую жизнь он описывает в духе невинных идиллий и в праздничном общении крепостных с «господами» видит прекрасное «явление из золотого века». Такое же кричащее внутреннее противоречие выступает в политических воззрениях М. Н. Муравьева. Искренний поклонник Руссо вдохновляется высокими идеями естественного права. Он твердо уверен, что «священные права человека *безопасность, собственность* замыкаются в едином слове *вольности*». Он восхищается свободными республиками Греции и Рима, а утрату политической свободы связывает с их военным и духовным упадком. Он глубоко убежден, что «самое лучшее правление есть то, в котором гражданин может пользоваться всеми правами и способностями человека, сколько не вредят они другим его согражданам. Сие состояние называется вольностью и есть священное право всего человечества». Но, провозглашая революционные истины просветительной философии, М. Н. Муравьев вносит характерные ограничительные поправки: ссылаясь на исторический опыт, он одинаково опасается и «пагубного честолюбия вождей», и «беспокойства непросвещенной черни». Он подмечает с большой тревогой предвестия надвигающейся Французской революции, но быстро находит себе спокойное утешение: «Народы, впадшие пороками утеснителей или буйностью безначалия в бедствия, угрожающие погибелью, имеют иногда счастье и

благоразумие покориться беспрекословно предписаниям мудрого законодателя». Идеалом М. Н. Муравьева остается добродетельный и мудрый монарх, подобный философу Марку Аврелию; «при нем Рим не сожалел о потере вольности: под властью императора он наслаждался ею в совершенной тишине и безопасности». Эта истина приобретает всю свою силу, когда последователь Вольтера и Монтескьё обращается мыслью к историческим судьбам и современному состоянию России. Его философия русского исторического процесса вполне совпадает с «Наказом» Екатерины II и с позднейшими декларациями Н. М. Карамзина: «Государство, столь пространное, как Россия, не может иметь другого образа правления, кроме единоначалия, которое, соединяя все силы государства в руках одной особы, награждает отдаленность пределов скоростью исполнения». Жестокий произвол монархической власти не нарушает консервативных выводов М. Н. Муравьева; в развитии исторических событий он видит осуществление желанного идеала. «Власть государей не ограничена никакими пределами; но кротость последних царствований приблизила ее во всем к сообразованию с европейскими монархиями и даже имя раба изгнано, так как приличное в одном азиатическом деспотстве и унижающее человечество». В законодательстве неограниченной империи М. Н. Муравьев находит выполнение «мысли величественной»: «Основаť законы на первых началах разума всеобщего, всегда и везде пребывающего». Отсюда вытекает для М. Н. Муравьева ободряющий вывод: «Инде законы были горестной плод несчастий народных; у нас произошли они от престола». Зачем же кровавые революции и «опасное безначалие черни», если естественные права человека и гражданина могут быть восстановлены единоличною властью монарха?.. «Сим способом права народов самых вольных сообщены России. Общее правило, что никто не должен быть наказан без суда, есть обережение вольности гражданской и служит основанием законодательства Российского». Таким образом, европейская критика отживших социально-политических институтов служила для М. Н. Муравьева не к отрицанию, а к одобрению и возвышению отечественного порядка. Идеи просветительной философии были восприняты подобно «нежной и сладостной свирели» Виргилия, оставались красивой и модной оболочкой патриархального крепостнического мировоззрения. Ни современники, ни сам М. Н. Муравьев не замечали этого глубоко зияющего противоречия: социальный порядок, установившийся к концу XVIII в., удовлетворял интересам подавляющего большинства землевладельческого дворянства¹.

М. Н. Муравьев не был одинок в своих социальных и политических взглядах: их разделяли его старые и близкие друзья, тоже поклонники античности, — сенатор И. М. Муравьев-Апостол и деятель новиковского кружка, известный масон И. П. Тургенев; под этими воззрениями охотно подписались бы и Ник. Ник. Муравьев-старший, питомец Страсбургского университета, выдающийся агроном своего времени, и А. Ф. Бестужев, основатель и участник либерального «С.-Петербургского журнала». Это старшее поколение дворянских семейств, из которых вышли крупнейшие декабристы, уже прокладывало дорогу буржуазным идеологическим течениям; но в своем общественном быте и социально-политических взглядах оно еще крепко стояло на старой феодально-землевладельческой почве. М. Н. Муравьев, вероятно, с сочувствием и интересом следил за выходящими книжками либерального «С.-Петербургского журнала», но он гораздо ближе примыкал не к радикальным писателям А. Н. Радищеву и И. П. Пнину, а к сентиментальным романтикам Н. М. Карамзину и

В. А. Жуковскому. Литературный салон М. Н. Муравьева, в котором находили одинаковое гостеприимство и будущие основатели «Арзамаса», и переводчик «Илиады» Н. И. Гнедич, и ревнитель старины И. И. Дмитриев, служил посредствующим звеном между писательской средой и столичными кругами дворянского общества. Влечение к уединению и покою не мешало М. Н. Муравьеву поддерживать постоянные связи и с царским двором, и с представителями высшей сановной аристократии. Сохранившаяся семейная переписка пестрит фамилиями титулованной знати: Голицыны и Долгоруковы, Толстые и Панины, Ланские и Новосильцевы фигурируют здесь как хорошо знакомые и близкие люди. Эти связи сохранили всю свою силу и после смерти М. Н. Муравьева: его вдова, унаследовавшая от отца крупное состояние, была хорошо известна дворянскому Петербургу; по словам современников, дом Екатерины Федоровны Муравьевой был «одним из роскошнейших и приятнейших в столице»; по данным фамильной хроники, его всегда наполняли многочисленные родственники и друзья, а на его открытые праздничные обеды собиралось до 70 человек гостей. Будущий декабрист Никита Муравьев проводил свое детство в обстановке плотного дворянского круга, охваченный впечатлениями патриархальных традиций и подчиненный влиянию «просвещенного консерватизма». Почтительный культ отца и живой интерес к его произведениям сопровождал декабриста в продолжение всей его жизни. Этому выводу мало противоречит свидетельство Ф. Ф. Вигеля, что Е. Ф. Муравьева вливала в сына свою желчь и раздражение против верховной власти. По-видимому, наблюдение мемуариста относится к эпохе континентальной блокады, когда дворянское общество, раздраженное союзом с Наполеоном, открыто негодовало против политики Александра I. В открытом, широко посещаемом доме могли раздаваться отголоски сословной фронды, которая несколько не колебала коренных устоев традиционного мировоззрения².

Однако наряду с консервативными впечатлениями дворянского строя мы замечаем в детские годы Н. Муравьева несколько иное влияние, исходившее от его деда по матери, сенатора и барона Ф. М. Колокольцова. Этот человек пользовался в семье Муравьевых непререкаемым и безграничным авторитетом. Он обладал миллионным состоянием, владел десятками тысяч десятин и несколькими тысячами душ крепостных, состоял акционером Российско-Американской компании, участвовал в крупных откупках и подрядах и предоставлял денежные ссуды то профессиональным купцам, то нуждающимся помещикам. Ф. М. Колокольцов воплощал в себе новый тип дворянина — предпринимателя с ясно выраженными буржуазными наклонностями и практической складкой. Есть основание утверждать, что он держался прогрессивных общественных взглядов: во время обсуждения указа о вольных хлебопашцах он разошелся с реакционной позицией министра Г. Р. Державина. В вопросах хозяйственного порядка Ф. М. Колокольцов был неизменным руководителем и советником своей дочери. Никита Муравьев высоко ценил его деловые способности и видел в нем образец строжайшего экономического расчета. Постоянное общение с дедом должно было оставить на декабристе определенное воспитательное влияние, но это было воздействие реальных жизненных наблюдений и трезвых утилитарных советов. Вперемежку с патриотическими наставлениями и моральными сентенциями на подрастающего Н. Муравьева веяло другой, более практической струей, которая питалась новыми развивающимися капиталистическими отношениями³.

Так скрещивались в семье Муравьевых сословная традиция, облеченная в культурную европеизированную форму, и дух буржуазного предпринимательства, пробивавший дорогу сквозь рамки традиционной сословности.

Никита Муравьев родился 19 августа 1795 г. и через четыре месяца по установившемуся дворянскому обычаю, был зачислен каптенармусом в гвардейский Измайловский полк. Отец и мать приняли непосредственное участие в его воспитании. М. Н. Муравьев придавал большое значение практической педагогике и собрал в своей библиотеке разнообразные книги по этому вопросу: пособия Амоса Коменского, сочинения Фенелона, аббата Белегарда, Герта и Бецкого. Книга Руссо «Эмиль, или О воспитании» была предметом его особенного внимания. Имея опыт преподавателя и склонный к моральному обучению, отец собирался непосредственно руководить образованием своего сына. Для этой цели он предполагал использовать материалы прежних уроков — свои разрозненные исторические опыты и свои пространные рассуждения о морали. Сохранилась ученическая тетрадь Никиты Муравьева, которая показывает, что отец действительно приступил к осуществлению намеченной цели. В 1806 г. он начал преподавать своему сыну древнюю историю и, устно излагая свои лекции, конспективно записывал их на бумаге. Разбираясь в содержании этих уроков, мы сразу узнаем руководящие точки зрения М. Н. Муравьева. Учитель излагает своему ученику договорную теорию происхождения государства, но излагает со свойственным ему благодушным историческим оптимизмом. По его словам, сознание своей слабости заставило людей соединиться для совместной работы, но отсутствие власти породило между ними взаимные ссоры и несогласия; тогда, по взаимному соглашению, люди избрали из своей среды наиболее разумного — сначала в виде судьи, потом в виде законодателя и правителя. Благодарность к начальнику и боязнь беспорядков побудила людей предпочесть наследственность власти — самую естественную и наиболее прочную форму правления. Так появилась монархия и образовалось государство. В дальнейшем учитель разъясняет, какое значение и пользу имеет история: эта наука представляет собой хранилище человеческого опыта, сокровище моральных примеров и источник всестороннего совершенствования. Характерно, что, оставаясь верным религиозной традиции, М. Н. Муравьев пытается примирить показания Библии и выводы научных исследований: разделение на эпохи он начинает с «Адама, или творения», в ветхозаветном Моисее видит «самого древнего из историков, самого возвышенного из философов и самого мудрого из законодателей», а рамки ветхозаветных периодов заполняет культурной историей Финикии, Египта и Палестины. Он хочет сосредоточить внимание своего слушателя на крупнейших успехах цивилизации: делает ссылки на сохранившиеся источники, говорит об античных историках, упоминает о результатах произведенных раскопок. Иногда он предупреждает о ненадежности фактических сведений и оговаривается о разногласиях, существующих между учеными.

Этот уцелевший отрывок указывает нам направление, в котором должно было развиваться историческое преподавание М. Н. Муравьева. Отец старался не только расширить кругозор своего сына, но и сообщить ему последние выводы западноевропейской теории; через все изложение должна была проходить определенная воспитательная тенденция: внушить уважение и интерес к завоеваниям человеческой культуры, но обезопасить мысль от разрушительных революционизирующих точек зрения.

Преподаватель согласен, что «изменения или перевороты в политическом строе цивилизованных народов, их причины и результаты составляют главные основы всеобщей истории», но он подчиняет свое конкретное изложение консервативному принципу и стремится извлечь необходимый материал для примиряющего морального поучения.

Преждевременная смерть в 1807 г. оборвала исторические уроки М. Н. Муравьева. С этого момента руководство образованием декабриста перешло в руки посторонних гувернеров и приходящих учителей. К Никите Муравьеву были приглашены два воспитателя: один из Парижа (был сыном *m-me* Mayers, лично известной семье Муравьевых), другой из Швейцарии (принадлежал к семейству Pétra). О первом сохранились глухие сообщения Ф. Ф. Вигеля, который рисует его коварным якобинцем, «заразившим воображение отрока», но не сумевшим испортить его прекрасное сердце. Pétra ценился Муравьевыми как честный и искренний друг; позднее его внезапная смерть была источником тяжелого огорчения для его воспитанника. Mayers получал 1 тыс. руб. в год, но, по-видимому, и он и Pétra давали мальчику только основные, первоначальные элементы знания. Систематическое обучение лежало на обязанности специальных преподавателей, «часто переменявшихся», как сообщает сам Н. Муравьев в своем показании на следствии. В письмах сибирского периода он вспоминает о своих учителях геометрии Лукине и Денисове, о преподавателе русского языка Соколове, о религиозных уроках аббата Chosele. Сохранившиеся материалы дают конкретное представление об его учебных занятиях. В библиотеке Московского университета находится немало книг из богатого собрания Муравьевых, в том числе учебники и руководства будущего декабриста; в семейном архиве сохранились его ученические тетради по различным предметам с 1806 по 1810 г. Сопоставляя эти разрозненные данные, мы получаем картину домашнего, широко поставленного образования, какое наблюдалось в богатых дворянских семьях начала XIX в. Преподавание учебных предметов велось по-французски, не исключая и родного русского языка. Наряду с математикой и начатками естествознания преподавались география и история, литература и риторика; помимо книг для детского чтения, приобретались правоучительные пособия и руководства по поведению; большое внимание было обращено на усвоение классических и новоевропейских языков. Н. Муравьев хорошо изучил латинский и греческий: мог самостоятельно переводить Тацита и читать в подлинниках Геродота и Диодора; он вполне овладел французским и немецким, свободно читал по-английски. По-видимому, языки давались ему легко и свободно; впоследствии, уже взрослым, он дополнительно освоил итальянскую и польскую речь. Граматики и разнообразные хрестоматии составляли главную часть его ученической библиотеки. Преподавание истории носило строго фактологический характер; учитель рассказывал о событиях, обращая большое внимание на хронологию, но систематически избегал обобщающих выводов; изложение велось по рубрикам царствований и сосредоточивалось преимущественно на внешних событиях. Рассказы о революциях не отличали в учителе якобинского направления; в передаче истории Реформации и войн протестантов заметно проглядывала предвзятая католическая тенденция. Очень возможно, что эти уроки давались иностранцем-французом, далеким от всякого революционного настроения. В методическом отношении они значительно уступали оборвавшемуся преподаванию М. Н. Муравьева. Уроки русской истории, вероятно, велись не только по историческим сочинениям отца: в черновых тетрадях Никиты Муравье-

ва сохранились его конспекты по истории Сибири и разнообразные сведения, почерпнутые из летописцев. Знание языков открывало Н. Муравьеву широкий доступ к европейской литературе; обязательные уроки он должен был дополнять самостоятельным чтением; некоторые из его книг, например «Генриада» Вольтера, датированы ранними ученическими годами.

Нет никаких оснований предполагать, что уже в этом отроческом периоде Н. Муравьев был увлечен революционными идеями века. Рассказы и рассуждения Майера — по-видимому, непосредственного свидетеля парижских событий — могли волновать молодое воображение, возбуждать отвлеченный интерес к революционной эпохе, но они скользили по поверхности, не оказывая на ум глубокого определяющего влияния. Судя по сохранившимся данным, образование сына пошло по дороге, указанной и проторенной отцом: изучение классиков, усвоение элементов европейской культуры и насаждение начал патриархальной морали. По примеру отца Н. Муравьев проникся религиозными эмоциями и до конца своих дней оставался верен христианской традиции. Культ «добродетели» сохранял свою силу над Н. Муравьевым в продолжение всей его жизни. Чувство патриотизма внушалось ему тоже с раннего возраста; оно подогревалось общей атмосферой семьи и военными рассказами ближайшего друга и родственника — поэта К. Н. Батюшкова. По выражению последнего, в молодом Н. М. Муравьеве возрождались характер и наклонности его отца, «добродетельного друга человечества, мирного служителя философии и науки». Но в его юношеском сознании уже таились иные, более «опасные» семена; отвлеченные идеи свободы, уроки Майера, изучение французской литературы должны были заложить первоначальную, еще непрочную основу для будущего либерального мировоззрения⁴.

По окончании домашнего образования Н. Муравьев поступил студентом в Московский университет. К сожалению, пожар 1812 г. истребил университетские документы этого периода, и мы не в состоянии конкретно представить себе годы высшего образования декабриста. Почти единственными источниками для изучения этой жизненной полосы Н. Муравьева являются его формулярный список и его лаконичные показания, данные под арестом. «Впоследствии, — говорит Н. Муравьев, — слушал я в Московском университете у покойных профессоров Страхова, Панкевича и Рейнгарда лекции физики, математики и логики. Имея отроду 16 лет, когда поход 1812 года прекратил мое учение, я не имел образа мыслей, кроме пламенной любви к отечеству». За этой намеренно осторожной формулировкой скрывается нечто большее: официальный акт удостоверяет, что Никита Муравьев поступил на военную службу кандидатом Московского университета в чине 12-го класса, обладая знанием «части математических наук». По-видимому, он был зачислен на физико-математический факультет, но не успел пройти законченного университетского курса и был выпущен в ускоренном порядке в связи с разразившимися военными событиями. Это предположение подтверждается и данными фамильной традиции: в 1811 г. Никита Муравьев принял активное участие в Московском обществе математиков, которое было организовано его родственником Н. Н. Муравьевым. Общество возникло при Московском университете, ставило себе научно-просветительные задачи и сделалось зародышем будущего Училища колонновожатых. Члены-учредители распределили между собой ближайшие обязанности, и на долю студента Никиты Муравьева выпала задача перевести на русский

язык «*Elements de Géométrie par Legendre*». Очень характерно, что из четырех отделений преобразованного университета Н. Муравьев выбрал не словесное и не нравственно-политическое, а отделение точных научных дисциплин: очевидно, природные математические способности и склонность к логическому мышлению перевесили силу семейной традиции и увлечение античными авторами.

В 1811—1812 гг. Московский университет действовал на основе нового академического устава, приближавшего русские учебные заведения к типу западноевропейских автономных университетов. Реформированный усилиями М. Н. Муравьева, он пополнился европейскими профессорами и получил ценные вспомогательные учреждения. Профессора М. И. Панкевич и П. И. Страхов считались хорошими специалистами в вопросах естествознания. Профессор философии Х. Е. Рейнгард, питомец Тюбингенского, Йенского и Марбургского университетов, занимавший кафедру истории в Кёльне, был выписан из Германии и читал лекции на отделении словесных наук; в последовательной форме математических теорем он обосновывал доктрину естественного права и защищал «неотчуждаемые права человеческой личности». Занимаясь математикой, Н. Муравьев одновременно посещал лекции логики; очень возможно, что он не ограничивался официальной программой и раздвигал свои занятия за узкие факультетские рамки. Несмотря на короткий период, он получил достаточно математическую подготовку для быстрого получения первого офицерского чина.

Однако влияние университета не могло исчерпываться слушанием профессорских лекций и частными занятиями в Обществе математиков. Посещая научные аудитории, Н. Муравьев впервые отрывался от тесного круга семейных впечатлений и подвергался воздействию новой и разпородной среды. По воспоминаниям современников, московское студенчество этого периода расслаивалось на различные социальные группы: наряду с представителями обеспеченного дворянства в университет влиялись выходцы из нуждающейся разночинной молодежи. Трудолюбивый и упорный семинарист нередко обгонял своими знаниями культурного, но ленивого барича. Идеи просветительной философии звучали не только с высоты профессорской кафедры: они оживленно обсуждались в студенческих спорах и вырывались наружу в закрытых научных диспутах. Иногда происходили словесные состязания о преимуществах монархического правления и раздавались отвлеченные, но горячие дифирамбы в защиту республиканского строя. Эти умственные и политические интересы в той или иной степени должны были коснуться молодого 16-летнего Н. Муравьева. Его университетские годы послужили некоторой подготовкой к более сложной и многообразной жизненной школе⁵.

Летом 1812 г. разразилась война с Наполеоном, которая прервала спокойное и безмятежное существование будущего декабриста. Огромное большинство дворянского общества встретило начавшуюся войну шумными выражениями патриотических чувств. Негодование против Франции питалось не только системой континентальной блокады, наносившей большие убытки помещичьему хозяйству, не только сословными страхами перед возможностью революционной заразы. Вторжение наполеоновской армии ставило под угрозу существование дворянской империи, неприкосновенность ее территории, незыблемость ее социально-политического порядка. Перед лицом могущественного и опасного врага смолкли недавние политические разногласия; дворянство образовало единый и сплоченный фронт; поступление денежных пожертвований, организация военных

ополчений и публичные изъятия монархизма были наглядными показателями боевой дворянской позиции. Правда, национальное чувство было не так единодушно и бескорыстно, как стремились изобразить официозные писатели: документальные и мемуарные источники передают нам достаточно случаев и безразличного равнодушия, и личного эгоизма, и хищнических злоупотреблений. Однако эти факты не колеблют общего вывода о широком националистическом подъеме, который охватил привилегированное сословие и передался большей части купечества. Крепостные крестьяне иначе реагировали на разразившиеся события: несмотря на идеологическое влияние господствующего класса, они активно откликнулись на пораженческие призывы, нередко обрушивались на дворянские экономии и массами дезертировали из действующей армии. Только непосредственное разорение, нанесенное реквизициями французской армии, толкнуло крепостную деревню на самостоятельную, «народную войну» против Наполеона.

Н. Муравьев, воспитанный в идеях национализма и вдохновленный образами античной доблести, переживал в это время состояние патриотического возбуждения. Он непрерывно следил за происходившими событиями, читал официальные реляции о битвах, внимательно изучал военные обзоры, заносил на бумагу разнообразные выписки и собственные заметки. Он бредил мыслью о поступлении в действующую армию и непосредственном участии в боевых действиях, но мать не давала ему согласия, ссылаясь на слабость его здоровья. 6 августа французские войска овладели Смоленском и двинулись по направлению к Москве. Н. Муравьев не выдержал «состояния бедствия» и тайно убежал из родного дома, чтобы соединиться с авангардом отступавшей армии. Ему удалось отойти на несколько десятков верст от столицы, но крестьяне заподозрили в нем французского шпиона (нашли у него военные карты) и связанного препроводили в Москву. Полицейские власти заключили Н. Муравьева в тюрьму, и только непосредственный допрос, произведенный генерал-губернатором Ф. В. Ростопчиным, окончательно рассеял происшедшее недоразумение. Этот эпизод получил широкую огласку и вызвал оживленные толки в дворянском обществе. Соппротивление матери было сломлено, и через некоторое время Н. Муравьев начал систематическую подготовку к предстоящей военной службе⁶.

Приближение Наполеона заставило Муравьевых вместе с значительной частью московского дворянства поспешно бежать в Нижний Новгород. Они проживали здесь «на биваках» вместе с И. М. Муравьевым-Апостолом и К. Н. Батюшковым. В письмах из-за границы Никита Муравьев вспоминал это время, как «бурный период» своей юношеской жизни. В эти месяцы невольной нижегородской ссылки родились известные «Письма» И. М. Муравьева-Апостола, проникнутые страстным протестом против иностранных заимствований, дворянской галломании и пренебрежения к русским обычаям. Н. Муравьев называл «Письма» «знаменательным сочинением»; несомненно, что в обстановке воинственного подъема, под непосредственным влиянием совершавшихся событий он искренно пережил те же мысли и чувства. С этого момента идея национализма, одинаково охватившая феодальные и буржуазные круги всей Европы, сделалась руководящим началом его жизненного мировоззрения⁷.

8 июля 1813 г. Никита Муравьев был произведен в гвардейские прапорщики и зачислен «в свиту его величества по квартирмейстерской части». 27 августа он выехал из Петербурга, напутствуемый благослове-

нием матери, сопровождаемый несколькими крепостными и снабженный многочисленными письмами к родным и знакомым. Его путь лежал через западную границу в район расположения императорской квартиры — небольшой австрийский городок Теплиц. Он уезжал в приподнятом боевом настроении, которое ярко отразилось на страницах его походной записной книжки. Военно-патриотические стихи Г. Р. Державина, цитаты из французского поэта Фавра, латинские изречения — все говорило о величии предстоявшего подвига и о доблестной гибели «за благо отечества». Однако воинственный пыл не мешал Н. Муравьеву испытывать щемящую тоску по родному дому; его полудетские, иногда наивные письма этого времени рисуют нам юношу, который связан своими воспоминаниями и суждениями с покинутой обстановкой замкнутого семейного круга. Новые впечатления — разнообразные встречи, природа и население Европы, военный поход — постепенно стирали эту печать незрелого юношеского периода. Н. Муравьев изо дня в день записывал свой маршрут; его походный журнал и частые письма к матери дают конкретную картину его боевого путешествия.

21 сентября Н. Муравьев прибыл в Теплиц, явился к начальнику штаба и был откомандирован в Польскую армию, состоявшую под командою генерала Л. Л. Беннигсена; он получил немедленное назначение в генерал-квартирмейстерскую часть, которая составляла организующий мозг армейского аппарата. Молодому прапорщику предстояла здесь скромная роль младшего офицера, исполнителя разнообразных поручений военного штаба. К этому времени русская армия соединилась с союзными корпусами и окружила Лейпциг; отдельные боевые столкновения происходили на широких полях Богемии и Саксонии. Через несколько дней Н. Муравьев принял участие в рекогносцировке под Дрезденом и первый раз в своей жизни был свидетелем и участником военного сражения. 6 октября он принял непосредственное участие в исторической битве под Лейпцигом и порастил своих сверстников невозмутимым спокойствием при виде убитых и раненых. Поражение Наполеона определило собой исход последующей кампании. Союзные войска наступали на запад, пересекая Центральную Германию и планомерно обходя крепостные гарнизоны. Около Магдебурга Н. Муравьев снова участвовал в боевом столкновении и вместе с наступавшей армией через Франкфурт и Веймар передвинулся в Кальбе, небольшой городок в западной Пруссии, где сосредоточилась стоянка главной военной квартиры. В дальнейшем Польская армия отклонилась от основного военного направления и двинулась к северу, в сторону моря; главной целью ее похода было овладение Гамбургом, захваченным французским корпусом маршала Вандама. В ночь на 14 января 1814 г. Н. Муравьев участвовал в атаке, произведенной на французские позиции под Гамбургом, а через две недели — в наиболее серьезном из всех пережитых им сражений — на острове Вильгельмсбурге. После повторной победоносной атаки Польская армия овладела побережьем, заняла Альтону и 19 мая вступила в разоренный Гамбург, торжественно встреченная немецкими бюргерами. Н. Муравьев с увлечением описывает это вступление в завоеванный город — парадным строем уланских и гренадерских полков, в сопровождении девушек с цветами и лаврами, под «радостный шум бесчисленного народа». В сущности, этим шумным парадом закончились боевые подвиги Н. Муравьева — главные военные действия разыгрывались во Франции, и Польская армия, выполнив свою боевую задачу, могла успокоиться на отведенных квартирах. Балы и театры сменили

собою сражения и длинные переходы. Н. Муравьеву удалось совершить только одно интересное путешествие — быстро объехать Голштинию и договориться с датским правительством о расквартировании подошедших русских войск. Его впечатления принимают более мирный характер, а его письма подробнее отражают окружающую европейскую обстановку.

Германия не произвела на Н. Муравьева сильного впечатления. Моментами он восхищается ее природой, любит «прекраснейшей Альтоной» с ее тенистым бульваром и крутым берегом Эльбы, с интересом наблюдает «голландские пейзажи» — сплетение речек, протоков, прудов, перерезанных плотинами, островками и шлюзами; но мирное немецкое бюргерство вызывает у него раздражение и суровые характеристики. Его возмущает ограниченность и завистливость жителей Гамбурга; русскому аристократу кажутся жалкими мещанские формы немецкого гостеприимства и оскорбительными их назойливые денежные расчеты: «честь, благодарность, славу — все здесь считают через талеры и луйдоры». Немцы представляются Н. Муравьеву народом, «состоящим единственно из купцов, который не имеет и других занятий сверх того, как англичане, которые присоединяют к тому великий народный [дух], чего здесь совсем нет».

Мирный договор был подписан, и война с Наполеоном казалась законченной. 19 августа Н. Муравьев выехал из Гамбурга, а 1 сентября сел на морской корабль в Травемюнде; через одиннадцать дней он уже был в Петербурге, в близком семейном кругу. Пережитый поход оставил его глубоко неудовлетворенным. Правда, он получил в награду два ордена и аттестацию «отличной службы... в продолжение всей нынешней кампании», но его молодой воинственный пыл и жажда впечатлений не нашли себе достаточного исхода. Он завидовал К. Н. Батюшкову, который совершил французский поход, «вошел в Париж при победных восклицаниях» и сумел побывать в Лондоне. «А я, — жаловался Н. Муравьев, — не имел этого счастья, был в армии, которую и не считали в числе оных, видел Дрезден и не входил в него, был на Рейне и не входил во Францию. Был в скучных блокадах и в глупых перестрелках...» Однако заграничный поход не прошел бесследно для внутреннего развития Н. Муравьева. Опыт самостоятельной жизни развеял наивную детскость. Житейские встречи и личные разочарования подсказали первые горькие выводы: «Где только люди, там страсти, там заблуждения, там несправедливость. Но есть средство против того — *молчание*... Сверх того, я всегда верил и верю еще, что твердая и постоянная воля доходит всегда до своей цели. Она встретит на своем пути затруднения, препятствия, но они пройдут, исчезнут, а она останется».

Возникает вопрос: оказал ли заграничный поход политическое влияние на Н. Муравьева? В позднейших показаниях на следствии он отвечал на этот вопрос утвердительно: «Прокламации союзных держав в 1813 году, предлагавшие народам Германии представительное правление вместо награды за их усилия, обратили во-первых мое внимание на сей предмет». Можно предполагать, что непосредственные беседы с жителями Альтоны и Гамбурга в течение трехмесячной мирной стоянки тоже касались волнующих политических вопросов. Н. Муравьев сознается в своей переписке с К. Н. Батюшковым, что он напился в Гамбурге не только немецкими расчетами, но и немецкими рассуждениями, которые он нетерпеливо стремится сообщить своему другу. Мы знаем, что расчетливым собирателям талеров и луйдоров не были чужды преобразовательные стремления. Втянутая в широкую морскую торговлю, непосредственно

сталкивавшаяся с революционной Францией, буржуазия торговой республики живо интересовалась политическими событиями; конституционные обещания немецких монархов должны были вызвать оживленные толки в купеческих домах приморского порта. Политическая проблема впервые вставала перед Н. Муравьевым не в отвлеченных рассуждениях французских философов, а в непосредственных впечатлениях реальной действительности⁸.

Этот пробудившийся интерес нашел себе могущественную поддержку в ближайшие месяцы 1815 г. 1 марта Наполеон вернулся с острова Эльбы и произвел новый государственный переворот. Союзники перешли в ответное наступление, и гвардейские полки были снова двинуты за границу. В апреле 1815 г. Никита Муравьев покинул Петербург и старой дорогой — через Вильну, Варшаву и Прагу — направился в Вену, где заседал международный конгресс и находилась главная императорская квартира. Он получал несколько менявшихся назначений и наконец был откомандирован к дежурному генералу Главного штаба А. А. Закревскому. Попеременно он жил то в Вене, то в Гейльбронне, то в Гейдельберге. Военная кампания окончилась быстро. Битва при Ватерлоо открыла союзникам дорогу в Париж. Гвардейские полки вступили в столицу Франции под шумные приветствия роялистов. Осуществилась давняя мечта Муравьева; в конце июля он тоже переехал в Париж, и перед ним открылось широкое поле для неизведанных впечатлений. Письма парижского периода бросают некоторый свет на эту важную полосу его жизни. Он поспешил воспользоваться духовными богатствами мирового центра: посещал художественные галереи и театры, любовался картинами Давида, слушал парижскую оперу, смотрел трагического актера Тальма, ходил по Jardin de Plantes, поднимался на колонну Аустерлица. Несмотря на проявленную энергию, он не успевал удовлетворять свою любознательность. Через месяц он с сожалением признавался матери: «Расстояния здесь так велики, что я всякий день нахожусь до света и не успеваю еще быть, где желаю, так что до сих [пор] я много кое-чего не видел в Париже». Но осмотру достопримечательностей мешали не только недостаток времени и карманных денег, но и новые интересы Никиты Муравьева: он накупил себе много книг и проводил свободные часы за увлекательным чтением. По сведениям фамильной традиции, он не ограничился домашними занятиями, а посещал лекции в Парижском университете.

Некоторые сохранившиеся данные помогают выяснить направление и характер его работы.

Париж этого времени был центром интенсивной политической жизни. Низложение и новое провозглашение Наполеона, двукратная реставрация Бурбонов, вмешательство иностранной дипломатии необычно обострили государственную проблему. Либеральная партия, которую основала передовая промышленная буржуазия, сыграла решающую роль в этих бурных перипетиях. Ее идеолог, молодой Бенжамен Констан, получил приглашение Наполеона составить новую конституцию. Вторичное возвращение Людовика XVIII было ознаменовано попытками широких конституционных уступок. Париж был наводнен потоком либеральных брошюр, памфлетов и газетных статей, оживленно обсуждавших текущие политические вопросы. С мая 1815 г. стал выходить периодический орган либеральных бонапартистов «Indépendant» (впоследствии «Constitutionnel»); он провозглашал окончание революции и требовал двусторонних гарантий — и от социальной реставрации, и от повторения якобинского тер-

пора. Либеральная программа склонялась к восстановлению монархии, но монархии, ограниченной народным представительством с широкими законодательными правами. В политических салонах сталкивались противоположные мнения вернувшихся роялистов, сторонников Бонапарта и приверженцев республиканской идеи. Борьба принимала острый характер и вращалась вокруг основного вопроса: вернется ли Франция к старому социально-политическому порядку или пойдет по новой дороге свободного буржуазного конституционализма? В августе 1815 г. Париж переживал избирательную горячку. На этот раз победила партия роялистов, которая дала «бесподобную Палату» и окончательно санкционировала реакционные меры Людовика XVIII в. Но это не сломило, а усилило либеральную партию: в неосторожных крайностях роялизма она нашла себе новую точку опоры; на трибуне парламента и на страницах периодической прессы она мобилизовала общественное мнение французской буржуазии; ее публицистика сделалась боевой программой политического похода против сословного аристократизма, неограниченной королевской власти и подавления индивидуальной свободы.

Никита Муравьев был свидетелем политических выборов и первых шагов «бесподобной Палаты». Его библиотека пополнилась нашумевшей брошюрой Бенжамена Констана «*De l'esprit de conquête et de l'usurpation*», этим политическим евангелием возродившегося либерализма. В Париже он поселился в доме герцога Коленкура, бывшего посланником Наполеона в императорской России. По утверждению Н. И. Греча, близко знакомого с семьей Муравьевых, молодой офицер был приветливо принят хозяином дома, который должен был помнить его отца — воспитателя Александра I. Дом Коленкура собирал в своих стенах интересное общество и был широким полем современных политических споров. Н. Муравьев встретил здесь Бенжамена Констана и, вероятно, тут же познакомился с деятелями революции — умеренным Сийесом и республиканцем Грегуаром.

Перед будущим декабристом раскрылись важнейшие борющиеся программы в непосредственном истолковании крупных политических деятелей. Идеи просветительной философии, воспринятые в уроках отца, в рассказах Майера, в чтении французской литературы, приобретали отчетливую практическую постановку. Как непосредственный участник событий, Н. Муравьев должен был глубже и действеннее пережить волнующие проблемы европейской действительности. Перед ним открывалась возможность широкого выбора: реакционные идеалы роялистов не соответствовали основам его воспитания, воинственная программа бонапартизма противоречила его националистической точке зрения, зато умеренные лозунги либералов падали на благодарную почву, подготовленную предшествующей работой сознания. С этого времени политические симпатии Н. Муравьева все больше склоняются на сторону Бенжамена Констана. Парижские впечатления 1815 г. были исходным моментом, который определил руководящую линию будущего мировоззрения Н. Муравьева. Но для того, чтобы выработать определенные и конкретные взгляды, необходимо было непосредственное воздействие российской действительности. Только возвратившись на родину и познакомившись с ее общественной жизнью, Н. Муравьев получил реальную точку опоры, на которой утвердилось его самостоятельное политическое мышление.

Однако первые проблески политической оппозиции заметны уже в письмах парижского периода: описание торжественных маневров в Вертю Н. Муравьев прерывает едкой характеристикой военных «преоб-

разований», которые волею властей распространяются на мундиры, шпаги и ордена. Это зародыш тех ламентаций против утомительно бесконечных парадов, которые характеризуют его московскую переписку 1818 г.

В середине сентября Н. Муравьев покинул Париж вместе с возвращающейся в Россию гвардией. Он совершил многоверстный переход через Францию и Германию, побывал в Берлине, полюбовался красотой горных пейзажей и развалин феодальных замков и в декабре 1815 г. вернулся в Россию. «Временный житель трех столиц», он «с новым удовольствием увидел теперь Петербург»⁹.

Война 1812—1815 гг. повлекла за собой тяжелые экономические последствия для всего населения государства. Губернии, расположенные в зоне военных действий, были разорены двукратным проходом французской и русской армий. Сотни усадеб и тысячи деревень были сожжены артиллерийским огнем, хлебные поля были вытоптаны, зерновые запасы уничтожены, съестные припасы расхищены. В одной Московской губернии сгорело более 400 крепостных деревень, насчитывавших свыше 7 тыс. крестьянских дворов. Запасные магазины, разбросанные в помещичьих селах только одного Можайского уезда, потеряли около 17 тыс. четв. ржи и более 2 тыс. четв. ярового хлеба. Москва была сожжена и разграблена французами; погибли не только жилые дома, но и московские фабрики со всем имевшимся оборудованием. Губернии, расположенные в стороне от военных действий, были истощены бесконечными реквизициями и поставками. Война поглотила громадные массы живой человеческой силы. По данным официальных ревизий, в промежуток между 1811 и 1816 гг. население России не только не увеличилось, но заметно уменьшилось: количество казенных поселян сократилось на 519 718 чел. (на 7,5%) и стало абсолютно меньше, чем в 1796 г.; количество помещичьих крестьян упало еще более — на 569 509 чел. (на 5,5%). Таким образом, одно крестьянство потеряло более 1 млн. чел., т. е. не менее 6% всей земледельческой рабочей силы страны. Многие возвратились инвалидами и были потеряны для производительного труда. Налаженные помещичьи и крестьянские хозяйства оказались расстроены не только сражениями, реквизициями и грабежами, но и призывами многочисленных ополчений. Торговые операции значительно сократились, ярмарочные обороты упали, платежи по долгам были приостановлены. Дороговизна товаров болезненно ощущалась в крупных городских центрах. Денежный рынок был наводнен бумажными ассигнациями; наряду с подлинными кредитными знаками обращалось огромное количество фальшивых билетов, выпущенных французскими агентами. Большие дороги кишели беглыми, дезертирами и нищими. Население стонало под гнетом увеличивавшихся налогов, но это мало улучшало положение государственных финансов. В конце 1814 г. министр финансов Д. А. Гурьев писал всеильному А. А. Аракчееву: «Мы касаемся до столь трудной развязки финансовых оборотов, что нельзя без ужаса подумать о последних месяцах сего года и чем они кончатся». Повсеместное недовольство и жалобы усиливались грабежами откупщиков и безграничными хищениями провиантских чиновников. Война завершилась рядом скандальных процессов, из которых наиболее шумевшим было дело о казнокрадстве военного министра светлейшего князя А. И. Горчакова. Вопиющие язвы самодержавно-крепостного порядка обнажились с особенной резкостью. Уже в начале 1813 г. доверенный корреспондент сообщал Аракчееву: «Чем далее идут военные действия, тем чувствительнее становятся общие тягости. Со всех мест пи-

шут и говорят со вздохом». Немного позднее полицейский чиновник, собиравший петербургские слухи, доносил уже о критике недовольных, которые действуют против правительства сатирую и насмешками. Недовольство накапливалось на обоих полюсах русского общества: крестьянские массы начинали открытое сопротивление вотчинной власти, помещичье дворянство проникалось глухой оппозицией против правительственной бюрократии. Кампания 1812—1815 гг. сыграла такую же роль политического возбудителя, какую впоследствии, но в более острой и усложненной форме, в иных социально-политических условиях приобрели крупные войны: Крымская (1853—1856), русско-японская (1904—1905) и первая мировая (1914—1918 гг.). Послевоенный кризис затянулся на несколько лет; в экономической сфере он скоро сменился торгово-промышленным и сельскохозяйственным оживлением, но в социальной и политической области еще долго звучали отголоски всеобщего возбуждения. Крестьянство бродило и волновалось надеждой на близкое освобождение; консервативное дворянское большинство нападало на частности, но охраняло незыблемые устои существующего порядка; прогрессивные дворянские группы переносили свою критику на самые основы политического порядка. Так настроение послевоенного кризиса сделалось исходным моментом широкого либерального течения¹⁰.

Молодое офицерство, вернувшееся из-за границы, острее и тоньше реагировало на развертывавшиеся факты русской действительности. Возбужденное пережитыми событиями, охваченное европейскими впечатлениями, оно имело новый критерий для оценки отечественных порядков. Воспоминания декабристов хорошо характеризуют этот момент глубокого политического перелома. «Великие события Отечественной войны,— рассказывает М. А. Фонвизин,— оставя в душе глубокие впечатления, произвели во мне какое-то беспокойное желание деятельности. Двукратное пребывание за границей открыло мне много идей политических, о которых [я] прежде не слыхивал. Возвратясь в Россию... продолжал я заниматься политическими сочинениями разного рода... и держал в мечтаниях моих желать принорования оных в России». Н. И. Тургенев указал и тот руководящий источник, из которого черпался материал для политических оценок: это были французские публицисты во главе с Бенжаменом Констаном, которые «как будто предприняли политическое воспитание европейского континента» и которые «были в России так же популярны, как и у себя на родине». Занятия политической философией утратили свой прежний абстрактный характер: реальные жизненные условия приковали к себе усиленное внимание нового дворянского поколения. «В беседах наших,— припоминал И. Д. Якушкин,— обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закостенелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга, повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, неуважение к человеку вообще». Так намечалось зародышевое ядро, из которого должно было прорасти революционное общество декабристов. Движение, подготовленное десятилетиями экономических изменений, обогащенное и усиленное европейской идеологией, нашло себе открытый исход под влиянием острого послевоенного кризиса¹¹.

Никита Муравьев разделил в это время судьбу своих многочисленных сверстников и друзей: возвращение в Россию стало началом нового периода его жизни. Окончание заграничной кампании не заглушило военных интересов Н. Муравьева: полный неостывшего возбуждения, он

старался осознать пережитый им боевой опыт и на долгое время отдался изучению специальных военных вопросов. В своем походном журнале он подробно описывал выдающиеся сражения, которых был личным свидетелем и участником; теперь он пополнил и систематизировал собранные материалы, засел за изучение военной истории, начал выискивать лучшие пособия и специальные монографии о прежних кампаниях. Особенный интерес вызвала в нем личность А. В. Суворова, его стратегические приемы и многочисленные выдающиеся походы. Интерес Н. Муравьева поддерживался его новой служебной работой в гвардейском Генеральном штабе. По возвращении из-за границы он получил назначение к генерал-адъютанту Г. В. Жомини, бывшему сподвижнику Наполеона, перешедшему на русскую службу накануне Лейпцигской битвы. Этот крупнейший знаток военного искусства, прославивший свое имя историческими трудами, должен был оказать на Н. Муравьева большое умственное влияние: войны Французской революции, ее военные преобразования и их крупное общеевропейское значение были не только изучены, но и глубоко осмыслены Н. Муравьевым. Мы находим в его тетрадях многочисленные ссылки на военные сочинения французских и немецких специалистов; проблемы тактики и стратегии становятся предметом его долгих сосредоточенных размышлений. Широкая образовательная подготовка помогала ему вставить эти вопросы в общую историческую перспективу. К специальным явлениям своей профессии он подходил как историк, вооруженный острием критического анализа и вдохновленный идеей национализма. Спокойная логическая работа поддерживалась взволнованными юношескими эмоциями. К. Н. Батюшков, близко наблюдавший его в этот период, посвятил ему характерные строки:

Твой дух встревожен, беспокоен.
Он рвется лавры пожинать.
С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавых войны
И в вялом мире не находит
Отрадной сердцу тишины¹².

Наблюдения Батюшкова были верными, но не вполне точными: «встревоженный и беспокойный дух» Н. Муравьева направлялся не только на вопросы военной истории, но и на глубокие проблемы политической жизни. Н. Муравьев не был одиноким в этих умственных исканиях послевоенного периода. Вернувшись из-за границы, он не порвал своих товарищеских боевых связей; нередко он заезжал в Семеновские казармы к родственникам и друзьям своего детства, Сергею и Матвеем Муравьевым-Апостолам. Здесь находил он И. Д. Якушкина, С. П. Трубецкого и сыновей Ник. Ник. Муравьева, известного основателя Училища колонновожатых. В непринужденных беседах они обменивались мнениями о состоянии государства, порицали основы существующего порядка, высказывали общие преобразовательные идеи. Такие размышления и беседы возбуждали потребность в политических знаниях, в систематических занятиях общественными науками. Никита Муравьев, С. П. Трубецкой и братья С. и М. Муравьевы-Апостолы составили основное ядро наметившегося кружка; к нему присоединились сначала приехавший П. И. Пестель, затем преображенские офицеры братья И. П. и С. П. Шиповы, за ними И. А. Долгоруков и Ф. Н. Глинка. Учредители сделали «складчину» и пригласили в качестве лектора известного «либералиста» — профессора и академика К. Ф. Германа. В своей квартире, на Васильевском ост-

рове, он прочел своей новой вольной аудитории университетский курс политических наук. Не ограничиваясь лекциями Германа, участники «складчины» занялись самостоятельным изучением экономических и государственно-правовых вопросов. С этого времени начинается новая полоса в жизни Н. Муравьева — период его сосредоточенных занятий общественными науками¹³.

Библиотека Муравьевых, пожертвованная в Московский университет, проливает некоторый свет на эту умственную работу. Наряду с произведениями классиков, ценными изданиями XV—XVIII вв., художественной и военной литературой мы находим здесь большую коллекцию книг на исторические, хозяйственные и правовые темы. Мы встречаем тут корифеев просветительной философии Гельвеция и Вольтера, Монтескьё и Руссо, идеологов революционной эпохи Мабли и Вольтера, либеральных публицистов периода Реставрации — Бенжамена Констана, Ланжюинэ и Детю де-Траси. Рядом с произведениями прогрессивных писателей мы находим сочинения консервативного лагеря — работы Шатобриана и Э. Берка, собрание реакционных памфлетов под общим заглавием «Conservateur». Исследование Блекстона об английском государственном праве и письма Юниуса об Англии дополняются серией политических сочинений Иеремии Бентама, виднейшего теоретика буржуазного либерализма. Американская публицистика представлена работами крупных государственных деятелей заатлантической республики — Джефферсона и Адамса, итальянская школа обновленного правоведения — известными работами Беккариа и Филанджери. Из теоретиков хозяйственного индивидуализма мы видим Адама Смита, Сея, Рикардо и Сисмонди. Очень разнообразен подбор исторических сочинений; каждая из политических революций нашла себе отражение в библиотеке Н. Муравьева: рядом с известной работой Вильмена о Кромвеле мы имеем большие исследования Рамсея и Браккенриджа о североамериканской войне; богатая коллекция книг посвящена падению французской монархии и перипетиям Великой французской революции, начиная с кратких хронологических очерков и кончая серией мемуаров издания Мишо; история Наполеона отразилась в воспоминаниях и памфлетах современников; тут же встречаются специальные исследования и злободневные брошюры, посвященные революциям в Греции и Неаполе, в Испании и на острове Сан-Доминго. Сборники конституций, юридические кодексы и пособия по гражданскому, уголовному и процессуальному праву составляют особый раздел библиотеки, который отмечен именами Миттермаера, Геерена и Гейнеция. Значительно беднее представлены русские авторы, но и здесь мы находим влиятельные произведения своего времени вроде сочинений А. Н. Радищева и работы В. В. Стройновского о ликвидации крепостных отношений. Большая часть этих книг вышла в свет по смерти М. Н. Муравьева, другими словами, приобретена его сыном. Многие экземпляры снабжены автографами Н. Муравьева, некоторые носят на себе следы его политических размышлений, иногда лаконичные и отрывочные, иногда связные и достаточно обстоятельные.

Знакомство с библиотекой дополняется перепиской Н. Муравьева, которая отчетливо отражает его пробудившиеся интересы: время от времени он просит свою мать прислать ему определенные книги — то Рикардо и Сея, то историка Иоганна Мюллера, то политические комментарии Детю де-Траси; нередко он делится впечатлениями о прочитанных книгах, говорит о своем согласии с «Эмилем» Руссо, о возмущении ходульным фразерством Шатобриана, о величии духа вольнолюбивого и гордого Аль-

фиери. Отрывочные записи в черновых тетрадах дополняют эти случайные и беглые высказывания: мы узнаем, что Н. Муравьев изучал революции в Америке и Испании, штудировал Монтескьё и Бенжамена Констана, разбирался в теории физиократов, сопоставлял английское и американское право, читал историю Польши Рюльера и популярное произведение Вольнея «*Les guinées*». Эти разнообразные источники развертывают перед нами картину продолжительного и сосредоточенного труда: вдохновленный буржуазным идеалом свободы, Н. Муравьев стремился обосновать свои взгляды и придать им форму законченного и стройного мировоззрения¹⁴.

Вскоре в книжках «Сына отечества» — неофициального журнала, вызванного к жизни дворянским подъемом 1812 г., — появилась первая печатная работа Н. Муравьева. Это было критическое рассуждение о жизнеописаниях Суворова — начало задуманной, но неоконченной работы о жизни великого полководца. Н. Муравьев дает здесь характеристики нескольких сочинений, в том числе Антинга, Бошана и Лаверня; он обнаруживает хорошее знание древности, знакомство с военной историей (особенно с походом 1799 г.) и общую литературную начитанность. Эта юношеская работа особенно интересна в двух отношениях: она знакомит с историческими критериями Н. Муравьева и дает представление об его общих воззрениях. Автор одинаково осуждает приемы Антинга и Лаверня: сочинения первого — сухое изложение фактов, лишённое красок, чуждое критики и не дающее никаких обобщений; сочинение второго — систематическое обобщение материала, которое возводит причинность до уровня фатализма, не оставляя никакого места ни жребию, ни случаю. По мнению Н. Муравьева, научная истина находится посредине между этими крайностями. Автор невысокого мнения о русской истории: «Можно утвердительно сказать, что муза истории дремлет у нас в России... Не такие образцы оставили нам древние, не одними восклицаниями наполнены бессмертные творения Фукидида, Саллюстия и Тацита... Древняя история имеет то преимущество перед новейшею, что она по большей части писана людьми, занимающими первые места в правлении, а не одними токмо литераторами. По этой причине она и отличается особенной важностью, глубокомыслием, полнотою и строгим приличием».

Размышляя над причинами военных успехов и поражений, Н. Муравьев становится на философскую точку зрения: военные знания, таланты завоевателей, искусные и многочисленные армии не являются определяющим фактором; основная и главная причина победы — психическое состояние человеческой силы, внутреннее настроение воюющего народа; добродетель, мужество, доблесть — вот где таится решающая сила в боевых столкновениях. Такое выдвигание субъективно-психологического момента объяснялось не только влиянием идеалистической морали, культом героической древности и пристальным чтением Монтескьё, здесь обнаруживались непосредственные впечатления наполеоновских войн и внимательное изучение Французской революции. Н. Муравьев понимал военное и политическое значение революции, но сама революция не вызывала с его стороны никакого сочувствия: он не согласен с высокой оценкой Лаверня, который видел в событиях конца XVIII в. «одно из тех великих движений, каковые рука всевышнего изредка сообщает человеческому роду, дабы его привести к назначенной ею цели». Н. Муравьев полагает, что прошло время для подобных оценок: «Ныне, после славных побед наших, мы можем спокойно переноситься воображением к

отверстия ужасного, но истощенного вулкана и хладнокровно исчислять его извержения и бедствия, им причиненные».

Некоторые из мыслей Н. Муравьева, высказанные в этой юношеской работе, помогают уловить внутреннюю работу его политической мысли. Воспитанный в духе боевого национализма, он принял ближайшее участие в «спасении отечества». Последняя коалиция против Наполеона выдвигала идею национального освобождения от тирана. Испания и Германия давали зрелище борьбы за национальную независимость. «Общепародный подъем» служил лучшим толчком для достижения военной победы. Собственные переживания и окружающая действительность направляли мысль Н. Муравьева в определенную сторону. Если гражданское мужество — непременное условие военной победы, то благосостояние и свобода — предварительное условие мужества гражданина. Борьба с иноземным тираном, с попытками иностранного порабощения не может быть успешной в условиях народного рабства. Если народ — решающая сила в боевых столкновениях, то он обязан воспитывать в себе гражданскую доблесть, не подчиняться никакой тирании, самостоятельно руководить своей исторической судьбой. Недаром, вызывая народы бороться за национальную независимость, союзные правительства обещали дать им политическую свободу.

Таков вероятный ход мысли Н. Муравьева, насколько можно судить по сохранившимся записям. Идея национального величия приводила к идее политического освобождения, боевые патриотические настроения переливались в возбужденное политическое брожение. И то и другое имело общую классовую основу: и в национальном подъеме эпохи наполеоновских войн, и в освободительных стремлениях начала XIX столетия проявлялась растущая и крепнущая сила европейской буржуазии. В переживаниях Н. Муравьева повторялись те же основные мотивы, какие звучали в знаменитой речи немецкого философа Фихте и воодушевляли буржуазную интеллигенцию Пруссии в период реформ Штейна и Гарденберга. В одной из своих тетрадей Н. Муравьев записал цитату из Мюллера, которая подводила итог его собственным размышлениям: «...войны, подобно бурям, благотворные и ужасные, кроме случая обороны, всегда несправедливые, и по большей части следствия неправых законов или средства к возбуждению в неге воздремавшей силы и к произведению нового порядка вещей. Они-то суть ужасающие наставники в той вечной и непреложной истине, что богатство, знание, просвещение, все дары рождения и счастья суть ничто, коль скоро в горделивом или сладострастном забвении человек перестает быть *мужем*. Образованнейшие народы соделались добычею диких полчищ, как скоро ослабели духом, славному действию которого все покоряется. *Где более жизни, там и победа...* Из сего извлечь надобно, что для приобретения и сохранения необходимых и удобных для человека вещей тот образ мыслей и правления должен быть приличнейший, коим нравственные силы возбуждаемы до высшей степени и сохраняются в наилучшем положении». Н. Муравьев не ограничился выпиской: он снабдил ее собственным примечанием, которое расшифровывало политическое значение цитаты: «Можно будет со временем сказать нашему дворянству, что Тиверий Гракх говорил патрициям: „Что лучше: гражданин или раб вечный, ратник или бесполезный на войне человек?“». В глазах Н. Муравьева крепостная Россия — страна господ и рабов — не могла воспитывать гражданские чувства; боевая доблесть и величие государства казались несовместимыми с существованием рабства. Но возмущение Н. Муравьева вызывало

не только состояние крепостничества: переполненный впечатлениями от Парижа, публичными речами Палаты депутатов, либеральными сочинениями Бенжамена Констана, Н. Муравьев сурово оценивал русскую политическую действительность. Оглядываясь вокруг, он видел приниженность и холопство — неизбежные результаты отсталых правовых отношений. Вдумываясь в государственное устройство России, он не находил в нем прочной основы для укрепления внутренней силы. Свобода из книжного отвлеченного понятия превращалась в маящийся и волнующий идеал, который соединялся не только с античными образами, но и с яркими ощущениями современной эпохи. Безмятежные занятия поэзией и наукой казались недостойными настоящего гражданина; политическое равнодушие К. Н. Батюшкова, его мировоззрение эпикурейца и скептика вызывали раздражение и задорные реплики. Печатные похвалы императорам и вельможам казались Н. Муравьеву бесстыдным и унижительным сервилизмом, высокая оценка официальных реформаторов — противоречием исторической истине, возвеличение поэзии заставляло напоминать о других «прекраснейших достоинствах человека» — о «вере, добродетели и свободе». Старая семейная патриархальность исчезала как дым. Внушения отца преодолевались силой жизненных впечатлений. В сознании Н. Муравьева назревал внутренний перелом, брожение мыслей и чувств проникалось активными либеральными настроениями¹⁵.

Переживания Н. Муравьева были типичными для прогрессивной части дворянского поколения: политические выводы, которые он высказывал в своих заметках и письмах, слагались не только в часы уединенного размышления, но и в моменты живого общения с товарищами и друзьями. Так же характерно и основное направление его мыслей. Проникаясь критическим отношением к русской действительности, Н. Муравьев занимает умеренную политическую позицию: он избегает «ужасного» извержения революционных вулканов и предпочитает «глубокомыслие» и «приличие» не только в содержании исторических сочинений, но и в живом процессе политического преобразования. Никита Муравьев и его друзья начинают проникаться той же либерально-буржуазной идеологией, какую за четверть века до них в аналогичной, но неизмеримо более сложной обстановке исповедовали молодые последователи французских аристократов — маркиза Лафайета и графа Мирабо.

III. ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ СТРЕМЛЕНИЙ

По удачному выражению Сергея Муравьева-Апостола, «распространение... революционных мнений в государстве следовало обыкновенному и естественному порядку вещей, ибо если возбранить нельзя, чтобы общество не имело влияния на сие распространение, справедливо также и то, что если б мнения сии не существовали в России до рождения общества, оно не только не родилось бы, но и, родившись, не могло ни укорениться, ни разрасти[сь]». Отвечая на вопросы Следственного комитета, декабристы указывали различные причины, повлекшие за собой образование революционной организации: они вспоминали о своем пребывании за границей, о чтении политической литературы, о конституционных реформах начала XIX в., наконец, о либеральных обещаниях европейских правительств и самого Александра I. Но над этими частными фактами доминировало одно господствующее явление — неотвратимый «дух времени», который возбуждал революционные мысли и толкал на активные политические действия. «От одного конца Европы до другого видно везде одно

и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей, дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клекотать». Это утверждение П. И. Пестеля хорошо передает нам не только субъективное ощущение современников, но и действительный факт широкого распространения либерализма, этого идеологического оружия борющейся за власть буржуазии¹. Однако, подчеркивая историческую закономерность возникновения общества, показания и воспоминания участников не раскрывают нам объективных источников преобразовательного духа и не выясняют вопроса, почему либеральное мировоззрение осложнилось системой революционных актов.

Исходя из имеющихся данных о первой четверти XIX в., мы видим непосредственную связь, которая соединила членов тайной организации с прогрессивными кругами дворянского общества: социальные и политические стремления декабристов выражали ту же идеологию, которая выростала и развивалась в оппозиционной среде, за рамками тайного революционного союза. Декабристы имели сочувственную и солидарную аудиторию, которая отзывалась на их политические высказывания и поставляла им новые молодые резервы. Действительные причины появления революционного общества коренились в развитии капитализма, которое привело к возникновению буржуазной идеологии, породило официальные и частные проекты конституции, вызвало к жизни разнообразные записки о ликвидации крепостного права. Но в отличие от мирных сторонников либеральных преобразований декабристы восприняли идею насильственного переворота, что отграничило их от легального оппозиционного движения. Этот переход на революционные позиции произошел по окончании заграничного похода в условиях острого послевоенного кризиса, в обстановке нараставшего повсеместного недовольства. Усвоение революционной тактики было закономерным ответом на усиливавшуюся политическую реакцию, проявлением острой борьбы между хранителями феодально-крепостного режима и носителями новых буржуазных тенденций. Однако первые шаги революционного авангарда были еще неуверенными и шаткими; они отражали в себе слабую оформленность слагающегося течения и двойственную природу буржуазно-дворянской идеологии. Процесс социального перерождения, который совершался в недрах привилегированного сословия, ярко обнаружился в последовательных этапах развития тайного общества.

Политическая инициатива и здесь принадлежала представителям крупного землевладельческого дворянства. Первая отчетливая программа революционного общества датируется 1814 г. и связана с аристократическими именами гр. М. Ф. Орлова и гр. М. А. Дмитриева-Мамонова. Договариваясь об учреждении тайного «Ордена русских рыцарей», они проектировали целую систему буржуазных преобразований: «ограничение самодержавной власти» и «упразднение рабства», введение суда присяжных, «вольное книгопечатание», «уничтожение государственных монополий» и, наконец, уменьшение монастырей. Эти буржуазные элементы намечавшейся программы особенно оттенялись идеей широкой торгово-капиталистической экспансии: учредители «Ордена» требовали основания торговых компаний для хозяйственного овладения Сибирью, торговли с Китаем и Японией; они проектировали даже уничтожение коммерческой монополии англичан на Ближнем Востоке, а устройство Волго-Донского и Волго-Двинского каналов должно было облегчить экономическое продвижение к балтийскому и черноморско-каспийскому рынкам. Авторы

проекта настаивали на усилении пограничной армии и на расширении флотов — балтийского, черноморского и в водах Архипелага; они стремились к освобождению всех славянских народов, прокламировали «изгнание турков из Европы и восстановление греческих республик под протекторатом России» (<...>)

В этих требованиях программы звучали не только новые, буржуазные тенденции, но пережитки старой дворянской доктрины. Однако феодальное прошлое заявляет о себе еще настоятельнее и резче, когда мы прислушиваемся к чисто политическим требованиям Орлова и Дмитриева-Мамонова: самодержавную власть они предположили ограничить всемогущей властью Сената, которая была очерчена в духе верховников XVIII столетия. Сенат был составлен из 200 наследственных пэров, магнатов или вельмож государства, из 400 представителей дворянства и из 400 представителей народа; наследственным вельможам даровались уделы городами и поместьями»; казенные земли раздавались «по государственным уважениям частным людям»; крупнейшим торговым центрам присваивались «привилегии вольных ганзеатических городов»; наконец, «Ордену русских рыцарей» (или «рыцарей русского креста») предоставлялись «поместья, земли и фортеции наподобие рыцарей Тамплиеров, Тевтонических и прочих». Таким образом, дворянство не только сохранилось, но только удерживало львиную долю своей власти — оно экономически укреплялось и еще более аристократизировалось. Перед нами — возрождение старых аристократических проектов, которые частично вобрали в себя новые, буржуазные наслоения. Этими социально-экономическими нововведениями программа Орлова и Дмитриева-Мамонова заметно отличается от проектов кн. М. М. Щербатова, но она кажется нам еще архаичнее, чем конституционные наброски адмирала Н. С. Мордвинова. Первые прозелиты воинствующего либерализма начинали с утверждения старого сословно-феодального принципа.

Платформа «Ордена русских рыцарей» постепенно эволюционировала в республиканском направлении: к 1817 г. монархический Сенат «Ордена» заменила «Народная веча»; исполнительная власть сосредоточилась в лице двух «имперских посадников»; политическая программа осложнилась резкими выпадами против деспотизма «тиранов». Но эта формальная перемена не изменила социальной природы проектируемого государства. Народное вече оказалось разделенным на две палаты: «Вельможная камора» должна была состоять из 221 наследственного вельможи грекороссийского вероисповедания, 442 представителей от дворянства, 10 депутатов русского рыцарства («в коем, кроме русских православных, никого быть не может») и 6 депутатов от вольных городов («хотя бы они были и плебеяне»); «Нижнюю камору», или «Палату мещан», должны были составить около 3 тыс. городских депутатов, «кои могут быть избираемы между дворянами, между духовными, между мещанами, между купцами всех гильдий, между мастеровыми и между поселянами». При этом каждая палата получала особого председателя, избранного большинством голосов, но исключительно из среды вельмож или рыцарей. Вельможи должны были владеть неприкосновенными «уделами», расположенными в местностях, которые присылали их в качестве «наследственных представителей и депутатов». Вся страна разделялась на 17 областей, получавших исторические названия «царств», «государств» и «великих княжеств». Представители иноземных «окраин» (в том числе «Лифляндское, Курляндское и Финляндское шляхетство») были подчинены русскому патронату.

Таким образом, английский прообраз приобрел доморощенное феодальное истолкование, сильно напоминавшее аристократические проекты XVIII столетия. Правда, Орлов и Дмитриев-Мамонов шагнули далее Щербатова, Панина и Мордвинова: они допустили к участию в представительстве не только дворянство и купечество, но и мещанство, и даже «мастеровых и поселян». Но эта дань новому времени только резче оттеняла господствующую роль привилегированного сословия, а подчеркнутое пристрастие к удельной фразеологии сближало авторов с еще более отдаленными предшественниками — с составителями боярского феодального проекта далекого 1681 г.

Так же характерны организационные формы учреждавшегося «Ордена»: превращая его в замкнутое масонское общество с торжественным ритуалом и строгой иерархией, Орлов и Дмитриев-Мамонов избирали проторенную колею традиционных дворянских объединений; они сознательно использовали старую, сословно-аристократическую форму во имя сокровенной тайны политического заговора. «Великое искусство руководителей революции, — говорил Дмитриев-Мамонов, — состоит в том, чтобы поставить своих агентов в невозможность отступить, и, только волнуя умы, достигают того пункта, который, так сказать, составляет Тарпейскую скалу тиранов... Нужны тайны, секрет... секрет мины, наполненной порохом, — нужно ее взорвать...». Вступавший в высшую степень «Ордена» приносил клятву, что он будет одинаково поражать и Тарквиниев, и Неронов, будет «читать и лобызать кинжал, коим поразится похититель прав, чести и свободы Отечества», не будет опасаться угрожающих казней и бесстрашно пойдет на революционные средства. Вчитываясь в переписку Орлова и Дмитриева-Мамонова, мы видим, что в их сословно-дворянском истолковании революция — не массовое народное движение, а низвержение тирана при помощи привычного и старого способа царевубийства.

Таким образом, программа, организация и тактика первых инициаторов предполагаемого революционного общества упиралась в одну и ту же сословно-феодальную традицию. Даже революционный республианизм, к которому склонялись учредители «Ордена русских рыцарей», имел такую же феодально-аристократическую подкладку: политические идеалы Орлова и Дмитриева-Мамонова мало отличались от теорий французских монархомахов, прославлявших средневековые привилегии и властвовавших аристократическое содержание в идею народного суверенитета. Но феодальная традиция послужила для русских революционеров только исходным пунктом дальнейшего политического развития: задуманный «Орден русских рыцарей» не успел развернуться в настоящую революционную организацию — очень скоро его оставили и М. Ф. Орлов и Н. И. Тургенев, работавший над самостоятельным проектом учреждения пэрства; центрами консолидации сил явились другие объединения, более свободные от феодальных пережитков и широко открывавшие свои двери усиливавшемуся буржуазному течению².

1816-й и особенно 1817 год был периодом большого общественного оживления. В прогрессивных кругах дворянского общества наблюдалась настойчивая тенденция к объединению и организации. Почти одновременно начали возникать новые масонские ложи; сложился более демократический «Союз ложи Астреи», было положено основание Московскому обществу сельского хозяйства, появились новые литературные общества. На этом фоне начавшегося подъема приобрело особенное значение возникновение новой революционной организации, которая выросла есте-

ственно и логично из ранее намечившегося объединения. Идея образования тайного общества сложилась в тесном муравьевском кружке, объединенном передовыми стремлениями и общностью интересов. Александр Муравьев первый выдвинул эту мысль, поделился ею с Никитой Муравьевым и встретил его принципиальное одобрение; тогда он созвал у себя предварительное совещание из нескольких ближайших друзей (Никита Муравьев, И. Д. Якушкин и братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы). Задачей тайного политического союза намечалась борьба за «монархическую конституцию». Но эти предварительные организационные совещания не получили реального результата, пока в группу инициаторов не вошла новая сила в лице энергичного и революционно настроенного П. И. Пестеля. Осенью 1816 г. переговоры об учреждении тайного общества вступили в новую фазу и захватили более широкий круг кандидатов. Александру Муравьеву и здесь принадлежала инициативная, ведущая роль: являясь активным и воодушевленным масоном, он выступил с предложением превратить тайную политическую организацию в замаскированную фракцию полулегального масонского объединения; по-видимому, он руководился указаниями французского опыта, непосредственно воспринятого на заграничных собраниях «Парижского Востока». Брошенная идея встретила деятельную поддержку со стороны Пестеля, который представлял себе тайное общество в виде замкнутого и строго конспиративного боевого союза. Для проведения организационного плана была намечена ложа «Трех добродетелей», носившая характер военно-аристократического кружка передовых офицеров. Предложения Александра Муравьева и Пестеля не встретили настоячивых возражений: изолированной оппозиции С. П. Трубецкого противостояла сплоченная фаланга всех остальных учредителей. Члены слагающегося союза начали мирное наступление на ложу «Трех добродетелей»: они организованно внедрились в ее состав, активно посещали ее собрания, образовали в ней сплоченное ядро и захватили в свои руки командные должности, начиная со стула «великого мастера» и кончая скромным местом церемониймейстера. Ложа «Трех добродетелей» приняла «якобинский» характер и сделалась организационной опорой для привлечения новых членов и для совместных политических встреч. Параллельно разрабатывался устав самой фракции — того революционного союза, которому Пестель и Александр Муравьев стремились придать боевое, действительное значение. Была избрана особая комиссия из четырех лиц — С. П. Трубецкого, И. А. Долгорукова, Ф. П. Шаховского и П. И. Пестеля. По единодушным показаниям на следствии, Пестелю принадлежала руководящая роль в этом деле; именно он координировал организационные формы вновь образуемого союза с привычными формами масонского объединения: он разделил всех членов на три иерархические степени — братьев, мужей и бояр, обставил вступление в общество торжественными строгими клятвами и положил в основание его деятельности суровое начало беспрекословного послушания. Пестелем, несомненно, руководила определенная идея: по признанию Н. Муравьева, разработанный статут «проповедовал насилие»; делая доклад на заседании общества, Пестель апеллировал к историческому опыту Комитета общественной безопасности. По его глубокому убеждению, революционное общество должно было действовать на началах внутренней диктатуры во имя согласованного единства предпринимаемых начинаний. Правда, ссылка на диктатуру вызвала всеобщие возражения, но идея насилия была принята вместе с проектом конспиративной и строго дисциплинированной организации. Общество

получило название «Союза истинных и верных сынов Отечества» (в просторечии его называли более кратко — «Союзом спасения»). Учредители точно формулировали свои политические задачи: способствовать достижению представительного правления и освобождению крепостных крестьян. Никакой программы не было принято — сами инициаторы имели еще неясные и неоформленные социально-политические воззрения. Ограничились основными руководящими принципами, но дополнили их некоторыми тактическими предположениями: осторожно, но планомерно расширять состав конспиративного общества, овладевать командующими государственными постами и по смерти императора ограничить власть воцаряющегося наследника. Заимствованные формы масонского ритуала должны были обеспечить достижение разных целей: поставить внешнюю преграду между посвященными и профанами и придать революционной организации невинную форму обычной масонской ложи. Вторая защитная оболочка — завоеванная ложа «Трех добродетелей» — должна была еще более обеспечить момент политической конспирации.

Никита Муравьев принял самое активное участие в образовании «Союза истинных и верных сынов Отечества». Он был избран секретарем тайного общества и одновременно введен в состав масонской ложи «Трех добродетелей». 30 января 1817 г. его посвятили в масонские ученики, 27 февраля повысили в высшее звание «иоанновского мастера». На решающих масонских выборах 14 июня Никита Муравьев действовал солидарно с революционным кружком и наряду с П. П. Лопухиным, Шаховским, Александром и Сергеем Муравьевыми вошел в среду руководящих «официалов» ложи: его избрали на должность ритора и он выступал с религиозно-нравственными речами; нередко он исполнял обязанности секретаря — многие протоколы ученических, товарищеских и мастерских лож написаны его рукою и скреплены его подписью. На его квартире собирались члены «Союза спасения», в его лице видели одного из главных руководителей революционного общества наряду с Пестелем, Трубецким и Александром Муравьевым. Нет никакого сомнения, что он был согласен с организационным планом А. Муравьева и Пестеля и в этом первом революционном шаге отразил степень своего раннего политического подъема³.

«Союз спасения» был образован гвардейскими офицерами, принадлежавшими к кругу землевладельческого дворянства; однако социальный состав нового общества представляется нам не вполне однородным. С одной стороны, мы находим здесь представителей крупного помещичьего слоя, связанного с верхами сановной аристократии: таковы титулованные члены союза — князья Лопухин, Трубецкой, Долгоруков и Шаховской. К ним примыкают Никита Муравьев, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, братья И. П. и С. П. Шиповы, М. А. Фонвизин и М. С. Лунин. С другой — мы видим выходцев из среднего, менее зажиточного дворянства — братьев Александра и Михаила Муравьевых, Пестеля, Якушкина и Ф. Н. Глинку; по-видимому, к той же общественной группе принадлежали М. Н. Новиков, И. Г. Бурцев и братья Павел И. и Петр И. Колюшины. Революционное общество оказалось союзом различных дворянских прослоек, которые вносили в неоформившуюся организацию различные социальные и политические тенденции. Трубецкой с самого начала был представителем более умеренного, либерально-помещичьего течения: в образовании тайного политического общества он видел громоотвод против стихийного народного возмущения; он выступал противником замкнутой организации и боевой тактики; постепенно он нашел

себе активных сторонников в лице Михаила Муравьева, Бурцева и братьев Колошиных. Наоборот, Пестель, при всей неформальности его первоначальных воззрений, уже склонялся в сторону мелкобуржуазного радикализма; идеи диктатуры и революционного насилия противоречиво уживались в нем с надеждой предупредить «ужасные происшествия» французской революции. Остальные члены тайного общества составляли колеблющийся и разнородный центр, примыкавший крайними флангами к революционной левой (такую тенденцию мы замечаем у Н. Муравьева и Лунина) и к умеренной правой (такую позицию занимали Якушкин и Фонвизин). Первоначальные формулировки были еще неопределенными и расплывчатыми: задачи «Союза спасения» ничем не отличались от либерального направления, которое проявлялось в дворянском обществе этой эпохи. Разногласия должны были вспыхнуть в тех пунктах, которые отмежевывали конспиративную организацию от окружавшего ее внешнего мира: это были вопросы ближайших тактических действий и внутреннего организационного строения.

Нет никакого сомнения, что в этот ранний период были далеко не изжиты надежды на мирные преобразования, даруемые с высоты монархического трона. Революция мыслилась как *ultima ratio* и представлялась по-старому — не в виде массового восстания, а в привычных формах традиционного переворота с царевубийством. Разговоры на эту жгучую тему волновали инициаторов общества еще раньше, чем был принят революционный устав «Союза спасения». Обсуждали не только принципиальную необходимость царевубийства, но и конкретные условия его практического осуществления. Предложение Лунина, внесенное в конце 1816 г., (поразить императора на царскосельской дороге), рассматривалось интимным кружком наиболее революционных заговорщиков; наряду с Пестелем и Муравьевыми-Апостолами в беседе принял участие и Никита Муравьев. Правда, эти мимолетные совещания не имели практических результатов, но самая идея не умирала и снова выступала на первый план при всяком обострении революционного настроения. Осенью 1817 г. Гвардейский корпус был передвинут из Петербурга в Москву. Здесь, в обстановке бесконечных парадов и строгих служебных взысканий, создавался постоянный источник для оппозиционного недовольства. Демонстративный арест Александра Муравьева во время крещенского парада 1818 г. возмутил передовых офицеров гвардии. Правительственная политики не принимала ожидаемого либерального курса. Антагонизм между либералами и консерваторами принимал форму непримиримого конфликта. Известия о бунте в новгородских военных поселениях подрывали доверие к Александру I. Со всех концов государства доносился рокот крестьянского возмущения. В такой обстановке было получено письмо Трубецкого, передававшее петербургские слухи о возвращении литовских губерний в состав самостоятельной Польши. Это известие сыграло роль последней воспламеняющей искры. На квартире Фонвизина было созвано заседание руководящих членов «Союза спасения». Председательствовал Александр Муравьев, присутствовали братья Муравьевы-Апостолы, Шаховской, Никита Муравьев и Якушкин. Правительственная политика подверглась коллективному обсуждению и резкой оценке. Александр Муравьев предложил перейти к немедленным действиям и поставил вопрос о покушении на жизнь Александра I. Эта мысль встретила всеобщую и энергичную поддержку. Участники совещания намечали организационные детали террористического акта: по старой традиции предлагали произвести покушение в покаях

дворца, воспользовавшись назначением в караул Семеновского гвардейского батальона. Собрание не только согласилось с предложением А. Муравьева, но и вынесло дополнительно постановление бросить жребий для назначения исполнителя. После принятия принципиального решения один из участников совещания — Якушкин — добровольно вызвался на совершение акта и предложил не прибегать к метанию жребия. Таким образом, идея царевубийства со всеми политическими последствиями этого факта (т. е. с предъявлением конституционных требований и попыткой государственного переворота) получала конкретные очертания близкого и неминуемого события. Такой исход совещания вызвал немедленную реакцию: Сергей Муравьев-Апостол добился от товарищей двухдневной отсрочки и представил письменное возражение против проекта А. Муравьева.

За это время возбужденное настроение спало, и сам инициатор перестал настаивать на своем первоначальном предложении. Руководители общества постарались отговорить экзальтированного Якушкина, и волнующий вопрос о царевубийстве был снят с текущего обсуждения.

Никита Муравьев был одним из участников совещания у Фонвизина. Несомненно, что он активно сочувствовал предложению А. Муравьева; больше того, есть основания утверждать, что он остался неудовлетворенным отменой предварительного решения. Через несколько дней он приехал к Александру Муравьеву вместе со своим двоюродным братом Артамоном. В уединенной беседе с глазу на глаз приехавшие сделали новое предложение — организовать царевубийство на собственный страх и риск; при этом развивался определенный план покушения: воспользоваться предстоящим балом в Грановитой палате и публично поразить самодержавного деспота. Но председатель «Союза спасения» решительно отверг подобное предложение, доказывая его безрассудство и политическую нецелесообразность. На следствии Никита Муравьев отрицал свое непосредственное участие в замысле, но он не мог не признать своего содействия, оказанного Артамону Муравьеву. Активная боевая позиция Никиты Муравьева устанавливается документальными данными следственного процесса.

Несомненно, что члены «Союза спасения» выступали здесь с определенными революционными планами: дело шло не только о смене императора и изменении курса внешней и внутренней политики (как 17 лет ранее, после убийства Павла I), а об изменении формы правления и о глубокой социальной реформе. Такой вывод логически вытекает из всей позиции «Союза спасения» и из первоначального соглашения его основателей. Но революционное выступление 1818 г., рассчитанное на насильственное введение конституции, облекалось в старую феодальную оболочку дворянского дворцового заговора; оно сильно отличалось от последующих замыслов Пестеля — плана вооруженного восстания, революционной диктатуры и демократической республики. И в заимствовании масонской организации, и в тактических планах царевубийства Никита Муравьев идет вместе с «Союзом истинных и верных сынов Отечества», он еще не оторвался от традиционной линии, начертанной XVIII в. и продолженной «Орденом русских рыцарей»⁴.

Революционная вспышка в недрах тайного общества имела важные организационные последствия: она способствовала резкому расслоению членов и вызвала обратную реакцию со стороны более умеренного течения. Скрытая оппозиция против боевых намерений Александра Муравьева и Пестеля нашла себе открытое и яркое выражение. Вокруг Михаила Муравьева сосредоточились упорные защитники легального образа дей-

ствия. Они возражали против устава Союза спасения, проповедовавшего насилие и основанного на клятвах; требовали переустройства тайного общества в безобидную форму мирной организации; «медленное действие на мнение» противопоставляли опасным террористическим замыслам. Организационные споры вспыхнули еще в Петербурге, в Москве они приобрели более обостренную форму. Накануне совещания о царевубийстве разногласия доходили до грани раскола. Неудачная революционная вспышка повлекла за собой политическую реакцию, и умеренное течение одержало полную и решительную победу. Решили вовсе отказаться от революционного статута Пестеля и в основу реорганизации положить лояльнейший устав немецкого Тугендбунда. Была избрана комиссия в составе трех членов — Трубецкого и Муравьевых (Никиты и Михаила). Самый состав комиссии предопределял результат ее занятий: Михаил Муравьев был главным выразителем умеренного течения, Трубецкой с самого начала оспаривал конспиративные проекты Пестеля; единственным сторонником революционного курса оставался Никита Муравьев, но он был бессилен против единого фронта своих противников. По-видимому, он продолжал настойчиво отстаивать старую пестелевскую идею, стараясь соответственно переделать мирные параграфы заимствованного устава. Между сочленами по комиссии должны были разгореться горячие споры: работа по созданию новой организации затянулась на долгий (четырехмесячный) срок. В конце концов предложения Никиты Муравьева были отвергнуты, и он предпочел сложить с себя полномочия, уступив свое место умеренному П. Колошину. Комиссия получила более однородный характер и довела до конца порученную задачу. Новый устав ликвидировал революционное наследство «Союза истинных и верных сынов Отечества»: он создавал мирное полулегальное общество, призванное содействовать правительству в сфере благотворительности, образования, правосудия и общественного хозяйства. Принцип активного революционного действия заменялся идеей широкой, но мирной пропаганды; конспиративно-замкнутой организации противопоставлялась система широко разветвленных и связанных ячеек; на место выдержанной иерархии и строгой дисциплины ставилась периодическая сменяемость и выборность руководящих органов. Черты масонского ритуала устранялись, как ненужные пережитки «якобинского» плана. Правда, составители устава не ограничились формулировкой одних легальных задач; судя по сообщениям на следствии, они составили вторую, конспиративную часть устава, которая была предназначена для испытанных и посвященных сочленов: здесь говорилось о конечных целях союза — об ограничении самодержавной власти и об освобождении помещичьих крестьян.

Таким образом, разнородный состав тайного общества повлек за собой резкое расхождение во взглядах; предметом столкновения послужили организационные вопросы, но исходными пунктами разногласия были различия в понимании тактики. В этом первом характерном расколе уже таился зародыш борьбы между двумя противоположными программными направлениями. Мелкобуржуазные тенденции Пестеля оказались не по плечу помещичьему либерализму громадного большинства деятелей союза. При этом представители средней землевладельческой группы оказались еще более упорными в своей оппозиции Пестелю, чем выходцы из богатого титулованного дворянства. Немудрено, что радикально настроенный Пестель не признал совершившейся перемены и только через два года, уступая неотвратимой силе обстоятельств, согласился отказаться от старого статута 1817 г.

Совершенно иную позицию занял Никита Муравьев. Сначала он соединился с протестующим Александром Муравьевым и образовал с ним «Тайное военное общество», которое сумело завербовать значительное число офицеров гвардии. Некоторое время мы видим Н. Муравьева во главе одной из управ этой широкой, но мимолетной политической организации. Но очень скоро он отказался от дальнейшей борьбы, примирился с новым уставом «Союза благоденствия» и сделался одним из правящих членов коренного совета. Политическая революционность Н. Муравьева имела определенные границы — она предполагала неразрывный союз с той либерально-помещичьей группой, которая наложила свою печать на новые статуты 1818 г.⁵

Ликвидация первоначального революционного плана делала тактически ненужным участие декабристов в масонской ложе «Трех добродетелей». Громоздкость масонского ритуала и неизбежная разнородность состава значительно затрудняли политическое использование ложи. Лояльный характер нового объединения и без того обеспечивал возможность широкого воздействия на окружающую дворянскую среду. Весной 1818 г. Гвардейский корпус вернулся из Москвы в Петербург, ложа «Трех добродетелей» возобновила свои «работы», но многие из ее членов уже перестали отзываться на стук масонского молотка: кроме отсутствующих С. Г. Волконского и Пестеля, мы не встречаем здесь Шаховского и Александра Муравьева; быстро отпадают Колошин и Долгоруков, постепенно начинают отставать Никита Муравьев и Сергей Муравьев-Апостол. По-видимому, консервативные столпы масонского ордена заметили специфические особенности «якобинской» ложи и поспешили организовать против нее спасительные контрманевры. Члены тайного общества не оказали им энергичного отпора, и августовские выборы официалов ложи разбили старое руководящее ядро конспираторов. За декабристами еще остались должности наместного мастера, риторы и церемониймейстера; Никита Муравьев еще продолжал исполнять свои старые ораторские обязанности. Но к концу 1818 г. положение окончательно выяснилось, и Н. Муравьев одновременно с Долгоруковым 22 ноября официально «покрыл свои работы». Условным масонским языком он известил об этом «достопочтенных братьев» ложи «Трех добродетелей». Он не отрекся от преданности масонскому ордену («сердце и уши мои всегда будут внимательны к ударам нравственного молота»), но, ссылаясь на «семейственные и гражданские занятия», заявил о невозможности участвовать в непосредственной деятельности масонов. В этот период политические мотивы имели приоритет в сознании Н. Муравьева; очень возможно, что его христианские чувства и культ добродетели роднили его с масонской организацией, но он отдавал предпочтение более реальным стремлениям и более актуальным жизненным интересам⁶.

Новообразованный «Союз благоденствия» сложился под знаменем политической пропаганды — возникала необходимость в распространении своих взглядов и в привлечении новых членов. Политическая обстановка как будто благоприятствовала предпочтительному лояльному курсу: на открытии варшавского сейма Александр I обещал осчастливить Россию «законно-свободными учреждениями»; вероятно, через кн. П. А. Вяземского заговорщикам было известно о высочайшем поручении Н. Н. Новосильцеву составить проект конституции; провозглашение октроированных конституций в Баварии, Бадене и Вюртемберге питало иллюзии мирного политического переворота. Реакционная политика самодержавия еще не отлилась в резкие формы, политический либерализм был не

только основой революционного объединения, но и широко распространенным общественным течением. «Союз благоденствия» питался соками прогрессивной дворянской среды, был ее передовым авангардом; но, отражая в себе общественное течение, он выступал в активной роли возбуждающего фермента. Разговоры в салонах, пропаганда среди офицерства, образование вольных литературных обществ, участие в журналах, распространение политических рукописей служили одной и той же практической цели — подготовить Россию к восприятию будущей конституции. Под таким углом зрения развивалась и деятельность Никиты Муравьева.

Еще раньше, в 1817 г., он выступил на дорогу политической пропаганды. Вместе с двумя единомышленниками — М. Ф. Орловым и Н. И. Тургеневым — он вошел в литературное общество «Арзамас», которое объединяло передовых представителей нового, карамзинского направления. Общество возникло в 1811 г. в форме интимного дружеского кружка и в противовес официозной «Беседе любителей русского слова». Путем веселой и остроумной шутки здесь пародировалось отсталое течение «шишковистов», вырабатывались и оформлялись новые литературные вкусы. Литературный кружок насчитывал в своем составе крупнейших представителей русской поэзии — В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и А. С. Пушкина, поэтов — П. А. Вяземского, В. Л. Пушкина и Д. В. Давыдова, знатоков и ценителей литературы — С. С. Уварова, Д. Н. Блудова и Д. В. Дашкова, наконец, образованных дилетантов вроде Александра Тургенева и Д. П. Северина. Появление декабристов составило поворотный пункт в истории «Арзамаса»: программные речи Николая Тургенева и Михаила Орлова призывали веселых арзамасцев к более серьезной общественной работе. Под влиянием нового направления сложился план литературного и политического журнала, посвященного «распространению идей свободы, приличных России в ее теперешнем положении, согласных со степенью ее образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее». Наряду с художественными произведениями в журнале должны были помещаться самостоятельные политические статьи и «обозрения современных происшествий»; предполагалось широко использовать западноевропейскую прессу; М. Орлов и Н. Тургенев должны были занять руководящее место в исполнении первого политического отдела. Кроме того, была внесена большая ясность и стройность в организацию общества: был составлен устав, который определял обязанности членов и выдвигал главной целью «пользу отечества, состоящую в образовании общего мнения».

Никита Муравьев вошел в литературный кружок в качестве равноправного и активного деятеля: живой интерес к литературе и широкие связи среди писателей обеспечили ему место за столом «Арзамаса». Получив хорошее классическое образование, он не отворачивался и от современной поэзии: следил за выходящими произведениями А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова, посещал литературные вечера, давал оценку стихотворениям И. И. Козлова, в беседах с П. А. Катениным любил «перебирать всю словесность от самого потопа до наших дней и истреблять почти всех писателей». Батюшков и Н. И. Гнедич считали его своим другом, молодой Пушкин читал у Муравьевых свои нелегальные экспромты. Удачное выступление на страницах «Сына отечества» завоевало Н. Муравьеву похвалы и надежды литературных соратников. В «Арзамасе» он числился под псевдонимом Адельстана и Статного Лебеда. В проектированном журнале ему уделялось место исторического писателя

и политического корреспондента. Нет никакого сомнения, что он составлял единый внутренний фронт с М. Орловым и Н. Тургеневым. По их плану издание органа «Арзамаса» должно было стать общественным рупором для новых идей либерального мировоззрения.

Разнородность состава и отъезды активных членов расстроили не только проект журнала, но и дальнейшее существование «Арзамаса». Несмотря на усилия Жуковского, общество захирело и развалилось: оно дифференцировалось на активно-политическое и нейтральное течения и утратило внутренний стимул своего развития⁷. Но идея политического журнала не умерла вместе с «Арзамасом»: ее горячим защитником явился Николай Тургенев, автор либерального финансового трактата и активный деятель «Союза благоденствия».

Н. И. Тургенев стремился придать своему начинанию широкое политическое значение: в проспекте об издании предполагаемого журнала он мотивировал свою мысль возросшими потребностями русского общества: «Ныне, когда ум народов вследствие сильных происшествий оставил бесплодные поля мрачной мечтательности и обратился к важной действительности; ныне, когда дух времени в несколько лет пролетел несколько столетий,—ныне нравственные потребности наших соотечественников получили иное свойство». Журнал предполагалось назвать «Архивом политических наук и российской словесности»; для успешной реализации идеи предполагалось создать специальное журнальное общество — одно из вольных ответвлений революционного «Союза благоденствия». Для отсталой, но пробудившейся России журнал должен был явиться «голубем спасения, вестником берега свободы». Н. И. Тургенев пригласил в качестве соредактора либерального профессора Петербургского университета А. П. Куницына, в качестве членов учреждаемого общества — участников «Союза благоденствия»: Никиту Муравьева, И. И. Пущина, Ф. Н. Глинку, П. И. Колошина, И. Г. Бурцева и выдающихся литераторов В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, И. И. Дмитриева, П. А. Вяземского. Весной 1819 г. подготовка издания пошла энергичным темпом: собирались материалы, устраивались литературные собрания, совместно обсуждались предложенные статьи. Никита Муравьев оказался одним из наиболее деятельных членов: он посещал заседания у Н. Тургенева, читал заготовленные «пьесы» и «подавал прекрасную надежду» своими литературными выступлениями. Но эта попытка организованной пропаганды либеральных идей не увенчалась успехом, так же как предыдущий заглушенный проект «Арзамаса»⁸.

Однако неудача журнального общества не охладила энергии Н. Муравьева: потребность в активном распространении своих мнений, в литературной пропаганде революционных идей могла удовлетворяться иными путями — с помощью негласного размножения рукописных трактатов, памфлетов и сатирических произведений. Этот способ широко применялся в начале XIX столетия не только членами тайного общества, но и отдельными представителями свободной мысли. Экономические записки Н. С. Мордвинова, наряду с речами М. Ф. Орлова и либеральными программами Пушкина ходили по рукам не только в столице, но и в провинции. Никита Муравьев прибегнул к тому же распространенному способу; ближайшим поводом для появления его рукописи послужило шумевшее издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

История (не только всеобщая, но и русская) всегда вызывала к себе живой интерес со стороны Н. Муравьева. Сочинения Тацита и Плутарха были его настольными книгами, произведения немецкого историка Иоган-

на Мюллера вызывали его восхищенные отзывы. Его черновые тетради были заполнены цитатами из исторических сочинений. В его библиотеке стояли не только работы М. М. Щербатова, И. И. Болтина, Ф. И. Миллера и И. И. Голикова; он собирал коллекцию русских летописей, изучал их и делал из них самостоятельные извлечения. «Историю» Карамзина он ждал с большим нетерпением. Он выписывал из Москвы все появлявшиеся тома и усиленно штудировал их в течение весенних месяцев 1818 г. В конце апреля он писал своей матери: «С моего приезда я принялся жестоко за „Российскую Историю“ и прочел первые ее четыре тома». В середине мая он снова возвращается к этой теме: «На-днях я кончил седьмую часть „Истории“ Карамзина... Я теперь читаю „Историю“ с карандашом и пестрю книгу своими замечаниями». К сожалению, этот экземпляр карамзинской «Истории» отсутствует в библиотеке Московского университета. Сидя в Петропавловской крепости, Н. Муравьев заботливо стремился скрыть испещренную книгу от правительственных жандармов. Впоследствии он будет пользоваться ею в Сибири при составлении исторических примечаний к записке Лунина. В настоящее время этот ценный источник, по-видимому, находится во Флоренции вместе с сибирским архивом младшего брата А. М. Муравьева. Но отсутствие комментированного экземпляра можно отчасти восполнить другими материалами: в семейном архиве сохранились черновые эскизы и беловая рукопись, посвященная Никитой Муравьевым исторической работе Карамзина. Разбираясь в этих бумагах, мы видим, с какой тщательностью отнесся автор к своей задаче. Он завел специальный предметный словарь к «Истории государства Российского», сопоставлял Карамзина с его первоисточниками, проверял его выводы справками у классиков, Байера и Ломоносова, производил небольшие самостоятельные исследования (например, о венетах), критически анализировал общую концепцию российского историографа. Большая предварительная работа была оборвана на разборе первого тома, но ее результатом явилась законченная и тщательно отредактированная рукопись «Мысли об „Истории Государства Российского“ Н. М. Карамзина». В этой первой обработанной части подвергались анализу общие воззрения историографа. Именно эту работу Н. Муравьев предназначал для широкого обращения; предварительно он показал ее критикуемому автору, читал на собраниях молодежи, давал на прочтение широкому кругу знакомых. Содержание записки раскрывает нам не только исторические взгляды Н. Муравьева, но и приемы его литературно-политической пропаганды.

Предисловие Карамзина было одновременно программой историка и исповеданием политика. Н. Муравьев одинаково реагирует на теоретические построения историографа и на его практические государственно-правовые выводы. Его возражения вызывает карамзинская теория исторического процесса и формулировка задач научной истории; но особенно энергично он опровергает основную политическую идею — о необходимости мудрого примирения с несовершенной действительностью. Уже первые абзацы предисловия пробудили критическую мысль Н. Муравьева. Доказывая практическую пользу истории, Карамзин выдвинул следующий тезис: «Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье». В этих словах Н. Муравьев увидел не только осуждение переворотов, но и попытку

философского обоснования этого осуждения: мятежные страсти произвольны и неразумны, гражданское общество не нуждается в политических переменных, задача правителей — стоять на страже устойчивого порядка; естественный разум, воплощенный в существующей власти, должен ставить решительные преграды неразумным и страстным порывам ко всяким историческим переменам. Такой консервативной философской концепции Н. Муравьев противопоставил другую, диаметрально противоположную. Исторический процесс не является произвольным творчеством человеческого ума; закономерная сила естественного хода событий делает бесплодными произвольные усилия человеческого сознания. Столкновение мятежных страстей — неизбежная и обычная форма исторического процесса. Задача мудрых законодателей и правителей — не тупое сопротивление новшествам, а разумное примирение столкнувшихся интересов. История есть борьба и развитие — таков естественный и непреложный закон, который отвергает всякую мысль о спокойном и неизменном существовании. В этой философской концепции Н. Муравьев отрывался от старой консервативной теории, которая апелляцией к естественному разуму старалась освятить свое отрицание исторического прогресса. Н. Муравьев переходил на новую точку зрения, которая провозглашала внутреннюю закономерность преемственного развития: «Слабы соображения наши противу естественного хода вещей. И тогда даже, когда мы воображаем, что действуем по собственному произволу, — и тогда мы повинемся прошедшему: дополняем то, что сделано, делаем то, чего требует от нас общее мнение, последствие необходимое прежних действий, идем, куда влекут нас происшествия, куда порывались уже предки наши». В соответствии с общим мировоззрением эпохи Н. Муравьев усматривает основные двигатели исторического процесса в появлении и развитии идей: «От времени до времени рождаются новые понятия, новые мысли. Они долго таятся, созревают, потом быстро распространяются и производят долговременные волнения, за которыми следует новый порядок вещей, новая нравственная система».

Эти философские предпосылки приводят Н. Муравьева к определенным практическим выводам. Карамзин убеждал гражданина, что история «мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и государство не разрушалось». Н. Муравьев противопоставляет этому тезису противоположную точку зрения: «В нравственном, равно как и в физическом, мире согласие целого основано на борении частей». Если история есть закономерная смена моральных идей, то в общественной жизни не может быть «нравственного сна квиетизма»: «Не мир, но брань вечная должна существовать между злом и благом; добродетельные граждане должны быть в вечном союзе противу заблуждений и пороков». Напрасно искать действительного внутреннего единства в «согласии азиатского деспотизма»; свободное государство не разрушается от «взаимного борения граждан» — эта естественная борьба гармонически разрешается стремлением к общему благу. Примеры из античной и русской истории должны разъяснить принципиальное положение автора. «Несовершенство видимого порядка вещей есть, без сомнения, обыкновенное явление во всех веках, но есть различие между несовершенствами. Кто сравнит несовершенства века Фабрициев или Антониев с несовершенствами века Нерона или гнусного Гелиогабала, когда честь, жизнь и самые права граждан зависели от произвола развращенного отрока,

когда владыки мира, римляне, уподоблялись бессмысленным тварям?» Н. Муравьев снисходительно вспоминает «несовершенства великодушного, воинственного народа времен Святослава и Владимира», но он не может примириться с высокой оценкой и заключительными выводами Карамзина. Историограф утверждал: «Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере не знаю монарха, достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV» и целый «сонм доблестных патриотов». Никита Муравьев рассуждает иначе: он не может примириться с монголо-татарским игом, «с несовершенствами времен порабощенной России, когда целый народ мог привыкнуть к губительной мысли необходимости», но он считает, что «еще унижительнее для нравственности народной эпоха возрождения нашего, рабская хитрость Иоанна Калиты, далее холодная жестокость Иоанна III, лицемерие Василия и ужасы Иоанна IV». Карамзин невысокого мнения о деяниях древности: «Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Немного разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы». Такое отождествление греческих и удельных междоусобий вызывает резкую реплику со стороны Н. Муравьева: «Там граждане сражались за власть, в которой они участвовали, здесь слуги дрались по прихотям господ своих. Мы не можем забыть, что полутигры Греции наслаждались всеми благами земли, свободою и славою просвещения».

По мнению Н. Муравьева, естественная закономерность событий не устраняет творческого вмешательства правителей, но их задача — не противиться ходу явлений, не возвращать его вспять, а стараться понять и оформить намечающееся развитие. «Какой ум может предвидеть и объять эти явления? Какая рука может управлять их ходом? Кто дерзнет в высокомерии своем *насильствами* учреждать и самый порядок? Кто противостанет один общему мнению? Мудрый и добродетельный человек в таких обстоятельствах не прибегнет ни к ухищрению, ни к силе. Следуя общему движению, благая душа его будет только направлять оное руками умеренности и справедливости». Эта морально-политическая максима одинаково применима и к правительствам, и к гражданам. «Насильственные средства и незаконны и гибельны, ибо высшая политика и высшая нравственность — одно и то же».

Общие философские предпосылки обуславливают задачи и предмет исторического исследования: «Не примирение наше с несовершенством, не удовлетворение суетного любопытства, не пища чувствительности, не забава праздности составляет предмет истории: она возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле». По убеждению Карамзина, силы и красоты изложения нельзя заменить ни знанием прав, ни ученостью немцев, ни остроумием Вольтера, ни самым глубокомыслием Макиавелли. «Бесспорно, — отвечает ему Н. Муравьев, — но это не доказывает, чтобы искусство изображения было главное в истории. Можно весьма справедливо сказать, что талант повествователя не может заменить познаний, учености, прилежания и глубокомыслия. Что важнее... Главное в истории есть *дельность* оной. Смотреть на историю единственно как на литературное произведение, есть унижать оную».

Таково содержание законченной рукописи, которая предназначалась для обращения в публичке. Именно эта работа Н. Муравьева побудила А. С. Пушкина выдать автору аттестацию «умного и пылкого человека». Н. Муравьев смотрел на свое сочинение как на введение к большому критическому труду. Черновые тетради сохранили нам продолжение этой работы. Разбирая первые главы карамзинской «Истории», автор не ограничивается отдельными фактическими возражениями: он снова возвращается к своим общим политическим взглядам. Националистическое настроение Карамзина вызывает сочувствие Н. Муравьева, описание набегов пробуждает в нем «неизъяснимое чувство»: «Никакой народ не может гордиться, что претерпел столько бедствий, не был столь испытан судьбой. Никакому, может быть, не готовит она такого воздаяния! Он был избран оплотом Европы против кочующих народов... Народ великой, чуждый вероломства и измены». Но, отдавая дань своим либеральным воззрениям, автор тут же делает оговорку: «Такой народ казался долженствовал оставаться свободным и независимым». Н. Муравьев не согласен с Карамзиным, что Римское государство погибло от нашествия варваров. «Свободный Рим возвышался среди варваров в продолжение 700 лет, не страшась соседства, гибельного для одних врагов своих. Причины его бедствий находясь в нем самом. Богатства сосредоточились в руках немногих. Большая часть граждан без собственности, земель стала рабами того, кто мог кормить их — одно состояние стало располагать имуществом и кровию всех прочих состояний». Моральная порча охватила все классы римского общества и послужила причиной падения доблести... «Наконец после Мария, Цинны, Суллы, Помпея и Кесаря хитрый деспот Август навеки потушил пламенный свет свободы и отдал народ зрелый для рабства и гибели в руки достойных своих преемников — Тиберия, Калигулы и так далее. Уничтожение сената удивило и сих извергов! Оставались военные устройства, познания, мертвые силы — ненадежные средства существования. Мужи с дарованиями, каковы были Веспасиан, Тит, Траян, Адриан, Антонины, Марк Аврелий, не могли или не хотели оживить Рима, и позорная дряхлость его была посмешищем всех народов».

Таким образом, в рассуждениях Н. Муравьева продолжалась прежняя нить его политической мысли: он стремится к «величию и могуществу отечества», но он не верит в животворные силы азиатского деспотизма. Суровый опыт античной и русской истории подсказывает ему идею политического освобождения. Не пассивное созерцание, а действительная борьба — залог государственного развития и расцвета. Не «ухищрения» и «насилия», не кровавые революции, а мирное торжество политического прогресса — желанный идеал его общественной этики. Возражения Карамзину повторяли основные идеи статьи о Суворове, но суждения и выводы 1818—1819 гг. значительно осложнились сравнительно с первыми построениями. Автор сам помогает найти источники своих мыслей: он ссылается не только на античных писателей, но извлекает цитаты из Попа и Монтескьё; из его переписки мы знаем, что в тот же период он изучал Иоганна Мюллера и выписывал из Гумбольдта. Теорию закономерного процесса он заимствовал у Монтескьё, моральную оценку исторических действий — у Иоганна Мюллера. Либеральная идеология обличает в нем последователя Бенжамена Констана, который приветствовал наступившую эру свободы, но решительно осуждал «преступления революции». Эти разнообразные идеи переплетались в сознании Н. Муравьева в единое и законченное целое. По своей идеологии и общему на-

строению противник Карамзина далеко уходил от воззрений благодушно-го воспитателя Александра I. Между отцом и сыном сохранились преемственные нити не только в отвлеченных принципах свободы и равенства, но и в этических основах мироощущения, не только в живом интересе к историческим разысканиям, но и в последовательном культе античности. Представители обоих поколений исходили из одной основной предпосылки: они стремились к могуществу и расцвету национального государства, но они расходились в оценке существующего порядка и в нормах политического поведения. Отец примирялся с реальной действительностью, сын же восставал против ее очевидных несовершенств; отец идеализировал русское прошлое, сын возмущался унижительными эпохами рабства; отец вдохновлялся идеалом Марка Аврелия, сын разоблачал бессилие коронованных философов; отец старался подготовить мудрого императора, сын рассуждал о необходимости цареубийства. По-видимому Н. Муравьева печалил этот резкий разрыв поколений, но он искал ему объяснения в различных условиях времени. На корешке одной из тетрадей он сделал заметку: «Батюшка сочинял свои письма к молодому человеку в 1788 или 1789 году, краткая история его еще прежде им написана — уже более 30 лет назад». Действительно, целые десятилетия отделяли идеологию Н. Муравьева от патриархального мировоззрения его отца; это были годы Великой французской революции и ее разрушительных войн, годы исключительных социально-политических переломов и полной перестройки общественного сознания. Между обоими рубежами пролегли не только трагическое убийство Павла I и дворянские опыты конституций, не только бурные события наполеоновских войн и возрождение европейского либерализма — изменилась вся экономическая и социальная обстановка европеизируемой России, выходявшей на новую дорогу — промышленного капитализма. Противник Карамзина не был в одиночестве: его возражения должны были находить сочувственный отклик не только в кругах передовой молодежи, но и во многих представителях старшего поколения. Распространяя свою рукопись, Н. Муравьев являлся застрельщиком прогрессивного лагеря, штурмовавшего Бастилии консервативного мирозерцания. Положение Карамзина за несколько лет существенно изменилось: в 1812 г. он защищал самодержавие против «революционных посягательств» М. М. Сперанского, теперь он сам должен был защищаться от либерального наступления революционно настроенной молодежи⁹.

Либеральная пропаганда «Союза благоденствия» имела определенные практические результаты. Под покровом лояльной программы благотворительности и просвещения «Союз благоденствия» пополнился новыми членами и приобрел значение крупного общественного явления. Революционный кружок гвардейских офицеров превратился в разветвленное либеральное общество, которое насчитывало более сотни членов, имело в своих рядах хозяйствующих помещиков, служащих чиновников и столичных литераторов. Состав организации сделался еще разнороднее, чем раньше: пользуясь неполными данными правительственного «Алфавита», мы находим в следственных списках «Союза благоденствия» и представителей титулованной знати (гр. Л. П. Витгенштейн, кн. П. А. Голицын, гр. Ф. П. Толстой, князя Е. П. и К. П. Оболенские, бар. Ф. И. Корф, бар. А. И. Фредерикс и др.), и членов влиятельных дворянских фамилий (И. Г. Бибииков, А. А. Кавелин, А. В. Капнист, М. М. Нарышкин, братья В. А. и Л. А. Перовские, В. А. Римский-Корсаков и др.), и выходцев из нуждающегося разночинского слоя (доктор О. П. Богородицкий, учитель

С. Е. Раич, магистр С. М. Семенов, смотритель сенатской типографии П. В. Хавский). Подавляющее большинство участников принадлежало к гвардейской молодежи, неразрывно связанной с зажиточными помещичьими кругами: среди военных частей, к которым принадлежали члены «Союза благоденствия», чаще всего упоминаются квартирмейстерская часть, гвардейский Генеральный штаб и полки Измайловский, Егерский, Кавалергардский и Павловский. «Союзу» удалось завербовать 18 полковников (из них ряд полковых командиров) и 5 генерал-майоров, в том числе влиятельных «либералистов» — гр. М. Ф. Орлова, П. С. Пущина и кн. С. Г. Волконского. Несколько камер-юнкеров, камергеров и флигель-адъютантов связывали его с кругами придворной иерархии. Сосредоточивая свое влияние в столицах, главным образом в Петербурге, «Союз благоденствия» протянул организационные нити в провинцию — не только на юг (в место расположения 2-й армии), но и в центральные великорусские районы: он приобрел себе отдельных адептов в Смоленской, Нижегородской и Тамбовской губерниях. Руководство организацией принадлежало старому инициативному кружку, в котором преобладали выходцы из крупной землевладельческой среды: Ник. Муравьев, кн. Трубецкой, кн. Долгоруков, братья Муравьевы-Апостолы, гр. Ф. П. Толстой и др. Либерально-помещичья тенденция, которая победила на московских совещаниях 1818 г., подчинила своему влиянию и представителей среднего дворянства, и небольшую группу мелкобуржуазной интеллигенции.

В 1818—1819 гг. «Союз благоденствия» достиг наибольшего развития и влияния. Казалось, задачи, поставленные его учредителями, были вполне достигнуты: создалась организационная точка опоры для подготовки будущих решительных действий. Но в этом росте тайной организации была другая, оборотная сторона: чем больше расширялся состав принимаемых членов, тем разнороднее становилась среда заговорщиков; чем глубже и отчетливее становились контуры политических взглядов, тем резче ощущались идейные разногласия. На дружеских собраниях кипели непрерывные споры, рождались разнообразные проекты и планы, сталкивались противоположные мнения и практические предложения. Вопросы программы и тактики стояли в центре всеобщего внимания. В этой негласной лаборатории идей вырабатывались не только руководящие принципы, но и практические пожелания либерального авангарда землевладельческого класса. Постепенно общие расплывчатые формулировки начали наполняться конкретным, действительным содержанием. Зародыши политических разногласий, которые намечались в момент образования общества, развернулись в виде оформленных сталкивающихся течений. Старые друзья начинали сильно расходиться в своих воззрениях — в здании «Союза» обозначалась заметная трещина неминуемого раскола¹⁰.

Пример такого расхождения взглядов дают нам Пестель и Н. Муравьев. Пестель сам рассказал о своем политическом развитии: о своемприятии революции, об оформлении своих республиканских воззрений, о возникновении своего социального радикализма. Никита Муравьев не дал нам такой исчерпывающей исповеди, но в его рукописях и на полях его книг сохранились наглядные следы его мыслей; они дополняются отдельными показаниями на следствии и мимолетными высказываниями в переписке. Наконец, имеется еще один источник для выяснения взглядов Н. Муравьева: в середине 1820 г. он набросал проект агитационного сочинения, который предназначался для обращения в массах. Этот неоконченный труд носил название «Любопытный разговор» и был состав-

лен по образцу испанского катехизиса, опубликованного католическими монахами против тирании Наполеона I. Соединяя эти разрозненные данные, значительно дополняющие исторические рассуждения 1818 г., мы получаем общий абрис философско-политического мировоззрения руководителя Северного общества. Перед нами выясняются не только основные принципы его политических верований, но и первоначальные истоки его конституционного проекта.

Переходя на позиции политического либерализма, Н. Муравьев не отрывался от религиозной основы своего воспитания. Изучение и комментирование Евангелия, знакомство с историей церкви и чтение религиозных трактатов сопутствовали его политической деятельности. Именно здесь он черпал принципиальное обоснование для своего руководящего тезиса о личной свободе. Человек создан по образу и подобию бога: он одарен свободой воли, которая определяет направление его действий. Но свободная воля несовместима с порабощением, поэтому свобода каждого индивидуума есть основное и неизменное условие человеческой жизни. Религиозное обоснование подкрепляется выводами, почерпнутыми из теории естественного права. Природа наделила человека физическими, духовными и моральными силами; развитие этих качеств есть неотчуждаемое право человеческой личности, а индивидуальная свобода — необходимое условие такого естественного развития. Но что такое свобода? Читая Монтескьё, Н. Муравьев задумался над его классическим определением: «Свобода есть право делать все то, что разрешают законы». Это место в «*Esprit des lois*»*. Н. Муравьев снабдил следующим самостоятельным примечанием: «Я считаю подобное определение недостаточным. Разве я свободен, если законы налагают на меня притеснения? Разве я могу считать себя свободным, если все, что я делаю, только согласовано с разрешением властей, если другие пользуются преимуществами, в которых мне отказано, если без моего согласия могут распоряжаться даже моею личностью? При таком определении русский крестьянин свободен: он имеет право вступать в брак и так далее». Н. Муравьева больше удовлетворяет другое определение, которое он нашел у физиократов: «Свобода заключается вовсе не в том, чтобы иметь возможность совершать все дозволенное законами, как полагал Монтескьё, а в том, чтобы иметь законы, соответствующие неотчуждаемому праву человека на развитие его естественного капитала, т. е. совокупности его физических и моральных сил. Всякий иной закон есть злоупотребление, основанное на силе; но сила никогда не устанавливает и не обосновывает никакого права». Таким образом, формальное понятие положительного закона оказывается недостаточным — необходимо взвесить содержание самого закона с точки зрения принципов естественного права. «Соединяясь в политические общества, люди никогда не могли и не хотели отчуждать или изменять какое бы то ни было из своих естественных прав или отказываться в какой бы то ни было доле от осуществления этих прав... Они соединены и связаны общественным договором, чтобы свободнее и полезнее трудиться благодаря взаимопомощи и лучше охранять личную безопасность и вещьную собственность путем взаимного содействия». Такое определение предполагало приоритет личности над обществом, преимущество индивидуальных прав над правами общественного союза. Государство не должно посягать на первоначальные и неотъемлемые права отдельных индивидуальностей. В этом отношении Н. Муравьев одинаково согласен и с фи-

* Дух законов (фр.).

зиократами, и с Бенжаменом Констаном. «Масса людей может сделаться тираном так же, как и отдельное лицо; закон может быть притеснительным, и, однако, никто, даже государственный орган, не имеет право притеснять кого бы то ни было». Отсюда вытекает критерий для оценки положительных законов: «Если они благоприятны для свободы, собственности и безопасности, они хороши. Если они противодействуют им, то они плохи». Единственная преграда для личной свободы — условие, чтобы действия человека не вредили другому. Гарантия против насилия — неотъемлемое право сопротивления.

Таким образом, уже здесь, в исходном пункте мировоззрения Н. Муравьева, вполне раскрывалась его социально-политическая позиция: утверждая приоритет самодовлеющей личности и высказываясь против «тирании толпы», против коллективной воли организованной демократии, Н. Муравьев заявлял себя последовательным сторонником буржуазного индивидуализма. Отгораживаясь от теории Монтескьё, он должен был еще решительнее отмежеваться от демократической доктрины Руссо и от ее революционных носителей, мелкобуржуазных якобинцев XVIII в.

Философские предпосылки естественного права подсказывали Н. Муравьеву определенные суждения о монархической власти. Везде и всюду он высказывается против самовластия и деспотизма. Читая историю Испанской революции, он соглашается с автором, что королевский абсолютизм был причиной всех бедствий и во Франции, и в других государствах; изучая сочинения Монтескьё, он возмущается его прославлением монархии: утверждение автора, что принцип монархической славы равносителен гражданской свободе, представляется ему «глупостью»; указание Монтескьё, что в монархическом строе государь есть источник («la source») всей политической и гражданской власти, вызывает его резкое замечание: «Mauvaise source, des égouts»^{2*}. Штудирюя юридическую работу Геерена, Н. Муравьев не согласен, что «дух государства» («der Geist der Staaten») не зависит от формы правления: «In einer Autocratie es kann kein Geist existieren»^{3*}. Нельзя говорить о самопожертвовании и великодушии подданных в отношении монарха: «Государь никогда не должен забывать, что нация, которую он управляет, хочет сохранять свое существование и не желает рисковать им, удивляя мир подвигами своего великодушия». Самодержавная власть есть узурпация, истинная свобода обеспечивается народным верховенством. Таким же насилием против личности являются привилегии происхождения, которые Н. Муравьев одинаково осуждает и в Азии, и в Европе. Цитируя сочинение Вольфена «Les ruines»^{4*}, он считает одним из пороков, которые объясняют тяжелое состояние азиатских народов, разделение народа на касты; оно вредит государству наряду с деспотизмом отца и произволом правителя. Рассуждение Эдмунда Берка о необходимости наследственной аристократии вызывает неоднократное и решительное отрицание у Н. Муравьева. «Никто не спорит о наследственности состояний, спорят о наследственности должностей и отличий»; «народные представители должны быть собственниками, но это вовсе не доказывает необходимости дворянства». Так же отрицательно относится Н. Муравьев к аристократическим тенденциям «Духа законов»; вместе с Гельвецием он требует всеобщего равенства прав независимо от положения граждан. Понятие равенства он воспри-

^{2*} Плохой источник, сточные воды (фр.).

^{3*} В самодержавном правлении не может быть никакого жизненного начала (нем.).

^{4*} Развалины (фр.).

нимает в формально-юридическом смысле, не распространяя его на социально-экономические отношения: конфискация имущества эмигрантов, произведенная французской революцией, представляется ему незаконным и недопустимым нарушением права собственности. Если в России произойдет революция и дворяне начнут уезжать за границу, необходимо имущества этих лиц превращать в наличные деньги. «Правительство будет хранить до возвращения спокойствия и возвратит сии суммы тем, которым они принадлежали». Таким образом, высказываясь за республику и отвергая принцип наследственной привилегии, Н. Муравьев решительно порывает с отжившей феодально-дворянской традицией. Но, переходя на новую социальную почву, он остается далеким от уравнилельных тенденций мелкобуржуазной демократии: идея неприкосновенности собственности и признание имущественного неравенства составляют принципиальные предпосылки его политических рассуждений.

Разбираясь в английском государственном строе, Н. Муравьев не отрицает его недостатков, но высоко оценивает его начала широкого самоуправления: «Между примечательнейшими предметами, которые Англия являет глазам путешественников, самый примечательный есть без сомнения, устройство внутреннего управления оной, простое и непротивное, но твердое и постоянное, без всякого явного влияния на оное со стороны правительства. В Англии нет министерских департаментов, разделенных на отделения, как во Франции и Германии, разных общих и частных управлений — префектов и подпрефектов. В Англии не встретим нигде ни жандармов, ни полицейских комиссаров; нигде нет чиновников, которые везде и у всех на виду и для которых управление делалось как бы *промыслом*». Правительство Англии состоит из нескольких министров, парламента, ничтожной группы военных и судебного сословия, «столь малочисленного, что едва можно бы было заместить одно присутственное место какого-нибудь провинциального города во Франции или Германии, и сии судьи достаточны однако ж для великого государства, в котором, по общему согласию, правосудие в самом цветущем состоянии»... «Впрочем, остальное управление производится самим народом и некоторыми лицами, избранными из среды оного, и которые между своими домашними занятиями отправляют дела государства без всякого наружного блеска и без всякого от правительства жалованья».

Политический тон приведенной цитаты ясно рисует симпатии Н. Муравьева: он отдает предпочтение не административной централизации Франции и Германии, а самоуправлению Англии с несложной простотой и дешевизной ее государственного аппарата. Н. Муравьев не интересуется вопросом о классовых основах английского государства, об ограниченном понятии «самоуправляющийся народ». Английский буржуазный порядок представляется ему почти идеальным, ибо он обеспечивает отдельной индивидуальности максимальную независимость от организованной власти. Государство не должно возлагать на себя многочисленные функции, впадая в «административное иступление» («dans la fureur d'administrer»); его основная задача устранять препятствия, которые ставят свободной человеческой деятельности невежество и злонамеренная воля. Н. Муравьев не согласен с Леон-де-Бомоном, что государственные налоги подобны парусам плывущего корабля; он держится противоположного мнения: чем меньше взимается налогов, тем лучше движется государственный корабль. Нестесненная инициатива свободной личности есть высшее благо общественного союза. Подобно В. Гумбольдту и Б. Констану, Н. Муравьев вдохновляется буржуазным идеалом государства-сторожа, госу-

дарства, охраняющего сложившуюся систему классовых отношений. На этом руководящем буржуазном начале он строит свои общие исторические оценки.

Н. Муравьев придает большое значение хозяйственному моменту. Он не согласен с авторами, которые отрицают воздействие экономического фактора на историю античных народов: «Мне кажется, что хозяйство всегда имело влияние». Он не согласен, что Рим «разорили богатства»: причина разложения великого города не в богатствах, а в их неравномерном распределении, в чудовищном развитии рабства, в росте паразитического, праздного населения. Трагическая судьба античного Рима заставляет его сделать обобщающий вывод: «Богатство есть двоякого рода: достигнутое трудами — тогда бывает полезно, внезапное и не заслуженное работою — тогда оно вредно и ненадежно». Если мы вспомним, что Н. Муравьев апеллирует к речам Тиберия Гракха, то до конца уясним себе ход его мысли: производительный труд независимого, свободного собственника — вот основное условие хозяйственного расцвета. Он не высказывается, подобно Пестелю, против «аристократии богатств», против скопления крупных капиталов в частных руках отдельных предпринимателей. Наоборот, он приветствует личную предприимчивость, которая несет экономическое развитие и частное обогащение. Но он против рабства, паразитизма и праздности, которые подрывают нормальное развитие производительных сил государства.

Н. Муравьев немало размышлял об основах рационального воспитания и о развитии литературного вкуса. Он стремился к насаждению гражданских и личных добродетелей, выискивая всякие пути для достижения этой цели, одинаково осуждая «пустые мечтания» мистиков и искусственную «надутость» современной поэзии, но он был решительным противником официальной цензуры. Правительственный проект цензурного комитета вызвал с его стороны саркастическую оценку: сложную систему цензурной иерархии он сравнивал «с системою браминов, которые полагают, что вселенная стоит на четырех слонах, слоны — на огромной черепахе и черепаха — на бездне!» Особенно возмущали Н. Муравьева два предложения — запретить преподавание по рукописным тетрадам и допускать изложение только общепринятых мнений. Он спрашивал реакционных реформаторов: не лучше ли изобрести паровые машины для чтения заранее одобренных книг? «Профессора должны преподавать *общие правила и мысли*, а не свои! *Общие* кому: государственному и духовному комитету или всем людям? Где такие правила и мысли? Всякое изобретение, каждое новое понятие, пока оные не получают право гражданства в нравственном мире, принадлежат тому, кто их выразил... Ньютон был бы осужден за преподавание дифференциального вычисления, поелику оное было плодом собственных его мыслей, а не *общих*! Коперник, Галилей, словом, все великие мужи, какою бы отраслью наук ни занимались, сидели бы в остроге и должныствовали отвечать Гладкову (петербургскому полицеймейстеру. — Н. Д.), который бы весьма легко опроверг все их лжеучения и лжеумствования». По мнению Н. Муравьева, следует держаться иной просветительной политики: «Должно распространять круг размышлений в отечестве нашем, вперяя в умы, что нелепо ограничивать предметы и образ оных. Должно поощрять отвлеченные и умозрительные науки, требующие и влекущие за собой вслед свободу рассуждения и некоторую благородную и необходимую независимость (основу всякой добродетели), ибо они освобождают по временам и отвлекают от личных низких помышлений эгоизма».

Обращаясь к российской действительности, Н. Муравьев подвергает ее уничтожающей критике. Политические советы Берка не посягать на монархию, не разрушать старинных законов, судов и корпораций вызывают с его стороны горько-ироническую заметку: «Что касается до нас, то мы не имеем ни законов, ни корпораций; мы имеем только суды, которые занимаются грабежом, облеченным в юридическую форму». Воспоминания о XVIII в. оживляют перед ним образы бесталанных царей, развратных цариц, деспотизм и самодурство императора Павла I. Эпоха Московского государства представляется ему временем тирании, историческим последствием монголо-татарского порабощения. Но, по его мнению, это рабство не вечно: русский народ рожден быть свободным, он умел управляться без самодержавных царей и сумеет освободиться от их насилия. Оценки историка Рюльера, который безнадежно-пессимистически смотрел на прошлое и будущее России, кажутся Н. Муравьеву несовместимыми с истиной и справедливостью. «Везде самодержавие считают безумием, беззаконием, везде поставлены неперемennые правила или законы» — законы общественной и личной свободы. Н. Муравьев верит, что Россия идет по той же дороге и что на плечи его поколения возложена задача освобождения великого государства¹¹.

Анализируя мировоззрение Н. Муравьева, мы ясно видим его идеологические истоки. Мысль декабриста питалась рационалистической философией XVIII столетия; теория естественного права составляла основу его суждений и выводов, идея свободной индивидуальности являлась центром его политических размышлений. Но, разделяя учение революционной эпохи, он истолковывал его в духе Бенжамена Констана, в свете либеральных воззрений периода Реставрации. Это была определенная буржуазная интерпретация, направленная против революционного демократического течения. Мы не находим здесь ничего общего с сословно-дворянскими построениями XVIII и первой четверти XIX в. Аристократический революционизм Орлова и Дмитриева-Мамонова окончательно уступил место последовательной буржуазно-классовой точке зрения. Но мы не видим здесь и того социального радикализма, которым проникнуто слагающееся мировоззрение П. И. Пестеля. И Пестель, и Н. Муравьев начали с критики Великой французской революции; но у Пестеля желание избежать ее «ужасных происшествий» соединялось с глубочайшим убеждением, «что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристократиями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными». Отсюда — пестелевский идеал уравнилельной республики, которая вырастает на основе коренного аграрного переворота; отсюда — его идея «временного правления», которое воплощает в себе диктатуру тайного общества, ломает сопротивление помещичьего класса и предупреждает всякое «безначалие, беспорядок и междоусобие». Не интересы самодовлеющей личности, не идеал государства-сторожа занимает в этот период мышление Пестеля: он вдохновляется другим идеалом — всемогущего, организованного государства, которое жертвует интересами отдельного гражданина во имя «наибольшего благоденствия» народного целого.

Руководители тайного общества пошли различными классовыми дорогами: Пестель — навстречу поднимающейся мелкобуржуазной демократии, Н. Муравьев — в сторону слагающейся помещичьей буржуазии. Однако у обоих вождей сохранялась некоторая общность в программных и тактических построениях: их объединяло не только стремление покончить с крепостным монархическим государством, но и барское опасение перед

возможностью стихийного массового восстания. У обоих создавался неразрешимый конфликт между революционностью намеченных целей и отвращением к настоящей, подлинной революции. И Пестель, и Н. Муравьев старались разрешить это внутреннее противоречие единственным доступным путем — традиционными средствами единоличного террора и военного переворота. Так, несмотря на различия принципиальных воззрений, создавалась общая почва для совместных политических действий.

Вопрос о формах и сроках переворота снова был поставлен на заседаниях общества в революционной обстановке 1820 г. Целый ряд событий крупного общеевропейского значения предшествовал этому шагу «Союза благоденствия». В начале года вспыхнуло революционное восстание в Испании: полковник Риего на острове Леоне поднял Астурийский батальон «во имя конституции 1812 года». В июле вспыхнула революция в Неаполе, начатая лейтенантом Морелли и поддержанная генералом Пепе. В августе по инициативе полковника Сепульведа произошло военное «пронунциаменто» в Португалии. Через несколько месяцев начались восстания в Греции и революционное движение в Пьемонте. Отсталые аграрные государства стремились сбросить с себя феодальные пережитки и выйти на буржуазную дорожку, указанную Великой французской революцией. Южноевропейские восстания сопровождался общественным подъемом в передовых государствах — агитационной кампанией английских радикалов и террористическим актом против французской династии. Руководящие нити этих движений сосредоточивались в руках тайных обществ — в испанских «юнтах», в «вентах» итальянских карбонариев, в «гетериях» греческих патриотов. Наиболее яркие и победоносные движения возглавлялись представителями армии. Молодая Европа с увлечением следила за смелыми выступлениями революционного офицерства. И задачи, и формы движения вполне соответствовали желаниям декабристов. Особенно сильное впечатление должна была произвести на них Неаполитанская революция, которая прошла в организованной форме бескровного, «праздничного» переворота. Последующие события — ограничение абсолютизма, открытие южных парламентов, лицемерная политика королей — давали новые богатые политические уроки. Недаром Пестель придавал этому периоду такое решающее значение: «Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил, по моим понятиям, неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском революционном образе мыслей». «Клокочущий дух преобразований» действовал так не на одного Пестеля: революционный подъем сообщался многим членам «Союза благоденствия» и находил себе могущественную поддержку в широком распространении дворянского либерализма.

В начале 1820 г. Пестель приехал в Петербург. Было созвано заседание Коренной думы на квартире полковника Ф. Н. Глинки. По предложению председателя И. А. Долгорукова Пестель сделал доклад о наилучшей форме государственного правления. Пестель сравнивал преимущества республики и монархии с определенной целью подготовить принятие республиканской программы. Вспыхнули оживленные и долгие споры. Несмотря на некоторые разногласия, собрание единогласно присоединилось к выводам Пестеля. Решение, принятое Коренной думой, имело «законодательное», т. е. руководящее, значение. С этого момента все члены

возглавляющей верхушки не только этически, но и формально обязывались способствовать распространению республиканского образа мыслей. Пестель действовал не один: прежде чем идти на собрание, он совещался с Никитой Муравьевым и заключил с ним условие о солидарном выступлении.

Заседание у Глинка было преддверием более важного политического постановления. Через некоторое время состоялось новое собрание руководящих членов на квартире Ив. П. Шипова. Председательствовал опять Долгоруков, докладчиком на этот раз выступал Н. Муравьев. Исходя из принятого решения о республиканском правлении, Н. Муравьев поставил вопрос на практическую почву: республика не может явиться сама собою, необходима активная политическая борьба. Обсуждая вопрос с тактической точки зрения, Н. Муравьев приходил к выводу о неизбежности царевубийства, как предварительного условия государственного переворота. Но, по-видимому, он не ограничился вопросом о царевубийстве: идея переворота, окончательно выношенная в эпоху южноевропейских революций, предполагала непосредственное участие армии, т. е. ту или иную форму военного вооруженного восстания. Разгорелись еще более страстные и долгие прения. Ни один из присутствовавших, за исключением Пестеля, не соглашался с предложенным планом, ссылаясь на неизбежность анархии и гибели государства. Горячим защитником Н. Муравьева выступил Пестель: поддерживая идею царевубийства, он указывал естественный путь для обеспечения порядка и устранения всякого безначалия: тайное общество должно выделить из себя «Временное правление, облеченное верховною властью». Так соединялись отдельные звенья революционного плана: царевубийство — восстание — диктатура — республика. План был обдуман Пестелем, встретил сочувствие и поддержку Н. Муравьева; «заговор в заговоре» должен был обеспечить его принятие обществом. Пестель и Н. Муравьев действовали совместно и планомерно, осторожно завоевывая внутренние позиции. Правда, победа досталась им не сразу: предложения Н. Муравьева вызвали непримиримую оппозицию, особенно со стороны Долгорукова. Собрание разошлось без всякого результата, но первая неудача не остановила авторов революционного плана. Через некоторое время было созвано второе собрание, на этот раз в отсутствие умеренного Долгорукова. После новых усилий Н. Муравьев провел наконец свои предложения — руководящие члены «Союза благоденствия» провозгласили начала революционной тактики. По-видимому, проект Пестеля был разработан еще более подробно: первоначальный и главный удар, «открытие революции с упразднением престола», предполагалось произвести в столице; армейские полки должны были поддержать начавшееся восстание; между отдельными управами заранее устанавливались взаимные связи и предварительное соглашение. К такому выводу приводят факты 1820—1821 гг.: поездка Н. Муравьева на юг, его участие в тульчинских совещаниях и его вступление в состав директории Южной управы¹².

С начала 1820 г. Н. Муравьев был в отставке; это развязывало ему руки для свободных революционных действий. Причины его ухода со службы остаются не вполне ясными. По утверждению М. К. Грибовского, Н. Муравьев был обманут в своих ожиданиях нового чина; отсюда вытекали его отставка и недовольство. Семейные документы не подтверждают такого объяснения. По-видимому, Н. Муравьевым руководили иные, более глубокие и сложные мотивы: с одной стороны, его отвлекали семейные и хозяйственные заботы, с другой — он тяготился своей связью с прави-

тельством в этот революционный, критический период своей жизни. К тому же, уходя из гвардейского Генерального штаба, Н. Муравьев приобрел широкую свободу в использовании своего времени и своих сил. Летом 1820 г. он предпринял большое путешествие на юг вместе с М. С. Луниным. Он заехал в Одессу, побывал в Севастополе, подробно осмотрел развалины Херсонеса и совершил продолжительную поездку по Крымскому полуострову. По дороге из Киева в Одессу он заехал к Пестелю в главную квартиру 2-й армии. Появление петербургских гостей, отмеченных «образом мысли несравненно более смелым, чем прежде», рассматривалось некоторыми из южан как симптом грядущего перелома. Н. Муравьев познакомился со всеми членами Тульчинской управы и прочел им эскизные наброски своего агитационного катехизиса. На собраниях были поставлены и подвергнуты обсуждению очередные вопросы программы и тактики. Южные впечатления Н. Муравьева были вполне определенными; по его словам, все товарищи Пестеля разделяли республиканские взгляды. В заключение Пестель провел Н. Муравьева в председатели Южной управы. Между Югом и Севером устанавливалась персональная связь, а политический договор Муравьева и Пестеля получал наглядное организационное оформление¹³.

Возникает вопрос: насколько этот новый революционный план соответствовал общим воззрениям Н. Муравьева — его идее свободной индивидуальности, отрицанию политики насилия и общей склонности к безболезненному перевороту? Насколько рассуждение об «Истории» Карамзина и отдельные записи в тетрадях и книгах отвечали смелым проектам цареубийства, восстания и диктатуры? Н. Муравьев предпринимал всякое действие после внимательных размышлений. Несомненно, что и тактические выводы 1820 г. не были результатом простого эмоционального увлечения. К сожалению, мы не имеем документального ответа на интересующие нас вопросы. Но учитывая создавшуюся политическую обстановку и дальнейшую эволюцию в воззрениях Н. Муравьева, мы можем предположительно представить ход его мыслей. По его мнению, сила естественного развития привела к необходимости радикальной политической перемены. Сопротивление естественному течению вещей есть насилие, тирания; наоборот, содействие «общему движению» составляет нравственный долг гражданина. Если самодержавная власть противится переменам, то гражданин имеет право сопротивления, аналогичное праву военной обороны. Революция может совершиться в различных формах. Одна из них имела место во Франции; это — массовая революция «беспорядков», «безначалия» и террора. Н. Муравьев решительно отвергал подобную форму переворота. Другой тип «организованных революций», почти без крови и «беспорядков», показали южноевропейские восстания 1820 г. Соглашения с монархией бесплодны и ненадежны, устранение императора необходимо и правомерно. Недавний опыт дворцовых переворотов подсказывал удобные формы «безболезненного» цареубийства. Но упрочение республики невозможно без вооруженного восстания: содействие дисциплинированной военной силы, руководимой авторитетными и доблестными начальниками, — необходимое условие политического успеха. Во избежание «анархии» можно организовать Временное правление, но это не будет якобинская диктатура, поддержанная «уличной чернью», а «справедливая» власть тайного общества, подобная диктатуре Георга Вашингтона. Временное пожертвование индивидуальными правами неразрывно связано с военной опасностью и освящается конечным идеалом завоевываемой свободы.

Основой тактического плана послужили победоносные европейские «пронунциаменты», толчком к его оформлению — революционная инициатива Пестеля. Но в таком построении не было ничего якобинского: революционная тактика Н. Муравьева связывалась с иными идейными предпосылками, чем радикальные предложения, выдвинутые Пестелем. Заключая друг с другом политическое соглашение, Пестель и Н. Муравьев исходили из разных политических принципов: Пестель — из идеи демократии и революционного централизма, Н. Муравьев — из либеральной буржуазно-индивидуалистической доктрины. Соглашение оказалось временным и непрочным, но революционные выступления 1820 г. остались ярким эпизодом в политической деятельности Н. Муравьева. Это была вершина его революционного пафоса, заключительный рубеж его молодого «периода бури и натиска».

IV. БОРЬБА ЗА УМЕРЕННУЮ ПРОГРАММУ

Осенью 1820 г. произошли события, которые сильно осложнили расчеты тайного общества. 16 октября начались волнения в Семеновском полку, вызванные жестокой политикой палочного режима. Движение носило незаискусимый, солдатский характер; революционные офицеры оказались застигнутыми врасплох и сыграли жалкую роль пассивных зрителей или активных ликвидаторов волнения. Движение перешло через ограниченные рамки служебного протеста: демонстрация семеновцев вызвала широкое брожение в казармах Гвардейского корпуса, которое приняло опасный политический оттенок. Появились рукописные прокламации, которые носили антидворянский и противоофицерский характер. В Измайловском полку обнаружилось враждебные настроения по отношению к командному составу. Был момент, когда петербургские власти боялись действительной катастрофы. Волнение и слухи в солдатской массе вскрывали реальную угрозу стихийного массового движения (независимого от офицерского руководства), граничащего с революционным «безначалием». Волнения были подавлены, и участники жестоко поплатились за свое выступление, но потенциальная опасность солдатского бунта осталась неликвидированной. В сознании правительства и дворянского общества она сохранилась как постоянное и грозное напоминание, как непосредственный повод к консервативной политике.

Солдатские волнения 1820 г. должны были оказать сильнейшее впечатление на членов революционного общества. Если спокойствие и дисциплина семеновцев вызывали неизменное восхищение, если издевательства Г. Е. Шварца * встречали возмущение и протесты, то опасные толки и подпольные прокламации должны были оказать противоположное действие: они должны были усилить политическое расслоение и отбросить в сторону умеренное крыло. Начавшаяся правительственная реакция еще более осложнила создавшееся положение. Александр I обратил усиленное внимание на гвардию, которая сделалась в его глазах опасным источником вольнодумного движения. Специальная военносекретная полиция должна была неотступно следить за состоянием мятежных умов и предупреждать всякую возможность противоправительственных действий. Последовали агентурные донесения, которые сделались известными членам тайного общества. Менее убежденные и решительные начали задумываться и колебаться; некоторые участники

* Г. Е. Шварц — командир лейб-гвардии Семеновского полка в 1820 г.

стали тяготиться своей связью с организацией и выискивать повод для своевременного и быстрого отступления.

Но упадок политического настроения чувствовался не только в рядах тайного общества. Дворянское либеральное движение, которое питало и поддерживало деятельность «Союза благоденствия», стало заметно сокращаться и утрачивать свои яркие краски. Сельскохозяйственный кризис постепенно усиливался, помещичье хозяйство испытывало тяжелые затруднения, широкие социальные и политические проблемы снимались с очереди резко изменившейся конъюнктурой. Не только сокращался прилив новых членов, не только суживались пределы сочувствующей и откликающейся аудитории — в пределах самого тайного общества наблюдалось состояние дезорганизации, уныния и бессилия.

«Союз благоденствия», уже давно переживавший внутренний кризис, вступил в тяжелую фазу окончательного распада. Революционные постановления 1820 г. не могли скрепить воедино разваливавшееся общество; наоборот, они усилили и обострили намечавшиеся политические разногласия. И на севере, и на юге обнаруживалось резкое столкновение мнений, выступали два непримиримо-враждебных течения: более радикальные элементы шли за Н. Муравьевым и П. И. Пестелем, более умеренные — за Михаилом Муравьевым и И. Г. Бурцевым. На этот раз главным предметом политических разногласий были проблемы революционной тактики, но за этими очередными вопросами чувствовалась иная, более серьезная борьба оформляющихся программных течений. В начале 1821 г. в Москве, на квартире Фонвизиных состоялся съезд делегатов от Северной и Южной управ. Правые элементы захватили в свои руки организацию совещания — в числе участников съезда ни Пестеля, ни Н. Муравьева не оказалось. Тем не менее разногласия прорвались наружу и приняли отчетливую и острую форму. Тактике ликвидации революционного общества была противопоставлена тактика немедленного революционного действия; но рядом с представителями крайних позиций были сторонники сохранения и очищения общества, которые отстаивали медленную, организованную подготовку. В конце концов среднее течение одержало победу: «Союз благоденствия» был объявлен распущенным, но тайная организация должна была возродиться в обновленной и строго законспирированной форме. Второй раз в истории декабристов происходил политический раскол, несло поражение революционное течение. Мелкобуржуазные тенденции Пестеля были снова отеснены господствовавшей либерально-помещичьей группировкой; но в рядах самих победителей не было нужной уверенности и энергии; составляя новый устав и повторяя прежнюю формулу об ограничении самодержавия, они не чувствовали в себе старого революционного пыла. Некоторые из них быстро ушли из тайного общества, другие заняли пассивную, бездеятельную позицию. Дворянский революционизм, мелькнувший в 1817—1820 гг., испытывал глубокий внутренний кризис. Начиналась новая политическая полосу, которая требовала от каждого активного деятеля ясного и точного самоопределения¹.

Постановления Московского съезда клонились к изоляции Пестеля и его революционных союзников; во главе четырех проектированных управ были назначены представители умеренного течения. Но революционное крыло не могло быть и не было убито. Оно имело мало адептов на севере, в обстановке столичного дворянского окружения, но оно продолжало жить, развиваться и приобретать ясные очертания в условиях южного военного квартирования: непосредственное соприкосновение с

земледельческой массой, ощущение острых социальных антагонизмов, волновавших украинскую деревню, не могли не воздействовать на переломное офицерство — обитателей сел и мелких местечек. Влияние Пестеля должно было падать на благодатную почву, подготовленную совокупностью конкретных жизненных наблюдений. Ликвидаторская тактика Бурцева не имела здесь никакого успеха: тульчинская управа «Союза благоденствия» не признала законными московских постановлений и продолжала функционировать под руководством новой революционной директории. Постепенно она вобрала в себя вновь распропагандированных членов, дала новые революционные ответвления и разрослась в самостоятельную заговорщическую организацию. На юге вырабатывалась более последовательная демократическая программа и создавались смелые планы насильственного переворота. В лице Пестеля и еще отчетливее в лице «Соединенных славян» скрестились интересы профессиональной мелкобуржуазной интеллигенции и крестьянской демократической массы.

В Петербурге постановления Московского съезда не вызвали такой решительной и резкой реакции. Северная управа «Союза благоденствия» действительно прекратила свое существование; попытки Н. И. Тургенева реализовать идею нового общества носили формальный и пассивный характер. Единственным человеком, который проявлял живую активную инициативу, оказался Никита Муравьев: он постарался воскресить разрушающуюся революционную организацию, начал подбирать сочувствующее ядро и установил письменные сношения с Пестелем. Выбор Н. Муравьева остановился прежде всего на двух испытанных членах — на М. С. Лунине и кн. П. П. Лопухине. М. С. Лунин был другом и близким родственником Н. Муравьева, убежденным врагом существующего режима и смелым сторонником революционного насилия. Князь П. П. Лопухин был важен и ценен с другой стороны: это был один из создателей и руководителей тайного общества, который соединял в себе активный либерализм с высоким общественным положением, широкими придворными связями и должностью бригадного командира. В этом узком кругу учредителей были разработаны новые основания для приема будущих членов. Организационный проект был настолько обдуман, что его отпечатали на литографском станке и, по-видимому, распространили среди желаемых кандидатов. Именно к этому периоду относится принятие в общество младшего брата Н. Муравьева, Александра, — впоследствии корнета Кавалергардского полка. Воспользовавшись киевской поездкой Лопухина, Н. Муравьев послал свои предположения Пестелю; в Петербурге он показал их Н. Тургеневу, убеждая его присоединиться к вновь образуемому союзу. Из этих отрывочных данных, которые сам Н. Муравьев старательно затушевывал на следствии, можно сделать определенный вывод: после Московского съезда позиция Н. Муравьева сближалась с точкой зрения Пестеля, он не хотел считаться с московскими решениями и стремился объединить представителей всех направлений — и левого (Пестеля), и правого (Тургенева), и нейтрального (Лопухина). К сожалению, мы не знаем его организационной и программной платформы за этот переломный период истории тайного общества. Очень важно, что он перешел на компромиссную точку зрения, стараясь восстановить и сблизить раскалывающиеся революционные ряды. Возвращение на службу и командировка в Западные губернии оборвали начатую им работу². Но эти случайные, внешние обстоятельства совпали с планомерно развивавшимся кризисом политического сознания. Переломные события не прошли бесследно для Н. Муравьева: в течение 1821—

1822 г. он испытал глубокий внутренний перелом, который коренился не только в условиях его жизни, но и в окружающей социально-политической обстановке.

До исхода 1818 г. мы знаем Н. Муравьева как представителя богатой дворянской семьи, гвардейского офицера и начинающего политического деятеля. Интересы практической жизни затрагивали его мимоходом: его внимание было обращено по преимуществу на вопросы военной службы, политики и литературы. Идеология Н. Муравьева складывалась под влиянием новых, капиталистических отношений, но воздействие экономики было косвенным — через посредство общественной среды и ее передовых направлений; самые воззрения Н. Муравьева носили общий принципиальный характер, не принимая конкретных социально-политических очертаний. В конце 1818 г. произошли события, которые изменили личное положение декабриста, расширили круг его текущих занятий и раздвинули рамки его жизненных наблюдений. Прежде всего, умер его дед, сенатор Ф. М. Колокольников, который оставил своей дочери богатое земельное и денежное наследство. К прежним владениям Муравьевых присоединилось 3,5 тыс. душ и 57 тыс. дес. земли. С этого момента Н. Муравьев сделался ближайшим помощником матери по управлению обширным хозяйством. Уже весной 1819 г. Е. Ф. Муравьева «всеподданнейше» просит дать ее сыну продолжительный отпуск не только для поправления здоровья, но и для объезда ее имений; она ссылагается на то, что «не в состоянии заниматься делами» и видит в сыне свою «единственную подпору». Переписка 1821—1825 гг. подтверждает это указание: Н. Муравьев начинает входить во все детали по управлению имениями и принимает на себя общее руководство всеми хозяйственными делами.

На основании сохранившихся документов (юридических актов и межевых примечаний) можно представить себе границы и характер помещичьего хозяйства Муравьевых. Их владения находились в 14 уездах 11 губерний, захватывая разнообразные полосы Европейской России — промышленную, черноземную и степную. Некоторые имения (главным образом в Центральной промышленной области) были невелики по размерам, представляли собой небольшие деревни и села от 15 до 90 ревизских душ. Эти имения не отличались плодородием почвы (земля «песчаная или иловатая», «хлеб и покосы средственные» и только иногда «хорошие»). В XVIII в. крестьяне этих имений сидели частью на оброке, частью на барщине. Крупными доходными статьями были другие поместья, входившие в состав только что полученного наследства. Особенно выделялись три крупных имения, сильно отличавшиеся своими природными и хозяйственными условиями. Одним из этих имений была слобода Староивановская (с прилегающими к ней семью хуторами), расположенная в Бирюцком уезде Воронежской губернии, на большой дороге из Оскола в Валуйки. Имение насчитывало около 11 тыс. дес. чернозема (только местами земля была «песчаная» и «меловатая»); по VII ревизии, здесь числилось около 1800 душ мужского пола, по национальности «черкасов», т. е. украинцев; во владении Муравьевых находились многие сотни распаханных десятин, большие сенокосные угодья и значительные площади строевого леса — дубового и осинового. Имение состояло на оброке и по оценке давало более 30 тыс. руб. ежегодного дохода. Совершенно иной хозяйственный облик носило нижегородское поместье, лежавшее на берегу Волги, в нескольких верстах от губернского города. Оно включало в себя селение Мухино и 9 прилегающих деревень, более 33 тыс. дес. земли и 1200 душ мужского пола. Нижегородские зем-

ли были «иловатые с песком», давали плохие хлебные урожаи и не могли прокормить крестьянского населения. Значение этих угодий заключалось не в землях, а в промыслах: расположенное на крупной речной артерии, у скрещения торговых путей и большой Всероссийской ярмарки, Мухино было заполнено ремесленниками и купцами; теснейшие экономические связи соединяли его с Нижним Новгородом; его население было самостоятельным и предприимчивым, считалось денежным и зажиточным; по оценке оно вносило ежегодный оброк в размере 30 тыс. руб. Н. Муравьев особенно ценил это нижегородское имение и полагал, что с рыночной точки зрения оно стоит не менее 1 млн. руб. Особый тип хозяйственной эксплуатации представляли собой саратовские угодья: здесь, на степных просторах Аткарского уезда, бар. Ф. М. Колокольцову были пожалованы громадные площади неводеланной целины. Почва была черноземная, а частью солонцеватая. В распоряжении Муравьевых находилось более 12 тыс. дес., но редко населенных, большей частью нетронутых и неизмеренных. Муравьевы переселяли сюда крестьян из центральных губерний, им отводились большие участки и предоставлялась свобода раскашивать и распахивать степь, «сколько каждый в состоянии обработать»; на переселенцев налагался оброк по 10 руб. с ревизской души или по 1 руб. с каждой покосной и пашенной десятины. Некоторые из имений Центральной России имели такие же ярко выраженные хозяйственные отличия: деревня Стремлянье под Петербургом примыкала к категории промысловых угодий, село Летники в черноземной части Рязанской губернии представляло собой земледельческое поместье.

Но крепостное хозяйство было не единственным источником доходов семьи Муравьевых. В распоряжении владельцев находились значительные денежные средства — не только результаты оброчных поступлений, но и вернувшиеся наращенные капиталы. Эти оборотные суммы ссужались разнообразным лицам по вексельным и заемным письмам. Иногда свободных излишков оказывалось недостаточно, и Муравьевы производили значительные займы у столичных ростовщиков (например, у купца Зеленкова); бывали случаи, когда из подобных «занятых» сумм они давали собственные ссуды, по-видимому, на условиях повышенного процента. Ссудные операции не всегда кончались успешно — должники оказывались банкротами и не могли вернуть капиталов. Такое несчастье произошло с Сиверсом, за которым пропало 10 тыс. руб. По примеру отца Е. Ф. Муравьева склонялась и на более рискованные, но доходные спекуляции — на соглашения с крупными подрядчиками и откупщиками; между матерью и сыном велась оживленная переписка о целесообразности и доходности подобных предприятий. Таким образом, обширное оброчно-земледельческое хозяйство с большим процентом промысловых угодий и дополнительными ростовщическими операциями — такова была хозяйственная стихия, окружавшая Н. Муравьева.

Каждое изменение в общих экономических условиях должно было отражаться и на поступлении крестьянского оброка, и на оборотах ссужаемого капитала; от состояния хлебного рынка зависели колебания доходов воронежского, рязанского и саратовского имений; от темпа развития промышленности увеличивались или уменьшались поступления с нижегородского поместья, спрос на денежные капиталы и высота заемного процента. Муравьевы зорко следили за этими изменениями хозяйственной конъюнктуры; впоследствии они ощутили на себе влияние аграрного кризиса, который поражал не только земледельческие районы, но косвенно и владения промыслового типа. Е. Ф. Муравьевой приходилось жа-

ловаться на потерю кредитованных капиталов и на резкое сокращение собираемого оброка. В 1825 г. крупное воронежское имение прислало вместо денег только хозяйственный отчет, а богатое нижегородское поместье впервые за 24 года дало меньше чем половину обычной суммы.

По-видимому, Н. Муравьев охотно принял на себя деловые поручения матери; содержание и тон его хозяйственной переписки показывают его желание и умение входить в разнообразные детали экономических вопросов. Он проверял отчеты и письма управляющих, разбирался в вопросах земельного межевания, давал руководящие советы о размерах и формах оброчного обложения. При отсутствии строгого разграничения частных угодий нередко возникали столкновения с соседями, поэтому межевые споры всегда оставались предметом серьезного внимания со стороны владельцев. Особенно долгим и убыточным был замятый нижегородский процесс, который прошел через несколько инстанций вплоть до сенатского Межевого департамента. Н. Муравьев хорошо понимал, что для успеха в земельных тяжбах «надобно быть известным и иметь случай»; он неизменно руководил матерью в закулисных переговорах с сенаторами и влиятельными чиновниками, распоряжался о распространении докладных записок, указывал наиболее важные и обещающие «ходы». Он интересовался каждой мелочью, торопил не упустить сроков, предупреждал об угрожавших маневрах противника. В 1825 г. он лично объезжает московские суды, посещает городских адвокатов, раздобывает межевые свидетельства. Так же энергичен и цепок Н. Муравьев в вопросах о ссудных операциях: он постоянно напоминает матери о вексельных сроках, предостерегает ее от излишней снисходительности и разоблачает ненадежных заемщиков. В 1820 г. он непосредственно производит кредитные займы и платежи, вносит суммы в заемные и коммерческие банки, кредитуетсЯ у отдельных капиталистов и выдает частные денежные ссуды; его приходо-расходные записи этого времени охватывают сотни тысяч рублей оборотного капитала.

Однако Н. Муравьев не ограничивается наблюдением и руководством из Петербурга. Время от времени он объезжает свои имения: осматривает Стремлянье, посещает саратовские и воронежские земли, неделями проживает в нижегородском поместье. Особенно интересный и ценный материал представляют собой его письма из Мухина, отправленные в октябре 1825 г., незадолго до восстания. Резкое сокращение доходов в связи с сельскохозяйственным кризисом заставило его принять исключительные и срочные меры: Н. Муравьев лично едет в имение, чтобы взыскать крестьянские недоимки и попутно продвинуть дело земельного размежевания. В письмах к жене он подробно описывает свое пребывание в нижегородской усадьбе вместе с землемерами, крестьянскими старостами и дворянскими заседателями: рассказывает о своих сельскохозяйственных занятиях — проверке мирских расходов, приеме крестьянских жалоб и личном взыскании недоимок. Описания Н. Муравьева очень колоритны и ярко характеризуют его как крупного душевладельца:

«Каждый день я даю аудиенции, передо мной прошло уже более 300 отцов семейств. Я начал актами милости и приказал выпустить 5 крестьян, посаженных в исправительный дом за непослушание и неплатеж оброка. Остальное время ушло на проверку счетов и на усилия вытребовать крестьянские деньги от их должников... Я не имел времени раскрыть ни одной взятой с собой книги, заменяя их книгою мирских расходов. Я убежден, что ты смеялась бы до слез, присутствуя при моих проповедях к крестьянам. Иногда я гроплю их, иногда забавляю их

шуткою и заставляю их смеяться, минугу спустя я действую на их чувствительность и слышу и вижу, как плачут старики, тогда как молодежь остается твердокаменной. Через каждые четверть часа какой-нибудь крестьянин отделяется от всей группы и подходит положить на стол некоторую сумму денег, соглашаясь со справедливостью высказанных мною суждений».

В поле зрения Н. Муравьева оказывались хозяйства разнообразных типов — на основании реальных жизненных наблюдений он должен был одинаково понимать значение зернового хозяйства, крестьянской промышленности и денежных операций. Была ли в его экономических взглядах какая-нибудь принципиальная руководящая линия? Из сохранившихся писем можно извлечь некоторые данные для ответа. Консультируясь с матерью, Н. Муравьев настаивал прежде всего на необходимости планомерного и строгого расчета: «Главная вещь состоит в том, чтобы не иметь никаких долгов — ни малых, ни великих — и иметь ясное понятие о всем получаемом доходе». Надо составлять программу очередных хозяйственных дел, не загромождая ее излишними и неисполнимыми задачами, но строго сообразуясь с имеющимися силами и средствами. В мае 1822 г. он пишет матери по поводу ее проекта отдать в обеспечение поставки нижегородское Мухино: «Вы видите, что мы не можем справиться с теми делами, которые мы до сих пор имеем: 1-е дело с гр. Пушкиной; 2-е — устройство нижегородской деревни; 3-е — устройство рязанской; 4-е — строение трех церквей; 5-е — строение на даче; 6-е — дело в Воронеже с казаками; 7-е — дело о мельницах; 8-е — дело с Луниным. Мне кажется, что не время брать на себя новые хлопоты. Вспомните нашу орловскую спекуляцию, которая стоила нам 30 000 рублей. В Мухино необходимо нужно скорее отправить порядочного человека».

Ко всем явлениям хозяйственной жизни Н. Муравьев подходит с точки зрения ожидаемого дохода, взвешивает выгоды и невыгоды предполагаемых операций и решает вопрос на основании сравнительного баланса. Правда, в его рассуждениях проскальзывает иногда моральная точка зрения, но не ей принадлежит последнее и решающее слово. Особенно характерны суждения Н. Муравьева против рискованных спекуляций с нижегородским имением. Откупщик Зеленков предлагал взять имение под залог за 500 тыс. руб. Н. Муравьев противопоставлял его предложению следующие доводы: «1200 душ на Волге стоят, без всякого сомнения, миллион, а не 500 000 рублей. Итак, по-моему, во-первых, риск весьма великий, потому что 500 000 рублей не вознаграждают потери Мухина. Во-вторых, риск сей бесполезен. Вы говорите, что нынешний год вы получили половину обыкновенного дохода, но это не причина, чтобы рисковать большею частью всего имения. Зеленков был до сих пор честен, но, во-1-х, он может перемениться, 2-е — он может опистаться, 3-е — он может умереть, а его возраст уже порядочный: в таком случае имения его и дела могут перейти к человеку бесчестному; 4-е — с ним могут поступить, как поступили с Герцем и с многими другими, то есть его могут разорить несправедливо; 5-е — прибавьте к этому неожиданные случаи; посмотрите, сколько опасностей — зачем им подвергаться?.. Пример дедушки не должен нас соблазнять, — ни вы, ни я не имеем его делового опыта; да и подумайте, как со всем тем жестокие заботы отравили последние дела его жизни... Я не стану вам добавлять ко всему этому, что одна мысль о закладе людей вызывает во мне отвращение. Подумайте, — одна неудачная спекуляция ставит честных

людей в положение разыгрываемых в лотерею, как стадо, и может от-
дать их какому-нибудь жестокому и алчному хозяину»^{2*}.

Из тех же соображений дальновидной классовой политики Н. Муравьев возражает против чрезмерного обложения саратовских переселенцев: «Вновь заселенным, без сомнения, должно сначала предоставить льготы, чтобы дать им совершенно завестись на земле, где вовсе нет леса, что должно еще более затруднять начинающееся хозяйство и что испугало и безлесных рязанцев. Итак, мое мнение было — если вы хотите, чтобы поселенные платили с земли, то на первый год отнюдь более *одного рубля* с *десятины* не брать. Во всяком деле начало всего важнее, надобно [дать] им средства и возможность хорошо укорениться. Пример их благоденствия будет приманчив и для будущих переселенцев на остающиеся пустые земли».

Но, оставаясь расчетливым и практичным помещиком, Н. Муравьев высказывается против всяких неосновательных «послаблений». По поводу сокращения оброчной суммы он пишет матери в декабре 1821 г.: «Я читал письмо из новгородской деревни, и мне кажется, что они хитрят... Они пишут, что в Устригах теперь 224 десят. и 300 сажень, следовательно, 109 десятинами больше земли, в Першутине 45 десятин больше, а о пустошах Дуткине и Питерихине они не упоминают, за дальностью расстояния и неудобностью *почти ничем* не пользуются — ни пашней, ни *сенокосом*, потому будто бы, что их круглый год потопáет; сверх того, они забыли и деревню Ручье, которая у них показывается в счете *тягл*. К тому [же] они в ноябре месяце догадались, что урожай у них был дурен. Весьма недурно! Мне кажется, [хорошо] бы было узнать истину от Г. Пустошкина».

Муравьевы не заводили собственного земледельческого производства, может быть, за исключением мелких угодий Центрального промышленного района. Они предпочитали спокойное получение оброка и только частично заботились о введении сельскохозяйственных улучшений, например, постройки крупчатых мельниц. Но идея рационального и расчетливого ведения хозяйства представлялась Н. Муравьеву вполне отчетливо. Его позднейшие сибирские воспоминания доказывают, что в этот ранний период он интересовался вопросами агрономической техники, наблюдал приемы сельскохозяйственного производства и задумывался над проблемой поднятия урожайности. Преждевременный арест оборвал его хозяйственные занятия и не дал развиваться его экономическим планам, но впечатления прежнего опыта не пропали безрезультатно: они ожили в период сибирского поселения и послужили основой для самостоятельных агрономических начинаний.

Подводя итоги произведенным наблюдениям, можно сделать определенный вывод: с 1819 г. Никита Муравьев начал втягиваться в практическую деятельность землевладельца и воспринимать впечатления крепостного помещичьего хозяйства; руководя управлением именьями, он выступает как крупный земельный собственник, ясно осознающий свои классовые интересы. Благодаря детальному ознакомлению с разными хозяйственными условиями он должен был одинаково наблюдать и воздействие новых капиталистических процессов, и влияние разраставшегося аграрного кризиса. Социальные и политические идеи, которые он выработал в первые годы самостоятельной жизни, подверглись конкретной

^{2*} Перевод автора. — *Ред.*

проверке и новому обоснованию в свете накопленных экономических наблюдений³.

Перемены в имущественном положении Н. Муравьева сопутствовало укрепление его общественных связей. Семья соединяла его с верхами дворянского сословия, военная служба сблизила его с чиновной правящей знатью. Н. Муравьева считали «мизантропом» и несколько «диким». Правда, он тяготился светскими выездами и не слишком обольщался достоинствами столичного общества. Его суждения о дворянской среде были проникнуты горькой иронией: «В наш железный век никто не сообщает другому полезных наставлений или сведений — теперь не времена Сократов. Холодный расчетистый эгоизм — главное свойство всех, а ум состоит только в том, чтобы замечать смешное и забавляться оным». Он сознавался матери, что большие съезды причиняют ему только скуку, а не веселье. Лунину он жаловался на однообразное общество столицы, «где сходятся, чтобы болтать о пустяках или ни о чем вовсе не говорить». Но эти суровые оценки не мешали Н. Муравьеву поддерживать живые и постоянные связи с дворянской знатью. В переписке с матерью он постоянно упоминает о своих встречах с представителями крупнейших дворянских фамилий. По-видимому, из обдуманного расчета Н. Муравьев посещал видные аристократические дома и в Петербурге, и в Москве. Он не чуждался высокой протекции и охотно прибегал к ней через посредство матери. Содействие министра юстиции И. И. Дмитриева, министра двора П. М. Волконского, всесильного временщика А. А. Аракчеева последовательно сопровождало его служебную карьеру. Н. Муравьев старательно взвешивал все выгоды и невыгоды гвардейского Генерального штаба, стараясь изыскивать более обещающие пути для обеспечения своего будущего. В декабре 1821 г. он писал своей матери из Минска: «Мне необходимо нужно приехать в Петербург, чтобы осмотреться и выбрать какого-нибудь генерала, — я готов идти в адъютанты ко всякому — непростительно в мои лета рассуждать, что теперь мне хорошо, стало быть и вперед так будет». Уйдя в отставку, он был охвачен сомнениями и после длительных колебаний вернулся на старую проторенную дорогу: при помощи Н. М. Карамзина он снова был принят на службу в гвардейский Генеральный штаб, получил благосклонную оценку Александра I и окончательно связал себя с правящей верхушкой самодержавно-крепостного государства. С осени 1821 г. возобновляются постепенное восхождение Н. Муравьева по иерархической лестнице и его успехи на старом служебном поприще. Этот путь облегчил ему сближение с семьей гр. Г. И. Чернышева, обер-шенка двора и обладателя миллионного состояния. В 1823 г. Н. Муравьев вступил в брак с его дочерью и еще прочнее связал свою жизнь с интересами и бытом высшего дворянского общества⁴.

Эти внешние перемены в жизни Никиты Муравьева должны были оказать несомненное влияние на его социальные и политические оценки. Он был крепко, органически спаян с землевладельческим классом, дышал его интересами, воззрениями и привычками, близко соприкасался с либеральными и консервативными кругами правящего сословия, воочию наблюдал постепенный отлив освободительного течения. Глубокие подпочвенные процессы, совершавшиеся в недрах землевладельческих прослоек, должны были неизбежно затронуть и Никиту Муравьева.

Возвращение Н. Муравьева на военную службу совпало с новым походом Гвардейского корпуса — не на поля европейских сражений, а в глухие Западные губернии. Правительство преследовало при этом

определенную политическую задачу — «проветрить гвардейский душок и не дать повториться семеновской истории». Н. Муравьев попал в Минск — в уединенную и спокойную обстановку провинциального города. Служебные обязанности не поглощали целиком его сил, польское общество не вызывало его горячих симпатий. Время от времени он бывал в театре и казино, но эти редкие развлечения не отвлекали его от главной работы. Каждое утро он сосредоточенно занимался, усиленно читал и неустанно выписывал из Петербурга все новые и новые книги. Вдали от столицы, предоставленный самому себе, он приобрел возможность обдумать и изложить свои мысли, подвести итог впечатлениям последнего времени, осознать и оформить намечавшийся в нем внутренний перелом⁵.

За последние годы изменилось не только личное положение Н. Муравьева, менялась и вся окружающая социально-политическая обстановка на Западе и в России. Недавняя революционная ситуация сменилась торжествующей неприкрытой реакцией. Конгрессы в Троппау и Лайбахе объявили войну «тиранской силе революции и порока». Политика Священного союза приняла ярко агрессивный характер. Восстания в Неаполе и Пьемонте были окончательно подавлены. Революция на Пиренейском полуострове стояла перед угрозой иностранного вмешательства. Австрия и Германия были сдавлены железной рукой Меттерниха. Во Франции победили крайние роялисты. Наконец, в самой России на основе растущего сельскохозяйственного кризиса заметно усиливалось дворянское реакционное течение. Возмущение Семеновского полка послужило водоразделом двух различных периодов: отныне русские подданные должны были забыть о варшавских обещаниях Александра I, а «Уставная грамота» Н. Н. Новосильцева — превратиться в бесплодный клочок бумаги. Н. Муравьев, внимательно следивший за ходом политической жизни, не мог не реагировать на совершавшиеся события. Перед его умственным взором должны были вставать роковые вопросы, которые волновали и других декабристов: какие тактические выводы сделать из создавшейся ситуации? Идти ли дальше по революционному пути, стараясь преодолеть сгущающуюся реакцию силой героического порыва, или приспособиться к неотвратимой логике явлений, попытавшись изыскать средний путь примирения? Вспышка в Семеновском полку должна была вносить осложняющий момент в его политические расчеты. Н. Муравьев не мог не возмущаться палочной политикой Шварца, но он никогда не восторгался бурями Французской революции и не мог приветствовать уличного «восстания черни». Он должен был задуматься о грозных опасностях солдатского бунта, который разрушает не только военную дисциплину, но и привычные рамки общественных отношений.

Оглядываясь в ближайшее прошлое, богатое личными и общественными событиями, Н. Муравьев не мог обрести там необходимой точки опоры. Надежды на либеральные реформы потерпели горькое разочарование, революционные порывы не дали ощутительных результатов. Тайное общество переживало затянувшийся кризис. Первоначальный круг революционных друзей поредел и расстроился, передовое ядро раздирали глубокие внутренние разногласия. Н. Муравьев чувствовал себя на распутье, и все усилия его мысли должны были направиться на разрешение волнующей политической проблемы. Перед лицом обострявшейся общественной и правительственной реакции нужны были не расплывчатые и общие принципы — нужна была ясная и конкретная политическая программа. Пятилетние беседы и споры накопили достаточный запас мыслей и наблюдений; пережитый классовый опыт требовал углубления и фор-

мулировки наметившихся основных выводов. Посещение юга произвело определенное впечатление на Никиту Муравьева. Пестель не ограничился принятием его в председатели тульчинской управы; он вручил ему французский экземпляр своей конституции (первоначальный краткий набросок).

К этому времени уже закончился длительный процесс внутреннего развития Пестеля: выйдя из среды служилого небогатого дворянства и не имея прочной землевладельческой базы, Пестель стал идеологическим представителем нарождавшейся мелкобуржуазной интеллигенции. Начав с вражды к аристократам и сочувствия революционному якобинству, Пестель пережил колебания между идеями монархии и республики, между проектами легального компромисса и радикального насильственного переворота. В конце концов он сделал неизбежные логические выводы из своих первоначальных посылок.

Правда, из тактических соображений он редактировал отдел о форме правления одновременно в монархическом и республиканском духе. Но в этом раннем, еще не отделанном варианте «Русской Правды» уже были заложены основные начала радикальной демократической программы. Конституция Пестеля не ограничивалась провозглашением общих политических принципов: она давала точное описание будущего государственного строя и разрешала важнейшие социально-политические вопросы — об источнике избирательных прав и о формах крестьянского освобождения. По словам Н. Муравьева, Пестель распространял активное избирательное право на «всех совершеннолетних жителей мужеского пола без изъятия»; «известное состояние» требовалось только на второй стадии законодательных выборов — при выполнении обязанностей «избирателей». Освобожденные крестьяне получали в общественное пользование половину помещичьих земель при условии уплаты прежнего денежного оброка. Таким образом, всеобщее народное голосование и земельное обеспечение крестьян (правда, не проведенные еще до конца и последовательно) были установлены как основные начала предстоявшего государственного переворота.

Впервые на фоне общих неясных формулировок Н. Муравьев увидел конкретные очертания предлагаемого революционного преобразования. Размышляя над политическими проблемами в зимние месяцы 1821/22 г., он должен был исходить из сознательного учета тех социальных и правовых тенденций, которые ясно обозначились в пестелевском проекте 1820 г.; эти демократические, еще не вполне оформившиеся начала оказались в резком противоречии с собственными построениями и выводами Н. Муравьева. К сожалению, он очень кратко рассказывает о своем внутреннем переломе: он сознается, что «в продолжение 1821 и 1822 годов удостоверился в выгодах монархического представительного правления и в том, что введение оного обещает обществу наиболее надежд к успеху». Дальнейшая история организации показывает, что перемена во взглядах Н. Муравьева была значительно глубже и охватила собой всю совокупность спорных вопросов. Сосредоточенные занятия в Минске помогли ему сделать необходимые выводы из своих жизненных наблюдений и привести конкретные положения революционной программы в строгое соответствие со своим общим классовым мировоззрением. Исходя из доктрины либерального индивидуализма, Н. Муравьев сохранил свои прежние симпатии к республиканскому принципу, но он занял иную политическую позицию, чем Пестель и его ближайшие союзники. Развивая свои первоначальные предпосылки, сформулированные в духе учения Бенжамена Констана,

Н. Муравьев окончательно утвердился на буржуазно-помещичьей точке зрения: она нашла себе последовательное и законченное выражение в первоначальном проекте его конституции. В соответствии с ясно осознанными классовыми интересами Н. Муравьев должен был пересмотреть и свои старые тактические взгляды.

Еще недавно он признавал царевубийство и революционную диктатуру спасительным залогом от ужасов «безначалия». Теперь «похищение власти» и организованное насилие стали представляться ему «несбыточными» и «варварскими»; они должны были неразрывно ассоциироваться с социальным радикализмом Пестеля и с воспоминаниями о якобинском терроре. Муравьеву нужно было избежать сокрушительной ломки существующего порядка, которая грозила развязать стихию массового восстания. И он постарался изыскать более надежную и «безболезненную» форму для задуманного переворота. Вот в каких выражениях он излагал свои тактические планы перед следственными властями:

«Я полагал: 1-е. Распространить между всеми состояниями людей множество экземпляров моей конституции, лишь только она будет мною окончена. 2-е. Произвести возмущение в войске и обнародовать оную. 3-е. По мере успехов военных, во всех занятых губерниях и областях приступить к собранию избирателей, выбору Тысяцких, Судей, Местных Правлений, учреждению Областных Палат, а в случае великих успехов и Народного Веча. 4-е. Если б и тогда императорская фамилия не приняла Конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение Республиканского Правления».

Таким образом, мирная пропаганда, воздействие на «общее мнение», намечалась Н. Муравьевым как важнейшая подготовительная стадия переворота; военные выступления мыслились им как орудие вооруженного давления на императорскую фамилию, а в качестве победоносного результата предполагалось юридическое ограничение самодержавия путем официального конституционного договора. Преобразованная монархия сохранялась как символ законно установленной власти, как воплощение незыблемого общественного спокойствия. Перестройка государства проходила в легализованной и наименее разрушительной форме. Изгнание императора и провозглашение республики оставались в резерве как исключительное и крайнее средство. Наконец, заблаговременное составление конституции становилось необходимым условием для реализации всего плана: конституция обеспечивала конкретную программу действий, служила орудием для привлечения сочувствующих и намечала определенную основу для соглашения с монархией.

Эта новая политическая позиция имела несомненную связь с первоначальными высказываниями Н. Муравьева: его отрицание массовой революции находило себе последовательное и логическое завершение, его признание экономического неравенства дополнялось гарантиями от социального переворота, его апология автономной личности приводила к решительному отказу от диктатуры. Но, освободившись от влияния сословно-феодальной традиции, от идеи конспиративного дворцового заговора, Н. Муравьев отказался и от своего недавнего боевого революционизма. Тактика конституционного соглашения, которую он предпочел в 1821—1822 гг., предполагала наличие двух договаривающихся контрагентов и, следовательно, объективную возможность взаимных политических уступок. Правда, Н. Муравьев проектировал овладение властью в губерниях, «а в случае великих успехов» — самочинное избрание Народного веча. Но он сохранял центральный аппарат государственного управления

в руках императорской власти как необходимый аксессуар ее законности и авторитета. При этих условиях монархия продолжала пользоваться своими орудиями, могла опереться на противников «возмущения» и использовать свое положение неприкосновенной и нетронутой святыни. Это был первый шаг Н. Муравьева в сторону мирной политической тактики, в направлении обыкновенного буржуазного реформаторства. Перемена в ориентации Н. Муравьева была не единичным и случайным явлением: крупные декабристы, наиболее близкие к Н. Муравьеву по своему социальному и идеологическому облику (М. Ф. Орлов, М. А. Фонвизин, Н. И. Тургенев, С. П. Трубецкой), испытывали аналогичный процесс постепенного отхода от революционных позиций.

Сельскохозяйственный кризис и его многообразные косвенные последствия понизили общий уровень помещичьего либерализма и вызвали соответствующую эволюцию в недрах тайного общества. Формирование мелкобуржуазного демократического течения ускорило и обострило начавшуюся дифференциацию: Н. Муравьев мыслил и действовал как представитель землевладельческих интересов; он окончательно определил свою новую тактическую точку зрения в противовес революционным требованиям, которые вышли из-под пера Пестеля⁶.

С этого момента составление конституции становится важнейшим делом Никиты Муравьева; этой работе он посвящает свое время и в Минске, и в Петербурге; этот уединенный и сосредоточенный труд делается руководящей осью его политической деятельности. Но разработка конституционного проекта не была единственной задачей Н. Муравьева: в согласии с задуманным планом необходимо было воскресить Северную управу тайного общества, которая в течение целого года подавала слабые признаки жизни. В Петербурге оставалось несколько старых активных членов «Союза благоденствия», в том числе С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский и И. И. Пущин. Вернувшись из Западных губерний, Н. Муравьев постарался собрать и скрепить это рассеянное ядро политических заговорщиков. «Воспоминание прежнего» побудило старых друзей «возобновить прежнюю цель соединения»; не изменяя старых организационных форм, собравшиеся учредители избрали правителем Северного общества Никиту Муравьева. Судя по данным следственного процесса, возобновившаяся организация была очень невелика по своему численному составу: кроме основного руководящего ядра (Н. Муравьев, С. Трубецкой, Тургенев, Пущин и Оболенский), в нее входили прежние члены «Союза благоденствия» — М. С. Лунин, М. М. Нарышкин, И. П. Шипов, А. Ф. Фон-дер-Бригген, В. Д. Вальховский, В. С. Норов, А. А. Челищев, И. Н. Горсткий и Павел Колошин. По-старому считались членами общества М. А. Фонвизин и С. М. Семенов. В самом начале были приняты в организацию полковник М. Ф. Митьков и, по-видимому, штабс-капитан П. А. Муханов. Сравнительно с Северной управой «Союза благоденствия» общество стало более замкнутым и в то же время более однородным: оно состояло почти исключительно из офицеров гвардии и в социальном отношении представляло зажиточные верхи землевладельческого дворянства. Этот новый характер сложившейся организации оставался неизменным до появления К. Ф. Рылеева, т. е. приблизительно до середины 1823 г.

Северное общество не проявляло признаков живой политической энергии: революционные заседания были редки, воздействие на окружающую среду почти отсутствовало, количество членов не только не увеличивалось, но даже сокращалось. По словам Н. Муравьева, очень быстро отпали Павел Колошин и Горсткий, за ними последовали Челищев и

Норов; Фонвизин и Лунин были в продолжительном отъезде, Шипов заметно отстранялся от политической деятельности. Обсуждение конституции Н. Муравьева и разрешение вопроса о принятии новых кандидатов были единственными занятиями немногочисленной петербургской организации. Внутренняя жизнь Северного общества едва-едва теплилась, но оно продолжало функционировать, и это имело большое значение с точки зрения Н. Муравьева: небольшая конспиративная организация сделалась реальным противовесом революционным посягательствам со стороны юга. В этот начальный период (1822—1823 гг.) Н. Муравьев пользовался неограниченным влиянием среди членов Северного общества: связанные с ним единством происхождения и классовых интересов, они стояли на той же социально-политической платформе и видели в Н. Муравьеве действительного выразителя своего «общего мнения».

К этому времени Южное общество окончательно оформилось и приступило к активной революционной деятельности. Демократическая программа Пестеля приобретала все более ясные очертания, подчиняя своему влиянию ближайшую законспирированную периферию. Пестель выдвигал свой старый проект вооруженного переворота с применением террористических мер и организацией революционной диктатуры; его республиканская и аграрная программы, едва намеченные в конституционном наброске 1820 г., постепенно заполнялись конкретным социально-политическим содержанием. Овладение столицей составляло неразрывную часть его тактического плана, а подчинение Северного общества — необходимое условие будущего успеха. Пестель имел все основания рассчитывать на содействие Н. Муравьева: и прежние соглашения в Петербурге, и недавнее совещание в Тульчине казались ему надежным залогом для совместных и солидарных действий. Но Н. Муравьев уже готовил контрнаступление против Пестеля: опираясь на возрожденную ячейку тайного общества и на слагающийся текст своей конституции, он выдвигал против юга совершенно иную социально-политическую платформу. Цареубийству он противопоставил продолжительную мирную пропаганду, революционной диктатуре — созыв Учредительного собора, республике — ограниченную монархию, демократическому равенству — систему политической иерархии, экспроприации и частичному обобществлению земли — полную неприкосновенность помещичьей собственности.

В начале 1823 г. через посредство ехавшего в Петербург Волконского Пестель запросил Н. Муравьева о положении дела на севере. Н. Муравьев отвечал ему более чем конкретно: он препроводил ему первоначальный набросок своей конституции и этим программно-тактическим выступлением начал настойчивую и длительную борьбу с радикальными течениями юга. Но он действовал достаточно обдуманно и осторожно: он постарался успокоить республиканские чувства Пестеля, уверяя, что монархизм посылаемого проекта рассчитан только на вновь принимаемых членов («comme un rideau derrière lequel nous formerons nos colonnes»). Своим ближайшим друзьям он говорил совершенно иное: он предупреждал, что не следует наружно отвергать республиканские взгляды, чтобы не отравить от себя Южное общество и не создать более опасное политическое положение. Получив конституционный проект Н. Муравьева, Пестель подверг его суровой и беспощадной критике: в программных построениях своего прежнего союзника он увидел полное расхождение со своими демократическими воззрениями. «Федеративный образ правления», который провозглашала конституция Н. Муравьева, представлялся Пестелю восстановлением аристократической удельной системы; в принципе имуще-

ственного ценза он увидел «ужасную аристокрацию богатства», против которой всегда и последовательно боролся; наконец, безземельное освоение крестьян резко противоречило его идее широкого земельного обеспечения. Вскоре же, в феврале 1823 г., Пестель воспользовался отъездом В. Л. Давыдова и ответил Н. Муравьеву «предлинным письмом», в котором опровергал его политические воззрения; одновременно Давыдов должен был передать Н. Муравьеву «начертания» конституции Пестеля и сообщить Северному обществу постановления и планы южной директории. Разговор между Н. Муравьевым и Давыдовым был «весьма неопределительный»: Н. Муравьев держался уклончиво, старался уверить южных сочленов в «постоянстве его намерений», но «жаловался, что мало людей для сего готовых». Те же уверения он письменно высказал Пестелю, а Сергею Муравьеву-Апостолу препроводил экземпляр своей конституции с определенной целью — воздействовать на его политическую позицию.

Расчет Н. Муравьева был ясен. Он находил, что необходимо поддерживать с Пестелем наружные признаки видимого согласия, а «по окончании конституции должно оную распространять как можно более и даже давать читать посторонним, дабы посредством усилившегося в ее пользу мнения увлечь и Южное общество». Н. Муравьев знал, что Южное общество далеко не однородно по своему составу, что идеологическая диктатура Пестеля еще не гарантирует глубокого и постоянного единства в мнениях. Сергей Муравьев-Апостол был близок Н. Муравьеву не только в силу родственной и дружеской связи, но и вследствие одинакового социального положения; он не был проникнут демократическим радикализмом и находился в оппозиции к Пестелю по вопросам революционной тактики. Н. Муравьев знал, что если он завоеует этого авторитетного и независимого члена Южного общества, то приобретет могущественную точку опоры для расхождения революционной республиканской периферии. Между Петербургом и Тульчиным завязывалась планомерная и сознательная борьба, в которой сталкивались объединенные, но внутренне разнородные течения — умеренное течение передовых буржуазных помещиков и радикальное течение мелкобуржуазной интеллигенции.

Первые неудачи не охладили революционной энергии П. И. Пестеля. Против Н. Муравьева и Северного общества началась систематическая атака со стороны Южной управы. В мае 1823 г. в Петербург был направлен А. П. Барятинский, который потребовал от Н. Муравьева решительного ответа на запросы Южного общества. По его словам, полумеры утрачивали всякий политический смысл; на юге была поставлена задача немедленного восстания и полного истребления императорской фамилии. Какими силами может располагать Петербург и насколько быстро он подготовится к открытому выступлению?.. Вместе с А. В. Поджио — другим уполномоченным Южного общества — Барятинский старался оживить революционную инициативу Н. Муравьева: он имел с ним специальные совещания в Таврическом и Летнем саду и горячо упрекал Северную управу за ее политическое бездействие. Н. Муравьев продолжал действовать «по способу византийцев». Впрочем, он не скрывал от южного делегата своей отрицательной оценки пестелевского проекта: «Вить они бог весть что затеяли, они всех хотят», — откровенно говорил он Барятинскому. Матвею Муравьеву он высказывался еще резче: «Южная управа с ума сошла. Она сама не знает, что она затевает». Заявление о немедленном восстании вызывало с его стороны пронические реплики: «Ради бога! не начинайте, ибо вы там восстанете, а меня

здесь генерал Гладков (петербургский полицеймейстер.— *Н. Д.*) возьмет и посадит». Он старался охладить горячие порывы южных революционеров: говорил, что рассчитывать на Петербург нечего — молодые гвардейские офицеры увлекаются не революцией, а балами. «Впрочем, nous sommes perdus par la propagande^{3*}», — успокаивал он негодующего Барятинского. Делегат южной директории возмущался подобной апатией: «Муравьев ищет все толкователей Бентама, а нам действовать не перьями». По-видимому, имея специальные полномочия от Пестеля, Барятинский прибегнул к искусному и обдуманному маневру: собственной властью, мпнуя Северное общество, он принял в члены революционной организации кавалергардских офицеров Ф. Ф. Вадковского и И. Ю. Поливанова. Правда, он передал этих членов на попечение С. П. Трубецкого, т. е. формально ввел их в Северную управу, но смысл его действий был достаточно ясен: за спиной Северного общества южане завязывали непосредственную связь с Петербургом, которая могла явиться исходным пунктом для образования самостоятельного республиканского филиала. Тем не менее Барятинский не ободрялся радужными надеждами: уезжая из северной столицы, он ясно сознавал полную неудачу своей политической миссии.

Южное общество не ограничилось отправкой временных делегатов — в лице Матвея Муравьева-Апостола оно командировало в петербургскую организацию своего постоянного представителя, которому поручалась определенная политическая задача: настаивать на соединении Северного и Южного обществ под твердым руководством единой директории и под знаменем южной революционной программы. «Русская Правда» Пестеля должна была явиться скрепляющей политической платформой. Матвей Муравьев-Апостол вошел в непосредственные сношения с членами Северного общества и заключил тактический союз с А. В. Поджио; он постарался внести раскол в недра единой организации, и прежде всего привлечь к себе «левого» Е. П. Оболенского; одновременно он старался воздействовать в желательном духе на Н. Муравьева и систематически информировал о положении южную директорию. Он являлся постоянным рупором революционного юга, который неотступно возбуждал северян и не давал им успокоиться на пассивной и примиренческой позиции. Петербургская организация оказалась под непрерывным давлением радикального течения, которое возглавлялось авторитетом Пестеля и до известного момента подчиняло себе весь состав Южного общества.

Чем яснее определялась демократическая программа Пестеля, тем резче и настойчивее отмежевывался от него Н. Муравьев. Ему казалось, что необходимо еще сильнее укрепить плотину против революционного потока, угрожающего смыть его политическое сооружение: возмущенный принятием Вадковского и Поливанова, он объявил недействительным самовольный акт Барятинского и произвел вторичное «перепринятие» обоих членов в состав Северного общества. В одной из бесед с Трубецким Н. Муравьев высказал мнение, что необходимо сохранить и поддерживать петербургскую организацию, как бы ничтожны ни были ее размеры и деятельность: в противном случае южане образуют здесь собственное общество и начнут широко распространять свое «вредное» политическое направление.

Однако энергичное воздействие со стороны Пестеля принесло несомненные реальные результаты: северяне не приняли предложений Южного

^{3*} Мы начнем с пропаганды (*фр.*).

общества, зато они оживили и расширили собственную деятельность. В красносельских лагерях Н. Муравьев не раз совещался с А. Поджио об усилении темпа работы, пытался пропагандировать и начал привлекать знакомых офицеров гвардии, например Ф. А. Щербатова и Э. А. Белосельского. В октябре 1823 г. возобновились революционные собрания на квартирах И. И. Пущина и М. Ф. Митькова с участием вновь принятого члена поэта Рылеева. На первом же из созданных совещаний «нашли необходимым дать правлению общества сильнейшее действие и потому решили дабы вместо одного правителя выбрать трех». Тургенев решительно отвел свою кандидатуру, и в члены руководящей Думы оказались избранными Н. Муравьев, Трубецкий и Оболенский. Постановили, «что без соизволения директоров нельзя будет принимать членов», и распределили между присутствующими подготовительные работы: за Н. Муравьевым осталось составление конституции, Оболенский взялся написать об обязанностях гражданина, Тургенев должен был представить записку о суде присяжных, Рылееву было поручено составить катехизис вольного человека, Матвей Муравьев-Апостол обязался переписать и отправить на юг конституционный проект Н. Муравьева. Но, расширяя свою деятельность, петербургская ячейка оставалась на прежней, умеренной позиции. Открывая собрание, Н. Муравьев говорил, «что Южное общество требует от него невозможное, что оно думает испугать северную управу рассказами своих действий, но что Петербург не провинция и что надобно иметь большую осторожность». Эта декларация не вызвала возражений со стороны присутствующих членов, а призывы к осторожности показались вполне обоснованными и разумными: тайные общества были окончательно запрещены «высочайшим» приказом, а политическая полиция внимательно наблюдала за поведением гвардии. На одном из последующих собраний по предложению Тургенева решили установить две организационные степени: «убежденных», которые будут принимать членов и избирать Думу, и «соединенных» или «согласных», которые не будут пользоваться этими правами. Таким образом, возрождалась старая форма организации, рассчитанная на соблюдение тайны и постепенное расширение численного состава.

Северное общество несколько раздвинуло свои ограниченные внешние рамки: в течение 1823 г., помимо К. Ф. Рылеева, были приняты камер-юнкер В. М. Голицын, штабс-капитан М. А. Назимов, командир 1-го Морского полка полковник Ф. В. Фон-Вольский и отставной гвардейский капитан Д. П. Зыков. А главное, приобретая Рылеева, общество связывалось с новой общественной прослойкой, военными и штатскими представителями столичной интеллигенции, которые не блистали богатством и знатностью происхождения, но выделялись своими научными и литературными интересами. Именно отсюда Северное общество должно было пополниться более активными и более радикально настроенными элементами⁷.

За осенними собраниями 1823 г. последовали новые — у Рылеева, Нарышкина, Поджио и других членов. Главное внимание сосредоточили на обсуждении конституции Н. Муравьева, которая возбуждала разнообразные мнения и политические оценки. Тургенев и Митьков оказались наиболее умеренными — они считали подобные проекты «праздной утопией», неосуществимой в условиях настоящего; другие, вроде Нарышкина, были согласны с содержанием конституции, но требовали ее мирного, легального осуществления; отдельные республиканцы, вроде нераскрытого «саперного офицера», протестовали против ее традиционного монархизма;

Рылеев вносил в нее демократические поправки, ссылаясь на конституцию Северо-Американских Соединенных Штатов.

В общем эти отдельные возражения не колебали принципиального построения Н. Муравьева. Даже Тургенев, иронизировавший над попытками конституционного творчества, не стал бы оспаривать важнейшие положения представленного проекта: его собственные дневники и записки обличают в нем ту же умеренную тенденцию, тот же идеал конституционной монархии, те же проекты безземельного освобождения. В этот начальный период Северное общество продолжало сохранять свою социальную однородность и подчинялось руководящей позиции умеренной буржуазно-помещичьей группировки.

Однако, возражения критиков раскрывали зародыши различных течений, постепенно слагавшихся в недрах Северного общества: более демократическое начинало ориентироваться на республику, наиболее умеренное отгораживалось от всякого революционного переворота. Н. Муравьев занимал среднюю политическую позицию, находя наибольшее сочувствие и поддержку в лице старейшего члена — кн. С. П. Трубецкого. Правая оппозиция не слишком занимала его внимание; он больше заботился о другом: как сдержать и умерить революционную струю, которая приликала из южной армии и находила себе благоприятную почву в мелкобуржуазных кругах столичной интеллигенции. Он не хотел показывать членам общества радикального проекта Пестеля, уклонялся от окончания агитационного катехизиса; зато он усиленно работал над окончанием своего проекта, который сконцентрировал в себе его программные и тактические предположения. От комиссара южной директории Матвея Муравьева-Апостола не укрылось начинающееся расслоение в петербургской организации. Он писал своему брату Сергею, «что Северное общество останавливает Никита Муравьев, который только что толкует всем членам быть осторожнее», но что «Рылеев в полном революционном духе». Такие же жалобы поступали от А. Поджио: в своих докладах Пестелю и А. П. Юшневскому он настойчиво доказывал, что для успеха намеченных целей необходимо «удалить Никиту Муравьева от управления управы». Южная директория вполне соглашалась с выводами и оценками своих комиссаров. Но удалить Н. Муравьева было нелегкой задачей: он не только импонировал своим авторитетом теоретика, своими столичными связями и своим опытом давнего конспиратора; за ним стояло подавляющее большинство участников Северного общества; даже более радикальные петербургские члены вроде Оболенского и Рылеева не проявляли самостоятельной инициативы и подчинялись политическому руководству умеренного течения. Е. П. Оболенский откровенно признавался, что Н. Муравьев «медлит дело», но вместе с тем прибавлял, «что он, Оболенский, не довольно опытен и, может быть, неосторожность не должна быть в управе». Южному обществу приходилось выискивать иные обходные пути для того, чтобы парализовать «византийскую» тактику Н. Муравьева. В конце 1823 г. на север были отправлены два новых делегата, члены Каменской управы Волконский и Давыдов. Директория поручила им не только обследовать положение в Москве, но и выполнить важную миссию в Петербурге: добиться соглашения Северного и Южного обществ ценою взаимных политических уступок. Показания Давыдова проливают некоторый свет на содержание выставленных условий: рассказывая о своей северной поездке, он перечисляет важнейшие пункты, которые необходимо было отстаивать в официальных переговорах с северной Думой. «Пестель более всего придерживался к фаворитной мысли

своей о составлении волостей и отдаче крестьянам половины или по крайней мере значительной части помещичьих земель; также желал, чтобы принят был его способ избрания в представительные палаты, разделение России на области и прочее». Другими словами, южные делегаты должны были в первую очередь отстаивать демократические пункты южной программы — земельное обеспечение крестьян и всеобщее избирательное право. Эти социально-политические требования должны были привлечь к себе более радикальное северное крыло, постепенно изолировать Н. Муравьева и воодушевить общество на активную революционную деятельность. Вероятно, Н. Муравьев понял скрытую тактику своих политических противников. Волконскому он дал ясно понять, «что соединение обществ не в его намерениях, что он во многом имеет противные мысли Пестелю»; с Давыдовым он затеял политический спор и, играя на его владельческих интересах, заставил его согласиться со своими аграрными взглядами. Трубецкой и Митьков послушно вторили Н. Муравьеву, выражая полную солидарность с его умеренной позицией. Более того, подобные речи Давыдов услышал от комиссара собственного Южного общества: колеблющийся Матвей Муравьев-Апостол заметно подпадал под влияние охлаждающей северной атмосферы. Так же, как Давыдов, он не был глубоким и убежденным последователем пестелевского мировоззрения. Внешне воспринимая революционную идеологию, он постоянно терзался практическими сомнениями: в глубине своего сознания он оставался типичным, но скрытым умеренным «либералистом». Если демократическое течение Пестеля расслаивало петербургское общество, то аналогичный, но обратный процесс происходил и с южными членами: дифференциация политических взглядов следовала по линии классовых группировок, которые не считались с районным географическим обособлением.

Присматриваясь к имущественному положению членов южной организации, мы видим в ней две социальные прослойки: с одной стороны, представителей богатых крупнопомещичьих семей, к которым принадлежат М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов, В. П. Ивашев, В. Н. Лихарев и др., с другой — среднее и частью мелкопоместное дворянство в лице П. И. Пестеля, Н. В. Басаргина, И. Б. Аврамова, Н. И. Лорера, Н. С. и П. С. Бобрисцевых-Пушкиных, Ф. Б. Вольфа и пр. Наружно мы видим картину кажущегося единодушия: Пестель выступает как признанный идеологический вождь, а «Русская Правда» фигурирует как единственная и не оспоренная никем программа. Но если мы сопоставим высказывания Пестеля с показаниями его формальных сторонников, мы не усмотрим действительного и глубокого внутреннего единства. Помимо Пестеля, в Южном обществе не было настоящих теоретиков, и наличие единственного писанного проекта служило несомненной организационной скрепой. Но каждый из членов Южного общества более или менее сосредоточенно размышлял над вопросами грядущего переворота и постепенно, хотя и медленно, оформлял свои политические воззрения. К 1825 г. этот процесс далеко не закончился. Но линия предстоящего расхождения наметилась уже достаточно ясно. И Пестель, и Н. Муравьев предвидели и старались ускорить процесс неизбежного классового расслоения. Пестель старался увлечь северян содержанием «Русской Правды», Н. Муравьев старался завоевать Южное общество своей конституцией: он не упускал ни одного южного делегата, чтобы не ознакомить его со своими построениями; он непосредственно сносился с Сергеем Муравьевым-Апостолом, систематически убеждал его брата Матвея, неоднократно посылал южанам копии своего слагающегося

проекта. Это была рассчитанная борьба за умеренную социальную и политическую программу — борьба, которая становилась все более сложной и все более напряженной.

Миссия Волконского и Давыдова потерпела полную неудачу. Были отвергнуты не только программные и практические построения Пестеля, но и начавшиеся переговоры с Польским революционным обществом. По мнению Н. Муравьева и его товарищей, не следовало «уступать приобретений и собственности России и входить в сношения с иноплеменниками... тем более, что уступка сия произошла бы совершенно чуждой, а впоследствии, вероятно, и враждебной России державе». В этом проявился тот же последовательный и резко очерченный национализм, который окончательно оформился у Н. Муравьева после 1812 г., пронизывал собой аристократический проект Орлова и Дмитриева-Мамонова, звучал в московских совещаниях о цареубийстве и отразился в отвлеченных рассуждениях о карамзинской «Истории государства Российского».

Таким образом, ни один из затронутых вопросов не получил окончательного и солидарного решения. Положение в недрах тайного общества становилось крайне неопределенным и тягостным. Н. Муравьев готов был идти на открытое столкновение: он заявил уезжающим делегатам, что желал бы приезда самого Пестеля «для подробного совещания о спорных вопросах». Бесплодные результаты всех предыдущих попыток заставили Пестеля согласиться на это последнее средство. Но раньше, чем лично отправиться в Петербург, он послал для подготовки политической почвы полковника И. С. Повало-Швейковского. Новый делегат привез с собой письма Сергея Муравьева-Апостола, адресованные виднейшим членам петербургской организации; немедленное соединение обществ выдвигалось в них как настоятельная и очередная задача. Повало-Швейковский был принят с холодной сдержанностью; Н. Муравьев отклонил всякие переговоры, ссылаясь на ожидаемое прибытие Пестеля. Делегат вынес «очень дурное впечатление» от членов Северного общества. «Je vous admire d'avoir la patience d'agir et d'être avec ces gens»^{4*}, — говорил он наедине Матвею Муравьеву-Апостолу. Задача, поставленная южанами, должна была разрешиться талантами и усилиями самого Пестеля⁸.

Петербургская поездка П. И. Пестеля не была его личным самостоятельным начинанием: это был политический акт, обдуманный и разработанный на заседаниях директории Южного общества. Пестель должен был развернуть утвержденные проекты на совещании с Северным обществом, достигнуть с ним полного соглашения «и сделать общий свод, буде учинится им ожидаемое соединение управ». «Ему предоставлено было право делать все отменения из сделанных им предложений, буде он найдет сие необходимым по совещании с петербургскими членами». Эти широкие полномочия Пестель соединил с искусным стратегическим планом. Руководясь правилом «divide et impera», «он решил сначала видеть членов оной (управы.— Н. Д.) поодиночке, а не всех вместе, дабы их отклонить друг от друга». Он приехал в начале 1824 г., вел продолжительные беседы с Оболенским, Рылеевым, Тургеневым и Трубецким; после всех он встретился с Никитой Муравьевым. Подкупающими и логичными доводами он доказывал необходимость теснейшего объединения севера и юга, настаивал на принятии ясного и твердого плана, убеждал перейти к активным и решительным действиям. В оживленном обмене

^{4*} Я восхищаюсь тем, с каким терпением вы ведете себя по отношению к этим людям и держитесь с ними (фр.).

мнениями обнаруживались все точки зрения, раскрылись все разногласия и сомнения. Две социально-политические программы, питавшиеся разными классовыми источниками, столкнулись лицом к лицу, и эта встреча различных классовых направлений вызвала напряженнейшую идеологическую борьбу.

Споры сосредоточились вокруг основных вопросов программы, тактики и организации общества. Обрушиваясь на конституцию Н. Муравьева, Пестель настаивал на республиканской форме правления и выдвигал проект разделения земли между крестьянами; во имя успеха революционных действий он предлагал свой старый план диктатуры и считал необходимым условием переворота истребление всех членов царской фамилии; наконец, для обеспечения единства и согласованности в действиях он требовал реального объединения обществ и учреждения единой руководящей директории. По всем выдвинутым вопросам Пестель встретил решительные и горячие возражения со стороны северной Думы.

Тем не менее выступления Пестеля произвели сильное впечатление на членов Северного общества; левое крыло заколебалось и готово было пойти на уступки; Оболенский объявил себя солидарным с идеями «Русской Правды»; Рылеев, Александр Бестужев, Валериан Голицын и даже Митыков соглашались с проектами республики и истребления царской фамилии; Трубецкой спорил против выдвинутой платформы, но признавал возможным немедленное соединение обществ. На правом фланге оставались Н. Муравьев и Н. Тургенев, которые особенно горячо возражали против «аграрного закона» и «временного правления». Н. Муравьев открыто заявил Пестелю, что он считает план диктатуры «столь же несбыточным и невозможным, сколь варварским и противным нравственности». «Весь план Пестеля был противен моему рассудку и образу мыслей», — говорил он на следствии, призывая в свидетели Трубецкого и Оболенского. В свою очередь, Тургенев «не согласился на принятие плана конституции Пестеля; он никак не хотел допустить разделения земли, говоря, что, не мешая промышленности, земли не приметным образом сами собою разделятся». К ним примыкал и Нарышкин, который не только возражал против пестелевского «аграрного закона», но и «хотел, чтобы выборы были основаны на имуществе».

На расширенном собрании Думы, в отсутствие Н. Муравьева, было принято постановление об организационном слиянии Северного и Южного обществ. Н. Муравьеву пришлось проявить самую активную энергию, чтобы предотвратить начавшуюся внутреннюю ломку. Он действовал против Пестеля его же оружием: вошел в секретное соглашение с Трубецким, изолировал колеблющиеся элементы и настоял на созыве нового собрания Думы. Кроме политических доводов, были пущены в ход личные подозрения: Пестеля упрекали в лицемерии и властолюбии, а его революционные стремления порочили сопоставлением с честолюбивыми замыслами Наполеона. Заседание на квартире Оболенского оказалось решающим и последним. Н. Муравьев занял твердую и непримиримую позицию. Он «изложил невозможность слить в одно два общества, отделенных таким большим пространством и притом разделенных мнением». «Я объявил, — показывал Н. Муравьев, — что никогда не соглашусь слепо повиноваться большинству голосов, когда решение их будет противно моей совести, и предоставляю себе право выйти из общества во всяком случае». Эта угроза окончательного разрыва должна была сильно подействовать на присутствующих членов. Несмотря на колебания левой, Н. Муравьеву и другим представителям умеренного крыла удалось одер-

жать политическую победу. Даже Оболенский, вполне солидаризировавшийся с воззрением Пестеля, снова перешел на позицию Н. Муравьева. Северное общество решило сохранить свою организационную независимость и воздержаться от принятия южной программы. Каждое течение придавало самостоятельное толкование этому постановлению северной Думы: правое видело в нем окончательное расхождение с радикальным югом, левое усматривало в нем временную отсрочку неизбежного сближения.

Пестель не обманывался относительно внутреннего смысла происшедших событий. Непосредственно и наглядно он ощутил перед собой глухую, непроходимую преграду: самые влиятельные члены петербургской организации оказались на иной социальной и политической позиции, во власти иного и чуждого направления. Особенно острые и непримиримые разногласия он встретил в коренных вопросах своей демократической программы: ликвидации феодального помещичьего землевладения и создании могущественной революционной диктатуры. С этого момента его надежды обратились на новые кадры, на постепенное просачивание революционной струи через консервативную плотину, возведенную Н. Муравьевым. У Пестеля созрело решение использовать революционный кружок, который сложился в Кавалергардском полку усилиями энергичного и преданного Ф. Ф. Вадковского. На квартире у П. Н. Свистунова, после увлекательного и обстоятельного доклада Пестеля, была заложена новая республиканская ячейка, которая приняла за основу руководящие принципы «Русской Правды». Уезжая из Петербурга, Пестель дал поручение Матвею Муравьеву-Апостолу укрепить это «отдельное общество так, чтобы Северное его не знало»; одновременно он возвел в «бояре», т. е. в высшую степень Южного общества, Вадковского и Свистунова. Вместе с И. А. Анненковым, И. Ю. Поливановым, С. И. Кривцовым и Н. Н. Депрерадовичем они образовали самостоятельный филиал южной организации — предполагаемую опору для будущего петербургского восстания.

С самого момента своего возникновения эта республиканская ячейка поставила вопрос о царевубийстве как свою очередную и непосредственную задачу. Привлекши значительную группу кавалергардских офицеров, она распространила свое влияние на другие полки петербургской гвардии, завязала связи с Москвой и провинцией и сознательно противопоставила свои взгляды умеренной конституции Н. Муравьева и Московской управе Северного общества. Однако последующая деятельность северного филиала не оправдала революционных расчетов Пестеля: по своему социальному положению новообращенные республиканцы представляли наиболее аристократическую прослойку в недрах декабристской организации; подобно основателям раннего «Ордена русских рыцарей», они подхватили дворянскую идею тираноубийства и освятили ее отвлеченным культом республики; но их восприятие пестелевской программы оказалось крайне поверхностным и непрочным. Постепенное охлаждение и пассивность характеризуют членов петербургского филиала на протяжении всего 1825 г. В решающий момент вооруженного восстания некоторые из них вовсе уклонились от боя, другие оказались на Сенатской площади, но не в рядах революционной каре, а в военных резервах Николая I^о.

Приезд Пестеля оставил глубокую трещину в настроениях северных членов. С этого момента процесс политического расслоения начинает идти усиленным темпом; он ускоряется и приобретает напряженные формы благодаря притоку новых, более демократических элементов. В продолжение 1824 и особенно 1825 г. Северное общество значительно

пополнилось новыми членами. Представители титулованного и крупновладельческого дворянства, вроде кн. А. И. Одоевского, бар. А. И. Черкасова, гр. В. А. Мусина-Пушкина, кавалергарда А. М. Муравьева, вступают в него отдельными и немногочисленными одиночками: постепенный упадок дворянского либерализма плохо питает законспирированные революционные кадры. Зато увеличивается и крепнет другая социальная группа, которая образуется вокруг поэта Рылеева: кроме четырех братьев Бестужевых, мы находим в ней флотского капитана К. П. Торсона, поручиков К. П. Чернова и А. Н. Сутгофа, отставного офицера П. Г. Каховского, владельца частного пансиона В. И. Штейнгеля, коллежского асессора поэта В. К. Кюхельбекера. По своему социальному положению это представители нуждающейся дворянской интеллигенции, которая не имеет самостоятельной и прочной землевладельческой базы. Некоторые из членов рылеевского кружка, вроде отставного поручка Каховского, — типичные деклассированные помещики, другие (например, Рылеев и Штейнгель) — наемные служащие в торговых предприятиях, некоторые (например, тот же Рылеев, А. Бестужев и Кюхельбекер) постепенно складываются в профессиональных литераторов. По своим материальным и идеологическим интересам эта мелкобуржуазная группировка была одинаково связана и с земельным дворянством, и с торгово-промышленной буржуазией. Мы не находим в этой прослойке настоящего единства и оформленности политических взглядов. В общем она подчиняется руководству северной Думы, примиряясь с господствующей платформой Н. Муравьева, Тургенева и Трубецкого. Но в ее разнородном и пестром составе выделяется более инициативное и решительное ядро, которое проникается усиливающимся революционным настроением. На оживленных собраниях рылеевского кружка снова дабатируются волнующие вопросы о царевубийстве и вооруженном восстании; кружок становится притягательным центром, к которому тянутся новые революционные элементы: сюда является А. И. Якубович со своим индивидуальным проектом ликвидации тирана: отсюда завязываются связи с республиканской ячейкой гвардейского Морского экипажа; здесь развивается горячая и смелая инициатива в решающие дни междоусарствия и восстания. В печатных высказываниях Н. Бестужева находят публичное выражение демократические мелкобуржуазные тенденции. Рылеевский кружок увлекает в орбиту своего влияния Оболенского, кн. А. И. Одоевского и отчасти Александра Муравьева; он устанавливает связи с петербургским филиалом Южного общества, непосредственно сносится с южной директорией, энергично вербует новых сочленов, оказывает возбуждающее воздействие на столичную интеллигенцию. Инициатива и энергия рылеевского кружка передается испытанному члену тайной организации — коллежскому асессору И. И. Пущину. Переезжая в Москву, он ставит своей задачей собрать и объединить рассеянных участников старого «Союза благоденствия». Так возникает Московская управа Северного общества, которая действует при непосредственной поддержке и участии «левого» Оболенского. Постепенно революционно-демократическое течение приобретает крупное влияние в рядах петербургской организации. Перемещение революционного центра находит внешнее выражение в персональном составе северной Думы: в начале 1825 г. на место уехавшего Пущина заступает Рылеев, который старается оживить и усилить деятельность тайной организации; через несколько месяцев уехавшего Н. Муравьева заменяет другой представитель рылеевского кружка — писатель и критик А. А. Бестужев. Таким образом, руководящая верхушка Северного общества ста-

новится более однородной: Рылеев, Бестужев и Оболенский образуют единодушный и сплоченный триумвират, который встречает события междоусобицы готовностью на революционное восстание и планом немедленного переворота.

Как реагировал Н. Муравьев на эти перемены, совершавшиеся в составе и направлении Северного общества? Н. Муравьев не капитулировал перед усиливавшимся радикальным течением: он продолжал оставаться на выработанной программной и тактической позиции. Он не участвовал в воинственных планах восстания и цареубийства и возражал против присоединения морских офицеров, которое усиливало республиканское крыло Северного общества. Он проявил максимальную энергию, чтобы остановить удар Якубовича, занесенный над Александром I: на майском собрании северной Думы он «сильно восстал против сего злобного покушения» и заставил Рылеева предотвратить грозившее и, по-видимому, близкое цареубийство. Когда Якубович согласился на временную отсрочку, Н. Муравьев мобилизовал все имевшиеся силы, чтобы окончательно ликвидировать задуманное выступление: он написал соответствующее письмо Трубецкому, при помощи А. Ф. Бриггена известил об опасности Южное общество и взял на себя задачу непосредственно договориться с Московской управой. Но, развивая свою сдерживающую умеренную политику, Н. Муравьев не порывал с радикальным течением, постепенно выраставшим вокруг Рылеева. Наоборот, чем сильнее и настойчивее звучали новые действенные призывы, тем старательнее он выискивал почву для возможного политического компромисса. Н. Муравьев должен был знать, что агрессивная позиция по отношению к рылеевскому кружку неминуемо бросит левую группировку в объятия Пестеля и Южного общества, и он старался избегать открытого внутреннего конфликта, предпочитая обходные и скрытые стратегические маневры. Сохраняя нерушимым единство организации, он стремился обеспечить за собой прежний приоритет политического руководства. Главные усилия Н. Муравьева сосредоточиваются на завершении и отделке конституционного проекта: по его замыслу эта готовая продуманная работа должна была разрешить все волнующие вопросы, предупредить всякие легкомысленные выступления и подчинить мятежных и беспокойных членов единой и стройной политической установке. Н. Муравьев имел основания рассчитывать, что его ближайшие революционные союзники не откажутся от его социальной и политической программы. Мелкобуржуазная интеллигенция, прилившая в недра Северного общества, вышла из состава дворянского сословия, но не порвала с ним глубокой органической связи. Проникнутая демократическими тенденциями и охваченная революционным романтизмом, она не имела самостоятельной и твердой позиции, колеблясь между последовательным радикализмом Пестеля и буржуазно-помещичьей ориентацией Н. Муравьева. Борьба за левую группировку, развернувшаяся между Н. Муравьевым и Пестелем в весенние месяцы 1824 г., закончилась победой умеренного течения; можно было надеяться не только сохранить завоеванные позиции, но и усилить их посредством нового и прочного соглашения.

Однако слагавшаяся политическая обстановка мало благоприятствовала планам Н. Муравьева: чем больше обострялся сельскохозяйственный кризис, тем резче дифференцировались общественные течения. Оглядываясь вокруг, Н. Муравьев не досчитывался наиболее старых и авторитетных членов тайного общества: некоторые из них (например, Лопухин и Фонвизин) уклонялись от всякой политической деятельности, другие

(например, Тургенев и Лунин) надолго покинули Петербург и фактически разорвали с революционной организацией, третьи (вроде Нарышкина) отрекались от принципа революционного насилия и переходили на мирную, лояльную точку зрения. Зарождалось еще более правое и умеренное течение, которое отставало в своих воззрениях от разработанной программы Никиты Муравьева: наряду с представителями землевладельческого дворянства (Нарышкин и Митьков) сюда принадлежали и выходцы из мало обеспеченного офицерства (Г. С. Батеньков и Торсон). С другой стороны, вырастало и крепло южное радикально-демократическое течение в недрах Южного общества. В этом отношении летние месяцы 1825 г. принесли с собой новые и чрезвычайно важные события. В лице «Соединенных славян» в заговорщическую организацию вошло типичное разночинное объединение, которое нащупывало основы наиболее последовательной и стройной революционной программы: идею федеративной демократической республики оно соединяло с радикальным разрешением крестьянского вопроса и с ориентацией на массовое вооруженное восстание. В составе тайного общества впервые создавалась настоящая преданная опора для программных и тактических построений «Русской Правды». Растущий революционный подъем, который питался непрекращавшимся брожением в массах, передавался Васильковской управе Южного общества: она развивала энергичную боевую инициативу в противовес замиравшей деятельности тульчинской и каменской организаций. Усложнившаяся революционная ситуация определила тактику Трубецкого, который соединил свою киевскую командировку с попыткой воздействовать на Южное общество. Маневрируя между буржуазно-помещичьей и радикально-демократической группами, Трубецкий заключил политический компромисс с руководителями Васильковской управы: при этом Сергей Муравьев и М. П. Бестужев-Рюмин пожертвовали социальными требованиями пестелевской программы, а Трубецкий согласился на республиканскую форму правления и на план ускоренного вооруженного восстания. В качестве одного из руководителей Северного общества Трубецкий обязался реализовать в Петербурге заключенное им политическое соглашение; фактически это сделало его проводником южного революционного влияния в ноябрьско-декабрьские дни междуцарствия и подготовки к перевороту. Такая сложная обстановка и на севере, и на юге ослабляла и изолировала Никиту Муравьева. Он чувствовал, что почва колеблется и ускользает из-под его ног; он слышал о планах предстоящего восстания, он видел нарастание революционного кризиса, но он не ощущал в себе ответного сочувственного отголоска.

Неверие в свои силы и состояние мертвого равнодушия постепенно охватывали руководителя Северного общества. Ему изменил былой военный энтузиазм, он не испытывал прежней любви к служебным занятиям, а петербургская среда казалась ему однообразной и надоевшей. Состояние душевной усталости ярко сквозит в его летнем послании к Лунину: «Вы всегда знали меня за человека молчаливого — теперь я почти утратил привычку говорить. Из моих обычных знакомых почти никого не осталось в Петербурге, и если бы апатия, в которую я погрузился, не мешала мне писать, я всю свою жизнь провел бы с пером в руках». Н. Муравьев разделял этот упадок политического настроения со всеми представителями своей классовой группы. Теоретически он еще не расстался с революционными планами — военного «возмущения» и даже изгнания императорской фамилии, которое представлялось ему как *ultima ratio*. На самом деле он был лишен не только революционной инициати-

вы, но и всякой способности к активной политической деятельности.

Отъезд из Петербурга в продолжительный (четырёхмесячный) отпуск явился для Н. Муравьева естественным выходом из создавшегося тяжелого положения. Н. Муравьев уезжал в сопровождении жены сначала в Москву, потом в нижегородское поместье и, наконец, на долгий отдых в имение своего тестя. От политических тревожений он замыкался в семью, в хозяйственные заботы, в текущие мелочи повседневного быта. Но призрак революционного восстания продолжал преследовать его всю дорогу. В Москве он снесся с виднейшими членами тайного общества, вызвал из деревни М. А. Фонвизина и имел свидание с гр. М. Ф. Орловым. Московской управе он доложил о замыслах Якубовича и предложил изыскать реальные меры для их ликвидации. Московские члены вполне поддерживали его точку зрения; на совещании промелькнула даже мысль о доносе правительству и о возможности добровольного разрушения общества. Беседа с Орловым имела другую политическую задачу. Н. Муравьев не только сообщил ему о террористических планах, но и дал общую характеристику создавшегося положения: он говорил, что революционное настроение растёт, что носят слухи о военном поселении гвардии и что нельзя ручаться за завтрашний день; необходимо иметь во главе тайного общества авторитетного и опытного руководителя; он спрашивал, не возьмет ли на себя Орлов эту ответственную задачу политического вождя. В лице влиятельного представителя крупной и богатой фамилии Н. Муравьев искал себе надежного и могучего союзника, способного противостоять мятущимся революционным порывам. Но Орлов отвечал неохотно и уклончиво: он предпочитал отойти от старых товарищей, которые казались ему пестрой и взбалмошной толпой легкомысленных заговорщиков. Такое же настроение Н. Муравьев нашел и у Фонвизина, люди его социального положения и политических взглядов постепенно оставляли ряды тайного революционного общества.

Междоусарствие и восстание застали Н. Муравьева в Орловской губернии, в обстановке семейного круга и общественной изоляции. Он не торопился ехать в столицу, как Пущин, и предпочел пережить опасное время вдалеке от политических осложнений. Если бы он присутствовал в Петербурге, он, вероятно, постарался бы остановить поднимавшуюся волну и революционному энтузиазму Рылеева противопоставил бы охлаждающую силу логических доводов: об этом достаточно ясно говорит Лунин в своем сибирском «Разборе донесения Следственной комиссии». Но, очевидно, состояние общественной апатии продолжало сковывать сознание и волю Никиты Муравьева. Он возвратился в Петербург уже не один, а в сопровождении жандармского офицера, который вез его в Зимний дворец на допрос к Николаю I¹⁰.

Революционное восстание было раздавлено, а этим была обесценена вся предыдущая деятельность Н. Муравьева. Но сохранился его конституционный проект — наглядный памятник определенного политического течения начала XIX столетия. Анализ этого юридического текста помогает конкретнее и яснее представить себе Никиту Муравьева как представителя умеренной буржуазно-помещичьей группировки в составе тайного революционного общества.

V. ВОПРОС О РЕДАКЦИЯХ КОНСТИТУЦИИ

Конституция Никиты Муравьева уже давно обратила на себя внимание исследователей; она неоднократно излагалась историками декабризма и получала общую характеристику в отдельных статьях и исторических курсах. Но обычно излагавшие внутреннее содержание проекта не подвергали ее юридическому анализу и не обобщали своих наблюдений в социологические выводы; наоборот, авторы, дававшие социологическую оценку, не опирались на подробный обзор конкретного правового материала. При этом никто из исследователей не клал в основу своей работы разбора подлинных текстов, их хронологической датировки и постатейного сопоставления. Вопрос о соотношении уцелевших редакций по-прежнему остается открытым, несмотря на высказанные, но непроверенные догадки. Указания на европейские и русские источники конституции большей частью сделаны мимоходом и не являются результатом систематического исследования. Связь между неоконченным проектом и мировоззрением его автора остается невыясненной, так же как неясно положение работы Никиты Муравьева среди разнообразных конституционных опытов конца XVIII и начала XIX столетия.

Наряду со слабой разработанностью деталей наблюдается резкое расхождение в общей оценке. Конституция Н. Муравьева представляется то аристократической реминисценцией феодального прошлого, то программой ограниченной группы средних землевладельцев, то выражением буржуазных антидворянских течений. Такая неустойчивость социально-политической характеристики вытекает из неполного и недостаточно конкретного изучения вопроса. Чтобы понять конституцию Н. Муравьева как общественное явление, необходимо подробно ознакомиться не только с ее внутренним содержанием, но и с внешними условиями ее появления, не только с готовой системой юридических норм, но и с творческим процессом их созидания. Исходным пунктом такого исследования должен быть критический анализ сохранившихся рукописей, которые запечатлели на своих страницах конституционный труд Н. Муравьева.

Следственный комитет, приступив к опросу арестованных заговорщиков, в первые же дни узнал о существовании конституционного проекта, составленного Никитой Муравьевым: об этом рассказал К. Ф. Рылеев в письме к Николаю I, об этом сообщил бар. В. И. Штейнгель в показании Левашову. На первом же допросе Н. Муравьев должен был ответить, в чем состояла его конституция и им ли одним была написана. «Написана была конституция мною одним, содержание оной было обширно и, буде желают, я оное изложу на бумаге» — таков был сжатый ответ Н. Муравьева. По-видимому, Н. Муравьев опасался, что комитет начнет поиски его проекта, и поспешил предупредить их следующим заявлением: «В Нижегородской губернии занемог я трудно, и как я при себе имел написанный проект конституции, то почел нужным его сжечь, что и исполнил». Вероятно, подлинный текст конституции действительно был сожжен Н. Муравьевым, но не в имени матери в Нижегородской губернии, а в Тагине — Чернышевых, немедленно после приезда жандармского офицера; в домашней обстановке орловской усадьбы у А. Г. Муравьевой была полная возможность быстро уничтожить компрометирующие бумаги. После увоза арестованных А. Г. Муравьева немедленно отправилась в Петербург и, по-видимому, постаралась и там заботливо изгладить всякие следы политической деятельности своего мужа. В приложении к следственному делу Н. Муравьева мы не находим ни-

каких личных документов, изъятых при обыске. В бумагах Н. Муравьева, сохранных его потомками, мы увидим разнообразные исторические и военные записки, но очень редко встретим обрывки отдельных политических записей. Обзор этого семейного наследства внушает определенную мысль, что из него сознательно изъяты малейшие намеки на политические интересы и занятия арестованного декабриста. Вероятно, спокойный и методический Н. Муравьев, застигнутый неожиданным арестом и предвидевший его неизбежные последствия, успел уничтожить руками своей жены все оставшиеся вещественные улики¹.

Следственный комитет не вполне удовлетворился ответом Н. Муравьева и 5 января поставил ему новый вопрос: «По словам вашим, экземпляр сей конституции сожжен вами. Не осталось ли у кого-либо списка оной? Впрочем, поелику вы при первом допросе вызвались написать ее, то представьте комитету в том же точно духе и содержании, в каком она была предложена обществу». Через три дня Н. Муравьев дал на это краткий, но осторожный ответ: «Я не полагаю, чтобы осталась у кого-либо копия конституции, писанной мною. Моя память недостаточна, чтобы представить оную в таком точно виде, как она была написана, но что касается до духа оной и содержания, то я обязуюсь оные сохранить и представляю в непродолжительном времени комитету». Таким образом, Н. Муравьев достигал своей цели: правдоподобным показанием об истреблении подлинного текста он предупреждал новые осложнения с поисками конституции; желанию Следственного комитета иметь оригинал он противопоставлял собственное предложение изложить его по-памяти. Он оставлял за собой свободу инициативы, самостоятельного и обдуманного направления дела в соответствии с общей тактикой, принятой им во время следственного процесса².

13 января Н. Муравьев выполнил свое обязательство и представил комитету в форме «донесения» изложение своего «Конституционного Устава». Рукопись Н. Муравьева не вошла в состав его следственного дела и была скреплена отдельно (с «Зеленой книгой» «Союза благоденствия» и «Русской Правдой» Пестеля). В настоящее время она хранится в ЦГАОР СССР, ф. 48. М. В. Довнар-Запольский напечатал ее в своей книге «Мемуары декабристов», но допустил при этом ряд искажающих ошибок. Изложение проекта занимает 5 больших листов плотной белой бумаги с небольшими полями (текстом занято 19 страниц). Рукопись заполнена характерным убожеством и ровным почерком Н. Муравьева и, что особенно важно, почти свободна от всяких помарок. Только изредка встречаются ничтожные стилистические поправки: иногда вставка пропущенного слова, иногда замена одного слова другим, более удачным, иногда небольшая приписка для уяснения высказанной мысли. Всматриваясь в эту аккуратную и необыкновенно чисто выполненную работу, ясно ощущаешь длительную подготовку автора, который обдумал до мельчайших деталей содержание и форму своей письменной речи³.

Тюремная рукопись Н. Муравьева — единственная собственноручная передача конституции, вышедшая из-под пера самого автора. В этой аутентичности — главная ценность сохранившегося документа. Но он не является точным воспроизведением составленного проекта, как об этом предупреждает краткое введение. «В донесении моем на 16 пункт запроса, сделанного мне генваря 5 дня, — говорит Н. Муравьев, — я изъяснился уже, что, не будучи в состоянии представить писанного мною проекта конституции совершенно в том виде, в каком оный был написан, сохраняю дух оного и содержание». Перед нами — результат припоминания.

длившегося несколько дней и принявшего форму обдуманного, более или менее точного переложения. В такой обдуманности есть известная гарантия достоверности, но гарантия далеко не безусловная. Обстановка составления рукописи была слишком исключительна и не могла не влиять на изложение автора. К счастью, у нас есть другие рукописи конституции Н. Муравьева, которые помогают проверить и оценить его тюремное показание.

Вечером 14 декабря 1825 г., после разгрома восстания на Сенатской площади, к И. И. Пущину приехал один из его друзей, известный поэт кн. П. А. Вяземский, близкий к кружку декабристов и разделявший многие из их воззрений. Находясь под свежим впечатлением событий и предвидя неизбежный арест Пущина, Вяземский предложил приятелю сохранить у себя наиболее ценные бумаги. И. И. Пущин охотно принял дружеское предложение и передал Вяземскому запертый портфель, в котором находились стихотворения его лицейских друзей А. С. Пушкина и А. А. Дельвига, неизданные сочинения К. Ф. Рылеева и текст конституции Н. Муравьева. На следующее утро Пущин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, пережил следствие и суд, смертный приговор и последующую ссылку в Сибирь. Осенью 1856 г. Пущин был амнистирован и вернулся в Европейскую Россию. Он не забыл о своем портфеле и через брата, жившего в Петербурге, настойчиво старался получить его от кн. П. А. Вяземского. Хлопоты И. И. Пущина увенчались успехом: таинственный портфель, пролежавший замкнутым 32 года, вернулся наконец к своему владельцу. Уже впоследствии многие бумаги И. И. Пущина перешли в руки его близкого друга, сына декабриста, Е. И. Якушкина. В числе этих бумаг была и конституция Н. Муравьева. В 1904 г. документ был пожертвован в Рукописное отделение Румянцевского музея (теперь — Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве — ГБЛ), где и хранится до настоящего времени. В 1906 г. его опубликовал В. Е. Якушкин в приложении к своей книге «Государственная власть и проекты государственной реформы в России»; через год текст был издан вторично в серии Г. Балицкого «Библиотека декабристов»; наконец, в 1926 г. рукопись была напечатана снова в юбилейном сборнике ГБЛ. К сожалению, все три издания, не исключая последнего, страдают обилием неточностей и ошибок. Сообщаемые здесь факты по истории документа стали известными в семье Якушкиных, по-видимому, со слов самого И. И. Пущина; данные устной традиции были записаны В. Е. Якушкиным, и эти разрозненные черновые заметки до сих пор сохраняются в составе якушкинского архива⁴.

Рукопись, находящаяся в ГБЛ, представляет собой не подлинный оригинал, а копию конституции Н. Муравьева. Она занимает 26 двойных страниц убористого текста, пронумерованных и сшитых в виде тетради. Проект переписан старательно и чисто красивым и четким почерком, с явными следами пропусков и ошибок, не всегда исправленных переписчиком. На полях рукописи сделаны многочисленные замечания, которые, судя по почеркам, принадлежат не переписчику, а другим лицам, очевидно читателям проекта. Некоторые замечания нанесены карандашом и местами стерлись от времени, другие сделаны чернилами. Есть карандашные исправления и в основном тексте. Внимательно всматриваясь в форму этих разнообразных пометок и сопоставляя их внутреннее содержание, мы без труда различаем трех разных авторов. Самые многочисленные и обстоятельные замечания нанесены карандашом, крупным, отчетливым и уверенным почерком, с характерными начертаниями некото-

рых букв (например, «ж»); их насчитывается 34. Короче и менее содержательны немногие замечания, сделанные чернилами, ясным почерком, несколько отличающимся от первого. Наконец, весьма лаконичны и очень мало говорят читателю карандашные пометки третьего автора, который легко выделяется как самостоятельное лицо благодаря подтверждающей заметке около ст. 71-й («Правда»).

К тексту конституции приложена вторая, дополнительная рукопись на 8 пронумерованных листах плотной синей бумаги с широкими полями в половину страницы. Рукопись представляет собой критические замечания на проект в форме пространного рассуждения, подкрепленного на полях историческими справками. Характерный почерк этой второй рукописи резко отличается от всех почерков первой. Судя по многочисленным поправкам, перед нами — черновой оригинал, составленный одним из читателей муравьевского проекта и, по-видимому, сохраненный И. И. Пущиным как неотъемлемая часть единого целого.

Пущинский вариант заметно отличается от тюремного своей внешней формой: перед нами, очевидно, неоконченный, но стилистически отделанный конституционный устав, состоящий из 134 последовательных статей, объединенных в 13 глав. Весь проект построен по обычному образцу конституционных актов, причем каждая отдельная статья облечена в форму сжатой юридической нормы⁵.

Возникают вопросы: кто был переписчиком рукописи? Когда и при каких обстоятельствах появилась настоящая копия? Кому принадлежат замечания на полях и от кого исходит критическое приложение? К какому времени восходит скопированный оригинал и чем он отличается от тюремного варианта по своему внутреннему содержанию?

Как предполагали Е. И. и В. Е. Якушкины, основная рукопись была переписана рукой К. Ф. Рылеева. Сопоставляя рукописный текст с сохранившимися автографами Рылеева (стихотворениями и показаниями на следствии), мы, действительно, находим большое сходство почерков, но это сходство не переходит в безусловное тождество: и здесь, и там одинаковые начертания букв и ровная строчка, но в списке ГБЛ нет порывистых росчерков, которые характерны для нервного письма Рылеева. Это различие может объясняться условиями, в которых происходил самый акт письма. По-видимому, переписчик старался неторопливо и старательно воспроизвести имевшийся оригинал, заботясь о разборчивости и безошибочности копии. Такая спокойная механическая работа должна была сильно отличаться от смятенного состояния подсудимого или вдохновенного подъема поэта. Принадлежность копии Рылееву более чем вероятна: нам известно, что Н. Муравьев раздавал оригинал своей конституции не только для чтения, но и для переписки, причем переписчики избирались из среды наиболее близких и надежных членов тайного общества: С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, С. Н. Кашкин. Сопоставляя почерк пущинского варианта с почерками всех видных заговорщиков, кроме Рылеева, мы не находим между ними ни малейшего сходства. Кроме того, трудно предположить, чтобы Н. Муравьев отдавал переписку конспиративного и незаконченного документа посторонним лицам, не посвященным в деятельность общества. Рылеев был членом Думы, активнейшим участником организации, под его влиянием находились отдельные лица и целые кружки. При этих условиях он действительно мог воспроизводить и распространять конституцию Н. Муравьева.

Гораздо сложнее вопрос о происхождении критических замечаний. Прежде всего необходимо выяснить до сих пор не разгаданного автора

многочисленных и наиболее интересных карандашных пометок. Сопоставление этих записей обличает в авторе чрезвычайно внимательного и вдумчивого читателя, который обращал внимание не только на содержание, но и на форму разбираемого проекта; не только высказывался по существу, но удачно подмечал противоречия, исправлял стилистику и грамматические ошибки. В своих высказываниях он затрагивал и основные государственные вопросы (о компетенции исполнительной власти, о принципах избирательного права, о пересмотре конституции), и частные подробности — о порядке ареста, о податных привилегиях духовенства, о титуловании Народного веча и пр. Заметен интерес критика и к государственно-правовым конструкциям, и к социально-экономическим проблемам: его одинаково занимают и формы будущего правления, и вопрос об экспроприации собственности, и приемы финансового обложения. Автор не только начитан в политических вопросах, не только имеет самостоятельные и продуманные государственные воззрения: он обладает несомненным практическим опытом, который обнаруживается в его предложении подоходного налога или в заметке о крестьянах, владеющих землей на имя своих господ. Автор не высказывает теоретических принципов, отдавая предпочтение конкретному жизненному содержанию. Но моментами у него проскальзывают склонность к нравственным оценкам, обобщенные замечания о несправедливости и неразумности того или иного мнения.

При этом заметна не только привычка к политическим размышлениям и высказываниям, но и любовь к обстоятельному письменному изложению. Спокойный, синтаксически правильный стиль вполне гармонирует с закругленной и ровной формой почерка.

И почерк, и стиль, и содержание критических замечаний помогают нам узнать в этом авторе одного из поздних и почтенных по возрасту членов Северного общества — бар. В. И. Штейнгеля. Пройдя тернистый путь благородного и гонимого чиновника, исколесив тысячи верст по России и познав на практике все недостатки самодержавно-крепостнического строя, Штейнгель был пленен идеей политического преобразования и вовлечен в тайное общество усилиями Рылеева. Среди заговорщиков он держался особняком, не доверяя их молодости и испытывая внутренние колебания. Настроения междоусобицы увлекли его в водоворот революционного заговора, и он выступил в активной роли советника и организатора в короткий период, предшествовавший восстанию. Читая обстоятельные, закругленные показания Штейнгеля, мы видим, как много пережил и передумал этот человек. Несмотря на усиленные попытки затушевать свое участие в обществе, он невольно прорывается суровой критикой существующего порядка, строит планы преобразований, рассказывает о своих занятиях, интересах и выстраданных убеждениях. В лице В. И. Штейнгеля перед нами выступает не только поклонник конституционных теорий, но и человек практического опыта, склонный к конкретной постановке вопросов. Его многочисленные записки о необходимости различных реформ, которые он подавал правительству Александра I, говорят не только о жажде преобразований, но также о постоянном желании найти ей внешнее литературное выражение. Штейнгель любил и умел писать: об этом ярко свидетельствуют его политическое письмо Николаю I, отправленное из крепости, его пространственные рассуждения на следствии и его позднейшие в старости воспоминания⁶.

Сопоставляя почерк карандашных замечаний на полях пушкинского варианта с почерком следственных показаний бар. Штейнгеля, мы на-

блюдаем между ними большое сходство: те же ясные и закругленные начертания букв, тот же ровный наклон, та же уверенность в руке, то же отсутствие помарок. Некоторые незначительные отличия в величине и способе соединения букв могут объясняться различиями условий, в которых писались неофициальные черновые пометы и тщательно выведенные беловые объяснения «высочайше учрежденному» комитету. То же впечатление чрезвычайного сходства выносится из сопоставления стиля карандашных помет и показаний В. И. Штейнгеля: и здесь и там — синтаксически правильная фраза, близость к карамзинскому слогу, следы литературного опыта и ясно выраженная любовь к «словесности».

Но еще убедительнее совпадение политических взглядов В. И. Штейнгеля и критика муравьевского проекта. Критик не возражает против принципа конституционной монархии и принимает без спора низведение императора до положения ответственного, подотчетного и ограниченного в правах чиновника. Правда, он вносит некоторые поправки в определение его компетенции: право объявления войны и назначения на должности он считает целесообразнее сохранить за императором; уничтожение двора вызывает его критическое замечание о необходимости внешнего почета и титулов. Но он решительно возражает против вручения монарху верховного начальства над армией и флотом: «Худо верить такую силу такому человеку, с которым надобно быть в беспрестанной борьбе». Идеал критика — традиционная власть, наделенная атрибутами внешнего почета, но парализованная в своих попытках к политическому перевороту, сохранение внешнего облика монархии с вытравлением ее реального внутреннего содержания. Этот взгляд вполне совпадает с идеалом В. И. Штейнгеля, который опасался республиканской ломки перед лицом народа, готового на «безначалие» и «неистовства»; он хотел сохранить монархическую власть как сдерживающий традиционный символ, обставив ее конституционными гарантиями и уничтожив ее реальную силу. Так родился его план возвести на престол императрицу Елизавету Алексеевну, заставив ее октроировать продиктованную конституцию и поставив в полную зависимость от народных представителей.

Еще очевиднее совпадение взглядов в вопросах избирательного права. Критик Н. Муравьева высказывает решительное несогласие с предлагаемой системой имущественного ценза: «Почему богатство только определяет достоинство правителей? Это несогласно с законами нравственными». Такое же возражение неоднократно высказывал Штейнгель. И в «Рассуждении о гражданственности», и в показаниях на следствии, и в письме к Николаю I он настойчиво протестовал против принципа, по которому «права, облагораживающие особу гражданина, даны не лицу, а капиталу». В имущественном цензе он видел «поистине гибельный соблазн для гражданской добродетели; а без нее никакое государство не может быть благополучно». Страх перед народным восстанием уживался в представлениях Штейнгеля с широким взглядом на политическую реформу; апеллируя к нравственным принципам, он воскрешал ламентации Робеспьера, обосновавшего буржуазно-демократическую идею всеобщего избирательного права.

Критик Муравьева специально останавливается на одной детали избирательной системы: он не может понять, почему автор проекта лишает прав политического представительства подрядчиков и поставщиков: «потому что это мешает их личному пребыванию [т. е. требованию оседлости. — Н. Д.] или по чему-нибудь другому? Значит, живущий подрядами должен отказаться от своего существования или не может никак быть представи-

телем?» В этом вопросе мы снова узнаем Штейнгеля, близко стоявшего к торгово-промышленным кругам, служившего агентом у поставщика Варгина и прекрасно понимавшего общественное значение нарождающейся русской буржуазии.

Критик муравьевского проекта согласен с принципом податного уравнивания, но он понимает его по-своему: Н. Муравьев хочет наложить на всех одинаковую подушную подать; критик высказывается за введение всеобщего подоходного налога. Такого же воззрения держался Штейнгель: в записке 1817 г. о гражданственности и купечестве в России он высказывается за уравнивание в податях всех граждан города, но предлагает делать уравнительную раскладку по состоянию каждого.

Статья муравьевского проекта, гарантирующая личную неприкосновенность гражданина, вызывает следующее замечание критика: «В чужих краях взятие под стражу бывает непременно при 12 человеках присяжных — не худо бы и здесь». Это мнение совпадает с требованием Штейнгеля, выраженным в той же записке 1817 г., «оградить лучшими мерами взятие под стражу гражданина», чтобы следствие над гражданином никогда не производилось без избранных депутатов.

Но этот поклонник широкой буржуазной свободы остается убежденным сторонником сильной власти и не менее убежденным противником всяких заговоров. Параграф конституции, устанавливающий личную ответственность чиновников за их действия, вызывает замечание критика: «В гражданском [быту] еще можно допустить его, но в военном слепое повиновение необходимо» (ст. 114). Ст. 32, которая разрешает гражданам составлять всякого рода общества, вызывает краткое замечание критика: «Общества, но не тайные. Тайные все вредны». Это мнение несколько не удивительно в устах члена тайного общества: ту же двойственность мы встречаем в пространных рассуждениях Штейнгеля, который стремление к перевороту соединял с боязнью насильственных мер, а либеральную идеологию — с жалобами на вред вольномыслия. Убежденный и начитанный противник самодержавия, бар. Штейнгель боялся народного бунта, возмущался «нетерпением подчиненности» в юности, жаловался на «развращение простого народа». Этот сторонник мирного буржуазного прогресса силою обстоятельств оказался в недрах революционного общества; но, оставаясь заговорщиком поневоле, он не переставал внутренне колебаться и боязливо оглядываться по сторонам. В борьбе с самим собой, увлекаемый событиями и вдохновенной речью Рылеева, Штейнгель приложил свою руку и к плану вооруженного восстания, и к «окровавленному кинжалу» П. Г. Каховского. Но в глубине души он оставался тем же принципиальным сторонником порядка и мирной либеральной реформы, каким был раньше, за торговым прилавком Варгина, и позже, очутившись в крепостном каземате⁷.

Если в авторе большинства карандашных возражений легко узнать бар. В. И. Штейнгеля, то значительно труднее определить другого критика, записавшего свои замечания чернилами. Таких чернильных помет очень немного — всего четыре; они отрывочны, не связываются в стройную систему политических взглядов, касаются частных вопросов и выражены в краткой форме. Основаниями для выяснения автора могут служить преимущественно почерк, отчасти построение фразы — лаконичное и не всегда правильное.

Вопрос об этом авторе мимоходом затронул еще В. И. Семевский: судя по почерку, он приписал замечание к ст. 24 (о земельном наделении крестьян) И. И. Пущину. Действительно, почерк примечаний и по-

черк показаний И. И. Пущина имеют несомненное сходство. Но чем внимательнее и дальше мы всматриваемся в начертания букв, тем больше рассеивается это первое впечатление. Сопоставляя чернильные пометы с рукописями других декабристов, мы приходим к выводу, что автором примечаний был не И. И. Пущин, а Николай Александрович Бестужев. Нас убеждает в этом и форма построения речи, которая кратка и грамматически не всегда правильна. Авторство Н. Бестужева весьма вероятно: капитан-лейтенант флотского экипажа, он непосредственно наблюдал деятельность конституционных учреждений в Англии, Франции и Голландии, обнаруживал интерес и начитанность в политических вопросах, рассуждал о способах государственного преобразования и утром 14 декабря по собственной инициативе набросал черновой проект либерального манифеста. Самое содержание высказанных замечаний — о необходимости наделить крестьян землей, о нецелесообразности выборной полиции, о напрасном лишении голоса председателя Верховной думы, о вручении прав представительства гражданским чиновникам — не противоречит воззрениям Н. А. Бестужева, насколько они известны нам из имеющегося материала⁸.

Труднее всего определить авторство третьего критика, который реагировал на чтение проекта немногими однословными карандашными пометами. Сличение почерков заставляет нас предположить в этом авторе губернского секретаря С. Н. Кашкина. Старый член «Союза благоденствия», он был особенно дружен с И. И. Пуциным, участвовал в заседаниях Московской управы и проявлял теоретический интерес к конституционным вопросам⁹.

Нам остается выяснить автора критического рассуждения, приложенного к проекту Н. Муравьева. В. И. Семевский, излагая содержание этого приложения, нашел в нем те же мысли об английской конституции и учреждениях милиции, какие разделял флотский офицер К. П. Торсон, член Северного общества и друг братьев Бестужевых. Сопоставление документов вполне подтверждает догадку В. И. Семевского: и в показаниях К. П. Торсона, и в приложении к проекту мы находим тот же своеобразный, не повторяющийся у других декабристов почерк — с ровным наклоном, приземистыми буквами и характерными завитками.

Но если авторство К. П. Торсона несомненно, то связь его записки с данным вариантом конституции еще не вполне доказана. В ГБЛ оба документа хранятся как неразрывное целое. Значит ли это, что они соединены между собой внутренне и хронологически? Вчитываясь в приложенную записку, мы находим в ней рассуждения по поводу некоторых конституционных вопросов — о политическом значении и организации верхней палаты, о компетенции императорской власти, об юридической ответственности министров, об учреждении корпуса военной милиции. К. П. Торсон частью возражает против какого-то прочитанного проекта, частично дополняет его собственными предложениями. Судя по содержанию записки, критикуемый проект исходил из идеи конституционной монархии с двухпалатной системой и сильно ограниченной властью императора; верхняя палата проектировалась на основе высокого имущественного ценза; отношения между императором и министрами, министрами и народным представительством не были определены подробно и точно; вопрос о местной милиции — гарантии против монархического произвола — не получил необходимого развития. Эти черты вполне соответствуют пушкинскому варианту конституции Н. Муравьева. Совместное хранение документов не является простой случайностью: критическое

рассуждение Торсона действительно было приложено к муравьевскому проекту.

Таким образом, копия, хранящаяся в ГБЛ, должна была пройти через целый ряд рук: Рылеев, Штейнгель, Н. Бестужев, Кашкин, Торсон и И. Пущин. Это предположение вполне подтверждается данными следственного процесса. Уже на первых допросах Штейнгель и Кашкин признались генерал-адъютанту В. В. Левашову, что они получили от И. Пущина текст конституции; при этом Штейнгель прибавил, что он прочел ее и вернул обратно, а Кашкин — что он сжег ее «после происшествия».

Опираясь на эти показания, Следственный комитет одновременно, 8 марта, сделал письменные запросы Н. Муравьеву и И. И. Пущину. Н. Муравьев отвечал: «Честь имею донести, что я оставил в Москве один только список предполагаемой мной конституции, который отдал Пущину, чтобы переписать оный. От него могли иметь оную Кашкин и Штейнгель, ибо с первым я не был в сношениях, а второго никогда не имел случая видеть и обоим ничего не посылал». Далее, в ответ на упрек Следственного комитета и на его настойчивое требование объяснить, когда и кому были даны списки конституции, Н. Муравьев продолжал: «Перед отъездом из Петербурга я дал одну копию оной князю Одоевскому. Конституция сия находилась некоторое время у каждого из главных членов общества (хотя и не была докончена), не знаю, списано ли было с оной копии, но полагаю, что есть ли и были какие копии, то после случившихся происшествий и они, вероятно, истреблены». И. И. Пущин отвечал кратко и ясно: «Точно имел я у себя экземпляр конституции, который сообщен мне был капитаном Муравьевым; я показывал его барону Штейнгелю и по возвращении им мне одного отдал г-ну Кашкину, у которого он остался по случаю отъезда моего в отпуск в Петербург». Следственный комитет не удовлетворился этими ответами: он немедленно отправил письменный запрос кн. А. И. Одоевскому и, не доверяя искренности Кашкина, потребовал от князя откровенного показания о дальнейшей судьбе пущинского текста. Ответ Одоевского гласил следующее: «Никогда конституции капитана Муравьева я не читал; это правда, что я зашел раз к князю Оболенскому и что г-на Муравьева я там видел, и что он в руках держал конституцию свою и хотел мне дать прочесть ее, но он на отъезде был и взял ее тотчас назад, тут же, у князя Оболенского, так что я ни единого слова не прочел. Он это верно вспомнит... Если же я тотчас не показал на капитана Муравьева, как на сочинителя конституции, то да простят мне: я хотел побережь его, как жеманного человека». Ответ Кашкина был таков: «Конституцию, мною полученную от Пущина, о которой он мне сказывал, что она писана рукою самого Муравьева, я сам сжег в Москве в моем камине и даю в том честное слово, ибо совершенно сие помню и никто не может доказать противного. Скажу еще, что и ее не читал, не имея времени и почитая это вздорным упражнением». Через 20 дней Следственный комитет дал очную ставку Одоевскому и Н. Муравьеву: первый подтвердил свое прежнее показание; второй, припомнив все обстоятельства встречи, признал, что список конституции был им вручен не кн. Одоевскому, а кн. Оболенскому¹⁰.

Независимо от Штейнгеля и Кашкина показания о конституции были даны Торсоном. Вначале он кратко сообщил, что получил рукопись от Н. Бестужева. Потом, на повторные вопросы комитета, он дал более подробные сведения о конституции: «При начале вступления моего в общество, Бестужев принес однажды ко мне, и мы вместе ее прочитали;

кто составлял оную, не знаю. Заметив, что в конституции сказано только одна императорская особа священна и неприкосновенна, равно предполагалась одна палата, я написал замечание, прибавив необходимость, чтоб наследник престола также был особою священной и неприкосновенною; доказывал необходимость иметь две, а не одну палату; об учреждении национальной милиции, полагал оную по образцу английской. Замечание сие отдал Бестужеву. После узнал, что все переменено, и более не видел ни проектов, ни бумаг, равно и сам не писал». На основании этого показания Следственный комитет сделал допрос Н. А. Бестужеву, который подтвердил и дополнил показания Торсона: «Торсону я точно показывал проект конституции, но кроме его не сообщал оной никому; замечания Торсона, на нее сделанные, заключались действительно в его показании о неприкосновенности особы наследника... Проект конституции я получил от Рылеева; кто составлял ее, не знаю; но по словам Рылеева полагал, что она составлена Думою общества». Затем, сообщив некоторые основные черты упомянутого проекта, Н. Бестужев продолжал: «Сей проект, по прочтении Торсоном и мною, был возвращен Рылееву, который сказал мне после, что оный истреблен, потому что это было только первое очертание главных положений, но что Дума, которая занимается сим предметом, не перестает делать перемены и поправки... Что перемены противу первого плана были, я знал из слов Рылеева; но в чем они состояли, это мне было неизвестно, потому что, как я сказал выше, Рылеев объявил мне, что перемены и поправки продолжаются»¹¹.

Таким образом, показания Штейнгеля, Кашкина и И. Пущина кончались горящим камином Кашкина, показания Н. Муравьева и Одоевского приводили к Оболенскому, показания Н. Бестужева и Торсона — к Рылееву. Следственный комитет не стал допрашивать ни Оболенского, ни Рылеева; он не заметил в показаниях остальных подсудимых никаких противоречий и умолчаний. Удовлетворившись тюремным изложением Н. Муравьева и вполне доверившись его искренности, комитет решил не искать проверочных списков. Цель Н. Муравьева была достигнута — следствие о конституции замкнулось в определенные рамки, которые еще в начале были поставлены ее автором.

Между тем показания членов Северного общества возбуждают в нас целый ряд недоумений и вопросов. К. П. Торсон не только признался, что написал критическое рассуждение и отдал его Бестужеву, он выяснил и содержание своей записки: по его словам, он доказывал необходимость двух палат, высказывался за образование национальной милиции (по образцу английской) и настаивал на священной неприкосновенности не только особы императора, но и особы наследника. Действительно, в сохранившейся записке Торсона доказывается необходимость двух палат и польза английской милиции; но, отстаивая идею двухпалатной системы, Торсон не опровергает этим проекта Н. Муравьева (который стоит на аналогичной точке зрения), а только обосновывает свой тезис о нежелательности имущественного ценза для членов верхней палаты; о священности и неприкосновенности особы императора и его наследника одинаково умалчивают и Н. Муравьев, и его критик. Очевидно, память несколько изменила Торсону, и через год после составления записки он не сумел вполне точно передать ее содержание. Очень возможно, что этот поклонник английской конституции в нередких спорах с явными и скрытыми республиканцами защищал принцип священной неприкосновенности монарха; очень возможно, что спор о положении наследника происходил у него с самим Н. Муравьевым; но мнение Торсона не было записано,

и его ослабевшая память связала воедино два различных и разновременных факта. Ту же неточность припоминания мы наблюдаем в подтверждающем показании Н. Бестужева: она одинаково чувствуется в его показании о записке Торсона и в его схематической передаче конституции Н. Муравьева. Подобное явление было обычным в следственном производстве: сходный пример представляет собой неточная передача того же проекта в показаниях Пестеля и младшего брата Н. Муравьева¹².

Торсон признал составление записки, но не сумел точно и полно передать ее содержание; Штейнгель поступил иначе — он сознался, что читал конституцию, но отрекся от составления замечаний. По словам Штейнгеля, Пущин просил его сделать замечания на конституцию, но он ответил ему отказом: «...ибо она мне показалась, как я то и Пущину сказал, совершенно неудобною, написанною по иностранным идеалам, а не по настоящему положению России». Это заявление Штейнгеля звучит крайне неубедительно: он не скрывает, что его собственные планы были построены по тем же «иностраным идеалам». В частных замечаниях Штейнгеля, которые мы находим на полях пушкинского варианта, мы действительно улавливаем его политическую склонность учесть «настоящее положение России». Но это не мешало ему оставаться конституционным монархистом, сторонником сильного ограничения императорской власти, защитником индивидуальной свободы и местного самоуправления. Таковы его мнения, высказанные на следствии и тесно сближающие его с Н. Муравьевым. Очевидно, давая показания о проекте, Штейнгель сознательно уклонялся от истины, стараясь затушевать свое участие в обществе: такова была его тактика в продолжение всего следственного процесса. Его закругленные показания, пересыпанные уверениями в полном чистосердечии и ссылками на бога и «Сердцеведца», обнаруживают не менее обдуманную тактику, чем у Н. Муравьева. Не раз он уличался в сокрытии фактов, не раз старался объяснить свои умолчания невольной забывчивостью; только уличающие показания других подсудимых заставляли его признаться в своих революционных планах и в составлении проекта сенатского манифеста. Поэтому нельзя вполне доверять показанию Штейнгеля; его утверждение не есть полная истина¹³.

Штейнгель признался, что читал конституцию, но отрекся от составления замечаний; Кашкин поступил иначе — он сознался, что хранил у себя конституцию Муравьева, но отрекся от всякого знакомства с нею: «Скажу еще, что я ее не читал, не имея времени и почитая это вздорным упражнением». Слова о «вздорном упражнении» звучат не совсем убедительно в устах декабриста, который, по собственным показаниям, сам держался «вздорного образа мыслей», заимствованного из французской литературы. Утверждение Кашкина плохо согласуется и с другим его показанием: в самом начале он признался, что дал обещание Пущину переписать конституцию Н. Муравьева. Нельзя верить, чтобы старый участник «Союза благоденствия», близкий друг Оболенского и Пущина, живо интересовавшийся политическими вопросами, равнодушно отнесся к конституционному проекту своего общества. В заявлении Кашкина сказывается тактика, которая определяла все его поведение на следствии: под маской откровенности и раскаяния он старался придать самый невинный вид своему участию в обществе, и только изобличающие вопросы комитета заставляли его пойти на вынужденные признания. В этом отношении Кашкин походил на Штейнгеля, но он, как член бездейственной Московской управы, был скомпрометирован меньше, чем Штейнгель,

и тактика упорного запирательства помогла ему успешно спастись от каторги¹⁴.

Однако в показаниях Кашкина есть некоторые пункты, которые звучат более правдиво и убедительно. Ссылаясь на Пущина, он утверждает, что полученный им экземпляр конституции был переписан рукою самого Н. Муравьева. Кроме того, он дает очень уверенное и конкретное показание об уничтожении рукописи, подтверждая его честным словом и готовностью решительно опровергнуть всякое контрпоказание. И содержание, и тон сообщения Кашкина заставляют нас поставить вопрос: не идет ли здесь речь о другом экземпляре конституции, отличном от пущинского варианта? Не было ли наряду с рылеевской копией авторского списка, привезенного Н. Муравьевым в Москву, врученного им Пущину, оказавшегося затем в руках Кашкина и действительно сожженного в его домашнем камине?

Решению этого вопроса помогает сопоставление показаний Н. Муравьева, Пущина и Штейнгеля. Н. Муравьев сообщает, что оставил список своей конституции в Москве у Пущина. Пущин показывает, что он получил экземпляр конституции от Н. Муравьева, вручил его Штейнгелю, а по возвращении передал Кашкину, у которого рукопись и осталась вследствие отъезда Пущина в Петербург. Таким образом, передача проекта из рук в руки должна была происходить между 12 сентября (день отъезда Н. Муравьева из Петербурга в Москву) и 5 декабря (день отъезда Пущина из Москвы в Петербург). Между тем из показания Штейнгеля выясняется, что он познакомился с конституционным проектом и беседовал о нем с Пущиным в Москве до приезда члена общества С. М. Семенова. С. М. Семенов был переведен на службу в канцелярию московского генерал-губернатора в начале августа 1825 г., т. е. ранее приезда Н. Муравьева. Следовательно, экземпляр, находившийся в руках у Штейнгеля, не был тем списком, который привез с собой Н. Муравьев из Петербурга. Кроме того, и Пущин, и Кашкин утверждают, что Муравьевский экземпляр был оставлен в Москве, в квартире Кашкина; между тем сохранившийся пущинский вариант находился в Петербурге на руках у Пущина и в день восстания в составе других бумаг был передан кн. Вяземскому. Показания Бестужева и Торсона косвенно подтверждают наше наблюдение: сохранившаяся рукопись была предметом их изучения и критики, но, возвратив рукопись Рылееву, они узнали, что данный проект уже утратил свою силу, что он является только «первым очертанием главных положений», что Дума не перестает делать в нем «перемены и поправки». Следовательно, в годичный промежуток между принятием Торсопа и выездом Н. Муравьева в московский отпуск вырабатывалась новая, более совершенная редакция, которая аннулировала предыдущую. Очевидно, авторские списки, врученные в Петербурге Оболенскому, а в Москве — Пущину, были письменным закреплением этой новой редакции. Осенью 1825 г. в Москве находилось два варианта муравьевского проекта: один — более ранний, переписанный рукой Рылеева и снабженный критическими замечаниями Бестужева, Торсона, Штейнгеля и Кашкина; другой — более поздний, переписанный рукою Н. Муравьева и привезенный им из Петербурга. Первый вариант при отъезде Пущина 5 декабря был взят им с собой в Петербург, второй — остался в Москве у Кашкина и был им уничтожен после угрожающих известий о петербургском разгроме¹⁵.

Этот вывод не вполне согласуется с показаниями двух подсудимых — Пущина и Кашкина: Пущин умалчивает о сохранившемся экземпляре,

который он передал Вяземскому; Кашкин умалчивает о том, что он знал этот экземпляр, читал его и делал на нем краткие замечания. Вдумываясь в обстановку следственного процесса, мы ясно представляем себе причины обоих ответов. Ознакомившись с первоначальными и независимыми друг от друга показаниями Штейнгеля и Кашкина, комитет формулировал свой запрос Пушину в следующей форме: «Комитет, имея в виду, что вы сообщали экземпляры конституции, оставленной кап. Ник. Муравьевым губернскому секретарю Кашкину, который сжег ее, и барону Штейнгелю, который возвратил вам, требует справедливого показания вашего: от кого вы получили означенные экземпляры конституции, кому и когда оные доставили и у кого они остались, и притом не было ли сей конституции в бумагах ваших, оставшихся здесь или в Москве?». Пушин держался на следствии тактики запертательства: он старался давать такие показания, которые не компрометировали его самого и меньше впутывали его товарищей по делу. Получив вопрос Следственного комитета, он должен был так построить ответ, чтобы назвать возможно меньше имен, отведя всякое подозрение от кн. П. А. Вяземского. Неосторожная формулировка Следственного комитета, раскрывая все карты (Кашкин сжег конституцию, Штейнгель возвратил ее), подсказывала Пушину искомую защитную форму: Пушин воспользовался ею, слил два экземпляра конституции в один, в качестве передатчика рукописи указал ее автора — Н. Муравьева, а в качестве последней инстанции — Кашкина, который похоронил конституцию. Таким образом, обрывалась всякая возможность для новых осложняющих вопросов; следствие замыкалось в узкие рамки, которые предопределялись содержанием самого вопроса.

Если понятно намеренное искажение действительности у Пушина, то еще понятнее сознательное умолчание Кашкина. Следственный комитет запрашивал его о конституциях; Кашкин предпочел и здесь безопасную полуистину; он сообщил о сожженном экземпляре, но умолчал о другом, более раннем варианте, снабженном его замечаниями; это спасало его от уличающих вопросов, уменьшало его роль в тайном обществе и делало невозможной никакую проверку. Кашкин поступил здесь так же, как в другом случае: признался в безобидных собраниях Московской управы, но упорно замалчивал свое участие в «Союзе благоденствия»¹⁶.

Пользуясь данными следственного материала, мы можем предположительно представить себе историю пушинского варианта в следующих чертах. Осенью и зимой 1824 г. Северное общество переживало период растущего оживления; в сознании Рыльева уже складывался революционный проект овладения Кронштадтом, которому предназначалась почетная роль острова Леона. Через Н. Бестужева Северное общество приняло капитан-лейтенанта Торсона, который занимал выгодную позицию как адъютант начальника Морского штаба, выдавался своими дарованиями и военным опытом. Торсон и Н. Бестужев представлялись важнейшими опорными точками для постепенного внедрения в балтийский флот. Втянуть их в революционные планы, приобщить их к теоретическим стремлениям общества было одной из важнейших забот Рыльева. С этой целью он вручает им собственноручную копию конституции Н. Муравьева, которая должна была ознакомить будущих руководителей морского филиала с политической программой Петербургской думы. В конце 1824 г. Н. Бестужев и его друг подробно ознакомились с конституционным проектом, высказали свои суждения и некоторые из них занесли на бумагу: Бестужев — на полях рукописи, Торсон — в специальной записке.

Текст муравьевского проекта вместе с критическими замечаниями вернулся обратно к Рылееву.

Этот эпизод совпал с приездом Пущина, который за год до разбираемого момента перешел на гражданскую службу в Московский надворный суд. Политическое оживление Северного общества не могло не коснуться этого старого и искреннего члена «Союза благоденствия». Близкое общение с Рылеевым и Оболенским должно было возбудить его дремлющую энергию. Вероятно, в интимных беседах с руководителями петербургского общества не раз поднимался вопрос о возрождении старой Московской управы. Наряду с овладением Кронштадтом было особенно важно создать организацию в первопрестольной столице, с ее хозяйственными связями и влиятельным дворянством. Уезжая в Москву в самом начале 1825 г., Пущин должен был лелеять мысль о воссоединении московских друзей, которые разделяли политические стремления тайного общества. В Москве проживали старые видные члены «Союза благоденствия» — Михаил Орлов и братья М. А. и И. А. Фонвизины, а также менее крупные — М. М. Нарышкин, А. И. Тучков, С. Н. Кашкин, П. И. Колошин. Организационное сближение этих давних и близких знакомых могло послужить исходным крепким ядром для расширения московского общества. В феврале 1825 г. вместе с приехавшим кн. Е. П. Оболенским И. Пущин приступает к выполнению поставленной задачи. На квартире у Оболенского удается созвать учредительное собрание Московской управы. «Презусом» управы избирается Пущин. Все усилия председателя направлены к выяснению политической платформы и к возбуждению практической деятельности вновь образованного филиала. Второе собрание у Тучкова было посвящено специальному вопросу о введении конституции, который вызвал оживленные дебаты. Нет сомнения, что в основу этого политического обсуждения было положено чтение конституционного проекта, — именно так организовывались соответствующие собрания в северной столице. Таким проектом мог быть только проект Н. Муравьева. В предвидении теоретических споров И. И. Пущин, уезжая из Петербурга в Москву, должен был взять с собой один из списков конституции Н. Муравьева как скрепляющую опору для воссоединяемых членов. Этот список должен был служить исходным пунктом для политических суждений, необходимым орудием для привлечения членов, постоянным пособием в организационно-объединительной работе¹⁷.

Надежды Оболенского и Пущина не вполне оправдались. Наиболее влиятельные из старых сочленов — гр. М. Ф. Орлов и М. А. Фонвизин — держались особняком, не проявляя охоты участвовать в заговоре; остальные собирались, беседовали, но обнаруживали пассивность и очень умеренный образ мыслей. «Презусу» общества пришлось ограничить свои замыслы, а план революционной организации подменить более осуществимым проектом — практического союза, направленного к личному освобождению дворовых людей. Тем не менее московское передовое ядро пополнилось новыми членами: приехал М. Ф. Митков, перевелся в Москву С. М. Семенов, вошел в организацию бар. В. И. Штейнгель. Присоединение Штейнгеля было особенно ценным: в его лице Северное общество приобретало образованного, опытного и зрелого сочлена. Открывшись Штейнгелю в Петербурге, Рылеев дал ему рекомендательное письмо в Москву. Штейнгель вручил его Пущину, познакомился с московскими декабристами, присутствовал на их собраниях и вел с ними политические беседы. Привязать Штейнгеля к обществу и воспользоваться его познаниями было одной из забот московского «презуса». Вероятно, весной или

в начале лета Пущин вручил ему текст конституции Н. Муравьева с просьбой ознакомиться и высказать свои замечания — тот самый текст, который он вывез из Петербурга и читал на собрании у Тучкова. Это была рылеевская копия, дополненная замечаниями Н. Бестужева и особой запиской Торсона. Штейнгель внимательно ознакомился с нею, снабдил ее собственными возражениями и возвратил обратно, вступив с Пущиным в подробную политическую беседу. По-видимому, текст конституции не остался лежать в письменном столе у московского «презуса». Вероятно, по петербургскому обычаю, Пущин передавал ее виднейшим членам Московской управы с просьбой высказать свои соображения. Одним из таких читателей и критиков был ближайший приятель, помощник и сослуживец Пущина, член-учредитель московской организации С. Н. Кашкин¹⁸.

Так проходил 1825 год в Москве. В Петербурге он протекал иначе, в обстановке непрекращавшегося политического подъема. Н. Муравьев чувствовал вокруг себя возрастающее влияние Пестеля, дух увлекающей и решительной революции. В борьбе с этим чуждым влиянием он утверждал свое звание нормальной конституции, которая должна была направить мятущуюся стихию в намеченное русло умеренного течения. К осени труд Н. Муравьева был настолько закончен, что его поставили на обсуждение тайного общества. Отправляясь в длительный отпуск, Н. Муравьев собственноручно снял копию с новой редакции и вручил ее для переписки одному из главных руководителей организации — кн. Е. П. Оболенскому; роль технического переписчика, по-видимому, предназначалась кн. Одоевскому. 12 сентября Н. Муравьев выехал в Москву, имея при себе собственноручную копию переработанного текста. Вероятно, пользуясь присутствием старых членов, знакомых с прежними редакциями его проекта, — Пущина, Митькова и Нарышкина, Н. Муравьев ознакомил Московскую управу с вновь подготовленным вариантом. Уезжая в нижегородскую деревню, он передал свою копию И. И. Пущину с определенным поручением — переписать ее для Москвы и распространить между членами общества. Через некоторое время Н. Муравьев предполагал снова приехать в Москву: здесь, на собрании управы, должен был окончательно решиться вопрос о предложении А. И. Якубовича и о дальнейшей деятельности общества. К этому времени новая редакция проекта могла быть переписана и поставлена на подробное обсуждение московских сочленов¹⁹.

Петербургские события изменили задуманные планы. Известие о смерти Александра I заострило вопрос об активном выступлении; начавшееся междоусобице создало напряженную и возбуждающую обстановку. Остаться в Москве при создавшихся условиях Пущин не мог: он выхлопотал месячный отпуск и 5 декабря выехал в Петербург. Учитывая революционное настроение на севере и на юге, он должен был ожидать решительных действий — если не вооруженного восстания, то мирной попытки конституционной реформы. Неудивительно, что, уезжая в северную столицу, где должны были развернуться решающие события, Пущин взял с собой старую рылеевскую копию муравьевского проекта. Почему рылеевскую, а не новую муравьевскую — вполне понятно: старый вариант устарел, но на его полях оставались критические замечания Бестужева и Штейнгеля, которые сами по себе являлись важным материалом для окончательных суждений. Пущин отлично знал, что новая редакция конституции имеется в Петербургской думе, и мог со спокойным сердцем оставить рукопись Н. Муравьева у своего близкого приятеля

Кашкина, тем более что рукопись еще не была переписана и москвичи не успели познакомиться с нею достаточно обстоятельно. В случае успеха предстоящего выступления московские члены могли воспользоваться ею для широкой общественной информации о целях переворота. Но замечания критиков, особенно подробные и неизвестные Петербургу суждения Штейнгеля, могли пригодиться при разработке коллективных ответственных выступлений. Если бы последовала победа вооруженного восстания или компромиссное соглашение с Николаем I, руководители Северного общества должны были встать перед неизбежной задачей: представить конкретно разработанный план конституции. Для быстрого и правильного разрешения этой задачи было бы необходимо еще раз обсудить проект Н. Муравьева и сопоставить его с критическими замечаниями всех ранее высказывавшихся сочленов. Таким образом, копия Рылеева, испещренная замечаниями, оказалась в Петербурге, на руках у И. И. Пущина, а новая копия Н. Муравьева осталась в Москве, на руках у С. Н. Кашкина. После понесенного поражения московский список подвергся сожжению, а более ранний, пущинский вариант был передан Вяземскому и уцелел до нашего времени.

Такова внешняя история этого последнего документа. Сопоставляя различные данные, мы можем более или менее точно установить его хронологическую дату: рукопись переписана Рылеевым, следовательно, не могла появиться раньше вступления Рылеева в Северное общество, т. е. начала 1823 г.; рукопись снабжена замечаниями Торсона, которые сделаны им вскоре после вступления в общество, т. е. не позже конца 1824 г. Но перед нами копия, а не оригинал. Поэтому уместен вопрос: является ли этот вариант первоначальным начертанием конституции, как утверждал Н. Бестужев, или мы имеем перед собой последующую, промежуточную редакцию? Для разрешения этого вопроса мы должны обратиться к третьему уцелевшему варианту конституционного проекта Н. Муравьева.

При обыске у арестованного кн. С. П. Трубецкого были найдены компрометирующие бумаги: собственноручный проект манифеста, составленный им в период междоусобия, и собственноручный текст неоконченной конституции. Оба документа хранятся в следственном деле Трубецкого, причем листок с манифестом подклеен и подшит в тетрадку форматом в пол-листа, исписанную конституционным проектом на протяжении 35 страниц. При подшивке, произведенной, по-видимому, следственными властями, листы тетради были вложены неправильно, и поэтому расположение текста оказалось перепутанным. Каждая страница имеет небольшие поля, которые местами заняты примечаниями. Примечания нанесены той же рукой (кн. С. П. Трубецкого), но написаны более мелким почерком, иногда более яркими чернилами, местами карандашом. Разница в чернилах и перьях сказывается также и в отдельных частях разбираемого документа. Заметно, что рукописи конституции писались независимо от манифеста, хотя и на одинаковой бумаге, — притом не сразу, а в несколько приемов. Этот текст конституции был напечатан М. В. Довнар-Запольским в книге «Мемуары декабристов». Более точно, но все же не вполне безукоризненно он воспроизведен в составе дела С. П. Трубецкого в I томе «Восстания декабристов»²⁰.

Разобравшись в бумагах С. П. Трубецкого, Следственный комитет поставил ему 23 декабря следующий вопрос: «Проект конституции, при вас найденный, кем составлен и каким путем надеялись вы достигнуть до того, чтобы Сенат провозгласил оный всенародно?» Трубецкой дал на

этот пункт краткий и неопределенно-уклончивый ответ: он воспользовался тем, что вопрос был не единственный, а один из многих (8-й из 19), и, дойдя до 8-го пункта, заявил: «На сей пункт я отвечал уже в 5 пункте». 5-й пункт касался подготовки к восстанию. Здесь, рассказывая о наступившем междоусобии, Трубецкой изложил свою беседу с Рылевым о желательности законной формы переворота, о воздействии на Сенат и о соглашении с Николаем I, наконец, о том, что в результате соглашения сойдется депутатское собрание от губерний, которое установит конституцию. В этот рассказ Трубецкой вставил короткую фразу: «Я написал записку, которая находится при деле». Что разумел Трубецкой под «запиской», выясняется из его дальнейших показаний о подготовке восстания: повсюду он отождествляет «записку» со своим манифестом, который должен был обнародовать Сенат под давлением вооруженной гвардии. Но комитет не удовлетворился таким ответом и 15 февраля задал Трубецкому новый вопрос: «Многие члены общества показывают, что вы, в бытность вашу за границей, возили с собой изготовленную конституцию, которую общество намеревалось ввести в России, и что со многими из первейших в Европе публицистов вы советовались о основаниях оной, о образе составления и применения ее в России. Объясните, где и с кем именно вы советовались о том и вообще об основаниях представительного порядка; кому открывали ли вы о намерении общества ввести в России конституционное правление и какие от кого имели на то отзывы и советы?» На этот хитроумно поставленный вопрос Трубецкой ответил решительным отрицанием: «За границу я не возил конституции, общество никакой мне таковой изготовленной не давало, а я сам не изготовлял, ни с кем не советовался о том, как применить конституцию в России, и никогда не полагал, чтобы иностранец, не знающий народа, мог для оного составить конституцию». Таким образом, признавая составление манифеста, Трубецкой отрекался от составления конституции; ловко подменяя вопросы, он уклонялся от всякого ответа по поводу найденного у него конституционного проекта. Вместе с тем в полную противоположность Рылеву, Оболенскому, А. Бестужеву и другим декабристам он нигде ни единым словом не упомянул о конституции Н. Муравьева. Следственный комитет не стал расспрашивать далее Трубецкого: сличив найденный документ с тюремным изложением Н. Муравьева, следователи пришли к определенному выводу, который был сформулирован в следующих словах «Донесения»: «Найдены еще два проекта конституции: один, неполный, в бумагах князя Трубецкого; он не что иное, как список конституции Муравьева, с весьма неважными переменами; другой, Государственный Завет, у Сергея Муравьева-Апостола; сей последний есть сокращение Пестелева проекта»²¹.

Однако, несмотря на показания Трубецкого и заключение Следственного комитета, некоторые из исследователей, например А. А. Покровский и А. Е. Пресняков, склонны признавать сохранившийся документ самостоятельным сочинением Трубецкого. Неправильность этого мнения выясняется из внимательного анализа подлинного текста. Рукопись производит впечатление не чернового оригинала, а переписанной белой копией; редкие поправки обнаруживают не самостоятельную работу автора, а только нечаянные описки копииста. Очевидно, документ Трубецкого является списком с другого (оригинального или скопированного) документа, и в этом отношении следователи оказываются вполне правыми. Но этого мало. Переписав текст, Трубецкой снабдил его на полях собственноручными замечаниями, которые обнаруживают серьезные разногласия между

автором и переписчиком проекта. Автор формулирует идею народного суверенитета, Трубецкой противопоставляет ей идею неотчуждаемых прав личности; автор сохраняет институт общинного землевладения, Трубецкой считает его источником хозяйственного застоя и косности; автор вводит начало имущественного ценза, Трубецкой находит неприличным «давать имущество мерою прав»; автор лишает общинников права избирать тысяцкого, Трубецкой видит в этом «неравенство прав, а следовательно, различие состояний», и т. д.²² Очевидно, Трубецкой не мог быть одновременно и составителем проекта, и его обстоятельным критиком. Конституция была составлена кем-то другим. Кем же именно?

Следственный комитет (а вслед за ним и редактор I тома «Восстания декабристов») сопоставил найденный документ с более поздним, тюремным вариантом муравьевского проекта. Сходство оказалось очень значительным. Но это сходство становится еще очевиднее, если мы сопоставим рукопись Трубецкого с разобранный рукописью из собрания ГБЛ. При некоторых отличиях, мы увидим не только единство общего плана, одинаковое разделение на главы и полное тождество в заглавиях; мы увидим буквальное, от слова до слова, совпадение преобладающего количества статей. Есть пропуски, вставки, перемещения, есть частичные изменения в содержании и внешних формулировках. Но в общем перед нами одна и та же концепция, одна и та же система государственных учреждений. Производя постатейное сравнение и отмечая громадное количество тождественных норм, мы не можем освободиться от внутреннего убеждения, что перед нами один и тот же автор — Никита Муравьев. Это убеждение переходит в полную уверенность, когда мы вчитываемся в теоретическое вступление к конституционному проекту: в логичности его построения и в особенностях его стиля мы узнаем автора «Любопытного разговора», «Рассуждения о Суворове» и философских возражений Н. М. Карамзину. Самые принципы, которые развивает составитель вступления, — о неразумности, гибельности и исторической обреченности самодержавия, об его несоответствии правилам религиозной веры, об его противоречии идее законности, о повсеместном введении свободы — повторяют содержание известного катехизиса Н. Муравьева. Понятно, почему Трубецкой так уклонился в ответах: подобно А. И. Одоевскому, он не хотел выдавать авторство Н. Муравьева и обходил полным молчанием вопрос об его конституции: «Известно... что между самыми порочнейшими людьми, между самыми гнуснейшими разбойниками есть некоторое чувство чести, что предательство и между ими почитается бесчестным и гнусным», — писал С. П. Трубецкой Следственному комитету. Он сохранил это убеждение даже тогда, когда он решил пойти на самые откровенные показания. Он знал, что в его бумагах найден проект Н. Муравьева — документ огромного уличающего значения. И в меру своих сил он старался лавировать между вопросными пунктами, не желая топить своего старого и близкого товарища по Думе²³.

Однако при всем своем сходстве с пущинским вариантом, вариант Трубецкого заметно отличается в отношении внешней и внутренней отделки. Рукопись Трубецкого производит впечатление чернового, незаконченного и технически необработанного проекта. Правда, она разделяется на отдельные главы и статьи, но это деление не выдержано и не доведено до конца. Постатейное изложение обрывается на 93-м параграфе, трактующем о составе палаты представителей. Все остальное содержание конституции передано в виде кратких конспективных заме-

ток, не развернутых в точно сформулированные и пронумерованные положения. Две последние главы («О Верховной Думе» и «О императоре») вовсе не снабжены нумерацией. Между гл. III («О состоянии, личных правах и обязанностях Русских»), которая заканчивается ст. 35, и гл. V («О внутреннем устройстве, волостном и уездном правлении»), которая начинается ст. 36, помещена гл. IV («О России»), изложенная без всякого разделения на параграфы. Наблюдается большая неравномерность в разделии на статьи: некоторые положения изложены в виде кратких и сжатых норм, другие (например, ст. 22) очень растянуты и носят на себе следы первоначального сплошного изложения. В авторе проекта еще заметна склонность мотивировать императивные нормы — признак несовременности юридической техники: содержание устава он предпосылает вступление, в котором обосновывает идеи свободы и федерации; ст. 16 (об отмене крепостного права) он сопровождает подробными религиозно-нравственными соображениями; обязанность волостного старейшины собирать сведения об имуществе (ст. 61) он разъясняет ссылкой на принцип имущественного ценза. Есть статьи, которые не имеют самостоятельного содержания и представляют собой излишнюю тавтологию (ст. 3, 76).

Совершенно иное впечатление производит редакционная сторона пушкинского варианта. Правда, и этот проект остался не вполне законченным, — некоторые из упомянутых в нем учреждений (народный и державные соборы, судебные органы) еще не получили специальной юридической разработки. Но сравнительно с первым проектом он выделяется своей внутренней и технической отделкой: с начала до конца он разделен на последовательные главы и статьи, каждое юридическое положение облечено в сжатую форму конституционного параграфа, все главы и статьи имеют последовательную нумерацию. В отличие от эскизных набросков, заключающих собой первую рукопись, перед нами обстоятельно разработанные отделы — о палате представителей, Верховной думе и верховной исполнительной власти. Гл. IV (о России) введена в общую систему нумерации. Предусмотрены вопросы, совершенно не затронутые в варианте Трубецкого, например, об утверждении законопроектов Народного веча, об издании и пересмотре конституционных законов, о податной системе, о регентстве и пр. Склонность к мотивировкам чувствуется гораздо меньше: отсутствует вступление, короче религиозно-нравственные соображения ст. 13 (бывшей ст. 16), нет мотивирующих разъяснений в статье о собиании имущественных сведений. Отсутствуют излишние тавтологические нормы. Зато многие статьи изложены более точно и ясно. Наглядным примером такого различия могут служить статьи о суде присяжных. В варианте Трубецкого мы имеем краткую общую формулировку: «В судах безопасность, жизнь и собственность обеспечиваются присяжными» (ст. 24). В пушкинском варианте этот принцип развит двумя краткими, но точно изложенными статьями:

1) «Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 руб. серебром), поступает в суд присяжных» (ст. 17).

2) «Всякое уголовное дело производится с присяжными» (ст. 18).

В варианте Трубецкого мы читаем общее положение: «Всякая строгость, оказанная человеку, коего заключение сделалось необходимым, сверх той, которая потребна для задержания его, должна быть отвращена законом» (ст. 22.). Пушкинский вариант развивает этот принцип в ряде последовательных статей — об упразднении государственных тем-

ниц, об отделении обвиняемых от осужденных, а заключенных за легкие проступки от преступников и злодеев, о выборах добросовестного тюремного начальства (ст. 37—39). Преимущества более точной редакции мы имеем и в ряде других статей: о натурализации иностранцев (T_8 — P_8), о временном лишении прав (T_{11} — P_9), об условиях ареста (T_{22} — P_{19}), о военных поселениях (T_{30} — P_{23}) и т. д. С другой стороны, пушкинский вариант дает более сжатую и литературно отделанную формулировку юридических норм. Он выпускает излишние слова и избегает ненужных длиннот. В варианте Трубецкого читаем: «Все русские равны перед лицом закона» (ст. 13), в пушкинском варианте: «Все русские равны перед законом» (ст. 10). Аналогичные — мелкие, но характерные — сокращения мы видим в ряде других статей (P_3 , 10, 15.) Наконец, для второго проекта характерна еще одна деталь: размеры имущественного ценза, во всех его разновидностях, выражены не только в денежных единицах (как в варианте Трубецкого), но и в весовых единицах чистого серебра.

Указанные особенности пушкинского варианта: более подробная разработка содержания, более тщательная отделка формы, преимущества точного, ясного и сжатого изложения — все говорит нам за то, что рукопись ГБЛ восходит к более позднему и более совершенному оригиналу. Этот вывод о хронологическом соотношении редакций подтверждается сопоставлением некоторых статей, которые снабжены примечаниями Трубецкого. Критик усмотрел «крайнее притеснение» в штрафовании гражданина, который без законной причины откажется от звания тысяцкого, — в пушкинском варианте мы уже не видим соответствующей статьи. Трубецкой видел «излишнюю предосторожность и стеснение для народа» в запрещении уездным гражданам более пяти лет подряд избирать одного и того же тысяцкого, — в пушкинском варианте мы не находим и этой статьи. Трубецкому показала неудачной редакция одной из статей, определяющей компетенцию тысяцкого: выражение «выбирает и назначает присяжных» он предложил заменить другим: «составляет список присяжных»; редакция пушкинского варианта соответственно воспроизводит эту поправку. Еще важнее исправления автора, произведенные под непосредственным влиянием Трубецкого в статьях о крестьянском вопросе и общинном землевладении. Таким образом, в целом ряде случаев содержание и форма составленного проекта были изменены под влиянием сделанных возражений. Эти исправления нельзя считать случайными — они доказывают, что Муравьеву стали известны замечания Трубецкого и что рукопись, переписанная Рылеевым, воспроизводит более позднюю, переработанную редакцию.

Отодвигая разбираемый вариант к более раннему периоду, мы должны выяснить хронологическую дату его появления. Особенности его редакции говорят о первоначальном, неотделанном наброске, о первых стадиях авторской работы. По собственному показанию Н. Муравьева, он начал писать свою конституцию в конце 1821 г., находясь в городе Минске, при главной квартире гвардейского корпуса. Это показание подтверждает Нарышкин, который встретился с Н. Муравьевым в Минске и слышал от него о начатой работе, и Якушкин, который не совсем точно рассказывает о составлении конституции Н. Муравьева в своих воспоминаниях. По возвращении гвардии в Петербург (в начале 1822 г.), работа над проектом подвинулась настолько, что автор раздавал свое сочинение отдельным сочленам для чтения, критики и, вероятно, переписки. По-видимому, в это время наряду с Нарышкиным получил оригинал

рукописи и Трубецкой, особенно близко связанный с Муравьевым. Трубецкой переписал первый эскиз проекта, сделал на него критические замечания, сообщил их автору и сохранил копию в своих бумагах. В самом начале 1823 г. один из списков конституции был вручен кн. С. Г. Волконскому для передачи П. И. Пестелю. Именно этот вариант, отразившийся в копии Трубецкого, но, вероятно, в более тщательной редакционной обработке, вызвал возмущенные нападки со стороны Пестеля: увлечение идеями федерации и высокий имущественный ценз характерны для первоначальной, минской редакции проекта. Вероятная дата ее литературного окончания — середина или конец 1822 г.

Раздав проект по рукам и отослав его Пестелю, Н. Муравьев продолжал работать над его улучшением и развитием. Он не только пополнял его новыми отделами, но и вносил в него поправки соответственно сделанным замечаниям. Постепенно в руках автора должны были сосредоточиться возражения читателей и слушателей — не только Трубецкого, но и Пестеля, не только «правой», но и «левой». Конституция зачитывалась на заседаниях Северного общества и вызывала самые разнообразные суждения. Накопился материал для нового, дополненного и переработанного варианта. Приезд Пестеля и вспыхнувшее страстное столкновение должны были оформить намечавшиеся изменения. Так появился второй, пушкинский вариант, который вероятнее всего приурочить к осени 1824 г.: именно к этому времени должен был обнаружить свое влияние тот комплекс жизненных впечатлений, который завершился петербургскими спорами и расхождениями с Пестелем.

Мы знаем, что этот момент не был последней стадией в истории муравьевского проекта. 1825 год с его революционным подъемом, разговорами о восстании и волнующим призраком царевубийства принес с собой новые впечатления и перемены. К осени 1825 г. появилась следующая, дополненная и переработанная, редакция. Однако в личных бумагах Трубецкого продолжал сохраняться первоначальный набросок 1822 г. В дни междоусобицы, размышляя над планами переворота, Трубецкой перелистывал старую тетрадку и на одном из ее вырванных листов набросал черновой проект сенатского манифеста. Внешняя связь этих документов как бы символизирует их внутреннее политическое единство: произведение петербургского «диктатора» повторило в себе знакомую идеологию Н. Муравьева²⁴.

Возвращаясь к содержанию тюремного варианта, мы находим в нем ту же систему государственных учреждений, какая проектировалась в двух предыдущих редакциях. Преобразованная Россия мыслится автору в виде ограниченной монархии, разделенной на ряд территориальных единиц с самостоятельными органами власти. Представительные учреждения в центре и на местах одинаково построены на началах двухпалатной системы и имущественного ценза. Жителям государства гарантируются гражданское равенство и индивидуальная свобода. Местное управление построено на выборном принципе. Судебный строй характеризуется институтом присяжных. Воспроизводя эту политическую систему, тюремная рукопись Н. Муравьева повторяет не только общие линии выработанного проекта, но и многие из частных деталей: она подробно излагает порядок вторичного прохождения законопроекта, отклоненного императором, выясняет условия тайных заседаний Народного веча, определяет продолжительность и организацию избирательных сходов — в полном соответствии с предыдущими редакциями. Так же детально и точно воспроизводится прежняя терминология автора: названия центральных и местных

палат, наименования органов исполнительной власти в общем не отступают от старых обозначений. Память не изменяет автору и в передаче количественных величин: он не ошибается при исчислении автономных областей, размере избирательной единицы, определении возрастного ценза. Все изложение рукописи с начала и до конца остается конкретным, обнаруживая напряженную и успешную работу припоминания. Очевидно, нескольких дней в тюремном уединении было вполне достаточно, чтобы Н. Муравьев воскресил в воображении результаты своей привычной и длительной работы; прирожденная сильная память преодолела в нем парализующую силу испытанного потрясения.

Но тюремная рукопись дает нам более полное представление о будущем государстве, чем рукописи Трубецкого и Рыльева. Она включает в себя как раз те элементы, которых недоставало предыдущим редакциям: описание судебных учреждений, разработанный отдел о местном управлении и специальную главу о порядке изменения конституции. Эти новые дополнения — по основным принципам, внутреннему развитию и выдержанной терминологии — находятся в полном соответствии с остальным содержанием проекта. Конкретность и подробность их изложения заставляют думать, что перед нами — результаты недавно законченной, но длительной работы, особенно интересующие автора и не успевшие изгладиться из его памяти. Очевидно, это и есть третья редакция проекта, сложившаяся к осени 1825 г., — последняя стадия в работе Н. Муравьева²⁵.

Таким образом, перед нами выявляются основные этапы литературного творчества Н. Муравьева: первоначальная, частью эскизная редакция 1822 г.; промежуточная, значительно дополненная и обработанная редакция 1824 г.; и заключительная, хотя не вполне завершенная, редакция 1825 г. — таковы последовательные моменты этой продолжительной и сосредоточенной работы. Полученный вывод должен явиться методологической предпосылкой для дальнейшего анализа конституционного проекта. Ошибка прежних исследователей заключалась в том, что они не учитывали «текучести» конституции Н. Муравьева, рассматривали ее статически, случайно вырывали то или иное звено для общей социологической оценки или механически соединяли части разновременных редакций при детальном изложении всего памятника. Этой ошибки не избежал и В. И. Семевский, хотя он высказал правильную догадку о хронологической связи сохранившихся рукописей. Но он не обосновал этой мысли и только в аграрных построениях Н. Муравьева подметил закономерную эволюцию, дав ей одностороннее идеалистическое истолкование²⁶.

Между тем исследователь конституции Н. Муравьева имеет несомненное и важное преимущество: в его распоряжении находятся три документа, которые отражают на себе последовательные этапы авторской мысли. Сопоставляя их содержание, можно проследить живой процесс личного творчества — выяснить его исходный момент, пути его развития и заключительные итоги. Учитывая менявшуюся обстановку, можно уловить жизненные и литературные воздействия, которые определяли собой направление движущейся мысли. Сравнительный анализ всех трех редакций и конституционных актов конца XVIII и начала XIX в. поможет раскрыть источники работы — выяснить, как рецепировал Н. Муравьев западноевропейское и американское право: что он заимствовал и от чего отказывался, как соединял разрозненные части использованных текстов, какое толкование придавал заимствованным нормам, что само-

стоятельного вносил в содержание проекта. Только тогда, уяснив себе конституцию Н. Муравьева как живое выражение творческого процесса, мы сможем конкретно установить ее социальные корни и увереннее определить ее историческое значение.

VI. ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ КОНСТИТУЦИИ

К сожалению, не сохранилось никаких следов черновой работы Н. Муравьева, посвященной его конституции, и мы не можем восстановить его творческого процесса на основании исчерпывающих и бесспорных первоисточников. Однако, опираясь на косвенные данные, мы можем предполагать, насколько обдуманной и планомерной была продолжительная работа Н. Муравьева. Мы знаем из сохранившихся рукописей, как он отделял свои первые опыты о А. В. Суворове и Н. М. Карамзине, сколько предварительного труда он вложил в свой лекционный курс военной тактики и стратегии, какой значительный материал он подобрал для своего сибирского сочинения о соединении рек России каналами. По-видимому, Н. Муравьев постарался вооружить себя разнообразными источниками, которые помогли бы ему успешнее выполнить поставленную задачу. В составе его библиотеки мы находим собрания иностранных конституций, которые должны были явиться исходным пунктом его самостоятельной работы: трехтомный лейпцигский сборник конституционных актов, изданных за последние десятилетия (с 1787 по 1819 г.), парижское издание французской конституции 1791 г., мадридское и лейпцигское издания испанской конституции 1812 г., наконец, русско-французский текст конституционной хартии польского королевства с собственноручными пометами обладателя книги. К этим первоисточникам можно присоединить двухтомный обзор французских конституций, сделанный Ланжюинэ, руководства конституционного права Соединенных Штатов Америки Джефферсона и Адамса, пособия по государственному праву Швейцарии, наконец, разнообразные книги и брошюры по текущим вопросам конституционной политики, выходившие во Франции в эпоху Реставрации. Юридическому анализу должны были помогать издания французских кодексов, руководства по римскому праву и шеститомный обзор европейских судебных учреждений Мейера. Черновые записи доказывают, что Н. Муравьеву были известны конституции всех 23 североамериканских штатов, что он отчетливо улавливал характерные черты старой английской конституции и понимал своеобразие англосаксонского права в его последующей американской интерпретации¹. Этот разнообразный материал должен был обеспечить Н. Муравьеву полную возможность изучить основные типы буржуазных конституций, существовавшие в его время: традиционное право английского королевства, утверждавшее верховенство парламента и систему местного самоуправления; модификацию английских начал в федеративном строе освободившейся Америки; французскую конституцию 1791 г., пропикнутую влиянием индивидуалистической доктрины и повторившуюся с различными изменениями в последующих актах Франции и ее соседей; наконец, октроированные конституции германских государств, сохранившие в себе сильные пережитки феодального порядка. Эти четыре основных типа исходили из одного и того же источника — английской конституционной традиции — и опирались на одну и ту же социальную базу — растущую силу торгово-промышленной буржуазии; но в своих основных модификациях они отражали различный темп социального развития и разные условия обще-

революционного процесса. Никите Муравьеву предстояло сделать сознательный выбор между этими основными типами конституционного государства.

Но в распоряжении автора составляемого проекта были не только иностранные источники. М. А. Фонвизин снабдил его сословно-дворянским проектом Никиты Панина; по-видимому, через посредничество кн. П. А. Вяземского он познакомился с Уставной грамотой Н. Н. Новосильцева; наряду с набросками П. И. Пестеля он не мог не знать революционных предположений М. Ф. Орлова и Дмитриева-Мамонова. Весьма вероятно, что ему были известны негласные проекты Н. С. Мордвинова и М. М. Сперанского: дворянские связи открывали ему многие служебные тайны, а политические записки имели широкое обращение в кругах столичного общества; о конституционных планах Мордвинова и Сперанского он сам упоминает в своем первом показании генерал-адъютанту В. В. Левашову. Но Н. Муравьев не ограничился имеющимися проектами: он обстоятельно изучил Наказ Екатерины II и сопоставил его с «*Esprit des lois*» Монтескьё; из черновых записей видно, что он обратил не меньшее внимание на систему центрального и местного управления России; наконец, в его распоряжении была официальная сводка действующих законов и специальные пособия по русскому гражданскому праву. Задуманная конституция должна была возникнуть из систематического сравнения и творческой переработки американского, западноевропейского и русского правового материала².

Сопоставление конституции Н. Муравьева с указанными первоисточниками вполне подтверждает правильность такого суждения. Политический проект Н. Муравьева не является механическим сколком ни с одного иностранного образца. По своему внешнему построению и внутреннему содержанию он отличается и от федеральной конституции Северо-Американских Соединенных Штатов, и от французской конституции Национального собрания; его положения одинаково далеки и от системы английского государственного права, и от компромиссных актов германских государств; ни один из русских конституционных проектов не повторился в своеобразном сочетании его юридических норм. Н. Муравьев широко использовал привлеченные источники, но форма его заимствования была самостоятельной и достаточно разнообразной: сравнительно редко он производил инкорпорацию отдельных статей иностранного текста, ограничиваясь буквальным и точным воспроизведением; гораздо чаще он перелагал содержание юридической нормы, внося в нее тот или иной оттенок; нередко он изменял ее содержание, придавая заимствованному принципу новое истолкование; очень часто он отбрасывал ненужный материал, но зато вводил личные дополнения, исходя из действующего русского права или из самостоятельных теоретических соображений. Этот результат мозаичной работы он комбинировал в единое целое по определенному плану, стараясь придать проекту внутреннюю логическую цельность. В этих дополнениях, толкованиях и комбинациях раскрываются не только мировоззрение Н. Муравьева, но и его скрытые социально-политические мотивы. В этом смысле его конституция не менее самостоятельное произведение, чем французские конституционные акты или проекты русских политических реформаторов. И здесь и там — чужое рецепированное право было основой и фоном самостоятельного личного творчества.

Приступая к анализу первого варианта конституции Н. Муравьева³, мы должны прежде всего вдуматься в его принципиальное «Вступление»,

которое составляет ключ к пониманию всего произведения в целом. Автор исходит из двух руководящих идей. Прежде всего он постулирует свободу человеческой воли, ссылаясь на «правила святой веры» и на «начала здравого рассудка»; отсюда он выводит недопустимость единоличного произвола и недостойность слепого повиновения. Самодержавие осуждается им с точки зрения разума, подкрепленного силой христианского откровения. Но словам Н. Муравьева, свобода воли неуклонно ведет к свободе политической: закон, ограничивающий государственную власть, есть внешнее выражение нормального естественного порядка. Но это абстрактное умозаключение усиливается конкретно-историческим обоснованием: вера и разум находят себе опытную проверку в истории «всех народов и всех времен», в частности в истории народов европейских, которые на глазах автора «достигают законов и свободы». Несмотря на краткость этого рассуждения, мы без труда улавливаем основные черты мировоззрения Н. Муравьева. Вдохновляясь доктриной естественного права, он изменяет логичности построений XVIII в.; уступая течению современной реакции, он ищет дополнительного обоснования в религиозной философии и в конкретных данных исторической традиции. Однако положения религии и наблюдения истории он одинаково использует со своей руководящей либеральной точки зрения. Перед нами — типичный образец буржуазной идеологии в ее последующей послереволюционной модификации.

Исходя из первой идеи — политической свободы, Н. Муравьев постулирует другую идею — федеративной формы правления. Государство должно быть не только свободным, но и могущественным; внешняя независимость должна быть обеспечена обширной территорией и многочисленной армией; но эти условия создают благоприятную почву для возрождения деспотизма; они требуют необходимого противовеса в искусственном разделении государственного единства. *«Федеральное или Союзное Правление* одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило *величие народа и свободу* граждан». Этот политический тезис пользовался широким распространением среди буржуазии XVIII в.: его одинаково разделяли предреволюционные идеологи Монтескьё и Руссо; подкрепленный удачным опытом Северо-Американских Соединенных Штатов, он приобрел себе принципиальное признание в либеральной публицистике эпохи Реставрации: Бенжамен Констан также высказывался за принцип федерализма, противопоставляя его мертвящей системе административной централизации. Но автор «Вступления» придает определенное и очень узкое истолкование торжественно провозглашенному началу: в столице под надзором государя действует общее законодательное собрание, которое издает общегосударственные распоряжения; в отдельных областях функционируют областные законодательные собрания, которым предоставлены «частные распоряжения, касающиеся до областей». Такое понимание федерализма было очень далеким от принципов североамериканского права, утверждавшего первоначальную власть каждого отдельного штата и не признавшего исключительного суверенитета за органами союза. С точки зрения Н. Муравьева, федеративное правление только противовес бюрократическому централизму и вполне достигается расчленением государственной территории на автономные провинции. В таком ограничительном понимании мы сразу узнаем классовую позицию французских жирондистов и позднейшие, не менее буржуазные, рассуждения Бенжамена Констан. Абстрактная формула заключала в себе ограниченное, но очень ясное реальное содер-

жение: она удовлетворяла требованиям воинственного национализма и в то же время обеспечивала отдельного индивидуума от вмешательства сильной государственной власти⁴.

Исходя из руководящих принципов «Вступления», Н. Муравьев должен был формулировать основные положения своего конституционного акта. Этой цели служит первая глава его проекта, озаглавленная «О народе Русском и Правлении». Здесь устанавливаются три начала, от которых зависит дальнейшее построение автора: во-первых, суверенитет народа; во-вторых, верховенство конституции и, в-третьих, союзный характер государственного правления.

Идея народного суверенитета, получившая философское обоснование в «Общественном договоре» Руссо и запечатленная в конституциях Северной Америки и Франции, была изложена Н. Муравьевым в определенном толковании: предпочитая федеративную форму правления и принимая теорию разделения властей, он должен был соответственно ослабить абстрактное положение Руссо. Действительно, Н. Муравьев ничего не говорит о единстве, неделимости и неотчуждаемости суверенитета и в этом отношении явно отступает от текста конституции 1791 г.; его формулировка носит более общий характер и поэтому более согласима со всеми последующими нормами. Кроме того, Н. Муравьеву казалось важным опровергнуть ложный принцип старой патримониальной теории, которая давала философское обоснование абсолютной монархии: отсюда его заостренное противопоставление идеи народного суверенитета отжившим взглядам феодальной эпохи. Внешним выражением народной воли является закон и прежде всего — основной государственный устав, который возвышается над всеми обычными законами и юридически ограничивает государственную власть. Эта идея верховенства конституции, воспринятая Н. Муравьевым, была одинаково чуждой английскому государственному праву, признававшему неограниченное верховенство парламента, и германским хартиям, утверждавшим первоначальную власть монарха. Но ее одинаково устанавливали североамериканские конституции и основной закон французского Учредительного собрания. Н. Муравьев нашел необходимые заостренные формулировки в испанском конституционном тексте 1812 г., одном из вариантов французской революционной конституции; первые параграфы, написанные Н. Муравьевым, являются дословным переводом соответствующих статей испанского текста:

1) «Русский народ свободный и независимый не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства».

2) «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя».

Оставалось дополнить эти нормы лаконичной статьей, соединившей принцип «уставного правления» с принципом «правления союзного»⁵.

Дальнейшее изложение Н. Муравьева служит логическим следствием предыдущего. В основу всего построения положено формальное понятие государства, состоящее из трех конститутивных признаков — нации, территории и власти. Соответственно спланировано все содержание, повторяющее аналогичное построение французских конституций 1791 и 1795 гг. Прежде всего, раскрывается понятие нации — в главах «О гражданах» (II) и «О состоянии, личных правах и обязанностях Русских» (III). Затем раскрывается понятие территории в главе «О России» (IV). Все остальные главы (V—XII) последовательно и подробно описывают организацию государственной власти.

Приступая к разрешению первой поставленной проблемы — о на-

ции, Н. Муравьев должен был столкнуться с двумя противоположными теориями. С точки зрения последовательного народовластия, философски обоснованного Руссо и юридически оформленного якобинской конституцией, все население состоит из граждан и все граждане имеют одинаковое право на представительство. Однако французская буржуазия, составляя первую монархическую конституцию, ограничила принцип народовластия понятием активного гражданства: только имущие элементы нации были допущены ею к активной политической жизни. Эпоха реакции закрепила созданное неравенство в последующих конституционных актах XVIII в.; эпоха Реставрации устами «доктринеров» и «либералов» возвела его в политический догмат; рассуждения Бенжамена Констана попытались теоретически соединить идею народного верховенства и систему имущественного ценза. Н. Муравьев встал на последний путь, продиктованный интересами крупной буржуазии: из общей массы населения — «Русских» — он выделил привилегированную категорию — «Граждан», участников государственной жизни, наделенных активным и пассивным избирательным правом. Подробно конкретизируя этот ограничительный принцип, он воспользовался соответствующими нормами французских конституций 1791 и 1795 гг., но внес в них частичные поправки из конституций Пиренейского полуострова и присоединил к ним самостоятельные и очень важные дополнения. Условия гражданства Н. Муравьев сформулировал в соответствии с актом французского Учредительного собрания: он установил возрастной ценз, ценз оседлости и требование личной независимости, но отбросил условия обязательного включения в списки Национальной гвардии и принесения гражданской присяги; из конституции 1795 г. он извлек дополнительные требования душевного здоровья, отсутствия бесчестящего приговора («непорочность перед лицом Закона») и пониженную норму политического совершеннолетия — 21 год. Формы и размеры имущественного ценза он конструировал вполне самостоятельно: взамен уплаты прямого государственного налога (условие французских конституций) он потребовал личного владения собственностью — недвижимой на 500 руб. серебром или движимой (вещами или капиталом) на 1 тыс. руб. сер. Значение этой меры он подчеркнул в одном из пунктов той же статьи, провозгласив, что каждый гражданин должен обладать не только личной самостоятельностью, но также «независимостью по мнению». Таким образом, устанавливая систему имущественного ценза, Н. Муравьев руководился не точкой зрения Сийеса («плательщики налогов — настоящие акционеры общественного предприятия»), а позднейшими, более откровенными соображениями Бенжамена Констана («материальная независимость — гарантия социального порядка»). Но Н. Муравьев поспешил сейчас же подчеркнуть, что его требование имущественного ценза не имеет ничего общего с идеей наследственных аристократических привилегий: «Всякой природный житель Государства Российск[ого], который не был гражданином, но достиг своими трудами до того, что составил себе требуемое состояние, если он в других отношениях отвечает вышеозначенным условиям, поступает немедленно в граждане». Таким образом, конституция Н. Муравьева исходила из буржуазной идеи свободного состязания хозяйственных сил, которая не считалась с традициями феодально-аристократического строя. Политические права должны были стимулировать инициативу и предприимчивость свободной индивидуальности. В подобной редакции скрывалась позднейшая формула Гизо («enrichissez-vous!»)*, которая давала

* «Обогащайтесь!» (фр.)

обоснование цензовой конституции и устанавливала политические привилегии крупной буржуазии.

Возникал вопрос: имеет ли право иностранец сделаться полноправным русским гражданином? Руководясь конституцией 1795 г., Н. Муравьев установил определенные условия натурализации, но формулировал их значительно строже: помимо семилетнего срока пребывания в России и обязательного владения недвижимой собственностью, он потребовал клятвенного отречения кандидата от прежнего правительства, а предоставление права гражданства поставил в зависимость от предварительного согласия власти. Кроме того, он внес дополнение, которое не встречалось ни в одной из существующих либеральных конституций: иностранцев, не получивших прав гражданства, он лишил права занимать в России гражданские и военные должности — даже быть простыми рядовыми в армии. В этом характерном дополнении сказался национализм Н. Муравьева, сложившийся в эпоху наполеоновских войн и отличавший мировоззрение послереволюционной буржуазии. Но автор не удовлетворился перечисленными условиями гражданства: к тройному цензу — возрастному, имущественному и оседлости — он присоединил еще четвертый — образовательный: руководясь предписаниями испанской и португальской конституций, он выдвинул требование обязательного знания русской грамоты, правда отодвинув реализацию этого условия на продолжительный, 20-летний срок.

Оставалось установить условия потери очерченных гражданских прав. Н. Муравьев воспользовался для этой цели подробными перечнями французской конституции 1795 г. и испанской 1812 г. Комбинируя эти нормы, развивавшие установленный принцип, Н. Муравьев ограничился небольшими частичными поправками; например, он выкинул в качестве условия, аннулирующего права гражданства, присоединение к иностранной корпорации, которая признает отличия происхождения или требует исповедания религии, — порму, продиктованную Конвенту еще непрерывавшейся гражданской войной. В заключение Н. Муравьев прибавил одну статью, очень характерную для его религиозных убеждений и почтительного отношения к православной церкви: «Черное и белое духовенство пользуется правами гражданскими; члены оных — смотря по тому, каким они условиям соответствуют — могут быть *избирателями* или *избранными*». Косвенно эта статья являлась юридическим протестом против церковной политики Великой французской революции.

Социально-политический смысл разобранной главы представляется вполне очевидным. Ограничивая идею народного суверенитета принципом активного гражданства и раскрывая этот принцип в духе идей эпохи Реставрации, Н. Муравьев сознательно отмежевывался от мелкобуржуазной демократической точки зрения. Он игнорировал сословный принцип дворянского происхождения и открывал свободное поле для буржуазного развития. Установленные им цифры имущественного ценза были минимальным условием «социальной независимости», но в соответствии с собственными интересами землевладельца он отдавал политическое предпочтение недвижимой собственности перед движимым капиталом, который, по учению Бенжамена Констана, менее обеспечивает устойчивость государственного союза. Уже в этих начальных параграфах конституционного проекта выясняется руководящая позиция Н. Муравьева как представителя нарождающейся аграрной буржуазии⁶.

Идея народного суверенитета получила новое, но уже иное ограничение в следующей, III главе конституции. По Н. Муравьеву не все рус-

ские являются гражданами, но все русские пользуются гарантиями личных прав. В согласии с буржуазно-индивидуалистической доктриной, автор признает за коренными жителями России и за осевшими в России потомками иностранцев определенные и неотъемлемые права. Развивая и конкретизируя этот принцип, Н. Муравьев мог воспользоваться разнообразными источниками: английскими актами XVII в., декларациями прав отдельных североамериканских штатов, французской Декларацией прав 1791 г., повторившей содержание заатлантических формул, наконец, многочисленными вариантами первоначальных образцов, внесенными в последующие конституции Европы. В общем Н. Муравьев держался наиболее известного классического образца — Декларации прав французской Конституанты, но он не отказался внести отдельные поправки, используя конституционные тексты английского королевства, республиканского Конвента и испанских Кортесов. Он провозгласил всеобщее равенство перед законом, неприкосновенность личности, невозбранное изложение мыслей и чувств, свободный выбор занятий, широкую свободу передвижения, уничтожение стесняющих промышленность гильдий и цехов, священность и неприкосновенность права собственности и, наконец, обеспечение безопасности, жизни и собственности судом присяжных. Особенно подробно остановился Н. Муравьев на гарантиях личной неприкосновенности, соединив в сводной ст. 22 английский «Habeas Corpus Act» с предписаниями деклараций 1791 и 1795 гг. Однако рецепция иностранного права не заслоняет от нас его самостоятельной творческой проработки. Именно здесь, в изложении общих мест буржуазного либерализма, обнаруживаются своеобразные толкования и дополнения русского автора. Несомненно, доктрина «естественного права» руководила пером Никиты Муравьева: это очевидно из той статьи конституции, в которой торжественно отменяются крепостное состояние и рабство. Автор не ограничивается сухой редакцией предписания, он обстоятельно мотивирует его ссылкой на прирожденное равенство; однако, оставаясь верным духу своего мировоззрения, Н. Муравьев старается подкрепить свои выводы догматами христианства: «Разделение между *благородными* и *простолюдинами* не принимается, поелику оно изображение гордости и высокомерия и противно христианской вере, по которой все люди *братья*, все рождены *благо*, ибо рождены по воле божьей — все рождены для *блага* и все *просто* люди, ибо все пред ним слабы». Редакция статьи очень несовершенна, но ее внутреннее значение достаточно ясно. Идея естественного права облеклась в религиозную оболочку в полном соответствии с принципиальным содержанием разобранного «Вступления».

Сопоставляя изложение III главы с текстами американских и французских деклараций, мы сразу улавливаем глубокие отличия их внешней редакционной формы. Декларации революционного периода предшествовали конституционным актам как самостоятельные части единого целого: они были написаны торжественным языком и проникнуты революционным пафосом; их содержание облекалось в абстрактную форму и ясно выдавало свое теоретическое происхождение. Соответствующие статьи Н. Муравьева инкорпорированы в конституционный текст и совершенно утратили априорный и торжественно-декларативный характер; за редкими исключениями они закованы в сухие лаконичные нормы и отвечают более эмпирической и «трезвой» точке зрения либеральных публицистов периода Реставрации — Дону, Ланжюинэ и Бенжамена Констана.

Но отличия от первоначального французского образца оказываются гораздо принципиальнее и глубже. Конституция 1791 г. устанавливала

не только формальное юридическое равенство, но провозглашала обязанность государства, с одной стороны, организовать общественную поддержку слабым и немущим, с другой — создать систему публичного образования, одинаково доступного для всех граждан. Это была социальная уступка, сделанная народу крупной буржуазией в соответствии с теоретическими высказываниями Монтескьё и Руссо. Революционные якобинцы подхватили этот принцип государственной помощи, и он нашел себе энергичное выражение в демократической конституции 1793 г. Эпоха буржуазно-дворянской реакции похоронила его при составлении учредительных актов, а либеральная доктрина начала XIX в. отвергла его с теоретической точки зрения. Построение Н. Муравьева и в данном случае отвечало последовательному и жесткому индивидуализму Бенжамена Констана. Особенности интерпретации были усилены некоторыми самостоятельными дополнениями. Провозглашая равенство перед законом, Н. Муравьев исходил из реальных условий русской действительности: он потребовал не только уничтожения крепостного права, но также отмены сословных перегородок и ликвидации Табели о рангах: «Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, занимавшиеся у немцев и ничем не отличающиеся между собою, отменяются сходственно с древними постановлениями народа русского. — Названия однодворцев, мещан, дворян, именитых граждан заменяются все названием *гражданина* или русского» (т. е. «гражданина», если он пользуется политическими правами, и «русского», если он не входит в категорию граждан). Эту самостоятельно конструированную статью Н. Муравьев дополнил двумя серьезными коррективами. Став на великодержавную позицию, он исключил из состава российских граждан кочующие племена. Зато, оставаясь верным своему отношению к церкви, он поставил в привилегированное положение православное духовенство: «Жалованье священнослужителей будет производиться и впредь. Равным образом они освобождаются и впредь от постоя и подвод». И в этом пункте Н. Муравьев следовал реакционным течениям начала XIX в. и выполнял политический совет своего учителя Бенжамена Констана⁷.

Устанавливая буржуазный принцип «священного и неприкосновенного права собственности», Н. Муравьев должен был разрешить один из важнейших вопросов русской экономической жизни. Крепостное право должно быть отменено, но значит ли это, что право собственности помещиков экспроприируется государством? Н. Муравьев ответил на этот вопрос решительным отрицанием: «земли помещиков остаются за ними», следовательно, крестьяне теряют юридическое право владения на записанные ими наделы. Но ликвидация принудительных отношений неизбежно влечет за собой потерю прежнего права собственности на даровую рабочую силу. А если так, то нужно ли возмещать материальный ущерб крепостного землевладельца? Принципиально Н. Муравьев не предоставил помещику права на получение выкупа за личность: в его сугубо подчеркнутой формулировке право собственности должно было распространяться только на «*одни вещи*». Но он сейчас же восстановил право помещика на освобождаемую личность, придав ему благонамеренно-скрытую форму: «поселяне, которые вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место», должны уплатить землевладельцу определенное вознаграждение «за временное прерывание в порядке получения доходов с возделываемой сими поселянами земли». Очевидно, по мысли Н. Муравьева, размеры крестьянских земельных платежей должны были

воспроизводить прежние размеры крепостного оброка или денежную ценность крепостной барщины; они включали в себя не только земельную ренту, вносимую свободным арендатором, но и некоторый излишек, завещанный крепостными отношениями. Уход крестьянина, т. е. фактический и полный разрыв принудительных связей, должен был предваряться единовременным, но замаскированным выкупом личности. Таким образом, уничтожая личную зависимость крестьянина, Н. Муравьев не только обезземеливал крестьянство, но он не устранял и прежнего «внеэкономического принуждения»: создавая внешнюю видимость свободного договора, он сохранял, хотя и в смягченной форме, юридическую преграду свободному переходу. Установленное им суровое правило Н. Муравьев распространил и на «арендные имения», т. е. на государственные земли (преимущественно в Западных губерниях), которые на льготных условиях сдавались в аренду отдельным помещикам.

Однако автор конституции сделал одно исключение из принципа неприкосновенного права собственности: он экспроприировал все удельные земли и передал их в собственность крестьянству. По-видимому, исходя из политических соображений, он считал необходимым лишить императорскую фамилию самостоятельной материальной опоры. Одновременно он ликвидировал институт военных поселений и передал поселенную землю в свободную собственность крестьян. Эти категории действительно освобожденных земледельцев ставились в одинаковое положение с экономическими крестьянами бывших церковных имений и с «вольными хлебопашцами», созданными законом 1803 г. Все четыре разряда крестьянского населения Н. Муравьев сливал в единую группу «общих владельцев», сохраняя за ними старую систему общинного землевладения. Однако такое признание существующего земельного строя не выражало личной точки зрения Н. Муравьева на преимущество или недостатки крестьянской общины. Теоретически он оставался убежденным сторонником независимой частной собственности и закрепил свое убеждение особым факультативным постановлением: «Последующие законы могут определить впоследствии, каким образом сии земли поступят из *общественного в частное владение* каждого из поселян и на каких правилах будет основан сей раздел общественной земли между ними». В этом вопросе экономической жизни Н. Муравьев оставался верен индивидуалистической доктрине: но, разделяя теории Адама Смита и Сея, он не решился немедленно разрушать традиционные устои общинно-землевладельческого строя.

Регулируя будущее положение экономических и удельных волостей, Н. Муравьев дополнил свои аграрные нормы одним специальным постановлением: выход крестьян из общины и переселение их в другое место он обусловил предварительным выкупом земских повинностей (точнее говоря, подушной подати), очевидно, за время, которое оставалось до новой ревизии. Сохраняя внешнее сходство с денежной компенсацией помещика, эта мера имела совершенно иное принципиальное основание: обеспечивая платежеспособность значительной части крестьянских волостей, она отвечала финансовым требованиям будущего преобразованного государства. Очень характерно, что, определяя положение различных разрядов земледельческого населения, Н. Муравьев ни одним словом не упомянул о правах и обязанностях государственных крестьян. Непосредственно соприкасаясь с условиями современной деревни, он должен был знать о существовании этого многочисленного и обособленного сословия. По-видимому, в своем идеальном государстве Н. Муравьев сохранял для

государственных крестьян существующее юридическое положение: он рассматривал их как свободных держателей отведенных наделов, но не присваивал им формального права земельной собственности; фактически они должны были приближаться к положению «общих владельцев», хотя юридически мало отличались от бывших помещичьих крепостных.

Аграрная программа Н. Муравьева включила в себя еще один пункт: неприкосновенное право собственности было признано не только за помещиками, но и за православной церковью. Секуляризованные земли оставались в общинной собственности крестьян, но недвижимые имущества, находившиеся в фактическом обладании церкви, получали законный юридический титул. Эта покровительственная мера — одно из проявлений общей политики Н. Муравьева в отношении религиозных учреждений. Она приобретает особенное политическое значение в сопоставлении с экспроприацией светских удельных имуществ.

Заканчивая III главу, Н. Муравьев вспомнил про административные права крестьянской общины. Принцип «активного гражданства» оказывался в резком противоречии с реальными жизненными отношениями. Не изменяя прежнего построения, Н. Муравьев внес дополняющую поправку: «Право подавать свой голос при выборе некоторых местных властей (напр., волостного старейшины) предоставляется каждому русскому — негражданину».

В общем все построение Н. Муравьева проникнуто одной определенной тенденцией: разрушая институт крепостного права, он стремится обеспечить свободное развитие аграрно-капиталистических отношений. Но он последователен и ясен в отношении тех крестьян, которые не принадлежат землевладельческому дворянству; когда он касается щекотливого вопроса о помещичьих землях, он переходит на компромиссную и промежуточную позицию. «Освобождая» крестьян от земли и закрепляя их за хозяйством в качестве наемных рабочих и арендаторов, Муравьев объективно сохраняет не только экономическую зависимость крестьянина от помещика, но и формальное право на человеческую личность. При этих условиях обезземеление крестьянства утрачивало даже то подобие прогрессивности, которое оно имело в жестоких приемах английского огораживания; обставленное стеснением свободного перехода, оно превращалось в наиболее тяжелую и болезненную форму прусского аграрно-капиталистического развития. Теоретически III глава конституционного проекта сохраняет известную внутреннюю цельность; ее первая половина, излагающая систему индивидуальных прав, логически согласована с ее второй, аграрно-экономической частью: и здесь и там мы обнаруживаем влияние буржуазно-индивидуалистической доктрины, получившей законченное выражение в либеральной публицистике периода Реставрации. Но за этим кажущимся идеологическим единством скрывается глубокое внутреннее противоречие: радикально уничтожая сословные перегородки и обеспечивая широкую свободу хозяйственной деятельности, автор удерживает крепостнические пережитки и ограничивает возможность хозяйственной инициативы. Нигде так ясно и резко не сказалась его промежуточная позиция как представителя класса землевладельцев, затронутого буржуазными тенденциями.

Раскрыв понятие нации и выяснив политические права ее составных элементов, Н. Муравьев перешел ко второму основному вопросу — о территории будущего союзного государства. Федеральная конституция Северо-Американских Соединенных Штатов исходила из исторического факта — самостоятельного существования освободившихся обособ-

ленных колоний. Задача американских политиков заключалась в том, чтобы искусным договором скрепить воедино эти разрозненные и независимые государственные миры. Перед Н. Муравьевым стояла противоположная задача: искусственно расчленить территорию централизованного государства на отдельные, но связанные самоуправляющиеся единицы. По самому существу это была задача не федерирования договаривающихся государств (как в Северной Америке, Швейцарии или Германии), а выделения из единого государства свободных автономных провинций. Автору предстояло найти определяющий признак, который мог бы составить прочное основание для территориального деления. Разрешая эту проблему, Н. Муравьев разделил всю Россию на четырнадцать держав и две области. Он не пытался статистически уравнивать намеченные самоуправляющиеся единицы; общая цифра населения (22 630 тыс. жителей мужского пола) была крайне неравномерно распределена между державами, колеблясь от 250 тыс. до 2800 тыс. человек в каждой. Нам неизвестно, из каких губерний Н. Муравьев составил каждую отдельную единицу, но, учитывая названия будущих держав и сопоставляя с ними названия будущих столиц, мы сразу улавливаем наличие двух руководящих принципов. Прежде всего Н. Муравьев старался опереть свое деление на существующие экономические центры, располагая свои «державы» около морских берегов и по основным речным магистралям: так были образованы Ботническая держава — с Санкт-Петербургом, Балтийская — с Великим Новгородом, Черноморская — с Одессой, Заволжская — с Ярославлем, Днепровская — со Смоленском, Бужская — с Киевом, Окинская — с Москвой, Низовская — с Саратовом, Камская — с Казанью и две сибирские: Обийская — с Тобольском и Ленская — с Иркутском. Параллельно Н. Муравьев образовал три национальных единицы: Западную «державу» — с Вильной (по-видимому, включая в ее территорию и литовские губернии), Украинскую — с Харьковом (фактически она объединяла только восточную Левобережную Украину) и Кавказскую — со столицей в Тифлисе. Затем, следуя примеру Северо-Американских Соединенных Штатов, автор выделил особую столичную область, в которой поместил административно-политический центр будущего федеративного государства; таким государственным средоточием он избрал Нижний Новгород, переименовав его в город Славянск. Очевидно, здесь проявилось стремление Н. Муравьева определить естественный географический центр между Европейской и Азиатской Россией на важнейшей речной артерии и на скрещении давно сложившихся торговых путей. Кроме того, Н. Муравьев последовал примеру П. И. Пестеля и постарался сохранить самостоятельность Донского казачьего войска, выделив его в Донскую область с городом Новочеркасском. Наибольшими единицами по числу жителей он сделал территории старого исторического центра по верхнему Днепру, Окско-Волжскому междуречью, Озерному бассейну, Северно-Черноземной области и Волжско-Камскому краю; менее населенными оказались окраины — северо-западная (т. е. преимущественно Финляндия), южная (т. е. степная черноморская полоса), восточная (Сибирь) и юго-восточная с Закавказьем.

Присматриваясь к «держavam» Н. Муравьева, мы видим одну характерную особенность. Он избегает назначать столицами крупные города, которые служили политическими центрами самостоятельных народностей: столицей Балтийской «державы» он делает не Ригу, а Великий Новгород, вместо Киева он назначает Харьков; Финляндия оказывается

сосредоточенной вокруг Петербурга, Украина и Литва — разорванными на части, Кавказ — искусственно соединенным с южными губерниями. Отдавая некоторую дань своеобразным особенностям национальных областей (литовской, украинской, кавказской), Н. Муравьев очень далек от мысли построить союзное государство на договоре отдельных национальностей. Принципиально он исходит из великодержавной точки зрения: Российская империя смешивает и ассимилирует в своем составе разнообразные подчиненные народности. В этом отношении Н. Муравьев даже отступает назад сравнительно с установившимися отношениями начала XIX в.: он не признает ни автономии Финляндии, ни юридической обособленности Остзейского края. Единственное исключение он делает для Польши: он не включает ее в состав своего государства, по видимому проектируя оставить личную унию между Российской империей и Польским королевством. Не федерация самостоятельных наций, а разделение страны на «естественные» хозяйственные комплексы — вот основа, существо построения Н. Муравьева; при этом он руководится не идеей самоопределения национальностей, а задачей свободного экономического развития государства.

Установив основное деление государственной территории, Н. Муравьев дополнил его административным делением по статистическому принципу: каждую «державу» он разделил на уезды, а каждый уезд на отдельные волости (от 500 до 1500 жителей мужского пола). Существующие губернии он сохранил как судебные округа и ввел их в состав новообразованных «держав» своего союзного государства. Таким образом, екатерининское деление 1775 г. в видоизмененной форме сохранило прежнюю силу в его политическом проекте⁸.

Решение вопросов о нации и территории выдвигало перед Н. Муравьевым новую проблему — о формах организации государственной власти. Следуя плану французских революционных конституций, Н. Муравьев должен был начать свое изложение с низшей избирательной инстанции: преклоняясь перед принципом широкого самоуправления, он должен был установить ту местную автономную единицу, на которой необходимо было воздвигнуть все здание представительного государства. Этими внутренними мотивами объясняется, почему следующая, V глава посвящена вопросу «о внутреннем устройстве, волостном и уездном правлении». Определяя условия избирательной процедуры, Н. Муравьев одновременно разрешал вопрос о местной административной власти, организующей порядок политических выборов. Такую власть — подчиненную, но широкую и ответственную — Н. Муравьев сосредоточил в выборном органе уездного тысяцкого. Впоследствии автор сам указал источник, из которого он заимствовал это понятие: своего уездного тысяцкого он прямо отождествил с существующим исправником. Действительно, компетенция и положение этого органа во многом напоминает положение дворянского представителя, введенного законом Екатерины II. Подобно земскому исправнику 1775 г., тысяцкий Н. Муравьева является высшей административно-полицейской властью в уезде: он объявляет распоряжения центра, исполняет судебные приговоры, собирает общественные доходы, наблюдает за государственными темницами, представляет требования уезда, поддерживает общественное спокойствие. «Каждый обязан повиноваться ему и помогать ему брать под стражу нарушителей порядка». Подобно капитану-исправнику, он имеет при себе двух помощников, назначает себе писарей и ездовых, отдает распоряжения волостным старейшинам и требует от них сведений о населении. Но юридический прообраз сильно изменился в тол-

ковании Н. Муравьева: тысяцкий избирается не на три года, а на годичный срок; судебные функции изъяты из его компетенции; его полицейско-административная власть утратила черты патриархального попечительства; важнейшей из его функций стало составление избирательных списков и организация политических выборов; коллегиальная власть заседателей не стесняет его единоличных распоряжений; помощники избираются им самостоятельно и целиком подчинены его власти. Само замещение тысяцкого организовано на иных принципиальных началах: это не сословно-дворянский орган, избираемый без всяких ограничительных условий, а представитель всех полноправных граждан, удовлетворяющий требованиям имущественного ценза. Н. Муравьев постарался опереть институт тысяцкого на более широкую общественную базу: к участию в выборах тысяцкого он допустил не только активных граждан, но и «общих владельцев» (т. е. крестьян-собственников), предоставив им право коллективного двухстепенного голосования. Но этот полномочный представитель уезда должен был избираться из узкого круга жителей — из владельцев недвижимого имущества («в собственном отдельном владении») стоимостью не менее 30 тыс. руб. сер. или движимого — 60 тыс. руб. сер. «Если избранный в сие звание не имеет сего имущества, то он не может принимать оного — в противном случае он лишается места и вносит пеню в 2 тыс. руб. сер.». Н. Муравьеву было ясно, что такому высокому имущественному цензу в состоянии удовлетворить немногие крупные собственники; он предвидел, что при уездных выборах может не оказаться соответствующих кандидатов, и предусмотрел этот случай в специальном постановлении: при отсутствии подобных людей «выбираются в тысяцкие из числа тех 20-ти владельцев или капиталистов, которые имеют наибольшие имущества, включая и тех немногих, или того, кто бы имел означенное имущество».

Н. Муравьев придавал огромное значение такому отбору богатейших собственников уезда; он постарался обставить выборы специальными гарантиями, которые предупреждают случаи обманов и подтасовок: «Тысяцкий, приняв сие звание, должен непременно объявить обстоятельно, сколь велико его имущество. Сие записывается в особую книгу, хранящуюся у него, и каждый имеет право требовать себе копию с сего показания, дабы удостовериться в справедливости оного. Если кто потребует от тысяцкого доказательств, что он точно владеет показанным имуществом, то сей последний обязан представить в суд своему противнику требуемые им доказательства и бумаги, после чего обвинитель может отказать от своего притязания, заплатя пеню 150 руб. сер.; если же он не убедится тем и будет продолжать дело, то в случае, если б невинность тысяцкого была доказана, он осуждается на пеню в 500 руб. сер.» Принцип имущественного ценза получал в этих нормах особенно яркое и неприкрытое выражение.

Но автор конституции постарался не только ограничить круг избираемых в тысяцкие, но также обеспечить возможность их действительного избрания: отказывающийся от звания тысяцкого без законных причин обязан уплатить пеню в 1 тыс. руб., которая освобождает его от должности только на один год; исполнение возложенных функций облегчается тем, что оно может быть ограничено годичным сроком, по истечении этого времени кандидат не обязан вторично принимать предложенного ему звания. За тысяцким обеспечивается не только почетное положение, но и значительное жалованье — в размере 1500 руб. сер. В глазах Н. Муравьева этот выборный орган должен воплощать в себе

авторитетную и сильную власть, освященную голосами всего активного населения и несущую в самой себе гарантию социального порядка. Мотивы, руководившие Н. Муравьевым при конструировании этого органа, становятся ясными, если мы внимательнее рассмотрим в его компетенцию.

Уездный тысяцкий должен не только обеспечивать общественное спокойствие, беря под стражу «нарушителей порядка» и наблюдая за применением уголовных наказаний; от его способностей и энергии зависит правильное составление гражданских списков, которые определяют направление всей политической жизни. Это составление списков является не только ответственной, но и не легкой задачей. Н. Муравьев не ограничился минимальными нормами имущественного ценза, которые открывают доступ к активному гражданству. Он решил развить и усилить установленный принцип, наметив сложную градацию политических прав, соответствующих степени материального достатка. По-видимому, он вдохновлялся классическим примером афинской тимократии: ни одна иностранная конституция не знала такого стройного четырехклассного деления граждан, которые распределялись по лестнице политической иерархии сообразно размерам своего имущества. Высший класс граждан, в построении Н. Муравьева, составлялся из крупных собственников, обладателей недвижимого имущества в 30 тыс. руб. сер. или движимого в 60 тыс. руб. сер. В эту категорию могли войти только купцы I гильдии и крупные землевладельцы, имевшие не менее 1500 дес. земли или, по крепостному масштабу, не менее 250 душ крестьян. Второй класс граждан слагался из средних собственников, обладателей недвижимого имущества в 15 тыс. руб. сер. и движимого в 30 тыс. руб. сер., т. е. купцов I и отчасти II гильдии и помещиков, располагавших имением не менее 750 дес. (или 125 душ крестьян). Третий класс состоял из менее самостоятельных собственников, насчитывавших 2 тыс. руб. сер. в форме недвижимости или 4 тыс. руб. сер. движимыми ценностями, другими словами, из мелкопоместных владельцев, имевших 100 дес. (или около 20 душ крестьян), «торгующих мещан» и купцов III гильдии. Наконец, последний (четвертый) класс граждан образовывали мелкие собственники, удовлетворявшие минимальным условиям хозяйственной независимости (т. е. общим нормам, ценза активного гражданина — 500 и 1 тыс. руб. сер.); сюда могли бы войти зажиточные крестьяне и мелкие городские торговцы. Политические права соответственно расширялись по мере увеличения имущественного состояния. «Нижшему классу» Никиты Муравьева предоставлялись ограниченные права — быть присяжными и избирателями, т. е. выносить судебные приговоры и подавать голоса за более обеспеченных кандидатов. Стоявшие на следующей ступени получали доступ в нижние палаты представительных учреждений. Внесенные в следующий (второй) список приобретали право быть депутатами местных верхних палат и членами выборных судов. Наконец, привилегированные граждане высшей категории возглавляли уездное управление, составляли правительстве «держав» и заседали в верхней палате союзного парламента. Принцип афинской тимократии, который приписывался умеряющему влиянию Солона, наносил удар политическому господству аристократии; Н. Муравьев — поклонник античной республики и хороший знаток Плутарха — заимствовал эту классическую схему, но изменил ее в духе буржуазной теории Бенжамена Констана: он устранил из нее градацию государственных обязанностей, установил современные денежные нормы и наделил недвижимую собственность двойными правами

сравнительно с движимым капиталом. Чрезвычайно характерно, что для высшей категории крупных землевладельцев он установил ту самую норму (30 тыс. руб. сер. = 120 000 руб. асс. = 250 душ муж. п.), которая была намечена экономическими рассуждениями Л. Якоба и официальными проектами Е. Ф. Канкрин.

Подробные сведения об имуществе населения должны были собирать волостные старейшины, которые передавали их непосредственно тысяцкому; тысяцкий должен был проверять их устными показаниями жителей, учитывать данные о судебных приговорах, банкротствах и недомимках, вносить тех, кто пропущен, и исключать тех, кто неправоеспособен. На основании напечатанных и обнародованных списков тысяцкий должен был созывать избирательные собрания и руководить выборами во все учреждения и на все должности в государстве.

По-видимому, уже закончив это сложное построение, Н. Муравьев несколько поколебался и внес ограничительную поправку. Сохраняя систему общинного землевладения, он должен был исключить из политической жизни все разряды крестьянского населения. Но он не решился на такой логический вывод и предоставил двухстепенное избирательное право категории общих владельцев: «...все общество на сходке имеет право назначить *одного избирателя* с каждых 500 жителей муж. пола, и сии *избиратели*, назначенные *общими владельцами*, подают голоса паравне с гражданами как *уполномоченные целого общества*, лишь только они предъявят *поверительные грамоты* своего общества, засвидетельствованные *волостными старшинами*.

Впрочем, каждый из общих владельцев, имеющий достаточный капитал, участвует в выборах непосредственно и не лишается прав гражданским качеством *общего владельца*. Зато он не участвует в избрании *полномочного общества*».

Таким образом, 500 голосов крестьян-собственников приравнивались одному голосу землевладельца, обеспеченного горожанина и обладателя движимого капитала. Политические права получала небольшая группа деревенского населения; огромная масса государственных и бывших помещичьих крестьян оставалась на положении не только обезземеленного, но и политически бесправного общественного слоя.

Социально-политический смысл проектированной избирательной системы представляется достаточно ясным: разрушая старые сословные привилегии, Н. Муравьев отрицал юридическое значение за принципом наследственного происхождения; его идеальное государство превращалось в широкую арену свободной хозяйственной конкуренции; экономически сильные элементы получали правовое признание и господство; основное право политического голосования признавалось за мелкими зажиточными собственниками; люди среднего экономического достатка получали в свои руки законодательную власть; наконец, обладатели крупных состояний становились непосредственными руководителями исполнительной власти и приобретали могущественное влияние на деятельность законодательных органов. Сильнее и резче, чем в начальной главе конституции, здесь создавался юридический стимул для развития буржуазной предприимчивости и частного обогащения. Крупнейшие собственники уезда должны были регулировать и направлять эту сложную политическую систему.

Вся глава о волостном и уездном правлении является самостоятельной конструкцией Н. Муравьева, почти независимой от иностранных законодательных текстов; только некоторые технические детали, относившиеся к составлению списков и организации избирательных собраний,

в измененной форме были заимствованы из французского акта 1791 г. и португальской конституции 1812 г. Нормируя местное управление, Н. Муравьев исходил из действующего русского права, однако он самостоятельно преобразовал институт выборного правителя, продиктованный дворянскими наказами екатерининской комиссии⁹.

Покончив с низшей административной единицей, Н. Муравьев перешел к структуре государственной власти в отдельных «державках». Перед ним возникла новая политическая проблема: на каком принципе построить организацию будущего правительства? Политическая философия Руссо не признавала раздробления суверенной народной власти; наоборот, господствующая теория Монтескье возводила разделение властей в идеальный политический принцип и видела в нем основную гарантию политической свободы. Деятелям американской и французской революций учение Монтескье казалось неопровержимой аксиомой; конституции 1787 и 1791 гг. одинаково исходили из признания этого основного положения, имевшего целью связать и ограничить всемогущество государства. Бенжамен Констан попытался внести сюда некоторые коррективы: наряду с властью законодательной, судебной и министерской он выдвигал поднимающуюся над ними, независимую и умеряющую власть монарха. Н. Муравьев прекрасно разбирался в столкновении этих идей: «в нестройном теле» английского парламента он видел «странную смесь власти законодательной и исполнительной»; рассуждения германского юриста Геерена о невозможности действительного разделения законодательной и исполнительной власти он сопровождал ироническими отметками; конспектируя теорию властей Бенжамена Констана, он не пошел по стопам своего учителя. В этом пункте он остался верен политической философии XVIII в.: равновесие трех независимых, но взаимно содействующих друг другу властей — законодательной, исполнительной и судебной — он считал необходимой гарантией от всякого деспотизма. В этом смысле он формулировал основной принцип построения государственной власти¹⁰. Но он не ограничился общей и отвлеченной формулировкой, а поставил перед собой вопрос о способах ее конкретного воплощения.

Американская федеральная конституция исходила из идеи первоначальной и суверенной власти каждого договаривающегося государства. Поэтому она признала за каждым отдельным штатом исконное право избрать себе любое государственное устройство и регламентировать его самостоятельным конституционным актом. Несмотря на сходство хозяйственных и политических условий, североамериканские штаты заметно отличались друг от друга в деталях своей организации. Единственное ограничение, которое налагал на них союзный учредительный акт, — это обязательное применение республиканского принципа. «Державы» Никиты Муравьева были искусственно образованными территориями, не имевшими национальной и исторической основы; он называл их самостоятельными государствами, но, в сущности, он мыслил их как подчиненные провинции. Отсюда ясно, почему Н. Муравьев пошел совершенно иным путем, чем деятели американской революции: своим конституционным актом он решил единообразно и детально регламентировать внутреннее устройство каждой составной единицы. Тем самым он подрывал важнейший принцип федеративного государства — право отдельной «державы» самостоятельно распорядиться своей судьбой и независимо организовать свою политическую систему. Тем не менее, Н. Муравьев во многом вдохновлялся образцом североамериканского союза: возводя государственное здание отдельной «державы», он обратился к многочислен-

ным конституциям американских штатов, тщательно изучил их содержание, кропотливо выбрал то, что соответствовало его идеальному построению, и из этих мозаичных кусков скомбинировал свои главы о законодательной и исполнительной власти. Но он и здесь остался вполне самостоятельным, видоизменив и дополнив заимствованные иностранные нормы. Из детального сопоставления мы видим, что основным источником Н. Муравьева была конституция штата Массачусетс, наиболее промышленного и революционного района освободившейся Америки. В преобразованной и теоретизированной форме она воспроизводила традиционные черты английской самоуправляющейся колонии. Конституция этого штата послужила прототипом при составлении федерального акта 1787 г.; в основном ей подражали составители конституций всех остальных североамериканских государств⁴¹.

Следуя этому руководящему образцу, Н. Муравьев вручил законодательную власть представительному собранию, которое составил из двух палат — Палаты выборных и Державной думы. Он сознательно пошел по дороге, которую указывали не конституции штатов Джорджия и Вермонт с их однопалатными демократическими парламентами, а все остальные американские штаты. Верхнюю палату Н. Муравьев обставил условиями повышенного имущественного и возрастного ценза, меньшего количественного состава и особого способа пополнения, который обеспечивал органу непрерывную преемственность существования. Таким образом, по замыслу Н. Муравьева, Державная дума должна была служить умеренным противовесом демократическому и многочисленному собранию выборных депутатов.

Нижнюю палату Н. Муравьев сконструировал по образцу конституции штата Массачусетс, но внес в нее частичные дополнения из конституций штатов Нью-Йорк, Тенесси и Мериленд; он предпочел наиболее короткий, одногодичный срок для полномочий собрания; установил невысокий возрастной и имущественный ценз для избираемых депутатов (год гражданского совершеннолетия и от 2 до 4 тыс. руб. состояния), определил норму представительства — одного выборного из 10 тыс. обывателей муж. пола (как в штате Тенесси) и составил подробную таблицу количества депутатов (по образцу штатов Нью-Йорк и Южная Каролина). Кроме того, он точно регламентировал календарное время избирательных собраний и созыва депутатов; из всех разнообразных сроков, какие представляли американские конституции, он предпочел осенние месяцы года, т. е. конец полевых работ: сентябрь для выборов, и ноябрь для открытия заседаний; из всех дней недели он выбрал вторник, а не «тяжелый» русский понедельник. Процедуру выборов он нормировал чрезвычайно кратко и по примеру штата Мериленд установил для нее четырехдневную продолжительность.

Верхнюю палату Н. Муравьев построил на основании конституции штата Кентукки, заимствовав частичные поправки из конституции штата Огайо. Он установил для Державной думы четырехгодичный срок полномочий, но при условии ежегодного устранения одной четвертой части ее состава: немедленно после открытия заседаний Дума должна была разделяться на четыре по возможности равные части; ежегодно каждая четвертая часть выбывала по жребию и замещалась вновь избранными депутатами (по примеру штата Кентукки). Количество членов Державной думы было определено в размере одной трети состава нижней палаты (минимальная норма из конституции Огайо). Наконец, по образцу федеральной североамериканской конституции Н. Муравьев потребовал от

депутатов Думы 30-летнего возраста, 9-летнего гражданства и проживания в соответствующей «державе»; к этим условиям он присоединил повышенный имущественный ценз — в 15 тыс. руб. сер. для недвижимой собственности и в 30 тыс. руб. сер. для движимого капитала¹².

Обращаясь к внутренней организации Законодательного собрания, Н. Муравьев прежде всего определил условия и формы конституирования палат. Следуя законодательным актам Массачусетса и других американских штатов, он декретировал самостоятельное избрание председателя и процедуру проверки выборов самими палатами. По примеру Огайо и других штатов он установил кворум в размере двух третей числа депутатов и квалифицированное большинство для изгнания недостойного члена; из федеральной конституции он заимствовал статью о лишении председателя права голоса; наконец, специальными параграфами нормировал публичность и гласность заседаний. При этом требование о протоколировании особых мнений он редактировал по конституции штата Мэн, а правило о гласности заседаний дополнил самостоятельной и характерной поправкой: воспретил женщинам и несовершеннолетним появляться в парламенте, а зрителям выражать «наружные знаки одобрения или осуждения». Наряду с этими постановлениями Н. Муравьев постарался обеспечить права и положение избранных депутатов: он подробно формулировал принцип депутатской неприкосновенности (воспользовавшись редакцией штатов Луизиана, Иллинойс и Мэн), назначил депутатам ежедневное вознаграждение в размере 2 руб. сер. (норма штата Род-Айленд) и провозгласил начало несовместимости депутатского звания с государственной должностью (в редакции, наиболее близкой к конституции штата Индиана)¹³.

Следующий вопрос — о взаимоотношениях обеих палат — был разрешен Н. Муравьевым в согласии с общими нормами англосаксонского, в частности американского, права: Палате выборных он предоставил первую очередь при обсуждении финансовых законопроектов и право привлекать к суду государственных чиновников, Державной думе — исключительную привилегию судить обвиненных чиновников и лишать их занимаемой должности (редакция этих статей наиболее близка к конституции штата Мэн); во всем остальном верхняя и нижняя палаты получили одинаковые права — как в инициативе обсуждения, так и в вынесении постановлений¹⁴.

Оставая в стороне организационно-технические детали, которые не имели большого принципиального значения, мы сразу улавливаем социальную тенденцию построения Н. Муравьева: и создание двухпалатного представительства, и повышающаяся градация имущественного и возрастного ценза, и заботливое устранение всякого внепарламентского давления обличают в авторе влияние интересов крупной буржуазии. Организационная структура будущего парламента должна была обезопасить деятельность законодательного органа от непосредственного воздействия демократической массы; при помощи сложных и дополняющих друг друга постановлений обеспечивалось политическое преобладание за имущими классами, и в первую очередь за категорией обеспеченных земельных владельцев. Абстрактно сформулированная теория народного суверенитета находила себе все новые и новые ограничения по мере дальнейшего раскрытия и конкретизации конституционного проекта.

Наиболее важным оставался вопрос о компетенции Законодательного собрания. Североамериканское право разрешало его в духе последовательного федеративного принципа. Исходя из идеи первоначаль-

ной власти договаривающихся сторон, оно признало за каждым отдельным штатом неограниченные права, поскольку его государственному суверенитету не ставились положительные преграды в тексте союзного договора. Учредительный акт 1787 г. закрепил за федеральными органами определенные и точно сформулированные функции. Конгрессу были предоставлены исключительные права в области военной, финансовой и торговой политики: право объявлять войну и организовывать военные силы, собирать общесоюзные налоги и заключать займы, регулировать внешнюю торговлю и заведовать почтой, чеканить монету и устанавливать систему мер и весов; к этим общесоюзным правам присоединялось право учреждать федеральные суды и издавать законы по ряду специальных вопросов (о натурализации, о банкротствах, об авторском праве и морском разбое). Соответственно ограничивалась компетенция отдельных штатов: они отрекались от права вести дипломатические сношения, вести военным делом, облагать налогами предметы внешней торговли и пр. Все выходящее за пределы указанных постановлений признавалось неотъемлемой принадлежностью отдельных договаривавшихся государств. Н. Муравьев не мог последовать этому образцу североамериканской федерации: рассматривая свои «державы» исключительно как автономные провинции и считая необходимым подробно регламентировать их внутреннее устройство, он должен был детально определить компетенцию отдельной «державы». Отчасти он воспользовался для этой цели текстом федеральной конституции 1787 г.: следуя за ее отрицательным перечнем, он запретил своим «держavam» вести дипломатические сношения, объявлять и начинать войну, содержать армию и флот, налагать подати на импорт, чеканить монету, «раздавать титулы дворянства и учреждать знаки отличия». Но он не ограничился одними запретительными нормами и определил «предметы, о которых Державное законодательное собрание может делать постановления или законы». Этот положительный перечень ярко обнаруживает призрачный характер федерализма, принятого конституцией Н. Муравьева. Законодательному собранию каждой «державы» автор присвоил следующие полномочия: регулировать свое внутреннее управление, менять разделение своего края, издавать инструкции о выборах, собирать налоги на удовлетворение местных потребностей (на содержание местных судов, проведение дорог и каналов, сооружение построек и пр.), открывать учебные заведения и разные общественные учреждения, наконец, содержать и поддерживать сообщения. Эти конкретные нормы характеризуют не столько «державное» государство, сколько широко самоуправляющуюся провинцию. Важнейшее право самостоятельного государства — издавать гражданские, уголовные и судебные законы — было обойдено в конституции полным молчанием. По-видимому, сам Н. Муравьев сознавал ограниченность установленных прав и поэтому включил новый параграф, придав ему чрезвычайно общую и неопределенную формулировку: Законодательному собранию разрешалось «делать всякие постановления, лишь бы они не были в противность сего устава и неотмененных им *постановлений*». Таким образом, вопрос о границах «державной» самостоятельности оставался открытым до разрешения общей проблемы — о компетенции центральной государственной власти. Мысль Н. Муравьева бессильно останавливалась между абстрактным принципом федерации и конкретным представлением о подчиненной самоуправляющейся провинции.

Но даже в этих узких пределах Н. Муравьев не признал полновластия Законодательного собрания. Следуя конституциям штата Массачусеттс,

чусетс и большинства американских штатов, он поставил обнародование закона в зависимость от утверждения главы исполнительной власти. Если правитель державы подписывает принятое предложение или не возвращает его обратно в течение 10-дневного срока, проект Законодательного собрания делается действующим законом. Если «державный» правитель представляет свои возражения, палаты обязаны пересмотреть вынесенное решение, которое получает законную силу при условии поименного голосования и принятия квалифицированным большинством двух третей депутатов. Таким образом, суспенсивное вето правителя по замыслу Н. Муравьева должно было являться умеряющим противовесом по отношению к выборному парламенту.

Завершая главу о законодательной власти, Н. Муравьев должен был определить, какие взаимные отношения необходимо установить между отдельными «державами» его государства. С этой целью он извлек соответствующие нормы из североамериканской федеральной конституции — о взаимном уважении и доверии штатов, о взаимном признании граждан и о взаимной выдаче укрывающихся преступников. Но и здесь он включил небольшую самостоятельную поправку: признав за евреями гражданские права в границах черты оседлости, он поставил самый вопрос о допустимости черты оседлости на разрешение общесоюзного законодательного органа. Таким образом, националистические тенденции Н. Муравьева заставили его отступить от последовательного и смелого проведения провозглашенного принципа формального гражданского равенства ¹⁵.

Исполнительную власть отдельной «державы» Н. Муравьев организовал по образцу конституции штата Массачусетс: он сосредоточил ее в руках державного правителя, его заместителя и Совета, сочетав таким образом единоличную власть с властью коллегиальной. Внешняя структура исполнительного органа американского штата должна была отчасти напомнить автору конституции знакомые черты екатерининского управления. Но положение «державных» органов Н. Муравьева должно было строиться на иных принципиальных началах, чем губернские учреждения централизованной монархии. Правитель, заместитель и советники выступают у него в качестве выборных органов (в соответствии с общим принципом самоуправления, заимствованным из англосаксонского права). Однако и здесь Н. Муравьев самостоятельно изменил существо американского института, стараясь найти промежуточную форму между федерацией суверенных государств и системой автономных провинций. В противоположность губернаторам североамериканских штатов правитель Н. Муравьева не избирается непосредственно самим населением государства: кандидатов на эту должность намечает Державное законодательное собрание, выборы производят соединенные палаты общесоюзного парламента, а окончательное утверждение избранного правителя присваивается общегосударственной власти императора. Таким образом, «держава» Н. Муравьева теряла важнейшее право, принадлежащее составным частям федеративного государства, — право самостоятельного замещения высших органов собственного правительства. Правители «держав» оказывались назначенными сверху, по воле центральной и, следовательно, централизующей власти. Заместитель правителя и советники избирались в пределах самой «державы», но и здесь автор отвергнул непосредственные народные выборы, а предпочел порядок, установленный в штате Южная Каролина: выборы должны были происходить на соединенном заседании палат и производиться двумя третями голосов присут-

ствующих депутатов. Н. Муравьев предпочел более длительный, трехгодичный срок полномочий исполнительной власти, принятый конституциями штатов Индиана, Нью-Йорк и Мэриленд. Кандидаты на должности должны были удовлетворять условиям высокого ценза: иметь 30-летний возраст, 9 лет числиться российскими гражданами, проживать в соответствующей «державе» и обладать имением стоимостью в 30—60 тыс. руб. сер. Количество советников варьировалось в зависимости от размеров территории; следуя примеру штата Массачусетс, Н. Муравьев установил максимальную норму в 9 человек и соответствующий кворум — в 5 членов Совета.

Компетенция «державного» правителя была нормирована Н. Муравьевым согласно той же конституции штата Массачусетс, повторившейся в учредительных актах штата Огайо и других американских штатов: правитель созывает, отсрочивает и закрывает заседание законодательных палат, в определенных случаях переносит их в другое место, командует земским войском, защищает страну от нападений, назначает чиновников и сохраняет за собой право амнистии. Но его власть ограничена не только ветоумом Совета, но и специальными указаниями закона: без согласия палат правитель может отсрочить их заседания не более чем на 90 дней; без позволения Законодательного собрания он не имеет права вывести войско за границы державы; он не может распространить свое право помилования на преступников, осужденных Державной думой. Ему разрешается назначать чиновников только по представлению Совета. В общем его власть не представляется слишком широкой и самостоятельной. Самая важная из его функций — утверждение принятых законопроектов. Получая жалованье в 5 тыс. руб. сер. и занимая почетное положение официального представителя государства, он не имеет первенства над законодательными органами. Власть правителя должна была приобретать могущественную силу только в моменты внешних и внутренних кризисов, при объявлении войны и военного положения, — к такому выводу приводит исторический опыт, который пережили аналогичные конституции Северо-Американских Соединенных Штатов.

Наместник выступает у Н. Муравьева заместителем и помощником правителя; он занимает менее почетное положение и получает меньшую сумму жалованья (1500 руб. сер.). За наместником следуют высшие чиновники державы, или избираемые соединенными палатами (державный дьяк, державный казначей и собиратель пошлин), или назначаемые правителем (державный блюститель, державный стряпчий и державные судьи). Эти органы были заимствованы Н. Муравьевым из того же источника — конституции штата Массачусетс — так же, как организационно-технические нормы, касавшиеся делопроизводства Совета.

Последнее, принципиально важное постановление, которое завершало собой главу об исполнительной власти, вводило юридическую ответственность должностных лиц государства. Следуя редакции конституций штатов Делавэр, Вирджиния и Северная Каролина, Н. Муравьев предоставил законодательным палатам производить суд над правителем, наместником, блюстителем и всеми гражданскими чиновниками в случае измены, расхищения общественной казны, «других каких-либо преступлений» или просто порочного поведения. Это право парламента рассматривалось буржуазными идеологами как существенная гарантия от произвола государственной бюрократии; Н. Муравьев стоял на позиции не английского, а американского права и постарался последовательно провести обособление законодательной власти от исполнительной; вот почему он формули-

ровал положение о несовместимости депутатского звания с административной должностью — положение, исключавшее фактическую возможность применения английской кабинетной системы. Таким образом, отпадала идея политической ответственности министров и угроза верховного уголовного суда становилась единственной гарантией закономерно-го управления¹⁸.

Все статьи конституции, трактующие об организации исполнительной власти, вскрывают такую же социальную тенденцию, какая проступает в главе о законодательных органах: Н. Муравьев опасается чисто коллегияльного управления и предпочитает единоличную власть правителя, избранного из числа крупных земельных и денежных собственников; он избегает системы непосредственных народных выборов и заменяет их сложным порядком избрания, которое поручает ограниченной правящей группе; он не хочет наделять исполнительные органы слишком широкой и могущественной властью и оставляет политическое преобладание за «народными депутатами», т. е. непосредственными и подотчетными представителями аграрной и торгово-промышленной буржуазии.

Если мы сопоставим статьи конституционного проекта, которые охватывают собой всю организацию отдельной державы, то подметим в них воздействие двух руководящих идей. С одной стороны, исходя из теории Монтескьё, Н. Муравьев старается создать политическую систему взаимных противовесов: нижнюю, «демократическую» палату он сдерживает верхней, более «устойчивой» и «спокойной», Законодательное собрание в целом сдерживает при помощи суспенсивного вето, а самого правителя и подчиненные ему органы сдерживает юридической ответственностью перед парламентом. Отсюда — некоторые особенности в построении Н. Муравьева: заимствование из американских конституций более демократических норм при организации нижней палаты и, наоборот, наименее демократических при выборах исполнительной власти; совершенно различные условия, которые предъявляются к депутатам верхней и нижней палаты; наконец, ограничение власти правителя в пользу Законодательного собрания. Эта система взаимных противовесов имела определенное социально-политическое значение: в глазах буржуазных идеологов она гарантировала наибольшую устойчивость существующего правопорядка и наименьшую возможность его нарушения. С другой стороны, исходя из федеративного принципа, Н. Муравьев постарался обставить свои «державы» сложной системой самостоятельных органов; но, подробно регламентируя внешние формы державной власти, определяя компетенцию Законодательного собрания и устанавливая взаимоотношения общесоюзного и местного парламентов, Н. Муравьев постоянно сбивался на точку зрения унитарного государства. Североамериканские конституции помогали ему выдержать теорию равновесия разделенных властей, но служили ему не столько образцом, сколько преградой для оформления намечавшейся, но недостаточно осознанной идеи самоуправляющейся провинции. В представлении Н. Муравьева идея федерации приобрела такое же служебное социально-политическое значение, какое она имела в построениях буржуазной партии жирондистов: это было условное идеологическое понятие, направленное не только против старой централизованной монархии, но и против слагающейся якобинской диктатуры.

Закончив отдел об организации державной власти, Н. Муравьев должен был перейти к определению власти общегосударственных органов. Но он не успел развить свои мысли и облечь их в форму обдуманных и внешне обработанных юридических положений. Главы о Народном

вече и императоре были набросаны конспективно и кратко; однако из этих черновых записей мы видим и общий характер построения, и главный источник заимствований. Продолжая следовать по избранному пути, Н. Муравьев широко воспользовался федеральной конституцией Северо-Американских Соединенных Штатов. Теория разделения властей и здесь определила идеальные формы его будущего государства: общесоюзный парламент. Народное вече сложилось из Палаты представителей и Верховной думы, причем последняя, подобно американскому Сенату, воплотила в себе федеративный принцип представительства отдельных «держав». Американский президент возродился в лице наследственного императора; наметилась — очень общо и неопределенно — компетенция союзной законодательной власти; снова и еще резче были подчеркнуты гарантии индивидуальных прав; наконец, были установлены нормы общесоюзного представительства и порядок законодательных выборов¹⁷. Но эти черновые заметки, в которых рецепция американского права сплеталась, как и раньше, с самостоятельными дополнениями, не охватили многих предположений, развернувшихся в следующей редакции. Прежде чем закончить свой конституционный проект, автор поставил его на общее обсуждение и раздал его по рукам для получения критических замечаний.

Всматриваясь в разобранную редакцию конституции Муравьева, мы можем не только проследить движение его творческой мысли, но и подметить внешние особенности его работы. По-видимому, автор начал писать свой проект по заранее обдуманному плану, но в форме сплошного и неразрывного текста. Только впоследствии он разделил этот текст на отдельные главы и статьи, обозначив каждую из них особым номером. Однако, расставляя цифровые обозначения, он не всегда удачно и равномерно объединял содержание: вот почему некоторые из разделов конституции (например, гл. VII, раздел 3 и гл. VIII) логически перекрещиваются между собой; некоторые статьи (например, ст. 22) получились слишком большими по величине и очень разнообразными по содержанию; другие (например, ст. 76) не имеют самостоятельного содержания и оказываются совершенно излишними. Моментами автор упускал из виду то или иное положение; замечая позднее свою ошибку, он должен был делать поправки, несколько нарушая последовательность построения; поэтому статьи о кочующих племенах (ст. 34) и о выборах волостного старейшины (ст. 35) оказались поставленными не на месте; пункт о свободе совести, упущенный в гл. III при изложении индивидуальных прав граждан, был закреплен в конспективной главе о Народном вече, и т. д.

Сохранившийся текст обнаруживает в себе наличие переделок и дает основание думать, что он вообрал в себя более раннюю переработанную редакцию. Отсюда некоторая несогласованность содержания, которая замечается в различных местах проекта, например, в определении имущественного ценза членов Верховной думы (ср. ст. 396 и главу о Верховной думе) или в описании рассылки пригласительных грамот избранным депутатам (ср. ст. 66, 83).

Стилистическую особенность проекта представляет его своеобразная терминология: заимствуя свой материал из иностранных источников, Н. Муравьев упорно избегает заимствования слов и последовательно переводит иностранные термины на русский язык: губернатора называет правителем, прокурора — блюстителем, государственного секретаря — державным дьяком и т. д. Свое идеальное государство он хочет обличь

в старое русское одеяние и в этом пристрастии к традиционной форме лишний раз подчеркивает свою национальную тенденцию.

Своему революционному проекту Н. Муравьев дал конспиративное заглавие, которое по внешности звучало достаточно лояльно и безопасно: «Предположение для начертания устава положительного образования,¹ когда е. и. в. благоугодно будет с помощью всевышнего учредить Славяно-Росскую империю». В этой подчеркнуто-осторожной редакции проглядывала скрытая мысль автора конституции: постараться избежать насильственного переворота и разрешить политический кризис посредством мирного соглашения.

Однако тактические планы Н. Муравьева не мешали его проекту сохранять революционное содержание даже в этом незавершенном варианте: острием своих политических идей он был направлен против сословно-аристократического строя, опиравшегося на крепостное хозяйство и возглавлявшегося самодержавным монархом. Ликвидируя феодальные отношения, Н. Муравьев выдвигал проект буржуазного государства, построенного на началах экономической и гражданской свободы. По его замыслу личная инициатива должна была освободиться от всяких юридических стеснений и средневековых пережитков; обеспеченная системой твердой законности и гарантиями индивидуальных прав, она должна была приобрести политические условия для своего свободного и беспрепятственного развития. Но, утверждая начала свободной конкуренции, Н. Муравьев не оставался на почве идеально-абстрактного принципа. Его экономическая и государственная программа получила вполне конкретные классовые очертания. Стараясь ликвидировать крепостные отношения и обезземеливая большую часть крестьянства, он хозяйственно укреплял положение землевладельцев; перестраивая самодержавное государство на началах представительного правления, он заботливо обеспечивал политическое господство за торгово-промышленной и аграрной буржуазией. Однако, допуская к государственной жизни носителей торгового и промышленного капитала, Н. Муравьев видел не в них, а в крупных землевладельцах главный источник хозяйственной силы и политического влияния. Во всех частях его конституционного проекта сквозит это руководящее положение. Мелкие и средние собственники не лишены у Н. Муравьева избирательных прав, но последнее слово принадлежит не им, а владельцам значительных состояний, и прежде всего крупных земельных имуществ. Они сосредоточивают в своих руках непосредственную правительственную власть в качестве уездных тысяцких, державных правителей и членов державных Советов; своим решающим вотумом они призваны сдерживать постановления законодательных собраний; благодаря широкой децентрализации государства они сосредоточивают в своих руках разрешение местных хозяйственных и административных вопросов. Именно в этом заключался социально-политический смысл «федерализма» Н. Муравьева: непосредственное освоение власти носителями крупной земельной собственности — в центре и на местах, в каждой «державе» и в каждом уезде, на всех ступенях государственной лестницы, во всех этапах политической жизни — необходимое объективное следствие осуществления подобной конституции. Главные выгоды из ее применения должны были извлечь представители зажиточного дворянства; однако не этот сословный признак имелся в виду автором конституционного проекта. Его создающая мысль шла не по линии сословно-юридических привилегий, а по линии свободных экономических группировок; в его глазах будущее принадлежало не дворян-

ству как государственному сословию, а выходцам из всех слоев общества, которые укрепились и победили в условиях свободной экономической конкуренции. Государство предоставляло почетное и влиятельное место этим победителям, оттесняя экономически слабые элементы и юридически санкционируя сложившееся имущественное неравенство. Растущая буржуазная собственность, гарантированная законом и обеспеченная от всяких посягательств,— таково руководящее начало конституции Н. Муравьева. Строители новых, капиталистических отношений в городе и деревне, прежде всего в сфере сельскохозяйственной экономики,— руководители его будущего идеального государства. Но нужно помнить, что в этой теоретически стройной программе Н. Муравьев не шел до логического конца, что в своих аграрных проектах он сохранял значительную долю крепостных пережитков. Перед нами двойственная социальная позиция, соответствующая классовым интересам землевладельческой группы — прогрессивных феодальных помещиков, постепенно перераставших в капиталистических предпринимателей.

В согласии со своим политическим идеалом Н. Муравьев использовал соответствующие правовые источники, в первую очередь конституционные акты революционной Франции и освободившейся Америки. Н. Муравьева мало интересовали полуфеодальные конституции Германии, расходившиеся с его последовательным буржуазным мировоззрением. Но его мало привлекала и якобинская конституция 1793 г., вдохновлявшаяся идеалом мелкобуржуазной демократии. Зато главным источником его заимствований стала монархическая конституция 1791 г., этот исторический памятник крупной промышленной буржуазии. Соединяя ее параграфы с отдельными извлечениями из американских конституций, Н. Муравьев получал как раз то, что ему было необходимо: устойчивую систему правового порядка, охраняющую буржуазную собственность и ее индивидуальных носителей.

Заимствованный юридический материал был переработан и скомбинирован Н. Муравьевым под сильным влиянием французской публицистики XIX столетия. Учение Бенжамена Констана, заострившее буржуазные черты либеральной доктрины, сделалось важнейшим источником для размышлений и выводов Н. Муравьева. Но автор конституции прислушивался не только к либеральным течениям, но и к критике реакционного лагеря: в сочинении Эдмунда Берка, так же как и в рассуждениях Б. Констана, он находил теоретическую опору для своего заглушенного социального консерватизма. Религия и церковь представлялись Н. Муравьеву важнейшими устоями общества и требовали, по его мнению, дополнительных законодательных гарантий. Несмотря на силу своей революционной тенденции, конституция Н. Муравьева старалась сохранить историческую традицию и в организации наследственной монархии, и в должности уездного тысяцкого, и в экономических привилегиях православной церкви.

Таков был первый, наименее разработанный и наиболее самостоятельный проект Н. Муравьева. Этому варианту предстояло длительное испытание; скоро он подвергся обстоятельной критике друзей и противников, вобрал в себя разнообразные дополнения и поправки и в новой, переработанной редакции воплотил в себе следующий этап истории тайного общества. Период, на который падает эта усиленная работа, проходил под знаком непрерывного давления со стороны Южного общества. Построения Н. Муравьева подвергались нападкам не только со стороны П. И. Пестеля, но и со стороны крайних флангов петербургской органи-

Чити: № 1 чина

Докладъ Высочайше учрежденному Комитету,
отъ Никиты Муравьева.

49

Въ означенномъ исчисленіи насъ 16 курьеровъ въвезенъ. Тотъ
нашъ мѣстъ въвѣренъ 5^{мъ} дня въ означенномъ мѣстѣ, что
не будучи въ состояніи представить истиннаго
матеріала Конференціи соединеннаго въ вѣнскъ
будетъ, въ которомъ оный бѣлъ и имъ самъ, что тогда
въ означенномъ дѣлѣ ономъ и соединеніи. Въ слѣдствіи
исчисленія сего мѣста въвѣренъ.

Предположеніи мѣста Конференціи Чина 1.

1) Означенъ въвѣренъ.

Обратъ Предложеніи на Конференціи Представитель
мѣстъ, означенномъ мѣстѣ сего.

Раздѣленіе ономъ. Основываясь на раздѣленіи мѣстъ
мѣстѣ Угледы, въвѣренъ соединенъ въ означенномъ
мѣстѣ означенномъ мѣстѣ въвѣренъ. Угледы
составлены изъ означенномъ и означенномъ, въвѣренъ
мѣстѣ на Самой и на Дорожкахъ означенномъ
мѣстѣ.

Составленъ означенномъ въ означенномъ, въвѣренъ
составленъ въ означенномъ означенномъ означенномъ.
Мѣстѣ означенномъ означенномъ означенномъ означенномъ
Правовѣренъ.

Москва, означенномъ и означенномъ означенномъ.

С. Петербургъ.

Екатеринбургъ.

Рига.

Минскъ.

Вильна.

Кіевъ.

Харьковъ.

Означенномъ означенномъ

19

[illegible]

Писавъ Князь Князьдасаванъ Орданъ Каванъ на
Каванъ, то да и правенъ на Орданъ Каванъ Каванъ
Орданъ на Каванъ, то $\frac{1}{2}$ Каванъ Каванъ
Каванъ Каванъ Каванъ Каванъ.

How can more Holm? Y. lat. quadrata be given or
Gonosporina can be taken as a comparison?

Kenneth Myrland

Vanhook 13th Jan

22626.

зации. Даже С. П. Трубецкой, ближайший единомышленник автора, сопровождал проект его конституции обстоятельными поправками: он занял более демократическую позицию — потребовал смягчения имущественного ценза, более радикального разрешения аграрного вопроса и полной ликвидации земледельческой общины. Перед Н. Муравьевым вставала реальная опасность идейного и организационного отрыва демократической группы Северного общества. Принципиальные воззрения Н. Му-

равьева оставались неизменными, его идеологическая позиция укрепилась в разгоревшихся спорах, но он писал свою конституцию не для личного удовольствия. Оставаясь во главе Северного общества, он добивался победы для своей социальной и политической программы. Он хотел сделать ее коллективной программой революционного союза. Действуя в разнородной социальной среде и в условиях сложной политической обстановки, он должен был использовать не только методы открытой борьбы, но и политику искусного компромисса. Сознательно и охотно он шел на уступки, но до известного идеологического предела. Наиболее приемлемыми для Н. Муравьева были возражения его ближайшего союзника — Трубецкого: критика Пестеля исходила из иных предпосылок и вызывала враждебную реакцию со стороны автора. Но многое в замечаниях Пестеля находило сочувственный отклик в настроениях северной «левой»; Н. Муравьеву приходилось учитывать эти радикальные веяния и делать из них соответствующие политические выводы. Нападки на «удельную систему» и «аристократию богатств» заставляли задуматься и пересмотреть свои взгляды. Второй вариант конституции, сложившийся к концу 1824 г., явился результатом этих разнородных явлений; в характерных особенностях его юридических норм мы улавливаем скрытые черты пережитых столкновений.

VII. ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ ВАРИАНТЫ КОНСТИТУЦИИ

Пущинский список конституции Н. Муравьева¹ является не только дополненной, но и переработанной редакцией первоначального проекта. Изменения коснулись, с одной стороны, технической отделки юридического текста, с другой — внутреннего содержания излагаемых положений. Общий план конституции сохранился, но подвергся некоторым частичным поправкам: главы о законодательной и исполнительной власти державы были отодвинуты на конец; между ними и предшествующими статьями (о волостном и уездном правлении) были вставлены новые, подробно разработанные разделы о центральных органах государства. Наряду с этой внешней переменной бросаются в глаза и некоторые более существенные коррективы. В новой редакции исчезло принципиальное «Вступление», которое обосновывало не только необходимость политической свободы, но и преимущества федеративного строя. Первая глава, которая провозглашала основные конституционные принципы, потеряла специальный параграф о введении союзного федеративного правления. Все эти характерные, но однородные изменения находят себе полную аналогию в дальнейших отделах политического проекта. По-видимому, в воззрениях Н. Муравьева на состав государства произошел какой-то решающий сдвиг, отразившийся и на общем построении плана, и на формулировке основных положений.

Так же как и раньше, автор последовательно останавливается на раскрытии конституционных признаков государственного союза: сначала — населения, затем — территории и, наконец, — власти. Но уже первый раздел («О гражданах») обнаруживает радикальную перемену в истолковании прежнего руководящего принципа. Н. Муравьев по-старому различает две категории жителей — «граждан» и «русских», но понятие активного гражданства получает у него новое освещение: он уже не требует от политических граждан независимости по имени и вычеркивает обладание имущественным цензом из перечня обязательных предпосылок (ст. 5). Таким образом, вся постановка вопроса приобретает иной,

более демократический характер. Только сохранившийся пункт о личной самостоятельности как неперменном условии гражданства остается пережитком отвергнутого исходного принципа. Зато еще более заостряются националистические черты в статьях о положении иностранцев и о потере гражданства (ст. 6, 7): по второй редакции, иностранец не только лишается права занимать общественную или военную должность, но и не может приобретать земель на территории Российского государства; всякий гражданин, принявший без согласия законодательной власти подарок, пенсию и отличие от иностранного государства, навсегда теряет право российского гражданства. Наконец, исчезает специальная оговорка о политических правах черного и белого духовенства — по-видимому, в ответ на замечание кн. С. П. Трубецкого о несовместимости монашеского сана и прав гражданина.

Глава «О правах и обязанностях русских» подверглась не менее существенным изменениям. Перечень индивидуальных гарантий получил чрезвычайно важные дополнения. Первоначальная редакция, послушно следуя за иностранными образцами и примыкая к либеральной доктрине периода Реставрации, умалчивала о праве граждан образовывать какие бы то ни было общества. С точки зрения буржуазного индивидуализма конца XVIII и начала XIX в., всякая ассоциация граждан была извращением естественного порядка, возрождавшим средневековые привилегии и искусственно стеснявшим личную инициативу. Но эта точка зрения, легшая в основу французского закона Ла-Шапелье, стояла в резком противоречии с реальной действительностью и с внутренней логикой революционного движения. В частности, она наглядно опровергалась расцветом тайных политических обществ в период, последовавший за наполеоновскими войнами. Было бы нелогично создавать и поддерживать политические союзы и в то же время отрицать за ними право легального титула. Пущинская редакция устраняла эту явную непоследовательность: она разрешает гражданам составлять «всякого рода общества и товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения». Косвенно Н. Муравьев признавал за союзами право юридического лица, разрешая им «делать себе постановления, лишь бы оные не были противны сему Уставу и законам общественным». Единственное ограничение коснулось прав иностранных объединений, которым было запрещено образовывать в России «подведомственные себе общества или сотоварищества»².

В тесной связи с указанным дополнением стоят новые статьи, посвященные праву петиций и гарантиям веротерпимости. Право петиций, опущенное французской декларацией 1791 г., нашло себе признание в конституции якобинцев и (в разнообразных редакциях) было гарантировано последующими учредительными актами. Н. Муравьев формулировал его в общей форме, не устанавливая никаких ограничений: «Граждане имеют право обращаться со своими жалобами и желаниями к Народному вечу, к императору и к правительствующим сословиям держав». Принцип религиозной веротерпимости, не упомянутый в первом варианте конституции, но составлявший важнейшее основание либеральной доктрины, нашел себе ясное выражение в новой редакции: «Никто не может быть беспокоим в отправлении своего богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушил законов природы и нравственности». Это юридическое постановление, повторявшее французские конституции революционного периода, являлось логическим следствием общего принципа свободы совести. Н. Муравьев признал более целесо-

образным формулировать это второе обобщающее положение при определении функций общегосударственного парламента.

Статья об отмене крепостного состояния и рабства получила более сжатое, но в то же время более резкое выражение. Автор сократил ее пространную мотивировку, зато он усилил ее императивную часть введением дополнительной формулы: «Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным» (ст. 13).

Автора конституции не удовлетворили и прежние статьи о гарантиях личной неприкосновенности. Он решил разработать их в конкретную систему юридических норм, которые предусматривали разнообразные стороны затрагиваемой проблемы. Он потребовал, чтобы объявление о причинах ареста было представлено в письменной форме (ст. 19); нашел, что условия обысков и арестов должны быть регламентированы специальным уставом (ст. 22); установил, чтобы крепостные казематы и подземелья были уничтожены и заменены «общественными темницами» (ст. 37). Руководясь гуманными требованиями новой уголовной теории, Н. Муравьев постарался реформировать самую систему тюремного заключения: он формулировал правила, чтобы подследственные арестанты не смешивались с осужденными преступниками, а обвиненные судебными приговорами были размещены сообразно степени правонарушения (ст. 38). Кроме того, он установил гарантию человеческого отношения к заключенным: согласно специальной статье, «тюремное начальство должно быть избираемо гражданами из людей *добросовестных*», которые способны отвечать за всякий противозаконный проступок в отношении заключенных (ст. 39). Более конкретное выражение получила и та статья конституции, которая обеспечивала функционирование суда присяжных: пущинская редакция точно указывала, что эта процессуальная форма применяется ко всем уголовным делам и к определенным категориям гражданских тяжб — о ценностях, превышающих 25 руб. сер. (ст. 17, 18). Н. Муравьев признал необходимым ввести еще один пункт, предусмотренный североамериканскими конституциями, — об ответственности всякого гражданина, который попытался бы насилием или подкупом нарушить свободный выбор народных представителей. Таким образом, право свободного политического голосования получало специальную законодательную охрану наряду со свободой слова и совести, неприкосновенностью личности и правом союзов (ст. 41).

Этот перечень индивидуальных гарантий автор пополнил двумя постановлениями, заимствованными из англосаксонского права и направленными против бюрократического произвола. Одно из них устанавливало принцип закономерного управления и было облечено в общую форму: «Никакое нарушение закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается *нарушитель* закона, потом подписавшие противозаконное повеление» (ст. 35). Второе постановление вытекало из предыдущего и приобретало реальное значение в условиях русской действительности: «Нынешние полицейские чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей» (ст. 40).

Из других статей первоначального варианта Н. Муравьев выбросил общую норму о праве свободного передвижения и о праве совершать незапрещенные действия: по-видимому, он согласился с замечаниями Трубецкого, что этот параграф нужен «для сущих невежд». Остальные нормы сохранили прежнее содержание и только в отдельных пунктах получили более совершенную техническую отделку. В общем отдел о личных правах выиграл в своей полноте и законченности; буржуазная доктрина

либерального индивидуализма получила во втором варианте более последовательное и яркое выражение.

Но изменилась не только первая, чисто политическая часть главы — аграрная программа Н. Муравьева подверглась не менее серьезной переработке: она одинаково коснулась и помещичьих крестьян, и «общих владельцев», и земельных привилегий церковной организации. По-прежнему автор признал за помещиками право неотъемлемой собственности на принадлежащую им землю. Но, идя навстречу возражениям Трубецкого (и, вероятно, не его одного), он решительно отказался от прежнего замаскированного выкупа личности: взамен вознаграждения со стороны уходящего крестьянина он установил другую, не менее крепкую связь между барским именем и обслуживающей его рабочей силой. Он установил, что «дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим» (ст. 24). Таким образом, освобожденный крестьянин лишался полевого надела, но получал обеспеченную земельную оседлость; такое положение должно было неотвратимо толкать его или на аренду ближайшей помещичьей земли, или на работу в соседней помещичьей экономии. Аналогичная поправка была внесена в соседние статьи, которые регламентировали положение экономических и удельных крестьян: сохранив за собой общинную собственность на землю, крестьяне превращались в частных собственников дворов, огородов, скота и земледельческих орудий. При этом Н. Муравьев точно указал (очевидно, отвечая на вопрос Трубецкого), какой административный орган заменит ликвидируемое удельное ведомство: бывшие удельные крестьяне, наряду с крестьянами государственными и экономическими, должны были перейти в компетенцию Казначейского приказа, административного преемника Министерства финансов³. Здесь впервые автор упомянул о государственных крестьянах, на которых он распространил все права и обязанности «общих владельцев».

Наоборот, крестьяне арендных имений были оставлены в прежнем положении безземельных хозяев. Наравне с бывшими крепостными Н. Муравьев освободил их от всякой уплаты за право свободного передвижения — в полном согласии с возражениями Трубецкого. Но автор не предоставил им права усадебной собственности, поставив их в худшее положение, чем обитателей помещичьих вотчин (ст. 27). Таким образом создавалась определенная градация в населении послереволюционной деревни: с одной стороны, бывшие государственные, экономические и удельные крестьяне — экономически самостоятельные собственники полевых, сенокосных и усадебных угодий; с другой — бывшие крепостные — оседлые владельцы наследственных усадеб, вынужденные арендовать и обрабатывать помещичьи земли; наконец, бывшие крестьяне арендных имений, которые превращались в переходных рабочих, образуя необходимый резерв при усиленных сельскохозяйственных работах в помещичьих экономиках. Таково было объективное социальное содержание рассмотренных статей конституции Н. Муравьева.

Положение о разделе общинных земель получило во втором варианте более ясную и категорическую редакцию: соглашаясь с мнением Трубецкого, автор декретировал обязательный переход общественного владения в частную собственность, предоставив конкретное разрешение этого вопроса будущей законодательной власти (ст. 26). Очень характерно было полное умолчание о судьбе церковных земель; прежняя оговорка о сохранении вечной собственности «мертвой руки» совершенно выпала из

конституционного текста. По-видимому, замечания критиков и самостоятельные размышления Н. Муравьева заставили его пересмотреть свое прежнее мнение: действительно, условия свободного хозяйственного оборота не совмещались с узаконенной привилегией церковного землевладения.

Изменения аграрной программы, которые мы находим в новой редакции, не были нарушением прежней классовой ориентации Н. Муравьева. Безвозмездный переход землевладельческих усадеб в распоряжение крестьян мог представляться землевладельцам несправедливым нарушением священного принципа собственности. Но это хозяйственное «пожертвование» с излишком окупалось практическими последствиями реформы. В лице освобожденного крестьянина помещик приобретал обеспеченную рабочую силу, экономически прикрепленную к району землевладельческого имения. Располагая резервами свободных сельскохозяйственных рабочих, передовые землевладельцы могли организовать рациональное капиталистическое хозяйство. По-видимому, таков был руководящий мотив Н. Муравьева: судя по его переписке, он был горячим противником барщины и убежденным сторонником «свободного договора». По его плану прогресс сельскохозяйственной экономики должен был последовать не только на территории помещичьих имений, но и на крестьянских землях «общих владельцев»: проектируемая ликвидация общины должна была устранить юридические преграды и, возбуждая частную хозяйственную инициативу, содействовать процессу капиталистического накопления. Таким образом, теории Сея и Бенжамена Констана нашли себе более продуманное и законченное воплощение в аграрной программе нового варианта. Однако, обезземеливая половину крестьянского населения и утверждая господство помещичьего хозяйства, Н. Муравьев объективно сохранял крепостнические пережитки: кабальные договоры и отработочная аренда были бы неизбежными результатами его аграрной программы. Она сохраняла свою прежнюю социальную двойственность, несмотря на формальную ликвидацию «внеэкономического принуждения». Исправляя прежнюю несовершенную редакцию, Н. Муравьев, несомненно, продвигался вперед, в сторону более развитых буржуазных отношений, но, подвигаясь вперед, он по-прежнему выступал в роли феодального помещика, постепенно перераставшего в капиталистического предпринимателя.

Следующая глава («О России») тоже испытала значительные изменения. Автор сохранил старое деление государства на «державы», области и уезды, но внес существенные поправки в организацию отдельных державных территорий. На этот раз он внимательнее отнесся к особенностям национальных окраин. Петербург с прилегающими русскими губерниями он выделил в особую Волховскую «державу». В составе Ботнической «державы» он оставил сплошную территорию Финляндии со столицей в Гельсингфорсе. Балтийская «державка» была значительно сокращена по размерам и получила административное средоточие в Риге; судя по количеству населения, от нее отпали ближайшие губернии Озерной области и она охватила собой национальный район Остзейского края. Литовские области по-прежнему остались объединенными вокруг Вильны, а Украина — разорванной на отдельные, внешне обособленные части. Изменения коснулись также и южных районов: Черноморская и Бужская области соединились вместе, вобрали в себя часть прилегающей территории и получили общую столицу в городе Киеве. Административно-политическим средоточием всего государства вместо Нижнего

Новгорода сделалась торгово-промышленная Москва: естественный, исторически сложившийся центр заменил собой прежнюю, искусственно образованную столицу; в силу такого изменения столичная Московская область заместила прежнюю Славянскую, а прежняя Окинская «держава» с Москвой совершенно выпала из территориального перечня. Помимо этого, Н. Муравьев произвел частичное перемещение государственных границ: он значительно увеличил размеры Западной «державы» (отчасти за счет соседней Днепровской), расширил пространство Украинской «державы» (за счет Низовской) и Заволжской (за счет соседних упраздненных областей — Окинской и Славянской). Общее количество «держав» сократилось до 13 (вместо 14), а общее количество уездов (или «поветов», как стал называть их автор) было установлено в точной цифре 569. Учитывая происшедшие изменения, мы не находим в них отклонения от прежнего экономического принципа: соединение юго-западных губерний с южной степной полосой административно закрепляло существующее хозяйственное положение (единство черноморского торгового плацдарма!); признание обособленности Финляндии и Остзейского края было санкционированием существующего факта; Украина кроилась и расширялась без всякого учета национально-исторических особенностей. Некоторая уступка национальному моменту не изменила характера всего построения. Доминирующим принципом территориального деления остались хозяйственные и, в частности, торговые отношения. Государство Н. Муравьева и здесь не превратилось в федерацию народностей — оно приобрело только более естественные и продуманные внутренние границы (ст. 43) ⁴.

Переходя к основному вопросу своей конституции — об организации государственной власти, Н. Муравьев должен был внести необходимые изменения, которых требовало от него новое определение понятия гражданства. Действительно, такие изменения мы находим в гл. V конституции — «О внутреннем устройстве волостном и уездном, или поветовом». Отвергнув принцип имущественного ценза как обязательное условие гражданства, автор снова восстановил его при изложении системы избирательного права. Однако он возродил его в новой, значительно упрощенной и смягченной форме. Взамен сложного четырехклассного деления граждан, в котором политические права соответствовали экономическому положению, Н. Муравьев установил только две последовательные ступени: граждан первого списка, которые владеют недвижимым имуществом в 30 тыс. руб. сер. или движимым в 60 тыс. руб., и граждан второго списка — обладателей недвижимого имущества в 500 руб. сер. или движимого в 1 тыс. руб. (ст. 47, п. 6) ⁵. Граждане первого списка приобрели право быть избранными в депутаты Верховной думы, в правители и наместники «держав», в уездные тысяцкие, в члены «державных» дум и «державных» судов. Граждане второго списка получили право быть избирателями и присяжными. Таким образом, в содержание первого варианта конституции были внесены следующие поправки: первая и вторая категории граждан были соединены вместе; четвертая, низшая категория осталась неприкосновенной, наоборот, третья совершенно выпала из избирательной системы. Другими словами, верхний и нижний этажи государственного здания были сохранены без всякого изменения — тот же имущественный ценз требовался и для активного избирательного права (500 — 1 тыс. руб.), и для занятия командных должностей в центральных и местных государственных учреждениях (30 — 60 тыс. руб.). Зато устранялось требование имущественного ценза для избираемых в

нижние палаты общесоюзного и «державных» парламентов: отныне народными представителями и членами Палаты выборных в «державных» законодательных собраниях могли быть все граждане Российского государства независимо от размеров имущества. В этом отношении вторая редакция конституции получала более демократический характер — именно в этом заключалось ее главное отличие от первого варианта. Единственное исключение было допущено Н. Муравьевым для лиц, принявших на себя государственные подряды и поставки: до окончания начатых операций они лишались общего права быть представителями в законодательной палате. Совершенно иные условия были определены для избрания в члены «державных» дум и «державных» судов: здесь устанавливались более высокие нормы, чем в первой редакции: вместо 15 и 30 тыс. руб. — 30 и 60 тыс. руб. сер., такое повышение являлось в результате упрощения всей системы и слияния второй категории граждан с первой, более привилегированной. Однако подобное повышение противоречило общей тенденции нового варианта и, по-видимому, не входило в расчеты автора конституции: впоследствии он заметил свою ошибку и исправил ее в гл. XII, нормируя пассивное избирательное право для членов «Державной» думы (ст. 118, п. 2); он восстановил там прежнюю цифру имущественного ценза (15 и 30 тыс. руб.), а вместе с восстановленной нормой возродил и третью ступень своей старой имущественной градации. Небольшой, но характерной особенностью поправок является выражение имущественного ценза не только в цифрах металлической монеты, но и в весовых размерах чистого серебра: колебания курса серебряных денег заставили Н. Муравьева предпочесть наиболее устойчивую и бесспорную денежную норму.

В новом конституционном варианте к участию в выборах волостного старейшины были допущены «все граждане без изъятия и различия». По существу это сохраняло порядок, установленный в первой редакции, но облекало этот порядок не в форму исключения из общего правила, а в форму логического последствия основного руководящего принципа (ст. 56). Институт тысяцкого остался без изменения, но освободился от некоторых постановлений, которые вызывали справедливые возражения Трубецкого: автор предоставил право бессрочных перевыборов тысяцкого (ст. 51), а самому тысяцкому разрешил отказываться от предложенной кандидатуры: статья о тяжелой тысячерублевой пене была совершенно исключена из конституционного текста.

Но самые значительные отличия второго варианта от первоначальной редакции представляли собой следующие главы — об органах общегосударственной власти. Статьи о Народном вече и о положении императора, конспективно намеченные в копии Трубецкого, были разработаны в подробную и обстоятельную систему юридических норм. Следуя избранному пути, Н. Муравьев широко использовал федеральную конституцию Северо-Американских Соединенных Штатов, воспроизведя ее конструкцию государственных органов и дословно заимствовав из нее целые разделы. Но он не стал на путь механического копирования и во многом видоизменил американское право. В сущности, раздел о Народном вече — полномочном органе общегосударственной законодательной власти — был распространенным переложением соответствующего раздела о «Державном» законодательном собрании, точно так же, как федеральная конституция Северной Америки была развитым повторением конституции штата Массачусетс. Двухпалатная система, права депутатов, парламентское делопроизводство и отчасти компетенция представи-

тельных органов повторяли знакомое содержание первоначального варианта, правда с известными поправками, а иногда и с существенными дополнениями. Теоретически автор и здесь исходил из федеративного принципа и из теории взаимных противовесов. И здесь его абстрактное понятие федерации перебивалось конкретными представлениями об автономной провинции: регулируя взаимные отношения между центральными и державными органами, он значительно отступил от своего первоначального исходного положения.

Народное вече, проектированное Н. Муравьевым, по своему составу, полномочиям и формам законодательной деятельности вполне соответствовало Конгрессу Соединенных Штатов. Оно складывается из Палаты представителей, которая теоретически воплощает волю всей нации в целом, и из Верховной думы, которая выражает волю отдельных «державных» территорий. Соответственно этому основному различию строится двойная система представительства. Нижняя палата составляется из членов, выбранных активными гражданами на основе статистического принципа — по одному депутату на 50 тыс. жителей мужского пола; Верхняя палата состоит из представителей отдельных «держав» (по три человека от каждой) и из депутатов от областей (двух — от Московской и одного — от Донской); и те и другие избираются правительственными сословиями «держав» и областей, т. е. соединенными палатами Законодательного собрания. Полномочия Нижней палаты сохраняют свою силу в продолжение двухлетнего срока; Верховная дума сконструирована как непрерывно действующий орган, который периодически обновляется, теряя через каждое двухлетие одну треть своего состава. Палате представителей принадлежит исключительное право предъявлять обвинения высшим сановникам империи; ей присвоена законодательная инициатива и окончательное решение в вопросах о налогах и о наборе ратников. Верховная дума, воспроизводящая прототип американского Сената, не только законодательствует и судит высших чиновников государства: она участвует вместе с императором в заключении мирных трактатов и в назначении ответственных должностных лиц. Таким образом, Верхняя палата общесоюзного парламента приобретает важное значение в системе государственных органов: она является серьезным противовесом не только Палате представителей, но и самому главе исполнительной власти. Вот почему, следуя конституции Соединенных Штатов, Н. Муравьев требует от депутатов Верховной думы не только высокого имущественного ценза, но и повышенного возраста (30 лет), и девятилетнего гражданства для бывших иностранцев, и проживания на территории избирающей «державы»⁶.

Права депутатов регламентированы согласно американской конституции: они обладают личной неприкосновенностью и полной свободой слова, получают жалованье и покровительные деньги, но они не имеют права совмещать свое депутатское звание с государственной должностью. В эти заимствованные нормы Н. Муравьев включил самостоятельную цифру депутатского гонорара; при этом он значительно уменьшил намеченную норму первоначального варианта: с 40 до 5 руб. за каждый день заседания и с 40 до 10 руб. за каждые 100 верст сделанного пути⁷.

Внутренняя организация Народного вече — порядок конституирования палат, условия кворума, правила парламентского делопроизводства — повторила соответствующие статьи североамериканского источника, но автор дополнил их частичными заимствованиями из французской конституции 1791 г.: отсюда он почерпнул свои параграфы об организации закрытых заседаний по требованию депутатов, о трехкратном чтении за-

конопроекта через обязательные трехдневные промежутки и о восприятии прений в присутствии императора. При этом он сохранил самостоятельную поправку первого варианта о запрещении женщинам и несовершеннолетним появляться на заседаниях парламента. Еще одна самостоятельная поправка была внесена в статьи о Верховной думе: в отличие от американской конституции Дума должна была сама избирать своего председателя⁸.

Перед Н. Муравьевым вставал вопрос, не решенный при обработке первого варианта: в каких пределах должна быть установлена законодательная компетенция Народного веча? Вторая редакция дает на него исчерпывающий и точный ответ. Исходным пунктом для юридического построения послужила и здесь американская конституция 1787 г., но автор значительно отступил от своего иностранного образца и в этой самостоятельной интерпретации обнаружил реальную сущность своего «федерализма». Следуя федеральному акту Соединенных Штатов, Н. Муравьев предоставил Народному вечу право объявлять войну и руководить военными силами государства, устанавливать общегосударственные налоги и заключать необходимые займы, регулировать народное хозяйство и развивать пути сообщения, наконец, покровительствовать расцвету наук и искусств посредством обеспечения авторского права. Но он не удовлетворился этим заимствованным перечнем, дополнив его новыми и чрезвычайно широкими правами: Народное вече приобрело власть «издать для России уложение гражданское, уголовное, торговое и военное; уставить учреждения по благочинию и правила судопроизводства и внутреннего управления присудственных мест»; обнародовать «постановление правил для награждения гражданских чиновников, устройство порядка службы во всех отраслях управления и статистические отчеты всех частей правительства»; «предлагать державным правительствующим собраниям повсеместное преподавание закона божия, языка российского, общественного устава военных наук»; ему же «надлежит управление общественными (ныне государственными) лесами и землями». Охватывая своей деятельностью разнообразные стороны общественной жизни и государственного управления, Народное вече приобретало еще два исключительных права: объявлять военное положение «в случае нашествия или возмущения» и «обнародовать закон о всепрощении», т. е. амнистию. Наконец, от воли Народного веча зависело объявление регентства и провозглашение наследника императором. Но этим перечнем не ограничивалась компетенция общесоюзного парламента: Н. Муравьев присваивал ему широкую власть по отношению к отдельным «держavam»; избирая державных правителей, Народное вече получает возможность регулировать направление их исполнительной власти, а в случае, если державные палаты превысили свою компетенцию, Народное вече может воздействовать на них своей дискреционной властью: оно распускает законодательные собрания и повелевает избирателям приступить к новым выборам.

Подобное разрешение вопроса чрезвычайно суживало компетенцию державных парламента, а самые державы ставило в юридическую зависимость от центральной государственной власти. С формально-правовой точки зрения «державы» Н. Муравьева окончательно превращались в составные части единого унитарного государства⁹.

Н. Муравьев создавал Народному вечу не только властное, но и почетное положение: «составленное из мужей избранных народа русского и представляя его собою», оно «приемлет наименование Его Величест-

ва». Однако при всем могуществе законодательного органа оно оставалось вдвойне ограниченным. С одной стороны, оно связано общегосударственной конституцией и неотъемлемыми правами отдельной личности: Народное вече не имеет права посягать на существующий устав и избирать на царство новую династию — эти функции принадлежат народному и «державным» соборам, т. е. особым учредительным собраниям (ст. 93, 97, п. 1); оно не имеет власти посягать на мнение, веру и совесть граждан, «нарушать свободу речей и книгопечатания» (ст. 98); оно вправе экспроприировать частную собственность в общепользовных целях только на определенных и твердо установленных основаниях (ст. 100); оно подотчетно в своих финансовых распоряжениях и ограничено в наложении подушной подати (ст. 96, 97). Кроме того, Народное вече связано относительным вето исполнительной власти: «всякое предложение, получившее согласие Думы и Палаты представителей, должно еще быть представлено императору, чтобы получить силу закона». Если император одобряет и подписывает проект или не возвращает его в течение десятидневного срока, то законопроект автоматически превращается в утвержденный и действующий закон; если император не одобряет проекта, то проект поступает обратно в законодательные палаты и получает реальную силу после вторичного обсуждения и принятия квалифицированным большинством двух третей депутатов (ст. 89). Система противовесов и здесь обнаруживала свое направляющее влияние.

Если в постановке суспенсивного вето автор целиком опирался на американскую конституцию¹⁰, то в ограничениях первого рода он был гораздо самостоятельнее. Провозглашая свободу совести, Н. Муравьев особенно подчеркивал недопустимость запрещения раскола. Но, учитывая распространенность хлыстовских и скопческих сект, он прибавлял, что «раскол, основанный на разврате или на действиях противоестественных, преследуется присутственными местами на основании общих постановлений». Провозглашая неизменность податной системы «до будущих установлений Народного веча», Н. Муравьев реформировал институт подушной подати, распространяя ее на всех граждан без исключения, кроме несовершеннолетних (до 17 лет) и престарелых (старше 60 лет). Развивая принцип «священного и неприкосновенного права собственности», Н. Муравьев точно определял юридические условия, при которых возможно принудительное государственное отчуждение в целях «общественного употребления»: частная собственность может быть взята только за «справедливое вознаграждение», на основании специального закона, устанавливающего размеры имения, его «настоящую цену» (подтвержденную «достоверными свидетельствами»), условия вознаграждения и суммы, уплачиваемые владельцу. Эти конкретные черты, внесенные автором конституции, вполне соответствовали его основным точкам зрения — идеям либерального индивидуализма, принципу формально-юридического равенства и специальной заботе об интересах землевладельцев.

Очертив структуру законодательного органа, Н. Муравьев перешел к организации исполнительной власти — прежде всего к определению компетенции и положения императора. Теоретически всю полноту исполнительной власти Н. Муравьев сосредоточил в лице наследственного монарха, который занимает престол по праву первородства и должен быть исключительно особой мужского пола. Однако, сохраняя в России традиционную монархию, Н. Муравьев присвоил ей новое, принципиально иное истолкование: «Император есть верховный чиновник российского прави-

тельства»; «...общество людей свободных не есть отчина и не может служить венком. Императорское звание учреждено наследственным для удобства, а не потому, чтобы оно было в самом деле семейственным достоинством. Итак, по пресечению мужского поколения, народ учредит вид правления или приступит к избранию другого семейства». Для того, чтобы укрепить этот принцип, Н. Муравьев сделал характерную оговорку: «Право сие было провозглашаемо и признано даже теми императорами российскими, которые почитали себя источниками всякой власти и, следовательно, не предполагали никакой власти в народе». Однако, ссылаясь на историческую традицию, автор исходит в своих построениях из совершенно иной теоретической предпосылки: он отталкивается от идеи народного суверенитета и предпочитает наследственную монархию исключительно из соображений политической целесообразности. В монархии он видит не «представителя нации», как французская конституция 1791 г., а правительственного агента — «магистрата», по терминологии Руссо, подчиненного приказчика, каким его представляла себе «левая» Конституанты во главе с Робеспьером. Такая «республиканская» постановка монархической власти должна была отразиться на всем содержании юридической концепции. Устанавливая компетенцию императора, Н. Муравьев руководился не монархическими конституциями Франции и Германии, а республиканским актом Соединенных Штатов. Его император — тот же американский президент, но еще более ограниченный в своих полномочиях и только наделенный атрибутом наследственной власти. Следуя федеральной конституции 1787 г., Н. Муравьев сделал его «Верховным начальником сухопутной и морской силы» и «всякого отделения земских войск, поступающего в действительную службу империи» (т. е. милиции отдельных «держав»); он поручил ему ведение дипломатических переговоров и назначение высших чиновников «с совета и согласия Верховной думы»; разрешил ему временно замещать освободившиеся вакансии и выдавать патенты на должности до окончания ближайшей законодательной сессии; предоставил ему право требовать письменные соображения от руководителей административных департаментов; обязал его доставлять Народному вечу сведения о состоянии государства и проекты новых мероприятий; возложил на него приемы иностранных послов и выдачу грамот подчиненным чиновникам; наконец, включил в его компетенцию созыв Народного веча и утверждение принятых законопроектов. Эти заимствования из североамериканского текста сопровождались общим предписанием конституции «наблюдать за строгим исполнением общественных законов». Однако заимствованный перечень не являлся буквальным повторением иностранного акта. Право помилования, присвоенное американскому президенту, Н. Муравьев предоставил не императору, а Народному вечу; в случае разногласия палат император получал право отсрочки их заседаний не на произвольный избранный срок (право американского президента), а не более как на три месяца; заключая иностранные договоры, император Н. Муравьева был ограничен определенными обязательствами — не уступать государственной территории, не нарушать конституционных прав граждан и не соглашаться на наступательный союз без предварительного одобрения Народного веча; наконец, командуя военными силами, император был связан положительным запрещением употреблять войско для подавления восстаний без предварительного вето Народного веча. К этим частичным ограничениям, продиктованным боязнью перед возрождением деспотизма, присоединились новые нормы, которые поставили монарха в

подчиненное положение государственного чиновника: он не только присягает Народному вече, как североамериканский президент; вопреки обычной традиции он теряет право на содержание публичного и официально оплачиваемого двора; его прежние материальные привилегии (кабинет и регалии) заменяются ежегодно отпускаемым и строго регламентированным жалованьем; лица, составляющие семейство императора, теряют свои прежние преимущества; состоящие на службе императора лишаются политических прав («поелику они находятся в частном служении»); сам «первослужитель народа» сохраняет титул «его императорского величества», но утрачивает остальные почетные атрибуты, «яко неприличные и не имеющие никакого значения в земле благоустроенной»; он «ни в каком случае не имеет права выехать из пределов отечества», а в случае выезда из России признается отрекшимся от своего звания. На этот последний пункт Н. Муравьев обратил особенное внимание: исходя из идеи испанской, португальской и шведской конституций, он придал их заимствованному запрещению категорическую форму и постарался обставить его подробной мотивировкой. В отъезде «правителя империи» он видел «важные неудобства»: замедление хода правления, расстройство равновесия властей, ненужные материальные издержки, возможность оскорблений со стороны иностранцев и особенно «внушения иностранных завистников», превращающих императора в «орудие их злоумышлений». Непопулярные поездки Александра I за границу и предполагаемое влияние могущественного Меттерниха были несомненным источником этого параграфа (ст. 105).

За императором сохраняется право личной неприкосновенности; но если он совершит преступление, «то сие приписывается нравственному недугу Народным вечем», которое немедленно учреждает регентство, возводя в звание правителя наследника престола или, в случае его несовершеннолетия, председателя Верховной думы. Организация регентства особенно ярко иллюстрирует исходную позицию Н. Муравьева: пока наследник не достиг восемнадцатилетнего возраста, исполнительная власть истекает непосредственно из недр властвующего народа: «через каждые четыре года избирается новый правитель поочередно — первый раз Думою из всей Палаты представителей, во второй — Палатою представителей из среды Верховной думы и т. д. до совершеннолетия наследника». Суверенитет народа ярко обнаруживается и в условиях вступления на престол: в случае болезненного припадка или кончины монарха экстренно созывается Народное вече, которое «провозглашает наследника императором» и «определяет, с каким обрядом новый император принимает сие звание»¹¹.

Провозглашая принцип безответственности монарха, Н. Муравьев должен был сосредоточить особенное внимание на гарантиях закономерного управления. Он достигал этой цели тремя различными средствами. Прежде всего, он установил личную ответственность чиновников за совершенные ими действия: «...никто не может оправдаться полученным приказанием, ибо в гражданском быту слепое повиновение не может быть допущено, и всякий исполнитель противозаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление». К этому основному принципу английского государственного права Н. Муравьев присоединил другое положение, заимствованное из того же источника; развивая соответствующие статьи первого варианта, он установил юридическую ответственность должностных лиц перед народным представительством: в случае измены, расхищения казны, какого-либо преступления или проявившейся

ся неспособности гражданские чиновники могут быть лишены своих должностей специальным постановлением Верховной думы. Чтобы сделать эту ответственность реальной гарантией от монархического произвола, Н. Муравьев создал своеобразную и вполне самостоятельную конструкцию: он провел строгую разграничительную линию между актами, утвержденными императором, и административными распоряжениями, исходящими от министров: «Кроме мирных трактатов, отчетов, представляемых Народному вечу о состоянии России, предложение мер или издание законов, грамот посланникам, чиновникам империи и законов, учрежденных Народным вечем, император не подписывает ни одной бумаги. Все остальные бумаги, счета, предписания и донесения подписывают главы приказов, каждый по своей части, а иногда все вместе, когда дело идет о постановлении для всех общем, или когда они подают свое мнение Вечу». Таким образом, подписью императора скрепляются три категории государственных актов: 1) законопроекты парламента, 2) дипломатические бумаги и государственные распоряжения, которые подверглись обсуждению Верховной думы, и, наконец, 3) законодательные и административные предложения, которые в порядке инициативы поступают в законодательные палаты. Следовательно, ни один из актов, подписанных императором и подлежащих практическому применению, не является выражением его единоличной и независимой воли: безответственность императора превращается в юридическую фикцию, а самый институт императорской власти — в традиционный придаток к республиканскому государству.

Эти постановления Н. Муравьева были естественным результатом его основной точки зрения. Он стремился строго выдерживать теорию разделения властей и не допускал совмещения депутатского звания с министерской должностью. В этом отношении он руководился примером североамериканской республики и не пошел по наметившемуся пути английского парламентаризма: идея *политической* ответственности кабинета осталась чуждой его построению так же, как она была чужда французским проектам Бенжамена Констана. Зависимое положение императора достигалось у Н. Муравьева совершенно иными путями: значительным ограничением его компетенции, подотчетностью Народному вечу и юридической ответственностью министров за все распоряжения исполнительной власти.

Подводя итоги, можно сказать, что император по конституции Н. Муравьева не имел ничего общего с немецкими королями посленаполеоновской эпохи; круг его дел был сходен с компетенцией североамериканского президента; он был подчинен суверенному народу наподобие короля революционной Франции, он должен был царствовать, но не управлять, подобно королю парламентарной Англии. К такому императору вполне применима меткая характеристика Брайса, который сравнивал президента американской республики со старшим приказчиком большого торгового предприятия. Конституция Н. Муравьева была монархической с формально-правовой точки зрения, но республиканской по своему внутреннему, реальному содержанию. Идея наследственной монархии была внесена в республиканское построение не из принципиальных соображений, а из особых тактических расчетов: она обеспечивала неразрывное преемство законно существующей власти и оставляла нетронутыми традиционные чувства повиновения и порядка. Это был спасительный охраняющий символ, который должен был гарантировать государство землевладельцев от «революционной анархии» массового восстания¹².

Излагая организацию исполнительной власти, Н. Муравьев не ограничился нормированием прав и обязанностей императора. Попутно он наметил систему высшего управления проектируемого государства. Оставаясь на точке зрения первого варианта, Н. Муравьев установил четыре приказа (т. е. министерства), руководящие делами всего государственного союза: Казначейский приказ (Министерство финансов), Приказ сухопутных сил (Военное министерство), Приказ морских сил (Морское министерство) и Приказ внешних сношений (Министерство иностранных дел). Предполагалось, что ведомства внутренних дел, народного просвещения и путей сообщения распределятся по отдельным «держavam» союзного государства. Главы этих центральных учреждений соответствовали руководителям исполнительных департаментов североамериканского федерального правительства: секретарю казначейства, секретарю военных дел, секретарю морского департамента и государственному секретарю. Из других статей конституции мы узнаем о существовании верховного блюстителя, соответствовавшего американскому генерал-прокурору, т. е. руководителю центрального Министерства юстиции. Федеральная конституция 1787 г. не упоминала об этих учреждениях; они были созданы специальными постановлениями Конгресса, которые, по-видимому, были специально изучены и использованы Н. Муравьевым. В этом заимствовании еще звучала первоначальная федералистическая точка зрения автора; правда, она противоречила расширенной компетенции Народного веча, но, очевидно, сохранила свою силу вследствие особых принципиальных соображений: Н. Муравьев был решительным противником большого бюрократического аппарата и считал необходимым свести его к возможному минимуму¹³.

Таково было устройство центральной исполнительной власти во втором варианте конституции Н. Муравьева. Организация власти в отдельных «державках» была подробно нормирована в первой редакции. В общем автор оставил эти первоначальные построения, но внес в них частичные и чрезвычайно характерные поправки. На протяжении всего конституционного текста он устранил термин «законодательная власть державы» и заменил его более скромным названием «правительствующей власти», а «законодательные собрания» «держав» соответственно превратил в «правительствующие собрания». Далее, он исключил статьи о взаимоотношениях отдельных «держав» (взаимном доверии, взаимном признании граждан и взаимной выдаче преступников), которые были организационной частью федерального договора североамериканских республик, но плохо вязались с конструкцией унитарного государства. Наконец, он вычеркнул большую статью, которая в отрицательной форме устанавливала компетенцию державной законодательной власти. По-видимому, эти заимствования из федеральной конституции 1787 г. утрачивали в глазах Н. Муравьева свое реальное политическое значение: логически исчезновение этих норм было связано с изъятием принципиального вступления и с выпуском параграфа о союзнном правлении. Н. Муравьев начинал сознавать существо своей руководящей идеи широкого местного самоуправления: федеративная оболочка мало-помалу спадала с его конституционного государства.

Некоторые изменения испытали статьи о компетенции державной исполнительной власти: из полномочий правителя было изъято право помилования, а право командования милицией получило существенное ограничение — главе исполнительной власти было запрещено использовать военную силу без предварительного акта Правительствующего собрания

(ст. 122, п. 6). Такое сужение власти местного административного органа было логическим выводом из соответствующих определений, которые нормировали компетенцию императора.

Регламентируя правительствующую (т. е. распорядительную) власть «державы», Н. Муравьев внес три основных изменения: по образцу нижней палаты общегосударственного парламента он ограничил пассивное избирательное право для лиц, получивших общественные подряды; следуя федеральной конституции 1787 г., он предоставил право местным палатам просить Народное вече о созыве учредительного собрания для изменения конституционного устава; наконец, автор объявил недействительными всякие государственные акты, которые приняты на территории, охваченной восстанием или занятой неприятелем. Статьи о парламентском делопроизводстве он значительно сократил, сославшись на соответствующие нормы, установленные для Народного веча¹⁴.

Подводя итог отличительным особенностям пущинской редакции, мы различаем в них две основные категории поправок: одни из них развивают наметившиеся тенденции первоначального варианта, другие вносят принципиальные изменения и обнаруживают иное направление политической мысли. С одной стороны, Н. Муравьев полнее и глубже раскрывает существо индивидуалистической доктрины, вносит большую точность и ясность в понятие провинциальной автономии, дает подробную и конкретную характеристику ограниченной исполнительной власти. В этом отношении он сохраняет старую политическую позицию, но достигает большей полноты и логической выдержанности в своих построениях. С другой — Н. Муравьев ослабляет принцип имущественного ценза, дает новое разрешение аграрного вопроса и совершенно вычеркивает земельные и избирательные права духовенства. Правда, эти поправки мало изменяют основания его проекта. Автор не требует имущественной независимости как обязательного условия политической правоспособности; но участие в важнейших государственных выборах он обставляет прежними требованиями обладания собственностью; он упрощает сложную градацию экономических показателей, но сохраняет старые цензовые нормы в их минимальном и максимальном размере. Единственная реальная уступка демократической теории — распространение на широкие массы пассивного избирательного права в нижние палаты законодательных органов. Низшей прослойкой проектируемого государства по-прежнему остаются мелкие и средние собственники, а его возглавляющей, командующей верхушкой — крупные землевладельцы и торгово-промышленная буржуазия. Политическая роль землевладельческого класса, как и раньше, расценивается вдвое значительнее, чем влияние денежного капитала. Анализируя соответствующие статьи нового варианта, читатель выносит впечатление, что автор конституции остается при старых социально-политических взглядах, но делает небольшую уступку, придавая ей внешнюю видимость измененного принципа.

Значительно важнее изменения в аграрной программе. Несомненно, автор отступил от прежнего принципа неприкосновенности собственности помещика на личность, землю и хозяйственный инвентарь крепостного крестьянина. Он отказался от искусственной компенсации за право свободного перехода и предоставил крестьянам неограниченное распоряжение усадебными участками. Но основные мотивы его построений остались без всякого изменения. По-прежнему он видит в помещике командующую социально-экономическую силу, а в освобождаемых крестьянах — зависимое рабочее население; главная забота Н. Муравьева

заключается в том, чтобы обеспечить за хозяйством землевладельца необходимое количество свободного крестьянского труда. Уступая представителям более демократической теории, автор нисколько не противоречил собственным классовым интересам.

Наиболее радикальными были изменения в третьем вопросе — о правах духовенства. Н. Муравьев должен был согласиться с возражениями своих критиков: соответствующие статьи его проекта противоречили и екатерининскому закону о секуляризации, и гражданской неправоиспособности монашества, и общему принципу равенства прав и обязанностей. Проникнутая началами просветительной философии, конституция Н. Муравьева была освобождена от реакционных придатков эпохи Реставрации.

Достаточно вспомнить обстановку, в которой возникала и оформлялась пушкинская редакция, чтобы понять реальные источники указанных поправок. Конституция Н. Муравьева подвергалась нападению преимущественно со стороны левого течения: П. И. Пестель и члены Южного общества критиковали федеративный принцип и систему имущественного ценза, настаивали на более радикальном разрешении аграрного вопроса и требовали безусловной ликвидации наследственной монархии. С. П. Трубецкой был ближе к Н. Муравьеву, чем к Пестелю, но он тоже не соглашался с трактовкой избирательных прав и с аграрной программой, предложенными ранним вариантом. Е. П. Оболенский (и, вероятно, не он один) склонялся к мелкобуржуазным построениям «Русской Правды». Рылеев соглашался с монархией, но требовал демократизации государственного строя по образцу Соединенных Штатов — другими словами, направлял острие своих ударов против системы имущественного ценза. Муравьев до некоторой степени пошел навстречу своим многочисленным критикам: он значительно сгладил идею федерализма, ослабил требования имущественного ценза и смягчил классовую остроту своей аграрной программы. Но, уступая в отдельных, хотя и существенных, вопросах, Н. Муравьев сохранил свою прежнюю принципиальную позицию. Пушкинская редакция осталась воплощением теории либерального индивидуализма в классовом истолковании крупного землевладельца.

Промежуток между появлением второго и третьего вариантов представлял собой критический период в истории Северного общества. Оно переживало быстрый процесс политического расслоения и революционизирования левого демократического крыла. Перемена во взглядах и настроениях наглядно отражалась на критическом разборе составленного проекта. С одной стороны, Н. Муравьев должен был читать подробные возражения Торсона, которые ярко характеризовали позицию умеренного течения — сторонников английского государственного строя, усиления монархической власти и создания верхней палаты из пожизненных членов. С другой — он знакомился с возражениями Н. Бестужева, которые обнаруживали демократические стремления северной «левой»: освободить крестьян с землей и расширить права народного представительства. Мы знаем, что эти взгляды, зафиксированные на полях муравьевского проекта, не были единичными и случайными высказываниями: рассуждения Торсона повторились в позднейших построениях Г. С. Батенькова, сильно звучали в показаниях М. А. Назимова и находили себе поддержку во взглядах М. М. Нарышкина. В свою очередь, воззрения Н. Бестужева частично сходились с замечаниями В. И. Штейнгеля и должны были совпадать с настроениями Оболенского. Новый вариант конституции создавался в сложной политической обстановке, в преддв-

рии назревающего восстания, перед лицом усиливающегося революционного направления. Так же как и пущинская редакция, этот последний труд Н. Муравьева должен был отразить на себе глубокие изменения, которые совершались в недрах тайного общества.

Приступая к анализу последнего варианта¹⁵, мы должны вспомнить, что он не является точной копией оригинального текста: перед нами позднейшее воспроизведение автора, сделанное в обстановке тюремного заключения и в условиях политического следствия. Излагая последнюю редакцию своей работы, Н. Муравьев мог допустить бессознательные пропуски и намеренные умолчания. Отдавая отчет перед лицом «высочайшего» следователя, необходимо было учитывать характер его восприятия и сознательной комбинацией материала предупредить нежелательные последствия, которые могли обрушиться на обвиняемого автора. Разбираясь в содержании сохранившейся рукописи, мы должны помнить эти своеобразные условия ее составления и отличать действительные изменения третьей редакции от сознательных маневров политического заключенного.

В общем тюремный вариант конституции воспроизводит прежний план разработанного проекта, но с некоторыми чрезвычайно характерными особенностями. Мы не находим здесь первой главы, излагающей основные конституционные принципы, мы не встречаем и следующей главы, раскрывающей понятие гражданства. Раздел о правах и обязанностях русских уступил первое место главе о России. Положения о волостной и уездной администрации отнесены в последнюю часть конституции, в подробно и заново разработанный отдел о местном управлении. Описание центральной государственной власти получило важные дополнения и изменило порядок внешнего изложения: статьи об императоре оказались выдвинутыми на первое место и несколько оттеснили главу о законодательной власти; за этими первыми главами появился новый подробный раздел — об организации судебного строя. Регламентация местных государственных учреждений пополнилась статьями о низших административных инстанциях и об органах государственной полиции. В заключение был прибавлен новый отдел — о порядке изменения конституции. Некоторые из перечисленных изменений являются очевидными результатами только что произведенной работы: в третьей редакции своего проекта Н. Муравьев восполнил оставшиеся пробелы и систематизировал старое правовое содержание. Возбуждают сомнения только три пункта тюремного варианта: совершенное изъятие первой главы, исключение раздела о гражданстве и перемещение глав об императоре и Народном вече.

Устраненная первая глава конституции носила принципиальный характер: она заключала в себе решительное отрицание патримониальной теории и утверждение идеи народного суверенитета. Н. Муравьев заменил эти декларативные нормы сухой и краткой характеристикой «России вообще»: «Образ правления ее монархической представительной, одинаковой для всех частей ее». Дальнейшее изложение проекта показывает, что принципиальные предпосылки первого и второго вариантов сохранили для автора свое прежнее руководящее значение. Очевидно, уклоняясь от их открытой формулировки, он избегал соответствующего политического эффекта — перед лицом настороженных и предвзято настроенных следователей.

Совершенно иной характер получает изъятие прежней главы о гражданах. Ее основное содержание — перечень условий активного избирательного права — было инкорпорировано в следующий раздел — «Об обязанностях и правах жителей». Новая редакция этого места не оставляет

сомнений, что автор отказался от старого разделения жителей государства на «граждан» и «русских». Таким образом, продолжая тенденцию прежней редакции, Н. Муравьев привел содержание составляемого проекта в большее соответствие с основным принципом гражданского равенства. Он закрепил эту логическую поправку следующей декларативной формулой: «Все русские подчинены одним и тем же законам без различия состояний, обязаны участвовать в выборах, если соответствуют условиям, требуемым законом, и не отклоняться от должностей, на которые они избраны». Очевидно, момент гражданской обязанности провозглашался здесь как норма общественной морали, как необходимое следствие всеобщего и неотчуждаемого права гражданства. Однако, выигрывая в логической принципиальности, построение Н. Муравьева ничего не изменило в своем реальном политическом содержании: начало имущественного ценза сохраняло свою прежнюю, хотя и далеко не безусловную, силу.

Перемещение глав о Народном вече и об императоре не было обыкновенной случайностью внешнего изложения. Вчитываясь в содержание этих разделов, мы сразу улавливаем не только сильное сокращение проекта, но и общее изменение прежней концепции. Автор опускает такие моменты, которые никак не могли быть изъяты из третьей редакции: компетенцию Народного вече, права депутатов, внешнее положение императора. Взаимоотношения между законодательной и исполнительной властью изложены настолько неполно, что стирается всякое представление о руководящем принципе конституции — о суверенитете самостоятельной и самоуправляющейся нации. В результате систематических умолчаний редакция соответствующих статей получила нейтральную и вполне «безвредную» форму. Не изменяя существа своего построения, Н. Муравьев облек его в замаскированную внешнюю оболочку, которая не должна была раздражать «высочайшего» следователя. Эта вынужденная поправка находит себе полное соответствие в отмеченном устранении первой **принципиально-конституционной** главы. Анализируя данный раздел тюремного варианта, мы не должны забывать об его несомненных дефектах, продиктованных положением арестованного и маневрирующего подсудимого.

Изложение третьей редакции Н. Муравьев начал с определения территории государства. Он сохранил свое первоначальное решение разделить будущую империю на самостоятельные территориальные единицы; он удержал количество этих единиц, установленное во втором варианте, но план его прежней «федерации» претерпел новые, еще более радикальные изменения. Обособленные «державы» с самостоятельным кругом законодательной и исполнительной власти превратились в обыкновенные «области, равные нынешним генерал-губернаторствам» и сосредоточенные вокруг определенных «центров управления и правосудия»; упоминание о законодательной власти совершенно выпало из данного места конституционной редакции, а деление на административные единицы без остатка слилось с разделением на судебные округа. Московская и Донская области (прежние территории низшего разряда) заняли одинаковое положение со всеми остальными. Судя по названиям областных городов, границы отдельных территорий остались без всякого изменения; единственная поправка коснулась Украинской области: Н. Муравьев перенес ее средоточие из Харькова в Воронеж и этим еще более ослабил национальный мотив ее обособления. Таким образом, следы отвлеченного федерализма совершенно стерлись в построении третьего варианта: федерация само-

стоятельно функционирующих «держав» окончательно превратилась в унитарное государство, разделенное на 15 автономных провинций.

Главу «Об обязанностях и правах жителей» Н. Муравьев изложил в следующем порядке: провозгласив гражданское равенство и отмену «крепостного состояния», он сначала изложил свою аграрную программу, затем регламентировал избирательное право и, наконец, в заключение перечислил «индивидуальные гарантии» граждан. Такая перестановка содержания (сравнительно с первыми вариантами) тоже не являлась случайностью: вчитываясь в тюремные формулировки, мы не находим в них той заостренности и яркости мысли, которая характеризует первую и вторую редакции конституции. Исчезли торжественные мотивировки; свобода печати облеклась в замаскированную форму и отодвинулась на конец; важнейшие публичные права буржуазного государства — неприкосновенность личности, свобода слова и совести, право петиций и союзов, гарантии суда присяжных и закономерности управления — совершенно исчезли из тюремного варианта. Причины этих поправок вполне понятны. Идея индивидуальных гарантий была обращена своим острием против произвола самодержавной монархии; отодвигая и затушевывая соответствующий раздел своей конституции, Н. Муравьев избегал раздраженной реакции со стороны Николая I. Тем не менее, сокращая и обеспечивая свое изложение, автор сохранил для читателя некоторые существенные изменения сравнительно со старой редакцией.

Перечень индивидуальных прав граждан был дополнен двумя вновь отредактированными статьями; с одной стороны, были запрещены безденежный постой войск и взимание подвод в мирное время; с другой — был сделан логический вывод из неприкосновенного права собственности: ответственность за долги была объявлена персональной и непогашаемой никакими служебными привилегиями. Регламентируя активное избирательное право, Н. Муравьев вычеркнул некоторые ограничительные условия: определенное местопребывание, податную платежеспособность и условное требование грамотности. Требование имущественного ценза было сохранено, но получило новое конкретное выражение: отныне всякий житель Российского государства мог быть зачислен в класс избирателей и присяжных, если он имел движимого или недвижимого имущества на 500 руб. сер. Таким образом, избирательное право было расширено благодаря устранению максимальной нормы, прежнее неравенство между землевладельцами и капиталистами было уничтожено и все построение получило более буржуазный и демократический характер.

Наибольшие изменения испытала аграрная программа Н. Муравьева. Автор конституции сделал следующий логический шаг в своем развитии. Отвечая на возражения критиков, он предоставил освобожденным крестьянам не только усадебные участки с хозяйственным инвентарем, но и полевые наделы в 2 дес. на крестьянский двор. Исходная точка зрения автора осталась без изменения: принципиально он продолжал считать землю собственностью помещика, которая нуждается в организованном приложении наемной рабочей силы. Но в результате длительных размышлений и споров он пришел к выводу, что хозяйственные интересы землевладельцев требуют особой реальной гарантии; «жертва» помещика, определенная во втором варианте, стала казаться ему не достигающей своей цели. Н. Муравьев внес поправку и откровенно высказал ее руководящие мотивы. По его словам, полевые наделы необходимы «для оседлости» крестьян, а оседлость крестьян необходима для определенных экономических целей: «земли же они обрабатывают по договорам обоюд-

ным, которые они заключат с владельцами оных». При недостаточном земельном обеспечении неизбежна аренда помещичьих угодий; наемный труд и арендный договор на основе провозглашенной свободы юридических отношений должны закрепить неразрывную хозяйственную связь между местным землевладельцем и нуждающимся крестьянином. Свое основное положение Н. Муравьев дополнил следующей поправкой: крестьяне «получают право приобретать землю в потомственное владение». Специально упоминая это общепризнанное гражданское право, Н. Муравьев подчеркивал индивидуалистическую тенденцию своей аграрной программы. Образование мелкой собственности и хозяйственная дифференциация крестьянства были неизбежными результатами его социально-экономического проекта. Автор не оговаривал дальше ни ликвидации крестьянской общины, ни положения «общих владельцев», но можно не сомневаться, что эти пропуски тюремной редакции были неизбежным следствием сокращенного изложения. Руководящие идеи третьей редакции не исключали, а предполагали соответствующие разделы первоначальных вариантов. Аграрная программа Н. Муравьева окончательно приближалась к тому идеалу, который носился в сознании передовой группы буржуазных помещиков. Начав с проекта личного безземельного освобождения в духе А. Ф. Малиновского, Н. С. Мордвинова и Н. И. Тургенева, Н. Муравьев перешел на позицию другого, более осторожного и расчетливого течения: его последнее решение крестьянского вопроса в менее разработанной, но более жесткой форме повторило аналогичные построения, представленные Александру I А. А. Аракчеевым. Ориентация на прусский путь аграрно-капиталистического развития получила в конституции Н. Муравьева вполне законченное и последовательное выражение.

Мы убедились, что отдел о законодательной и исполнительной власти в результате намеренных умолчаний подвергся не только значительным сокращениям, но и смещению внутренней перспективы. Показания А. А. Бестужева и самого Н. Муравьева достаточно подтверждают, что республиканские принципы автора конституции сохранили над ним свою притягательную силу; по-прежнему монархическая форма правления оставалась для него только внешней оболочкой, в которую он облакал свое здание «народного верховенства». Тем не менее в сохранившихся деталях тюремного варианта мы улавливаем некоторые изменения, которые указывают на определенную наметившуюся тенденцию. Эти изменения формулированы настолько уверенно и логично, что мы имеем полное право отнести их за счет новой редакции. Яснее и резче подчеркнут атрибут «священной неприкосновенности монарха». Право законодательной инициативы императора во втором варианте скорее предполагалось, чем формулировалось в определенных и точных нормах; тюремная рукопись двукратно и категорически подчеркивает это право исполнительной власти. Предыдущая редакция представляла назначение чиновников совместному акту императора и Верховной думы; новая редакция присваивает это право односторонней воле императора, который «назначает и отменяет по своему произволу министров, главнокомандующих армией и флотом и всех чиновников исполнительной власти». Отныне верхняя палата Народного веча разделяет с главою исполнительной власти только право заключать мирные договоры и контролировать дипломатические сношения. Судя по этим изменениям, возражения Торсона и Назимова оказали определенное воздействие на автора конституции: оставаясь на прежней принципиальной позиции, он отступил от своего

североамериканского образца и несколько расширил компетенцию наследственной главы государства.

Изменения коснулись и раздела о законодательной власти, согласованного с предыдущими положениями «Об императоре». Мелкие поправки были внесены в статьи о сроках законодательных сессий и о порядке парламентского делопроизводства: ежегодный созыв Народного веча был заменен двукратным созывом в продолжение двухлетнего промежутка, а думские прения о дипломатических сношениях и трактатах были перенесены на тайные заседания. Но самые значительные поправки появились в статьях об избирательном праве. Следуя предыдущей редакции, Н. Муравьев сохранил право представительства в нижней палате за каждым жителем Российского государства: единственным условиями для реализации этого права остались совершеннолетие, здравие ума, непорочность перед законом и доверие избирателей. По-прежнему исключениями из общего правила были занятие государственной должности и выполнение казенных подрядов. Совершенно иначе был сконструирован состав верхней палаты Законодательного собрания: наряду с требованием 30-летнего возраста было сохранено условие повышенного имущественного ценза, но самая форма этого ценза получила чрезвычайно характерное изменение: оставаясь верным своему новому принципу, Н. Муравьев не различает больше движимого и недвижимого имущества, но он предпочитает на этот раз не минимальную, а максимальную норму прежних вариантов, т. е. обладание имуществом ценою не менее 60 тыс. руб. сер. Таким образом, расширяя нижний этаж своего государства, Н. Муравьев одновременно суживал его возглавляющую верхушку; допуская к участию в государственной жизни мелких собственников города и деревни, он в то же время создавал реальный противовес опасным «поползновениям черни» в лице обладателей крупнейших имущественных состояний.

Отдел об организации суда составил самостоятельную и подробно разработанную часть новой редакции. Прежде всего автор развил принципиальные предпосылки своей судебной реформы. В общем он следовал буржуазным идеям англосаксонского права, которые нашли себе теоретическое признание в произведениях просветительной философии. Теория строгого разделения властей направляла и здесь его юридическое построение: «Никакой судья и никакое судилище не имеет право толковать закон, ни решать случаи, им непредвиденные, одним словом, не может присвоить себе законодательной власти. Исполнительная власть, надзорная или полицейская, хозяйственная или административная, отделены также от судной». Н. Муравьев не допускал «ни полицейского суда за малые проступки», ни административных трибуналов для обвинения должностных лиц. Он создает единообразную и стройную систему судебных органов, которые резко отграничены от органов законодательства и управления. Для него не существует и того принципиального разделения, которое воплотилось в судебной организации Северо-Американских Соединенных Штатов и приобрело политическое значение для безблужной деятельности федерального государства: он не отличает федеральных судов общесоюзного типа от судебных установлений отдельного штата. Идея унитарного государства окончательно овладела его сознанием и определила собой повсеместное действие единообразных инстанций в каждой области, каждой губернии и каждом уезде. В основу судебного устройства Н. Муравьев положил английские начала выборности и несменяемости судей, считавшиеся гарантией беспристрастия и незави-

симости приговоров. Институт присяжных он распространил не только на уголовные процессы, но и на гражданские тяжбы, требующие устного разбирательства, не только на предварительное решение об основательности обвинения или жалобы, но также на окончательные и единогласно выносимые приговоры. В основу судебного процесса он положил английский принцип состязательности сторон и неразрывно связанные с ним начала устности и гласности судопроизводства. Отсюда логически вытекало образование двух институтов — сословия профессиональных адвокатов и должности правительственных «блюстителей» (прокуроров).

Система судебных инстанций, очерченная на страницах третьей редакции, слагалась из следующих органов: в каждом уезде функционировали совестные суды, которые воплощались в двух формах — единоличного выборного судьи (по одному на каждые 4 тыс. душ мужского пола) и коллегиального съезда совестных судей, который принимал апелляции на решения низшей инстанции. В каждой области функционировали областные суды, которые разделялись на три инстанции: единоличный суд по гражданским делам, охватывавший территорию целого «присуда» (губернии), уездные заседания по уголовным делам и коллегиальное областное судилище, игравшее роль кассационной инстанции и административного трибунала. Территории всего государства соответствовала высшая коллегия Верховного судилища, которая судила высших чиновников, разрешала споры, вытекавшие из международных договоров и разбирала жалобы на нарушение публичных прав отдельного гражданина. Каждая следующая инстанция наблюдала за правильностью судопроизводства, протекавшего на низших ступенях судебно-иерархической лестницы.

Требование имущественного ценза сохранило для Н. Муравьева свое принципиальное значение и при замещении судебной должности: совестные судьи (которые самостоятельно разбирают мелкие проступки и споры, являются помощниками областных судей и входят в коллегия уездного уголовного суда) избираются «всенародно»; но они должны обладать имением не менее 2 тыс. руб. сер., которое по убеждению автора является «вернейшим залогом честности и бескорыстия судьи». Областные судьи (которые самостоятельно разбирают гражданские тяжбы и председательствуют на уездных заседаниях по уголовным делам) избираются областными палатами из владельцев имущества не менее 15 тыс. руб. сер. Такой же имущественный ценз требуется для верховных судей — членов Верховного судилища, которые избираются на свои должности палатами Народного веча. В общем система судебных инстанций и условия выбора судей были заимствованы Н. Муравьевым из судебной организации Северо-Американских Соединенных Штатов. Но в отличие от конституционного акта 1787 г. автор совершенно игнорировал понятие о высшем федеральном суде — этом третейском разрешителе споров между сталкивающимися властями объединяющего союза и отдельного штата: оставаясь на почве унитарного государства, он передал разрешение неясных конституционных вопросов односторонней воле центрального Законодательного собрания. Верховное судилище Н. Муравьева не имеет ничего общего с верховным судом заатлантической республики¹⁶.

Англосаксонские принципы руководили автором конституции и в построении другого подробно разработанного раздела — о местном управлении государством. В основу этого построения он положил последовательно проведенное начало выборного самоуправления, независимо от давления и вмешательства центральной государственной власти.

Но, проектируя систему местных органов власти, Н. Муравьев опирался не только на иностранные образцы, но также и на действующее административное право: он исходил из привычной структуры екатерининских учреждений и вносил в нее различные самостоятельные поправки. Всю территорию государства он покрыл единообразной сетью административно-хозяйственных и наблюдательно-полицейских органов. Согласно его проекту, волость составляет низшую земскую единицу и управляется волостным советом, при котором состоят исполнительные органы — голова и писарь. Право избрания волостных учреждений принадлежит «всем жителям мужеского пола без изъятия или отцам семейств» (по-видимому, автор истолковывал принцип всеобщего голосования в духе обычного права). Каждый город получает аналогичные органы — городской совет, городничего и секретаря. Эти учреждения избираются городскими домовладельцами, при этом, как обязательное условие, из собственной среды. В каждом уезде функционирует уездный совет, уездный голова и секретарь, избираемые в уездном городе соединенными собраниями городского и волостного управления. Наконец, над общей массой волостных, городских и уездных ячеек возвышается областное управление, которое повторяет в себе старые черты «державных» органов власти. В каждой области действуют областные палаты, правитель, его наместник и совещательная коллегия Совета. Говоря об этих органах автономной провинции, Н. Муравьев перестает называть их «законодательными» или «правительствующими» — в третьей редакции он рассматривает их в общей системе местного управления как ее высшие руководящие звенья. Параллельно на территории низших административных единиц действуют выборные органы «надзирательной или благочинной» (т. е. полицейской) власти: в деревнях — десятские и сотские, в волостях — волостные старейшины, в городах — частные и благочинные приставы, в уездах — тысяцкие и их помощники. И здесь знакомые части первоначальных конституционных вариантов вплетались в общую сеть переработанной административной системы. Однако, повторяя старые статьи о распорядительных и исполнительных органах местного управления, Н. Муравьев внес в них новые и весьма характерные изменения.

Поправки автора и здесь коснулись прежде всего условий избирательного права. Для замещения должности тысяцкого были установлены новые условия имущественного и возрастного ценза: Н. Муравьев потребовал от кандидата не простого гражданского совершеннолетия, а, по крайней мере, 30-летнего возраста; зато он понизил нормы имущественного ценза с 30 тыс. до 15 тыс. руб. сер. Такой же пониженный ценз он установил для членов областной думы и для советников области; зато для избрания на должность областного правителя он предпочел единообразную, но максимальную норму в 60 тыс. руб. сер. Внесенные поправки Н. Муравьева находятся в полном соответствии с общей тенденцией третьей редакции — расширить доступ для занятия низших выборных должностей, но значительно сузить ограниченный круг кандидатов на командующие посты в государстве. Исходя из этого принципа, последний вариант конституции передал участие в верхней палате парламента и право занятия главной провинциальной должности ничтожной группке самых богатых собственников государства.

Очень характерна та редакционная форма, в которую Н. Муравьев облек статью о компетенции областных распорядительных органов: «Дела Министерства внутренних дел и просвещения, равным образом занятия Департамента путей сообщения поступают в особое ведомство сих палат.

Они обязаны во всем соотноситься с общими законами империи, но имеют право делать частные постановления по предметам внутреннего управления и учреждать для сего налоги при определенных законодательных ограничениях». Полное изъятие дорожных и просветительных мер из ведения центральной государственной власти было унаследовано от предыдущих редакций в явном противоречии с расширенной компетенцией Народного веча, но общий характер изложенной формулы представляется достаточно ясным: местные области подчинены государственному центру в сфере законодательства, но сохраняют полную автономию в сфере местных распоряжений, т. е. в вопросах местной администрации, народного образования и путей сообщения. В этих определенных границах за ними обеспечено регламентированное право местного обложения. Так далеко отступили «области» третьей редакции от федерированных «держав» первоначального варианта¹⁷.

Н. Муравьев закончил свою рукопись главой о порядке изменения конституции, так же как заканчивались аналогичные западноевропейские и американские акты. Содержание этих статей наглядно вскрывает логическое противоречие, которое заключалось в федеративных воззрениях автора конституции. «Если бы нашлась необходимость изменить, усовершенствовать или вовсе отменить сей устав, то Народное вече объявляет сие посредством обыкновенного закона и созывает в столице или в другом каком городе на сей предмет Народный собор», которому присвоены верховные учредительные функции. Состав и условия созыва Народного собора ничем не отличаются от порядка избрания Народного веча. В шестимесячный срок квалифицированным большинством двух третей голосов учредительное собрание принимает проект переработанной конституции. «После того другой закон назначает областные соборы для обсуждения, принятия, изменения или отвержения проекта устава, сочиненного Народным собором». Областные соборы имеют двойной состав депутатов сравнительно с обычной нормой общенационального представительства; они заседают в одно и то же время, в пределах указанного срока, и квалифицированным большинством двух третей принимают или отвергают представленный проект конституции. До этого пункта изложение Н. Муравьева следует основным линиям североамериканского акта 1787 г., в дальнейшем они начинают резко и принципиально расходиться. Согласно федеральной конституции Северо-Американских Соединенных Штатов, проект разработанных поправок получает силу обязательного закона, если он утвержден законодательными или учредительными собраниями трех четвертей общего числа штатов: суверенная воля признается за отдельными государствами, как самостоятельными политическими единицами; окончательное решение принимается квалифицированным большинством государств независимо от размеров их территории и количества их населения. Совершенно иной характер носит конструкция Н. Муравьева. Описав порядок деятельности областных соборов, он заключает свое изложение следующими словами: «Так как народонаселение весьма не равно, то для принятия или отвержения нового устава считаются не соборы, но две трети голосов наличных членов, заседавших в оных. После того новый устав приводится уже в исполнение или остается старый». Другими словами, подсчитывается законное квалифицированное большинство участников всех соборов как «за», так и «против» проекта, и общие суммы положительных и отрицательных голосов определяют решающий исход национального вотума. Таким образом, носителем суверенной воли является нация всего государства, а не само-

стоятельные части государственного союза: обезличивающий статистический принцип стирает всякие черты федерального государства. При таком юридическом построении созыв особых областных соборов оказывается совершенно излишним, а формальное заимствование из североамериканской конституции представляется запоздалым пережитком давно изменившейся мысли¹⁸.

В общем, изменения третьей редакции значительнее и важнее, чем поправки предыдущего варианта. Благодаря разработке новых отделов об организации судебной и местной власти и об изменениях конституции политический проект Н. Муравьева приобрел необходимую внутреннюю законченность: в результате продолжительного обмена мнений, автор отвел на основные вопросы, которые выдвигала буржуазная теория государственного права и разрешали иностранные учредительные акты. Продолжая прежнюю наметившуюся тенденцию, Н. Муравьев окончательно выяснил себе состав проектированного государства и облек принцип провинциальной автономии в более ясные и точные формы. Внимательный анализ тюремной рукописи показывает нам, что автор продолжал работать над буржуазной «Декларацией прав человека и гражданина»: несмотря на дефекты нашего документа, мы видим в соответствующем разделе некоторые новые дополнения и поправки. Социально-экономическая программа Н. Муравьева получила более совершенное выражение с точки зрения интересов представляемого им класса. Наконец, еще более характерны изменения в системе избирательного права и выступающие поправки в организации императорской власти.

Автор не изменил своим прежним воззрениям, но он сделал новые политические уступки, на этот раз одинаково — представителям правого и левого лагеря. Под влиянием умеренных критиков типа Торсона он заметно расширил полномочия наследственного монарха; под давлением возрастающего демократического течения он частично понизил нормы имущественного ценза, устранил избирательные привилегии землевладельцев и окончательно отбросил понятие активного гражданства. Но идя на уступки, автор упорно отстаивал правильность своей исходной позиции: общая конструкция его государства по-прежнему далека от монархических идеалов Торсона и Батенькова; расширяя круг политических граждан, он продолжает настойчиво и упорно монополизировать главные должности в руках ничтожной группы крупнейших собственников.

Четырехлетняя сосредоточенная работа привела к завершению и технической обработке конституционного проекта, однако его внутреннее правовое содержание мало изменилось в своих принципиальных основах. Перед нами одно и то же мировоззрение, одни и те же социально-политические задачи. С начала и до конца автор уверенно чертит абрис буржуазного государства, свободного от всяких сословных ограничений и открывающего широкое поле для капиталистического развития.

Это идеальное государство Н. Муравьева воспроизводило основные черты европейского и американского парламентаризма, обеспечивало максимальную независимость за отдельной личностью и сочетало систему центрального представительства с разветвленными органами широкой провинциальной автономии. Охраняя существующую собственность, оно не должно было вмешиваться в «естественно» слагающиеся экономические и социальные отношения. Оно воплощало в себе буржуазную форму классового господства, облеченную в идеалистические одежды французской предреволюционной просветительной философии.

Конституционный проект Н. Муравьева не был случайным произве-

дением политического мечтателя: он вырос в определенной социальной среде и оформлялся в условиях продолжительного коллективного обмена мнениями. Проникающее его мировоззрение разделялось большинством членов Северного общества. Несмотря на различные возражения, исходившие от представителей «правой» и «левой» группировок, проект не встретил глубокого и принципиального отпора в кругах петербургской и московской организаций; его считали единственной и наиболее приемлемой программой революционного союза, который объединял разнородные слои крупновладельческого, среднепоместного и деклассированного дворянства. Вносимые поправки и дополнения не затрагивали его важнейших и принципиальных оснований. И конституционный манифест Трубецкого, составленный накануне вооруженного восстания, и неоформленные desiderata рылеевского кружка исходили из той же системы политических идей, утверждавшей начало автономной личности и господствующую роль буржуазного парламента. Последний период в истории Северного общества поставил под угрозу преобладание программы и тактики Н. Муравьева; дальнейшая дифференциация революционных течений могла разрушить налаженное и систематически поддерживаемое единство; но события междоусобицы и неудавшегося восстания оборвали естественную нить внутреннего развития, и конституционный проект Н. Муравьева остался историческим памятником определенного коллективного целого — формально неутвержденной, но фактически признанной политической программой Северной думы.

Но общественное значение разобранного документа выходит за ограниченные рамки замкнутой заговорщической организации. Тайное общество декабристов не было оторвано от окружающей действительности — оно органически сплеталось с интересами и стремлениями формирующихся и борющихся общественных классов. В своих основных принципиальных положениях конституция Н. Муравьева воспроизводила руководящие начала, которые разделялись передовыми группами дворянского общества: идеи гражданской свободы и народного представительства, уничтожения личного рабства и введения закономерного управления составляли политическое евангелие русского либерализма в первой четверти XIX в. Конституционная работа Н. Муравьева непосредственно связывается с литературой негласных политических проектов, которые выходили из дворянской среды в конце XVIII и начале XIX в. Однако мы знаем, что за общими скобками либеральной идеологии намечалось резкое расхождение в социальных и политических взглядах; разбираясь в своеобразных особенностях отдельных проектов, мы можем подметить разные направления и оттенки, которые отражают на себе различные и порою сталкивающиеся классовые интересы. Какое место занимает конституция Н. Муравьева среди этих многочисленных и разнообразных политических высказываний?

В одном из своих сочинений декабрист М. А. Фонвизин рассказывает о проекте «аристократических институций», которые в XVIII в. были составлены поклонником шведских учреждений гр. Н. И. Паниным. Введение к этому проекту уцелело и оставалось в руках у Фонвизина. «Покойному Никите Михайловичу Муравьеву, — прибавляет рассказчик, — сообщил я с нее копию, и он переделал ее, приспособив содержание этого акта к царствованию Александра I». Несомненно, что, передавая Н. Муравьеву сохранившееся введение, Фонвизин изложил ему и конкретное содержание хорошо известного ему проекта. По замыслу гр. Панина Россия должна была преобразоваться в конституционную монархию с законодательными полномочиями Сената и исполнительной

властью императора. Но автор проекта «предлагал установить политическую свободу сначала для одного дворянства»: в состав верховного Сената входили несменяемые члены, частью назначенные от короны, а в большинстве избранные из среды привилегированного сословия. Губернские и уездные дворянские собрания должны были превратиться из сословно-корпоративных учреждений в органы местного самоуправления, наделенные правом законодательной инициативы. «В конституции упоминалось о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей», но эта существенная подробность не изменяет социального смысла конституционных предположений гр. Панина. Его политический проект, датируемый 1773—1774 гг., вдохновлялся идеями феодально-аристократического прошлого и передавал всю полноту законодательных функций в непосредственное ведение дворянского сословия¹⁹.

Н. Муравьев действительно мог воспользоваться теоретическим введением, полученным от М. А. Фонвизина, но все построение его собственного проекта резко противоречило социальной тенденции гр. Панина. В обоих проектах мы видим ограничение исполнительной власти не только центральным представительным учреждением, но и выборными органами местного самоуправления. Но у гр. Панина политическая свобода установлена для дворянства, другими словами, сохраняется и усиливается принцип сословной привилегии; у Н. Муравьева провозглашается уничтожение дворянского сословия со всеми юридическими правами и сословными преимуществами. В этом пункте конституция Н. Муравьева отличается не только от предположений Панина, но и от современных ему проектов Н. С. Мордвинова, М. Ф. Орлова и М. А. Дмитриева-Мамонова. Окончательно разрушая всякие сословные перегородки, уничтожая гражданские чины и отличия и устанавливая формальное равенство перед законом, Н. Муравьев производил коренной буржуазный переворот, которого требовало развитие промышленного капитализма. Именно в этом заключалась революционная и творческая сторона его самостоятельного проекта. Руководитель Северного общества переступил через ту границу, которая оставалась заповедной чертой для составителей прежних либеральных проектов. Его отречение от сословности было решающим моментом в процессе идеологического перерождения, которое испытывало передовое землевладельческое дворянство. Но, окончательно перейдя на последовательные буржуазные позиции, Н. Муравьев оставался с небольшой группой революционных единомышленников и союзников. Огромное большинство прогрессивных помещиков, особенно в период аграрного кризиса, не могло воспринять его антисословного принципа. Медленное развитие аграрно-капиталистических отношений задерживало рост политического сознания. Революционный авангард оказался оторванным от своей классовой группировки, значительно забежавшим вперед в своих последовательных буржуазных стремлениях.

Но параллельно с дворянско-аристократическим течением в начале XIX столетия пробивалась другая конституционная струя, носившая официально-правительственный характер; последним памятником этого официального течения была Уставная грамота Н. Н. Новосильцева, составленная в 1818 г. совместными трудами Дешампа и П. А. Вяземского. Один из современных историков, сопоставляя Уставную грамоту с конституцией Н. Муравьева, увидел в них большое принципиальное сходство и варшавский проект Новосильцева признал непосредственным источником интересующей нас работы²⁰. Однако сравнительный анализ обоих документов не подтверждает высказанной догадки. Правда и Уставная

грамота Новосильцева и конституция Н. Муравьева одинаково исходят из сочетания принципов наследственной монархии и областной «федерации»; при этом оба проекта одинаково далеки от осуществления настоящего федеративного строя. Но это несомненное сходство не мешает им оставаться принципиально различными и в своих основных предпосылках, и в структуре государственной власти. Грамота Новосильцева была проектом октроированной конституции, который сосредоточил в личности императора источник законодательной, исполнительной и судебной власти. По проекту Новосильцева, императору принадлежит не только вся полнота административных полномочий и исключительное право назначения судебных органов; от императора исходит законодательная инициатива, императору присвоено право абсолютного вето; государственный сейм и сеймы отдельных наместничеств только содействуют его законодательной власти. Более того — самый состав представительных учреждений регулируется единоличной волей того же императора: он утверждает наместнических послов и депутатов, он назначает представителей в нижнюю палату государственного сейма из числа избранных и представленных кандидатов. В сущности, конституция Новосильцева не устанавливала действительного парламентского государства; ее политический строй воспроизводил прообразы прусской, баварской, вестфальской, вюртембергской и прочих немецких конституций, подновлявших и европеизировавших обветшалое здание феодального абсолютизма. Конституция Н. Муравьева отправлялась от иных принципиальных предпосылок и приходила к другому юридическому построению. Политическим предположениям Новосильцева она противопоставляла отчетливо сформулированную идею народного суверенитета; она чрезвычайно суживала компетенцию монарха и подчиняла этого монарха власти законодательного парламента; представительные учреждения она конструировала как независимые и самостоятельно образующиеся органы; судебные учреждения она создавала на основе выборного начала. Уставная грамота Новосильцева, так же как предшествующий проект М. М. Сперанского, была попыткой некоторой части правящего дворянства приспособиться к новым буржуазным отношениям, сохранив нетронутыми основы феодально-монархического порядка. Наоборот, конституция Н. Муравьева была попыткой разрушить политические основы феодального порядка, сохранив внешнюю форму монархии, как традиционный символ авторитарной власти; в этом важнейшем вопросе государственного устройства Н. Муравьев держался последовательной буржуазной позиции. Предпочитая форму конституционной монархии, он рассчитывал не только предупредить «революционные потрясения», но и завоевать сочувствие прогрессивных кругов землевладельческого дворянства.

Аграрная программа, введенная в проект Н. Муравьева, ясно показывает, на какие общественные классы ориентировался автор революционной конституции. Уничтожение крепостного права было, однако, выгодно и формирующейся аграрной буржуазии, и усиливающемуся торгово-промышленному капиталу. Однако конкретное содержание аграрной программы, особенно детали начального варианта и откровенные мотивировки тюремной редакции, отчетливо раскрывают ее классовое происхождение: перед нами сознательный представитель землевладельческих интересов, который стремится «безболезненно» ликвидировать крепостное хозяйство, постепенно перестроив его на капиталистических основаниях. Если последовательное проведение гражданского равенства отбрасывало от Н. Муравьева большую часть передового дворянства, если «республикан-

ское» толкование наследственной монархии могло оттолкнуть значительные группы умеренных либералистов, то его конкретные аграрные предположения могли рассчитывать на более реальную и сочувственную поддержку: обсуждение крестьянского вопроса на протяжении первой четверти XIX столетия сопровождалось составлением или аналогичных, или очень близких проектов эмансипации.

Но вопрос о классовой основе конституции Н. Муравьева может быть поставлен еще более конкретно и ясно. Н. Муравьев разрешал в своем проекте не только проблему ликвидации крепостных отношений, но и другую, не менее существенную проблему овладения государственной властью. Соответствующие статьи его политического проекта не оставляют сомнений в его откровенной классовой ориентации: Н. Муравьев не только вычеркивал из политической жизни все неимущие элементы — он отдавал предпочтение частным собственникам перед общинными, обладателям земли перед носителями движимого капитала, представителям крупных имуществ перед средними и мелкими владельцами. Продуманной и чрезвычайно сложной системой имущественного ценза Н. Муравьев обеспечивал государственную власть за представителями класса буржуазии независимо от их сословного происхождения, национальной принадлежности и религиозного вероисповедания. Избирательная система Н. Муравьева испытала определенную социальную эволюцию: постепенно он демократизировал ее, уступая давлению более радикального революционного течения. В конце концов он предоставил классу мелкой буржуазии непосредственное участие в нижних палатах представительных учреждений, допустил средних собственников на местные административные должности и в высшие органы областного самоуправления; но он оставил за крупной буржуазией руководящие посты в местной администрации и депутатские кресла верхней законодательной палаты. При этом политическое значение крестьянской массы было искусственно понижено благодаря системе многостепенного голосования. Через все редакции муравьевского проекта проходит ясно обозначенная тенденция — допустить к участию в политической жизни все категории буржуазных собственников, но подчинить эти разнообразные слои руководящему влиянию крупных землевладельцев и богатых капиталистов. Перед нами определенная классовая позиция, раскрываемая содержанием аграрной программы и нормами имущественного ценза, — это позиция крупного землевладельца, переходящего на почву буржуазно-капиталистического порядка. Такая ориентация сближала с Н. Муравьевым не только его ближайших союзников по Северному обществу — Трубецкого, Н. Тургенева, Нарышкина, Фонвизина и др., — но и более широкие слои передового поместного дворянства. Объективно конституция Н. Муравьева отражала интересы именно этой классовой группировки, но в своем конкретном политическом содержании она зависела от создавшейся обстановки, и прежде всего от влияния более демократического и революционного направления. Приступая к своей литературно-политической работе, Н. Муравьев ставил себе определенную задачу: подчинить своему знамени «все состояния людей», и в первую очередь своих ближайших соратников по тайному революционному обществу. Но состав декабристской организации был социально неоднородным, а политические воззрения членов дробились между разными революционными течениями. Наряду с основным ядром крупновладельческого дворянства в Северном обществе стали расти и усиливаться среднепоместные и мелкобуржуазные элементы. Н. Муравьев должен был считаться не только с энергичным давле-

нием республиканского юга, но и с влиянием демократических тенденций в составе своей собственной организации. Отсюда — его систематические попытки «воспользоваться разными мнениями» и, не теряя самостоятельного лица, найти необходимую почву для объединяющего союза. Эти настойчивые поиски компромисса облегчались малочисленностью и слабой организованностью рылеевской группы. Н. Муравьеву не приходилось идти на радикальные изменения своего первоначального проекта. Однако он сделал определенные демократические уступки, особенно в важнейшем вопросе о нормах имущественного ценза. Последнюю редакцию конституции Н. Муравьева можно рассматривать как равнодействующую различных классовых направлений, существовавших и оформлявшихся в рамках Северного общества декабристов. Это была программа неофициального и непрочного блока, в котором господствующая роль принадлежала буржуазно-помещичьей группировке Н. Муравьева, а подчиненная, но революционно-инициативная — мелкобуржуазному течению Рылеева. Постоянное давление со стороны левого союзника отразилось не только в социальных уступках по вопросам аграрной программы и избирательной системы, оно сказалось и в принципиальных положениях Н. Муравьева — о проведении гражданского равенства и «республиканском» истолковании монархии. Оно помешало автору конституции сойти с его первоначальных революционных позиций и перейти на более умеренную платформу в условиях сельскохозяйственного кризиса и усиливавшейся реакции. Отсюда — неизбежный разрыв, который образовался между Н. Муравьевым, как представителем нарождавшейся аграрной буржуазии, и питавшей его социальной базой — передовыми кругами землевладельческого дворянства. Слева Н. Муравьеву угрожало более последовательное мелкобуржуазное течение, справа от него отходили более зажиточные и умеренные элементы. Программа Н. Муравьева оказывалась висящей в воздухе и обреченной на неизбежное политическое поражение.

VIII. СУД И СИБИРЬ

Об участии Н. Муравьева в тайной революционной организации правительство знало уже давно — из записки предателя М. К. Грибовского. Имя Н. Муравьева было упомянуто и в доносе капитана А. И. Майборода, представленном 26 ноября 1825 г. при донесении И. И. Дибича. Получив сведения о зачинщиках заговора, Николай I отдал распоряжение об арестах, но Н. Муравьев оказался в четырехмесячном отпуску и не мог быть подвергнут немедленному задержанию. М. А. Милорадович снесся с московским генерал-губернатором кн. Д. В. Голицыным, предложив ему выполнить «высочайшую» волю об аресте Н. Муравьева. 15 декабря, еще не зная о событиях в Петербурге, кн. Голицын ответил Милорадовичу, что Муравьев находится в Орле, «выманить его невозможно», а если фельдъегерь остановит его на большой дороге, то Муравьев может со своими людьми «вступить в драку», обороняясь от нападения. Голицын рекомендовал поступить иначе: пусть дежурный генерал штаба вызовет Муравьева в Петербург «по случаю скорого прибытия государя» и одновременно даст соответствующее поручение орловскому губернатору.

18 декабря дежурный генерал А. Н. Потапов отправил предписание орловскому губернатору арестовать находившегося в отпуску Никиту Муравьева, отобрать и запечатать принадлежащие ему бумаги и сдать арестованного вместе с бумагами фельдъегерю Сигизмунду; подчеркива-

лось, что «при взятии бумаг г. Муравьева должно употребить большую осторожность, дабы он не успел скрыть из них некоторых». Фельдъегерю было поручено тщательно узнавать на всех станциях, не проехал ли Н. Муравьев в Петербург, и если проехал, то быстро вернуться и сообщить. Фельдъегерь вернулся и сообщил, что Муравьев успел выехать из Орловской губернии в Петербург. 25 декабря полковнику Жуковскому было приказано в сопровождении двух жандармов направиться «по тракту навстречу капитану Муравьеву», арестовать его, отобрать и запечатать все бумаги и доставить его в Санкт-Петербургскую крепость.

Но Н. Муравьев был арестован раньше, чем встретился с полковником Жуковским. 20 декабря в имение Чернышевых приехал жандармский офицер и предложил Н. Муравьеву немедленно ехать к московскому генерал-губернатору. По сообщению мемуаров, это предписание и последующий арест сына Чернышевых Захара, гвардейского ротмистра, произвели потрясающее впечатление в семье Чернышевых. Следы пережитого волнения еще заметны в московском письме Н. Муравьева, отправленном жене 23 декабря: оно написано колеблющимся почерком, в подавленном тоне и с явным намерением успокоить оставшуюся семью. 25 декабря, в 9 часов вечера, Н. Муравьев был доставлен в Петербург, привезен во дворец, представлен Николаю I и по его приказанию посажен на главную гауптвахту «впредь до повеления». На следующий день он был препровожден в Петропавловскую крепость для «содержания под строжайшим арестом» и помещен в четвертый каземат Аннинского бастиона¹.

Восстание и арест произвели сильнейшее впечатление на Н. Муравьева: его письма и показания рисуют всю степень понесенного им удара. В его сознании носились образы происшедшего кровопролития, а яркое представление семейного горя соединилось с ощущением неминуемого возмездия. Вероятно, допрос у императора усилил и обострил это душевное состояние. Н. Муравьев чувствовал себя раздавленным и бессильным перед лицом победившей и могущественной власти. Вспыхнувшее восстание казалось ему безумным предприятием; его собственная политическая деятельность представлялась ему попыткой воздвигнуть «новую вавилонскую башню». Старые чувства патриархального подчинения, воспитанные с детского возраста и заглушенные новыми жизненными влияниями, проснулись и вытеснили все остальные. Под сводами Аннинского бастиона Н. Муравьев чувствовал себя не революционным героем, а сыном и подданным, который не может простить себе совершенного преступления. Читая его письма к родным и к Николаю I, мы чувствуем, что автор был искренним, что перед нами действительно торжество дворянской традиции и старой отцовской морали. С чувством христианина и верно-подданного Н. Муравьев благодарит императора за присланное Евангелие, говорит ему о «гнусности своей вины» и о своем искреннем безграничном раскаянии. В промежутках между допросами он погружается в чтение религиозной литературы и ищет утешения в псалмах Давида, в пророчествах Исайи и в собрании проповедей Массильона. Письмо к матери, датированное 29 декабря 1825 г., ярко передает его душевное состояние: «Дорогая матушка, я падаю ниц к вашим ногам, охваченный чувством самого глубокого и самого искреннего раскаяния. Мои глаза раскрылись поздно, но окончательно. Являясь одним из руководителей этого несчастного общества, я несу на себе ответственность за пролитую кровь и за горе такого огромного количества семей. Что касается вас, то я не призывал во внимание ни вашей исключительной и незаслуженной любви ко

мне, ни ваших несчастий. Поверьте, угрызения совести будут преследовать меня в течение всей моей жизни. Я причинил несчастье вам, своему брату и своей жене, сделавшись палачом по отношению к ее семье. Я не имел доверия ни к вам, ни к своей жене, а вы обе могли вывести меня на дорогу добродетели. Не откажите мне, дорогая матушка, в своем материнском благословении, я убежден, что оно поможет мне умиловить небесную справедливость. Пришлите мне свои приказания — я надеюсь, что великодушные нашего государя позволят им дойти до меня. Они будут исполнены буквально и без замедления. К несчастью, я узнал, насколько я не должен был доверять самому себе. Я умоляю вас о прощении, склоняясь к вашим ногам и орошая их слезами. Как я страшусь, чтобы несчастье, которое поражает вас во всем том, что было для вас самого дорогого, не оказалось роковым для вашего здоровья. Ради бога, пощадите его, ваша жизнь была только рядом благодеяний для всякого, кто приближался к вам. Я заклинаю вас об этом своими сиротами, от которых я отделен так надолго. Я страшно боюсь за роды своей жены. Моя судьба — убить всех тех, которые составляют предмет моей любви, и сделаться предметом презрения и отвращения для всего мира. Вот до чего довела меня гордыня. Она ослепила меня, она помutilа мой разум, она привела меня к преступлению. Молите за меня бога, дорогая матушка, старайтесь склонить в мою пользу божественную благодать, мне нечего больше ждать на земле. Тысячу и тысячу раз целую ваши руки, дорогая матушка. Ради бога, простите меня от глубины вашего сердца. Как я хотел бы иметь известие — о вас, о своих детях и о своей бедной жене. Моя жена должна переживать тоску — имеете ли вы о ней вести?

Падаю к Вашим ногам ваш недостойный
сын *Никита Муравьев*»

Это письмо характеризует не только личные чувства Н. Муравьева, отражает в себе не только естественное чувство скорби за близких и страдающих людей. Так же как письма к жене и к Николаю I, оно проникнуто определенным политическим настроением. Перед нами — полное и безоговорочное отречение от прежней революционной деятельности, смиренное и униженное возвращение в патриархальное лоно религиозной веры, почтительное повиновение власти. Так разрешился внутренний кризис, который назревал в сознании Н. Муравьева в течение последних месяцев его политической деятельности. Тогда он чувствовал себя разочарованным и одиноким, теперь он потерпел полное крушение прежней революционной веры. Он не ощущал за собой могучей и ободряющей поддержки своего класса, «весь мир» казался ему презиравшим его «преступление», а он сам — заблудившимся с «пути добродетели» на чужую и чуждую политическую дорогу.

Правда, острота душевного кризиса мало-помалу смягчалась: постепенно Н. Муравьев освоился со своим положением, примирился с предстоящей ему участью и вернул себе способность к более спокойному размышлению. Восстание и крепость не убили его гражданского чувства, но они окончательно похоронили в нем прежнего революционера. Н. Муравьев не вернулся к мировоззрению своего отца, не примирился с русской действительностью, но он навсегда отвергнул идею насильственного переворота. Пережитые события довершили его внутренний перелом, который подготовлялся годами и коренился в условиях его классового положения. Политические и социальные взгляды Н. Муравьева окончательно

но сложились в систему умеренного и мирного либерализма; под знаком этого внутреннего сдвига проходила вся его жизнь в последующие сибирские годы.

Условия тюремного заключения Н. Муравьева были тяжелыми, но более благоприятными, чем у большинства декабристов. По-видимому, Николай I быстро уловил слабые стороны своего противника: он поспешил прислать ему экземпляр Евангелия и немедленно разрешил ему домашнюю переписку. Архив Петропавловской крепости наглядно вскрывает то привилегированное положение, в которое был поставлен арестованный Н. Муравьев. Наряду с Трубецким он пользовался ценнейшими преимуществами, в которых было отказано другим заключенным: через посредство кн. А. Н. Голицына он непрерывно переписывался с матерью и с женой, получал от них вещи и книги, сообщал им о своем физическом и моральном состоянии, узнавал от них о семейных событиях и о здоровье своих детей. С «высочайшего» разрешения ему предоставлялись периодические свидания еще задолго до общего распоряжения. Причины таких послаблений крылись не только в искусной тактике Николая I, желавшего «приручить» хорошо осведомленного противника; на самого Николая I оказывалось систематическое давление за пределами Петропавловской крепости: к нему направлялся непрерывный поток собственноручных прошений, которые ходатайствовали о свиданиях, умоляли о смягчении участи, апеллировали к его милосердию и великодушию. Такие прошения поступали не только от матери и жены, к царю обращались и гр. Е. П. Чернышева, и даже арестованный брат, моливший обратить на него одного «всемилоостивейший и праведный гнев» монарха. Несомненно, что Муравьевы использовали все свои наличные связи, чтобы повлиять на действия самодержавного правительства. Сохранившиеся письма крупных сановников — А. Н. Голицына, А. Х. Бенкендорфа, А. Ф. Орлова, А. И. Татищева, адресованные родственникам Н. Муравьева, — в неизменно изысканном тоне. Такую же любезную форму носили личные резолюции Николая I, дававшие милостивое разрешение или уклончиво объявлявшие, что он «не может ничего обещать». Только что победивший самодержец видел в ближайших родственниках Н. Муравьева представителей «собственного» дворянства, а в покаянных декларациях самого Н. Муравьева — выражение полной капитуляции и политического раскаяния. Он чувствовал, что не здесь, не в стремлениях руководителей Северного общества, гнездится главная угрожающая ему опасность. Его отношение к П. И. Пестелю, к С. И. Муравьеву-Апостолу и даже к К. Ф. Рылееву было совершенно иным, чем снисходительная милость к умеренным, отрекшимся от революции представителям богатого влиятельного дворянства.

Несмотря на видимую строгую изоляцию, Н. Муравьеву удалось установить тайные сношения с своей семьей: при помощи подкупленных часовых он отправлял жене небольшие записочки, в которых рассказывал о своем пребывании в тюрьме и давал необходимые указания о сокрытии важнейших книг и бумаг. Через некоторое время его перевели в лучшую камеру, и он почувствовал себя более спокойно и бодро. Между заключенными установилась внутренняя негласная связь — они обменивались впечатлениями, по-видимому, договаривались о показаниях, а в часы продолжительного безделья развлекались игрою в шахматы. Свидания происходили в присутствии коменданта, но, вероятно, без строгого и бдительного присмотра. Из разговоров с женой и из ее негласных записок Н. Муравьев имел возможность представить себе поло-

жение в столице — и состояние политической тревоги, которое не оставляло самодержавную власть, и взбудораженную атмосферу общественных слухов, которые носились вокруг начатого процесса. Известная часть дворянского общества, близко стоявшая к семье Муравьевых, окружила политических заключенных ореолом самопожертвования и героизма. Экзальтированная жена смотрела на мужа как на великого человека; молодое поколение Чернышевых видело в нем смелого и пострадавшего героя. Эти бодрящие настроения должны были оживлять Н. Муравьева, постепенно возвращать ему спокойствие и уверенность в своих силах. Природное самообладание помогало его душевной работе и непосредственно отразилось на ходе его следственного процесса².

Разбираясь в показаниях Н. Муравьева и сопоставляя их с делами других подсудимых, мы наблюдаем в них некоторые характерные особенности. Н. Муравьев не изливался в раскаянии, как Рылеев и Е. П. Оболенский, не бичевал своих прежних друзей негодующей откровенностью, как А. В. Поджио и П. Г. Каховский, но, с другой стороны, он не запыривался, как С. М. Семенов и И. И. Пущин, не ткал паутины сбивающих, но бессмысленных показаний, как Д. И. Завалишин. Показания Н. Муравьева даны очень умело и тонко: под маской внешней откровенности, в форме сухого, но обстоятельного рассказа они заключают в себе строгий расчет и обдуманную тактику. По содержанию поставленных вопросов Н. Муравьев быстро улавливает, о чем можно открыто высказываться и о чем следует безнаказанно умолчать. Учитывая создавшуюся обстановку — последствия чужой откровенности, неуязвимость отсутствующих членов, важность того или иного события, Н. Муравьев старается искусно маневрировать между подводными камнями политического процесса. Без нужды он не забегает вперед, но старается всюду, где можно, сохранить инициативу первого определяющего показания. Он дает «Историческое обозрение хода общества», предупреждая новые вопросы искусной и односторонней комбинацией событий; почти нигде он не лжет, но умело замалчивает и затушевывает явления; а там, где он не может быть проверен, — в скрытых явлениях личной жизни — он становится намеренно лаконичным и решается на отрицание несомненных, документально устанавливаемых фактов. Такая тактика сопровождает его с начала и до конца следственного процесса.

Н. Муравьев был арестован не первым: его допрашивали через одиннадцать дней после 14 декабря, когда в распоряжении следователей имелся накопленный материал совпадающих и подробнейших показаний. Очень возможно, что по дороге из Тагина в Петербург, особенно во время московской остановки, он был подробно осведомлен о произведенных арестах: орловский губернатор непосредственно сообщил Чернышевым о происшедшем событии; по словам Н. Муравьева, его известили в Москве о подробностях петербургского восстания. Этими первоначальными данными он должен был руководиться в своем первом показании генерал-адъютанту Левашову. Сведения, которые он сообщил о революционном обществе, были очень краткими и отрывочными; он не упоминает о первых тайных организациях и совершенно умалчивает о республиканских и революционных стремлениях юга, перечисляет некоторых сочленов, называет участников восстания — Е. П. Оболенского и К. Ф. Рылева, но ни одним словом не касается важнейших руководителей — С. П. Трубецкого, П. И. Пестеля и Н. И. Тургенева; наконец, ссылаясь на свою нижегородскую болезнь (в действительности фиктивную), он говорит об уничтожении своего конституционного проекта. Только в

письме на «высочайшее» имя, через несколько дней после ареста, Н. Муравьев впервые сообщает об участии Трубецкого.

5 января Н. Муравьев был подвергнут обстоятельному допросу в присутствии членов Следственного комитета. Свои показания он закрепил на бумаге и дополнил обстоятельной запиской о возникновении и развитии тайного общества. Из постановки вопросов Н. Муравьев должен был уловить, что правительству известны его мимолетное участие в Тульчинской управе, систематические сношения с югом, существование «Союза спасения» и первые разговоры о цареубийстве. Соответственно этому наблюдению и построены показания Н. Муравьева. Он подробно рассказывает о возникновении тайного общества, о быстрой ликвидации революционных попыток, о мирной деятельности «Союза благоденствия», основанного «на правилах чистейшей нравственности и деятельности любви к человечеству»; намеренно путает хронологию Московского съезда, отодвигая его на более ранний период, задолго до семеновского возмущения; совершенно умалчивает о своих попытках возродить тайное общество, а всю последующую историю петербургской организации рисует под знаком непрерывного и прогрессирующего упадка. Он излагает первый вариант конституции Пестеля, но осторожно умалчивает об ее последующих республиканских редакциях; тщательно обходит вопросы о планах восстания, диктатуры и цареубийства; разговоры о покушении 1818 г. представляет в нелепой и комической форме, приписывая их бессмысленным слухам и несчастной влюбленности Якушкина; подчеркивает индивидуальный характер вызова А. И. Якубовича и отрицательное отношение к этому факту со стороны всех членов петербургской и московской организаций. Важнейшие события в жизни тайного общества — совещание у Ф. Н. Глинки, собрание у И. П. Шипова, программные и тактические столкновения между севером и югом — не нашли себе места в «Истории» Н. Муравьева. За редкими исключениями его показания сотканы из действительных фактов, которые подтверждаются перекрестными данными; сообщения даны в конкретной и большей частью точной форме, носят внешний характер большой убедительности; но благодаря систематическим умолчаниям освещение деятельности общества оказывается совершенно неверным и определенным образом воздействующим на следователя: Н. Муравьев старался представить эту деятельность и более «невинной», и значительно менее сложной.

Недоговоренное Н. Муравьевым стало известно правительству от других, более откровенных подсудимых. Последующие допросы стараются приподнять наброшенное им покрывало. Располагая конкретными данными, Следственный комитет потребовал от Н. Муравьева дополнительных показаний об его катехизисе, о совещании у Глинки, о заседании у Шипова, о распространении конституции, о задачах и организации «Союза благоденствия». Н. Муравьеву приходилось раскрывать свои карты, подтверждая сообщенные ему факты, но стараясь притупить заостренные углы политического следствия; постепенно и медленно он сознается в республиканских стремлениях 1820 г. и в разнообразных планах цареубийства. Только на очной ставке с Пестелем, поставленный в безвыходное положение неотводимыми уликами, он вынужден был высказаться более последовательно и откровенно.

Тем временем в руках у следователей собирался новый материал о деятельности Северного и Южного обществ. Откровенные показания Пестеля, А. Поджою, Матвея Муравьева-Апостола и других декабристов обрисовали подробную картину напряженной борьбы между умеренным

и революционным течениями. 27 апреля 1826 г. Н. Муравьеву были даны новые вопросные пункты, сформулированные вполне конкретно и точно. Н. Муравьеву делалось ясным, что вся история тайного общества раскрыта правительством до мельчайших деталей. Тогда он оставил свои прежние предосторожности и дал последние исчерпывающие показания. Он перестал щадить Пестеля, детально рассказал о его плане диктатуры, дал ему резкую характеристику и обстоятельно изложил свою тактическую платформу. Н. Муравьев откровенно сознался, что он до конца сохранял республиканские убеждения. Некоторые показания Н. Муравьева были оспорены Пестелем; на очной ставке Н. Муравьев готов был согласиться, что не понял некоторых мыслей своего противника, но в общем он остался при своем прежнем унытожающем показании. Трафаретный лист о воспитании и пробуждении вольномыслия Н. Муравьев заполнил сжато и кратко, он не только умалчивал о важных моментах своей внутренней жизни, но уверенно отрицал несомненные факты. Он постарался не задеть ни одного имени (упомянув только покойных профессоров университета), заимствование свободных мыслей связал с официальными актами правительства (в частности, с варшавской речью Александра I), а все показания закончил обобщающим и ложным утверждением: «Никакие книги и лица не имели на меня влияния».

Следственный комитет не ограничился основными показаниями Н. Муравьева: учитывая его крупное влияние в обществе, его засыпали дополнительными вопросами о частных эпизодах и об отдельных лицах. Н. Муравьев должен был непрерывно сообщать следователям то об участии заправившегося С. М. Семенова, то о лицах, оговоренных И. Г. Бурцевым, то о прикосновенности Н. Тургенева к республиканским планам Рыльева. Эти мелкие показания Н. Муравьева, рассеянные по разнообразным делам декабристов, редактированы очень кратко и сухо; большей частью он показывает в пользу названных подсудимых — или отговаривается незнакомством, или отрицает их участие в обществе, или утверждает его в смягченной и безобидной форме («был, но отстал»). В общем, его показания менее пространны и убийственны, чем излияния остальных руководителей общества. Но он все-таки не поднялся до изощренных приемов М. С. Лунина, до его лаконических показаний, исполненных чувства собственного достоинства. Правда, у Лунина были важные преимущества: его допрашивали значительно позже других подсудимых, а его роль в революционной организации не имела такого большого значения. Н. Муравьев был первым основателем общества, неизменно стоял во главе его руководящей верхушки, знал больше и подробнее, чем другие. От него большего ждали и требовали, и он поплыл по течению, называя имена и рассказывая подробности, стараясь не топить своих товарищей по организации, но принимая позу безграничного чистосердечия.

Уже позднее, по окончании общего судебного процесса, Н. Муравьев подвергся неожиданному дополнительному допросу. По-видимому, правительству был подан донос о связях тайного общества с баварским Ордемом иллюминатов; в качестве посредника указывали на профессора Раупаха, высланного в свое время за границу за «вредное» либеральное влияние. Говорили, что Н. Муравьев брал у Раупаха уроки прагматической истории и мог явиться соединительным звеном между русскими заговорщиками и «всемогущей» заграничной организацией. Правительство забеспокоилось; мелькнула мысль, что следствие не открыло главных виновников, что источники зла остались нетронутыми; возникло решение

добиться признания Н. Муравьева высокой ценой — не только смягчения участи, но и полного прощения осужденного. 6 августа 1826 г. военному министру А. И. Татищеву было дано «высочайшее» повеление отправиться в Санкт-Петербургскую крепость и с глазу на глаз допросить Н. Муравьева, употребить увещания и угрозы, затронуть чувства сына, отца и мужа, нарисовать перспективы и быстрого освобождения, и более сурового наказания. Татищев искусно выполнил свое поручение: показание Н. Муравьева, написанное дрожащей рукой, отражает всю силу испытанного им волнения. Осужденного угнетает мысль, что правительство может не поверить его отрицаниям, что ему угрожают новые непредвиденные осложнения; он прилагает все усилия и мысли, и слова, чтобы отвести от себя всякое подозрение, убедить в своем незнакомстве с профессором Раупахом, доказать свое отвращение к иллюминатству; он становится в прежнюю позу раскаявшегося грешника и убеждает правительство, что он не утаил бы ни единого слова, если бы знал об ужасных иллюминатских связях. И военный министр, и правительство проникнулись убеждением Н. Муравьева, но задержали его в Петербурге до получения некоторых дополнительных сведений из Сибири от увезенного туда В. Л. Давыдова³.

По роду своей вины Н. Муравьев попал в первый разряд государственных преступников. Его приговорили «к смертной казни отсечением головы» за двухкратный умысел на цареубийство, за намерение изгнать императорскую фамилию, за «учреждение и управление тайного общества», наконец, за составление планов и конституции. На основании указа он получил «высочайшее» смягчение участи: лишенный чинов и дворянства, он был сослан «в каторжную работу на двадцать лет и потом на поселение» — «по уважению совершенной откровенности и чистосердечного признания». Вместе с другими осужденными он выслушал приговор, был подвергнут унижительной экзекуции и временно оставлен в каземате Петропавловской крепости. Постепенно осужденных начали рассылать в пограничные форты. Н. Муравьеву было предназначено временное заключение в форте Слава; позднее собирались препроводить его в Свеаборгскую крепость. Но следствие о Раупахе задержало его отправку, и он просидел под сводами Аннинского бастиона до 11 декабря 1826 г.

В этот день, в одиннадцать часов ночи, Н. Муравьева вывели в комендантский дом вместе с его братом Александром, И. А. Анненковым и К. П. Торсоном. Всех четырех заковали в железные кандалы, рассадили по отдельным повозкам и в сопровождении фельдъегеря отправили по сибирскому тракту. На ближайшей станции их ждали родные, в том числе жена и мать Н. Муравьева. Попытка подкупить фельдъегеря Желдыбина не увенчалась успехом. Лошади рысью промчались мимо станционного здания под напутственные крики провожавших женщин. «С цепями на ногах мы сделали эти 6050 верст в 24 дня», — вспоминал впоследствии Александр Муравьев. «Нередко сани опрокидывались и мы волочились по снегу с цепями на ногах. Это чистое счастье, что мы не были ранены или изувечены при такой гонке... Мы прибыли в Иркутск изнуренные усталостью и больные». Отсюда, испытав голод и холод иркутского заключения, осужденные были отправлены в общее помещение Читинского острога⁴.

Отношение дворянского общества к приговору над декабристами было далеко не однородным. Консервативное большинство приветствовало победившее самодержавие, прогрессивные общественные круги выражали семьям свое сожаление и сочувствие. Ярким показателем такого друже-

ского отношения является письмо писателя Н. И. Гнедича к Е. Ф. Муравьевой. Письмо написано 19 июля 1826 г. под свежим впечатлением вынесенного приговора. Автор просит прощения, что осмеливается тревожить священную и справедливую горесть матери, но «побуждение печальной дружбы» заставляет его заговорить в эту тяжелую и скорбную минуту. «Вам известно, люблю ли я Никиту Михайловича. Более, нежели многие, умел я ценить его редкие достоинства ума и уважать прекрасные свойства души благородной; более, нежели многие, я гордился и буду гордиться его дружбою. Моя к нему любовь и уважение возросли с его несчастьем: мне драгоценны черты его». Такое же отношение проявлялось к осужденным со стороны встречного населения. «Несмотря на оковы, нас всюду встречали с живейшим радушием», — вспоминал А. М. Муравьев. «В Костроме, пока перепрягали лошадей, один молодой человек, оттолкнув наших стражей, ворвался в комнату, где мы находились, и сказал нам: «Господа, мужайтесь, вы страждете за самое прекрасное, самое благородное дело. Даже в Сибири вы встретите сочувствие“...». Эти приветствия и напутствия внушали осужденным бодрость и веру, наполняли их сознанием трагического и высокого подвига. Обстановка судебной расправы, впечатления приговора и казни, ощущение перенесенных страданий постепенно развеяли первоначальные чувства бессилия и подавленности. Н. Муравьев и его спутники проникались новым настроением, которое возвышало их в собственном сознании и облегчало им мысль об ожидаемой каторге⁵.

Н. Муравьев уезжал в Сибирь с бодрящей мыслью, что в чужом и диком краю он не будет жить изолированно и одиноко. Еще за месяц до вынесения приговора, его жена, Александра Григорьевна Муравьева, обратилась к Николаю I с просьбой позволить ей разделить судьбу ее мужа, «как бы мучителен ни был ожидающий его жребий». Она говорила, что это «единственное счастье, которое осталось ей в этом мире». Отказ императора нанесет последний удар ее силам, «уже подточенным страданиями, раздирающими ее душу». А. Г. Муравьева не встретила сопротивления со стороны своей семьи: некоторые, в частности М. М. Сперанский и сибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский, отговаривали ее от «безумного шага», но ее любовь и уважение к мужу превозмогли и сильную привязанность к детям, и опасение тяжелых сибирских условий. 12 октября 1826 г. было объявлено по инстанциям, «что госпоже Муравьевой, рожденной гр. Чернышевой, высочайше позволяется следовать за мужем ее на Нерчинские рудники». А. Г. Муравьева узнала об этом через два месяца после официального извещения. Ей были предъявлены строгие правила, включенные в инструкцию коменданта. 2 января 1827 г. она уехала из Москвы в сопровождении нескольких дворовых, увозя с собой ставшее впоследствии знаменитым стихотворение «Во глубине сибирских руд...», переданное ей А. С. Пушкиным. Письма А. Г. Муравьевой, адресованные в Петербург, рисуют ее тяжелое состояние в этот переломный момент ее жизни. В Сибири ее ожидали новые невзгоды, мучительная болезнь и ранняя смерть. В Иркутске она нагнала М. Н. Волконскую, а в начале февраля уже достигла Читинского острога⁶.

Первую партию осужденных, в том числе и Н. Муравьева, разместили в темном и сыром помещении, окружили суровым режимом и с наступлением весны нарядили на земляные работы. Некоторое время спустя были выстроены специальные здания, и Н. Муравьев был поселен вместе с братом, Н. А. Бестужевым и другими декабристами в помещение «боль-

шого» тюремного каземата. Здесь, среди лязга цепей и непрерывного шума, потекли однообразные дни его сибирской жизни. Тяжелые условия смягчались атмосферой товарищества и снисходительным отношением коменданта. Поддерживалась постоянная связь с покинутым миром через А. Г. Муравьеву. Из России присылали книги, журналы и газеты. У Н. Муравьева постепенно скопилась библиотека, в которой преобладали античные классики и исторические сочинения. Обладая энергичной натурой, Н. Муравьев нашел себе дело и в стенах читинского каземата: Завалишина он обучал латинскому языку, а всем товарищам по каторге читал хорошо проработанный курс тактики и стратегии. Его поддерживали общение с друзьями и постоянная близость жены, которая виделась с ним через двухдневные промежутки. Иногда однообразные впечатления прорезывались тяжелыми или радостными событиями: известием о гибели малолетнего сына, рождением дочери, позднее — ее острой затяжной болезнью. Одно время мелькнула мысль о возможности коллективного побега, но она не встретила в Н. Муравьеве активного сочувствия и поддержки. Все время теплилась надежда на неизбежное и близкое освобождение: надеялись на заступничество родных и милость верховной власти. Сибирь казалась «проклятой страной», которая грозила погубить остаток жизни и дарования. Но все-таки, благодаря неизменной помощи со стороны матери, Муравьевы могли чувствовать себя сравнительно сносно. Со стороны коменданта Лепарского они встречали внимательное отношение семейного знакомого и светского человека. Е. Ф. Муравьева и гр. Г. И. Чернышев старались поддерживать с властями частую переписку. Заключенные каторжане не обременялись физическими работами. Отношение караульных было достаточно вежливым, только иногда происходили тяжелые эпизоды, грозившие неожиданными осложнениями. Однажды А. Г. Муравьева подверглась оскорблению со стороны пьяного офицера; произошло столкновение между начальством и заключенными, но Лепарский постарался замять осложнившееся дело. В августе 1828 г. с осужденных сняли железные кандалы и смягчили условия их пребывания в остроге. Н. Муравьев приобрел право посещать жену и постепенно переселился в ее дом, за пределы читинского каземата⁷.

Летом 1830 г. был отстроен специальный «замок» в Петровском заводе. Декабристы были разделены на две партии и под конвоем вооруженной стражи совершили многоверстный переход, который внес разнообразие в их тюремные впечатления. Новые казематы были разделены на одиночные камеры, имевшие больше места и воздуха, но помещения не имели окон и освещались тусклым светом из коридора. Заключенные и их родственники начали упорную борьбу, добиваясь, чтобы прорубили окна. Через несколько месяцев петербургские хлопоты увенчались успехом, были созданы сносные условия для человеческой жизни. Н. Муравьев был помещен в седьмом номере, в одном отделении со своими родственниками — родным братом, Ф. Ф. Вадковским и М. С. Луниным. Пользуясь присылаемыми суммами, А. Г. Муравьева выстроила себе просторный дом с садом, библиотекой и детской. В ее распоряжении была гувернантка, повар и горничная. Е. Ф. Муравьева непрерывно снабжала сыновей запасами провизии, мебелью, утварью, книгами. Иногда по сибирскому тракту направлялись целые обозы с разнообразными грузами для декабристов. Количество пересылаемых вещей обращало на себя внимание III Отделения с.е.и.в. канцелярии, но Лепарскому удавалось устранять возникавшие подозрения. Он умело ладил и с гр. А. Х. Бенкендорфом, и с заключенными, и с их влиятельными родственниками. Таким

образом, благодаря крупным денежным средствам и здесь, в условиях каторжного каземата, для Н. Муравьева создалась более благоприятная и удобная обстановка.

В Петровском заводе жизнь Н. Муравьева пошла по прежней колее сосредоточенных занятий и товарищеского общения. Декабристы соединились в хозяйственную артель, завели огороды, организовали ремесленные работы. Наряду с Трубецким и Волконским Н. Муравьев вкладывал в артельные суммы большие пай — от 2 до 3 тыс. руб. в год. Получая до 40 тыс. руб. ежегодно, А. Г. Муравьева могла оказывать широкую поддержку неимущим товарищам. Через нее, М. Н. Волконскую, Е. И. Трубецкую и остальных женщин поддерживались непрерывные связи с оставленными семьями, с дворянским обществом и с чиновными верхами правительственной власти. Старые привычки и вкусы, воспитанные предшествующими годами, громко заявляли о себе и в бревенчатых избах петровского каземата. Несмотря на опрошение быта, старались поддерживать светские вкусы и сохраняли прежние бытовые оценки. Наряду с Волконскими и Трубецкими Муравьевы стояли на страже этих привычных условностей, держались вместе и занимали в тюрьме несколько привилегированное положение.

В 1832 г. Н. Муравьева поразила двойной тяжелый удар: сначала умерла его младшая дочь, а затем, после продолжительного недуга, умерла жена, возбудившая к себе дружеские симпатии со стороны тюремного населения. Во всех воспоминаниях ей посвящаются теплые, иногда восторженные строки. Несчастье Н. Муравьева почти совпало с окончанием тюремного заключения его брата. Н. Муравьев должен был остаться один с четырехлетней дочерью, которая жила за пределами каземата. По собственной инициативе его брат обратился с ходатайством об оставлении его в Петровском заводе. Последовало «высочайшее» разрешение, и у Н. Муравьева, подавленного личным несчастьем, сохранилась моральная точка опоры. Его душевное состояние все более и более принимало формы христианской резиньяции; он успокаивал мать, уверяя, что свободен «от всякой зависти к радостям и чаяниям света», что его сердце способно сочувствовать окружающим и что он не потерял желания жить и надеяться. Последующие годы вполне подтвердили эту оценку: выйдя из петровского каземата, Н. Муравьев проявил и прежнюю энергию, и жажду активной работы. Вспоминая о прошлом, он не отворачивался от будущего; подводя итоги своей деятельности, он связывал ее с начинавшимся переломом в общественно-политической жизни⁸.

Указом 14 декабря 1835 г. Н. Муравьев был освобожден от каторжных работ и «обращен на поселение» в Иркутскую губернию. Мать приложила все усилия, чтобы обеспечить сыновьям более благоприятные жизненные условия: она заранее обратилась к царю, к Бенкендорфу и к сибирскому генерал-губернатору Броневскому с просьбой поселить Муравьевых в одном из лучших уездных городов Сибири — в Кургане, Тюмени или Ялуторовске. Были предприняты хлопоты, чтобы добиться поселения Муравьевых вместе с доктором Вольфом и постоянной помощью авторитетного врача обезопасить жизнь больной дочери. В результате длительной переписки правительство поселило братьев Муравьевых и доктора Вольфа в селении Уриковском, недалеко от города Иркутска, — в том же месте, где устроился М. С. Лукин, а несколько позднее — Волконские. Мать прислала на переезд 10 тыс. руб. ассигнациями, специально купленную карету и новый транспорт вещей для домашнего обзаведения. 18 июня 1836 г. Муравьевы

простились с оставшимися заключенными и тронулись в путь по направлению к западу. Несколько дней ушло на переправу через озеро Байкал; 4 июля путники уже были в Иркутске и после короткого отдыха переехали в назначенное для них место. Временно сняли большую двухэтажную избу с хозяйственными пристройками и огородом, выписали из России дворовую прислугу, купили лошадей и коров, наняли постоянных работников. Но, рассчитывая на долгое пребывание, Муравьевы решили устроить себе более прочное и удобное место для жизни. В течение лета был составлен план собственного дома, приобретены строительные материалы и с ранней весны приступлено к возведению здания. Осенью 1837 г. Муравьевы устроились на новоселье, постаравшись обставить свое жилище как можно удобнее и приятнее. Вокруг дома развели сад, засадили его деревьями и цветами, защитили дом от порывов холодного ветра; обратили большое внимание на устройство отопления, обеспечили комнаты обилием света и воздуха. Постройка дома обошлась в 23 тыс. руб. Н. Муравьев был доволен созданной обстановкой, достигнутым уединением и спокойствием своего изолированного существования⁹.

С этого момента началась новая, последняя полоса в жизни Никиты Муравьева. Проживая в Уриковском, он продолжал поддерживать связи со своими друзьями и «союзниками»: вел оживленную переписку не только с матерью и детьми, но и с сестрами покойной жены; время от времени обменивался письмами с И. Д. Якушкиным, И. А. Анненковым, Ф. Ф. Вадковским; часто встречался с М. С. Луниным и С. Г. Волконским; радушно принимал Трубецких и старшую дочь В. Ф. Раевского. За тысячи верст он старался руководить воспитанием старших дочерей, которые оставались на руках у Е. Ф. Муравьевой: просматривал их тетради и дневники, следил за их умственным и моральным развитием, высказывал свои наблюдения и советы. При нем оставалась младшая дочь «Нонушка» (Софья), родившаяся в Читинском остроге; в первые месяцы после утраты жены, чувствуя себя раздавленным и бессильным, Муравьев хлопотал о переезде дочери в Москву, но Николай I не дал на это своего разрешения, «ибо несообразно было бы воспитание ее вместе с сестрами... которые принадлежат дворянскому сословию, между тем как она рождена в податном состоянии». Однако в 1842 г. Николай I решил осчастливить «государственных преступников» новой милостью: он разрешил поместить детей в учебные заведения, но при условии «не позволять носить им фамилии, коей невозвратно лишились их отцы, но именовать по отчеству, т. е. Сергеевыми, Никитиными и Васильевыми». Это предложение глубоко возмутило Никиту Муравьева: в официальном предложении он увидел оскорбительную и произвольную меру, которая «разрывала дорогую и священную связь между родителями и детьми». Он отказался от предоставленной льготы и мотивировал вынесенное решение следующими словами: «Отнятие у дочери моей фамильного ее имени поражает существо невинное и бросает тень на священную память матери и супруги... Какие житейские выгоды в зрелых летах заменят моей дочери сознание, что она исполнила долг свой и служила утешением и подпорою отцу своему?». Н. Муравьев предпочел сам заниматься воспитанием и обучением дочери. Он непрерывно выписывал из России педагогические пособия, учебники, книги для чтения; преподавал девочке русский, английский и французский языки, внушал ей религиозное чувство, занимался с ней уроками истории и географии, читал с ней произведения изящной литературы. Дочь вырастала под влияниями декабрьских событий, петровского каземата и сибирского поселения;

идея политического освобождения и культ пострадавшего отца составляли главную основу ее внутренней жизни¹⁰.

Наряду с воспитанием дочерей Н. Муравьев продолжал самостоятельные умственные занятия. Его сибирская библиотека неизменно пополнялась старыми и новыми сочинениями: рядом с работами о Сибири здесь появились исследования о железных дорогах, Полное собрание законов Российской империи и французские юридические пособия, описания Июльской революции во Франции и «Русская история» Н. Г. Устрялова, различные энциклопедии и географические справочники. Н. Муравьев предпочитал английскую литературу французской, историю — философии; просил присылать все новое, что появляется о России, все, что характеризует современную политическую жизнь, а также все выходящие мемуары. В зимние вечера он окружал себя книгами и чувствовал себя перенесенным в привычную и любимую стихию. Он сосредоточенно следил за русской и западноевропейской жизнью, изучал проявления внешней и внутренней политики, подмечал все попытки преобразовательной деятельности и все репрессивные акты, исходившие от правительства Николая I, уделял особенное внимание новым хозяйственным явлениям и новым фактам в литературной и общественно-политической области¹¹. В летние месяцы жизнь Н. Муравьева принимала несколько иные формы: он превращался в энергичного агронома, проводил долгие дни на полях, на расчищаемых залежах, в хлебных овинах и в зерновых амбарах. Эти занятия сельским хозяйством продолжались с первого года поселения Н. Муравьева и до последнего дня его жизни.

На основании правительственных распоряжений каждому поселенцу отводилось по 15 дес. земли для самостоятельной обработки; кроме того, разрешалось наравне с крестьянами «расчищать и удобрять из-под лесов и болот остающиеся без употребления земли для пашни и сенокосов» с правом 40-летнего владения расчищенными участками. На основании этого права братья Муравьевы получили 30 дес. из земель Урикского селения. Располагая свободными средствами, они расчищали пустоши на реке Ангаре, поднимали нетронутые залежи и снимали в аренду дополнительные пай в сенокосных и пахотных угодьях местного крестьянства. В общей совокупности у них накапливалось от 60 до 70 дес. отдельно расположенных участков. На этой площади Н. Муравьев завел опытное плодопеременное хозяйство, построил мельницу, рассчитывал основать образцовую ферму, проектировал постройку сушильни и кирпичного завода.

Селение Уриковское лежало у слияния рек Усть-Куды и Ангары, на обезлесенном пространстве, подвергавшемся вредному влиянию холодного северо-восточного ветра. Но, несмотря на отрицательные условия сибирского климата, земля давала хорошие урожаи, если посеянные хлеба не «выдувались» в малоснежные зимы. Местное хозяйство велось примитивно, поля были истощены и засорены, никто не слыхал об агрономических улучшениях. У Н. Муравьева появилась мысль стать культурным «пионером» в этой отсталой и полуничей окраине; перед ним открывалось широкое и свободное поле для разнообразных агрономических опытов. Он с увлечением отдался этой идее и постарался обставить свою работу необходимыми пособиями и практическими средствами. Содействие матери оказывало ему и тут неоценимую услугу. Н. Муравьев выписал богатую агрономическую литературу, тщательно изучил классические труды Тэера, Синклера и Домбаля, познакомился с русской земледельческой прессой, подписался на «Maison Rustique», постарался

выяснить себе спорные вопросы русской практической агрономии. Он одинаково пристально следил и за русскими теоретическими новинками, и за описанием сельскохозяйственной сессии в Оксфорде. По его словам, Тэера «он знал наизусть»; его агрономические дневники и конспекты заполнены выдержками из иностранных и русских источников. Руководясь советами теоретиков агрономии, он составил план собственного хозяйства, завел усовершенствованные орудия, выписал отборные семена и организовал строжайший учет всех предпринимаемых операций. Изю дня в день он записывал свои работы — подготовку семян, пахоту, посев, сенокос, жатву и умолот; точно обозначал количество обработанной земли, посеянного и обмолоченного зерна, собранного сена, рабочей силы и живого инвентаря; подводил итоги, сопоставлял и оценивал, насколько эффективна и выгодна была та или иная земледельческая операция. Летние месяцы он проводил в поле: непосредственно наблюдал за «взметом», двоением и троением пашни, «сердился на каждый комок земли и стремился превратить его в порошок»; выписывал плуги, экстирпаторы и конные грабли; с большой тщательностью исполнял чертежи улучшенных орудий и по моделям, полученным из Москвы, заказывал собственные вейлки, плуги и запашники.

На земельной площади Муравьевых было разбито несколько полей, засеянных разнообразными зерновыми культурами попеременно с торницей (*spargula*) и клевером. Главным образом сеялись озимая рожь, яровая пшеница, овес, ячмень и гречиха; делались опыты посева полбы, конопли и гималайского ячменя; кроме того, сажался картофель и разводилась люцерна. Из года в год увеличивались площади и размеры посевов. Кроме постоянных работников, нанимались сезонные, особенно в период покоса и жатвы; общее количество рабочей силы доходило до 90 человек в год. В 1844 г. Н. Муравьев собрал со своей площади около 2 тыс. пудов зерна; большая часть урожая продавалась, но установить степень доходности предприятия невозможно за отсутствием прихода-расходных тетрадей. Хозяйственной реализацией продуктов ведал Александр Муравьев; по-видимому, эта сторона дела меньше интересовала Н. Муравьева: все свое внимание он обращал на организацию образцового агрономического хозяйства, на соответствие между затраченными усилиями и достигнутыми техническими результатами. Обычно Н. Муравьев ставил себе хозяйственное задание, производил эксперименты и практически проверял положения теории. Надо прибавить, что он учитывал местные климатические и почвенные условия, присматривался к традиционным крестьянским приемам и некоторые из них — например, способы бурятского луговодства — признавал полезными и достойными подражания. Он не скрывал от себя замеченных ошибок и старательно отмечал их в своем дневнике; систематическое улучшение заимствованных и самостоятельных методов составляло основную задачу его агрономической деятельности.

В своих сельскохозяйственных начинаниях Н. Муравьев наталкивался на разнообразные преграды: ему мешали и бедствия сибирского климата, и отдаленность от умственных центров, и некультурность местного населения. Но особенно часто он жаловался на рабочую силу — на «нерадение, пьянство и непроизводительный труд» наемных рабочих. В этих постоянных и повторяющихся жалобах звучала не только досада увлеченного агронома, но и привычная точка зрения земельного собственника. Н. Муравьев с завистливым чувством сопоставлял английских и русских рабочих; но, подходя к вопросу с широкой экономической точки зрения,

он видел источник слабой производительности в некультурности населения и в неправильной политике властей. Свободный наемный труд он продолжал считать необходимым условием сельскохозяйственных улучшений. Поголовное увлечение барщиной, которое наблюдалось в середине 30-х годов XIX в., вызывало с его стороны возражения; он просил свою мать не устраивать «пашни» и считал предпочтительной, хотя и более сложной, систему вольного найма.

Существовала несомненная связь между агрономическими увлечениями Н. Муравьева и его прежним опытом земельного собственника. Рассказывая о своих начинаниях, он вспоминает иногда о саратовских землях, о приемах того или иного помещика, о способах крестьянского производства. Военная служба помешала ему непосредственно организовать собственное хозяйство, сибирская ссылка не дала ему возможности управлять собственными имениями; в России он был больше землевладельцем, чем хозяином; в Сибири, наоборот, — больше хозяином, чем землевладельцем. Но и здесь и там перед нами вскрывается одинаковая точка зрения прогрессивного помещика, который мыслит новыми понятиями аграрно-капиталистической эпохи. Сибирская агрономия — яркий эпизод в жизни Н. Муравьева, который ретроспективно освещает его экономические мотивы и объясняет многие черты в его предыдущих социальных и политических построениях¹².

Муравьевы не ограничивались ведением собственного земледельческого хозяйства. Селение Уриковское находилось в нескольких верстах от Иркутска, крупного коммерческого центра, в котором сосредоточивались торговые сношения между Москвой и Китаем. Здесь функционировали банкирские конторы, оптовые склады и большие предприятия, основанные богатыми сибирскими купцами. Благодаря постоянной помощи со стороны матери Муравьевы располагали значительными денежными средствами, которые измерялись десятками тысяч рублей ассигнациями; официально они имели право получать не более 3 тыс. руб. в год, но пользовались каждым удобным поводом, чтобы увеличить свои наличные суммы. В письмах с оказией они просили мать заделывать деньги в посылаемую мебель, заклеивать в переплеты книг, отправлять на имя гувернантки, передавать через приезжающих посредников, наконец, пользоваться надежными купеческими адресами. По выражению Н. Муравьева, они хотели «иметь доходы умеренные, но чистые», другими словами, стремились пустить в оборот накопленные суммы, чтобы получить выгодное приращение капитала. Уриковский дом Муравьевых притягивал к себе представителей иркутского купечества — банкиров Медведникова, Персина, Кузнецова и других, которые развертывали перед хозяевами перспективы доходных коммерческих спекуляций. Сначала Муравьевы покупали денежные серии или распределяли капитал в частные руки, взимая по 8% с кредитованной суммы. Позднее они перешли к самостоятельным торговым и промышленным предприятиям. Они заметили, что незамерзающая водяная мельница расположена в 50 верстах от селения Уриковского и окрестное население испытывало большие неудобства при помоле хлеба. Они решили выстроить собственную мельницу, которая приводилась в движение лошадьми и волами. По расчетам Муравьевых в зимние месяцы выстроенная мельница должна была давать обеспеченный и немалый доход в размере 25 руб. в сутки. Но еще выгоднее оказалось участие в местной рыбной промышленности. Озеро Байкал изобиловало большими запасами омулей, которые составляли один из важных продуктов питания для окружающего населения. Ловля омулей

производилась крупными рыбопромышленниками, которые строили специальные барки, снабжали их необходимым инвентарем и нанимали кадры из опытных рабочих. В удачные годы ловля омулей давала огромную прибыль и считалась одним из источников быстрого обогащения. Муравьевы вступили в пай с богатым крестьянином Акундиновым, жителем селения Малая Разводная. В 1842 г. они вложили в это предприятие 20 тыс. руб. и получили на них 7 тыс. руб. чистой прибыли; однако подобная операция, давшая 35% дохода, считалась ими сравнительно неудачной. Гораздо больше обещала им умелая и широко проведенная спекуляция с хлебом. Местные капиталисты, а по их примеру и Муравьевы, исходили из точного и безошибочного расчета: в силу особенностей иркутского климата в окрестностях города наблюдалась периодическая смена урожайных и неурожайных годов. Через каждые 5—6 лет жители собирали со своих полей большие запасы ржи, овса и пшеницы; стоимость зерна падала, и хлебные торговцы могли выколачивать прибыль только крупными массовыми поставками. Зато в следующие годы наблюдался все возрастающий недостаток хлеба; цены на ржаную муку поднимались с 60 коп. до 2 руб. 30 коп. за пуд, на пшеничную — с 1 руб. до 3 руб. 25 коп. Крупные хлеботорговцы, имевшие заготовленные запасы, начинали спекулировать на повышении цен и получали при этом баснословные барыши. Муравьевых соблазнили эти хлебные спекуляции, и они решили испробовать «самое выгодное и безопасное» получение дохода. Александр Муравьев действовал в компании с Ф. Ф. Вадковским и иркутским чиновником Якубовичем, получая на хлебных операциях от 20 до 40% прибыли; время от времени братья извещали Е. Ф. Муравьеву об удачном исходе своих предприятий и развивали перед ней новые коммерческие проекты.

Особенно заманчивыми казались им золотопромышленные операции, о которых немало рассказывали опытные иркутские капиталисты. «Здесь Эльдorado», — писал матери Александр Муравьев. По его словам, вчерашние бедняки быстро превращаются в Сибири в миллионеров. Дóроги поиски, но затраты на добычу невелики, и если рудник окажется богатым, он сразу вознаграждает вложенные усилия. Они достаточно знают страну и знакомы со многими лицами, на которых можно вполне положиться. Пусть Е. Ф. Муравьева выхлопочет у министра финансов Канкрин разрешение на поиски золота в Восточной Сибири, да пришлет от своего имени доверенность на указанное ими лицо, и они начнут эксплуатировать золотую руду или войдут пайщиками в одно из действующих предприятий.

По-видимому, Е. Ф. Муравьевой не удалось раздобыть приискового свидетельства, и хозяйственные проекты Муравьевых остались неосуществленными; но они чрезвычайно характерны для сибирского периода в жизни Н. Муравьева, — так же как постройка собственной мельницы, компанейская ловля омулей и ростовщические спекуляции с хлебом. В условиях богатой колонизирующейся окраины, под влиянием роста торгово-промышленного оборота у Н. Муравьева усилился прежний дух капиталистического накопления. Правда, непосредственное ведение коммерческих операций падало на его брата, Александра, но он тоже играл инициативную роль при составлении хозяйственных планов и при подведении предварительных итогов; он не отделил себя от деятельности брата и подробно рассказывал матери об общих успехах, неудачах и задуманных начинаниях. Его опыты аграрного предпринимательства

нашли себе естественное дополнение в этих широких капиталистических операциях торгового и промышленного типа¹³.

Но Н. Муравьев не замыкался в узкий ограниченный круг собственного небольшого хозяйства: капиталистическая стихия, которую он воспринимал не только косвенно, через присылаемую литературу, но и более непосредственно, через сибирские впечатления, толкнула его на новую литературную работу. Н. Муравьев предпринял большое самостоятельное исследование с целью разработать проект о «сообщениях России», точнее говоря, о проведении широкой сети взаимно сообщающихся каналов. С этой целью Н. Муравьев собрал большой фактический материал о существующих каналах в Америке, Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Италии и Дании; он поставил своей задачей выяснить назначение, расстояние и глубину действующих каналов, количество и категории транспортируемых через них грузов и, наконец, влияние речной перевозки на быстроту и доходность коммерческих сношений. Параллельно он собрал сведения о различных путях сообщения в России, о быстроте течения ее рек, о прибрежных культурах, о расстояниях и о количестве отправляемых грузов; одновременно он учел прежние проекты постройки каналов и экономические расчеты, связанные с действием навигации. Этот подобранный и систематизированный материал, извлеченный из иностранных и русских источников, хранится в его архиве наряду с записями о государственном кредите, банковских оборотах и русских финансовых операциях. Н. Муравьев не остановился на этой подготовительной работе: по сообщению его друзей, он написал целое «сочинение о канализации России», но сжег его в минуту тревоги после неожиданного ареста Лунина. Однако краткая схема составленного проекта уцелела в бумагах Н. Муравьева, и, вчитываясь в эти черновые наброски, мы можем подметить руководящую экономическую идею автора. Н. Муравьев проектировал сложную систему торговых путей сообщения. Он исходил из географических условий Европейской России — ее низменного строения, обилия рек и наличия четырех приморских бассейнов; отсюда вытекала его основная задача — соединить морские порты, которые открывают России ближайшие торговые пути в западные и восточные страны. Н. Муравьев решил использовать не только крупные реки, но и мелкие сближающиеся притоки; он задумал четыре основные системы каналов — между морями Балтийским (через Рижский и Финский заливы), Каспийским и Белым; одновременно он соединял Каспийский и Черноморский бассейны двумя системами донско-волжских и окско-донских каналов. Дополнением служили системы, имевшие внутреннее значение: одна из них соединяла водные пути Беломорского бассейна, другая связывала речные долины Оки и Волги. Существующие каналы были приняты во внимание и включены в новую расширенную систему. Общее количество проектированных каналов достигало солидной цифры — 53.

Обладая хорошими математическими познаниями, Н. Муравьев не мог ограничиться голой абстрактной схемой; содержание выбранного материала и сущность произведенной работы вполне выясняются из сохранившихся записей. Н. Муравьев очень интересовался проведением железных дорог и, вероятно, расценивал этот факт с точки зрения его хозяйственного эффекта, но он едва ли верил в быструю и повсеместную победу этого нового способа сообщения. Он знал, что Россия бедна и отстала, что она не имеет достаточно капиталов и не может поспеть за европейскими государствами. Зато Россия богата естественной системой

речных дорог, которые имели крупное историческое значение и заключают в себе широкие нераскрытые возможности. Надо использовать и развить старую петровскую идею и преобразовать всю страну в непрерывную сеть дешевых путей сообщения. По мысли Н. Муравьева, это грандиозное начинание должно было оказать могущественное влияние на дальнейшее развитие торговли, земледелия и промышленности.

За отсутствием материала мы не можем оценить технической и коммерческой пригодности составленного проекта, но он интересен не только со стороны его практической целесообразности, но и с точки зрения его социально-экономической тенденции. Перед нами яркий продукт нового капиталистического мышления, который апеллирует к развитию производительных сил и к расширению рыночных оборотов. Автор обладает широким экономическим кругозором; образец его построений — технический и хозяйственный опыт Америки и Европы; в отправной точке зрения он стоит на уровне развивающегося промышленного века. В этом смысле задуманный план проведения каналов вполне соответствует и проекту либеральной конституции, и опытам прогрессивного земледелия, и попыткам сибирского предпринимательства. Вероятно, готовая работа заключала в себе подробную экономическую мотивировку; очень возможно, что эта мотивировка была связана с политическим рассуждением — с критическим анализом современного государственного порядка и с общими выводами о необходимости его изменения. Именно это обстоятельство могло заставить встревоженного Н. Муравьева немедленно уничтожить итоги своих длительных изысканий¹⁴.

Воспринимая новые сибирские впечатления, Н. Муравьев имел частые поводы для характеристики и оценки правительственных действий. Его положение как политического ссыльного казалось вполне удовлетворительным: он не испытывал никакой материальной нужды, его отношения с местным населением не возбуждали подозрения, а сибирская администрация не проявляла к нему никаких придирок. В письмах с оказией Н. Муравьев с удовольствием сообщал матери, что они держат исправников «в респекте», внушая к себе почтительное уважение, как к людям обладающим влиятельными связями. Генерал-губернатор был к ним неизменно любезен, хотя проявлял некоторую подозрительность и плохо исполнял свои обещания. Тем не менее репрессивная политика правительства возбуждала страстное негодование Н. Муравьева. 19 января 1840 г. он писал матери из с. Уриковского: «Здесь не проходит дня, чтобы мы не видели новую жертву или чтобы не узнали о какой-нибудь новой несправедливости. В виленской газете напечатано — и я сам прочел это, — что несколько женщин удалены за пределы города — их выслали в Березов и Тару. Их оторвали от их детей, конфисковали все их имения, в то время как даже турки отказываются от конфискации. Мы видим здесь сосланных [польских] священников и монахов — и здесь им сообщают, что они осуждены за атеизм. „Сейчас мы узнали об этом в Иркутске“ — вот их ответ. Эти несчастные люди высланы на перекладных до пределов Сибири, которую они проходят пешком, а здесь поселенцы выброшены на мостовую без средств, без всякого внимания к их возрасту и их профессии. Можно ли унизиться до такой степени, чтобы хвалить людей, совершающих такие ужасы? Какой-то князь Трубецкой, вице-губернатор Вильны, особенно отличился, собственноручно избивая обвиняемых. Несчастные, которых мы здесь видели, подверглись пытке. Дмитрий Гаврилович Бибииков-безрукий, оскорбил женщин. „Что скажет о вас история?“ — спрашивают его его жертвы. — „Будьте уверены,

что она ничего не будет знать о моих поступках". Когда узнаешь о таких вещах, то самое меньшее, что можно сделать, это — хранить полнейшее молчание и избегать какого бы то ни было соприкосновения с правительством, которое так издевается над законами и справедливостью»^{*}.

Н. Муравьев не хотел обращаться к подобному правительству ни с какими личными просьбами: «всякое личное выступление, — говорил он матери, — значило бы отречение с моей стороны от выраженного мной негодования, которым проникнуто мое сердце». И он приводил в пример слабость кн. А. И. Одоевского: который «сделал невозможное и написал стихи в честь наследника, мотивируя свой поступок желанием отдалиться заботам о престарелом отце. Его послали на Кавказ, отец видел его только проездом, а теперь они навеки разлучены здесь, на земле. Стоило для этого льстить и отказываться от своих убеждений!»

Н. Муравьев целиком стоит на стороне Лунина в его настойчивой борьбе с политикой Николая I. После ареста и ссылки Лунина он пишет матери: «Вы обвиняете Michel'я, но он исполняет свой долг, доводя до сведения власть имущих слова истины, чтобы они не могли сказать, что они не знали правды и что они действовали в неведении. Все, что он написал о поляках, истинно. У него нет ни матери, ни детей, и он считает себя настолько одиноким, что его откровенность никому не нанесет ущерба. Что же касается права писать, то он не очень-то держится за него: моя кузина^{2*} всегда будет о нем знать через других и будет лишена только возможности видеть его почерк. Что же касается того, что с ним могут что-либо сделать, то он этого ожидает и пишет, зная, чем он отвечает. Требуют, чтобы люди относились безразлично к вопросу, что верно и что ложно, что хорошо и что дурно. Нужно сделать бесстрастное лицо, чтобы на нем не отражалось ничего происходящего внутри человека. Наша настоящая жизнь не здесь, и люди должны с покорностью переносить испытания, посланные в этой временной жизни. Мало любить хорошее, иногда надо это и выразить. Если это не принесет никакой пользы сейчас — это останется залогом для будущего»^{3*}. Таким образом, ни покаянные отречения, ни христианская резиньяция не убили в Н. Муравьеве прежнего чувства политического протеста. Он сохранил не только свои либеральные взгляды, но и сознание, что необходимо делать их объектом общественной информации. Этот вывод приводит нас к интересному и до сих пор не разрешенному вопросу: принимал ли Н. Муравьев непосредственное участие в политических работах, которые вышли из сибирского уединения Лунина?¹⁵.

В сообщениях сибирских друзей есть одна характерная подробность: Н. Муравьев сжег не только свою работу о проведении сети каналов в России, но и «другие свои и Луниновы сочинения». В чем заключались сочинения Лунина, мы знаем из сохранившихся источников: у Лунина было четыре политических трактата, написанные на различных языках и предназначенные для распространения в России и за границей. Автор давал в них политическую оценку современного царствования и выяснял историческое значение тайного общества. Рукописные экземпляры трактатов переписывались и ходили по рукам — сначала в сибирской ссылке, потом — в европейских губерниях. В этих работах ярко отражается умеренно-либеральная позиция, которую занял Лунин в период сибир-

^{*} Перевод с французского Н. М. Дружинина. — *Ред.*

^{2*} Е. С. Уварова — сестра М. С. Лунина.

^{3*} Перевод с французского Н. М. Дружинина. — *Ред.*

ского поселения. Не только общая концепция его взглядов, но и конкретные частности — например, характеристика целей тайного общества, его связей с предшествующими событиями, условий его возникновения и развития, затем суждения о польском революционном движении, наконец, воззрения на ход исторического процесса — вполне совпадают с известными нам мнениями Н. Муравьева. Подобно Н. Муравьеву, Лунин говорит о закономерности политического прогресса и об его просвещенных носителях, которые «пробивают новые пути к совершенствованию настоящих поколений» и «восстанавливают борение частей, необходимое для стройности целого»; в согласии с Н. Муравьевым он противопоставляет «дух тайного союза» «духу восстания» и осуждает «внезапные страсти» молодых и неопытных членов; излагая программу тайного общества, он воспроизводит основные положения конституции Н. Муравьева; характеризуя польское революционное движение, он вместе с Н. Муравьевым осуждает его «крайние» националистические стремления, но одновременно негодует на жестокую репрессивную политику правительства. Традиция, восходящая к А. И. Герцену, приписывала «Разбор донесения Следственной комиссии» коллективному труду Н. Муравьева и М. Лунина. Действительно, не только исторические примечания к этой работе, но и многие взгляды, изложенные в основном тексте записки, отражают в себе суждения и оценки Никиты Муравьева. Двоюродные братья, связанные старинной и крепкой дружбой, жили в одном и том же селении Уриковском, часто встречались и, вероятно, немало говорили и о политике Николая I, и о событиях недавнего прошлого. Из переписки сибирского периода нам известно, что Н. Муравьев выписал в ссылку «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и снова перечитывал ее с карандашом в руках; в исторической литературе уже было отмечено, что примечания к «Разбору донесения...» имеют своим непосредственным источником карамзинскую «Историю». С другой стороны, несомненно, что основной текст трактата характеризуется лапидарным и неповторяемым стилем Лунина, а исторические примечания собственноручно инкорпорированы им во французский оригинал его работы. Эти наблюдения дают основание предполагать, что «Разбор донесения...», так же как и остальные трактаты, был плодом совместных и длительных бесед с Н. Муравьевым, но появился как самостоятельная творческая работа, впитавшая в себя идеи и выводы идеолога Северного общества. Можно думать, что Лунин воспользовался при этом историческими справками, которые составил для него Н. Муравьев, отличавшийся хорошими знаниями по русской истории.

Но Н. Муравьеву приписывается не только «Разбор донесения...» Лунина: по словам Е. И. Якушкина, политическому перу Н. Муравьева принадлежат также небольшие «Записки», которые опубликованы Шиманом под названием мемуаров Александра Муравьева. Е. И. Якушкин, побывавший в Сибири и много узнавший от своего отца, сообщает, что в Петровском заводе Н. Муравьев задумал составить подробные записки о тайном обществе; но он осуществил эту мысль позднее, в период своей ссылки; он искусно законспирировал свою рукопись, разнес ее на поля своих книг; впоследствии его брат унаследовал оставшуюся библиотеку, извлек оттуда отрывочные заметки и объединил их под общим заглавием «Mon journal». По словам Е. И. Якушкина, номинальный автор почти ничего не говорит о самом себе, и это — лучший довод против его личного авторства. Ближайший анализ опубликованных мемуаров не подтверждает такого заключения. Наоборот, Александр Муравьев много го-

ворит о самом себе — передает конкретные подробности о своем аресте, допросе и заключении в Петропавловской крепости, рассказывает о своих личных переживаниях, о волновавших его мыслях и чувствах; описание переезда в сибирскую ссылку, так же как и другие подробности, изложены простодушно и безыскусственно, тоном непосредственного участника и очевидца. Больше того, А. Муравьев дает живые и восторженные характеристики своего брата, вспоминает его суждения и разговоры, рассказывает об его чувствах и настроениях словами любящего и близкого наблюдателя. Эти элементы записок составляют большую часть сочинения и могут быть приписаны единственному лицу — Александру Михайловичу Муравьеву, бывшему корнету Кавалергардского полка, рядовому члену Северного общества. Но в записках А. М. Муравьева есть не только элементы личных воспоминаний: первая часть сочинения посвящена общей характеристике царствования Александра I и краткой истории тайного общества. По своему стилю и содержанию политические разделы резко отличаются от чисто мемуарных отрывков; только изредка они прерываются отдельными вставками, носящими характер конкретных воспоминаний. Вдумываясь в это большое историческое введение, мы улавливаем в нем знакомые воззрения Н. Муравьева: они сквозят и в религиозно-нравственной оценке самодержавия, и в характеристике либеральных обещаний Александра I, и в формулировке цели тайного общества, и в изложении политической тактики. Самый язык этой исторической части напоминает точный и сжатый слог Н. Муравьева. Кроме того, характерно совпадение многих суждений с сибирскими мыслями Лунина: «Mon journal» дает такую же картину тайного общества, подчищенную и приглаженную в духе умеренного конституционного либерализма. Автор записок усиленно подчеркивает либеральную инициативу Александра I, резко противопоставляя ее последующей реакционной политике. Излагая программу тайного общества, он придает ей чрезвычайно умеренное реформаторское толкование: он перечисляет частные преобразовательные меры (например, «гласность в государственных делах», «гласность судопроизводства», «уничтожение винного откупа» и пр.), но совершенно не упоминает о конституционном ограничении самодержавной власти. Он глухо говорит о республиканских стремлениях Южного общества и умалчивает о революционных планах восстания и цареубийства. Столкновение и борьба между умеренной и радикальной группировками совершенно выпадают из его изложения. В общем эта субъективно-односторонняя характеристика построена по тому же плану, какой мы находим в публицистических воспоминаниях С. П. Трубецкого. Перед нами позднейшая либеральная реминисценция, продиктованная «смягчившимися» политическими воззрениями. По-видимому, эта общео историческая часть мемуаров была составлена Александром Муравьевым на основании сохранившихся заметок его старшего брата; в сущности, он не имел собственного политического лица: и молодым офицером, и составившимся поселенцем он всегда отражал политические стремления Никиты Муравьева.

Указания Е. И. Якушкина чрезвычайно ценны и в другом отношении: он рассказывает о собственноручной записке Н. Муравьева, которую он видел в подлиннике и которую запомнил в ее основных и важнейших чертах. По словам Е. И. Якушкина, в этой записке «Никита старается показать, что все порядочное, сделанное имп[ератором] Николаем, взято из программы общества». Это указание косвенно совпадает с сибирскими записями петрашевца Ф. Г. Толя: декабристы рассказывали ему, что

«одно из сочинений Никиты Муравьева, могшее сделать ему много зла, было захвачено III Отделением»; Е. Ф. Муравьева узнала об этом несчастье и через посредство влиятельных знакомых за огромную сумму сумела выкупить опасную рукопись. Мы не в состоянии проверить сделанное сообщение, но оно заключает в себе возможный отголосок действительного факта: при обыске и аресте у Лунина могли найти политический манускрипт Н. Муравьева, а богатые и влиятельные родственники могли негласно замять возникшее осложнение. Очень вероятно, что Н. Муравьев не только беседовал с Луниным, влияя на его исторические взгляды и политические оценки, но и самостоятельно оформил свои мысли о значении тайного общества — подвел обобщающий и сжатый итог своей бурной политической молодости.

Такая записка действительно была составлена Н. Муравьевым. Она сохранилась не в подлиннике, а в копии Е. И. Якушкина и хранится в Архиве Академии наук, в бумагах Н. Ф. Дубровина. Записка составлена на французском языке, изложена конспективно и занимает немного места. Написанная логично и стройно, она во многом напоминает сибирские высказывания Лунина. Но есть отдельные существенные пункты, в которых Н. Муравьев резко расходится со своим единомышленником; это обстоятельство открывает нам возможность проверить и подтвердить его личное авторство.

В своей сибирской записке Н. Муравьев ставит себе задачей выяснить историческую роль тайного общества. Учитывая события последнего царствования, разбираясь в международной и внутренней политике и присматриваясь к явлениям общественной жизни, автор устанавливает, какое влияние оказало движение декабристов на общий ход государственного развития. По его мнению, это влияние сказывается в трех основных направлениях. С одной стороны, правительство пошло на уступки, поневоле капитулируя перед требованиями тайного общества. С другой — правительство оградило себя мерами безопасности, чтобы спасти себя от веяний времени. Наконец, параллельно и независимо стала развиваться самостоятельная общественная инициатива, которая несет в себе зародыш новых назревающих перемен.

Политические уступки правительства Н. Муравьев видит в актах внешней и внутренней политики Николая I. Правительство отказалось от участия в Священном союзе, поддержало греческое восстание и сделало отсюда все необходимые выводы заключением Адрианопольского договора; оно было вынуждено признать новую власть во Франции, выпешую из Июльской революции, и отказаться от поддержки легитимной монархии. Под давлением тайного общества правительство должно было согласиться с необходимостью государственных преобразований и возвестить об этом в манифесте 13 июля 1826 г.; оно согласилось, что принцип публичности есть необходимое условие издания законов, и пыталось осуществлять его при помощи министерских журналов и воздействия на европейское общественное мнение. Оно собрало и опубликовало в виде общего свода ранее изданные законы, хотя и оставило нетронутыми их старые, отжившие основания. Армия была ресорганизована отчасти по идеям, высказанным П. И. Пестелем. Ответственные места на государственной службе были доверены отдельным амнистированным членам тайного общества.

Но, уступая, правительство старалось обороняться. Оно заставило дворянство несколько раз подписать обещание не участвовать в тайных политических обществах. Организовало Отдельный корпус

жандармов и ввело повсеместную систему всепроникающего шпионажа; оно стремилось заглушить всякое проявление самостоятельной мысли и воздвигало гонение на литературные журналы («Московский телеграф», «Телескоп» и т. д.). Признав конституцию Польского королевства, оно сначала нарушило, а потом уничтожило ее; обрушилось на польскую нацию конфискацией имений, закрытием университетов и преследованием католического духовенства. Прибегая к репрессиям, правительство старалось задобрить чиновничество и армию увеличением жалованья и чрезвычайными наградами. Не рассчитывая на меры насилия, правительство попыталось извратить самые принципы общественно-политических наук, приспособив их к целям самодержавия: в этом смысле оно повело определенную пропаганду в «Журнале Министерства народного просвещения».

Но попытки правительства встречают преграду в развитии национальных способностей. Растет количество научных и литературных работ: появляются энциклопедии, исторические исследования, собрания летописей, журналы, художественные произведения. Увеличивается масса читателей, библиотеки учреждаются не только в столичных, но и в губернских городах; несмотря на стеснения цензуры, библиотечное дело становится доходным коммерческим предприятием. В различных пунктах страны возникают научные и литературные общества, которые проникаются политической тенденцией. Образовано 54 торгово-промышленных компании. Восстание в Польше служит ответом на нарушение конституции. Волнения в военных поселениях являются протестом против незаконного режима.

Сопоставляя эти разнообразные факты, автор делает обобщающий вывод: тайное общество не было обыкновенной случайностью — оно начало в России новую политическую эру и с этой точки зрения может быть сопоставлено с союзом тех патриотов, которому Англия обязана своей Великой хартией вольностей. Члены тайного общества, поставленные в аналогичные условия, действовали в силу такого же права, но были вынуждены прибегать к разнообразным способам действий; они стремились подражать примеру своих предшественников, кладя первые основания национальным свободам».

Если в характеристике правительственных уступок и репрессий Н. Муравьев с некоторыми вариациями повторяет суждения Лунина, то в описании и оценке общественной жизни он остается совершенно самостоятельным. У Лунина есть собственная записка, посвященная царствованию Николая I; он тоже дает анализ внутренней и внешней политики после восстания 1825 г., тоже заканчивает картиной морального состояния, которое переживает подавленная страна. Но он стоит на иной, более пессимистической точке зрения: Лунин считает, что «недостатки политической организации отражаются в правах, обычаях, наклонностях и привычках»; он видит развращающее влияние рабства, неверное направление умов, оскудение науки и литературы. «Поэзия повесила свою лиру на вавилонские ивы; периодические издания выражают лишь ложь или лесть, столь же вредную для власти, терпящую ее». Превращая науки в устои самодержавия, правительство сеет «невежество, составляющее отличительную черту настоящей эпохи». «В сущности ничего не изменилось. Народ и правительство одинаково страдают, потому что устарили моральную власть, единственно способную служить посредником, чтобы сговориться и посоветоваться о взаимных интересах». Этот вывод совершенно противоположен заключению Н. Муравьева, который иначе

расценивает создавшуюся политическую обстановку: по его мнению, тайное общество засыпало пропасть, которая существовала между правительством и народом; оно дало истинное освещение их взаимным интересам и создало между ними новые отношения. Рассуждения Н. Муравьева имеют определенную цель — показать, как и раньше, что «взаимное борение частей» стремится к неизбежному и гармоническому разрешению, что сталкивающиеся силы не отдаляются, а сближаются между собою. Его обобщающая записка проникнута оптимистическим тоном — он верит в естественный ход вещей, возлагает надежды на экономическое и умственное развитие и ждет не революционного кризиса, а мирного соглашения. Правда, и Лунин верит, что есть «моральная гарантия этой счастливой перемены», и он апеллирует к «выдающимся добродетелям» и заботам монарха, но его темперамент и критический ум увлекают его дальше этой мирной границы. Он негодует и обличает, он чувствует в себе огонь политического проповедника, и его характеристика настоящего далека от смягченных красок, применяемых Н. Муравьевым. Н. Муравьев разделяет с ним негодование против правительственных насилий, но, восходя к более широким политическим обобщениям, он занимает более спокойную и примирительную позицию. Тем не менее оба автора совпадали в своих исторических оценках и политических прогнозах, очень далеких от прежней революционной тактики. Стоя на оппозиционно-либеральной платформе, они осуждали самодержавно-крепостное государство, но отрекались от насильственного образа действий. У Н. Муравьева эта новая модификация политических взглядов была выражена гораздо яснее и резче. Разгром политического восстания и годы сибирской ссылки умерили его политические порывы, и он окончательно эволюционировал к спокойному и мирному буржуазному либерализму. Этот заключительный перелом был характерен для людей его класса: такое состояние пережили все амнистированные декабристы, выпешедшие из рядов обеспеченного дворянства. По мере роста капиталистических отношений усиливалась и политическая дифференциация общества. Представители аграрной буржуазии укреплялись на позициях либерального реформизма; идея революционной борьбы делалась исключительным достоянием более демократических мелкобуржуазных группировок¹⁶.

Таким образом, сибирский период окончательно оформил социальные и политические стремления Н. Муравьева. Его записка о тайном обществе логически связана с его проектом строительства сети каналов в России и с его опытами прогрессивного земледелия в Сибири. Во всех начинаниях и высказываниях Н. Муравьева перед нами рисуется один и тот же общественный образ — прогрессивного русского землевладельца, который захвачен потоком капиталистического развития и который строит свою деятельность на основах буржуазного мирозерцания. Эта руководящая нота одинаково сильно звучит и в проекте его конституции, и в результатах его сибирских занятий.

Н. Муравьев прожил на поселении около 7 лет. В общем его внешняя жизнь мало менялась за эти однообразные и спокойные годы. Весной 1843 г. он заболел от случайной простуды и через четыре дня, 28 апреля, умер на руках своего брата и дочери. Известие об его смерти поразило тяжелым ударом не только его мать, престарелую Е. Ф. Муравьеву, но и всех сибирских товарищей по изгнанию. «Смерть моего дорогого Никиты огромная потеря для нас, — писал Лунин из своего акатуйского заточения, — этот человек один стоил целой академии». Подобными же отзывами обменивались в письмах другие декабристы — С. Г. Волконский,

П. А. Муханов, Ф. Ф. Вадковский. Никита Муравьев вызывал при жизни различные оценки со стороны окружающих: некоторые считали его холодным и эгоистичным, другие отрицали за ним сильную волю, большинство уважало его за обширные знания и душевное благородство. Такое различие мнений сохранилось и позже, в воспоминаниях современников. Но при всем разнообразии субъективно-моральных характеристик несомненно одно: на всех этапах своего внутреннего развития и во всех переломах своего политического мировоззрения Никита Муравьев оставался верен руководящей идее своей жизни — борьбе с отживающими основами старого феодально-крепостнического государства¹⁷.

IX. ИТОГИ

В исторической литературе высказывались разнообразные точки зрения на классовую основу движения декабристов: некоторые историки видели в политическом протесте начала XIX в. проявление дворянско-аристократической оппозиции и сближали восстание на Сенатской площади с дворцовыми переворотами предшествующего столетия; другие подчеркивали буржуазный характер декабристского движения и искали его социальные корни в консолидации и политическом росте народившейся буржуазии; наконец, раздавались отдельные голоса, которые выводили программу и деятельность революционного общества из победоносного развития сельской промышленности и из политических требований народившегося «крестьянского капитализма».

В настоящее время нас не удовлетворяют такие суммарные социальные характеристики, в которых ступсевывается внутренняя разнородность интересующего нас движения. Внимательное изучение тайных революционных обществ первой четверти XIX столетия приводит исследователей к одному бесспорному выводу: в составе одного и того же декабристского течения наблюдались различные классовые потоки, которые были очень далекими от полного и окончательного слияния. Буржуазно-помещичья программа Северного общества, мелкобуржуазная идеология П. И. Пестеля и радикально-демократическое течение, которое пробивалось в стремлениях «Общества соединенных славян», — таковы основные политические направления, которые существовали в рамках одного и того же революционного союза. Если мы пристальнее всмотримся в эти расходящиеся потоки, то увидим перед собой два самостоятельных руководящих течения: одно из них нашло наиболее законченное отражение в конституции Н. Муравьева и ведет нас к передовым кругам капитализирующегося дворянства, другое получило особенно рельефное выражение в демократическом объединении Славянского общества и связывается с рождением и ростом мелкобуржуазной интеллигенции. «Русская Правда» Пестеля оставалась полуофициальной программой Южного общества, но ее революционно-демократические тенденции были ближе к оформлявшимся стремлениям Я. М. Андреевича, братьев А. И. и П. И. Борисовых, И. И. Горбачевского и их ближайших соратников. Буржуазно-помещичья группировка составляла первоначальное и наиболее организованное ядро Северного общества, но ее классовое идеологическое влияние выходило за узкие пределы петербургской организации; мало-помалу оно захватывало отдельных представителей Каменской, Тульчинской и даже Васильковской управ. Декабрьские события 1825 г. оборвали этот процесс глубокого расслоения, однако его руководящая и ясно обнаруживающаяся тенденция не оставляет сомнения в его окончательном исходе:

накануне восстания Южное общество переживало период назревающих разногласий, а недавняя диктатура Пестеля должна была уступить свое место более сложным идеологическим взаимоотношениям. Глубокий внутренний кризис переживался и в недрах Северного общества: социальное и политическое расхождение проявлялось здесь яснее и резче, чем в условиях кажущегося единства южной декабристской организации: инициативное течение мелкобуржуазной интеллигенции постепенно отвоевывало преобладающие позиции у более умеренной и суживающейся буржуазно-помещичьей группировки. Несмотря на единый фронт против крепостной монархии, в обществе декабристов намечаются внутренние линии угрожающего раскола: с одной стороны выступают ведущая группа Н. Муравьева, московская организация И. И. Пущина, руководители Каменской управы, большинство членов северного филиала Южного общества; с другой стороны действуют Пестель, «соединенные славяне» и петербургский кружок К. Ф. Рылеева. Отдельные элементы этих намечающихся объединений были еще недостаточно спаяны, но они должны были неминуемо сблизиться в силу взаимного социального тяготения на основе единства оформляющейся классовой позиции. Начиная с 1816 г. и вплоть до момента вооруженного восстания мы видим в составе тайного общества постоянное сосуществование и непрекращающуюся борьбу этих основных и самостоятельных направлений. Революционная организация создавалась и поддерживалась благодаря политическому союзу обоих течений; но этот неофициальный и постепенно оформлявшийся блок постоянно раздирали глубокие неустраняемые разногласия: в «Союзе спасения» они носили зародышевые формы невинных организационных споров, в «Союзе благоденствия» ясно обнаружилась их серьезная тактическая подоснова, в период Северного и Южного обществ они отлились в принципиальные программные расхождения. Все эти кризисы политического роста проходили под знаком одного и того же внутреннего антагонизма; с одной стороны, выступала инициативная революционная группировка, которая отстаивала дисциплинированную конспиративную организацию, решительную боевую тактику и демократическую мелкобуржуазную программу; с другой — в противовес ей разворачивалось течение, которое склонялось к широкой полулегальной организации, умеренной «соглашательской» тактике и программной защите аграрно-капиталистических интересов. Отдельные члены революционного союза могли испытывать внутреннюю эволюцию, переходить на другие позиции или сочетать в себе разнородные элементы различных идеологических направлений (например, кн. Е. П. Оболенский на севере или Матвей Муравьев-Апостол на юге), но это обстоятельство мало меняло закономерное существование и развитие основных группировок. Постепенная дифференциация, которую мы наблюдаем в недрах тайного общества, имела более широкую классовую основу: оба представленных течения не были случайными изолированными фактами; многообразными, хотя и скрытыми, нитями они соединялись с окружающим обществом и питались его внутренними подпочвенными процессами. Эти внешние социальные связи мы ясно различаем и в среде радикальной мелкобуржуазной интеллигенции и в либеральных группах землевладельческого дворянства. Мы ясно видим, как разворачивается живое общение между солдатско-крестьянской массой и южными офицерами в лице В. Ф. Раевского, А. В. Усовского, Я. М. Андреевича и других участников радикального движения; видим органическую непосредственную связь между К. Ф. Рылевым, М. А. и Н. А. Бестужевыми, В. К. Кюхельбекером и

столичными кружками профессиональной интеллигенции; наконец, можем проследить глубокую и реально проявляющуюся близость между помещичьей верхушкой Северного общества и окружающей средой имущего землевладельческого дворянства.

Достаточно прочесть мемуары и показания С. П. Трубецкого или дневники и воспоминания Н. И. Тургенева, чтобы убедиться, с каким общественным классом были неразделимо спаяны руководители умеренного конституционного течения: это были обеспеченные и влиятельные круги правящего сословия, которые политически раскалывались на консервативное крепостническое большинство и небольшую прослойку прогрессивных «либералистов». Но Трубецкой и Тургенев только типичные представители определенного декабристского слоя; такие же социальные связи характеризуют других членов тайного общества — М. А. Фонвизина, М. М. Нарышкина, кн. В. М. Голицына и пр., не говоря уже о ранее отставших — П. П. Лопухине, И. А. Долгорукове, гр. М. Ф. Орлове, В. А. и Л. А. Перовских и пр. Эту группу политического объединения облегал плотная толща землевладельческого дворянства, которое сообщало им свои интересы, воззрения, привычки и вкусы¹.

Если мы присмотримся к внутреннему составу буржуазно-помещичьей группировки, то увидим в ней не только представителей среднепоместного дворянства типа И. Д. Якушкина, но и представителей крупных земельных собственников типа Н. Муравьева. Некоторые из членов Северного общества обладали огромными земельными латифундиями и тысячами крепостных душ. М. М. Нарышкин имел у себя 8275 крестьян, братья Фонвизины — 2137 душ, С. П. Трубецкой — около 2 тыс., Лунин — около 1 тыс., Голицын — 1 тыс. душ и большой винокуренный завод и т. д. К этим членам Северного общества примыкали по своему социальному положению некоторые представители южной организации, например С. Г. Волконский, владлец 3500 крепостных крестьян, и В. Л. Давыдов, имевший более 3 тыс. дес. земли, — по существу оба чуждые демократическим тенденциям пестелевской программы; к ним тяготели и члены петербургского республиканского филиала, которые фактически заняли умеренную социально-политическую позицию, — П. Н. Свистунов, И. А. Анненков, гр. З. Г. Чернышев, И. Ю. Поливанов и пр., обладавшие тысячами крепостных душ или входившие в состав богатых землевладельческих семей. Некоторые из этих крупных земельных собственников лично проживали в своих имениях или непосредственно руководили ведением своего хозяйства. Такими «осевшими на землю» помещиками были М. М. Нарышкин, М. А. Фонвизин, И. Ю. Поливанов, В. Л. Давыдов и пр., из собственных воспоминаний С. Г. Волконского мы знаем об его южных землевладельческих спекуляциях; мемуары Н. И. Тургенева сообщают нам об его помещичьих планах и распоряжениях; исследование Б. Д. Грекова о хозяйстве М. С. Лунина раскрывает перед нами детальную картину планомерного и рационального руководства. В лице важнейших членов помещичьей группировки перед нами выступают не легкомысленные и праздные мечтатели, а расчетливые хозяева и реальные политики. Несмотря на скудость и неразработанность хозяйственных данных, мы можем подметить отдельные нити, которые связывают помещиков-декабристов с прогрессивными кругами перестраивающегося дворянства. Раскрывая список членов Московского общества сельского хозяйства, этого дворянского форпоста агрономических преобразований, мы находим не только знакомые имена из ближайшего декабристского окружения (В. П. Зубков, М. П. Баратаев, Г. Ф. Олизар,

Н. Н. Муравьев, М. Ю. Виельгорский, В. В. Капнист и др.), мы видим здесь и самих хозяйствующих декабристов, представителей умеренного крыла петербургской организации — М. М. Нарышкина, М. А. Фонвизина и В. А. Мусина-Пушкина. Позднее в состав Московского общества входят и другие члены умеренно конституционного течения — гр. М. Ф. Орлов и П. А. Муханов. Но и те декабристы, которые оставались за пределами прогрессивного агрономического объединения, в той или иной степени захватывались новыми сельскохозяйственными тенденциями: классово-экономическая мотивировка социальных преобразований звучит не только в конституционном сочинении Н. Муравьева: мы слышим ее и в официальных проектах Н. И. Тургенева, и в следственных показаниях М. Ф. Митькова, и в сибирских воспоминаниях Лунина. Между аграрными взглядами буржуазно-помещичьего крыла и легальной программой капитализирующегося дворянства была глубокая социальная близость, иногда полное теоретическое совпадение: и здесь и там перед нами вырисовывается одна и та же руководящая прослойка — передовая группа крупных землевладельцев, которые обладали достаточными капиталами для агрономических преобразований и были хозяйственно заинтересованы в ликвидации феодально-крепостнического режима².

Эта крупнопоместная верхушка тайного революционного общества сомкнулась и выступила на политическую арену в момент широкого общественного подъема, в условиях послевоенного кризиса и последующего хозяйственного оживления. В этот первоначальный период своего существования она еще не имела ясно осознанной политической программы и продуманной революционной тактики; ее неоформленные и распыленные стремления повторяли общие места либеральной идеологии, а отдельные вспышки террористических замыслов были пережитками внешнего сословно-дворянского революционизма. С самого начала своего существования руководящее крупновладельческое ядро повело настойчивую борьбу с проявлениями революционных мелкобуржуазных тенденций: последовательное крушение сначала «Союза спасения», а затем более обширного «Союза благоденствия» было результатом обостряющегося внутреннего социально-политического антагонизма. Мелкобуржуазная стихия стремилась увлечь помещичью группировку на более последовательную революционную дорогу; в свою очередь, руководители помещичьего авангарда старались сомкнуться с носителями демократической идеологии, но стремились отстоять за собой политическое руководство и преобладание. Начавшийся сельскохозяйственный кризис повлек за собой внутренний кризис в недрах тайного политического общества. Значительные слои либеральных помещиков отхлынули от конспиративной революционной организации; буржуазно-помещичья группировка почувствовала как шатается и изменяет ее собственная социальная база. Оформляя свою программу и тактику, она переживала неотвратимую внутреннюю эволюцию: постепенно освобождаясь от пережитков сословно-аристократического революционизма, она старалась освободиться и от давления расширяющегося и крепнущего мелкобуржуазного течения. Однако, несмотря на углубление сельскохозяйственной депрессии, оставались объективные условия для сохранения прежнего революционного блока: хотя и в ослабленной форме, но по-прежнему развивались новые капиталистические тенденции; крепостническая реакция грозила растоптать новые социально-политические побеги, а мелкобуржуазное демократическое движение готовилось принять активные, боевые формы. Чем дальше затягивались экономический кризис и политическая реакция, тем слабее и неувереннее

чувствовала себя крупновладельческой группировка: она теряла одного за другим своих испытанных членов; постепенно замирала ее собственная политическая активность, ее прежнее неоспоримое влияние рушилось под натиском нового, действительно революционного течения. Временный и неукрепившийся блок, обусловленный единством политической цели, оказывался на грани внутреннего раскола: его активное мелкобуржуазное крыло стремилось к быстрой насильственной революции, его умеренный буржуазно-помещичий слой стремился раствориться в легальном оппозиционном реформизме. Исключительная обстановка наступившего междуцарствия разрешила этот затянувшийся внутренний кризис. Мелкобуржуазное крыло решило пойти на попытку переворота; представители умеренного помещичьего течения были частью отброшены надвинувшимися событиями, а частью втянуты в организуемое восстание. Тонкая интеллигентская прослойка, не создавшая крепкой опоры в мелкобуржуазных массах, и рассеянные остатки землевладельческой группы, неуверенной ни в собственных силах, ни в своем ближайшем союзнике, ни в политической приемлемости революционного насилия, — таковы были слабые кадры, которые выступили против организованного аппарата крепостнического государства. При подобных условиях попытка произвести революцию была обречена на неизбежное поражение: ее не могли поддержать ни романтический энтузиазм рылеевской группы, ни социальная активность «Общества соединенных славян». Правящее крепостническое дворянство несколькими залпами из артиллерийских орудий разрушило политическое сооружение, воздвигнутое буржуазно-революционным блоком.

Только в этом плане развертывающейся истории тайного общества могут быть поняты идеология и деятельность Никиты Муравьева. Этот типичный представитель передового перерождающегося дворянства пережил несколько этапов в своем политическом развитии, чрезвычайно характерных для эволюции его классовой группы.

Детство и юность Н. Муравьева проходили в обстановке сословного окружения, под сильным влиянием традиционной феодально-крепостнической идеологии. Но струя нового социально-политического течения уже просачивалась в крепкую толщу патриархального быта. Первые зародыши промышленного капитализма послужили основой для широкого, но поверхностного увлечения французской «просветительной» философией. Вырастая под непосредственным влиянием своего отца, воспринимая житейские уроки своего деда, впитывая в себя впечатления Московского университета, Н. Муравьев должен был проникаться не только авторитарными принципами, но и тенденциями новой протестующей идеологии. Однако, эти детские восприятия были еще пассивны и неглубоки; из раннего отроческого периода своей жизни Н. Муравьев вынес инстинктивную приверженность к существующему порядку и первые зачатки будущего либерализма. Но он был обязан своему воспитанию одним неопенимым преимуществом: овладением культурным богатством своей эпохи, которая переживала революционную ломку старого, застоявшегося мировоззрения.

Последняя война с Наполеоном I открыла собой новый период в жизни молодого Н. Муравьева. Патриотическое возбуждение — отголосок дворянского национализма 1812—1815 гг. — разбудило его дремавшие юношеские силы; заграничный поход одарил его богатыми впечатлениями неизведанной жизни. Он не только вырос умственно и морально, он испытал на себе непосредственное влияние Запада — завоеванных револю-

цией учреждений, столкновений политических партий и возродившейся либеральной идеологии. На время он почувствовал себя гражданином Европы и навсегда окунулся в ее заманчивый мир непрекращающегося движения и общественных споров. Послевоенный кризис расширил и укрепил гражданские стремления Н. Муравьева; начавшееся экономическое оживление создало реальную базу для его нового устроения. С этого момента Н. Муравьев вовлекается в орбиту нарастающего политического подъема. Самодержавно-крепостническая действительность оказывалась в резком противоречии с новыми буржуазными интересами; усиление крепостнической реакции возбудило политическую инициативу либерального дворянства и привело к образованию тайного общества. Вместе с передовыми представителями своего класса Н. Муравьев отрывается от старой, патриархальной традиции и отдается активной политической деятельности. Но, переходя на новые, буржуазные позиции, он еще связан политическими пережитками сословно-аристократического прошлого: двигая здание тайного общества и солидаризируясь с общими принципами либеральной программы, он проповедует традиционную идею умерщвления тирана и сбивается на проторенную дорогу военно-дворцового переворота. Национальное возбуждение военного периода постепенно переключается у него в революционную энергию, но его внешний революционизм 1816—1820 гг. не заключает в себе глубокого и действенного разрыва с существующим строем. Исполненный отвращения к революции масс, Н. Муравьев нащупывает опорные пункты для складывающегося мировоззрения. Опыты сочинения об А. В. Суворове и рассуждения о Н. М. Карамзине — не только формы его политической пропаганды, но и последовательные этапы его внутреннего развития. Постепенно у Н. Муравьева складывается система социальных и политических взглядов: она находит свое выражение в его «катехизисе», в отрывочных и мимолетных высказываниях, в сосредоточенных размышлениях над прочитанными книгами. Н. Муравьев становится убежденным последователем либерально-индивидуалистической доктрины, которая соответствует интересам формирующейся аграрной буржуазии. Но в идеологических построениях Н. Муравьева еще нет необходимой конкретности; он мыслит общими либеральными формулами, за которыми не раскрывается пока детальная классовая программа. Возбуждаемый ростом дворянского либерализма и кажущимися успехами южноевропейских революций, Н. Муравьев идет на соглашение с П. И. Пестелем; в разгорающихся спорах «Союза благоденствия» он занимает крайнюю политическую позицию; однако, поддерживая радикальную пестелевскую платформу, он исходит из самостоятельной классовой точки зрения, очень далекой от всякого мелкобуржуазного демократизма.

Сельскохозяйственный кризис, который повел за собой заметный упадок дворянского либерализма, послужил исходным моментом нового периода в жизни Н. Муравьева. Он иначе воспринимает и перерабатывает важнейшие события 1820—1822 гг.: и возмущение Семеновского полка, и проявления общеевропейской реакции, и усиливающуюся дифференциацию в недрах тайного общества. К этому времени окончательно оформляется его социальное положение как крупного земельного собственника и укрепляются его связи с верхами землевладельческого дворянства. Наблюдения собственного хозяйства и острые столкновения политических мнений помогают ему детально развить свое классовое мировоззрение. Он раскрывает общие формулы либеральной идеологии в конкретных очертаниях своей социальной и политической программы.

В противовес мелкобуржуазному демократизму Пестеля он избегает тактики вооруженного восстания и выискивает способы «легального переворота». Отголоски революционных взглядов еще звучат в его устных и письменных высказываниях под сильным воздействием левой демократической группировки. Но идеи буржуазного конституционализма постепенно перевешивают над пережитками революционного настроения. Никита Муравьев становится ярким выразителем буржуазной программы в социальном истолковании крупных прогрессивных землевладельцев. Под этим основным углом зрения он разрабатывает проект конституции, в которой видит необходимую основу для компромиссного соглашения с монархией. В своем четырехлетнем труде Н. Муравьев выступает глашатаем собственности и порядка, проповедником индивидуальной свободы и формального равенства, сторонником буржуазного самоуправления и внешней законности. Он хочет диквидации сословного дворянского государства, правового признания свободной хозяйственной конкуренции, но «аграрному закону» и всеобщему голосованию Пестеля он противопоставляет безземельное освобождение крестьян и руководящее начало имущественного ценза. Его умеренная позиция совпадает с воззрениями С. П. Трубецкого и Н. И. Тургенева, приближается к передовым течениям дворянского общества и находит себе условное и временное признание в разнородной среде петербургской организации. Выдвигая умеренную программу, Н. Муравьев сознательно идет на внутреннюю борьбу не только с Пестелем и его ближайшими южными сторонниками, но и с его северными колеблющимися союзниками.

Следующий период в жизни и деятельности Н. Муравьева — короткий по времени, но богатый по своему содержанию. Его внешние впечатления в 1821—1825 гг. менее разнообразны и ярки, зато его политическая работа более самостоятельна и напряжена. Энергично и упорно он отстаивает свое политическое знамя, непрерывно борется с югом и методами открытого выступления, и приемами закулисного маневра, и средствами искусного компромисса. Он дополняет и перерабатывает начальный вариант конституции, стараясь удовлетворить важнейшие требования радикального течения. Он хочет удержать за собой политическое преобладание над неоформившейся группой крайнего направления. Внешне он побеждает, внутренне — испытывает политическое поражение: он предотвращает опасное слияние обществ, но не может остановить набегавшего революционного течения. Между идеологом Северного общества и руководимой петербургской периферией образуется глубокая трещина, которая разрастается по мере социального и идейного расслоения. Сам Н. Муравьев ощущает внутренний кризис — отражение его собственного бессилия и реакции. Отголоски прежней революционности окончательно замирают и уступают в нем место состоянию апатии и разлада. Накануне восстания Н. Муравьев — у грани своего политического развития: перед нами не боевой и действительный революционер, подобный Рылеву и Сергею Муравьеву-Апостолу, а мирный представитель либерального направления, неспособный на активную политическую инициативу. Социальная позиция крупного землевладельца неотвратимо толкала Н. Муравьева к постепенному примирению с действительностью на условиях частичных буржуазных преобразований.

Неудавшееся восстание, бастионы Петропавловской крепости и каменные казематы Сибири окончательно оформили политический облик Никиты Муравьева. Он пережил острый момент бессилия и раскаяния, в нем пробудились старые задатки патриархального воспитания, и он в

униженной позе верноподданного грешника произнес негласное отречение от своих взглядов. Но это проявление острой реакции не было особенно прочным и продолжительным. Правительство Николая I само облегчило Н. Муравьеву возвращение политической бодрости. Он поехал в Сибирь с сознанием политического мученика, и это ощущение закрепили его новые сибирские впечатления. Спокойные размышления и коллективная оценка разъяснили Н. Муравьеву историческую роль тайного общества и его собственное место в оборвавшемся движении. Июльская революция во Франции и симптомы нового общественного развития должны были укрепить его прежнее либеральное мировоззрение. На поселении, в условиях относительной свободы, окончательно замкнулся жизненный круг Н. Муравьева: в его агрономической и коммерческой деятельности, в широких хозяйственных проектах и в политической оценке тайного общества перед нами выступает типичный либеральный представитель нового, капиталистического времени. Вместе с другими собратьями по тайному обществу — М. С. Луниным, С. П. Трубецким, Е. П. Оболенским и прочими — Никита Муравьев начал собой традицию мирного буржуазного русского либерализма. От его конституции идут преемственные нити не только к проектам А. М. Унковского и А. А. Головачева, но и к политической программе позднейшего Союза освобождения.

Присматриваясь к идеологии Н. Муравьева в важнейший период его жизни и деятельности, мы находим в ней неустрашимые резкие противоречия. В общем Н. Муравьев начертал последовательный идеал буржуазного государства, более последовательный и законченный, чем французские хартии Бурбонов и Орлеанов. Он пректировал полную ликвидацию сословного строя, введение замаскированной республики и разветвленную систему широкого самоуправления. Но Н. Муравьев боязливо останавливался перед радикальной ломкой крепостнических отношений; больше того, сохраняя крупное помещичье землевладение, он обезземеливал половину крестьянского населения и этим фактически санкционировал его экономическую зависимость от помещиков. По своему правовому содержанию конституционная программа Н. Муравьева означала радикальное изменение не только в формах государственного устройства, но и в системе общественных взаимоотношений. Но осуществление задуманного переворота он ставил в зависимость от вооруженного давления армии и от соглашения с традиционной монархией. Отвращаясь от массового народного восстания, он заранее обрекал свой проект на полную неудачу; его тактические средства не соответствовали его целям, но прибегнуть к иному способу политического наступления мешало его социальное положение представителя крупных землевладельческих интересов. Кроме того, его планы не имели под собой солидной общественной базы: прогрессивный слой дворянского общества был ничтожным по своей численности, непоследовательным в своих взглядах и начинал отступать от либеральных позиций под давлением развивающегося сельскохозяйственного кризиса. Н. Муравьеву, как идеологу нарождавшейся аграрной буржуазии, противостояли не только консервативное большинство «феодалных помещиков», но и демократические элементы малообеспеченного дворянства. Через эту мелкопоместную и деклассированную среду проникали отголоски менее сознательного, но более могучего движения крестьянства. Буржуазная позиция Н. Муравьева оказывалась сдавленной между крайними флангами — сопротивлением большинства господствующего сословия и угрожающим восстанием земледельческой массы. Лишенная прочной общественной поддержки, идеология Н. Муравьева была

бессильна пересоздать старые, феодальные отношения. В неразрешимых противоречиях программы и тактики обнаруживалась глубокая двойственность социальной и политической позиции: перед нами — типичный представитель нарождавшейся аграрной буржуазии, которая стремилась пойти по прусскому пути капиталистического развития, сохраняя за собой хозяйственные преимущества крупного феодального землевладения.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

- ¹ Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в. М., 1930, с. 97, 148, 176, 84—85, 95, 143, 114, 50, 194—198; Дюбюк Евг. Ф. Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX в. Кострома, 1921, с. 59; Лященко П. Экономика второй половины XVIII в. — В кн.: Книга для чтения по истории народов СССР: В 3-х т. Харьков, 1930, т. 1, с. 166—167.
- ² Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818, ч. 1, с. 159; Ходнев А. И. История имп. Вольного экономического общества с 1765 по 1865 г. СПб., 1865; Пахман А. С. О значении и постепенном учреждении сельскохозяйственных обществ в России. Казань, 1855; Советов А. О разведении кормовых трав на полях. М., 1860, с. 21, 24—27; Бажаев В. Г. Крестьянское травопольное хозяйство в нечерноземной полосе Европейской России. М., 1900, с. 4—5, 30—31, 45—52; Вернер К. А. Агрономическая помощь населению в конце XVIII и первой половине XIX в. М., 1901, с. 22—23; Он же. Текст к собранию портретов Московского общества сельского хозяйства. М., 1902, с. 3—5; Рознотовский А. В. Новое земледелие. М., 1794, с. 346—347.
- ³ Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи/Сочинение С. Е. Десницкого. — Зап. имп. Академии наук по ист.-филол. отд.-нию, 1905, т. 7, № 4; Сиповский В. В. Из истории русской мысли XVIII—XIX вв. — Голос минувшего, 1914, № 1; Он же. Из истории самосознания русского общества XVIII в. — Изв. Отд.-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук, 1913, т. 18, кн. 1, с. 248—272.
- ⁴ Кулишер И. М. История русской торговли. Пг., 1923, с. 266; Арсеньев К. И. Указ. соч., ч. 1, с. 159, 179.
- ⁵ Арсеньев К. И. Указ. соч., ч. 1, с. 149; Тарле Е. В. Континентальная блокада. М., 1913, т. 1, с. 481; Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907, т. 1, ч. 1, гл. I и II.
- ⁶ Кулишер И. М. Указ. соч., с. 274; Неболсин Г. П. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850, ч. 1, с. 2—4; Швейков М. Ответ на вторую задачу 1804 г. — Тр. имп. Вольного экономического общества, 1805, ч. 57 (Далее: Тр. ВЭО); Арсеньев К. И. Указ. соч., ч. 1, с. 100, 161.
- ⁷ Вильсон И. Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869, с. 65—67; Ходнев А. И. Указ. соч., с. 396—397, 403—404; Пахман С. Указ. соч., с. 41.
- ⁸ Якоб Л. Ответ на задачу Вольного экономического общества 1812 г. — Тр. ВЭО, 1814, ч. 66, с. 26; Н-й Пский. О размножении скотоводства. — Земледельческий журнал, 1821, № 2, с. 230—231; Андросов В. П. Хозяйственная статистика России. М., 1827, с. 78; Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Саратов, 1914, ч. 2, с. 258—259; Струве П. Б. Крепостное хозяйство. М., 1913, с. 327.
- ⁹ Земледельческий журнал, 1821, № 1, с. 87; Иконников В. С. Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1878; Огановский Н. П. Указ. соч., ч. 2, с. 258 и след.
- ¹⁰ Авксентьев А. Очерк сельскохозяйственной промышленности Новороссийского края Екатеринославской губернии. М., 1850, с. 27; Ходнев А. И. Указ. соч., с. 420; Послание калужского помещика. — Земледельческий журнал, 1821, № 2, с. 211; Советов А. Указ. соч., с. 61—62; Оксман Ю. Г. Одеське «Гніздо Змови», 1825 р. — Прапор марксизму, 1928, № 1(2).
- ¹¹ Вильсон И. Указ. соч., с. 103; Письмо гр. Ф. В. фон дер Остен-Сакена в Московское общество сельского хозяйства. — Земледельческий журнал, 1822, № 4, с. 136; Записка о состоянии Могилевской губернии. — В кн.: Архив гр. Мордвиновых: В 10-ти т. 1901—1903. СПб., 1903, т. 10, с. 164—165; Шафранов Н. А. Неурожаи

хлеба в России и продовольствие населения в 20-х годах настоящего столетия. — Русское богатство, 1898, № 5, 6, 7.

- ¹² ЦГИА СССР, ф. 398 (Департамент земледелия Министерства государственных имуществ), оп. 81, 1803—1805 гг., д. 169, л. 12—17; 1805 г., д. 222, л. 1—3 об., 6—7 об.; 1802—1803 гг., д. 1431, л. 3—4, 6—8, 14—14 об.; *Мин Е.* Описание Автучиринского хозяйства, устроенного Д. М. Полторацким. — Земледельческий журнал, 1829, № 26, с. 209 и след.; *Шелезов Д. П.* Главные основания земледелия. М., 1826, с. 100—115; *Он же.* Народное руководство в сельском хозяйстве. СПб., 1838, ч. 1; *Советов А.* Указ. соч., с. 24—27; *Бажаев В. Г.* Указ. соч., с. 61, 70—71; *Струве П. Б.* Указ. соч., с. 320—321.
- ¹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 215—216; *Маслов С.* Историческое обозрение имп. Московского общества сельского хозяйства. М., 1850; Земледельческий журнал, 1821, № 1, с. III—VIII, 19—76 и след.; *Ходнев А. И.* Указ. соч.; *Кашин В.* Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX в. — Звезда, 1926, № 1, 2, 4; *Он же.* Землевладение крепостных крестьян. — В кн.: Крепостная Россия. Л., 1930.

Образованию Московского общества сельского хозяйства предшествовала более ранняя, но менее удачная попытка: в 1803 г. группа крупных московских землевладельцев во главе с гр. А. Г. Орловым-Чесменским и Д. М. Полторацким получила разрешение образовать «Общество земледелия и механических художеств». По уставу это агрономическое объединение преследовало те же основные задачи, какие позднее ставило себе Московское общество сельского хозяйства; однако рационализаторское течение было еще слабым, зародившаяся организация не нашла себе активного отклика и была ликвидирована уже в 1805 г. См.: ЦГИА СССР, ф. 398, оп. 81, 1803—1805 гг., д. 169, л. 12—17.

- ¹⁴ *Яков Л.* Указ. соч., с. 71—72; *Бажаев В. Г.* Указ. соч., с. 70—71, 82, 106; *Шелезов Д. П.* Народное руководство в сельском хозяйстве, ч. 1, с. 306; Послание калужского помещика. — Земледельческий журнал, 1821, № 2, с. 209; *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. СПб., 1850, ч. 3, с. 242.
- ¹⁵ *Маслов С.* Указ. соч., с. 3—4, 27, 139; *Ходнев А. И.* Указ. соч., с. 447, 411, 404—419, 15—16, 161; *Иконников В. С.* Указ. соч., с. 8, 10, 23, 572, 574; *Андроссов В. П.* Указ. соч., с. 113; *Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I. СПб., 1883, с. 199, 252, 434; *Капитан Погодин.* Второй ответ на задачу 1809 г. О способе владеть деревнями. — Тр. ВЭО, 1810, ч. 62; *Шейтгов М.* Ответ на вторую задачу 1804 г. О причинах дороговизны на съестные припасы и об отращивании оных. — Тр. ВЭО, 1805, ч. 57; *Он же.* Ответ на задачу 1809 г. О двух главных способах, назначенных к лучшему деревням управлению. — Тр. ВЭО, 1810, ч. 62.
- ¹⁶ *Яков Л.* Указ. соч., с. 87—88; *Энгельман Г.* Наставление к подробному описанию помеществ. — Тр. ВЭО, 1809, ч. 61, с. 151—184; *Корнилов А. А.* Н. И. Тургенев и Союз благоденствия. — В кн.: Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. М., 1905, с. 47—48; *Тэер А.* Организация рационального сельского хозяйства. М., 1830, т. 1, с. 71 (примеч. Н. Н. Муравьева); *Koerren.* Über die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen in der verschiedenen Provinzen (Memoires de l'Académie impériale des sciences de S.-Petersbourg, Serie VI, t. 7, 4me et 5me livraison). S.-P., 1847, p. 420—421.

Итоговые выводы приведенные в табл. 1 даны в округленной форме.

- ¹⁷ *Плуг и Соха:* Писанное степным дворянином. М., 1806; *Вернер К. А.* Текст к собранию портретов Московского общества сельского хозяйства, с. 50—58; *Шелезов Д.* Народное руководство в сельском хозяйстве, ч. 1, с. 73; *Коеррен.* Op. cit. см. примеч. 16-е, р. 420—421.
- ¹⁸ *Яков Л.* Указ. соч., *Джунковский С. С.* Ответ на задачу Вольного экономического общества 1803 г. — Тр. ВЭО, 1804, ч. 56, с. 63; *Арсеньев К. И.* Указ. соч., с. 106—107; *Иконников В. С.* Указ. соч., с. 126, 394; *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888, т. 1, с. 309—339, 383—389.
- ¹⁹ Записка и проект о вольных земледельцах... С. П. Румянцев. — Русский архив, 1869, с. 1953—1960; *Бирюкович Вл.* Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. — В кн.: Архив истории труда в России. Пг., 1921, кн. 1; *Шебунин А.* К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. — Там же, 1923, кн. 6/7, с. 111—114; План государственного преобразования гр. М. М. Сперанского. М., 1905, с. 59; *Семевский В. И.* Указ. соч., т. 1, с. 430—433.
- ²⁰ *Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1859, ч. 2, кн. 1, с. 250—251, 302—303, 342, 396—398, 443—445, 512—513, 560—561; кн. 2, с. 596; *Авалиани С.* Волнения крестьян в царствование имп. Александра I. — Богословский

- вестник, 1912, № 3, 4; *Дубровин Н. Ф.* После Отечественной войны. — Русская старина, 1904, № 3, с. 499; Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1903, т. 9, с. 124.
- ²¹ *Семевский В. И.* Указ. соч., т. 1, с. 433—448, 464—466 и др.; *Кульман Н. К.* Из истории общественного движения в России в царствование имп. Александра I. — Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук, 1908, т. 13, кн. 1; *Дубровин Н. Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование Александра I. СПб., 1883, № 239, с. 253; *Шебунин А.* Указ. соч., с. 118—129; *Заболоцкий-Десятовский А. П.* Гр. П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882, т. 4, с. 197—199; *Иконников В. С.* Указ. соч., с. 222.
- ²² О классовой позиции торговцев и промышленников см.: *Корф М.* Жизнь гр. М. М. Сперанского. СПб., 1861, т. 2, с. 82, 102, 348; Упадок торговли и купеческих капиталов: Отрывки из рассуждений московского купца О. Л. Свешникова. — В кн.: Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1902, т. 6, с. 393; История Московского купеческого общества / Под ред. В. Н. Сторожева. М., 1914, т. 2, гл. 13, с. 132 и след., гл. 20, с. 241 и след.
- О феодально-аристократической оппозиции см.: Записки С. Г. Волконского. СПб., 1901, с. 143—145; *Соколовская Т.* Капитул Феникса. Пг., 1916; *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен: В 4-х т. М., 1922, т. 3, с. 314—315;
- О дворянско-охранительном течении см.: *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. М., 1914.
- ²³ *Дубровин Н. Ф.* После Отечественной войны. — Русская старина, 1904, № 1, с. 28; *Модзалевский Б. К.* История «Зеленой лампы». — В кн.: Декабристы и их время. М., 1928, сб. 1, с. 40—57; *Иконников В. С.* Указ. соч.; Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1902, т. 4, с. III—IV, VIII—IX; *Шебунин А.* Из истории связей декабристов с высшими кругами (рукопись); *Кутанов Н.* Декабрист без декабря. — В кн.: Декабристы и их время. М., 1932, сб. 2; *Заболоцкий-Десятовский А. П.* Указ. соч. СПб., 1882, т. 1.
- ²⁴ План государственного преобразования гр. М. М. Сперанского. с. 18, 25, 30; Государственная уставная грамота Российской империи. — В кн.: Шильдер Н. К. Император Александр I, СПб., 1905, т. 4, с. 499.
- ²⁵ *Лященко П. И.* Социальная экономия сельского хозяйства. М.; Л., 1930, т. 2, с. 221—228; *Фокин А. И.* О понижении цен на сельскохозяйственные произведения в России. СПб., 1829; *Шелехов Д. П.* Главные основания земледелия, с. 16—19; *Андроссов В. П.* Указ. соч., с. 252, 273; *Дубровин Н. Ф.* Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I, № 407, с. 443; *Ходнев А. И.* Указ. соч., с. 170—171.
- ²⁶ *Тэер А.* Указ. соч., т. 1, с. 12—15, 71, 73—75, 189—190, 214—215, 219—221; *Бажанов В. Г.* Указ. соч., с. 90—91; *Шебунин А.* К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. — В кн.: Архив истории труда в России. Пг., 1923, кн. 8, с. 113.
- ²⁷ Взгляд на упадок торговли и финансов в России. — ОР и РГ ГПБ, ф. 859, Шильдер Н. К., карт. 19, № 2, л. 256—273; *Шебунин А. Н.* Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX в. — Борьба классов, 1924, № 1, 2; Упадок торговли и купеческих капиталов: Отрывки из рассуждений московского купца О. Л. Свешникова, с. 393 и след.
- ²⁸ *Кашин В.* Указ. соч.; *Нечкина М. В.* Общество соединенных славян. М., 1926, гл. 1; *Андроссов В. П.* Указ. соч., с. 271—274; *Гриц Т. С.*, *Тренин В. В.*, *Никитин М. Н.* Словесность и коммерция. М., 1929, гл. III, V, VII; *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930; *Оксман Ю. Г.* Одесские вольнодумцы пушкинской поры. — Былое, 1923, № 21; *Кубалов Б. Г.* А. Л. Кучевский и письма к нему декабристов. — В кн.: Тайные общества в России в начале XIX столетия. М., 1926; *Чернов С. Н.* Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов. — В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 67—75; *Дружинин Н.* Массонские знаки П. И. Пестеля. — В кн.: Музей революции СССР. М., 1929, сб. 2; *Семевский В. И.* Декабристы-масоны. — Голос минувшего, 1908, № 2, 3, 5, 6.

К главе II

- ¹ ЦГАОР СССР, ф. 1153 (Муравьевых), оп. 1, д. 1, д. 7 («Условие», ведомости и расчеты по разделу имущества умершего тайного советника Ф. М. Колокольцова между его дочерью Е. Ф. Муравьевой и внучкой М. М. Челищевой, 1818—1819 гг.); д. 161, л. 3; д. 157, л. 16—6; ф. 48 (Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу декабристов), оп. 1, д. 135, л. 63, 74, 75, 97, 222; ЦГАДА, ф. 1355 (Экономические примечания к генеральному межеванию), оп. 1, д. 1233 (Сапожковского у., № 27, 85); 857 (Боровичского у., № 1350, 1425, 1539, 1868, 1884, 2111, 2113, 2295, 2459, 2656, 1879, 2106); 472 (по Малоярославецкому у., № 136); 477

- (по Мешовскому у., № 58, 311, 313, 314, 320, 336, 366, 373, 103); 466 (по Козельску, № 75); 475 (по Медыни, № 105, 108, 113, 129, 242); 745 (по Бронницкому у., № 145, 146); 747 (по Верейскому у., № 43, 160); 47 (по Вязниковскому у., № 239, 244); 1712 (по Новоторжскому у., № 614); 203 (по Бирючинскому у., № 114); 844 (по Семеновскому у., № 79); 1260 (по Аткарскому у., № 387, 417); *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892, ч. 4, с. 139, 140, 141; ОПИ ГИМ, ф. 282, д. 287 (Записка на выдачу приданого Е. Ф. Колокольниковой, вышедшей замуж за М. Н. Муравьева, 1794 г.; раздельная запись на наследство Колокольниковых 1818 г.; акт на ввод во владение и управление 8 именными Ф. М. Колокольцова, 1817 г.); *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895, т. 1, с. 404—420; *Чулков Н. П.* Генеалогия декабристов Муравьевых. — Русский евгенический журнал, 1927, т. 5, в. 1; *Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1885, т. 1, с. 16—17; СПб., 1886, т. 2, с. 417—423, 562, 563, 73—91, 245, 246; Записки С. П. Жихарева. М., 1890, с. 115, 172, 304; *Библикова А.* Из семейной хроники. — Исторический вестник, 1916, ноябрь, т. 146, с. 406—412; *Шевырев С. П.* История имп. Московского университета. М., 1855, с. 316—384; *Муравьев М. Н.* Обитатель предместья и Эмильевы письма. СПб., 1815, с. 3, 24, 69, 87, 143—145, 173, 174, 193; *Муравьев М. Н.* Полное собрание сочинений. СПб., 1819, ч. 2, с. 394—401; 1820, ч. 3, с. 67—82, 208—214; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930, с. 539; *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПб., 1912, с. 12, 13, 36—37, 46, 465; *Погодин М. П.* Некролог. — Москвитин, 1848, № 5, с. 76—78; *Жинкин Н. М. Н.* Муравьев. — Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук, 1913, т. 18, кн. 1; *Петухов Е. В.* Михаил Никитич Муравьев. — ЖМНП, 1894, август.
- ² ЦГАОР СССР, ф. 1153, д. 39—55 (письма Н. М. Муравьева к матери, в которых рассеяны указания на семейные связи и привязанности, например: д. 41, л. 13, 14, 15, 19; д. 44, л. 11, 25, 65, 77, 83, 87, 82, 93, 53—54); ЦГИА СССР, ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 24, 1826 г., д. 1544, л. 7—10 об. (копия завещания М. С. Лунина); ф. 1584 (VIII департамент Сената), оп. 3, 1827 г., д. 612, л. 6, 7 (подлинное завещание М. С. Лунина); ф. 1343 (Департамент герольдии Сената), оп. 25, 1821 г., д. 6171 а (св. 1942) (обстановка крещения А. М. Муравьева); ЦГАОР СССР, ф. 1153, д. 39—55 (письма к матери, пересыпанные рассказами о встречах и приветствиями знакомым, например: д. 41, л. 16, 17 а, 22, 24, 33; д. 39, л. 3, 4, 12, 20, 21; д. 40, л. 1, 2, 19, 28); д. 133, л. 19, 20 (аналогичные письма к жене, например, из Москвы от 3 ноября 1825 г.), д. 28; РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. Архив бр. Тургеневых, д. 720 (письмо Е. Ф. Муравьевой), д. 83 (письмо Н. И. Гнедича к Е. Ф. Муравьевой); Письма и записки Н. М. Карамзина к Е. Ф. Муравьевой. — Русский архив, 1867, с. 455—466; Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу. — Русская старина, 1899, т. 97, февраль, с. 477; март, с. 707; Письма А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому. — В кн.: Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899, т. 1, с. 127, 149; *Батюшков К. Н.* Сочинения, т. 1, с. 28, 48—57, 69; СПб., 1887, т. 3, с. 552 (письмо к Н. И. Гнедичу); т. 2, с. 430, 431, 439; *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч., ч. 4, с. 139—141; *Библикова А.* Указ. соч., с. 406, 412; см. прил. I.
- ³ ОПИ ГИМ, ф. 282, д. 287 (акт на ввод во владение 1817 г.); ЦГИА СССР, ф. 559 (Департамент министра финансов), оп. 2, 1802—1803 гг., д. 117; ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, № 7; *Бирюкович В.* Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. — В кн.: Архив истории труда в России. Пг., 1921, кн. 1, с. 67; Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1902, т. 3, с. 414.
- ⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 63, 18, 83, 77, 84, 94, 81, 79, 82, 76, 78, 80; д. 40, л. 4, 5; д. 41, л. 9—10; ОПИ ГИМ, ф. 282, д. 287; Восстание декабристов (далее — ВД), М.; Л., 1925, т. 1, с. 294; *Батюшков К. Н.* Сочинения, т. 1, с. 104; т. 2, с. 467; т. 3, с. 151, 179, 186, 414, 515, 527; *Вигель Ф. Ф.* Указ. соч., ч. 4, с. 140.
- ⁵ ВД, т. 1, с. 290, 291, 294; *Кропотов Д. А.* Жизнь гр. М. Н. Муравьева. СПб., 1874, с. 60; *Муравьев А. М.* Записки. Пг., 1922, с. 16; *Шевырев С. П.* Указ. соч., с. 362; Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855, т. 2, с. 202—208, 328, 329, 442—466; *Рейнгард Ф. Х.* Естественное право. Казань, 1816; *Сухомятинов М. И.* Материалы для истории образования в России в царствование имп. Александра I. — ЖМНП, 1865, ч. 128, с. 9—172; Записки Д. Н. Свербеева. М., 1899, с. 105—107.
- ⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1153, д. 85, 87; *Муравьев А. М.* Указ. соч., с. 15—16; *Библикова А.* Указ. соч., с. 412; Отповедь П. Н. Свистунова. — Русский архив, 1871, с. 336, 337.
- ⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 40, л. 8, 9, 27; д. 39, л. 4, 5 (письмо Н. М. Муравьева к Е. Ф. Муравьевой от 23 сент.); *Батюшков К. Н.* Сочинения, т. 1, с. 154, 155, 163; *Муравьев-Апостол И. М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. — Сын отечества, 1813, т. 8—10, 12.

- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 86, д. 39, л. 1—2, 3, 11—13, 18, 19, 22—24; д. 40, л. 12—27, 32—35, 37; д. 41, л. 7—8; д. 42, л. 39; д. 62, д. 99; ВД, т. 1, с. 290, 291, 294, 295; Письмо С. И. Муравьева-Апостола отцу, 1813 г. — В кн.: Декабристы: Материалы для характеристики. М., 1907, с. 14; *Батюшков К. Н. Сочинения*, т. 3, с. 223—224; *Богданович М. И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам*. СПб., 1863, т. 1, с. 328—340; т. 2, с. 423—428, 500 и след., 624; *Михайловский-Данилевский А. И. Описание войны 1813 г.* СПб., 1850, т. 2, с. 266 и след.
- ⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 41, л. 3, 4, 5, 6, 11, 12, 15, 16, 17 а, 18, 22, 23, 24—26, 32, 33; *Бибикова А. Указ. соч.*, с. 413; *Греч Н. И. Указ. соч.*, с. 404—406; *Вигель Ф. Ф. Указ. соч.* М., 1892, ч. 5, с. 50; *Батюшков К. Н. Сочинения*, т. 3, с. 316, 317, 310, 311, 335, 336, 340, 341, 361; *Бутенко А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации*. СПб., 1913, т. 1, с. 86, 135 и след., 157, 171, 177 и след., 196, 197, 199 и след., 241, 260 и след.
- ¹⁰ *Колокольников П. Н. Хозяйство России после войны 1812 г.* — В кн.: Отечественная война и русское общество. М., 1912, т. 7; *Туган-Барановский М. И. Война 1812 г. и промышленное развитие России*. — Там же; *Вишняков Н. П. Ликвидация войны*. — Там же; *Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны*. — Русская старина, 1904, март, № 3, с. 486; Московское дворянство в 1812 г. М., 1912, с. 26; Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1903, т. 10, с. 41; *Дубровин Н. Ф. Письма главных деятелей в царствование Александра I*. СПб., 1883, с. 72, 73, 75, 76, 79, 83, 85—87, 94, 95, 134—136, 160.
- ¹¹ ВД, М., 1927, т. 3, с. 71; *Тургенев Н. Россия и русские*. М., 1915, с. 59, 60; *Записки И. Д. Якушкина*. М., 1926, с. 11—15.
- ¹² ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 64, 86, 99, 62; *Бибикова А. Указ. соч.*, с. 413; *Муравьев А. М. Указ. соч.*, с. 16; *Батюшков К. Н. Сочинения*, т. 1, с. 270—272; т. 3, с. 411, 457.
- ¹³ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 397, л. 58 об.; ВД, М., 1927, т. 4, с. 89; *Воспоминания С. П. Шипова*. — Русский архив, 1878, кн. 6.
- ¹⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. 418 (Московский университет), оп. 13, д. 4, с. 51, 53. ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 15; д. 90, л. 54, 55, 21, 16, 17; д. 89, л. 21—22; д. 101, л. 1, 6; д. 42, л. 1, 67; д. 43, л. 9; д. 44, л. 55 об., д. 117, л. 2; ОПИ ГИМ, ф. 282, д. 285 (письмо Н. М. Муравьева к Е. Ф. Муравьевой из Одессы); Отчет о состоянии и действиях имп. Московского университета за 1844/45 академический и 1845 гражданский годы. М., 1846, с. 33; см. прил. II.
- ¹⁵ *Батюшков К. Н. Сочинения*, т. 2, с. 92—117, 432—445, 526; ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 91, 90 (цитата из И. Мюллера); *М. Н. Рассуждения о жизнеописаниях Суворова*. — Сын отечества, 1816, № 6, 16, 46; *Муравьев А. М. Указ. соч.*, с. 16.

К главе III

- ¹ Восстание декабристов. М., 1927, т. 4, с. 273, 105. (Далее: ВД). Ср.: ВД, М.; Л., 1925, т. 1, с. 9, 156, 226, 294, 295, 343, 430, 481, 482; М.; Л., 1927, т. 3, с. 8, 44, 66.
- ² Из писем и показаний декабристов / Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, с. 145—157; *Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов*. Киев, 1906, с. 3, 25, 26, *Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов*. СПб., 1909, с. 378—415, 659—668.
- ³ РО ГБЛ, ф. 147 (С. С. Ланского и С. В. Ешевского), д. 60 (1937), л. 22 об., 24 об., 83, 90; д. 63 (1940), л. 150/2, 97/224; д. 85 (1962), л. 45—46 (письмо Виельгорского Ланскому, № 23); ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 397, л. 134—об., 71, 58, 33; [ВД, М., 1950, т. 9, с. 270, 224, 215—216, 192]; ВД, т. 1, с. 9, 23—25, 299, 305, 306; т. 4, с. 80, 100, 154, 256; т. 3, с. 6, 16, 20, 49, 50, 55, 56, 93, 94, 100, 101; *Записки И. Д. Якушкина*. М., 1926, с. 15—17; *Записки С. П. Трубецкого*. СПб., 1907, с. 12—13; *Соколовская Т. Ложка «Трех добродетелей» и ее члены-декабристы*. — Русский архив, 1908, № 10; О взаимоотношениях «Союза спасения» и ложи «Трех добродетелей» см.: *Дружинин Н. М. Масонские знаки П. И. Пестеля*. — В кн.: Музей революции СССР. М., 1929, сб. 2.
- ⁴ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 397, л. 109 [ВД, т. 9, с. 252]; ВД, т. 1, с. 9, 32; т. 3, с. 27, 28, 30, 42, 52, 53, 126, 105—106; т. 4, с. 179; *Записки И. Д. Якушкина*, с. 23—24; *Записки С. П. Трубецкого*, с. 13—14.
- ⁵ ВД, т. 1, с. 306, 307; т. 3, с. 18, 24, 79, 80; т. 4, с. 101; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 397, л. 90 об. [ВД, т. 9, с. 243—244]; *Записки И. Д. Якушкина*, с. 18; *Записки С. П. Трубецкого*, с. 19; *Кропотов Д. А. Жизнь гр. М. Н. Муравьева*. СПб., 1874, с. 199—217.
- ⁶ РО ГБЛ, ф. 147, д. 63 (1940), л. 100/227—101/228 и след.; 133/226—134/267; д. 61

- (М. 1938), л. 60/85. *Лавров Н. Ф.* Диктатор 14-го декабря. — В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 141 (письмо Р. Кусакова Я. Ф. Скарятину).
- ⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 5, л. 21; ф. 1153, оп. 1, д. 42, л. 33, 486, 486 — об.; д. 44, л. 13, 27; РО ИРЛИ, д. 83 (письмо Н. И. Гнедича Е. Ф. Муравьевой от 12 июля 1826 г.); ОР и РК ГПБ ф. 362, оп. 1, д. 80; ф. 859, к. 19, д. 7 (О масонских ложах и других тайных обществах, ч. 3; Записка 1826 г.) л. 146, 147; ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, д. 8 (архивный № 41/189) — Устав литературного общества «Арзамас», «Законы Арзамасского общества»; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 г., Прил., с. 83; *Жуковский В. А.* Отрывки из записки о Тургеневе. — Сочинения: 7-е изд. СПб., 1878, т. 6, с. 418; Письмо [В. А.] Жуковского к Д. В. Дашкову. — Русский архив, 1868, с. 839—841; Письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому. — В кн.: Остафьевский архив. СПб., 1899, т. 1, с. 149; Записки И. Д. Якушкина, с. 29—30; *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892, ч. 4, с. 55—56; *Сидоров Е.* Литературное общество «Арзамас». — ЖМНП, 1901, т. 6, 7; *Боровкова-Майкова М. С.* Протоколы литературного общества «Арзамас». Л., 1926.
- ⁸ РО ИРЛИ, Архив бр. Тургеневых, д. 576, 577; Дневники и письма Н. И. Тургенева за 1816—1824 гг. — В кн.: Архив бр. Тургеневых. Пг., 1921, вып. 5, с. 191, 367; Остафьевский архив, т. 1, с. 577; *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине и письма из Сибири. М., 1925, с. 116, 117; *Шебунин А. Н.* И. Тургенев в тайном обществе декабристов. — В кн.: Декабристы и их время. М., 1928, т. 1, с. 130, 131.
- ⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 95; д. 97, л. 3, 8 об.; д. 101, л. 11, 9; д. 100; д. 42, л. 1, 3, 67, 69; д. 43, л. 13, 31, 41—41 об.; д. 44, л. 29 об.; д. 90; *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин. М., 1866, ч. 2, с. 198—203; *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды Погодина. СПб., 1888, кн. 1, с. 177; *Муравьев А. М.* Записки. Пг., 1922, с. 16, 35, 28; *Пушкин А. С.* Остатки автобиографии (1825—1826). — Сочинения / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1887, т. 5, с. 41.
- ¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 5; ВД, т. 3; Записки И. Д. Якушкина, с. 31, 32; Записки С. П. Трубецкого, с. 22; Записка А. К. Грибовского. — В кн.: Шильдер Н. К. Александр I. СПб., 1905, т. 4, с. 204—215.
- ¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 90, л. 16, 17, 54, 55, 59 об. — 60; д. 101, л. 1—1 об., 5; д. 100, л. 35 об., 36; д. 89, л. 21—22; д. 42, л. 29; д. 44, л. 54; ф. 48, оп. 1, д. 397, л. 119 [ВД, т. 9, с. 260]; ВД, т. 1, с. 321, 322; См. так же заметки на полях книг в Библиотеке МГУ: Oeuvres complètes de Montesquieu. Paris, 1765 (I P, i 2 c); Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt von A. H. L. Heeren I. Göttingen, 1815 (5 o. b. 5); Réflexions sur la révolution de France et sur les procédés de certains sociétés à Londres, relatifs à cet événement par le Right honorable Edmund Burke (10 Ef 3); Esprit, origine et progrès des institutions judiciaires des principaux pays de l'Europe par I. D. Meyer. Paris, 1818. T. I. (5 Q. u. 30).
- ¹² ВД, т. 1, с. 311, 312, 317, 318; т. 4, с. 91, 101, 102, 178, 291, 292, 360; М., 1925, т. 8, с. 174, 79, 208; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 397 [ВД, т. 9].
- ¹³ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 72; ОПИ ГИМ, ф. 282, д. 285 (письма Н. М. Муравьева к матери из Луты, Севастополя и Одессы); Письма Н. Муравьева и М. Лунина к Е. Ф. Муравьевой из Салбы и Тульчина от 16 августа и 17 сентября 1820 г., хранившиеся ранее в Музее революции в Ленинграде, не разысканы. ВД, т. 1, с. 299, 307, 323; т. 4, с. 115, 178; т. 3, с. 119—120, 123; Показание Н. Комарова. — В кн.: *Довнар-Запольский М. В.* Мемуары декабристов, с. 30; Записка М. К. Грибовского. — В кн.: Декабристы: Отрывки из источников. М.; Л., 1926, с. 112; Письма Н. М. Муравьева к Е. Ф. Муравьевой. — В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931, т. 1, с. 143—145.

К главе IV

- ¹ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 41; д. 397, л. 71 об.; Семеновское дело. — В кн.: Декабристы. Л., 1926; Записки С. П. Трубецкого. СПб., 1907, с. 22; Записки И. Д. Якушкина. М., 1926, с. 44—57; *Семевский В. И.* Волнение в Семеновском полку в 1820 г. — Былое, 1907, февраль, март; *Штрайх С. Я.* Брожение в армии при Александре I. Пг., 1922; *Чернов С. Н.* Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов. — В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926; *Он же.* К истории политических столкновений на московском съезде 1821 г. Саратов, 1925.
- ² ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 235, л. 2—5; д. 67, л. 42 [ВД, М., 1984, т. 18, с. 189]; д. 370, л. 12 [ВД, М., 1976, т. 14, с. 382] ВД, М.; Л., 1927, т. 3, с. 124; М., 1927, т. 4, с. 108, 109; Вторая оправдательная записка Н. Тургенева. — В кн.: Памяти декабристов. М., 1926, сб. 2, с. 141—142; *Шебунин А. Н.* И. Тургенев в тайном обществе декабристов. — В кн.: Декабристы и их время. М., 1928, т. 1, с. 136—141;

- Об Южном обществе и Пестеле ср.: *Мильман С. С.* Декабристы. — Заочный коммунистический университет, 1929, курс 1, № 3.
- ³ ОПИ ГИМ, ф. 282, д. 287 (рядная запись 1794 г., копия условия 1818 г.); ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 7; д. 133 (в частности, письма от 2, 9, 13, 16, 31 окт. 1825 г.); д. 117 (письма от 25 и 30 янв. 1822 г.); д. 43, л. 33; д. 44, л. 6, 11, 18 об., 22 об., 24, 31, 31 об., 34, 34 — об., 37 об., 39, 45—48, 51 об., 53 об., 55, 57 об., 59, 60, 60 об.; 67, 82, 90, 93 об., 95 об., 103, 104, 107, 108, 109 об., 117; д. 67, л. 3; д. 71; ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1 (Экономические примечания к Генеральному межеванию), см. сноску 1 к гл. II; ЦГИА СССР, ф. 1409 (Собственная е. и. в. канцелярия), оп. 1, д. 1408(0), л. 34, 35 (письмо Е. Ф. Муравьевой М. С. Лунину от 4 авг. 1925 г.); Письмо Е. Ф. Муравьевой М. С. Лунину. — В кн.: Гессен С. Я., Коган М. С. Декабрист Лунин и его время. Л., 1926, с. 290, 291; Воспоминания С. В. Скалон. — Исторический вестник, 1891, т. 44, с. 608. О южной поездке Н. Муравьева в 1820 г. в сопоставлении с документами см.: ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 67; *Греков Б. Д.* Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в. — Изв. АН СССР, 1932, № 6, с. 498 (о ссудах Е. Ф. Муравьевой М. С. Лунину).
- ⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 26, 39—44 (особенно д. 42, л. 7, 43, 49; д. 43, л. 9, 13; д. 42, л. 1, 33 об., 34; д. 44, л. 33); д. 157, л. 16—6 (копия с постановления Московской дворянской опеки 1837 г. о разделе наследства Чернышевых); ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1408(0), л. 5, 6 (письмо Н. М. Муравьева М. С. Лунину); ВД, М.; Л., 1925, т. 1, с. 290—291; Письма и записки Н. М. Карамзина к Е. Ф. Муравьевой. — Русский архив, 1867, с. 459—461.
- ⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 44 (в частности, л. 3, 5, 13, 19, 21—27 об., 49, 55 об., 79 об., 87, 89, 101); Записки Н. Н. Лорера. — Русское богатство, 1904, № 3, с. 63—64.
- ⁶ ВД, т. 1, с. 302, 303, 323—325, 301.
- ⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 399, л. 28, 82 об.—84 об.; [ВД, М., 1953, т. 10, с. 103, 144—146]; д. 400, л. 58, 22 [ВД, т. 10, с. 219, 191.] д. 401, л. 27 об., 28 об., 51—53 об. [ВД, т. 10, с. 268—286.]. д. 397, л. 18, 34 об., 35, 73 об., 110 об., 111, 114 [ВД, М., 1950, т. 9, с. 188, 192—257] и след.; ВД, т. 1, с. 15, 35, 87, 157, 230, 254, 299, 300, 308, 319, 323; ВД, М.; Л., 1926, т. 2, с. 236; т. 3, с. 196; т. 4, с. 166, 188; ВД, М., 1925, т. 8 (указания на членов Северного общества и время их принятия); Показания А. Поджио. — В кн.: Довнар-Запольский М. В. Мемуары декабристов. Киев, 1906, с. 200—203; *Чернов С. Н.* Имущественное положение декабристов. — Красный архив, 1926, т. 15; *Щепкина Е.* Извлечение из материалов о помещичьем хозяйстве декабристов. — В кн.: Декабристы и их время. М., 1932, т. 2.
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 371, л. 8 об. [ВД, т. 14, с. 400—402]; д. 397, л. 112, 114 и след., 116, [ВД, т. 9, с. 255—258]; д. 399, л. 28, 29, 84 об., 85, [ВД, т. 10]; д. 400, л. 58, 59, [ВД, т. 10]; ВД, т. 4, с. 276; т. 1, с. 169, 175, 176, 325, 300; т. 3, с. 198; *Чернов С. Н.* Имущественное положение декабристов; *Щепкина Е.* Указ. соч.; *Сыроечковский Б. Е.* Два письма С. И. Муравьева-Апостола. — Красный архив, 1928, т. 30, с. 217—224.
- ⁹ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 399, л. 83 об., 84 [ВД, т. 10]; д. 397, л. 116—119 об. [ВД, т. 9, с. 258—260]; д. 6, л. 9, 10; ВД, т. 1, с. 27, 154, 174, 256, 265, 308, 324; т. 4, с. 162, 163, 187, 353; Записки С. П. Трубецкого. СПб., 1907, с. 23; О северном филиале Южного общества см.: *Дружинин Н. М.* Семейство Чернышевых и декабристское движение. — В кн.: Ярополец: Сб. статей. М., 1930.
- ¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 133; ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1408(0), л. 7, 8 (письмо Н. М. Муравьева от 18 июня 1825 г.); ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 6, л. 9; д. 67, л. 13, 14, 43 [ВД, т. 18]; д. 346, л. 37; д. 357, л. 13; д. 370, л. 13, 14, 23; [ВД, т. 14, с. 382—383, 388]; д. 397, л. 80 об., 88, 112 об., 123 об. (ВД, т. 9, с. 234—255); ВД, т. 1, с. 25, 88, 89, 169, 181, 210, 309; т. 2, с. 226, 297, 298; т. 3, с. 76, 77, 203, 236; Показания М. Ф. Орлова. — В кн.: Довнар-Запольский М. В. Указ. соч., с. 14, 15, 22; Декабрист М. С. Лунин / Под ред. С. Я. Штрайха. Пг., 1923, с. 74, 77; *Лавров Н. Ф.* Диктатор 14 декабря. — В кн.: Бунт декабристов, с. 186—190; *Нечкина М. В.* Общество соединенных славян. М., 1926; *Троцкий И. М.* Декабрист Н. А. Бестужев и Северное общество. — В кн.: Бестужев Н. А. Статьи и письма. М., 1933.

К главе V

- ¹ Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 154 (Далее: ВД); ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 360, л. 10 об. [ВД, М., 1976. Т. 14, с. 150]; ВД, т. 1, с. 293; Впрочем, не исключена возможность официального уничтожения политических записей, отобранных при обыске у Н. Муравьева. Ср.: *Чернов С. Н.* К истории фонда Следственного комитета и Верховного уголовного суда по делу декабристов. — Архивное дело, М., 1925, вып. III, IV.
- ² ВД, т. 1, с. 297, 303.

- ³ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 10, л. 49—58; *Довнар-Запольский М. В.* Мемуары декабристов. Киев, 1906, с. 58—71; Вполне допустимо, что перед нами — беловой экземпляр, списанный Н. Муравьевым с предварительной черновой рукописи. При осмотре бумаг умершего коменданта Петропавловской крепости генерал-адъютанта Сукина были найдены «черновые показания и письма арестантов, содержавшихся в 1825 и 1826 годах по делу о тайных обществах», удержанные им у себя дома (81 экз.). Найденные рукописи было приказано «уничтожить, ибо подлинные находятся при деле» (ЦГВИА, ф. 1 (Канцелярия военного министерства), оп. 1, т. 5 (1837 г.). Особая экспедиция (по секретной части), № 59 (11499). См. прил. V).
- ⁴ *Пушкин И. И.* Записки о Пушкине и письма из Сибири/Под ред. С. Я. Штрайха. М., 1925, с. 258, 260, 264, 266; Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1904 г. М., 1905, с. 33; Декабристы: Сб. материалов. Л., 1926; (О последнем издании проекта см. рец.: *Дружинин Н. М.* — Каторга и ссылка, 1927, № 7 (36), с. 223—227). Заметки Архива Якушкина озаглавлены «Проект конституции Никиты Муравьева», занимают 23 листа папиросной бумаги, напечатаны на машинке и снабжены собственноручными поправками В. Е. Якушкина. По-видимому, заметки представляют собой черновики подготовлявшегося доклада и относятся к периоду 1904—1905 гг. (судя по указанию автора на последовавшее смягчение цензуры). Содержание заметок, с некоторыми изменениями, вошло в соответствующую главу кн. «Государственная власть и проекты государственной реформы в России» (М., 1906). Сведения о портфеле И. И. Пущина имеются также в статье Е. И. Якушкина «Воспоминания о И. И. Пущине» (Записки И. И. Пущина о Пушкине. СПб., 1907, с. 92—93). Разногласия в дате передачи портфеля (15 декабря утром — у Е. И. Якушкина и 14 декабря 1825 г. вечером — у В. Е. Якушкина) надо разрешить в пользу 14-го числа; по словам И. И. Пущина, утром 15 декабря он отправился в казематы на поиски брата, а по возвращении домой, в 8 часов утра, был уже арестован (ВД, М.; Л., 1926, т. 2, с. 206); с другой стороны, психологически вероятнее, что кн. П. А. Вяземский поехал к своему приятелю вечером, в обстановке неостывшего возбуждения, желая поделиться впечатлениями только что пережитого дня; утром 15-го, в связи с ночными арестами, П. А. Вяземский не мог рассчитывать, что застанет И. И. Пущина на свободе, и не стал бы рисковать своей личной безопасностью. См. прил. IV.
- ⁵ Пропущены и восполнены вставками на полях следующие места: о землях экономических, удельных и государственных крестьян (ст. 25), о публичных объявлениях тысяцкого (ст. 55), об управлении общественными лесами и землями (ст. 92, п. 6), о предметах преподавания в школах (ст. 92, п. 9), о введении частных налогов (ст. 119, п. 9), о надзоре за чиновниками министерства (ст. 122). Перепутана нумерация 60—72 статей (№ 60—66 исправлены одним из читателей архива); в ст. 120, п. 1 вместо «движимого» ошибочно написано «недвижимого»; расстановка знаков препинания в ст. 107 обнаруживает неправильное понимание текста со стороны переписчика. Заметки первого рода относятся к ст. 9 (п. 2, 6—7), 19, 25 (примеч.), 26, 30—32, 35, 47 (п. 6), 54, 63, 64, 68, 71, 85, 92 (п. 5, 6), 93, 94, 96 (п. 1—2), 97 (п. 1), 100 (п. 2), 101 (п. 7, 9, 11, 12, 15, 18), 104, 105, (п. 6), 109, 111, 114, 119 (п. 3). Черильные замечания см. у ст. 24, 40, 44, 51, 53, 76, 86, 104. Почерк заметки у ст. 71 можно уловить в карандашных пометках, сделанных против статей 10 (NE), 13 (NB), 30 («улучш.»), 31 («Об евреях»), 33 (NE), 74. На большом конверте, в который вложена рукопись, рукой В. Е. Якушкина сделана надпись: «Переписана, по-видимому, рукой Рылеева».
- ⁶ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 360; [ВД, т. 14]; Общественные движения в России в первую половину XIX в. СПб., 1905, т. 1, с. 281—495.
- ⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 360, л. 28 об., 13 об., 17, 12, [ВД, т. 14, с. 162, 152—154]; [Бороздин А. К.] Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906, с. 70—71, 68; Общественные движения в России в первую половину XIX в., с. 287—289.
- ⁸ *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 613, 614; ВД, т. 2, с. 64, 76, 71, 82.
- ⁹ См. собственноручное показание С. Н. Кашкина, написанное скорописью (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 64, л. 3).
- ¹⁰ Там же, д. 64, л. 360, л. 10; [ВД, т. 14] ВД, т. 1, с. 313—315.
- ¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 361, л. 23, 26 об.—27, [ВД, т. 14, с. 202—205]; ВД, т. 2, с. 79, 80.
- ¹² ВД, М., 1927, т. 4, с. 113—114; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 370, л. 14 об. [ВД, т. 14, с. 383].
- ¹³ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 360, л. 13 об. [ВД, т. 14].
- ¹⁴ Там же, д. 64, л. 1, 3. [ВД, М., 1984, т. 18].

- ¹⁵ ВД, т. 1, с. 293; т. 2, с. 227; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 360, л. 14; д. 67. Ср.: ВД, т. 1, с. 394.
- ¹⁶ ВД, т. 1, с. 314.
- ¹⁷ ВД, т. 1, с. 177, 178; 183, 184; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 346, л. 13, 14, 19 об.; д. 64. [ВД, т. 18].
- ¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 360, л. 13 об. [ВД, т. 14, с. 152].
- ¹⁹ ВД, т. 1, с. 293, 434; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 67, л. 13, 14 [ВД, т. 18, с. 151].
- ²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 333. Вторая кипка из 12 листов подложена не в середину первой кипки, как это следовало бы по содержанию текста, а в самый конец, перед последним листком внешней обложки. Вступление написано иначе, чем 1 глава; с 36-й ст. — новая форма письма; ВД, т. 1, с. 13; См. прил. III.
- ²¹ ВД, т. 1, с. 13, 20, 18, 37, 99, 102, 57, 73; Процесс декабристов. М., 1905, с. 27.
- ²² ВД, т. 1, с. 508; Пресняков А. 14 декабря 1825 г. М.; Л., 1926, с. 39; ВД, т. 1, с. 109 (ст. 2), 113, 114 (ст. 27), 119 (ст. 51), 115 (ст. 36).
- ²³ ВД, т. 1, с. 321, 322, с. 11, 12.
- ²⁴ Ср.: Т₂₅ и П₂₄, Т₂₇ и П₂₆, Т₄₅, Т₃₉₂ и П₄₇₂; ВД, т. 1, с. 308; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 371, л. 8 об.—9 (дело М. М. Нарышкина), [ВД, т. 14]; Записки И. Д. Якушкина. М., 1926, с. 64; ВД, т. 1, с. 302.
- ²⁵ Отсюда ясно, насколько неправ Г. В. Вернадский, считавший тюремную запись только вариантом второй редакции, восстановленной по памяти (Изв. Тавр. ун-та, Симферополь, 1919, кн. 1, с. 130). В ЦГИА СССР (ф. 660 (Закревский), оп. 1, 1820 г., д. 148) имеется еще одна рукопись конституции Н. Муравьева, озаглавленная: «Извлечение из проекта конституции, составленного гвардейского Генерального штаба капитаном Муравьевым». При ближайшем анализе она оказывается копией тюремного варианта с некоторыми перифразами, пропусками и опечатками. По-видимому, это то самое «извлечение», которое было сделано «для поднесения е. и. в. цесаревичу» при рапорте от 22 июня 1826 г. (ЦГВИА, ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба е. и. в.), оп. 4, д. 266, л. 46).
- ²⁶ См., например: *Довнар-Запольский М. В.* Идеалы декабристов. М., 1906, с. 314, 395—417; *Декабристы: Сб. материалов.* Л., 1926, с. 60 (цифры ценза); *Семевский В. И.* Указ. соч., с. 449—470, 611—623.

К главе VI

- ¹ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 101, л. 1—2 об.; Замечания в книге: *Meyer J. D.* *Esprit, origine et progrès des institutions judiciaires des principaux pays de l'Europe.* Paris, 1818, т. 1, р. LII (Библиотека I МГУ, 5. Q. u. 30').
- ² ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 90, л. 22 и след.; Замечания в кн.: *Oeuvres complètes de Montesquieu.* (Библиотека I МГУ, 1 P.i. 2 с.); *Фонвизин М. А.* Обзорение проявлений политической жизни в России.—В кн.: *Общественные движения в России в первую половину XIX в.* СПб., 1905, т. 1, с. 127, 128; Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 292—293. (Далее: ВД); *Вернадский Г. В.* Скрытый источник конституции Н. М. Муравьева.—Изв. Тавр. ун-та, Симферополь, кн. 1, 1919, с. 127—141.
- ³ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 333; ВД, т. 1, с. 108—132; См. прил. III.
- ⁴ *Яценко А. С.* Теория федерализма. Юрьев, 1912, с. 367, 448, 453, 457.
- ⁵ Ср. французскую конституцию 1791 г. (т. III, а. I) и испанскую конституцию 1812 г. (ст. 2 и 3). Все ссылки на конституционные тексты сделаны по сборнику: *Dufau P. Duvergier J. et Guadet J.* *Collection des constitutions.* P. 1823. Т. 1—6; (Библиотека I МГУ, 6, F I, 13); *Дюги Л.* Конституционное право. М., 1908, с. 34—41; *Дайси А. В.* Основы государственного права Англии. М., 1907, гл. 1; *Брайс Д.* Американская республика. М., 1889, ч. 1, с. 34.
- ⁶ Ср.: Т_{1—5} с франц. конст. 1791 г. (т. III, ch. I, s. II, а. 1—2) и 1795 г. (т. II, 11); Т₆ — с франц. конст. 1791 г. (т. III, ch. I, s. II, а. 2) и 1795 г. (т. II, 8); Т₈ — с франц. конст. 1795 г. (т. II, 10); Т₁₀ — с франц. конст. 1795 г. (т. II, 16); исп. конст. (т. II, ch. IV, а. 25/6) и португальской конституцией (32—6 с); Т₁₁ — с франц. конст. 1795 г. (т. II, 12, 13), исп. конст. (с. 24, 25) и португ. конст. (с. 22/2); *Constant Benjamin.* *Principes de politique.* P. 1815, ch. I, VI; *Жорес Ж.* История Великой французской революции. М., 1920, т. 1, с. 293—312; *Бутенко В. А.* Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. СПб., 1913, т. 1, с. 405 и след.
- ⁷ Ср.: Т₁₃ — с франц. конст. 1791 г. (Déclar., 6); Т₁₅ — с исп. конст. 7—9 и франц. конст. 1795 г. (Déclar., 3); Т₁₅ — с франц. конст. 1791 г. (Déclar., 11 и т. III, ch. V, а. 17, 18); Т₁₅ — с франц. конст. 1793 г. (Déclar., 17) и 1795 г. (т. XIV, 356); Т₁₉ — с франц. конст. 1791 г. (т. I); Т₂₀ — с франц. конст. 1791 г. (вст.) и 1795 г. (т. XIV, 355); Т₂₁ — с франц. конст. 1791 г. (т. III, ch. V, а. 9); Т₂₂ — с Habeas Corpus Act, франц. конст. 1791 г. (Déclar., 7, 8, 9) и 1795 г. (Déclar., 8—9, 10), Т₂₃ — с франц.

- конст. 1791 г. (t. III, ch. V, 12) и 1795 г. (t. VIII, 226); T₂₄ — с франц. конст. 1791 г. (Déclar., 17); *Constant Benjamin*. Principes de politique, ch. I, XV—XIX; Дюги Л. Указ. соч., с. 678—686, 695—704, 711—712, 722, 746—749, 750, 756—758, 895—906; Бутенко В. А. Указ. соч., с. 331, 405 и след., 395 и след., 435; Мишель Анри. Идея государства. СПб., 1903, с. 97—98, 102—115, 372 и след.
- ⁸ Цифры населения, установленные 7-й ревизией и сопоставленные с цифрами населения у Н. Муравьева, подтверждают разделение территорий, разъясненное в тексте настоящей работы (Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818, ч. 1, с. 54—56). Мнение Г. В. Вернадского о совпадении «держав» Н. Муравьева с территориями Уставной грамоты Н. Н. Новосильцева (Изв. Тавр. ун-та, 1919, кн. 1) оказывается недостаточно обоснованным. Если даже признать расписание губерний, сохранившееся в делах комитета 1826 г., за перечень наместничеств, проектированных Новосильцевым, то при ближайшем анализе мы не найдем здесь никакого сходства. Только три генерал-губернаторских округа могли совпадать с «державами» Н. Муравьева: Одесский округ с Черноморской «державой», Тифлиссский — с Кавказской и Витебский — с Днепровской. Киев в расписании 1826 г. сосредоточивал вокруг себя не Правобережную Украину, а левобережные Северо-Черноземные губернии; Казань являлась центром не северо-восточного Волжско-Камского края, а средневожских губерний, раздробленных Н. Муравьевым между Славянской областью, Камской и Низовской «державами»; вокруг Вильны были объединены не только Литва, но и Юго-западные губернии (последние должны были войти в Бужскую «державу» Н. Муравьева); вся Сибирь была соединена в один административный округ с городом Томском; прибалтийские земли не включали в себя Новгородскую губернию и имели административным сосредоточием Ригу; взамен Заволжской «державы» мы встречаем здесь два округа — Тверской и Архангельский; округа Тульский и Оренбургский по составу губерний не совпадает с Окинской и Камской «державами»; о положении Петербурга, Москвы и Донской области вообще не упоминается в этом неполном и несовершенном источнике (Сб. РИО. СПб., 1894, т. 90, с. 212—213; СПб., 1891, т. 74, с. 145).
- ⁹ Первое Полное собрание законов (ПСЗ-I), т. 20, № 14392, гл. XVIII, с. 235—252. Ср.: T₃₉ — с франц. конст. 1791 г. (t. III, ch. I, s. IV, а. 4); T₄₉ — с португ. конст. (44, 47); Реальное содержание ценовых норм см. в законе 14 ноября 1824 г. ПСЗ-I, т. 39, № 30115, § 35, 88, 89.
- ¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. I, д. 101, л. 1; д. 90, л. 22; Отметки в кн.: Heeren A. H. L. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Göttingen, 1815. t. I (Библиотека I МГУ, 5. O. b. 5); Дюги Л. Указ. соч., с. 430—448; Брайс Д. Указ. соч., ч. 1, с. 27—28.
- ¹¹ Брайс Д. Указ. соч., М., 1890, ч. 2 (особенно гл. XXXVI—XXXVIII). Ср.: T₅₃ — с конст. штата Массачусетс (I, 30), Нью Гемпшир (Déclar., 37), Луизиана (t. I, а. 1).
- ¹² Ср.: T₅₄ — с конст. штата Массачусетс (II, а. 1), Мериленд (а. 1), T₅₅ — с конст. штата Массачусетс (s. III, p. 11, а. 1), T₅₇ — с конст. штата Нью-Йорк (а. 4), Южная Каролина (а. 13) и Тенесси (t. I, а. 2); T₅₈ — с конст. штата Мэн (t. II, а. 4, 5) и Огайо (t. I, а. 3); T₅₉ — с конст. штата Мериленд (а. 3); T₆₀ — с конст. штатов Массачусетс (t. II, s. II, а. 3) и Мэн (t. IV, а. 5); T₆₁ — с конст. штата Кентукки (сс. 9, 14, 16); T₆₃ — с конст. штата Огайо (t. I, а. 6); T₆₄ — с конст. штата Кентукки (а. 10); T₆₂ — с конституцией Северо-Американских Соединенных Штатов (САСШ) 1787 г. (ст. I, отд. 3).
- ¹³ Ср.: T₆₅ — с конст. штатов Мериленд (а. 23), Кентукки (а. 17), Индиана (t. III, а. 25); T₆₆ — с конст. штатов Массачусетс (t. II, s. II, а. 7; s. III, а. 10), Пенсильвания (t. II, 9), Северная Каролина (а. 10), Миссисипи (t. III, 15), Кентукки (t. II, 7, 19, 23); T₆₇ — с конст. штатов Огайо (8, 11) Индиана (t. III, 8, 11), Иллинойс (t. II, 7, 10); T₆₈ — с конст. штата Пенсильвания (t. II, 8, 11); T₆₉ — с конст. штата Индиана (t. III, 20); T₇₂ — с конст. штата Огайо (t. I, 15); T₇₃ — с конст. штата Мэн (t. VI, 5, 12); T₇₄ — с конст. штатов Луизиана (t. II, 20), Иллинойс (t. II, 12), Мэн (t. VI, 8).
- ¹⁴ Ср.: T₇₀ и T₇₁ — с конст. штатов Мэн (t. IV, 7—9), Индиана (t. III, 19, 23); Брайс Д. Указ. соч., т. 2, гл. XL.
- ¹⁵ Ср.: T₇₅ — с конст. Массачусетс (t. II, 2); T₇₈ — с конст. САСШ (с. I; отд. 10, § 1—3); T₇₉ — с конст. САСШ (ст. IV, отд. 1, 2); T₈₀ — с конст. САСШ (с. IV, отд. 2); Брайс Д. Указ. соч., т. 1, с. 17; т. 2, гл. XXXVII.
- ¹⁶ Ср.: T₈₁ — с конст. штатов Массачусетс (p. II, ch. II, s. I, а. 1; s. II, а. 1; s. III, а. 1); Нью-Йорк (17, 20, 23), Пенсильвания (ch. II, а. 3, 19); T₈₂ — с конст. штатов Массачусетс (p. II, ch. II, s. 1, а. 2—3), Индиана (t. IV, 3), Нью-Йорк (17—18), Мериленд (38); T₈₃ — с конст. штатов Массачусетс (p. II, ch. I, s. II, а. 3; ch. II,

s. I, а. 5—9), Огайо (5, 10, 14); Т₈₄ — с конст. штатов Мериленд (31), Вирджиния (7), Луизиана (т. III, 3); Т₈₅ — с конст. штата Южная Каролина (3); Т₈₆ — с конст. штатов Массачусетс (р. II, ch. II, s. II, а. 1; s. III, а. 1), Южная Каролина (9); Т₈₇ — с конст. штата Массачусетс (р. II, ch. II, s. III, а. 5); Т₈₈ — с конст. штата Массачусетс (там же); Т₈₉ — с конст. штата Массачусетс (р. II, ch. II, s. II, а. 2, 3); Т₉₀ — с конст. штата Массачусетс (р. II, ch. II, s. IV, а. 1); Т₉₁ — с конст. штатов Делавэр (23), Вирджиния (14), Северная Каролина (23); Ср.: *Брайс Д.* Указ. соч., ч. 2, гл. XLI.

¹⁷ Ср.: Т₉₂, ^{взи след.} — с конст. САСШ 1787 г. (Т₉₂ — со ст. I, отд. I, § 1; Т₉₃ — со ст. I, отд. II).

К главе VII

¹ РО ГБЛ, ф. 243 (И. И. Пущин), д. 4. 54 (Конституция Н. М. Муравьева); Декабристы: Сб. материалов. Л., 1926, с. 63—88; — см. прил. IV.

² П_{32—34}; *Дюги Л.* Конституционное право. М., 1908, с. 875—884.

³ Соответствующая статья приписана на полях в качестве примечания к ст. 25; очевидно, она была пропущена при переписке оригинала и вставлена при последующей проверке.

⁴ Ср. цифры населения по губерниям у К. Арсеньева (*Арсеньев К. И.* Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818, ч. 1, с. 54—56) и в ст. 43 пущинского варианта.

⁵ В определении размеров имущественного ценза пущинский вариант страдает явным противоречием: в ст. 44 избирающие тысяцкого должны иметь собственность в 500—1 тыс. руб. серебром; в ст. 47 (п. 6) избиратели и присяжные должны обладать цензом в 250—500 фунтов чистого серебра (если перевести весовые единицы на денежные, то низшая норма ценза выразится в сумме 5 тыс. — 10 тыс. руб. сер.). Из сопоставления ст. 6 (п. 36) и ст. 39 (п. 6) рукописи Трубецкого со ст. 5 (п. 44) и 47 (п. 6) пущинского варианта видно, что общее понятие «избирателей» применялось Н. Муравьевым ко всем выборам, в том числе к выборам тысяцкого. Следовательно, в ст. 44 и 47 (п. 6) пущинской редакции установлена различная норма имущественного ценза для одного и того же случая: в ст. 44 сохранена прежняя цифра, а в ст. 47 (п. 6) норма первоначального варианта неожиданно увеличена в 10 раз. Это противоречие легко устраняется предположением, что мы имеем здесь описку переписчика (а, может быть, и самого автора), выразившуюся в присоединении ненужных нулей к цифрам 25 и 50 (фунтов серебра). Во всяком случае, мы должны предпочесть конкретную цифру денежных единиц в ст. 44, которая вполне соответствует прежнему положению, а не цифру весовых единиц, которая противоречит общей тенденции проекта и в которой легко было допустить ошибку.

⁶ Ср.: П₅₉ с конст. САСШ (ст. 1, о. I, § 1); П₆₀ — со ст. 1, о. II, § 1; П₆₁ и ^{вз} со ст. 1, о. II, § 2; П_{64—65}, ⁶⁹ — со ст. 1, о. II, § 3, П₇₁ — со ст. 1, о. II, § 4; П₇₂ — со ст. 1, о. II, § 5; П₇₃ — со ст. 1, о. III, § 1; П₇₄ — со ст. 1, о. III, § 2; П₇₅ — со ст. 1, о. III, § 3; П₇₆ — со ст. 1, о. III, § 4, 5; П₇₇ — со ст. 1, о. III, § 6, 7; П₇₈ — со ст. 1, о. VII, § 1; *Брайс Д.* Американская республика. М., 1889, ч. 1, гл. X—XIII.

⁷ Ср.: П_{83—84} с конст. САСШ (ст. 1, о. VI, § 1).

⁸ Ср.: П_{78—80}, ⁸² — с конст. САСШ (ст. 1, о. IV, § 2, о. V, § 1—3); П₈₁ — с франц. конст. 1791 г. (т. III, ch. III, s. II, а. 1—2); П₈₈ — с франц. конст. 1791 г. (там же, а. 4).

⁹ Ср.: П₉₂ — с конст. САСШ (ст. 1, о. VIII).

¹⁰ Ср.: П₉₉ — с конст. САСШ (ст. 1, о. VII).

¹¹ Ср.: П_{гл. X} (особ. с. 101) с конст. САСШ (ст. II, отд. II, III); *Дюги Л.* Указ. соч., с. 543—549; *Брайс Д.* Указ. соч., ч. 1, гл. V—VII. Ср.: П₁₀₅ — с конст. Швеции, исп. конст. (171, п. 2), франц. конст. 1791 г., (т. III, ch. II, s. I, а. 7); П₁₀₆ — с исп. конст. (172, п. 2).

¹² Ср.: П₁₁₃ — с конст. САСШ (ст. II, отд. IV); *Брайс Д.* Указ. соч., ч. 1, гл. IX.

¹³ П₁₀₁ п. 12, 77; *Брайс Д.* Указ. соч., ч. 1, гл. IX.

¹⁴ П₁₁₇, п. 2; П₁₁₉, п. 8 и 10.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, № 10; *Довнар-Запольский М. В.* Мемуары декабристов. Киев, 1906, с. 58—71; См. прил. V.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 101, л. 1; Ср. с конст. САСШ (ст. III); *Брайс Д.* Указ. соч., ч. 1, гл. XXII—XXIV; М., 1890, ч. 2, гл. XLII.

¹⁷ Первое Полное собрание законов (ПСЗ-1) т. 20, № 14392; *Ашлей Перси.* Местное и центральное управление. СПб., 1910.

¹⁸ Ср.: с конст. САСШ (ст. V); Отрицание федерализма в конституции Н. Муравьева мы находим и у его современников — М. С. Лунина и П. Н. Свистунова. См.: Де-

кабрист М. С. Лунин. Пг., 1923, с. 73; *Свистунов П.* Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14 декабря и о декабристах.— Русский архив, 1870, кн. 7—9, с. 1639—1641.

- ¹⁹ Общественные движения в России в первую половину XIX в. СПб., 1905, т. 1, с. 126—128.
- ²⁰ *Вернадский Г.* Скрытый источник конституции Н. М. Муравьева.— Изв. Тавр. ун-та. Симферополь, 1919, кн. 1, с. 127—141.

К главе VIII

- ¹ ЦГВИА, ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба е.и.в.), оп. 3, д. 199; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 30, л. 130—132; д. 391, д. 293, л. 24; ф. 1153, оп. 1, д. 133, л. 21—22 об. (письмо Н. Муравьева к А. Г. Муравьевой от 23 декабря 1825 г.); д. 30, л. 17; ЦГВИА, ф. 1 (Канцелярия Военного министерства), оп. 1, т. 5 (1837) особая экспедиция (по секретной части), № 59 (11499). Восстание декабристов (Далее: ВД). М.; Л., 1926, т. 2, с. 298; М., 1927, т. 4, с. 8, М., Л., 1925, т. 1, с. 293. Записки гр. М. Д. Бутурлина.— Русский архив, 1897, кн. 2, № 5, с. 50; *Пушкин Б. С.* Аресты декабристов.— В кн.: *Декабристы и их время.* М., 1932, т. 2.
- ² ЦГИА СССР, ф. 1280 (Управление коменданта петербургской Петропавловской крепостью), оп. 1, 1826 г., д. 6, л. 5, 193, 221, 269; ф. 1409, оп. 2, 1827 г., д. 4993; д. 4580, ч. III, XII; д. 14, л. 36, 42, 43, 45, 46, 48, 49; ЦГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 33, л. 14, 15; д. 52, л. 1, 3; д. 201, 448, 462; ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 45, (письмо Н. Муравьева к матери 29 декабря 1825 г.— В настоящее время указанное письмо в деле отсутствует); д. 134, 135, 136; Письмо Н. Муравьева к Николаю I.— Русская старина, 1896, июнь, с. 459; ВД, т. 1, с. 295—296.
- ³ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 336 (ср.: ВД, т. 1, с. 292—331); д. 6, л. 9; д. 7, л. 1; д. 67, л. 13 об., 14 [ВД, М., 1984, т. 18, с. 174—175]; д. 66, л. 1, 46; д. 74, л. 4, [ВД, т. 18, с. 216—217], д. 63, л. 5; [ВД, т. 18, с. 124—125]; д. 25, л. 95, 96; д. 244, л. 11, 47, 60, 70, 73; д. 232, л. 1; д. 93, л. 49, 50 (Ср.: ВД, М.; Л., 1927, т. 3, с. 47, 49, 76, 82, 141, 154, 161, 163, 171, 172, 184, 187, 202, 212); ЦГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 384; ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 1, 1826 г., д. 6 (записка военного министра, 13 авг. 1826 г.); ВД, т. 3, с. 90; Записки А. М. Муравьева. Пг., 1922, с. 23; Записки И. Д. Якушкина. М., 1926, с. 87.
- ⁴ ЦГИА СССР, ф. 1280, оп. 1, 1926 г., д. 3, ч. II, л. 36, 81, 86, 125, 126; ЦГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 345, л. 18, 19; *Анненкова П. Е.* Записки жены декабриста. Пг., 1915, с. 69, 70—71; Записки И. Д. Якушкина, с. 95—98; Записки А. М. Муравьева, с. 24—28; *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907, с. 137.
- ⁵ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом). (Далее: РО ИРЛИ), д. 82 (письмо Н. И. Гнедича Е. Ф. Муравьевой от 19 июля 1826 г.); Записки А. М. Муравьева, с. 25.
- ⁶ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 201, л. 5; д. 555; ЦГИА СССР, ф. 1405 (Министерство юстиции), 1832 г., д. 164; Записки кн. М. Н. Волконской. СПб., 1904, с. 24, 40; ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 32—35, 37; д. 132, л. 7—9; *Бибикова А.* Из семейной хроники.— Исторический вестник, 1916, т. 146, № 3, с. 415; *Штрайх С. Я.* Из быта декабристов в Сибири.— Русское прошлое. Пг.; М., 1915, сб. 1, с. 124; *Дружинин Н. М.* Семейство Чернышевых и декабристское движение.— В кн.: Ярополец. М., 1930.
- ⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 32—35, 37, 132; Записки И. Д. Якушкина, с. 125—126; *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805—1850. СПб., 1882, с. 220, 223, 241; Записки С. Г. Волконского. СПб., 1901, с. 468; Записки Д. И. Завалишина. М., 1906, с. 269, 272; Записки Н. В. Басаргина. Пг., 1917, с. 113—115; Записки Н. И. Лорера.— Русское богатство, 1904, № 6, с. 78, 79; *Розен А. Е.* Указ. соч., с. 155; *Анненкова П. Е.* Указ. соч., с. 123, 136.
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 36, 37, 56, 38, 32—35; ф. 109, 1 экспедиция, 1826, д. 61, ч. 54; Записки И. Д. Якушкина, с. 152, 163; Записки Н. В. Басаргина, с. 169—170; Записки Н. И. Лорера.— Русское богатство, 1904, № 7, с. 36; *Беляев А. П.* Указ. соч., с. 238—469; *Розен А. Е.* Указ. соч., с. 150, 154; *Анненкова П. Е.* Указ. соч., с. 93, 115; Записки кн. М. Н. Волконской, с. 72, 96; *Бибикова А.* Указ. соч., с. 414; Из переписки декабристов.— Голос минувшего, 1915, № 4.
- ⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 46—48 (письма Н. Муравьева к матери 1836—1837 гг.); Государственный архив Иркутской области. (Далее: ГАИО), ф. 24, оп. 3, д. 10, к. 22, л. 37, 38 об.; д. 11, к. 22, л. 145—146; ЦГИА СССР, ф. 1284 (Департамент общих дел Министерства внутренних дел), оп. 28, I отд., I стол, 1843—1845 гг., д. 303, л. 17—36 об.; Записки Н. В. Басаргина, с. 174; Отповедь П. Н. Свистунова.— Русский архив, 1871, с. 342, 368; Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925, с. 191, 192.
- ¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 46—53 (письма Н. Муравьева к матери за 1836—

- 1842 гг., напр.: д. 49, л. 7; д. 50, л. 9, 81 об.; д. 51, л. 19, 75; д. 53, л. 33, 72 об.; д. 156, д. 110; ЦГИА СССР, ф. 1409 (Собственная е.и.в. канцелярия), оп. 2, 1826—1827 гг., д. 4580, ч. III; ф. 1405, оп. 534; 1841—1842 гг., д. 191; ЦГВИА, ф. 1, оп. 1, т. 5 (1842 г.), 1 отд. 3 стол, по секретной части № 29 (13607); РО ИРЛИ, Архив бр. Тургеневых, д. 901 а, б (письмо Е. Ф. Муравьевой); ф. 6, оп. 1, ед. хр. 8 (письмо Н. М. Муравьева И. А. Анненкову); Письма М. Н. Волконской.— Тр. Гос. Исторического музея, М., 1926, вып. 2, с. 55; Записки кн. М. Н. Волконской, с. 104; Библиографа А. Указ. соч., с. 417.
- ¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 46—54 (письма Н. Муравьева к матери за 1836—1842 гг.), напр.: д. 46, л. 14; д. 47, л. 17; д. 48, л. 83; д. 50, л. 7 об., 77, 83 об., 91 об.; д. 51, л. 23 об.; д. 53, л. 9 об., 25, 72.
- ¹² ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 104, 105, 103, л. 99, 115, 116; д. 46—55 (письма Н. Муравьева к матери за 1836—1842 гг., напр.: д. 47, л. 1 б., 11, 28 об., 32; д. 48, л. 7, 11, 23, 29, 61, 63; д. 49, л. 27 об., 33, 37 об., 49 об., 57, 59, 67, 69, 73, 95, 101; д. 50, л. 1 б., 3, 5 об., 31 об., 35 об., 42 об., 57 об., 87; д. 51, л. 21 об., 23, 31, 37; д. 52, л. 1 б., 35 об., 43 об.; д. 53, л. 17 об., 82; д. 56, л. 72 об.; д. 156, л. 14 об.; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 534, 1843—1845 гг., д. 250, л. 12, 71.
- ¹³ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 38, л. 32, 34 об., 14 об.; д. 56, л. 31, 38, 39, 45 об., 46, 48, 50; д. 138, л. 18 об.
- ¹⁴ Там же, д. 103, 53; Декабристы на поселении. М., 1926, с. 129.
- ¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 56, л. 36—37 (письмо Н. Муравьева к матери, 19 января 1840 г.).
- ¹⁶ Архив АН СССР, ЛО, ф. 100 (Н. Ф. Дубровина), д. 322, л. 45, 46. (Записка опубликована в русском переводе П. А. Садиковым в кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931, т. 1, с. 135—137); Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. (Далее: ОПИ ГИМ), ф. 282, д. 302 (Рукописи М. С. Лунина); Ср.: М. С. Лунина. Общественное движение в России. М.; Л., 1926; Декабрист М. С. Лунина. Сочинения и письма. Пг., 1923. (Тр. Пушкинского дома); Записки А. М. Муравьева; Е. И. Якушкин. О записках декабриста А. М. Муравьева.— Былое, 1924, № 25; Декабристы на поселении, с. 129; Гессен С. Я., Коган М. С. Декабрист М. С. Лунина и его время. Л., 1926, с. 183—188.
- ¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 279 (ф. Якушкиных), оп. 1, д. 254 (письмо С. Г. Волконского И. И. Пущину, 2 мая 1843 г.); ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 28, 1 отд., 1 стол, 1843—1845 гг., д. 303, л. 4; РО ИРЛИ, ф. 6, оп. 1, д. 19 (письмо Е. Ф. Муравьевой к Ф. Б. Вольфу); ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 208, л. 4; Письмо М. С. Лунина М. Н. Волконской.— В кн.: Гессен С. Я., Коган М. С. Указ. соч., с. 273; Памяти декабристов. Л., 1926, вып. 1, с. 212; Декабристы на поселении, с. 89.

К главе IX

- ¹ *Щеголев П. Е.* Владимир Раевский.— В кн.: Декабристы: Сб. материалов. Л., 1926; *Нечкина М. В.* Общество соединенных славян. М., 1927, гл. 5; *Гриц Т. С., Тренин В. В., Никитин М. М.* Словесность и коммерция. М., 1928; Записки С. П. Трубецкого. СПб., 1907, с. 40; Восстание декабристов. М.—Л., 1925, т. 1, с. 43, 60, 61. (Далее: ВД); *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 1915, т. 1, с. 91 и след; Архив братьев Тургеневых, вып. 3. Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1816 гг., СПб., 1913, т. 2.
- ² *Чернов С. Н.* Имущественное положение декабристов.— Красный архив, 1926, т. 15; *Шепкина Е.* Извлечение из материалов о помещичьем хозяйстве декабристов.— В кн.: Декабристы и их время. М., 1932; *Сыроечковский Б. Е.* Два письма С. И. Муравьева-Апостола.— Красный архив, 1928, т. 30; Записки С. Г. Волконского. СПб., 1901, с. 398; *Греков Б. Д.* Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX в.— Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1932, № 6, 7; *Тарасов Е. И.* Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху. Самара, 1923, с. 288—293; *Маслов С.* Историческое обозрение действий и трудов имп. Московского общества сельского хозяйства. М., 1850, с. 257—271 (прил.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВА МУРАВЬЕВЫХ *

1. РЯДНАЯ ЗАПИСЬ Ф. М. И М. И. КОЛОКОЛЬЦОВЫХ **

Копия

Лета тысяща семь сот девяноста четвертаго Ноября в девятый день. Тайный советник, сенатор и Ордена святого Равноапостольного князя Владимира второй степени Большого креста ковалер Федор Михайлов сын Колокольников и жена его Марья Иванова дочь сговорили мы дочь нашу родную, девицу Катерину в замужество за полковника Михайлу Никитина сына Муравьева; а в благословение даем ей: святые образа: перьвой — Казанския богоматери, оклад серебряной вызолочен, убуз низаной жемчугом. Второй: Вознесение Христово, оклад серебряной вызолоченой. Да приданого бриллиантов в вещах и серебра вделе на четыре тысящи двести пятьдесят один рубль, платья белья и кравать с прибором на пять тысяч двести сорок девять рублей. Да на покупку деревень денгами *одиннадцать тысяч пять сот рублей*. А всего движимого на *двацать одну тысячу рублей*. Из недвижимого же имения даем ей, дочери нашей: Я, Федор, из собственного моего, Калугского наместничества Малоярославецкого уезда, село Чулково и деревню Синеково по ревизии мужеска пола *девяноста семь душ*, в Мещевском уезде в сельце Звунове пятдесят семь, в Козельском уезде в деревне Макошках девятнадцать, Медынского уезда в деревне Хорошей пятнадцать. Московской губернии Бронницкого уезда сельцо Пищево, и деревню Муравьево пятдесят душ с отхожнею полупустошью каменскою, со стоящей в Рязанском наместничестве Егорьевской округи, которою те крестьяне владеют, Верейского уезда в сельце Реткине тритцать две, Тверского наместничества Новоторского уезда в сельце Машкове девяноста одна, Володимирского наместничества Вязниковской округи в деревнях: Глинищах. Хотиловке и Сменках пятдесят одну. Нижегородского наместничества, в деревнях: Лыткине и селе Егорьевском тритцать девять душ, во всех же вышеписанных деревнях по последней ревизии мужеска пола *четыреста пятьдесят одна душа*; но с тем однако ж из которых деревень из того числа душ взяты ко мне во двор люди и крестьяне во услужение, то всех их по имеющемуся особому реэстру оставляю у себя навсегда, и ей, дочери моей, не отдаю, а окроме тех взятых мною по услужение людей в означенных мною принадлежащих мне крестьян всех с землями со всеми угодьями и отхожими к тем деревням пустошми ей, дочери моей, отдаю, с таким при том условием, что в некоторых из тех деревень в числе означенных четырех сот пятидесяти одной души, куплены мною крестьяне и с землею у племянника моего Пензенского наместничества Верхняго земскаго суда председателя статскаго советника и ковалера Аполлона Никифоровича Колокольцова, за которые от меня и денги ему уже заплачены и состоят в моем владении, но за отсутствием его на оных крестьян купчей еще не совершено, то буде, паче чаяния, за какими препядствиями на них купчей не совершится, а таком случае дополню я ей, дочери моей, вместо оных толикое ж число душ с землею из других моих деревень. Как и то, что Калугскаго наместничества Малоярославецкаго уезда из села моего Чулково и деревни Синякова шестдесят

* В настоящее время эти документы хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ, ф. 282, д. 287).

** Копия рядной записи написана на листе гербовой бумаги, снабженным печатью с текстом: Лист 1806 года цена 30 копеек.

две, да Тверского наместничества Новоторского уезда из сельца Машкова восем-десят, а всего сто сорок две души с землею отданы от меня с Тысяча семь сот девяноста пятаго по тысяча семь сот девяноста девятой год в Санкт-Петербургской казенной полате по поставке вина за вышеупомянутого племянника моего Аполлона Никифоровича Колокольцова в залог. Которые и должны до истечения срока не премоно в том залоге и остана должны, буде же, паче чаяния, по тому залогу за неисправную выставку то число душ от нее, дочери моей, с землею оойдет, то вместо оных толикое ж число душ с землею дам ей из других моих деревень. А напредь сей Записи то мое недвижимое имение от меня иному никому не продано, не заложено, не подарено и ни у кого ни в каких крепостях не укреплено. К сей рядной Записи тайный советник, сенатор и ковалер Федор Михайлов сын Колокольцов в том, что я с женою моею Марьею Ивановою дочерью родную свою дочь, девицу Катерину в замужество за полковника Михайлу Никитина сына Муравьева зговорили, и вышеписанное имение в приданые за нею дали, руку приложил. К сей Записи тайнаго советника, сенатора и ковалера Федора Михайловича Колокольцова жена Марья Иванова дочь обще с помянутым мужем моим дочь свою, девицу Катерину за полковника Михайлу Никитина сына Муравьева в замужество зговорили и вышеписанное имение в приданое за нею дали, руку приложила. У той записи свидетелями были и руки приложили: тайный советник, сенатор и ковалер Михайла Михайлов сын Жуков. Тайный советник, сенатор и действительный камергер князь Александр — княж Александров сын Долгорукой. Генерал-порутчик — сенатор и ковалер князь Андрей княж Николаев Щербатов. Тайный советник сенатор главный над медицинскою коллегию директор и ковалер Алексей Иванов сын Васильев. Тайный советник, сенатор, действительный камергер, Государственного ассигнационного банка главный директор и ковалер Петр Васильев сын Мятлев. Тайный советник, сенатор и ковалер Александр Васильев сын Храповицкой. Действительный тайный советник, сенатор, действительный камергер и ковалер граф Александр Сергеев сын Строгонов. Генерал-порутчик сенатор и ковалер Петр Александров сын Соимонов. Тайные советники, сенаторы и ковалеры: Петр Иванов сын Пастухов, Андрей Иванов сын Голохвастов, князь Николай Борисов сын Юсупов. Писал и записал писец Прохор Большаков. До воокончании той Записи написано тако: 1794-го года Ноября в 9 день совершить по Указу секретарь Иван Марков. Пошлин не взято, совершил надсмотрщик Иван Давидович Ноября в 9-й день. К сей записке тайный советник сенатор и кавалер Федор Колоколцов руку приложил и запись обще с женою моею взята того же числа. К сей Записке Марья Колокольцова руку приложила. К сей записки Катерина Федорова дочь Колоколцова руку приложила. К сей Записке полковник Михайла Никитин сын Муравьев руку приложил: в крепостной книге сверял Санкт-Петербургскаго губернскаго правления архивариус губернской секретарь [Подпись].

По Указу *Его императорскаго величества* и вследствие учиненной на поданное господина тайнаго советника, сенатора и ковалера Михайлы Никитича Муравьева супруги Екатерины Федоровны прошение в Санкт-Петербургском губернском правлении резолюции, сия копия с рядной за дачею ей прежде таковой же 12-го октября прошлаго 1806-го года вторично для представления в Государственной заемной банк со взысканием подлежащих в казну пошлин и с приложением казенной печати и дана. Апреля 30, дня 1807-го года.

[Сбою поставлено: № 16705].

[Подпись].

[Вторая подпись].

У сей копии Санкт-Петербургскаго губернскаго правления печать. Печатных пошлин 50 ¹/₂ ко...

Губернский Секретарь Игнатович.

[Вверху на 1-й странице надпись:]

1809 года. Мая 18-го сия рядная в Малоярославецком уездном суде, явлена копия принета и в казну десять рублей взяты. Секретарь Антонов.

2. СОБСТВЕННОРУЧНАЯ ЗАПISКА Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ ОБ ЕЕ ПРИДАНОМ

Приданое за Катериной Федоровной Р[ублей]:

Перстен	1016
Серги	1250
Три истры	1590
Бриллиат	3856
Серебряной нахтиш	395
<hr/>	
Итого	4251
Кровать с прибором	
Белья и платья	5249
<hr/>	
Итого приданого	9500
Денгами	11500
На	21000
Доходу с деревень	2355

3. РАЗДЕЛЬНАЯ ЗАПИСЬ Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ И М. М. ХОВАНСКОЙ *

Лета тысяща восемь сот восьмага надсять, Ноября в двадесять восьмый день.— Мы, нижеподписавшиеся, жена покойнаго тайнаго советника и кавалера Михайла Никитича Муравьева, вдова Екатерина Федорова дочь, урожденная Колокольцова, и жена обер-прокурора Правительствующаго Сената и кавалера Николая Александровича Челищева, Марья Михайловна дочь, урожденная княжна Хованская, оставшись единственными наследницами ко всему движимому и не движимому имению после покойных действительнаго тайнаго советника и кавалера барона Федора Михайловича Колокольцова и супруги его Марьи Ивановны, первой из нас родителей, а второй родных деда и бабки по покойной матери ея бывшей в замужестве за действительным статским советником князем Михайлом Сергеевичем Хованским Евдокии Федоровны урожденной Колокольцовой, учинили между собою сию Запись, а том: что мы, Муравьева и Челищева, поговоря между собою, разделили полюбовно все оставшееся после означенных родителей, деда и бабки наших движимое и не движимое имение, на нижеследующем основании: *Первое:* из движимаго имения, как то денежных капиталов, алмазных и золотых вещей, серебряной и другой посуды, экипажей и прочаго, взяли мы, каждая из нас, себе по равной части и впредь об оных капиталах и движимом имении никаких споров и рацетов ни нам самим, ни наследникам нашим не иметь. *Второе:* как недвижимое имение означенных родителей, деда и бабки наших, состоит из вотчин с крестьянами по разным губерниям и уездам, и в Санкт-Петербурге каменнаго дома с деревянным строением и с особым местом под садом, состоящаго в 3-й Адмиралтейской части подле церкви Вознесения господня под № 170-м и 191-м и даче, находящейся на Каменном острове; из коих каменный дом с деревянным строением и с особым местом под садом, по сделанному между нами рацету Муравьева уступает, а Челищева берет на свою часть; дачу же на Каменном острове оставляем в общем нашем владении до особаго об оной распоряжения.—

* В правом верхнем углу листа изображение государственнаго герба с надписью: 1813 года. Тысяча рублей лист. Под сим гербом писать всякия крепости от пяти сот тысяч одного рубля и выше.

А вотчины с крестьянами и со всеми к ним принадлежностями, разделили мы между собою по жребью при бывших при сем случае и нижеподписавшихся приглашенных от обеих сторон свидетелях, как то: первой из нас — сына Гвардейского генерального штаба поручика Никиты Михайловича Муравьева, а второй — мужа, обер-прокурора Правительствующего Сената и кавалера Николая Александровича Челищева, так же господ: правящего должность государственного секретаря, тайного советника, статс-секретаря и кавалера Алексея Николаевича Оленина, и контр-адмирала и кавалера Матвея Михайловича Муравьева, таким образом: *Первое:* Челищева уступает, а Муравьева принимает на свою часть вотчины, состоящая по нынешней 7-й ревизии: в Нижегородской губернии Семеновского уезда село Мухино с деревнями тысячу двести сорок семь мужеска пола душ; Воронежской губернии Бирюченского уезда слободу Староивановку с слободами и деревнями тысячу семь сот девяносто мужеска пола душ; Саратовской губернии Камышенского уезда слободу Колокольцову и деревню Федорову триста девяносто мужеска пола душ, и Аткарского уезда ненаселенную землю на речке Чапурке; — Калужской губернии Мядинского уезда село Троицкое сто мужеска пола душ; — и Санкт-Петербургской губернии Ямбургского уезда в деревнях: Малом Стремлянье, Заозерье и Большом Стремлянье семдесят пять мужеска пола душ. — *Второе:* Муравьева же уступает, а Челищева принимает на свою часть вотчины состоящая по нынешней 7-й ревизии Орловской губернии Севского уезда село Лугань с селами и деревнями тысячу восемь сот пятьдесят две мужеска пола души; Костромской губернии село Лапшанга Никольское тож, с деревнями тысячу шесть сот восемьдесят три мужеска пола души; Тульской губернии Ефремовского уезда имеющуюся часть, за отделением уже нижеупомянутой по рядной части, остальную в сельце Силине и деревне Любимцах триста пятьдесят девять мужеска пола душ; — со всеми к оным вышеупомянутым обеих частей вотчинам семействами, их детьми прежде и после сей ревизии рожденными, внучатами, приемышами и с находящимися дотоле в бегах, притом пахотными и не пахотными землями, лесами, сенокосными лугами и со всеми угодьями, значущимися по планам, межевым книгам и писцовым дачам, какие ныне во владении тех вотчин состоят, и впредь к праву их принадлежащими открыться могут, так же со всеми к ним какого бы рода ни были принадлежностями и заведениями, не исключая из оных вотчин ничего, кроме ниже упомянутых дворовых людей и некоторых крестьян. Да сверх сего оставляется за Челищевой не входящее в сей раздел недвижимое имение Тульской губернии Ефремовского уезда в сельце Силине и деревне Любимках двести девяносто семь мужеска пола душ и Новосильского уезда в селе Лазовки сто двадцать восемь мужеска пола душ, да Орловской губернии в селе Ореве и деревне Хуторе сто тридцать четыре мужеска пола души, выделенное в приданное покойной сестре моей Муравьевой, а Челищевой матери княгине Евдокии Федоровне Хованской по рядной записи совершенной 1789-го года Ноября 10-го дня Санкт-Петербургского Верхнего надворного суда во 2-м департаменте. *Третье:* из дворовых людей и находящихся при вотчинах из крестьян в писарских должностях, Челищева уступает, а Муравьева принимает на свою часть: Егора Евменова, Афонася Леонова, Федора Васильева, Антона Петрова, девушку Окулину Андрееву, Прохора Федорова, Данилу Семенова, Ефима Филатова, Семена Артемьева с их женами и детьми. — Муравьева же уступает, а Челищева принимает на свою часть: Ивана Степанова, девушку Матрону Степанову, Софью Васильеву, Осипа Никифорова, с их женами и детьми, кои каждая из нас обязана приписать по ревизии к доставшимся на свою часть вотчинам. — По каковому нашему миролюбному разделу быть всему оному имению в вечном и потомственном каждой из нас владении без всякого впредь спора; и как нам самим, так и наследникам нашим, никогда и нигде о переделе сего раздела друг на друга не просить и тяжбы не заводить под штрафом ста тысяч рублей ассигнациями в Приказ общественного призрения с того, кто начнет просить о пере-

деле. О таковом же нашем разделе и о записании и отказе за каждую из нас оного разделенного между нами недвижимого имения, просить нам каждой особо о своей части где следует по законам; и потом доставшееся каждой имение от всяких тяжбных дел, исков и прочих случаев и надобностей обязана защищать и снабжать каждая особенно, не привлекая одна другую к таковым тяжбам и прочему.— А как некоторая часть из разделенного между нами недвижимого имения состоит в залоге по питейному откупу за купцов первой гильдии: Санкт-Петербургскаго Петра Зеленкова и калутскаго Максима Кожевникова, на счет каковаго залога учинено между нами особое условие; то относительно сего обстоятельства, подтверждая означенное условие, обязуемся поступить по оному во всей точности. Оригинал сей Записи иметь из нас Муравьевой, а Челищевой получить с него засвидетельствованную копию. К сей раздельной Записи жена покойного тайнаго советника и кавалера Михайла Никитича Муравьева вдова Екатерина Федорова дочь, урожденная Колокольцова, руку приложила. К сей раздельной Записи жена обер-прокурора Правительствующаго Сената и кавалера Николая Александровича Челищева Марья Михайлова дочь, урожденная княжна Хованская, руку приложила. У сей раздельной Записи Гвардейскаго Генеральнаго штаба поручик и кавалер Никита Михайлов сын Муравьев свидетелем был и руку приложил.— У сей раздельной Записи Правительствующаго Сената обер-прокурор и ковалер Николай Александров сын Челищев свидетелем был и руку приложил.— У сей раздельной Записи првящий должность государственнаго секретаря, тайный советник, статс-секретарь и кавалер Алексей Николаев сын Оленин свидетелем был и руку приложил. У сей раздельной Записи контр-адмирал и ковалер Матвей Михайлов сын Муравьев свидетелем был и руку приложил.

На нижних полях 1-й и 2-й страницы, на нижней части 3-й страницы и на 4-й странице написано:

1818 года Декабря 2 дня. По указу *Его Императорскаго величества* Санкт-Петербургской палаты Гражданскаго суда 2-й департамент по выслушании дела по прошению супруги покойнаго тайнаго советника Муравьева вдовы Екатерины Федоровны, урожденной Колокольцовой, и супруги обер-прокурора Правительствующаго Сената Челищева Марьи Михайловы дочери, урожденной княжны Хованской, о засвидетельствовании сей раздельной записи, определил: поелику подписавшиеся под вышеозначенною раздельною записью госпожи вдова тайная советница Екатерина Федорова Муравьева, урожденная Колокольцова, и жена обер-прокурора Правительствующаго Сената Челищева Марья Михайлова дочь, урожденная княжна Хованская, равно и подписавшиеся под оною во свидетельстве лица посредством отобраннаго от них допроса подписи рук своих, и действительность, по оной заключающуюся, утвердили во всей точности и-противу оной департамент сей ни от кого никакого спора и в подаче просьб в виду не имеет, то оную запись по силе указа 1701 мая 16-го записав в книгу для таковых актов заведенную, и учиня на оной засвидетельствование, что она в семь департаменте явлена и как самими деелящимися равно и подписавшимися под оною во свидетельстве лицами посредством допроса — утвержден выдать оную из них госпоже Муравьевой с распискою в книге, а копию с оного на таковом же листе, как писана подлинная, госпоже Челищевой с роспискою под делом,— а как она запись по количеству делимого имения писана на законенном тысяча рублевом листе; то взыскать с них, Муравьевой и Челищевой, за записку оного по силе указа 1808 года Октября 28 дня в книгу десять рублей.— и особо за употребленную по сему делу вместо гербовой простую шесть листов бумагу — три рубли. А всего тринадцать рублей, кои взысканы и в приход записаны. Декабря 9-го дня 1818 года.

Заседатель Иван Устинов

Секретарь [подпись].

У сей надписи *Его Императорского величества* сего департамента печать.

Коллежский Регистратор Лебедев

На левом поле 1-й страницы написано (вертикально):

По книге на недвижимыя имении С.-Петербургской губернии № 31.

На верхних полях 1—5 страниц написано:

Санкт-Петербургскаго Уезднаго суда во 2-м Департаменте сей раздельный акт покойнаго господина тайнаго советника и кавалера

Михайлы Никитича Муравьева от супруги его Екатерины Федоровны, урожденной баронессы Колокольцовой, явлен, по счислении значущагося в нем недвижимаго имения за нею, госпожею Муравьевою, в надлежащия места отнесеннаго [сбоку поставлено] № 707

Апреля «22-го» дня 1820 года

Уездный Судья и кавалер Николай Ганеман.

Секретарь Воинов.

У сей надписи *Его императорскаго величества* сего Департамента печать.

Повытчик Копылов.

На верхнем поле 2-й и 3-й страницы, под словами «... во 2-м департаменте сей раздельный акт...» написано:

Санкт-Петербургской гражданской палаты 2 департамента.

На 6-й странице написано:

Копия с этого акта, засвидетельствованная в верности Бирюченским Ната-риусом Снесаревым, 5 Февраля 1885 года по реестру под № 116, выдана Титулярному Советнику Семену Григорьевичу Мосешицкому. Нотариус П. Снесарев.

На 5-й странице в правом верхнем углу гербовая штемпельная печать с надписью: Лист 1819 года цена 50 копеек. На 4-й и 5-й страницах внизу сургучные печати.

4. ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ МЕЖДУ Е. Ф. МУРАВЬЕВОЙ И М. М. ХОВАНСКОЙ

*Копия **

1818-го года Ноября 27-го дня. Мы, ниже подписавшиеся, жена покойнаго тайнаго советника и кавалера Михайла Никитича Муравьева, вдова Екатерина Федорова дочь, урожденная Колокольцова, и жена обер-прокурора Правительствующаго Сената и кавалера Николая Александровича Челищева, Марья Михайлова дочь, урожденная княжна Хованская, заключили между собою сие условие в следующем: оставшись мы после кончины родителя и деда нашего господина действительнаго тайнаго советника и кавалера барона Федора Михайловича Колокольцова, единственными наследницами ко всему его движимому и недвижимому имению, разделили оное между собою полюбовно на равныя части и учинили о том особую запись; а как известно нам, что из недвижимаго имения покойнаго родителя и деда нашего, предоставлена от него некоторая часть в залог в сумме шести стах одной тысячи рублей государственными ассигнациями, купцам 1-й гильдии санкт-петербургскому Петру Семенову сыну Зеленкову и калугскому Максиму Никитину сыну Кожевникову, по пополнному сбору в Губерниях Екатеринославской, Херсонской и Таврической, а так же почарочной питей продаже в губерниях Екатеринославской и Слободско-Украинской, с 1815 по 1819-й год: то буде по окончании означеннаго срока окажется на них Зеленкове и Кожевникове какая либо казенная недоимка, и падет ко взысканию на предоставленное им от покойнаго родителя и деда нашего в залог недвижимое имение; то несмотря, у кого б оное зало-

* Копия написана на листе, снабженном гербовой печатью с надписью: 1818 года два рубли.

женное имение во владении по упоминаемому полюбовному нашему разделу, все или часть, ни находилось, обязуемся мы заплатить ту недоимку каждая по равной от себя части, не доводя одна другую ни до каких убытков; равным образом защищать оное имение от недоимки, или требовать по уплате оной, в возврат от купцов Зеленкова и Кожевникова должны мы вообще и общими издержками, ответственуя в противном случае одна другой собственным имением без всякого судопроизводства, посредством только губернского начальства; в чем и подписуемся, с тем, чтобы оригинал сего условия заявить нам у маклерских дел, и иметь оный у себя из нас Муравьевой, а Челищевой получить с него подписом Муравьевой копию. На подлинном условия написано тако: К сему условию жена покойного тайного советника и кавалера Михаила Никитича Муравьева, вдова Екатерина Федорова дочь, урожденная Колокольцова, руку приложила. К сему условию жена обер-прокурора Правительствующего Сената и кавалера Николая Александровича Челищева Марья Михайлова дочь, урожденная княжка Хованская, руку приложила. 1818-го года Ноября дватцать седьмого дня, в Санкт-Петербурге сие условие от написания в маклерской конторе явлено и в книгу под № сто тридцать четвертым записано, 2-й Адмиралтейской части частной маклер Иван Бирюков, на поле поставлен № 134. С подлинным верно; к сему условию жена покойного тайного советника и кавалера Михаила Никитича Муравьева вдова Екатерина Федорова дочь, урожденная Колокольцова, руку приложила.

Приложение II

СПИСОК КНИГ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА ПО ВОПРОСАМ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА, ХРАНЯЩИХСЯ В БИБЛИОТЕКЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА *

1. Иностранные книги

1. [Adams John]. A Defence of the Constitutions of Government of the United States of America. L., 1794. Vol. I—III.
2. Vie de Victor Alfiéri écrite par lui-même. P., 1809. T. 1, 2.
3. Des anciens gouvernements fédératifs et de la législation de Crète considérés sous les rapports et les résultats de toutes les associations politiques/Préface Sainte-Croix. P. An. XII—1804.
4. Auger Athanau. De la constitution des Romains sous les rois. P., 1792. T. 1.
5. Examen critique de l'ouvrage postume de m-me la b-nne de Staël. ...«Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française», par J. Ch. Bailleul. P., 1818. T. 1, 2.
6. Situation de la France, par J. Ch. Bailleul, ancien député. P., 1819.
7. Beauport M. La république romaine ou plan général de l'ancien gouvernement de Rome. P., 1767. T. 1—3.
8. Histoire de la guerre de la Vendée et des Chouans depuis son origine jusqu'à la pacification de 1801, par Alphonse Beauchamp. P., 1806. T. 1—3.
9. Traité des délits et des peines/Traduit de l'italien de Beccaria. Neuchatel, 1797.

* Каждая из указанных книг снабжена ex libris'ом заключающим в себе фамильный герб Муравьевых и надпись: «Из книг М. Н. и Н. М. Муравьевых, пожертвованных К. Ф. Муравьевой». Книги обособлены в специальный фонд и составляют мемориальную библиотеку Н. Муравьева. Согласно отчету Московского университета за 1844/45 г. Е. Ф. Муравьевой было пожертвовано 2378 сочинений в 4067 томах на русском, польском, греческом, латинском, французском, итальянском, испанском, немецком, английском, шведском, голландском, венгерском, еврейском и других языках (в том числе 40 рукописных сочинений).

Книги, отмеченные звездочкой, имеют автографы Н. М. Муравьева.

10. A Plea for Constitution Showing the Enormities Committed to the Oppression of British Subjects, by Jeremy Bentham. L., 1803.
- *11. *Bentham Jeremy*. A Table of the Springs of Action. L., 1817.
12. *Bentham J.* A Table of the Springs of Action. L., 1817.
- *13. *Bentham J.* On the Liberty of the Press and Public Discussion. L., 1821.
14. Bentham's Radical reform bill. L., 1819.
- *15. *Bentham J.* «Swear not at All». L., 1817.
16. *Bentham J.* A Fragment of Government. L., 1823.
17. *Bentham J.* Letters to Count Toreno on the Proposed Penal Code. L., 1822.
- *18. *Bentham J.* Papers Relative to Codification and Public Instruction. L., 1817.
19. *Bentham J.* Supplement to Papers Relative to Codification and Public Instruction. L., 1817.
- *20. *Bentham J.* The Elements of the Art of Packing as Applied to Special Juries. L., 1821.
21. Théorie de peines et récompenses, par M. Jeremy Bentham. Londres, MDCCCXI. (1811), T. 1—3.
22. *Bentham Jeremy*. To the National Convention of France. [S. l., S. a.].
23. Traité des preuves judiciaires, ouvrage extrait des manuscrits de M. Jeremy Bentham, par Et. Dumon. P., 1823. T. 1, 2.
24. Bentham's Works: Panopticon. Dublin, 1791.
- *25. The History of Spain from the Earliest period to the Close of the Year 1809, by John Bigland. L., 1810. Vol. 1, 2.
26. Commentaries on the Laws of England: In four books, by Sir William Blackstone. L., 1800.
27. De l'esprit d'association dans tous les intérêts de la communauté, par le C-te A. de la Borde. P., 1821.
28. Histoire de la guerre entre les Etats Unis d'Amérique et l'Angleterre (1812—1815), par H. M. Brackénridge cit. américain, traduite par A. de Dolmes. P., 1820. T. 1, 2.
29. Mémoires de m-me Campan. P., 1822. T. 1—3.
30. Histoire de l'île de Saint Domingue, par M. Charles-Malo. P., 1819.
31. Réflexions sur la révolution de France et sur les procédés de certains sociétés à Londres, relatifs à cet événement, par le Right honorable Edmund Burke. Paris; Londres [S. a.].
- *32. Charte Constitutionnelle et status organiques du Royaume de Pologne. Varsovie, 1816.
33. Mélanges de politique, par M. le Vicomte de Chateaubriand. P., 1816.
34. Les cinq codes du royaume, précédés de la Charte constitutionnelle. P., 1817.
35. Portrait de Henri IV, par M. le Clere. P., 1783.
36. Histoire de l'Inde ancienne et moderne ou l'Indostan, par M. Collin de Bar. P., 1814. T. 1, 2.
37. Le Conservateur. Edit le Normant fils. P., 1818—1820. T. 1—4.
- *38. De l'esprit de conquête et de l'usurpation, dans leurs rapports avec la civilisation européenne, par B. de Constant, Rebecque. 3-me éd. P., 1814.
39. De l'esprit de conquête et de l'usurpation, dans leurs rapports avec la civilisation européenne, par Benjamin de Constant, Rebecque. Troisième édition revue et augmentée. P., MDCCCXIV, (1814).
40. Die Constitutionen der europäischen Staaten seit den letzten 25 Jahren. Leipzig; Altenburg, 1817—1820. Th. 1—3.
41. La Constitution. Française décrétée par l'Assemblée Nationale Constituante aux années 1789, 1790 et 1791. P. 1791.
42. Constitution politica de la monarchia espanola, 1812. Madrid, 1820.
43. Oeuvres complètes de M. Helvetius. Londres, 1781.
44. Histoire de la Révolution de Saint Domingue, par M. Dalmas. P., 1814. T. 1, 2.
45. *Destutt, Tracy de Comte*. Eléments d'idéologie. P., 1817/1818. T. 1—3.
46. Histoire civile et commerciale de la Jamaïque, par M. Drouin de Bercy. P., 1818.
47. Fêtes civilis de la France depuis l'ouverture de l'Assemblée des Notables. P., 1821. T. 1.
48. Des opinions et des intérêts pendant la Révolution, par J. Fiévée. P., 1809.
49. Correspondance politique et administrative commencée au mois de mai 1814 et dédiée à M. le comte de Blacas d'Aulps, par J. Fiévée. P., 1816. T. 1—3.
50. *Filangieri Gaetano*. La science de la législation, P., [1798—1799]. T. 1—7.
51. Mémoires du général Freytag. P., 1824. T. 1, 2.
52. Esprit du droit et son application à la politique et à l'organisation de la monarchie constitutionnelle, par Albert Fritot. P., 1824.
53. *Ganilh M. Ch.* Des systèmes d'économie politique. P., 1821. T. 1, 2.
54. *Ganilh M. Ch.* La théorie de l'économie politique. P., 1815. T. 1, 2.

55. Abrégé de l'histoire d'Angleterre, par Goldsmith. P., 1801. T. 1, 2.
- *56. La Grèce en 1821 et 1822: Correspondance politique publiée par un Grec. P., 1825.
- *57. Ideen über die Politik, den Verkehr und Handel der vornehmsten Völker der alten Welt von A. H. L. Heeren. Göttingen, 1815. Bd. 1.
58. *Guichard Ch.* Mémoires critiques et historiques. P., 1774. T. 2.
59. Eléments du droit civil romain selon l'ordre des instituts de Justinien, par J. G. Heinneccius. P., 1812. T. 1—4.
60. Histoire de la Révolution de Naples, par l'auteur du Voyage de Platon, en Italie, traduite de l'italien. P., 1807.
61. Napoléon administrateur et financier, par Sire Francis d'Ivernois. Londres, 1812.
62. The letters of Junius. L., 1810. Vol. 1, 2.
- *63. Manuel du droit parlementaire ou précis des règles suivis dans le Parlement d'Angleterre et dans le Congrès des Etats-Unis, pour l'introduction de la discussion et la décision des affaires compite à l'usage des Etats-Unis, par Thomas Jefferson, ancien Président des Etats-Unis/Traduit de l'anglais par L. A. Pickon. P., 1814.
64. Kritik über Preussens neues Criminalgesetz, Halle, 1795.
65. *Lacretelle M. Ch.* Histoire de France pendant le dix-huitième siècle. P., 1819—1824.
66. *Lanjuinais M., le comte.* Constitution de la nation française avec un essai de traité historique et politique sur la charte. P., 1819. T. 1, 2. (Les constitutions de tous les peuples).
67. *Lanjuinais M., le comte.* De l'organisation municipale en France et du projet présenté aux Chambres en 1821. P., 1821.
68. *Lanjuinais M., le comte.* Des officialités anciennes et nouvelles: Mémoires sur la religion avec des tableaux de la discipline et des moeurs du temps présent dans les différentes Communions. P., 1821.
69. Oeuvres de don Barthelemy de Las Casas évêque de Chiapa, défenseur de la liberté des naturels de l'Amérique. P., 1822. T. 1, 2.
70. Les quatre âges de la garde nationale au précis historiques de cette institution militaire et civile depuis son origine jusqu'en 1818 par un électeur du Département de la Seine. P., 1818.
71. Histoire de Russie, par Pierre Charles Levesque. Hambourg, Brunswick, 1800, T. 1.
72. *Mably.* Des droits et des devoirs du citoyen. P., 1789.
73. *Mably.* Observations sur l'histoire de la Grèce. Genève, 1789.
74. *Mably.* Observations sur l'histoire de France. Kehl, 1788. T. 1—7.
75. Manuel du droit public de la Suisse: Handbuch des schweizerischen Staatsrechts. Arau, 1816, 1815. T. 1, 2.
76. Théories des Cortès ou histoire des grandes assemblées nationales des royaumes de Castille et de Leon, par don Francisco Martinez Marina, / traduit par Fleuri. P., 1822. T. 1, 2.
77. Juris publici quaestio capitalis... tractata a Justo Meiero. Argentorati, 1621.
- *78. Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon écrits à Sainte Helène par les généraux, qui ont partagé sa captivité. P., 1823. T. 1. Ecrit par le général Gourgaud, son aide-de-camp.
- *79. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de la Vendée par M. le Comte de***. P., 1806.
- *80. Esprit, origine et progrès des institutions judiciaires des principaux pays de l'Europe, par J. D. Meyer. Amsterdam, 1818—1823. T. 1—6.
81. Collection complémentaire des mémoires relatifs à la Révolution française, par M. L. G. Michaud. P., 1823. Vol. 1. Mémoires de Cevalas et l'Escoiqui.
82. Collection complémentaire des mémoires relatifs à la Révolution française, par M. L. G. Michaud. P., 1823. Vol. 4. Mémoires de Clery.
83. Collection complémentaire des mémoires relatifs à la Révolution française, par M. L. G. Michaud. P., 1823. Vol. 3. Mémoires de François Hue.
84. Collection complémentaire des mémoires relatifs à la Révolution française, par M. L. G. Michaud. P., 1823. Vol. 2. Mémoires du baron de Colli et de la reine d'Etrurie.
85. Collection complémentaire des mémoires relatifs à la Révolution française, par M. L. G. Michaud. P., 1823. Mémoires de Louvet.
86. Collection complémentaire des mémoires relatifs à la Révolution française, par M. L. G. Michaud. P., 1823. Vol. 10. Mémoires de Bertrand Moleville.
87. Collection complémentaire des mémoires relatifs à la Révolution française, par M. L. G. Michaud. P., 1823. Vol. 5. Mémoires de Madame la marquise de la Rochjacquelin.
88. Elements of political économy, by James Mill, esq. L., 1821.
89. Der gemeine deutsche bürgerliche Prozess, von Dr. G. I. A. Mittermaier. Bonn, 1820.

90. *Johann von Müller*. Der Geschichten Schweizerischen Eidgenossenschaft. Leipzig, 1805—1816, Bd. 1—6.
91. *Anekdoten von König Fridrich II von Preussen*, von Fr. Nicolai. Berlin, Stettin; 1789—1790. Bd. 1, 2.
92. *Notices sur l'intérieur de la France écrites en 1806*. St. Petersbourg, 1807. T. 1.
- *93. *Oeuvres complètes de Montesquieu*. P., 1795. T. 1—12.
94. *Oeuvres de Montesquieu suivies du commentaire sur l'Esprit des Lois*, par M. le comte Destutt de Tracy. P., 1822. T. 1—8.
95. *Manuel du droit français contenant la charte constitutionnelle, les cinq codes du royaume*, par J. B. Paillet. P., 1820.
96. *Considérations sur la crise actuelle de l'Empire Ottoman, les causes qui l'ont amenée et les effets qui doivent la suivre*, par J. J. Paris. P., 1821.
97. *Des lois pénales*, par M. de Pastoret. P., 1790. T. 1, 2.
98. *Six mois en Espagne: Lettre de M. Joseph Pecchio à lady J. O. P.*, 1822.
99. *Relation des événements politiques et militaires qui ont eu lieu à Naples en 1820 et 1821 adressée à S. M. Le Roi des Deux Siciles*, par le général Guillaume Pépé. P., 1822.
100. *Politique de tous les cabinets de l'Europe pendant les règnes de Louis XV et de Louis XVI*. P., 1802. T. 3.
101. *Politicarum dissertationum de statu imperiorum, regnorum, principatuum et rerum publicarum / Opera et studio Nicol. Belli, editi*. Francofurti, 1615.
102. *M. de Pradt*. Les quatre concordats. P., 1818, t. 1—3.
103. *Quelques observations sur le dernier message de Bonaparte à son Sénat — Conservateur*. [S. l., S. a.]
104. *Histoire des événements de la Grèce depuis les premiers troubles jusqu'à ce jour*, par M. C. D. Raffenel. P., 1822.
105. *The History of the American Revolution*, by David Ramsay M. D. L., 1791. Vol. 1, 2.
106. *Zusätze zu Heinrich Storchs: Cours d'économie politique von D. Karl Heinrich Rau*. Hamburg, 1820.
107. *De l'économie publique et rurale des Arabes et des Juifs*, par L. Reynier. Genève; Paris, 1820. T. 1, 2.
108. *De l'économie publique et rurale des Perses et des Phéniciens*, par L. Reynier. Genève; Paris, 1819.
109. *De l'économie publique et rurale des Celtes, de Germains et des autres peuples du Nord et du Centre de l'Europe*, par L. Reynier. Genève; Paris, 1818.
110. *Revue chronologique de l'histoire de France 1787—1818*. P., 1820.
111. *Revue encyclopédique ou analyse raisonnée des productions les plus remarquables dans la littérature, les sciences et les arts*. P.; L., 1819—1822. T. 1—16.
112. *Des principes de l'économie politique et de l'impôt*, par M. David Ricardo. P., 1819. T. 1, 2.
113. *Considérations sur l'institution du ministère public dans le système de l'accusation judiciaire*, par M. C. J. Robillard. P., 1821.
114. *Oeuvres complètes de J. J. Rousseau*. P., 1817.
115. *Salgues J. B.* Des erreurs et des préjugés répandus dans la société. P., 1810. T. 1, 2.
116. *Say J. B.* Catéchisme d'économie politique. P., 1815.
117. *Say J. B.* Petit volume contenant quelques aperçus des hommes et de la société. P., 1818.
118. *Say J. B.* Traité d'économie politique. P., 1819. T. 1, 2.
119. *Schlötzer Chr. von*. Anfangsgründe des Staatswirtschaft. Riga, 1805—1807. Bd. 1, 2.
120. *Schlötzer Chrestien de*. Principes élémentaires d'économie politique. Mitau, 1804.
121. *Discours sur le gouvernement*, par Algernon Sidney / Traduit de l'anglais. Nouvelle édition conformée à celle de 1702. P. T. 1—3.
122. *Simonde de Sismondi*. Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse. P., 1819. T. 1, 2.
123. *An inquiry into the nature and causes of the Wealth of Nations*, by Adam Smith. L., 1802. Vol. 1—3.
124. *Soulavie J. L. l'ainé*. Histoire de la décadence de la monarchie française. P., 1803. T. 1—3.
125. *Souvenirs d'un homme de cour ou mémoires d'un ancien page*, contenant des anecdotes secrètes sur Louis XV et ses ministres, écrit en 1788. P., 1805. T. 1, 2.
126. *Die spanische Constitution de Cortes*, 1812. Leipzig, 1820.
127. *Steltzer Cr. Jul. Ludw.* Grundsätze des Preussischen gerichtlichen Prozesses, ein Handbuch für junge Rechtsgelehrte. Halle; Leipzig, 1796—1805. Bd. 1, 2.
128. *Steltzer Christianus Julius Ludovicus*, professor juris ord. univers. Elementa juris-prudentiae universalis. Mosquensis, 1811.

129. Lehrbuch des deutschen Kriminalrechts, von Chr. Julius Ludwig Steltzer. Halle, 1793.
130. *Storch Henri*. Cours d'économie politique. St. Pétersbourg, 1815.
131. *Storch Henri*. Cours d'économie politique. P., 1823. Т. 1—4.
132. Description historique de l'Empire Russe/Traduit de l'ouvrage allemand de M. de Baron Strahlenberg. Amsterdam, MDCCLVII, (1757).
133. *Stryku Sam*. Examen juris feudalis ex novissimis ejus interpretibus. Francofurti, 1716.
134. *Texier*. Du gouvernement de la République Romaine. Hambourg, 1716. Т. 1—3.
135. Le droit des gens ou principes de la loi naturelle, par M. de Vattel. Lyon, 1802. Т. 1—3.
136. *Villemain*. Histoire de Cromwell. P., 1819. Т. 1.
137. *Volney C. F.* Leçons d'histoire prononcées à l'Ecole normale en l'an III de la république française. P., 1810.
138. *Volney C. F.* Recherches nouvelles sur l'histoire ancienne. P., 1814. Т. 1—3.
139. Oeuvres complètes de C. F. Volney. P., 1821. Т. 1.
- *140. Geschichte des Lombarden-Bundes und seines Kampfes mit Kaiser Friedrich dem Ersten, von Johannes Voigt. Königsberg, 1818.
141. Histoire de Charles XII, par Voltaire. P., 1802.
142. *Watson Robert*. The History of the reign of Philip the Third. Basil, 1792.

2. Русские книги

1. *Арсеньев К.* Начертание статистики Российского государства. СПб., 1819. Ч. II.
2. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении Иеремии Бентама. СПб., 1811. Т. 1—3.
3. Истолкование английских законов, г. Блэкстона, 1780. Т. 1—3.
4. Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793. Т. 1; 1794. Т. 2.
5. *Ламберга Босия*. Краткое описание правления Афинской республики. /С латинского перевел Ив. Мошков. СПб., 1779.
6. Высочайше утвержденный доклад министра финансов, со штатами и прочими приложениями, о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. СПб., 1806.
7. О новейшем государственном хозяйстве, творения Гереншванда. СПб., 1807.
8. [Голиков И. И.] Дейния Петра Великого. М., 1788. Т. 1, 2, 18.
9. Духовный регламент. 5-е изд. М., 1749.
10. Журнал законодательства на 1817 г., издаваемый по высочайшему повелению Комиссиею составления законов. СПб., 1818. Кн. 1—4.
11. История первого консула Бонапарте со времени его рождения до заключения Люневильского мира. /Пер. с фр. с присовокуплением фр[анцузской] конституции 1799 г. СПб., 1802. Ч. 1, 2.
12. Историческое подробное описание происшествий о убении святого благоверного царевича Димитрия Иоанновича, последовавшем в городе Угличе. М., 1809.
13. Начальные основания римского гражданского права, сочинения Василия Кукольника. СПб., 1810.
14. Российское частное гражданское право, сочинение Василия Кукольника. СПб., 1816. Ч. 1, 2.
15. Проект торгового уложения Российской империи. Ч. 1, 2. Вексельный устав, сочиненный в комиссии о коммерции указом е.и.в. Петра Второго. Б. м., 1729.
16. Проект гражданского уложения Российской империи. СПб., 1810—1812. Ч. 1—3.
17. *Миллер Ф. И.* Известие о дворянах российских. СПб., 1790.
18. О существе законов, творение господина Монтескьё. Пер. с фр. Издал Василий Сопиков. М., 1809. Ч. 1; 1810. Ч. 2, 3; СПб., 1814. Ч. 4.
19. Всеобщий Стряпчий или поверенный, показующий формы, примеры и обряды, соч. Иваном Морковым. СПб., 1820. Ч. 1.
20. Журнал Дома практического правоведения по предмету образования стряпчества, 1813 года. Изд. надв. сов. Ив. Наумовым. СПб., [1813]. Ч. 1.
21. Основания Российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые Комиссиею составления законов. СПб., 1801. Т. 1.
22. Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева. М. Ч. 1. 1807; Ч. 2, 3. 1809; Ч. 4—6. 1811.
23. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. М.: [Тип. Новикова], 1787.
24. Сердце и законы Екатерины Великие, самодержицы всероссийской. СПб., 1804. Ч. 1.

25. О условиях помещиков с крестьянами, соч. гр. В. Стройновского. Вильно, 1809.
26. Собрание законов и постановлений, до части военного управления относящихся. СПб., 1817. Кн. 1—4.
27. Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав ц. и в. к. Ивана Васильевича. СПб., 1768.
28. Полный Всеобщий Стряпчий или Словарь, руководствующий к познанию практического гражданского делопроизводства, соб[ран] С. Ушаковым. СПб., 1817.
29. Характеристика Наполеона, родни его и почетных чиновников нынешней французской империи, как-то: маршалов, герцогов, имперских графов и проч.: Пер. с англ. СПб., 1812.
30. Шлёцер Х. Нач[альные] основания госуд[арственного] хозяйства. М., 1805—1806. Ч. 1, 2.

Приложение III

КОНСТИТУЦИЯ Н. МУРАВЬЕВА

(Текст, найденный в бумагах кн. С. П. Трубецкого) *

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ДЛЯ НАЧЕРТАНИЯ УСТАВА
ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, КОГДА Е. И. В. БЛАГОУГОДНО БУДЕТ
С ПОМОЩЬЮ ВСЕВЫШНЯГО УЧРЕДИТЬ СЛАВЯНО-РОССКУЮ ИМПЕРИЮ

Вступление

Опыт всех народов и всех времен доказал, что Власть Самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием Правительства *произвол* одного человека; невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, Государи забыли что они в таком случае вне законов, вне человечества! Что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других; и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы — тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным; или они несправедливы — тогда зачем хотят они подчинять им других. Все народы Европейские достигают Законов и свободы. Более всех их народ Русской заслуживает и то и другое.

Но какой образ Правления ему приличен? Народы малочисленные бывают обыкновенно добычею соседей — и не пользуются независимостию. Народы многочисленные¹ пользуются внешнею независимостию, но обыкновенно страдают от внутреннего утеснения и бывают в руках деспота орудием притеснения и гибели соседних народов. Обширность земель, многочисленное войско препятствуют одним быть свободными; те, которые не имеют сих неудобств, страдают от своего бессилия. *Федеральное или Союзное Правление* одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило *величие народа и свободу граждан*.

Под надзором Государа одно законодательное Собрание находится в столице, и делает все распоряжения общия, для всего Государства; частныя расположения касающиеся до областей, предоставлены областным законодательным собраниям, образованным на подобие *Столичного*, и таким образом доставляется благосостояние *целого и частей*.

* Текст печатается с оригинала, хранящегося в ЦГАОР СССР (ф. 48, д. 333, л. 174—191 об.).

Нами восстановлена естественная последовательность текста, спутанная неправильной сшивкой и нумерацией листов, т. е. 162 лист дан после л. 174 — Н. Д.

¹ Первоначально в тексте ошибочно: малочисленные.

Глава I О НАРОДЕ РУССКОМ И ПРАВЛЕНИИ

1. Русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства ².

2. Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные* ³ *постановления* для самого себя ⁴.

3. *Правление* России есть *уставное* и *союзное*.

Глава II О ГРАЖДДАНАХ

4. *Гражданство* есть право участвовать в общественном управлении ⁵, определенным в сем уставе порядком ⁶; *посредственно*, т. е. выбирать чиновников или их избирателей, или *непосредственно*, т. е. быть избранным в какое-либо общественное звание по *Законодательной, исполнительной или Судебной* части.

5. *Граждане* суть те жители Российскаго Государства, которым предоставлены права Гражданства, выше определенных.

6. Чтoб быть Гражданином необходимы следующие условия:

1-е. Лета — Не менее 21-го года возраста.

2-е. Местопребывание.— Известное и постоянное жительство.

3-е. Здравие ума.

4-е. Личная и по имению независимость.

5-е. Исправность платежа общественных повинностей.

6-е. Непорочность пред лицом Закона.

7-е. Собственность отдельная на свое имя, а оной:

1-е. *Недвижимой* на 500 р. серебром или 2-е. *Движимой* (вещей или капитала) на 1000 руб. серебром.

7. Всякий природный житель Государства Российск[ого], который не был Гражданином, но достиг своими трудами до того, что составил себе требуемое состояние, если он в других отношениях отвечает вышеозначенным условиям,— поступает немедленно в Граждане ⁷.

8. Иностранец, жительствовавший 7 лет сряду в России и приобретший в оной недвижимую собственность по крайней мере в 500 руб. серебр[ом], имеет право испросить у Правительства право Гражданства. И должен наперед клятвенно отказатьсЯ от Правительства, под властью котораго прежде находился ⁸.

9. Иностранцы, не получившие прав Гражданства, не могут иметь никакой Гражданской, ни военной должности в России, и не имеют права служить даже рядовыми в войске Российском ⁹.

10. Чрез 20 лет по обнародовании и приведении в исполнение сего *Основнаго Устава Всероссийскаго Союза*, никто, не обучившийся русской грамоте, не может быть признан Гражданином ¹⁰.

² *На полях тем же почерком:* Из И[спанской] К[онституции] NB не должно быть и предположения принадлежности.

³ *Зачеркнуто:* законы.

⁴ *На полях:* власть народа ограничена, ибо целый народ не имеет право гнести [?] и одного гражданина.

⁵ *Далее на верху строки вставлено и зачеркнуто слово:* посредственно.

⁶ *Дальше зачеркнуто:* т. е. выбирать чиновни...

⁷ *На полях:* надобно определить условия.

⁸ *На полях:* если в чужих краях собственности не имеет (?).

⁹ *На полях:* можно быть местным Гражданином, не быв общественным. После «можно быть» зачеркнуто частным.

¹⁰ *На полях:* лишняя удобность для невежд. Кто не знает Русского языка, не может быть русским Гражданином.— Он может пользоваться правом местного Гражданства.

11. Права Гражданства теряются *навсегда*:

1-е. Вступлением в подданство Иностранное.

2-е. Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего Правительства.

3-е. Приговором суда к безчестному наказанию, влекущему за собою лишение прав Гражданских ¹¹.*На время*:

1-е. Судебным объявлением о расслаблении ума и тела.

2[-е]. Нахождением под судом.

3[-е]. Определением о временном лишении прав ¹².

4[-е]. Объявлением банкротства.

5[-е]. Общественною недоимкою.

6[-е]. Нахождением в услужении при ком-либо.

7[-е]. Незвестностью местопребывания, занятий и средств пропитания.

12. Черное и белое духовенство ¹³ пользуется правами Гражданскими; члены оных, смотря по тому, каким они условиям отвечают, могут быть *избирателями* или *избранными*.

Гл[ава] III

О СОСТОЯНИИ, ЛИЧНЫХ ПРАВАХ, И ОБЯЗАННОСТЯХ РУСКИХ.

13. Все русские равны перед лицом Закона.

14. Русскими признаются все коренные жители России и дети Иностранцев, родившиеся в России, достигшие совершеннолетия, если они объявили желание остаться в России.

15. Каждый Руской обязан носить общественныя повинности: повиноваться Законам и властям Отечества, быть всегда готовым к защите родины, и должен явиться к знаменам, когда востребует того Закон.

16. Крепостное состояние и рабство отменяются. Разделение между *благородными* и *простолюдинами* не принимается, поелику оно — изображение гордости и высокомерия и противно Христианской вере, по которой все люди *братья*, все рождены *благо*, ибо рождены по воле Божией — все рождены для *блага* и все *просто люди*, ибо все пред Ним слабы ¹⁴.17. Всякий имеет право излагать невозбранно свои мысли и чувства, и сообщать их посредством печати своим соотечественникам. Вредные книги, подобно другим преступлениям ¹⁵, преследуются судом и подлежат присяжным.18. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: *Земледелием, Скотоводством, Охотою, Рыбною ловлею, Рукоделиями, Заводами, Торговлею*, и так далее ¹⁶.19. Всякий Русский вправе ехать, оставаться, словом делать все, что не ограничено и не воспрещается Законом и частными постановлениями, лиш бы он не вредил другому и не касался чужой собственности ¹⁷.20. Существующия ныне *Гильдии* в купечестве и *Цехи* в ремеслах уничтожаются.21. В судах *безопасность, жизнь и собственность* обеспечиваются *присяжными*.

22. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями, и учрежденным порядком, но в 24 часа (под ответст-

¹¹ *Зачеркнуто*: «на время».¹² *На полях*: Общие должны теряться навсегда.¹³ *На полях*: Не черное, ибо отшельники.¹⁴ *На полях*: Прекрасно сказано но не уместно. Различие самым делом уничтожится.¹⁵ *Зачеркнуто*: «подлежат».¹⁶ *На полях*: на что поименования?¹⁷ *На полях*: Этот параграф для сущих невежд.

венность тех, которые его задержали) должно объявить ему о причине его задержания — в противном случае он немедленно освобождается.

Никто не может быть обвинен, задержан, или заключен в темницу, кроме в случаях, определенных законом, и в образе оным учрежденном. Каждый, кто испрашивает, причиняет или исполняет *произвольное* веление, должен быть наказан. Но каждый человек, котораго призывают, или берут — в силу существующаго закона, обязан повиноваться немедленно, — и становится виновным, если воспротивится ¹⁸.

Никто не может быть наказан, как в силу закона обнародованнаго до преступления — и законно приведеннаго в ¹⁹ исполнение.

Всякая строгость оказанная человеку, коего заключение сделалось необходимым, сверх той, которая потребна для задержания его, должна быть отвращена законом.

23. Заключенный, ежели он не обвинен в уголовном преступлении, немедленно освобождается, если найдется за него достаточная *порука*, по мнению Судей.

24. Право собственности, заключающее в себе *одне вещи*, священно и неприкосновенно.

Церковные земли остаются навсегда за ними.

25. Земли помещиков остаются за ними. Особый закон определит вознаграждение, которое обязаны им сделать поселяне, которые вздумают оставить свое селение и переселиться в другое место — за временное прерывание в порядке получения доходов, с возделываемой ими поселянами земли ²⁰.

26. Крестьяне так называемых ныне Экономических и удельных волостей взносят так же своему обществу единовременное вознаграждение в подобном случае — за плату земских повинностей вместо их ²¹.

27. Крестьяне Экономические и удельные будут называться *общими владельцами*, равно как и ныне называются *вольными хлебопашцами*, поелику земля на которой они живут признается их собственностью и предоставляется им в общественное владение ²².

28. Последующие законы могут определить в последствии каким образом сии земли поступят из *общественнаго в частное владение* каждого из поселян и на каких правилах будет основан сей *раздел* общественной земли между ними.

29. Поселяне, живущие в Арендных имениях, равно делаются вольными, но земли остаются за теми, кому оне были даны, и по то время, на которое оне даны. Поселяне, которые вздумали бы оставить селение, должны будут внести Арендатору вознаграждение, которое определит закон. По окончании сроков, на которые розданы *аренды*, Закон определит, какое употребление сделать из оных ²³.

30. Военные поселения немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками их вступают в звание *общих владельцев*.

¹⁸ На полях: должно определить, чем познается произвольное веление.

¹⁹ Буква в вставлена сверху.

²⁰ На полях: При срочных свободных условиях сие постановление не нужно. А на первой случай должно освобождение (*перделано из освобождающий*) так устроить, чтоб подобных разорительных (*зачеркнуто: переходов*) как для помещиков, так и для крестьян переходов не было.

²¹ На полях: Пахатные крестьяне платят с земли, следовательно, в вознаграждение она и остается, а желающих переменить местопребывание или род промысла стеснять сим не должно. — К тому ж подати за выбывших платятся от долговременных сроков ревизии.

²² На полях: верный способ для стоячаго положения земледелия. При общей собственности оно никогда преуспевать не может в усовершенствовании.

²³ На полях: Таковой поселянин не в состоянии дать вознаграждения. Аренды то ж, что вотчины, только временныя.

31. Удельное правление крестьян отменяется ²⁴.

32. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские чины, заимствованные ²⁵ у Немцев, и ничем не отличающиеся между собою, отменяются сходственно с древними постановлениями народа Русского. Названия, однодворцев, мещан, дворян, Именитых Граждан заменяются все названием *Гражданина* или Русского.

33. Жалованье священнослужителей будет производится и впредь. Равным образом они освобождаются и впредь от постоя и подвод ²⁶.

34. Кочующие племена не имеют прав Гражданских.

35. Право подавать свой голос при выборе некоторых местных властей (напр. *волостного, старейшины*) предоставляется каждому русскому негражданину.

Глава IV О РОССИИ

В законодательном и исполнительном отношении вся Россия разделяется на 14 Держав и 2 Области, которые суть следующие:

NB Все население России полагается в 22 630 000 жителей мужеского пола, и по сему предположению разočтено и представительство оной.

Державы	Столицы	Число жителей м. п.
I. Ботническая	С[анкт]-Петербург	850 000
II. Балтийская	Вел[икий] Новгород	2 150 000
III. Заволжская	Ярославль	1 450 000
IV. Западная	Вильна	1 325 000
V. Днепровская	Смоленск	2 800 000
VI. Бужская	Киев	1 850 000
VII. Черноморская	Одесса	815 000
VIII. Окинская	Москва	2 550 000
IX. Украинская	Харьков	2 650 000
X. Низовская	Саратов	1 575 000
XI. Камская	Казань	2 517 000
XII. Кавказская	Тифлис	750 000
XIII. Обийская	Тобольск	490 000
XIV. Ленская	Иркутск	250 000

Город *Нижний Новгород*, в котором имеет быть *местопребывание* Российскаго Правительства с окружностью своею составляет особую область *Славенскую* и будет столицей России.

1. Славянская область	Столица Славянск	500 000
2. Донская	« » Новочеркасск	150 000
Итого		22 630 000 м. п. жит[елей]

Державы делятся на *уезды*, уезды на *волости* от 500 до 1500 жителей муж[ского] пола.

В судебном отношении Державы делятся на области, равныя пространством нынешним Губерниям ²⁷.

²⁴ На полях: должно заменить другим.

²⁵ Зачеркнуто: для.

²⁶ На полях: Жалованье получают только городские, сельские же имеют земли по 30 десятин на причт приходский.

²⁷ На полях: За м. Судебное разделение на области по губер. (губер. написано сверху) неудобно. Нынешния Губернии должны составлять один Суд. округ.

Глава V

О ВНУТРЕННЕМ УСТРОЙСТВЕ, ВОЛОСТНОМ И УЕЗДНОМ ПРАВЛЕНИИ

36. В каждом уезде все граждане собираются в уездном городе и выбирают тысяцкого на один год.

Те, которые пользуются землями в общественном владении, не суть владельцы и, следовательно, сюда не входят ²⁸.

37. Общие владельцы не имеют права каждый лично участвовать в выборе тысяцкого, народных представителей и других чиновников, но все общество на сходке имеет право назначить одного Избирателя с каждых 500 жителей муж. пола, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса наравне с Гражданами, как уполномоченные целого общества, лишь только они предъявят поверительные грамоты своего общества, засвидетельствованные волостными старшинами.

Впрочем, каждый из общих владельцев, имеющий достаточный капитал, участвуют в выборах непосредственно, и не лишаются прав гражданским качеством общего владельца. За то он не участвует в избрании полномочного общества ²⁹.

38. Чтоб быть тысяцким, должно иметь по крайней мере 21 год от рождения ³⁰ — и иметь недвижимого имения в собственном отдельном владении не менее 30 т. руб. серебром или движимого 60 т. руб. сер. ³¹ Если избранный в сие звание не имеет сего имения, то он не может принимать оно, в противном случае он лишается места ³² и вносит пеню в 2 т. руб. сер.

39. Должность тысяцкого состоит в следующем:

1. Он созывает избирателей для выбора представителей державных и пр[очих] чинов: выборных, членов дум державных, тысяцкого, советников, и председательствует в их собраниях;
2. Исполняет определения судей; посылает вызов к суду; объявляет определения правителей держав. Выбирает и назначает присяжных ³³;
3. Собирает доходы общественные;
4. Наблюдает за общественными темницами и исполнением уголовных наказаний ³⁴;
5. Покровительствует ³⁵ и охраняет судей во время отправления ими их должности. Представляет требования уезда — говорит всегда от его имени. Берет под стражу нарушителей порядка. Каждый обязан повиноваться ему, и помогать ему брать под стражу нарушителей порядка;
6. Делает исчисление всех тех, которые в уезде пользуются правами гражданства и разделяет их на 4 списка:

1-й. Граждан, имеющих на	30 т. р. сер. недв. им.	60 т. р. сер. движ. им.
2[-й]	»	»
3[-й]	»	»
4[-й]	»	»
	15 т.	30 т.
	2 т.	4 т.
	5 т. с.	1 т.

Граждане, находящиеся в 1-м списке, могут быть избраны в члены верховной думы, в правители Держав, в наместники прав[ител]ей Держав, в Советники, в тысяцкие.

²⁸ На полях: неравенство прав, а следовательно, различие состояний.

²⁹ На полях: Зам. уполномочивающего?

³⁰ На полях: лета малы.

³¹ На полях: почти все общественные владения будут без тысяцких.

³² На полях: * кем?

³³ Очевидно, назначает ошибочно вместо назначает. На полях: Зам. Составляет список присяжных.

³⁴ На полях: * сказано было выше.

³⁵ На полях: * Зам.

Находящиеся во 2-м списке, могут быть избраны в члены *Дум Государственных, в члены судов*, и пр.

Находящиеся в 3-м списке, могут быть народными *представителями*, и членами *палаты выборных, государственных законодательных собраний* ³⁶.

Находящиеся в 4[-м] списке могут быть *присяжными и избирателями*.

Граждане 1-го списка пользуются всеми правами Граждан следующих списков, равно Граждане 2-го и 3-го списков, Граждане 4-го списка не имеют прав предыдущих списков.

40. Все эти списки должны быть напечатаны и обнародованы.

41. В уездах, в которых бы вовсе не находилось людей имеющих недвижимого имения на 30 т. руб. сер. или движимаго на 60 т. руб. сер., или в которых бы находилось оных менее 20-ти, выбираются в тысяцкие из числа тех 20-ти владельцев или капиталистов, которые имеют наибольшие имения, включая и тех немногих или того, кто бы имел означенное имение.

42. Тысяцкий, приняв сие звание, должен непременно объявить обстоятельно, сколь велико его имение. Сие записывается в особую книгу, хранящуюся у него и каждый имеет право требовать себе копию с сего показания, дабы удостовериться в справедливости оного. Если кто потребует от Тысяцкого доказательств, что он точно владеет показанным имением, то сей последний обязан представить в суде своему противнику требуемые им доказательства и бумаги, после чего обвинитель может отказаться от своего притязания, заплатя пеню в 150 руб. сер.; если же он не убедится тем и будет продолжать дело, то в случае если б невиновность Тысяцкого была доказана, он осуждается на пеню в 500 руб. сер.

43. Если кто без законной причины откажется от звания Тысяцкого, определенного выбором сограждан, то обязан заплатить 1000 руб. сер. пени, которая его освобождает от сего звания только на один год ³⁷. Тот, кто исполнит сию должность один год, не обязан принимать сего звания на следующий ³⁸.

44. Он должен иметь жительство в уезде.

45. Более пяти лет сряду не может быть избран ³⁹.

46. Тысяцкий избирает себе 2-х или более *помощников*, смотря по величине уезда, и назначает себе *писарей и ездовых*.

47. Он наблюдает за их поведением, может их отрешить и заменить другими.

48. Каждый *тысяцкий, помощник его и старейшина* получает вознаграждение по окончании года: тысяцкий — в 1500 руб. сер., помощник — в 500 руб. сер., старейшина — в 100 руб. сер. ⁴⁰

49. Когда уезд слишком обширен, чтоб все те, которые пользуются правом избирательства, могли удобно собраться в одно место, то тысяцкий назначает 2, 3 или 4 Собрания в разных местах в одно и то же время. В одном председательствует он сам, в других — его *помощники* ⁴¹.

50. Тысяцкий, получа от суда сообщение приговора, присуждающего кого-либо позорному наказанию, или узнав о банкротстве или общественной недоимке, объявляет о том в уезде и исключает то лицо из гражданских списков.

51. Обыватели каждой волости избирают на год или более *волостного старейшину*. Обязанность его есть, кроме волостного управления, отбирать показания обывателей своей волости, имеющих недвижимую и движимую собственность и

³⁶ *На полях*: почему для представителей меньшее обезпечение?

³⁷ *На полях*: Крайнее притеснение! для того чтоб избавиться от пени, будут должны принимать и худо исполнять обязанности.

³⁸ *На полях*: На предбудущее время имеет ли право отказаться?

³⁹ *На полях*: Излишняя предосторожность и стеснение для народа, если ответственность хорошо определена.

⁴⁰ *На полях*: исправляет 43 §.

⁴¹ *На полях*: З а м. Далее приписано карандашом: ему некогда.

разделить их под разными статьями, поелику различные имения доставляют жителям различные права ⁴².

52. Волостные старейшины, находятся под особенным начальством тысяцкого и обязаны доставлять ему сведения. Тысяцкий поверяет все сии списки, особенно список присяжных, принимает обвинения жителей и показания их. Убедясь гласною распрравою, тысяцкой имеет право внести пропущенных в списки, или вымарывать имена тех, кои не должны в оных находиться.

Глава VI

О ВНУТРЕННИХ ВЛАСТЯХ ИЛИ О ПРАВИТЕЛЬСТВАХ ДЕРЖАВ

53. Правительство каждой державы состоит из трех отделенных, независимых друг от друга властей, но содействующих к одной и той же цели; а именно: законодательной, исполнительной и судебной.

Глава VII

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ДЕРЖАВ

54. Законодательная власть каждой державы поручается *Законодательному Собранию* состоящему из: [1-е] — *Палаты выборных*, 2-е — из *Думы*. Законодательное Собрание созывается в столичном городе каждой державы.

Раздел 1-й.

О палате выборных.

55. Палата выборных составлена из членов избранных Гражданами на *один год*. Они вступают в должность в *последний вторник Ноября месяца* ⁴³ и остаются в оной до *последнего понедельника Ноября месяца* ⁴⁴ *следующего года*, в которой они заключают свои заседания и расходятся, дабы уступить место свое новым выборным, которые вступают на другой день, т. е. в *последний вторник Ноября*.

56. Выборные должны иметь по крайней мере *21 год от роду, состояние недвижимого на 2 т. руб. сер. или движимого на 4 т. руб. сер.; должны уже 7* ⁴⁵ *лет сряду пользоваться Гражданскими правами и во время своего избрания находится в избравшем их месте.*

57. Число выборных определено следующим образом: каждые 10 т. обывателей муж. пола посылают одного *выборного* в Законодательное Собрание своей Державы. Итак, число выборных будет следующее:

1. В Ботническом	Зак[онодательном]	Соб[рании]	85
2. В Балтийском	»	»	215
3. В Заволжском	»	»	145
4. В Западном	»	»	130
5. В Днепровском	Зак[онодательном]	Соб[рании]	280
6. В Бужском	»	»	185
7. В Черноморском	»	»	80
8. В Окинском	»	»	255
9. В Украинском	»	»	265
10. В Низовском	»	»	155
11. В Камском	»	»	250
12. В Кавказском	»	»	75
13. В Обийском	»	»	50
14. В Ленском	»	»	25
В Славянской области			50
В Донской	»		15

⁴² На полях карандашом: Зам. Потому то сие разделение не хорошо. Можно имение сделать условием должностей, но неприлично давать имуществу мерою прав.

⁴³ Слово написано с церковно-славянским сокращением.

⁴⁴ Слово написано с церковно-славянским сокращением.

⁴⁵ На полях: * следовательно, 28 лет от роду, ибо несовершеннолетние не пользуются Гражданскими правами.

58. Каждый год в последний вторник Сентября, имеют быть сходки граждан для избрания *выборных*, и четвертой части членов Державной Думы (кроме 1-го раза, в который избираются все члены Державных Дум) под председательством тысяцкого и его помощников, которые считают голоса в пользу тех, которые находятся в первых 3-х списках.

59. Писарь того уезда или того места, в котором происходит *сходка* (см. § 49), записывает имена всех тех, кого избирали и сколько кто получил голосов в свою пользу. 4-ре дни полагается окончательным сроком для выборов.

60. *Тысяцкий* в 1-й раз утверждает *список назначенных выборных*, обнародывает оной, и в продолжении 2-х недель доставляет от своего имени к каждому *выборному* *позыв* ехать в столицу Державы занять свое место; по приведении уже в совершенный ход сего устава; *тысяцкий* обязан доставить сей подписанный и утвержденный им *список* в продолжение 2-х недель на рассмотрение и суждение *Законодательного Собрания*, которое уже от своего имени посылает *новоизбранным* *пригласительные грамоты* ⁴⁶.

Раздел 2-й

О Державной Думе

61. Дума составляется из членов, избранных на 4 Года, теми же *избирателями*, как и *выборные*, и на тех же *сходках*, в последний вторник Сентября.

NB В 1-й год все члены *Держ[авной] Думы* изберутся на одной *сходке*: в последующее же время на ежегодных *сходках* будет избираться только $\frac{1}{4}$ часть оной для замены *выбывающих* ежегодно членов.

62. Члены должны иметь:

30 лет возраста, пользоваться 9-ти летним *Гражданством* ⁴⁷ *России*, иметь *жи-тельство* в *избирающей их Державе* во время сего выбора, и *недвижимаго имущества* на 15 т. руб. сер. или *движимаго* на 30 т.

63. Число членов *Держ[авных] Дум* полагается около трети числа *выборных*, а именно:

1. В Ботн[ической]	Держ[аве]	28	9. Укра[инской]	Держ[аве]	88
2. В Балт[ийской]	»	71	10. Низов[ской]	»	51
3. Заволж[ской]	»	48	11. Камск[ой]	»	83
4. Запад[ной]	»	43	12. Кавказ[ской]	»	25
5. Днепровск[ой]	»	93	13. Обийск[кой]	»	16
6. Бужск[ой]	»	61	14. Лен[ской]	»	8
7. Черном[орской]	»	26	15. Сл[авянской] обл[асти]	16	
8. Окин[ской]	»	85	16. Дон[ской] обл[асти]	5	

64. Дума, по собрании своем, немедленно разделяется на 4 части, по возможности равные, из коих одна ежегодно по жребию выходит и замещается новыми *выбранными*, так что в продолжении 4-х лет вся Дума возобновляется.

Раздел 3-й

Внутреннее устройство Зак[онодательного] Собрания

65. Каждый год *Зак[онодательное] Соб[орание]* съезжается в столичном городе Державы в *послед[ний] вторник Ноября*. Второй съезд оного в *Сентябре* следующего года. Продолжение съезда зависит от большего или меньшего занятия *Законод[ательного] Соб[орания]*.

66. Каждая Палата избирает сама своего *Председателя*, и делает постановления для внутреннего своего управления. Председатель наблюдает за порядком заседаний, но не имеет голоса. Каждая Палата получив от ⁴⁸ тысяцких списки выборов, пересуживает их правильность, посылает *пригласительные грамоты* тем,

⁴⁶ На полях: Зачем утверждает, власти такой не можно ему давать кажется. И не дело же Зак. Соб. разсылать приглашения.

⁴⁷ Далее в тексте зачеркнуто: в.

⁴⁸ Далее зачеркнуто: выбор.

которые правильно избраны, уничтожает неправильные выборы и повелевает приступить к новым на их места выборам⁴⁹. За каждый день заседания члены Зак[онодательного] Собрании получают по 2 руб. сер. вознаграждения⁵⁰.

67. В обеих палатах наличность $\frac{2}{3}$ всех членов достаточна, чтоб делать постановлений. Меньшее против $\frac{2}{3}$ число членов может только повелеть привести в исполнение меры понуждения, определенные противу тех, которые не прибыли к своему месту, и может отсрочивать со дня на день заседания до прибытия их. Равным образом, если б вдруг, по необычайной смертности, или иным каким либо причинам, выбыло много членов, повелеть в уездах приступить к *пополнительным* выборам.

Большинство $\frac{2}{3}$ голосов может в каждой Палате изгнать недостойного члена.

68. Члены, вышедшие из Держ. Думы, могут быть опять в оную выбраны по прошествии 4-х лет. Члены Палаты выборных могут быть опять избранными по прошествии 2-х лет.

Гл[ава] VIII

О ВЛАСТИ ДЕРЖ[АВНЫХ] ЗАКОНОДАТ[ЕЛЬНЫХ] СОБРАНИЙ

69. Никакой должностной человек не может быть членом ни той, ни другой палаты, пока он будет сохранять свою должность.

70. Всякое предложение о налогах поступает сперва в Палату выборных. Дума может делать в оном *изменения*, как и во всяком другом *предложении*. Право обвинять общественных чиновников также принадлежит Палате выборных.

Право делать предложения о Законе принадлежит *обеим Палатам и Правителю* с следующими отличиями.

71. Дума одна имеет право судить чиновников, обвиненных *Палатою выборных*. Никто не может быть объявлен виновным, как только $\frac{2}{3}$ голосов присутствующих. Власть думы ограничивается тем, что она объявляет подсудимого *виновным и лишает его занимаемого им места, объявляя его неспособным занимать какую-либо должность*. Отрешенный чиновник преследуется после того в присутственных местах обыкновенным судебным порядком при присяжных, по письменному обвинению *державнаго блюстителя* (который лично отвечает, в случае ежели бы обвинение оказалось несправедливым) и подвергается наказанию, определенному законами.

72. Заседания обеих Палат происходят при открытых дверях, кроме тех случаев, когда большинство определит, чтоб разсуждение не было гласно. Женщинам, несовершеннолетним всегда возбраняется вход в Палаты. Наружные знаки одобрения или осуждения возбраняются зрителям.

73. Каждая Палата ведет дневные записки своих разсуждений и печатает оныя от времени до времени, кроме того, что оне определяют оставить тайным. Мнения членов каждой Палаты в пользу или против какого-либо предложения должны быть записаны в журнал, по востребованию $\frac{1}{5}$ части присутствующих членов. Никоторая из Палат не может без согласия другой отсрочить своих заседаний более, нежели на 3 дни, ни перенести оных в другое место, кроме того, в котором заседают обе Палаты.

74. Ни в каком случае, кроме *преступления, измены и нарушения общественного порядка*, нельзя брать под стражу членов Зак[онодательного] Собрании ни во время заседаний, ни на пути их в Державный город — ни во время возвраще-

⁴⁹ На полях приписано, затем зачеркнуто: ея ли право судить о правильности выборов.

⁵⁰ Подстрочное примечание: Ежели полагать в год 168 заседаний, то это произведет всего на все 3 315 600 руб. ассиг.

ния из оного. Члены не отвечают за мнения, обнаруженные в Палате — никто, нигде, не в праве тревожить их, и требовать от них объяснений сказанного ими во время их зак[онодательного] служения.

75. Всякое *предложение*, получившее согласие Думы и выборных, должно еще быть представлено *Правителю Державы*, чтоб получить силу закона. Если *Державный Правитель* одобряет *предложение*, то подписывает оное, и по оному немедленно приступают к исполнению; если не одобряет, то отсылает оное с своими *возражениями* в ту Палату, в которую оно *сначала* поступило. Палата записывает в свой журнал все *возражения* сделанные *Держ[авным] Пр[авите]лем* против сего предложения, и вновь открывает об оном разсуждение. Если после сего *вторичного* суждения о предложении 2/3 членов останутся в пользу *предложения*, то оно поступает с *возражениями Правителя* в другую Палату, которое вновь разбирает, и если большинством голосов одобрит, то оно уже становится *Законом*. В подобных случаях члены Палаты должны изъяснить свое мнение чрез одно выражение *да* или *нет*, и в журнале каждой Палаты записываются имена членов, подававших голос за сие⁵¹ предложения, и против. Для избежания излишней медленности, если *Правитель* по прошествии 10-ти дней (исключая воскресных) не возвратит в Палаты представленного его суждению *предложения*, то оное получает силу закона, как бы было им утверждено. Если же Зак[онодательное] Собрание между тем отсрочило свои заседания, тогда предложение не становится законом. Всякое приказание, решение или возглашение, требующее содействия обеих Палат (исключая разсуждений об отсрочке Заседаний), должно быть представлено *Правителю* и подтверждено им, чтоб быть приведено в исполнение; если же он отвергнет оное, оно должно быть снова принято 2/3 голосов обеих Палат сходно с правилом, предписанным для *предложений* *Законов*.

Каждая Палата имеет право отринуть *предложение* другой. Дума однако же обязана судить *чиновников, обвиненных* Палатою *выборных*.

76. В следующей главе определены предметы о которых *Держ[авное] Зак[онодательное] Соб[ра]ние* может делать постановления или *законы*.

77. Законодательное Соб[ра]ние каждой Державы имеет прав[о]:

1. Делать постановления⁵², касающиеся до внутреннего управления Державы.
2. Делать новое разделение края, более сообразное с нуждами и средствами жителей.
3. Устанавливать, в каких *городах или местечках* будет происходить выбор народных представителей, и каким образом сей выбор долженствует происходить.
4. Делать всякия постановления, лишь бы они не были в противность сего Устава и неотмененных им *постановлений*.
5. Постановлять для собственного Управления Державы *прямые налоги* и составлять казну.

Пр[аво] 1-е: *Частные налоги* для собственного управления каждой Державы, и потребности оной, как то: дорог, каналов, строений, издержек на Зак. Соб., судную часть, и пр., зависит от власти Зак[онодательного] Соб[ра]ния каждой державы. Пр[аво] 2-е: *Общие налоги* для содержания войска сухопутного и морского, крепостей, почт, связей с иностранными⁵³ Государствами, вознаграждении членов Народного веча, платы верховным чиновникам, одним словом, для всех нужд и потребностей *всего Российского Союза* назначается *народным вечем*.

⁵¹ Первоначально зачеркнуто: в пользу сего.

⁵² Первоначально зачеркнуто: новое разделение края.

⁵³ Далее зачеркнуто: дер.

6. Делать всякого рода общественные заведения, учебные учреждения, школы и пр.
7. Содержать и приводить в порядок сообщения.
78. Никакая Держава не имеет права:
 1. Заключать какой-либо Союз, Договор или Трактат не только с Иностран-ными Государствами, но даже и с другою Державою Росс[ийского] Союза.
 2. Заключать мира или объявлять войну.
 3. Чеканить монету.
 4. Раздавать титула дворянства и учреждать знаки отличия.
 5. Налагать податей на ввоз товаров без согласия и позволения Народного веча.
 6. Содержать в мирное время войско или вооруженных кораблей без позво-ления верховного Народ[ного] веча.
 7. Начинать войну и неприязненные действия, разве в случае неприятель-ского нашествия и когда опасность так близка, что никакое медление не может быть допущено.
 8. Отправлять послов и депутатов к Иностранным Государствам, под каким бы то предлогом ни было и входить в какие бы то ни было сношения с Иностранными Правительствами.
79. Каждая Держава должна оказывать совершенное доверие и уважение к общим постановлениям и определениям другой Державы. Пользующийся званием Гражданина в одной Державе, должен быть признан Гражданином и во всех прочих. Евреи могут пользоваться правами граждан в местах, ныне ими заселен-ных, но свобода им селиться в других местах будет зависеть от особых постанов-лений *Верховного Народ[ного] веча*.
80. Каждая Держава обязана по требованию Суда выдать исполнительной власти другой Державы тех, которые скрываются от судей своих или от следую-щего им наказания.

Гл[ава] IX

О ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ДЕРЖАВ

81. Исполнительная власть в каждой Державе поручается *Держ[авному] Пра-вителью*, его *Наместнику* и Совету.

Условия чтоб быть Правителем суть следующие:

30 лет возраста, 9-летнее гражданство в России и жительство в Державе, в которой назначается Правителем, недвижимого имущества на 30 000 руб. сер. или движимого на 60 т.

82. Чрез каждые 3 года *Народное верховное вече*, избирает Правителей Дер-жав из списков кандидатов на сие звание, доставленных в оное Зак[онодательное] Соб[рание] Держав[ы]. Сей выбор производится обеими вместе Соединенными Палатами Н[ародного] В[ерховного] В[еча] и утверждается Императором.

83. Права и занятия Правителя суть следующие.

1. Он вместе с Советом своим разбирает присылаемые от Тысяцких списки вновь назначенных выборных и членов думы, и посылает пригласительные грамоты тем, которые избраны.
2. Отсрочивает заседания Зак[онодательного] Соб[рания] на то время, на ко-торое обе палаты того пожелают. В случае же, если бы оне в этом не соглашались, то он имеет право оные отсрочить до того времени, которое он назначит, чтоб согласить их.
3. Закрывает ежегодно заседания Палаты выборных и распускает членов оной накануне последнего *вторника Ноября*.

4. Не может однако ж, хотя бы и в несколько приемов, отсрочить заседаний обеих Палат более, нежели на 90 дней сряду.
5. В случае заразительной болезни, или другой какой-либо опасности, угрожающей жизни членов Законодат[ельного] Собрания, он имеет право созвать оное, в другом каком-либо месте или городе той же Державы.
6. Он начальствует над земским войском своей Державы, дает приказания войскам и военным судам, находящимся в пределах Державы. В случае нападения созывает и вооружает жителей. Не может однакож без позволения Зак[онодательного] Собрания высылать земского⁵⁴ войска за пределы Державы.
7. Имеет право прощать кроме тех, которых осудила сама Дума.
8. Назначает по представлению своего Совета: 1) *Державного Блюстителя*, 2) *Державного Стряпчего*, 3) *Судей* и других чиновников из числа особ, отмеченных в 3-м списке.
9. Получает жалованье в 5 т. руб. сер.

84. Правитель по окончании своего служения может быть назначен на то же место вторично только по прошествии 4 лет. Сие правило распространяется на Наместника Правителя и на Советников.

85. В последний вторник Ноября месяца⁵⁵ каждые три года Палата выборных и дума собираются в одну комнату и приступают вместе к выбору посредством баллотировки Наместника Правителя и Советников. Выбор производится 2/3 голосов всех присутствующих членов.

86. Условия, чтоб быть Наместником Правителя и Советником те же, что для Правителя. Число Советников для каждой державы или области⁵⁶ есть следующее:

Для держав Днепров[ско]й, Окин[ско]й, Украин[ско]й, Камск[о]й — по 9, Балтийской — 7. Богнич[еской], Заволж[ской], Запад[ной], Бугс[кой], Черномор[ской], Низов[ской], Кавказ[ской], Обий[ской], и Ленской, также для областей Славян[ской] и Донской — по 5. Когда 9 Совет[ники], тогда 5 из них должны быть на лицо при суждениях, в противном случае их постановления не имеют законности. Когда 7, то 4. Когда 5, то 3.

87. Постановления и мнения Совета Держ[авы] вписываются в особую книгу и подписываются присутствующими членами⁵⁷. Обе Палаты имеют право каждая потребовать к себе книгу сию всякой раз, когда ето им покажется нужным.

88. Если член Совета не согласен с большинством, то имеет право требовать, чтоб его мнение записано было особо, и все сполна. Совет участвует во всех мерах и постановлениях Правителя. В случае равенства голосов, мнение Правителя решит. Советники за каждое заседание во все время *съездов* Зак[онодательного] Соб[рания] получают то же награждение, что выборные и члены Думы. Члены Сов[ета] выбывают ежегодно по 1/3 и замещаются, равно как и выбывшие по другим причинам, как сказано в § 85.

89. Наместник Правителя имеет следующие права:

1. В продолжении временного отсутствия Правителя, председательствует в Совете, но не имеет голоса, так что Совет имеет всю *Исполнительную власть* в отсутствии Правителя.
2. Если место Правителя сделалось праздным — его смертью, болезнию и проч., — то Наместник занимает оное и пользуется всею его властью.
3. Получает 1500 руб. сер. жалованья.

⁵⁴ Слово земского вписано сверху.

⁵⁵ Слово написано с церковно-славянским сокращением.

⁵⁶ Слова или области написаны поверху строки.

⁵⁷ На полях: какая цель?

90. 1) Держ[авный] дьяк, 2) Держ[авный] Казначей, 3) Собирает[ель] пошлин Державы, избираются каждые 3 года обеими, соединенными в одну комнату, Палатами.

91. Правитель, Наместник его, Блюститель, Дьяк, Казначей, и все Гражданские Чиновники, могут быть лишены своих мест, если в следствие обвинения Палаты выборных, они будут уличены и осуждены Думою за измену, расхищение общественной казны, другие какие-либо преступления, или порочное поведение. Когда Дума судит Правителя, то председательствует в ней верховный Судия.

Глава X

О НАРОДНОМ ВЕЧЕ

92. Народное вече, состоящее из верховной Думы и Пал[аты] Предст[авите-лей] Народных, облечено всею Законодательною властью.

Глава XI

О ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ И О ЧИСЛЕ ПРЕДСТАВ[ИТЕЛ]ЕЙ И ВЫБОРЕ ИХ

93. Пал[ата] Пред[ставителей] составлена из членов, выбранных на 2 года жителями держав.

Условия: 21 год, 7 лет[нее] право гражд[анства]. Состояние по § 58. Жительство в избравшей Державе.

На 50 т. жителей м. п.— один.

Подробное исчисление чрез три года после приведения Устава в действо; возобновляется через 10 лет. До тех пор — 452.

Выбор на уездных сходках.

Писарь записывает, кто избирал и число голосов; 4 дня для выбора. Чиновники подписывают и отправляют к Держ[авному] Дьяку тотчас.

Первые выборы тотчас по обнаружении устава.

[1]. Ботнич[еская держава]	—17	представителей.
[2]. Балт[ийская]	—48	»
3*	—29	»
4.	—46	»
5.	—58	»
6.	—34	»
7.	—54	»
8.	—54	»
9.	—28	»
10.	—40	»
11.	—15	»
12.	—15	»
[13]. Об[ийская держава]	—1	—10
[14]. Дон[ская область]	—3	

456

За[конодательная] власть Державы объявляет уездам число и проч., и уравнивает.

В выбывке исполн[ительная] вл[ась] державы созывает для нового выбора.

Пал[ата] Пред[ставителей] избирает Председателя. Одна может отдавать под суд обществ[енных] чиновников.

⁵⁸ Номер параграфа в оригинале не выставлен.

* См. список держав в ст. 63 Конституции.

Глава [XII] ⁵⁹

О ВЕРХОВНОЙ ДУМЕ

3 ч[е]л[овека] от каждой Державы; 2 — из 1-й области, 1 — из 2-й обл., всего 42. Избираются Закон.— д. Сословиями Держ[ав] и Обл[астей] на 6 лет, выбывают по $\frac{1}{3}$. В убыле исполн[ительная] вл[ась] делает временное назначение.

Условия: 30 лет, 9 лет Гражд[данства]. Жительство в держ[аве]. Имена — 120 т., движ[имого] — 240 т.

Избирает Председ[ателя], Намест[ника] его и проч.

Председ[атель] без голоса.

Верх[овная] Дума одна судит чиновников, Пал[ата] Пред[ставителей] обвиненных $\frac{2}{3}$ голосов присутствующих осуждают, Верх[овная] Дума отрешает, но судит суд обыкновенный, по письменному обвинению верх[овного] Бл[юсти-теля].

Нар[одное] Вече собирается раз в год в 1-й втор[ник] дек[абря] месяца ⁶⁰.

О правах членов сами судят Палаты. Утверждают все большинством голосов. Пени для нерадивых. Наказывать и исключать членов.

Без согласия другой, одна палата может отсрочить заседания только на 3 дня.

Жалованья в день по 40 руб.; за 100 верст — 40 руб. и обратно.

В измене, преступлении, нарушении общественного порядка могут быть взяты под стражу.

Должностные люди не могут быть членами [Верховной Думы], не отказавшись от должности.

Кто откажется, платит 10 т. руб.

Власть: законы, мир и война — договоры, — военная сила — земское войско.

Распоряжение области где вече.

Титло величия.

Отдает отчет казны в общенародное сведение.

Позволяет принимать награждения от чужих Государей.

Вера не подлежит Вече.

Не может воспретить свободного книгопечатания.

Может брать частную собственность, по законам.

Гл[ава XIII] ⁶¹

О ИМПЕРАТОРЕ

... Назначает судей верховных мест и прочих чиновников.

Пополняет праздные места, когда Дума распушена, до окончания 1-го съезда ея.

Назначает:

1. Главу Казначейского приказа (Мин[истра] Фин[ансов]);

2. « Сухопутных сил;

3. « Морских »

4. « Внешн[их] Сношений

Дает Нар[одному] Вече сведения о России и предлагает меры.

В чрезвычайн[ых] случаях созывает палаты.

Имение земли и 10 м[лн] сер. дохода.

Выехать из Границ не может.

Попечитель малолетнего — председатель Думы на 6 лет Палатою представите-лей из членов Думы: жал[ованье] 40 руб. сер.

⁵⁹ Номер главы в оригинале не проставлен.

⁶⁰ Слово написано с церковно-славянским сокращением.

⁶¹ Номер главы не проставлен.

Приложение IV

КОНСТИТУЦИЯ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА

(из бумаг И. И. Пущина) ¹

Глава I

О НАРОДЕ РУССКОМ И ПРАВЛЕНИИ

1. Русский народ, свободный и независимый, ни есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства.

2. Источник *Верховной власти* есть народ, которому принадлежит исключительное право делать *основные постановления* для самого себя.

Глава II

О ГРАЖДДАНАХ

3. *Гражданство* есть право определенным в сем Уставе порядком участвовать в общественном управлении: *посредственно*, т. е. выбором чиновников или избирателей; *непосредственно*, т. е. быть самому избираемым в какое-либо общественное звание по законодательной, исполнительной или судебной власти.

4. *Граждане* суть те жители Российской Империи, которые пользуются правами, выше определенными.

5. Чтоб быть Гражданином, необходимы следующие условия:

- 1) Не менее 21 года возраста;
- 2) Известное и постоянное жительство;
- 3) Здравие ума;
- 4) Личная независимость;
- 5) Исправность платежа общественных повинностей;
- 6) Непорочность пред лицом закона.

6. Иностранец, не родившийся в России, но жительствоющий 7 лет сряду в оной, имеет право просить себе гражданства Российского у *судебной власти*, отказавшись наперед клятвенно от Правительства, под властью которого прежде находился.

7. Иностранец, не получивши Гражданства, не может исполнять никакой общественной, ни военной должности в России; не имеет права служить рядовым в войске Российском и не может приобрести земель.

8. Чрез 20 лет, по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи, никто необучившийся Руской грамоте не может быть признан Гражданином.

9. Права Гражданства теряются *на время*:

- 1) Судебным объявлением о расслаблении ума;
- 2) Нахождением под судом;
- 3) Судебным определением о *временном лишении прав* ²;
- 4) Объявленным банкротством;
- 5) Общественною недоимкою;
- 6) Нахождением в услужении при ком-либо;
- 7) Неизвестностью местопребывания, занятий и средств к пропитанию.

Навсегда:

- 1) Вступлением в подданство Иностранного Государства;

¹ Текст печатается с оригинала, хранящегося в Рукописном отделении Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ф. 243, № 454).— *Ред.* В неразрывной связи с текстом печатается приложенное к нему критическое рассуждение К. П. Торсона.— *Н. Д.*

² На полях написано карандашом: NB.

³ На полях карандашом сделано примечание, от времени совершенно стершееся; разобраны лишь последние слова:... за преступление лишает...

- 2) Принятием службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства;
- 3) Приговором Суда к безчестному наказанию, влекущему за собою *лишение* Гражданских прав;
- 4) Если Гражданин без согласия Веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титул или звание почетное или приносящее прибыль от иностранного правления, Государя или Народа.

Глава III

О СОСТОЯНИИ, ЛИЧНЫХ ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ РУССКИХ

10. Все Русские равны пред законом ⁴.

11. Русскими почитаются все коренные жители России и дети Иностранцев, родившихся в России, достигшие совершеннолетия, доколе они не объявят, что не хотят пользоваться сим преимуществом.

12. Каждый обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и Властям Отечества и явиться на защиту Родины, когда востребует того Закон.

13. Крепостное состояние и рабство отменяются, Раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно Вере, по которой все люди *братья*, все рождены *благо* по воле Божией, все рождены *для блага* и все *просто люди*: ибо все слабы и несовершенны ⁵.

14. Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оные посредством печати своим соотечественникам. Книги, подобно всем прочим действиям, подвержены обвинению Граждан пред судом и подлежат *присяжным*.

15. Существующие ныне *Гильдии* и цехи в купечестве, ремеслах уничтожаются.

16. Всякий имеет право заниматься тем промыслом, который ему покажется выгоднейшим: *земледелием, скотоводством, охотою, рыбной ловлею, рукоделиями, заводами, торговлею*, и так далее.

17. Всякая тяжба, в которой дело идет о ценности, превышающей фунт чистого серебра (25 рублей серебр[ом]), поступает на суд присяжных ⁶.

18. Всякое уголовное дело производится с присяжными.

19. Подозреваемый в злоумышлении может быть взят под стражу постановленными Уставом властями и учрежденным порядком, но в 24 часа (под ответственностью тех, которые его задержали) должно ему объявить письменно о причине его задержания, в противном случае он немедленно освобождается ⁷.

20. Заключенный, если он не обвинен по уголовному делу, немедленно освобождается, если найдется за него *поруча* ⁸.

21. Никто не может быть наказан, как в силу закона обнародованного *до преступления*, и правильно и законным образом приведенного в исполнение ⁹.

⁴ На полях карандашом: NB.

⁵ Слово отменяются подчеркнуто карандашом. На полях, тоже карандашом: NB.

⁶ Отчеркнуто карандашом.

⁷ На полях карандашом: NB. В чуж[их] краях взятие под стражу бывает непременно при 12 чел. присяжных — не худо бы и здесь.

⁸ С 20 по 31 статью и с ст. 33 до конца текста все цифры, обозначающие отдельные статьи, подчеркнуты чернилами.

⁹ На полях карандашом: 22.

22. Устав сей определит каким Чиновникам и в каких обстоятельствах предоставляется право давать письменные приказания *задержать* кого-либо из Граждан, *сделать* *домовой обыск*, *забрать его бумаги* и *распечатать письма его*. Равным образом определит оный ответственность за таковые поступки ¹⁰.

23. Право собственности, заключающее в себе *одне вещи*, священно и неприкосновенно.

24. Земли Помещиков остаются за ними. Дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим ¹¹.

25. Крестьяне Экономические и Удельные будут называться *Общими Владельцами*, равно как и ныне называющиеся *Вольными хлебопашцами*, поелику земля, на которой они живут предоставляется им в *общественное владение* и признается их собственностью. Удельное Правление уничтожается ¹².

26. Последующие законы определяют каким образом сии земли поступят из *общественного в частное владение* каждого из поселян и на каких правилах будет основан сей *раздел* общественной земли между ними.

27. Поселяне, живущие в арендных имениях, равно делаются *вольными*, но земли остаются за теми, кому оне были даны, и по то время, по которое были даны.

28. *Военные поселения* немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны с родственниками рядовых вступают в звание *общих владельцев*.

29. Разделение людей на 14 классов отменяется. Гражданские Чины, заимствованные у Немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русского. Названия и сословия *Однодворцев, Мещан, Дворян, именитых Граждан* заменяются все названием *Гражданина* или *Русского*.

30. Жалованье Священнослужителям будет производится и впред. Равным образом они освобождаются от постоя и подвод ¹³.

31. Кочующие племена не имеют прав гражданских. Право участвовать в выборе *Волостного старшины* предоставляется однако ж и оным ¹⁴.

32. Граждане имеют право составить всякаго рода Общества и Товарищества, не испрашивая о том ни у кого позволения, ни утверждения: лишь только б действия оных не были противузаконными ¹⁵.

33. Каждое таковое Общество имеет право делать себе постановления, лишь бы оные не были противны сему Уставу и законам общественным ¹⁶.

34. Никакое иностранное Общество не может иметь в России подведомственных себе Обществ или сотовариществ ¹⁷.

¹⁰ На полях карандашом: 21.

¹¹ На полях чернилами, другим почерком: NB. Ежели огород, то земля. После слова скотом карандашом написано: и прочим.

¹² На полях чернилами, почерком основного текста: Земли, на коих поселены Экономические, Удельные и Государственные крестьяне, остаются общественными (biens nationaux) и в ведении Казначейскаго Приказа (ныне Министерство Финансов): кроме дворов их, огородов, скота и земледельческих орудий, которые признаются их собственностью. Карандашом исправлено: Министерства Финансов и Уделов. Вся приписка на полях перечеркнута карандашом и снабжена на полях, против ст. 26, карандашным примечанием: NB. Есть множество крестьян, которые имеют свои земли на имя своих господ: как поступить с теми?

¹³ На полях карандашом: NB. От всех податей. Ниже тоже карандашом, но другим почерком: улучш...

¹⁴ На полях карандашом: О нынешних чиновниках. Ниже тоже карандашом, но другим почерком: Об Евреях.

¹⁵ На полях карандашом отчеркнуто и приписано: Общества, но не тайные. Тайные все вредны.

¹⁶ На полях отчеркнуто карандашом и отмечено: NB.

¹⁷ На полях отчеркнуто карандашом.

35. Никакое нарушение Закона не может быть оправдано повелением начальства. Сперва наказывается *нарушитель* Закона, потом подписавшие противузаконное повеление ¹⁸.

36. Граждане имеют право обращаться с своими жалобами и желаниями к народному Вечу, к Императору и к правительствующим сословиям Держав.

37. Подземелья и Казематы крепостные, вообще все так называемые Государственные темницы уничтожаются, никто не может быть заключен иначе, как в назначенных на сей предмет общественных темницах ¹⁹.

38. *Обвиненные* ²⁰ не должны быть заключены в одних местах с *осужденными*; заключенные за долги или за *легкие проступки* — с *преступниками* и *злодеями*.

39. Тюремное начальство должно быть избираемо Гражданами из людей *добросовестных*, и которые были бы ²¹ в состоянии ответственности за всякой противузаконной и бесчеловечный поступок с заключенными.

40. Нынешние Полицейския Чиновники отрешаются и заменяются по выборам жителей ²².

41. Всякий Гражданин, который бы насилем или подкупом нарушил свободный выбор *народных представителей*, предается суду.

42. Никто не может быть беспокоиваем в отправлении своего Богослужения по совести и чувствам своим, лишь бы только не нарушал законов природы и нравственности.

Глава IV О РОССИИ

43. В законодательном и исполнительном отношениях все России делятся на 13 Держав ²³, 2 области и 569 Уездов или Поветов.

Все население полагается в 22 630 000 жителей мужеского пола, и по сему предположению разотчено представительство оной.

Жит[елей] муж[ского] пола	Державы	Столица
450 000	I. Ботническая Держава	Гельсингфор[с]
1 685 000	II. Волховская »	Г[ород] св[ятого] Петра
750 000	III. Балтийская »	Рига
2 125 000	IV. Западная »	Вильна
2 600 000	V. Днепровская »	Смоленск
3 465 000	VI. Черноморская »	Киев
750 000	VII. Кавказская »	Тифлис
3 500 000	VIII. Украинская ²⁴ »	Харьков
2 450 000	IX. Заволжская »	Ярославль
2 000 000	X. Камская »	Казань
1 425 000	XI. Низовская »	Саратов
490 000	XII. Обийская »	Тобольск
250 000	XIII. Ленская »	Иркутск
	[Моск]овская область	Москва
	Донская »	Черкасск

¹⁸ На полях карандашом: Иногда приказание может иметь вид противузаконный, но быть законное — гораздо лучше отвечать тому кто [одно слово не разобрано]... иначе подчиненность всегда найдет способы к противоречию. В тексте ст. 35 зачеркнуто карандашом слово подписавшие.

¹⁹ Иначе надписано сверху.

²⁰ Над словом обвиненные карандашом: обвиняемые.

²¹ Слово бы написано сверху.

²² На полях чернилами, другим почерком: NB. Полицейской надзор, но не пожарная команда.

²³ Слово Держав подчеркнуто карандашом.

²⁴ Сначала написано: Харьков, потом зачеркнуто и надписано сверху: Украинская.

Державы делятся на Уезды, Уезды на Волости от 500 до 1500 жителей мужеского пола.

В *судебном* отношении Державы делятся на Округи, равные нынешним Губерниям.

Глава V

О ВНУТРЕННЕМ УСТРОЙСТВЕ ВОЛОСТНОМ И УЕЗДНОМ ИЛИ ПОВЕТОМ

44. В каждом Уезде Граждане, имеющие недвижимой собственности на 500 рублей серебром или движимой на 1000 рублей серебром, собираются в Уездном городе и выбирают *Тысяцкого* на один год.

1) Те, которые пользуются землями в *общественном*²⁵ *владении*, не суть владельцы и, следовательно, сюда не принадлежат.

45. Общие владельцы не имеют право каждый лично участвовать в выборе *Тысяцкого*, *народных представителей* и других чиновников, но все общество на сходке имеет право назначить *одного избирателя* с каждых 500 жителей мужеского пола, и сии избиратели, назначенные общими владельцами, подают голоса наравне с прочими гражданами как *уполномоченные целым обществом*, лишь только они предъявят *поверительные грамоты* своего общества, засвидетельствованные *Волостными Старейшинами*. Впрочем, каждый из общих Владельцев, имеющий капитал означенный выше, участвует в выборах непосредственно и не лишается прав избирательства качеством *общаго владельца*. За то он не участвует в избрании уполномочивающего общества.

46. Что б быть *Тысяцким*, должно иметь по крайней мере 21 год от рождения. Непорочного поведения и недвижимого имения в собственном своем владении ценою не менее 1500 фунтов чистого серебра (30 000 рублей сереб[ром]) или движимого не менее 3000 фунтов чист[ого] серебра (60 000). Если избранный в сие звание не владеет таковым имением, то он не должен принимать сего звания. В противном случае он лишается места и вносит пеню в 100 фунтов чистого серебра (2000 рублей сереб[ром]).

47. Должность *Тысяцкого* состоит в следующем:

- 1) Он созывает Граждан для выбора *Представителей, выборных, Членов Дум, Держав* и проч., и председательствует в сих собраниях;
- 2) Исполняет определения Судей, посылает вызовы к Суду; объявляет определения Правителей Держав, составляет список присяжных;
- 3) Собирает доходы общественных;
- 4) Наблюдает за общественными темницами и исполнением уголовных наказаний;
- 5) Охраняет Судей во время отправления ими их должности. Представляет требования Уезда, говорит всегда от его имени, берет под стражу нарушителей порядка; в сем случае каждый обязан ему повиноваться и вспомоществовать при востребовании;
- 6) Составляет два списка тех из Граждан Уезда, кои владеют недвижимым имением ценою не менее 1500 фунтов чистого серебра или движимым — ценою не менее 3000 фунтов чистаго серебра. 2-й — тем, кои владеют недвижимым имением не менее 250 фунтов серебра или движимым — не менее 500 фунтов чистого серебра. Граждане первого списка могут быть (ежели при том отвечают прочим условиям) избраны в *Члены Верховной Думы*,

²⁵ Сначала написано: *общем*, затем сверху вписано: *ственно*. На полях чернилами, почерком основного текста: NB.

Правители Держав, Наместники Державных Правителей, Тысяцкие и члены Державных Дум и Члены Державных Судов ²⁶.

Граждане второго списка могут быть присяжными и Избирателями.

Граждане первого списка пользуются правами ²⁷ следующего списка ²⁸.

Граждане, коих имена нанесены ²⁹ в сии списки, не лишены тем прав остальных граждан.

48. Все списки должны быть напечатаны и обнародованы.

49. В Уездах, в которых вовсе бы не находилось людей, владеющих имением в 1500 фунт[ов] чистаго серебра или в которых находилось бы менее 20-ти, должно выбирать на те места, в которые требуется сие условие из определенного большинством голосов Избирателей числа Владельцев и капиталистов, которые приближаются своим имуществом к требуемому состоянию, включая в число сие и тех и тех немногих или того, кто бы пользовался означенным имуществом; сей дополнительный список печатается вместе с первым списком.

50. Тысяцкий, приняв сие звание, должен непременно объявить обстоятельно, сколько велико его имение. Сие записывается в особую книгу, хранящуюся у него, и каждый имеет право требовать себе копию с его показания, дабы удостовериться в том, что он пользуется требуемым имением. Если кто потребует от Тысяцкаго на то доказательства, то он обязан представить своему противнику в суде требуемые доказательства и документы. После сего обвинитель может отказаться от своего иска, заплатя пеню в 150 рублей серебром. В случае же тяжёбнаго опровержения его иска он подвергается пени в 500 рублей серебром.

51. Тысяцкий должен иметь жительство в Уезде. Он может быть выбран несколько раз сряду ³⁰.

52. Тысяцкой избирает себе двух или трех *помощников*, смотря по величине Уезда, и назначает себе *писарей и ездových*.

53. Он наблюдает за их поведением, может отрешить и заменить другими ³¹.

54. Каждый Тысяцкий, Помощник и Старейшина получают вознаграждение по окончании года. Тысяцкой в 1500 рублей серебром, Помощник — в 500 рублей серебром, Старейшина — в 100 рублей серебром ³².

55. Когда Уезд слишком обширен, чтобы все те, которые пользуются правом Гражданства, могли удобно собираться в одно место, то Тысяцкий назначает *два, три или четыре* собрания в разных местах в одно и то же время. В одном присутствует он сам, в других — его помощники ³³.

56. В выборе сем участвуют все Граждане без изъятия и различия ³⁴.

57. Обыватели каждой Волости избирают на год или более *Волостного Старейшину*. Обязанность его есть, кроме управления волостного, отбирать показания обывателей, имеющих недвижимую или движимую ³⁵ собственность, разделить их на вышеозначенные статьи и представить Тысяцкому.

²⁶ *На полях карандашом*: NB. Почему богатство только определяет достоинство правителей? Это несогласно с законами нравственности.

²⁷ *Сначала написано*: пользую, затем *зачеркнуто и надписано сверху*: правами.

²⁸ *Слово следующего зачеркнуто карандашом, вместо него написано*: второго.

²⁹ *В слово нанесены карандашом вставлено в* — навнесены.

³⁰ *На полях чернилами, почерком текста*: NB.

³¹ *На полях чернилами, почерком текста*: NB.

³² *На полях карандашом*: NB. от 100—25. *Сначала написано* 20, потом 0 *переправлен* на 5.

³³ *Статья отчеркнута карандашом. На полях против ст. 55 приписано чернилами, почерком основного текста*: Тысяцкий, получа сообщение приговора к позорному наказанию или уведомься о банкротстве или общественной недоимке, объявляет о том в Уезде или Повете, исключает те лица из списков.

³⁴ *Надписано карандашом вместо сем* — волостном.

³⁵ *Слова или движимую вписаны сверху чернилами, почерком основного текста.*

58. Волостные старейшины находятся под особенным начальством Тысяцкого, который поверяет доставленные ими сведения; принимает обвинения жителей и показания их. Убедясь гласною расправою, Тысяцкий имеет право внести пропущенных в списки или вычеркнуть имена тех, которые не должны в них находиться.

Глава VI О НАРОДНОМ ВЕЧЕ

59. *Народное Вече*, состоящее из *верховой Думы* и *Палаты народных представителей*, облечено всею законодательною властью.

Глава VII О ПАЛАТЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ, О ЧИСЛЕ И ВЫБОРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

61³⁶. Палата представителей составлена из Членов, выбранных на два года Гражданами Держав.

62. Во время своего избрания представитель должен жить в избравшей его Державе.

63. Лица, принявшие на себя подряды и поставки на общественные требы, не могут до совершенного окончания оных быть представителями³⁷.

64. Кроме означенных в § 5 условий, чтоб быть представителем требуется только *Доверие* бóльшего числа избирателей Уезда или Поведа с следующими однако ж ограничениями:

1) Иностранец, получивший право Русского Гражданства, может быть избран в представители только чрез 7 лет после его *Гражданствования*.

65. Число представителей определяется соразмерно населению следующим образом:

Каждые 50 000 обывателей мужеского пола посылают в Палату представителей одного представителя. В числе сих 50 000 должно только полагать жителей, имеющих оседлость, постоянное жилище, не принимая в счет кочующих племен.

66. Подробное исчисление всех жителей должно быть сделано три года после приведения сего Устава в исполнение, а потом чрез каждые десять лет должна происходить новая перепись таким образом, как определит особый на то закон.

67. До тех пор назначается число представителей 450. Каждые два года последний вторник Сентября месяца имеют быть сходки для выбора народных представителей под председательством Уездных или Поветовых Тысяцких и их Помощников. Первые выборы должны воследовать немедленно по обнародовании сего Устава.

67. Писарь, назначенный Тысяцким, записывает имена всех присутствовавших избирателей и сколько кто получил голосов. Четыре дни полагаются окончательным сроком для выбора.

68. Список сей утверждается подписью всех присутствовавших чиновников и Писарей, запечатывается и немедленно отправляется к *Державному Дьяку*, к которому оный должен быть доставлен в продолжении двух недель *непреренно*³⁸.

³⁶ Ошибочные цифровые обозначения первых 7-ми статей гл. VII исправлены карандашом: вместо 61 поставлено 60, вместо 62 — 61, и т. д.

³⁷ На полях карандашом: Потому что это мешает их личному пребыванию или почему-нибудь другому? Значит живущий подрядами должен отказаться от своего существования или не может никак быть представит[елем]?

³⁸ На полях карандашом: NB.

69. Державы дают представителей:

I. Ботническая [держава]	9	II. Волховская [держава]	33
III. Балтийская »	14	IV. Западная »	42
V. Днепровская »	52	VI. Черноморская »	69
VII. Кавказская »	15	VIII. Украинская »	70
IX. Заволжская »	49	X. Камская »	40
XI. Низовская »	28	XII. Обийская »	10
XIII. Ленская »	5		

1. Московская Обл[асть] 10

2. Донская [область] 3

Всего 450 представителей

70. Правительственной власти каждой Державы предоставляется распределить число представителей на Уезды или Поветы и означить сколько представителей избирает один Уезд или Повет, или в малочисленных краях сколько Уездов или Поветов участвуют в выборе одного представителя.

71. Ежели в представительстве какой-либо Державы откроются места, то *исполнительная власть* той Державы немедленно созывает избирателей, чтобы оныя наполнить ³⁹.

72. Палата представителей сама избирает своего Председателя, она одна пользуется правом предавать суду *Сановников Империи*.

Глава VIII

О ДУМЕ ВЕРХОВНОЙ

73. Верховная Дума состоит из трех Граждан каждой Державы, двух Граждан Московской области и одного Гражданина Донской области. Всего 42 Члена. Члены Верховной Думы избираются правительственными сословиями Держав и Областей, т. е. обеими соединенными в одно место Палатами *выборных и Державными Думами*.

74. Немедленно по прибытии в столицу Членов Верховной Думы, они разделяются на три разряда, по возможности равные. Члены первого разряда выходят из Думы по истечении 2-х лет. Члены второго разряда — по истечении 4-х. Члены третьего разряда — по истечении 6-ти лет, так что треть всей думы возобновляется каждые два года новым избранием. Если же в продолжении двух годов между выходами откроются места смертью Членов или увольнением оных, то исполнительная Власть сих Держав сделает временное назначение (если б это случилось в такое время, когда правительное собрание Держав распущено), пока Правительное собрание не заменит оного ⁴⁰.

75. Условия необходимые, чтоб быть Членом Верховной Думы, суть: 30 лет возраста, 9 лет Гражданства в России для иностранца и жительство во время избрания в той Державе, которая его избирает, недвижимого имущества ценою на 1500 фунтов чистого серебра или движимаго на 3000 фунтов чистого серебра.

76. Дума избирает *сама* своего председателя, Наместника председателя и прочих своих Чиновников. Председатель наблюдает за порядком разсуждений, но не имеет голоса. Наместник занимает его место, когда он в отсутствии ⁴¹.

77. Верховной Думе принадлежит Суд над Министрами, Верховными Судьями и всеми прочими Сановниками Империи, обвиненными народными представителями. Никто не может быть объявлен виновным, как только 2/3 ⁴² голосов всех

³⁹ На полях карандашом: NB. Не лучше ли избрать кандидатов? Строкой ниже, тоже карандашом, но другим почерком: Правда.

⁴⁰ На полях конец статьи дважды отчеркнут карандашом; против последних слов приписано: также кандидатами.

⁴¹ На полях чернилами, другим почерком: NB. За что лишить силы ума достойного человека, избранного думою.

⁴² Приписано карандашом: -ми.

присутствующих Членов. Дума не имеет права назначить другого наказания, как только объявить *подсудимаго виновным и лишить его занимаемого им места и звания*. Дальнейшее суждение над виновным продолжается в присутственных местах обыкновенным порядком судебным с присяжными, по письменному обвинению Верховного *Блюстителя* (Генерал-Прокурора) (который лично отвечает Суду, когда обвинение докажется несправедливым). Изобличенный Судом Государственный Сановник подвергается казни, определенной законами.

Дума участвует вместе с Императором в заключении мира, в назначении Судей верховных Судебных мест, Главнокомандующих сухопутных и морских сил, корпусных командиров, начальников эскадр и Верховного Блюстителя. Для сего потребно большинство 2/3 членов Думы ⁴³.

Глава IX

О ВЛАСТИ, ПРЕИМУЩЕСТВАХ НАРОДНОГО ВЕЧА И СОСТАВЛЕНИИ ЗАКОНОВ

78. Народное Вече собирается по крайней мере раз в год. Открытие его заседаний назначается в первый вторник Декабря месяца, доколе законом не будет определено другого срока.

79. Каждая Палата сама судит о правах и выборе своих Членов. В обеих большинство достаточно, чтобы судить о делах, но четвертая часть оных имеет право отсрочивать заседания от дня на день до съезда остальных Членов и уполномочены принудить отсутствующих Членов прибыть к заседаниям таковыми пенями, каковыя будут по сему предмету установлены обеими Палатами.

80. Каждая Палата имеет право сделать свое постановление наказывать Членов своих за непристойное поведение и в случае преступления, *но отнюдь не мнений*, исключить Члена *определением* 2/3 голосов.

81. Заседания обеих Палат публичные. Обе Палаты, однако ж, по предложению Императора разсуждают с замкнутыми дверями, выслав наперед всех посторонних. Сие происходит равным образом в *Палате представителей*, когда 50 Членов оной востребуют тайного совещания и в Верховной Думе по востребованию 5 Членов. Женщины и несовершеннолетние до 17-ти летняго возраста не допускаются на заседания обеих Палат ⁴⁴.

82. Каждая Палата ведет дневные записки своих рассуждений и печатает оные от времени до времени, кроме того, что оне определяют оставить тайным. Мнения Членов каждой Палаты в пользу или против какого-либо предложения должны быть записаны в журнал по востребованию 1/5 части присутствующих членов.

83. Члены Верховной Думы и представители получают из общественной казны вознаграждение за свое служение за каждый день, в котором они присутствовали на заседании, равное 21 золотнику чистаго серебра (5 рубл. серебром). За каждые 100 верст, которые им должно проехать от своего местопребывания до столицы и обратно к себе, получают они также вознаграждение, равное 43 золотникам чистаго серебра (10 рублей серебром).

84. Ни в каком случае, кроме *измены*, преступления и нарушения общественного порядка нельзя брать под стражу Членов Народнаго Веча ни во время заседаний, ни на пути их в столицу, ни во время возвращения их. Нигде нельзя их тревожить за то, что они говорили каждый в своей Палате, и никто не в праве требовать от них объяснений речей их ⁴⁵. Член Палаты, уличенный в преступлении, до приговора судебного исключается своею Палатою.

⁴³ 2/3 *подчеркнуто карандашом; на полях против последних слов карандашом: ?*

⁴⁴ *На полях против слова женщины карандашом: NB.*

⁴⁵ *Сверху надписано карандашом: там произнесенных.*

85. Никакой должностной человек, в службе общественной находящийся, не может быть Членом ни той, ни другой Палаты, пока он будет сохранять свою должность ⁴⁶.

86. Никакой Член Думы, ни представитель в продолжении всего того времени, на которое он избран во сие звание, не может быть назначен ни в какую Гражданскую должность, которая была бы учреждена, или которой бы выгоды были в то время увеличены или умножены ⁴⁷.

87. О всяком предложении налогов или набора ратников должно быть наперед разсуждаемо в Палате представителей; но Дума может делать оным изменения, как и во всяком предложении. Изменения сии в предложении о налогах тогда только становятся действительными, когда Палата Представителей оные допустит ⁴⁸.

88. Всякий проэкт закона прочитается три раза в каждой Палате. Между всяким чтением должно пройти три дни по крайней мере, после каждого чтения происходят разсуждения. После первого чтения проэкт закона печатается и раздается всем присутствующим Членам.

89. Всякое предложение, получившее согласие Думы и Палаты представителей, должно еще быть представлено *Императору*, чтобы получить силу закона. Если Император одобряет предложение, то подписывает оное; если не одобряет, то отсылает с своими замечаниями в ту Палату, в которую оно сначала поступило; Палата записывает в свой журнал все замечания Императора против сего предложения и вновь открывает об оном ⁴⁹ рассуждения. Если после сего вторичного суждения о предложении 2/3 членов остаются в пользу предложения, то оное поступает со всеми замечаниями Императора в другую Палату, которая начнет также разбирать оное вновь, и там, если таковых *большинство* одобряет оное, то становится уже от того *законом*. В подобных сему случаях Члены Палаты должны подавать свои голоса чрез одно выражение *Да* или *Нет*, и в журнале каждой Палаты записываются имена всех Членов, подававших голоса в пользу или против сего *предложения*.

90. Ежели Император по прошествии 10 дней (изключая Воскресных) не возвратит представленного ему проэкта, то оный получает силу закона. Естли же Народное Вече отсрочит между тем свои заседания, то предложение не становится законом. Всякое приказание, решение или прокламация и манифест, требующие содействия обеих Палат (изключая разсуждения об отсрочке заседаний), должно быть представлено Императору и утверждено им, чтоб быть приведенным в исполнение; естли же он отвергнет оное, то оно должно быть снова принято 2/3 обеих Палат сходно с правилами вышеозначенными.

91. Проэкт, отвергнутый одною из Палат, может быть только *вновь* представлен в следующий съезд народного Веча.

92. Народное Вече имеет власть постановлять и отменять законы судные и исполнительные, то есть:

- 1) Издать для России Уложение Гражданское, Уголовное, Торговое и Военное; уста[но]вить Учреждения по благочинию и правила Судопроизводства и внутреннего управления присудственных мест.

⁴⁶ *На полях карандашом:* Ежели членами палат будут одни не служащие обществу — это обидно для тех, которые служат ему и не имеют права вступать в распоряжение.

⁴⁷ *На полях чернилами другим почерком:* Ежели будет злоупотреблений по службам — не должно ли бы сих служб иметь своих представителей? *Ниже карандашом:* NB.

⁴⁸ *На полях приписано и затем вычеркнуто несколько слов.*

⁴⁹ *Дальше написано, но вычеркнуто:* свои.

- 2) Объявлять законом, в случае нашествия или возмущения, что такая область находится на военном положении и под *Военными законами*;
- 3) Обнародовать закон о *Всепрощении*;
- 4) Распускать правительственные собрания Держав в случае, если бы они преступали пределы своей Власти и повелеть *избирателям* приступить к новым выборам;
- 5) Объявлять войну ⁵⁰;
- 6) Устройство, содержание, управление, расположение и движение войск сухопутных и морских, система укрепления пределов, берегов, пристаней, набор, пополнение войск и внутренняя стража зависят от узаконений народного Веча ⁵¹;
- 7) Налоги, займы, проверка расходов, пенсии, жалованья, все сборы и издержки, одним словом все финансовые меры. Но оно не может утвердить никакой бюджет более, нежели на два года;
- 8) Все меры Правительства о промышленности, о богатстве народном, учреждения ямов, почт, содержание сообщений сухопутных и водяных, заведение новых, учреждение банков;
- 9) Покровительствует Наукам и полезным Искусствам: дает сочинителям и изобретателям исключительное право пользоваться определенное число лет их сочинениями и изобретениями ⁵²;
- 10) Постановления правил для награждения ⁵³ Гражданских чиновников устройство порядка службы во всех отраслях управления и статистические отчеты всех частей правительства;
- 11) Получа донесение Министров в случае болезни телесной или нравственной Императора, кончины или отречения, объявляет регентство или провозглашает Наследника Императором;
- 12) Избирает Правителей Держав;

93. Народное Вече не имеет власти учреждать новых конституционных законов, ни отменять существующих, одним словом не имеет права издавать постановлений ни о каком предмете, не помещенном в сем изчислении прав его ⁵⁴.

94. Народное Вече, составленное из мужей избранных народа Русского и представляя Его собою, приемлет наименование Его Величества ⁵⁵.

95. Народное Вече определяет общия налоги и издержки, предоставляя частныя распоряжения правительственных собраний Держав. Существующия долги признаются народным Вечем, который ручается в платеже оных.

96. До будущих установлений Народного Веча, подати остаются те же, за исключением только того:

⁵⁰ На полях карандашом: Не лучше ли отдать власть сию Императору, так как он есть представитель целого народа, то политическия обстоятельства чаще в сих случаях требуют действия одной особы.

⁵¹ На полях чернилами, тем же почерком: Народному Вечу подлежит управление общественными (ныне Государственными) лесами и землями. Далее карандашом другим почерком: NB. Не положить ли это на отчет Министров, которые за это отвечают пред вечем.

⁵² Слово сочинениями подчеркнуто карандашом. Приписано на полях чернилами, почерком основного текста: NB. Имеет право предлагать Держ[авный] Прав[итель] собраниям повсеместное преподавание Закона Божия, языка Российского, Общественнаго Устава и Военных Наук, но отнюдь не может ограничивать в сем смысле свободы оным и частного преподавания. В конце § 92 п. 9 поставлено: NB. Слово награждения вписано сверху.

⁵³ Карандашом на полях: Каждые 20 лет необходимо влекут за собою перемены, а потому надобно собираться нарочно для поправления постановлений.

⁵⁵ Карандашом подчеркнуто слово Величества и приписано частью в тексте, частью на полях: Почти не нужно — лучше оставить титула государю.

- 1) Люди, известные ныне под названием Мещан, освобождаются от платежа излишней, противу экономических и других поселян, подушной подати и сравниваются в платеже с ними ⁵⁶;
- 2) Что не взрослые до 17 лет и достигшие 60-ти летнего возраста равно освобождаются от подушного оклада;
- 3) Что подать сия распространяется на всех остальных Граждан, поелику все равны пред законом и обязаны нести одни и те же повинности.

97. Народное Вече от времени до времени издает в общенародное сведение подробный отчет всякаго общественного прихода и расхода. Казначейство Российское не отпускает никакой суммы, как в следствие утвержденного Народным Вечем закона ⁵⁷.

- 1) Право изменить Устав или избрать другое поколение на Царство принадлежит народному и Государственным соборам, а не Народному Вечу ⁵⁸.

98. Народное Вече не имеет власти ни постановлять, ни запрещать какое-либо Вероисповедание или Раскол. Вера, совесть и мнения Граждан, пока оныя не обнаруживаются противузаконными действиями, не подлежат власти Народнаго Веча. Но Раскол, основанный на разврате или на действиях противуестественных, преследуется присудственными местами на основании общих постановлений. Народное Вече не имеет власти нарушать свободы речей и книгопечатания.

99. Народное Вече не рассуждает в присутствии Императора и в то время не собирают голосов. На речь Императора Председатели обеих Палат должны отвечать, что Народное Вече займется предлагаемыми ему предметами.

100. Народное Вече имеет право взять частную собственность в общественное употребление за справедливое вознаграждение ⁵⁹, но для сего должен быть предварительно выдан Закон обыкновенным порядком, т. е. оный должен пройти чрез обе Палаты и быть утвержден Императором; в сем Законе должны быть изъяснены подробно:

- 1) Количество и настоящая цена имения (частнаго лица или частных лиц), котораго приобретение необходимо для общественного употребления;
- 2) Условия или суммы, предлагаемые частным лицам в вознаграждение за принужденную продажу. К тому же должны быть приложены достоверные свидетельства, что показанная цена имения есть настоящая ⁶⁰;
- 3) Власти, которыя Устав сей не поручает никакому из означенных в оном собраний или сановников, предоставляется всему Народу Русского ⁶¹.

Глава X

О ВЕРХОВНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

I раздел. О Императоре.

II раздел. Временный Правитель.

III раздел. Главы Приказов.

101. Император есть: Верховный Чиновник Российскаго Правительства. Его права и преимущества суть:

⁵⁶ Карандашом на полях: Все будут равны состоянием, но заплатят половину со своих (сначала написано, но потом зачеркнуто: ремесл.) промыслов. Мещанин будет извозничать, мещанин будет бриллианщик, но первый заплатит менее второго.

⁵⁷ Слово закона подчеркнуто карандашом.

⁵⁸ На полях карандашом: П о я с н и т ь.

⁵⁹ На полях карандашом: NB. Какую? Движимую или недвижимую?

⁶⁰ На полях карандашом: Цену покажут присяжные.

⁶¹ На полях отчеркнуто и приписано: Непонятно. По содержанию 3-й пункт представляет самостоятельную статью и, по-видимому, отнесен к ст. 100 переписчиком ошибочно.

- 1-ое. Власть его наследственная по прямой линии от Отца к Сыну, но от тестя она переходит к зятю;
- 2) Он соединяет в особе своей всю исполнительную Власть;
- 3) Он имеет право останавливать действие законодательной власти и принуждает ее ко вторичному рассмотрению закона;
- 4) Он Верховный Начальник сухопутной и морской силы ⁶²;
- 5) Он Верховный Начальник всякого отделения Земских Войск, поступающего в действительную службу Империи;
- 6) Он может требовать письменного мнения главного Чиновника каждого исполнительного Департамента о всяком предмете, с его обязанностью сопряженным;
- 7) Ведет переговоры с иностранными Державами и заключает мирные трактаты с совета и согласия Верховной Думы лишь только две трети присутствующих Членов Думы на то согласились. Трактат, таковым образом заключенный, поступает в число Верховных законов ⁶³;
- 8) Он назначает Посланников и Министров, и Консулов и представляет Россию во всех ее отношениях с иностранными Державами. Он назначает всех Чиновников, о которых не говорено в сем Уставе;
- 9) Не может, однако ж, помещать в трактатах статей, нарушающих права и состояние Граждан внутри Отечества. Равным образом не может включать в оных, без согласий Веча Народного, условий напасть на какую-либо землю, не может уступить никакого участка земель, принадлежащих России ⁶⁴;
- 10) Назначает Судей Верховных судебных мест с совета и согласия Верховной Думы;
- 11) Он наполняет все места, сделавшиеся свободными, когда Народное Вече распущено, и дает от себя постановленным временным Чиновникам Грамоты на сии места, которые имеют силу до окончания первого съезда Думы ⁶⁵.
- 12) Он означает и постановляет по каждой отрасли дел или в каждом Приказе Главу, как то:
 1. Главу Казначейскаго Приказа (М[инистра] Фин[ансов]);
 2. Главу Приказа Сухоп[утных] сил (Мин[истра] Военного);
 3. Главу Приказа Морск. сил (Мор[ского] Мин[истра]);
 4. Главу Приказа Внешних сношений ⁶⁶.
- 13) Он обязан при каждом съезде обеих Палат доставлять Народному Вечу сведения о состоянии России и представлять его суждению принятия мер, которые ему покажутся необходимыми или приличными;
- 14) Он имеет право созывать обе Палаты, а Верховную Думу в случае переговоров или Суда;
- 15) Не может употреблять войск во внутренности России в случае возмущения, не сделав о том предложения народному Вечу, которое немед-

⁶² На полях написано карандашом, затем вычеркнуто: Худо верить такую силу такому человеку, с которым надобно быть в беспрестанной борьбе.

⁶³ На полях карандашом: Гоф.-кригс-рат — смотри замечание на § 92.

⁶⁴ На полях карандашом: Ежели востребует нужда действовать секретно, Министры требуют на то позволения и в следующее вече должны дать отчет в законности своих поступков. Перед словом законности зачеркнуто слово своих.

⁶⁵ На полях карандашом: Какая места? — Зачем же сказано: собираться вече для назначения членов на убылые места? — если военные и гражданския должности. то должно пр... [неразборчиво] предоставить исполнительной власти.

⁶⁶ На полях карандашом: а Министр внутр. дел. — просв...

ленно обязано удостовериться посредством следствия в необходимости Военного положения ⁶⁷;

- 16) По востребованию его обе Палаты разбирают его предложение в тайном совещании, если сие покажется ему нужным;
- 17) Если б Палаты не согласились между собою на время отсрочки их заседаний, то Он может отсрочить оные, но не более как на три месяца;
- 18) Он принимает Послов и Уполномоченных Иностранных Правительств ⁶⁸;
- 19) Наблюдает за строгим исполнением общественных законов;
- 20) Дает Грамоты назначения всем Чиновникам Империи;
- 21) Ему дается титул *Его Императорского Величества* ⁶⁹; никакой другой не допускается. Выражения: «Именное повеление», «Высочайшее соизволение», «Быть по сему» и тому подобное уничтожаются, яко неприличные и не имеющие никакого значения в земле благоустроенной;
- 22) Народное Вече определяет, с каким обрядом новый Император принимает сие звание;
- 23) Император при вступлении своем в правление произносит следующую присягу посреди Народного Веча:

«Я, клянусь торжественно, что буду верно исполнять обязанности Императора Российскаго и употреблю все мои силы на сохранение и защиту сего конституционного Устава России».

102. Кабинет уничтожается; ясык Сибирских народов и все так называемые регалии поступают в общественное Казначейство, но Император получает на содержание свое и своего семейства ежегодно из Общественного Казначейства сумму, равную цене 102 000 фунтов чистого серебра (2 000 000 рублям серебряным), в которых он никому не обязан давать отчета.

103. Особы, составляющие семейство Императора, не отличаются от частных лиц, подчинены тем же учреждениям и тому же влиянию Правительства, как и все прочие и не пользуются никакими особыми правами и преимуществами.

104. Так называемый Двор не может иметь существования, признанного законами в земле благоустроенной, и для того Император властен иметь Обер-Камергеров, Камергеров, Обер-Гофмаршолов, Обер-Церемониймейстеров, Обер-Гофмейстеров, Обер-Шенков, Шталмейстеров, Камер-Юнкеров, Камер-Пажей, Пажей, Штатс-Дам, Гоффрейлин и прочее. Но все сии звания иностранные не дают особам, носящим оныя, права почитать себя в общественной службе, когда оне себя посвятили служению одного лица, и потому оне не получают ни жалованья, ни каких-либо вознаграждений из общественного Казначейства; но Император имеет право давать им жалованье из отпускаемых ему 8 000 000. Сверх того, они лишаются на то время прав Гражданства, т. е. права избирать и преимуществу быть избранным в общественную должность, поелику оне находятся в частном служении ⁷⁰.

105. Правитель Империи не может удалиться из оной без важных неудобств:

1. Ход дел в Правлении замедляется;
2. Равновесие властей разстраивается;
3. Неприлично, чтобы первослужитель Народа находился не среди оного;
4. Народ может претерпеть важные оскорбления в лице его от Иностранцев;
5. Такое путешествие повлечет за собою издержки, возбраненные сим Уставом;

⁶⁷ *На полях карандашом:* Где присутствие вече.

⁶⁸ *На полях карандашом:* Зачем же вечу титулы. Кто его станет титуловать?

⁶⁹ *Слова Его Императорского Величества написаны более крупными буквами.*

⁷⁰ *На полях карандашом отчеркнуто и написано:* Представитель нации должен иметь соответственную званию своему помпу, так как и титулы, которые сами по себе ничего не знача, признаются законами; что же будет значить император, встречающий посланника посреди своих слуг. *Ниже почерком основного текста:* NB.

6. Сверх того, в отдалении от Отечества Император может скорее следовать внушениям иностранных завистников и сделаться орудием их злоумышлений; а потому Император ни в каком случае не имеет права выехать из пределов Отечества, даже в заморские владения Отечества⁷¹.

106. Выезд Императора из России не иначе поставляется, как оставлением оной и отречением от звания Императорского; в таком случае Народное Вече немедленно провозглашает наследника его Императором.

107. Совершеннолетие Императора полагается 18 лет. В случае объявленной Министрами неспособности телесной или нравственной Императора и признанной Народным Вечем, Наследник его заступает место временного Правителя (Регента), буде его временной недуг, место Императора, буде нет надежды на исправление его здоровья.

108. В случае, если б Наследник Императора⁷² не достиг 18-ти летнего возраста, тогда место Правителя России занимает Председатель Думы верховной; председательство же Думы верховной переходит его Наместнику. Через каждые 4 года избирается новый Правитель поочередно — первый раз Думою из всей Палаты Представителей, во второй Палатою Представителей из среды Верховной Думы и так далее, до совершеннолетия Наследника.

109. Член Думы или Народный Представитель, занимающий место Правителя России, во все время получает вознаграждение ежегодное, равное ценности 2000 фунтов чистого серебра (40 000 рублей серебрянных). Временной Правитель пользуется всеми правами предоставленными сим Уставом Императору⁷³.

110. Если бы болезненный припадок или кончина Императора случилась в такое время, когда распушено Народное Вече, то Главы Приказов обязаны под свою ответственность созвать немедленно обе Палаты или по крайней мере Верховную Думу.

111. Женщины не наследуют Императорской власти и не доставляют никому на оную права посредством брака⁷⁴ — общество людей свободных не есть отчина и не может служить венком. Императорское звание учреждено наследственным для удобства, а не потому, чтобы оно было в самом деле семейственным достоянием. Итак, по пресечении мужеского поколения народ учредит вид правления или приступит к избранию другого семейства.

NB. Право сие было провозглашаемо и признано даже теми Императорами Российскими, которые почитали себя источниками всякой власти и следовательно не предполагали никакой власти в народе.

112. Кроме мирных трактатов, отчетов, представляемых народному Вечу о состоянии России, предложение мер или издание законов, грамот Посланникам, Чиновникам Империи и законов, утвержденных Народным Вечем, Император не подписывает ни одной бумаги. Все остальные бумаги, счета, предписания и донесения подписывают Главы Приказов, каждый по своей части, а иногда все вместе, когда дело идет о постановлении для всех общем или когда они подают свое мнение Вечу.

113. Все Гражданские Чиновники, Главы приказов, Правитель временный и проч. могут быть лишены своих должностей, если вследствие обвинения Палатою Представителей уличены будут Думою в измене, разхищении общественной казны или сделали еще какие-либо преступления, и наконец ежели скажутся неспособными.

⁷¹ На полях карандашом против 5-го и 6-го пунктов: NB. Следственно, Император не может быть главным начальником войск, как у меня при § 101.4 сделано замечание.

⁷² Сверху вписано карандашом: еще.

⁷³ На полях карандашом: Почему же Император остается в это время без содержания.

⁷⁴ Последние 7 слов подчеркнуты карандашом. На полях тоже карандашом: Как же зять наследует тестю. Статья: 101.— параграф 1.

114. Всякий Чиновник исполнительной власти отвечает за каждое свое действие, никто не может оправдаться полученным приказанием, ибо в Гражданском быту слепое повиновение не может быть допущено, и всякий исполнитель противузакононого веления будет наказан так, как и подписавший веление. Император не подлежит суждению (если же сам Император лично учинит какое-либо преступление, за которое никто другой не подлежит ответственности, то сие приписывается нравственному недугу Народным Вечем, которым, в таком случае учреждает Регентство, посредством особого Закона) ⁷⁵.

Глава XI

О ВНУТРЕННИХ ВЛАСТЯХ И О ПРАВИТЕЛЬСТВАХ ДЕРЖАВ

115. Правительство каждой Державы состоит из трех отдельных, независимых друг от друга Властей, но содействующих к одной цели, а именно — правительствующей, исполнительной и судной.

Глава XII

О ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕЙ ВЛАСТИ ДЕРЖАВ

116. Правительствующая Власть каждой Державы поручается правительствующему собранию, состоящему из Палаты Выборных и из Думы. Правительственное собрание — в столичном ⁷⁶ городе каждой Державы.

117. *Раздел первый.* О палате Выборных:

- 1) Палата Выборных составлена из членов ⁷⁷, избранных Гражданами на один год. Они вступают в должность в последний вторник Ноября и остаются до послед[него] понедельника Ноября следующего года, в который они заключают свои заседания и расходятся, дабы уступить место своим новым Выборным, которые вступают на другой день, т. е. в последний Вторник Ноября.
- 2) Кто б быть Выборным, должно отвечать условиям в § 5, 1 — жительство в Державе, для иностранного уроженца семилетнее исправление Российского Гражданского звания, не должно находится в подрядах общественных на то время.
- 3) Число Выборных определено следующим образом: каждые 10 000 жителей мужеского пола посылают одного Выборного в Правительствующее собрание своей Державы и так число оных следующие:

I. В Ботническом	Правительственном	
собрании	»	45 Выборных
II. В Волховском	»	181 Выб[орных]
III. В Балтийском	»	75 Выб[орных]
IV. В Западном	»	212 Выб[орных]
V. В Днепровском	»	260 Выб[орных]
VI. В Черноморском	»	345 Выб[орных]
VII. В Кавказском	»	75 Выб[орных]
VIII. В Украинском	»	350 В[ыборных]
IX. В Заволжском	»	245 »
X. В Гамском	»	201 »
XI. В Низовском	»	142 »
XII. В Обийском	»	49 »
XIII. В Ленском	»	25 »
1. В Московском	»	50 »
2. В Донском	»	15 Выб[орных]

⁷⁵ Первая половина статьи отчеркнута на полях карандашом; тут же карандашом замечка: В Гражданском еще можно допустить сие, но в военном слепое повиновение необходимо.

⁷⁶ Сначала написано, потом зачеркнуто: в каждом; в столичном надписано сверху.

⁷⁷ Дальше написано, но вычеркнуто: Выбо...

- 4) Каждый год, в последний Вторник Сентября месяца, имеют быть сходки Граждан для избрания Выборных и четвертой части Членов Державной Думы (кроме первого раза, в который избираются все Члены Державных Дум) под председательством Тысяцкого и его помощников; 4 дни полагаются окончательным сроком для выборов.
- 5) При приведении в действо сего Устава, Тысяцкий утверждает список назначенных Выборных, обнародывает оный в продолжение двух недель, доставляет каждому Выборному от своего имени позыв ехать в Державную Столицу. По приведении же сего Устава в действо, Тысяцкий обязан доставить сей подписанный им и засвидетельствованный список в продолжение двух недель на рассмотрение и суждение Правительствующего собрания, которое от своего уже имени посылает новым избранным пригласительные грамоты. Правитель и его совет участвуют в сем разборе и суждении вместе с обеими Палатами.
118. *Раздел второй* — О Державной Думе.
- 1) Дума составлена из Членов, избранных на 4 года теми же избирателями, как и Выборные и на тех же сходках в последний Вторник Сентября месяца; на первый раз по введении сего Устава все Члены Державных Дум изберутся на одной сходке; в последствии на ежегодных сходках будет избираться только 1/4 часть Думы для замены выбывающей ежегодно 1/4 части Членов.
- 2) Члены Думы должны отвечать следующим условиям: иметь по крайней мере 30 лет возраста, иметь жительство в Державе, которая их избирает на то время и пользоваться уже 9-ти летним Гражданством в России, если они не родились Русскими, быть непорочного поведения, иметь недвижимого имущества, коего цена равнялась 750 фунтам чистого серебра, или движимаго на 1500 фунт. чистаго серебра (от 15 000 до 30 000 серебр[е-ных] рублей).
- 3) Число Членов Державных Дум⁷⁸ полагается около трети числа выборных, а именно:

I. В Балтийской Державе	24	Чл[енов] Думы
II. В Волховской	60	»
III. В Ботнической	15	»
IV. В Западной	70	»
V. В Днепровской	86	»
VI. В Черноморской	115	»
VII. В Кавказской	25	»
VIII. В Украинской	115	»
IX. В Заволжской	80	»
X. В Камской	67	»
XI. В Низовской	47	»
XII. В Обийской	16	»
XIII. В Ленской	8	»
1. В Области Московской	16	»
2. В Донской	5	»

- 4) Дума, по собрании своем, немедленно разделяется на четыре части, по возможности равные, из коих одна ежегодно по жребию выходит и заменяется новыми Выборными, так что в продолжении 4-х лет вся Дума возобновляется.
119. *Раздел третий*. О внутреннем устройстве и власти правительствующих собраний.
- 1) Каждый год правительствующее собрание съезжается в столичном городе Державы в последний Вторник Ноября месяца. Второй съезд оного

⁷⁸ Слово Дум вписано наверху.

- в Сентябре следующего года. Продолжение съезда зависит от большего или меньшего занятия правительствующего собрания.
- 2) Каждая Палата избирает сама своего Председателя и делает постановления для внутреннего своего управления; получив от Тысяцкого списки Выборных, она пересуживает их правильность, посылает пригласительные грамоты тем, кои правильно избраны, уничтожает неправильные выборы и повелевает приступить к новым выборам на сии места. За каждый день заседания Члены Палат получают вознаграждение равное 8-ми золотникам чистого серебра (2 руб. сереб[ренных]).
 - 3) В обеих Палатах выбывшие Члены могут быть снова избраны. Еслиб вдруг по необычайной смертности или иным каким-либо причинам выбыло много Членов, то Палаты имеют право повелеть приступить в Уездах или Поветах к пополнительным выборам ⁷⁹.
 - 4) Никакой должностной человек не может, пока он будет сохранять свою должность, быть Членом ни той, ни другой Палаты. Право делать предложение о постановлениях принадлежит обоим Палатам и исполнительной власти Державы (Правителю) с следующими отличиями. Всякое предложение о налогах поступает сперва в Палату Выборных. Дума может делать в оном изменения, как и во всяком другом предложении. Право обвинять общественных Чиновников принадлежит Палате выборных, право судить их — Думе. Осужденные Думою лишаются своего места и судятся потом в присутственных местах обыкновенным порядком по обвинению письменному Государственного Блюстителя.
 - 5) Заседания обеих Палат происходят при открытых дверях; по предложению Правителя Палаты должны совещаться тайно, равным образом когда в Палате Выборных или в Думе 1/3 наличных Членов того востребует. Каждая Палата ведет дневные записки своих разсуждений и печатает оные от времени до времени, кроме того, что оне определяют оставить в тайне. Ни которая из Палат не может без согласия другой отсрочить своих заседаний более, нежели на 3 дни, ни перенести оных в другое место, кроме того, в котором заседают обе Палаты.
 - 6) Ни в каком случае, кроме *измены*, преступление и нарушение общественного порядка, нельзя брать под стражу Членов Правительствующего собрания, ни во время заседаний, ни на пути их в Государственный город, ни во время возвращения из оного. Члены не отвечают за обнаруженные ими мнения в Палате.
 - 7) Каждая Палата имеет право отринуть предложение другой Палаты или Правителя Державы. Дума однако ж обязана судить чиновников, обвиненных выборными. Предложение, получившее ⁸⁰ согласие обеих Палат, идет на утверждение Правителя Державы. Подпись Правителя Государственного дает оному силу Закона. Государственный Правитель обязан возвратить предложение в ту Палату, в которой оно начало воспринять в продолжении 10 дней с своими возражениями. В противном случае по прошествии сего срока предложение становится законом.
 - 8) Если Правитель сделал возражение против предложения, то происходит в палатах вторичное об оном разсуждение, как и в народном Вече 2/3 голосов решат. Всякое приказание, решение и проч[ее] требующее содействия обеих Палат (исключая разсуждений об отсрочке заседаний) должно быть представлено Правителю и им утверждено. Вообще Правитель-

⁷⁹ На полях отчеркнуто и написано карандашом: NB. Кандидаты.

⁸⁰ Сначала написано: Предположения получившиеся, потом переправлено.

ные собрания руководствуются правилами, изложенными для Народного Веча.

- 9) Правительное собрание каждой Державы имеет право:
 - 1) Делать постановления, касающиеся до внутреннего управления Держав;
 - 2) Делать новое разделение края, более сообразное с нуждами и средствами жителей;
 - 3) Устанавливать, в каких городах или местечках будет происходить выбор народных представителей и каким образом сей выбор должен производиться;
 - 4) Делать всякия постановления, сообразные с сим Уставом и с постановлениями, оными не отмен[енн]ыми⁸¹;
 - 5) Учреждать налоги для собственного управления Державы⁸² и потребностей оной, как то дорог, каналов, строений, издержек на правительственное собрание, плату чиновников исполнительной власти, на судебную часть и прочее, зависят от власти правительственного собрания каждой Державы. Общие налоги для содержания войска сухопутного и морского, крепостей, почт, связей с Иностранными Государствам, вознаграждение Членов народного Веча, палаты Верховных Чиновников, проложение сообщений преобладающих местные средства, одним словом для всех нужд и потребностей всей общины Российской, назначаются Народным Вечем;
 - 6) Делать всякого рода общественные заведения, учебныя учреждения, школы и проч[ее];
 - 7) Содержать и приводить в порядок сообщения;
 - 8) Правительствующее собрание имеет право просить Народное Вече о созыве народного собрания для изменения конституционного Устава.
- 10) Правительственные собрания не могут иметь места в городах, занятых неприятелем или возмущившихся. Если Правительственное собрание останется в таковом случае⁸³, то действия одного противозаконны и теряют свою силу. Равным образом всякие Сановник Империи без исключения, находящийся во власти неприятеля⁸⁴, теряет во время своей неволи и пока не возвратится всю власть и права, коими он облечен. Никакая конституционная, законодательная, судебная, ни исполнительная власть не может существовать в краю занятом неприятелем⁸⁵.

Глава XIII

О ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ДЕРЖАВ

120. Исполнительная власть каждой Державы поручена Государственному Правителю, его Наместнику и Совету. Условия, чтоб быть Правителем, суть следующие:

1. 30 лет возраста, для Иностранца получившего права Гражданства, девятилетнее пользование оным, жительство в той Державе, недвижимое имение, равное ценею 1500 фунт. чистого серебра или недвижимое, равное цене 3000 фунтов чистого серебра (30 000 или 60 000 серебр[еных] рублей)⁸⁶.

⁸¹ На полях отчеркнуто карандашом.

⁸² Вставлено на полях почерком основного текста: и составлять казну частные налоги для собственного управления каждой Державы.

⁸³ Сверху карандашом: месте.

⁸⁴ Последнее слово надписано сверху вместо зачеркнутого: Императора.

⁸⁵ На полях чернилами против начала статьи: НЕ.

⁸⁶ В тексте допущена явная ошибка: вместо слов или недвижимое следует читать или движимое.

121. Чрез каждые 3 года Народное Вече избирает Правителей из списков кандидатов на сие звание, доставленных в оное правительствующими собраниями. Сей выбор производится обеими соединенными вместе Палатами Народного Веча и утверждается Императором.

122. Права и занятия Правителя суть следующие:

1. Подтверждать законы, предполагаемые правительствующим собранием или принуждать оное ко вторичному разсуждению об оном, имеет право предлагать законы на рассмотрение обеих Палат ⁸⁷;
2. Отсрочивает заседания обеих Палат на то время, на которое оне того желают; в случае же, если б оне не были в том между собою согласны, он имеет право, чтоб согласить их, отсрочить их заседания до того времени, которое ему покажется приличным;
3. Не может однако ж, хотя б и в несколько приемов отсрочить заседания Правительствующаго собрания более нежели на 90 дней сряду;
4. Закрывает ежегодно заседания Палаты Выборных и распускает Членов оной накануне последнего Вторника Ноября месяца;
5. В случае заразительной болезни или какой-нибудь другой опасности, угрожающей жизни Членов правительствующаго собрания, он может созвать оное в другом каком-либо городе или месте той державы;
6. Он начинает над Земским войском своей Державы. Не может, однакож, без согласия Правительствующаго собрания высылать оное из пределов Державы. Не может также, даже в случае возмущения, велеть Земскому войску действовать против жителей пока Правительствующее собрание не издаст закона о Военном положении Державы;
7. Назначает по представлению своего совета:
 Державного Блюстителя законов;
 Судей Державных;
 и других Чиновников из числа особ, нанесенных на 1-м списке;
8. Получает ежегодное вознаграждение, равное цене 500 фунт[ов] чистого серебра (10 000 руб. серебр[еных]).

123. Правитель, по окончании своего служения, может быть назначен на то же место вторично только по прошествии четырех лет. Сие правило относится так же ко Наместника его и Советников.

124. В последний Вторник Ноября месяца каждые три года обе Палаты собираются в комнату и приступают вместе к выбору посредством баллотировки Наместника и Советников. Выбор производится ⁸⁸ голосов всех присутствующих Членов.

125. Чтоб быть Наместником Державным и Советником, те же ⁸⁹, что для Правителя.

126. Число Советников для каждой Державы следующее

1. Для Держав:

I. Волховской ⁹⁰

II. Западной

III. Днепровской

IV. Черноморской

VIII. Украинской

IX. Заволжской

X. Камской

} по девяти.

⁸⁷ На полях чернилами, тем же почерком: Правители Держав имеют надзор за находящимися в Державе Чиновниками Министерств.

⁸⁸ Слово производится подчеркнуто карандашом, и сверху надписано: определяется.

⁸⁹ Вписано сверху карандашом: условия нужны.

⁹⁰ Сначала написано: Для Волховской, потом Для зачеркнуто.

2. Для Д е р ж а в:

III. Балтийской ⁹¹	} по семи.
VII. Кавказской	
XI. Низовской	

3. Для Д е р ж а в:

I. Ботнической	} по пяти.
XII. Обийской	
XIII. Ленской	

4. Для о б л а с т е й:

1. Московской	} по пяти.
2. Донской	

127. Из 9-ти — 5-ть, из 7-ми — 4, из 5 — 3 должны находится всегда налицо.

128. Постановления и мнения Совета вписываются в особую книгу и подписываются присутствующими Членами. Обе Палаты имеют право требовать к себе книгу сию для рассмотрения, когда только сие покажется оным полезно.

129. Если Член Совета не согласен с мнением большинства, то имеет право требовать, чтобы мнение его было записано и сполна. Совет участвует во всех мерах и постановлениях Правителя.

130. В случае равенства голосов, мнение Правителя решит. Советники за каждое заседание во все время съездов Правительствующаго Собрания получают то же вознаграждение, что Выборные и Члены Думы.

131. Члены Совета выбывают по третям ежегодно и замещаются, как и бывшие по другим причинам, как сказано в § 118.

132. Наместник Правителя имеет следующие права:

1. В продолжение временного отсутствия правителя⁹² председательствует в совете, но не имеет голоса; итак, совет имеет всю исполнительную власть в отсутствие Правителя.
 2. Если же место Правителя сделалось праздным его смертью, болезнью или по другой какой-либо причине, то Наместник занимает его место совершенно и вступает в его права.
 3. Получает вознаграждение ежегодное, равное цене 150 фунтов чистого серебра (5000 рублей сереб[ренных]).
133. 1) Державный Дьяк;
2) Державный Казначей;
3) Державный Собиратель пошлин.

Все три избираются каждые три года обеими соединенными в одну комнату Палатами.

134. Правитель, Наместник, Блюститель, Дьяк, Казначей и все Гражданские Чиновники могут быть лишены своих... ний⁹³, если вследствие обвинения Палатою Выборных, будут уличены Думою и осуждены за измену, расхищение общественных денег, другие какие-либо преступления или порочное поведение.

⁹¹ Сначала написано: Для Балтийской, потом Для зачеркнуто.

⁹² Вставлено карандашом сверху: наместник.

⁹³ Начало слова загрязнено пятном; по-видимому, следует читать званий.

РАССУЖДЕНИЕ К. П. ТОРСОНА
(Приложение к Конституции Никиты Муравьева.
Из бумаг И. И. Пущина)

Нижней палате предоставляется право обвинять Министров, но верхняя должна разсматривать сии обвинения, и, в случае осуждения, она одна имеет право отпустить и отдать под суд чиновников высших государственных должностей.

Предложение законов низшею палатою поступает на рассмотрение в высшую.

Во время отсутствия депутатов, должно оставаться в столице для совещаний по 3 депутата верхней палаты из каждой державы.

Разделение сих палат показывает преимущество одной пред другою,— одной позволяется думать, представлять и даже требовать, другой вручается обязанность разсматривать основательность требований и предложений,— в случае обвинения Министров низшею палатою, в верхней должны разсматривать справедливость обвинения; следовательно, сим предполагается, что члены верхней палаты должны иметь более сведений в Государственных делах, дабы могли судить поступки человека, исполняющего столь важную Государственную должность, как Министр, а сие доказывает, что члены верхней палаты должны быть избраны из людей известных по уму, опытности в государственных должностях и любви к отечеству.

Кажется ничего нет основательнее и справедливее, как для суждения обвиняемого избирать Судей из людей равного с ним состояния;— с уничтожением различия классов людей, все граждане, сделавшись равными, получают одинаковое право быть вмещенными в каждую палату (лишь бы состояние то позволяло)— учреждение верхней палаты показывает, что занимающие¹ высшие Государственные должности, в случае обвинения, должны судиться членами оной палаты, чем предполагается сохранить равенство между обвиняемым таковым чиновником и его судьями, т. е.² членами высшей палаты, не только по названию, но по уму и опытности в Государственных должностях; сии доводы ясно показывают важность высшей палаты. По сим причинам предполагают из Граждан избирать отдельно две палаты; но как выбор членов в обе палаты предоставлен обществом на державных сходках; то предлежит вопрос, как убедить граждан, чтоб они, справедливо оценя достоинства человека, предназначили Его по способностям заседать в той или другой палате,— как предупредить, чтоб купец или мужик с большим богатством не вошел в сонм верховных судей, тогда как умнейшему, опытнейшему и посевшему в Государственных делах человеку, дверь в палату останется закрытою (потому только, что он не имеет достаточного для сего капитала). Тогда и подрядчику возможно будет судить Министра, не постигая истин правления;— как предупредить, чтоб на выборах по пристрастию не исключили из членов высшей палаты человека достойного, и не вместили бы невежу. Конечно, никто не может доказать, чтоб мужик не был способен рассуждать, но многие ли из них могут занять место столь важное, и что последует из верхней палаты, есть ли в оной половина членов будет собрана из людей только богатых, а не таких, которые своим умом, добродетелями, опытностью и любовью к отечеству должны представить собою римский Сенат во времена Пирра,— сравнение граждан даст одинаковое право на заседание в обеих палатах³ и естли в члены высшей палаты не⁴ выбирать по сказанным достоинствам, тогда в чем будет разность между двух палат, по существу столь различных; в таком случае оной⁵ не будет, и не должно давать преимущества членам одной судить другую; для чего предоставлять разсматривать одной здравость суждения другой, когда члены их равны, и быть может еще Глупейшему дастанется судить благоразумного; в таком случае нет надобности в существовании двух палат (ибо переносом дел в верхнюю только увеличится продолжительность хода дел), тогда все суждения могут производиться в одной палате,— всякая сила для равновесия требует противувесия; по сему⁶ существова-

ние одной палаты было бы неудобно, и потому предполагают противоположить низшей палате высшую, которая хладнокровно и основательно должна рассматривать иногда пылкие и не всегда справедливые требования низшей палаты, — сии рассуждения, рождая мысль, что члены высшей палаты должны состоять из людей, отличных по уму, заслугам, испытанных под бременем Государственных должностей, и преданных своей отчизне, заставляет предполагать, что не справедливее ли будет, если в члены верховной палаты единожды по общему выбору назначить людей с помянутыми качествами, поместя в оные некоторых, хотя бедных, но заслуженных, и определя их число, постановить законом, чтоб впредь числа сего без согласия обеих палат не убавлять и не прибавлять; что Император и каждая палата может предлагать в члены на выбылые места, но чтоб быть избрану должно согласия трех властей. Палата сия составитя из людей известных и будет лавровым венком для Граждан отличных добродетелей, она не изменяясь по воле богачей наемными голосами, не вместит и не потерпит в сомне своем невежд и тогда только будет твердым оплотом между деспотизма и своевольтства. Но если кто из членов ее сделается подозрительным, тогда члены низшей палаты должны его, подобно Министрам, обвинять и требовать суда*.

Подобно как во Франции избираются на 3 месяца для присутствия в уголовном департаменте; у нас члены сих палат могут заменить Сенат и верховный совет.

По конституции Английский король — полный властелин объявить войну, заключить мир, договориться о вспомоществовании своим союзникам, или сделать вознаграждения и уплату неприятелям; но для сих издержек он не может взять из общественного казначейства денег, не может для сих издержек заставить Граждан платить большие подати. И если парламент⁹ признает издержки сии ненужными или вредными для пользы и славы народа, тогда имеет право в оных отказать; и король — неограниченный представитель — не может долго вести войну, в которой нация не примет участия, он должен будет отказать от своих обещаний и своего слова союзникам, если народ того захочет.

Присутствие в столице некоторых членов высшей палаты полезно еще и потому, что они могут надзирать за исполнением⁷ правосудия; и им должно вменить в обязанность ходатайствовать по жалобам из держав подаваемых; для сего полезным кажется присутствие в столице некоторого числа депутатов нижней палаты; сии, получив какую-либо жалобу, должны настаивать у Министров (при помощи членов высшей палаты) о удовлетворении притесненных. Им, т. е. членам верхней и нижней палаты, временно пребывающим в столице, должно дать право разрешать министров сделать новый набор войск или наложить какую-либо подать, когда непредвиденные⁸ обстоятельства, не терпящие отсрочивания до съезда палат, потребуют сих вспомоществований; им дать право разрешать министров и тогда, есть ли бы сии потребовали помощи депутатов, не объявляя причин, которые до времени должны быть в секрете; но в таком случае по прошествии срока (определенного законами) депутаты должны потребовать у Министров объяснения, и по отобрании оных, на общем съезде или по возвращении в державы, отдать отчет в своих поступках; там, в случае употребления во зло общей доверенности, должны быть судимы Министры или депутаты, допустившие сделать вред. Но если по отобрании объяснений от Министров окажется, что они с намерением зла требовали безмолвного повиновения, и зло сие большой важности (как то разрушение конституции, или вольности Граждан¹⁰, тогда, чтоб не дать таковым Министрам времени усилиться¹¹ до съезда депута-

* В оригинале этот текст написан на правой половине листа. — Ред.

В Лондон без позволения лорд-мера не смеют вступать войски, а, находясь в оном, отрядами ходить по городу, но когда Гражданское правительство потребует, то строи воинов тотчас явятся для службы, какую им прикажут.

По конституции Англинский король есть неограниченный Представитель нации к чужим державам; только ему одному принадлежит право мира и войны; но чтоб мир сей или война делали народ Англинский обязанным выполнять статьи договора или жертвовать имуществом на издержки, то оные¹³ трактаты или объявление войны должны утверждены быть Министром, который отвечает своей Головою.

Король Англинский имеет:

1. Тайный совет, который есть ни что иное, как совет с любимцами, лакеями и прод[чими];

2. Совет Министров, который называется совет ответствующих — оный имеет право требовать безмолвного повиновения Палат, объявля, что выгоды и слава нации требует секрета. Но как время тайны пройдет, что больше делается при следующем съезде палат, члены нижняго парламента требуют отчета и Министры должны отвечать своею головою за злоупотребление.

В Англии Генерал Чатам был обвинен в том, что имел секретное повеление¹⁶ от короля доно-

тов^{1*} и причинить большого вреда¹², временные Палаты должны немедленно известить в державы^{2*} о опасности свободы граждан и в то ж время требовать отрешения и суда Министра, посягнувшего на таковое злоупотребление власти.

Для заседания палат не означено места, которое надо определить постоянным, и постановить, чтоб во время заседания ни один вооруженный человек не смел приближаться к оному на определенное расстояние; нарушение такого постановления должно наказываться смертию, хотя бы приказано было Императором.

Император должен быть представителем народа к чужим державам, и потому он должен быть Главою политической власти, он должен иметь право Мира и войны, есть Главный повелитель войск сухопутных и морских, утверждает производства в чины, делает награждения (но не денежные, т. е. временные или пансионные должны утверждать палаты)¹⁴ и потому, чтоб император (при помощи Министров) мог свободно действовать для выгод и славы своего народа, то ему должно дать совершенно полную власть (как выше замечено, требовать безмолвного повиновения всей империи), он и Министры (которые должны составлять его совет) избавляются¹⁵ совещаний с временною палатою из депутатов составленною, дабы секретные дела не выходили в больший круг; но так как особа Императора для народа священна, следовательно, полная власть в его руках может быть опасна для народа и как ему одному предлежит очень много занятий, то чтоб предупредить всякое злоупотребление от большой власти или от недосмотра, могущих пройти в множества дел, которые могут быть вредны для граждан, надлежит постановить, что *Император должен действовать только чрез своих Министров, которые за все дела народу должны отвечать своею Головою*; но чтоб Министры не могли¹⁷ ссылаться, что злоупотребление произошло от Императорского повеления, которого они не видали, и, так сказать, для народа¹⁸ обеспечить министерскую ответственность со стороны Императора, надлежит постановить, что *ни одно повеление Императора без подписи министра (по части которого дело идет) не должно быть выполняемо, Министерское же — без подписи Им-*

^{1*} Сноска автора: Что могло бы отложить суд на Год и более.

^{2*} Сноска автора: Державные головы тотчас должны взять меры и приготовить милицию, о которой сказано будет ниже сего.

силь прямо ему, а не министру. И контр-адмирал Б. был расстрелян за уклонение от сражения, что было предписано ему секретно от короля.

В Англии число войск определяется каждый Год депутатами.

В Англии милициею начальствует в каждом Графстве Лорд-Лейтенант. Она есть верная опора парламента.

Офицеры в милицию выбирают Лорд-Лейтенантом, список коих представляется королю на утверждение; если он не утверждает список сей в продолжении 14 дней от представления, тогда Лорд-Лейтенант объявляет в Газетах ²² список офицеров милиции; офицеры сии должны быть владельцы в тех же Графствах. Если Милиция сберется в полки, тогда, как и ²³ линейной войски, поступают под Начальство военного Министра, от которого получает содержание. И оной назначается Генерал, утвержденный королем; в отсутствие Лорд-лейтенанта начальствуют Милициею 3 депутата того же Графства.

Состав Милиции.

Объявляют всех от 18 до 45 лет в Милицию. Из сего числа избирают по жеребью положенное число на 5 лет, лекарь осматривает их и после они присягают в верности королю и законам отечества. Каждый год 5-ю часть освобождают и комплектуют новую.

Ее раздел на 5 частей.

1. От 18 до 30;
2. » 30 до 45;
3. » 18 до 45; ни одного ниже 14 лет;
4. » 18 до 45; один ниже 14 лет;
5. » 18—45; много детей ниже 14 лет.

ператора принимать законным. Если бы кто ¹⁹ выполнил Императорский указ без подписи Министра, того должно судить и наказать смертию. Сим ²⁰ законом Императору и Министрам дасться полная воля действовать к пользам и славе народа; но сделать что-либо вредное или по деспотическим своим видам Министры Императору не позволят, ибо за сие их Голова есть надежною порукою Гражданам.

Число войск должно определяться Палатами, увеличить или уменьшить оное без согласия обеих палат позволять не должно; чтоб войски не были обременительны Государству, то число их не должно быть очень ²¹ велико, но дабы сим не подвергнуть опасности целост Границ в случае непредвиденной войны, и в случае обольщения некоторых линейных строевых ²⁴ полков или гвардии императором, чтоб противупоставить им силу, то кажется необходимо учредить милицию в каждой державе, которой Голова есть Главный начальник Милиции; в случае внутренних неурядиц, когда Голова должен оставаться в державе, тогда на державном выборе назначается начальником милиции другой, который с оною должен выступить, куда велено будет, но в случае обережения границ от чужих неприятелей, начальник милиции должен быть ²⁵ утвержден Императором. Милиция сия должна обучаться известное число дней в Году и получает содержание от правительства только тогда, как соберется в полки и выступит с своего места. Милиция числом должна равняться войскам; когда депутаты обеих палат объявят злоупотребление Министров большой важности (как выше сказано), тогда державные Головы должны объявить, чтоб Милиция без отлагательства была готова собраться и действовать ²⁶.

Офицеры милиции должны быть из владельцев той же державы. Тогда милиция сия будет твердою опорой вольности Граждан, и быв готова всегда поддерживать власть Палат, даст им силу ²⁷ требовать отчетов от министров; милиция сия тем нужнее, что линейные воины часто бываю преклонены ²⁸ за ничтожные награды на сторону короны, и легко действуют против Граждан, с которыми они считают себя разделенными; но милиционные воины по своей земле, хижины, питают чувства Гражданские считают воинов и правительство своими угнетателями, и потому всегда вступает за своих представителей, пекущихся о сохранении их выгод (в Англии милиция есть меч Парламента).

Естьли понадобится на службу вне Графства своего, Милиция не вся; тогда берут 1-ю часть, потом 2-ю, и так далее.

Милиция должна служить 5 лет в какой бы части Государства служба ее ни потребовалася.

В конституции Англинской запрещается всякому офицеру под штрафом 500 франков входить силою в дома без писменного повеления от судьи мира, который подробно должен означить по какой причине и в необходимом только случае дает оное; в мирное время в отечестве военные всегда судятся Гражданскими законами; естьли солдат по приказанию начальника ²⁹ убьет Гражданина, то его будут судить и повесят, хотя бы то король приказал, но чтоб войски были в дисциплине ³⁰, для сего есть военные законы, которые имеют полную силу во время войны вне отечества; а в мирное ³¹ для удержания военного порядка есть особия постановления.

Но когда Гражданское правительство потребует помощи войск против возмущившихся, тогда они ³² немедленно должны явиться и выполнять все приказания их, хотя бы убийство Граждан произошло.

По конституции Англии: король есть Главный Начальник войск, они не должны другому повиноваться, как только ему одному ³⁷, пока он не нарушает коренных законов королевства; в сем случае самое ³⁸ повиновение объявляется возмущением, и виновного предадут суду ³⁹ по законам Гражданским, какого бы звания и степени он не был. Никакое оправдание (что получил приказание своего начальника)

Определяя число войск, надлежит постановить, что ни один солдат ни отряд, ни под каким видом не должен силою входить в дома граждан, или действовать против оных (хотя бы то сам Император или Министр приказал). В сем случае ³³ за ³⁴ убийство Гражданина ³⁵ должно наказать смертью воина, оное сделавшего, а потом исследовать начальную причину сего убийства и наказать виновных. Но в случае возмущения, когда должно употребить войски, тогда временная палата депутатов в столице, или от всего Государства ³⁶ или Голова в державе, или какое Гражданское начальство потребует сей помощи, тогда воины безмолвно должны повиноваться, что приказано будет; тогда только за убийство Гражданина воин не отвечает — сии меры необходимы, потому что, естьли министр, войдя в замыслы императора, вознамерится действовать ко вреду ⁴⁰ Государства или нарушению постановлений и вольности Граждан, тогда каждый начальник войск должен не исполнять повеления, воспротивясь же оным даст время депутатам обеих Палат, в столице временно прибывающим, потребовать отчета у министра ⁴¹ в подобных поступках и, в случае обвинения его, могут предать суду; в случае же предательства войск, депутаты найдут твердую помощь в милиции.

Император, как Глава исполнительной власти, должен быть Главным начальником войск сухопутных и морских, но ни в каком случае и ни под каким видом не должен лично командовать ⁴² войсками, которые повинуются его повелениям ⁴³, только чрез министра к ним дошедшим; прочие члены Императорской фамилии, хотя могут заседать в верхней палате, иметь название фельдмаршала, Генерал-Адмирал, но не должны иметь никакой существенной власти, оную имеют Министры, и, в случае злоупотребления таковой доверенности, отвечают своею Головою; Император и его фамилии члены могут

не в силах освободить от приговора⁴⁴, даже сам король не имеет права простить (хотя во всяком другом случае может простить или переменить смерть на ссылку), но⁴⁵

Парламент имеет право отказать платеж чужим войскам или державам, естли признает то вредным пользам народа или его славе. Может не дать денег на объявленну войну, не позволит увеличить числа войск, которых в мирное время (ныне) имеется только около 85 000.

писан был Министром, который отвечает гражданам своею Головою⁴⁷; для таковых издержек понадобятся деньги, которых Министры, не имея, должны требовать от палат, а сии, потребовав объяснения, естли найдут, что таковой трактат вреден для пользы и славы народа, тотчас отдадут министра под суд и откажут в помощи. Когда ж утвердят палаты, тогда вся нация должна выполнить (хотя бы депутатов⁴⁸ на державных сборах осудили⁴⁹ и казнили).

Таким образом, уполномочивая императора, дается ему полная власть действовать для пользы и славы своего народа, но употребить во зло такую неограниченную доверенность⁵⁰ Министры его не допустят; в Англии были примеры, что король по своевольству хотел объявить войну или оную продолжать вопреки пользам народа, тогда министр идет в отставку, и в нижнем парламенте восстает против злоупотреблений короля. И тогда нижней парламент отказывает в нужных для издержек деньгах, без которых король должен отказаться от своих планов.

Естли в Государственном казначействе останется значительная сумма денег, то⁵¹ надлежит постановить, что Министры имеют право делать те издержки, которые определены палатами на съездах⁵², употребление же⁵³ оставшихся сокровищ ни Министры, ни Император не имеет права, в случае необыкновенной дороговизны или непредвиденных военных приготовлений, Палаты временных депутатов могут позволить Министру Государственных сокровищ сделать большие против положенных выдачи, и тогда только министры могут сделать расходы больше против назначенных Депутатами обеих палат*.

* Эта часть текста в оригинале написана на правой половине листа.— Ред.

¹ Дальше написано, но вычеркнуто: верхняя д.

² Слова его судиями, т. е. вписаны сверху.

³ Дальше вычеркнуто одно слово.

⁴ Дальше вычеркнуто одно слово, по-видимому: должно.

⁵ Дальше вычеркнуто несколько слов.

⁶ Слова По сему вписаны сверху.*

⁷ Дальше написано, но зачеркнуто: пав.

⁸ Дальше написано, но зачеркнуто: случая.

⁹ Дальше вычеркнуто два слова.

¹⁰ Дальше написано, но вычеркнуто: или.

¹¹ Слово усилиться вписано сверху.

¹² Дальше написано, но вычеркнуто: дол. вер...

¹³ Дальше написано, но зачеркнуто: д.

- ¹⁴ *Дальше зачеркнуто три слова.*
¹⁵ *Дальше написано, но зачеркнуто: без пр...*
¹⁶ *Дальше написано, но зачеркнуто: дт.*
¹⁷ *Дальше написано, но зачеркнуто: оправдывать.*
¹⁸ *Слова Для народа вписаны сверху.*
¹⁹ *Дальше вычеркнуто лишний раз написанное слово: выполнил.*
²⁰ *Слово Сим написано над двумя вычеркнутыми словами.*
²¹ *Слово очень вписано сверху.*
²² *Слова в Газетах вписаны сверху.*
²³ *Дальше написано, но зачеркнуто: регу.*
²⁴ *Слова Линейных строевых вписаны сверху.*
²⁵ *Слово быть вписано сверху.*
²⁶ *Дальше написано, но зачеркнуто: тогда она.*
²⁷ *Дальше зачеркнуто одно слово.*
²⁸ *Слово преклонены вписано сверху.*
²⁹ *Слово начальника вписано сверху.*
³⁰ *Дальше написано, но зачеркнуто: тогда.*
³¹ *Дальше написано, но зачеркнуто: есть.*
³² *Слово они вписано сверху.*
³³ *Слово сем вписано сверху.*
³⁴ *Слово за вписано сверху.*
³⁵ *Дальше зачеркнуто на.*
³⁶ *Слова депутатов... Государства вписаны сверху.*
³⁷ *Слово одному вписано сверху.*
³⁸ *Слова В сем случае самое надписаны сверху вместо зачеркнутого: тогда.*
³⁹ *Дальше зачеркнуто: за.*
⁴⁰ *Перед словами ко вреду и после них зачеркнуты слова.*
⁴¹ *Слова у министра вписаны сверху.*
⁴² *Дальше написано, но зачеркнуто одно слово.*
⁴³ *Написано, но зачеркнуто ему; сверху написано: его повелением.*
⁴⁴ *Слова от приговора надписаны сверху.*
⁴⁵ *Дальше фраза обрывается.*
⁴⁶ *Дальше написано, но зачеркнуто: п.*
⁴⁷ *Дальше стоит неразборчивое слово и вычеркнуто полторы строки.*
⁴⁸ *Дальше написано, но зачеркнуто: осудили.*
⁴⁹ *Слово осудили вписано сверху.*
⁵⁰ *Дальше написано, но зачеркнуто: не.*
⁵¹ *Слово то вписано сверху.*
⁵² *Дальше написано, но вычеркнуто: или врел.*
⁵³ *Дальше зачеркнуто одно слово.*

Приложение V

КОНСТИТУЦИЯ НИКИТЫ МУРАВЬЕВА, НАПИСАННАЯ ЕГО РУКОЮ В КАЗЕМАТЕ КРЕПОСТИ И ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ПРИ ОТВЕТАХ ¹

Донесение Высочайше учрежденному Комитету
от капитана Муравьева

В донесении моем на 16 пункт запроса, сделанного мне Генваря 5-го дня, я изъяснился уже, что не будучи в состоянии представить писанного мною Проекта Конституции совершенно в том виде, в каком он был написан ², сохраняю дух онаго и содержание. В следствие сего имею честь оную здесь представить.

Предполагаемый мною конституционный устав.

¹ Текст печатается с оригинала, хранящегося в ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 10.

² *Дальше зачеркнуто: но что я.*

О РОССИИ ВООБЩЕ

Образ Правления ее Монархический Представительный, одинаковый для всех частей ее.

Разделения оной. Основным разделением принимаются *Уезды*, которые соединяются в Области, равные нынешним Генерал-Губернаторствам. Уезды составлены из городов и волостей, которые делятся на *Сотни* и на *Десятки* домов или Дворов.

Столица предполагалась в Москве, коей Губерния составила бы Округ, независимый от Областей. Итак, следующие были бы центры Управления и Правосудия:

Москва, Столица и Окружной Город.					
С.-Петербург	} областные города	Киев	} областные города	Черкасск	} областные города
Гельсингфорс		Ярославль		Тифлис	
Рига		Воронеж		Тобольск	
Вильна		Саратов		Иркутск	
Смоленск		Казань		—	
				Итого	15

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ И ПРАВАХ ЖИТЕЛЕЙ

Все Русские подчинены одним и тем же Законам без различия состояний, обязаны участвовать в выборах, если отвечают условиям, требуем[ым] Законом, и не отклоняться от должностей, на которые они избраны. Крепостное состояние отменяется. Помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых³ они живут, скот и земледельческие орудия, в оных находящиеся, и по две десятины земли на каждый двор, для оседлости их. Земли же они обрабатывают по договорам обоюдным, которые они заключат с владельцами оных. Они получают право приобретать землю в потомственное⁴ владение.

Все жители, какого бы они состояния не были (если они не порочны перед Законом, пользуются здравием ума, совершеннолетние и не находятся в услужении при ком-либо), имеющие движимого или недвижимого имущества на 500 серебряных рублей, составляют Класс *Избирателей* и *Присяжных*. Гражданские чины и классы отменяются.

За долги всякий отвечает своею личностью и заключается в тюрьму. Служба не освобождает от заключения за долги.

Заключенные за легкие проступки или долги и несовершеннолетние не должны находиться вместе с преступниками; обвиненные с обличенными.

Подушной Оклад распространяется на всех жителей. Оный платится только с 18 лет возраста и прекращается на 60-м году.

В Мирное время безденежной постой войск и взывание подвод возбраняются.

Цехи Мещанские и Гильдии в Купечестве отменяются. Книги подвергаются обвинению в обыкновенных Судилищах при Присяжных.

ОБ ИМПЕРАТОРЕ

Лицо Императора священо и неприкосновенно. Он не подлежит суждению. Он облечен всею Верховною Исполнительною Властью. Он Верховной Начальник всей Сухопутной и Морской Силы, назначает и отменяет по своему произволу Министров, Главнокомандующих армиями и флотами и всех Чиновников Исполнительной власти; представляет Россию во всех ее сношениях с иностранными державами, назначает Посланников и ведет⁵ переговоры.

³ Слово которых вписано над строкой.

⁴ Дальше зачеркнуто: *имение*.

⁵ Дальше зачеркнуто два слова.

Имеет право созывать по своему Произволу обе Палаты Народного Веча и отсрочивать их заседания, но не более как на три месяца. Он предлагает Народному Вечю Проекты Законов, принуждает его ко вторичному рассмотрению принятого или отвергнутого им предложения. В случае Суда он имеет власть созвать⁶ Верховную Думу отдельно. Он заключает Мирные Трактаты с согласия одной Верховной Думы.

Император дает Грамоты назначения всем Сановникам Империи. Его Изображение чеканится на Монетах. Он пользуется определенным на все его Царствование Доходом. Женщины не наследуют Престола. Министерств полагается четыре: Финансов, Иностранных дел, Военное и Морское.

Министры ответственны за всякое противузаконное веление, ими подписанное.

Законодательная власть вверяется Народному Вечю, составленному из двух Палат: Верховной Думы и Палаты Представителей.

ВЕРХОВНАЯ ДУМА

Члены оной должны быть не моложе 30 лет и владеть движимым или недвижимым имением ценою не менее 60 000 серебряных рублей. Они избираются Областными Палатами на 6 лет, от каждой Области по *Три*. И так Дума состояла бы из 45 членов. Дума возобновляется каждые два года по третям.

Дума участвует в заключении Мирных Трактатов и ей одной Министерство Иностранных дел сообщает свои сношения. Трактат, на который она согласилась, пребывает непоколебимым. Ей принадлежит суд над министрами и вообще Сановниками Империи, обвиненными Палатою Представителей, но власть ее судная ограничивается тем, что она имеет только право лишить судимаго его политического Звания, после чего он уже не подлежит Думе, а поступает в обыкновенные Судилища и получает Присяжных. Верховная Дума наравне с Палатою Представителей представляет Законы и отвергает ей предложенные на рассмотрение, если их не одобряет.

Палата Представителей. Каждые 50 000 жителей мужского пола посылают в оную одного Представителя; что составит около 450 членов. Они избираются на 2 года.

Условия, чтобы быть Представителем: Совершеннолетие, здравие ума, непорочность пред Законом и Доверие избирателей. Чиновники, находящиеся на службе, не могут быть избраны ни в ту, ни в другую Палату, равно как и все те, которые приняли на себя казенные подряды и не очистили еще дел своих по оным. Обвинение Чиновников предоставлено Палате Представителей. Народное Вече собирается по крайней мере два раза в продолжении каждого *двузлетия*. Продолжение сих съездов не определено, но зависит от большего или меньшего числа занятий. Обе Палаты от времени до времени печатают журнал своих заседаний, кроме того, что положено будет оставить тайным. Заседания обеих Палат происходят при открытых дверях. В Верховной Думе по соглашению 5-ти членов, а в Палате Представителей по соглашению 50-ти, происходят тайные заседания. По востребованию Императора всегда бывает тайное совещание в обеих Палатах. Когда Дума разсуждает о дипломатических сношениях и Трактатах, то ее заседания всегда должны быть тайные. Народное Вече имеет право распустить Областные Палаты, преступившие пределы своей власти, и повелеть избирателям приступить к новым выборам. Члены Народного Веча получают денежное вознаграждение за всякой день, в который они заседали в своей Палате — равномерно на путевые издержки в Столицу и обратно к себе.

⁶ Далее зачеркнуто: одну.

О составлении Законов. Власть предлагать Законы имеют Министры и члены обеих Палат. Вход в Народное Вече, кроме Министров, имеют еще особенно на то определенные Чиновники от каждого департамента Министерств для доставления сведений и советов членам Веча. Закон принимается или отвергается большинством голосов. Ежели Император не согласится на какой-либо закон, то Он возвращает его с своими возражениями в ту Палату, в которой возник сей Закон. Замечания сии вписываются в протокол Палаты⁷ без сокращений и возобновляется прение. Имена всех членов, противящихся или согласившихся на сей закон, записываются в Журнал и 2/3 голосов необходимы для решения сего прения. После того предложенный Закон поступает в другую Палату, где подлежит таковому же испытанию. Если же Проект при вторичном разсматривании оного принят двумя третями голосов всего Веча, то он становится Законом. Объявление Войны по предложению Министров, принадлежит Вечю. Вече не имеет права ни уничтожить сего Устава, ни даже делать в оном изменений. Право сие принадлежит Народному и областным Соборам, на сей единственно предмет собираемым.

СУДНАЯ ВЛАСТЬ

Пределы оной. Никакой Судья и никакое Судилище не имеет права толковать Закон, ни решить случаи, им непредвиденные, одним словом, не может присвоить себе Законодательной власти. Исполнительная власть, Надзирательная или Полицейская, Хозяйственная или Административная совершенно отделены также от Судной. Равным образом Судилище или Судья не должен никого обвинять, но действует только в следствии жалобы или обвинения. Всякое Судилище или Судья, преступивший сии пределы, подвергается взысканию. С другой стороны, Устав сей не признавал так называемого Полицейского Суда за малые проступки и предоставлял Полиции, Уездным, Городовым и волостным Правлениям только право задерживать виновных и предавать их Суду, от которого уже зависели также и исправительныя наказания. Каждая Область составляла в судебном отношении отдельное целое, подразделенное на *Присуды*, равныя нынешним Губерниям.

ВНУТРЕННЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СУДНОЙ ВЛАСТИ И СТЕПЕНИ ОНОЙ

В каждом Уезде полагались *Совестные Судьи*, в областях *Областные*, а в Столичном Округе *Верховные*.

Об Совестных Судьях. В каждом Уезде, на каждыя 4000 душ мужескаго пола полагается один Совестной Судья, который назначается обыкновенными избирателями и остается в своем звании, буде окажется непорочным, до 70-ти летняго возраста.

Совестный Судья может быть избран из всякаго звания, лишь бы он был в совершенных летах, пользовался доверием жителей, имел постоянное пребывание в Уезде, не находился в другой какой-либо службе и владел бы движимым или недвижимым имением не менее 2000 серебряных рублей, полагая умеренную собственность трудом, промышленностью и бережливостью приобретенную, вернейшим залогом честности и безкорыстия Судьи.

Местопребывание их. Совестный Судья, по избрании своем, не перемещает своего жительства и не обязан жить в уездном Городе. Он обязан только объявить по Уезду, что он имеет свое пребывание в таком-то месте и кроме обыкновенных случаев принимает жалобы по таким-то дням в неделю и в такие-то часы. Объявление сие выставляется на Площадах Уездного Города и значительнейших местечек Уезда. Все Совестные Судьи равны между собою и власть каждого равномерно простирается на весь уезд. Всякий с своею жалобою имеет право идти к

⁷ Далее зачеркнуто: все сполна.

тому из них, к которому имеет более доверенности; но дело, поступившее к одному из них, не может уже быть передано другому, и никто из них не имеет пересуда над решением другого.

Совестные Судьи не пользуются от жителей ни столом, ни подводами, ни деньгами и подвергаются за нарушение сего лишению своего места. Каждый Совестный Судья назначает себе письмоводителя, за которого он отвечает. Никто в уезде не может быть взят под стражу без предписания Совестного Судьи, кроме в случае буйства или насилия. Чиновники Благодичиния, захватив буйных, испрашивают у Совестного Судьи предписания о содержании их под стражею, что Совестный Судья обязан немедленно исполнить. Совестный Судья судит гласно и явно при открытых дверях; посторонние могут приходить во время его расправы. Суд его словесный, сколько возможно. Он имеет право требовать явки свидетелей, которые обязаны повиноваться его позывам. Буде тяжущиеся стороны довольны его решением, то оное становится окончательным. Никакое третье лицо не вправе опровергать оное. Никакая должность несовместна с званием Совестного Судьи. Он может, однако ж, быть избран в Представители и тогда, по возвращении своем, вступает опять в прежнюю должность. Совестный Судья, отлучившийся более, нежели на год по своим делам, теряет свое место.

Каждый Три месяца в Уездном Городе и в главнейших местечках Уезда происходят *Съезды Совестных Судей*, в которые поступают апелляции на частные решения Сов[естных] Судей. Присутствие пяти Сов[естных] Судей, по крайней мере, необходимо для законности Съезда.

Сов[естный] Судья, на решение которого приносят жалобу, не имеет по сему делу голоса, но должен только изложить причины, на которых он основал свое решение.

Уголовные дела не поступают на суждение сих *Съездов*. Сов[естные] Судьи и Съезд имеют право осудить на трехдневное заключение и на пеню, не превышающую цену трех рабочих дней, без Присяжных. Съезды сии объявляются за две недели вперед и происходят с торжественностью. На оных присутствуют Тысяцкий (Исправник) или его Помощник, Уездный Блюститель (Прокурор), Уездный Докладчик (Стряпчий казенных дел), Присяжные, Адвокаты или Стряпчие и свидетели. Жители без различия пола имеют право посещать их. Протоколы и действия Съезда предаются тиснению и всякой пользуется правом писать свои замечания о правильности суждений.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Присяжные. Составление Списка их в каждом Уезде поручается Тысяцкому (Исправнику) и его помощникам. Оный распределяется по *сотням* домов, дабы при каждом востребовании их все *сотни* по очереди участвовали в том и сия тягость уравнивалась бы между жителями. Дела Уголовные и Дела Гражданские (естьли оные не основаны единственно на Актах) происходят с Присяжными.

Присяжные суть двух родов: *Предварительные* и *Окончательные*. Первые рассматривают в уголовном деле одно обвинение, а в гражданском — одну жалобу; они большинством голосов отвергают обвинения нелепые и тяжбы пустые или дают ход делу. Вторые решат дело по прекращении всего прения и решение их должно быть *единодушно*.

Стряпчие или Адвокаты. В Каждом уездном Городе, в Областных и в Столице полагается особое сословие адвокатов, в которое поступают люди, получившие в Университетах аттестаты в том, что они имеют надлежащие сведения в юридических и словесных науках. Они обязаны находиться при *съездах* Сов[естных] Судей, в собраниях Областных и Верховных Судей и за известную плату излагают дела вместо тяжущихся, обвиняющих или обвиненных.

Адвокаты имеют право исключить из своего сословия того, кто бы соделался оного недостойным. Адвокаты находятся в ведении у *Блюстителей* Уездных, Областных и Верховных. (Блюститель соединяет в себе должность Прокурорскую и должность Стряпчего уголовных дел.)

Блюститель есть *истец* по делам Правительства. Он обвиняет в уголовных делах от лица Правительства и от частных лиц, но без возмездия. Кроме сего полагались еще *Докладчики* в Уездах, Областях и столице (Стряпчие казенных дел).

Докладчик есть *ответчик* Правительства в случае частных претензий. Он же в случае, еслиб кто обвиненный не имел адвоката, обязан взять его защиту, но без возмездия, яко чиновник Правительства.

ОБ ОБЛАСТНЫХ СУДЬЯХ И УГОЛОВНОМ СУДЕ

В каждой Области полагается столько Областных Судей, сколько Присудов (Губерний) в оной находится. Сии Областные Судьи избирают себе помощников из числа Сов[естных] Судей, находящихся в Областном Городе (которые заменяют их в случае болезни) и назначают себе Письмоводителей, отвечая за действия тех и других. Областные Судьи избираются *Областными Палатами* из списка особ, имеющих движимого или недвижимого имущества ценою не менее 15 000 серебряных рублей. Они получают ежегодное вознаграждение, равное 3000 серебр. рублей и остаются в сем звании до 70-ти лет, буде окажутся непорочными. Между Областными Судьями происходит ежегодно новое распределение Присудов, с тем, чтобы каждый, по прошествии нескольких лет, объехал всю свою Область.

Каждые шесть месяцев Областные Судьи объезжают свой Присуд и в каждом Уездном Городе держат свои заседания, которых открытие обнародовается за две недели и Присяжные приглашаются.

На сих *Уездных Заседаниях* собираются Сов[естные] Судьи того Уезда и под председательством Областного Судьи решают уголовные дела.

Следствие не производится отдельно от суда, но все сопричастные к делу должны быть явлены и предстать лично. Уездное заседание происходит торжественно, как съезд Сов[естных] Судей. Право обвинять предоставлено всякому, в особенности же Блюстителям. Суд происходит следующим порядком: Свидетелей одной стороны допрашивают Судьи, Блюститель, Присяжные, Адвокат противной стороны и наконец с дозволения и под надзором Судей и посторонние Лица. Потом то же происходит с свидетелями противной стороны. Закон определит судные пошлины на издержки, которые влетят за собою явка свидетелей и их содержание.

После сего *охранные тюрьмы* должны быть очищены, оправданные отпущены, а виновные переведены в *Исправительные* темницы. Надзор за тюрьмами принадлежит Обл[астным] Судьям. Производство Уездных Заседаний печатается в общенародное известие. Дело Гражданское или Уголовное, происходившее с Присяжными, уже окончательное решено и нет на него апелляции, ни пересуда. Дело обдуманное не может быть вторично в Суде, кроме того случая, когда одна сторона представит новые документы или откроются обстоятельства, дотоле неизвестные. В таком случае дело почитается уже новым. *Областное Судилище* принимает апелляции на *Уездные Заседания*, в том только случае, когда вследствие приговора *Окончательных Присяжных* Судьи не тот применили Закон к делу, который следовало.

Все затруднения в применении законов поступают в Обл[астное] Судилище. Никакое Судное дело не выходит из пределов Области и виновные наказуются в пределах оной и не высылаются из оной.

Обл[астные] Судьи кроме того на Общих Собраниях своих в Областном Городе судят Областных Чиновников.

Обл[астное] Судилице судит при открытых дверях и журналы оного предаются тиснению.

Всякий житель, который полагает, что он неправильно заключен Сов[естными] Судьями или лицами, не имеющими права его заключать, или что с ним бесчеловечно поступают в темнице, имеет право просить о том Обл[астных] Судей, которые обязаны немедленно его истребовать к себе, если жалоба им покажется законною, и удостовериться в том. Право просить защиты Обл[астных] Судей предоставляется также родным, знакомым заключенного и, наконец, свидетелям насильственного или незаконного поступка.

О ВЕРХОВНЫХ СУДЬЯХ И ВЕРХОВНОМ СУДИЛИЩЕ

Народное Вече избирает 5 или 7 Верховных Судей, которые пребывают в сем звании до 70 лет, если окажутся непорочными. Они избираются из списка лиц, имеющих не менее 15 000 рублей серебряных имения. Они получают ежегодного вознаграждения 10 000 рублей серебром. Они избирают себе Председателя, который в общем собрании их имеет голос только при равном разделении оных, но назначает вопросы и смотрит за порядком рассуждения и соблюдением предписанных форм. Каждый год они избирают нового Председателя. Они назначают себе так же помощников и письмоводителей, как Обл[астные] Судьи. В[ерховные] Судьи в столичном округе исполняют ту же должность, что Обл[астные] Судьи в своих Обл[астях].

ОСОБЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ ВЕРХОВНОГО СУДИЛИЩА

Верховное Судилице судит Верховных Чиновников, лишенных их звания Верховною Думою. Его суждения гласны, наподобие Сов[естных] Съездов, Уездных Заседаний и Обл[астных] Судилиць и происходят с Присяжными. Журналы оного печатаются.

Все дела, в коих тяжущиеся основываются на каком-либо Мирном Трактате и на Договоре, или жалуются на нарушение Права лиц, принадлежат единственно Верховному Судилицу.

Получа донесения от всех Областных Судилиць и отчеты в действиях их, В[ерховное] Судилице делает замечания тем, которые дают произвольные толкования закону или превращают смысл оного.

В случае неясности или противуречия Законов, В[ерховное] Судилице доносит о том Вечю.

Каждые четырехлетия В[ерховное] Судилице обязано представить Императору и обеим Палатам систематический отчет всех Законов и постановлений, выпшедших в продолжении этого времени, с примечаниями о тех, которые кажутся излишними, темными или противными сему уставу.

О НАДЗОРЕ ЗА СУДНОЮ ВЛАСТЬЮ

На частные действия Сов[естных] Судей жители приносят жалобы в съезды, Сов[естных] Судей, Обл[астным] Судьям, Обл[астному] Правителю и, наконец, Областным Палатам. Всякой Судья за личное действие обвиняется в Уездном Заседании. Судья, уличенный в лихоимстве, подвергается гораздо большему наказанию, нежели тот, кто его подкупил, за нарушение общественной доверенности.

Областные Палаты, если не имеют положительных и ясных улик в виновности Сов[естного] Судьи, но только нравственное убеждение в его неправосудии по общему негодованию Уезда противу него, большинством голосов увольняют его от сего звания. В случае же ясных доказательств, отрешают его и предают суждению Обл[астных] Судей. Жалобы на Обл[астного] Судью подаются в Обл[астное] Судилице, Обл[астному] Правителю, Обл[астным] Палатам, Верховному Судилицу и, наконец, Палате Представителей.

Жалобы на В[ерховного] Судью подаются в В[ерховное] Судилище, Министрам и Палате Представителей. Их Судит Дума Верховная. Когда же они лишены своего звания, то поступают на суд *Столичного Уездного Заседания*.

Заключение *Купчих, Закладных* и всякого рода крепостных актов вверяется нотариусам.

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Областное Управление. Для каждой Области избирается Народным Вечем из числа Кандидатов, представленных Областными Палатами, Правитель Областной на четыре года. Правитель должен быть из числа владельцев в той Области, и иметь имения ценою не менее 60 000 серебрянных рублей, не моложе 30 лет. При нем назначается Наместник, который должен ответствовать тем же условиям и заменяет его в случае кратковременного отсутствия, не вступая однако ж в права его. В случае же смерти Правителя, он заменяет его совершенно.

При Правителе находится *Совет*, который не должен иметь менее 5-ти и более 9-ти членов.

Советники и Наместник избираются Областными Палатами из числа Областных жителей. Советники должны владеть имением не менее 15 000 сер[ебренных] рублей.

В Кратковременные отсутствия Правителя Управление Области поручается Совету под председательством Наместника Правителя, который не имеет голоса, кроме в случае равного разделения оных.

Правитель имеет право отсрочить заседания Палат, но не более как на три месяца и созвать оные, когда оне распущены. В случае возмущения, неприятельского нашествия или заразительной болезни созвать Палаты в другом Городе. Все Чиновники Министерств или Исполнительной власти, пребывающие в Области, находятся под надзором Правителя. Все же Чиновники Областного Управления и все Чиновники Благочиния состоят в ведении его и под его властью.

Когда Правитель лично присутствует, то Советники имеют только совещательный голос. Но каждой из них имеет право требовать, чтобы голос его был вписан в Журнал без всякого сокращения, и чтобы в оном поименно были означены, кто с ним соглашался и кто был противного мнения. Обе Областные Палаты имеют право требовать, когда им заблагоразсудится, Журнал Совета для соображений.

ОБЛАСТНЫЕ ПАЛАТЫ

В каждой Области должны находиться две Палаты, *Областная Дума и Палата Выборных*.

Палата Выборных состоит из Депутатов, выбранных обыкновенными *избирателями*, на каждые 10 000 душ мужеского пола по одному выборному.

Областная Дума в населенных Областях должна быть не более *трети* Палаты выборных, а в малонаселенных не более *половины*.

Условия, чтобы быть членом Областной Думы суть те же, которые требуются от Областного судьи. Выборные назначаются на год, Члены Думы на четыре и каждый год четвертая часть оной возобновляется новыми выборами. Дела Министерств Внутренних дел и Просвещения, равным образом занятия Департамента Путей Сообщения поступают в особое ведомство сих Палат. Оне обязаны во всем соображаться с общими Законами Империи, но имеют право делать частные постановления по предметам внутреннего Управления и учреждать для сего налоги при определенных Законодательною властью ограничениях.

Палаты не могут преступить пределов, оным начертанных; в противном случае Вече имеет власть их распустить. Палаты не могут оставаться в краю возму-

щенном или занятом неприятелем. В таком случае они теряют свою законность и каждый из членов оных подвергается личной ответственности. Палата выборных пользуется правом *обвинять* Областных Чиновников; суд же оных предоставляется Думе.

ПРАВЛЕНИЕ ВОЛОСТНОЕ, ГОРОДОВОЕ И УЕЗДНОЕ

В каждой волости все жители мужеского пола без изъятия или отцы семейств⁸ избирают себе голову, Писаря и волостной *Совет* из 24 человек.

В каждом Городе все владельцы домов избирают из *среды своей* Городничего, Секретаря и Советников сообразно населению Города.

Городовое и волостные Управления, соединясь в Уездном Городе, избирают *Уездного Голову, Секретаря и Уездный Совет*. Управление Уездное и Городовое ни в каком случае не могут состоять из одних и тех же лиц.

Сим Управлениям вручается хозяйственная или административная власть, сбор податей и пр. Судная же и Полицейская власти им вовсе чужды, хотя они пользуются правом брать под стражу нарушителей порядка и тишины и представлять их Полиции или Сов[естному] Судье.

НАДЗИРАТЕЛЬНАЯ ИЛИ БЛАГОЧИННАЯ ВЛАСТЬ (ПОЛИЦИЯ)

В каждом Уезде назначается ежегодно обыкновенными Избирателями Тысяцкий (исправник). Он должен иметь по крайней мере 30 лет, движимого или недвижимого имения ценою не менее 15 000 рубл[ей] серебр[еных]. Он получает ежегодного вознаграждения 1500 рубл. сер[ебром]. Он не должен пользоваться от жителей ни столом, ни деньгами, ни подводами. В противном случае обвиняется перед Областным Судищем и пред Палатою выборных и подвергается взысканию.

Он есть хранитель тишины в Уезде: ему поручено составление Списка Присяжных, который издается им в общепародное сведение. Он задерживает бродяг и представляет Суду. Он имеет вход и голос в Уездном Управлении; он присутствует на *Сходах*, где избираются Представители. Он назначает себе двух или трех помощников (смотря по многолюдству уезда), за которых действия он отвечает. Если Уезд обширен или населен, то он назначает заблаговременно для избрания Представителей или выборных *Три* или *Четыре Сходки* в одно и то же время в разных местах Уезда. На одной присутствует он сам, а на других его помощники. Избрания должны быть окончены в продолжении *четырёх* дней.

По деревням все жители мужеского пола избирают себе в каждом *Десятке* дворов *Десяткового*; в каждой *сотне*, *Сотского*; в волости же *Волостного Старейшину*, которые смотрят за сельским благочинием и подчинены Тысяцкому. Сей последний назначает между Волостными Старейшинами надежнейших в *Окружные Старейшины* и подчиняет им остальных Старейшин. Число таковых Округов зависит от населения и пространства Уезда и определяется областными Палатами по представлению Тысяцкого.

Все владельцы домов в городах избирают из среды своей Чиновников Благочиния, смотря по населению Города, которые равным образом в больших городах разделяются на Сотских Приставов, Частных и Благочинных и так же подчинены Тысяцкому, как и сельския.

О ИЗМЕНЕНИЯХ УСТАВА

Если б нашлась необходимость изменить, усовершенствовать или вовсе отменить сей Устав, то Народное Вече объявляет сие посредством обыкновенного Закона и созывает в Столице или в другом каком-либо Городе на сей предмет *Народный*

⁸ Слова или отцы семейств вписаны над строкой.

Собор. Члены оного должны быть равны числом членам Народного Веча и назначаются теми же Избирателями. Народный Собор не имеет никакой власти и должен только заниматься порученною ему работою. Рассуждения его происходят гласно и печатаются. Все решится в оном 2/3 голосов. Шесть месяцев определяются для приведения к окончанию его поручения. По окончании оного Народный Собор распускается и Председатель оного доносит о том Вечю, препровождая при том *Проект* Собора, который немедленно печатается.

После того другой Закон назначает *Областные Соборы* для обсуждения, принятия или отвержения *Проекта Устава*, сочиненного Народным Собором. Каждая Область назначает в собор свой двойное число Депутатов противу того, которое она имела в Народном Соборе. Областные Соборы созываются все в один и тот же день. Им назначается срок, к которому они должны решительно принять или отвергнуть предлагаемый им устав. И они должны разойтись все в один и тот же день. Они не имеют уже права делать новые соображения, но должны только принять или отвергнуть *Проект Народного Собора*. Для сего нужны 2/3 голосов в каждом Областном Соборе.

Так как Народонаселение Областей весьма не равно, то для принятия или отвержения Нового Устава считаются не Соборы, но 2/3 голосов наличных членов, заседавших в оных.

После того Новый Устав приводится уже в исполнение или остается старый.

Капитан Муравьев

Генваря 13-го дня 1826

К ИСТОРИИ ИДЕЙНЫХ ИСКАНИЙ П. И. ПЕСТЕЛЯ

Вещественные реликвии являются самыми ценными экспонатами историко-революционных музеев. Но они приобретают для нас внутреннее значение только при одном условии: если в мертвом материале дерева, металла или ткани мы сумеем прочесть революционное прошлое, если музейные вещи оживут перед нами как внешние символы общественных отношений. «Воскресить» уцелевшие реликвии — научно-исследовательская задача музея, которая составляет обязательную предпосылку его просветительной работы: только изучив и описав выставленные предметы, мы сумеем вооружить руководителя экскурсий необходимыми фактами и обобщениями; научное изучение материала — единственная надежная база для музейного этикетажа и устных разъяснений.

В настоящее время Музей Революции СССР приступает к планомерному изучению и описанию накопившихся революционных реликвий. Предлагаемая статья является первым опытом подобного исследования: за исходный пункт выбрана ценная историко-бытовая коллекция — масонские знаки декабриста Павла Ивановича Пестеля. До сих пор не существовало никакого описания этой коллекции, значение ее составных частей было неясным, а их связь с революционным движением декабристов оставалась не раскрытой и сомнительной. Задача настоящей статьи — на примере данного экспоната показать приемы научно-описательной работы, предпринятой Музеем Революции СССР.

Масонские знаки П. И. Пестеля имеют свою историю. 13 декабря 1825 г., на основании доноса капитана Майбороды, Пестель был арестован в местечке Тульчин по распоряжению начальника Главного штаба бар. И. И. Дибича. Одновременно генерал-адъютант гр. А. И. Чернышев, специально командированный из Таганрога, поехал вместе с начальником штаба 2-й армии П. Д. Киселевым произвести секретный обыск в квартире Пестеля в местечке Линцы. Дом был оцеплен и подвергнут «строгому осмотру». При этом, руководясь указаниями доносчика, обратили особенное внимание на большой шкаф, в котором Пестель хранил свои бумаги. Отсюда извлекли два запыленных пустых портфеля, полковые документы, письма родных, экономические и военные записки и, наконец, «масонские знаки с патентами на пергамене». Служебные бумаги были сложены обратно и запечатаны; все остальное, в том числе масонские знаки, было забрано и представлено при рапорте 20 декабря 1825 г. главнокомандующему 2-й армией гр. П. Х. Витгенштейну¹. Отсюда масонские знаки поступили в Петербург в распоряжение Следственного комитета и были приобщены к делу Пестеля. Позднее, вместе с другими делами декабристов, интересующая нас реликвия перешла на хранение в Государственный архив и вместе с пестелевскими документами лежала в «особом сундуке» под № 284. В 1900—1903 гг. делопроизводитель архива историк Н. П. Павлов-Сильванский разобрал бумаги Пестеля, разбил их на восемь дел и поместил масонские знаки в особый конверт за № 480². Летом 1917 г., в обстановке угрожавшего германского наступления, материалы Государственного архива были перевезены в Москву и размещены в здании Архива Министерства иностранных дел. Когда позднее был образован Архив Октябрьской революции, следственные

материалы о декабристах влились в его состав и образовали в нем специальный фонд ХХI. Именно отсюда 25 ноября 1925 г. масонские знаки П. Пестеля были извлечены и переданы Музеем Революции СССР для музейной экспозиции.

Таким образом, подлинность сохранившейся коллекции не вызывает никаких сомнений³. Внимание исследователя может быть сосредоточено на других вопросах: какое место занимают данные знаки в системе масонского ритуала? Что говорят они о масонстве Пестеля? и имеют ли они какую-нибудь связь с революционной деятельностью этого декабриста? Ответы на поставленные вопросы нужно искать прежде всего в том следственном деле, к которому были приобщены отображенные «вещественные улики».

Через девять дней после ареста Пестель был подвергнут первому допросу в Тульчине: производившие дознание генерал-адъютанты вручили ему вопросные пункты, на которые он ответил в тот же день, 22 декабря. Первый из поставленных вопросов касался масонских знаков и был сформулирован следующим образом: «С которого времени и к какой масонской ложе вы принадлежали, где были всегдашние или постоянные собрания ее членов и для чего вы сохраняли у себя знаки и патенты общества Масонского после состояния запретительного повеления верховной власти и после данной вами отрицательной подписки, которые обязывали вас немедленно истребить их?». На этот вопрос Пестель дал следующий ответ — единственный прямой и конкретный ответ его тульчинских показаний: «В начале 1812 года вступил я в Масонство и принадлежал к ложе в Петербурге под названием *Amis Réunis*. В 1816 году перешел я в ложу *Трех Добродетелей* потому, что в оной употреблялся русский язык, а в первой: французский. В конце сего же 1816 года или в первых числах 1817 года оставил я совсем Масонство и с тех пор никогда уже с оным никаких сношений не имел. Заседания происходили в Петербурге в особом доме, обществом Масонским занимавшемся. В запретительном повелении Верховной Власти о существовании Масонства не читал я приказания истребить знаки и патенты Масонские. Впрочем, остались сии вещи у меня без истребления по забвению о них. Оне ваялись в числе прочих вещей, я на них смотрел как на игрушки прежних лет и никакой в них не видел ни цены, ни важности»⁴.

Пестель был прав: именной указ кн. В. П. Кочубею, опубликованный 1 августа 1822 г., предписывал закрытие всех тайных обществ, в том числе масонских лож, но ни указ, ни форма обязательной подписки не требовали от масонов уничтожения патентов и знаков⁵. Поэтому сохранение масонских эмблем не могло быть вменяемо в вину, и Пестель мог со спокойным сердцем исповедаться в своем масонском прошлом: он точно указал названия лож, более или менее точно датировал свое пребывание в ложах, конкретным объяснением предупредил вопрос о мотивах перемены ложи и закончил пренебрежительно-ироническим отзывом об увлечениях юных лет. Показание было достаточно ясным и правдоподобным, не вызвало у следователей никаких сомнений и ликвидировало вопрос о масонских знаках в самом начале следственного процесса.

Но показание Пестеля нельзя принимать на веру. Оно давалось в условиях неожиданного ареста и, главное, в тот момент, когда Пестелю была еще не ясна создававшаяся обстановка. Он имел полное основание рассчитывать на успех тактики запирательства и применил ее последовательно, с начала и до конца: ни на один вопрос, кроме первого, он не дал требуемого ответа, ссылаясь на свою непричастность к тайному

обществу и на свое неведение об его деятельности. Но, преднамеренно отрицая свое участие в заговоре, Пестель мог, из такого же обдуманного расчета, затушевать свое масонское прошлое. Естественное недоверие к ответу арестованного укрепляется прежним показанием Пестеля: подписывая в 1822 г. обязательство не принадлежать к масонским ложам, Пестель не выполнил до конца требования рескрипта: упомянул о ложе «Трех добродетелей», но умолчал о первой ложе «Соединенных друзей»⁶.

К счастью, в нашем распоряжении есть достаточно данных, чтобы проверить и дополнить собственноручные показания Пестеля. Принадлежность Пестеля к масонской ложе «Amis Réunis» подтверждается не только списками ее членов⁷, но и патентом, найденным в Линцах и хранящимся ныне в ЦГАОР СССР⁸. Патент составлен на французском языке, напечатан на пергамене и снабжен восковой печатью, заключенной в небольшую жестяную кустодию на сплетенных шелковых ленточках — голубой и белой. Патент гласит следующее:

Почтенная ложа Соединенных Друзей,
законно учрежденная на Востоке С.-Петербурга
Всем Востокам, рассеянным по двум полушариям,
Привет, Единение и Сила.

Мы, нижеподписавшиеся, должностные лица (Dignitaires), чиновники (Officiers) и члены почтенной ложи Св. Иоанна под отличительным названием Соединенных Друзей объявляем и удостоверяем, что брат Михаил Пестель, 19 лет, офицер Гвардейского Литовского полка был возведен в три символические степени королевского искусства. Достойный этой милости в силу своего прекрасного поведения как в ложе, так и в среде профанов, он сумел снискать уважение и дружбу своих братьев по ложе.

Убежденные, что он никогда не уклонится со стези добродетели, мы просим всех масонов оказать ему хороший прием, братски допустить его в свои мастерские и помочь ему всемерной поддержкой, которая может ему понадобиться, точно так же, как мы действуем в отношении наших братьев чужих Востоков, когда дружба приводит их в наш храм.

Выдано на нашем Востоке в первый оборот первого месяца 5812 г. (1-го марта 1812 года престонародной эры). После чего брат Михаил Пестель приложил свою подпись к «ne varietur».

Дальше следуют подписи должностных лиц ложи «Соединенных друзей», в том числе наместного мастера А. Жеребцова и секретаря Дальмаса.

Возраст и служебное положение обладателя патента совпадают с возрастом и должностью Павла Пестеля⁹. Сомнение возбуждает только поставленное в тексте имя *Михаил*; Государственный архив не решился отождествить Михаила и Павла Пестеля и на обложке дела № 479 приписал сохранившиеся патенты двум разным лицам. Но сомнение рассеивается, когда мы всматриваемся в левые поля документа: здесь, за словами «ne varietur» («во избежание подделки») подписано собственной рукой декабриста: «Paul-Michel de Pestel»¹⁰.

Таким образом, документально устанавливается тот момент, когда молодой Пестель получил третью символическую степень — мастера иоанновской ложи «Соединенных друзей». Посвящению в звание мастера должно было предшествовать сначала получение первой степени — ученика, затем второй степени — товарища. Обычно возведение на высшую ступень иоанновского масонства отделялось от первоначального принятия в ложу промежутком в несколько месяцев; иногда в виде

исключения этот срок сокращался. Можно думать, что Пестель перестал быть «профаном» в конце 1811 или в самом начале 1812 г., т. е. приблизительно в то время, которое он сам указывает в своем показании.

Что же представляла собой ложа «Les Amis Réunis» («Соединенных друзей»), в которую вступил 19-летний прапорщик Литовского гвардейского полка? Это была одна из первых масонских «мастерских», открывших свои «работы» с наступлением нового «гуманного» курса. Заполненная представителями дворянской знати, проникнутая настроениями салонного либерализма, она походила на оживленный столичный клуб, в котором звуки масонского молотка сменялись веселыми кантатами и непринужденными беседами. Официально здесь возвещали борьбу с фанатизмом и национальной ненавистью, проповедовали естественную религию и напоминали о триедином идеале «Soleil, Science, Sagesse» (солнце, знание, мудрость). Здесь охотно принимали иностранцев и отличались изысканной галантностью по отношению к дамам. Наряду с «либералистами» — П. Я. Чаадаевым и А. С. Грибоедовым — здесь фигурировали вел. кн. Константин Павлович и министр полиции А. Д. Балашев. Веселые «братские трапезы» оглашались пением жизнерадостных куплетов:

О сколь часы сии прелестны,
Составим купно громкий хор —
Вкушай веселие небесно,
Счастливой вольности собор! ¹¹

Трудно искать серьезного направления в этой ложе, аристократической и пестрой по своему составу, одинаково чуждой и глубокого морального настроения, и сосредоточенной политической мысли. Что заставило Пестеля записаться в члены этой шумной и модной ложи?

По-видимому, мотивы его решения были далеки и от масонской мистики, и от революционных замыслов. Только что — в декабре 1811 г. — он кончил с отличием привилегированный Пажеский корпус. Зачисленный в гвардию, он должен был начать самостоятельную жизнь. Сын сибирского генерал-губернатора не мог похвастаться родовитым происхождением и органической связью с русской аристократией. Он должен был сам завоевывать себе карьеру — постепенно, спокойно и расчетливо. Приобщение к передовому дворянскому кругу было первым шагом на этом жизненном пути. Вот почему интерес к военным и политическим наукам Пестель охотно соединил с нетрудными «работами» у масонского алтаря. Это был тот же мотив, который побудил молодого В. И. Лыкошина послушаться благоразумного совета и через ложу «Соединенных друзей» заранее обеспечить себя полезными связями ¹².

Мы не знаем, помогли ли Пестелю его новые масонские знакомства во время походной жизни в России и за границей. Его масонская биография временно обрывается — на целое четырехлетие. К 1816 г. Пестель приурочивает свой мотивированный переход из ложи «Соединенных друзей» в ложу «Трех добродетелей». Бумаги этой последней ложи сохранились в собрании Рукописного отдела ГБЛ и были отчасти использованы Т. О. Соколовской ¹³; они не только подтверждают тульчинские показания Пестеля, но проливают новый свет на его революционные планы.

Возвращение армии из заграничного похода должно было оживить деятельность масонских организаций. В ложи стали вливаться новые кадры военной молодежи. Старые формы не всегда удовлетворяли изменившимся привычкам и взглядам. Возникла потребность в более замк-

нутых объединениях и в более серьезных начинаниях. Ложа «Соединенных друзей» не перестала быть модной, но ее пестрый состав и поверхностное направление вызывали чувство неудовлетворенности в кругах молодых прогрессивно настроенных масонов¹⁴.

В конце 1815 г. небольшой кружок — преимущественно гвардейской молодежи, членов ложи «Amis Réunis» — решил основать самостоятельную масонскую «мастерскую». Ложа была инсталлирована «самовольно», без предварительного разрешения правительства и при заметном недовольстве покидаемой ложи-матери. Учредители пригласили в качестве великого мастера популярного и разносторонне образованного масона гр. М. Ю. Виельгорского, обойдя менее блестящего и более консервативного Бебера¹⁵. В составе членов новообразованной ложи блещат четыре титулованных имени — будущих членов тайного общества: князей С. Г. Волконского, П. П. Лопухина, И. А. Долгорукова и П. П. Трубецкого. Одним их первых принятых «профанов» был будущий «диктатор 14 декабря». Ложа имела достаточно светский состав (Ланские, А. Б. Голицын, А. М. Муромцев, А. А. Полторацкий и др.), но сохраняла значение небольшого замкнутого кружка — по-видимому, близко знакомых и симпатизирующих друг другу людей. Вплоть до осенних месяцев 1816 г. было очень немного аффилиаций и еще меньше — новых принятий. Заседания заполнялись выборами, церемониями ритуала, время от времени — моральными поучениями или разъяснениями символов. Но в общем вся обстановка ложи «Трех добродетелей» резко отличалась и от мистической сосредоточенности ложи «Умирающего сфинкса», и от столичного клуба «Amis Réunis». Перед нами — рационалистическая среда передовых офицеров, которые ищут опоры для тесного дружеского объединения¹⁶.

После длительного летнего перерыва ложа возобновила свои занятия 5 октября. На первом же заседании кн. С. Г. Волконский выступил с «программной» речью: он горячо призывал усилить деятельность ложи и шире раздвинуть ее ряды: нужно не только аффилировать братьев-масонов, но и принимать в свою среду новых сочленов¹⁷.

Эта мысль встретила живое сочувствие и быстрое осуществление: ложа «Трех добродетелей» начинает пополняться частью выходцами из других «храмов», частью — новопринятыми «профанами». Но ложа не теряет своего прежнего облика: подбор приглашаемых «братьев» происходит под определенным углом зрения; случайные и навязанные члены представляются непрошенными гостями и вызывают открытое недовольство¹⁸. Особенное значение приобретают шесть постановлений ложи: 5 октября аффилируется кн. Ф. П. Шаховской и посвящается в ученики кн. Ф. Ф. Гагарин (впоследствии член тайного Военного общества); 19 декабря происходит аффилиация кн. Ал. Ипсиланти, будущего руководителя греческого восстания, а через неделю — Матвея Ивановича Муравьева-Апостола; 2 января 1817 г. принимается его брат Сергей Иванович, а в конце месяца — Никита Михайлович Муравьев.

Активизация ложи проявляется и в другом отношении: «либералисты» начинают атаку на руководящие должности и 1 февраля одерживают значительную победу: наместным мастером ложи избирается Лопухин, надзирателями — Волконский и Долгоруков, секретарем — С. Трубецкой, ритором — Шаховской¹⁹. Всем этим фактам сопутствует один эпизод, который особо отмечен и подчеркнут в протоколах ложи: на заседании 7 октября (следующее после «программной» речи Волконского) появляется в качестве гостя «брат» Пестель. «Он был принят все-

ми братьями нашей мастерской со всею радостью, какую может доставить созерцание брата, который так дорог вследствие питаемой к нему дружбы. Мастер был истолкователем их чувств; этот уважаемый брат взял слово, чтобы поблагодарить почтенную ложу за то расположение, которое она оказала ему, приобщив его к работам сегодняшнего дня»^{20*}. Обмен речами был произведен на французском языке, который был общепринятым в занятиях ложи.

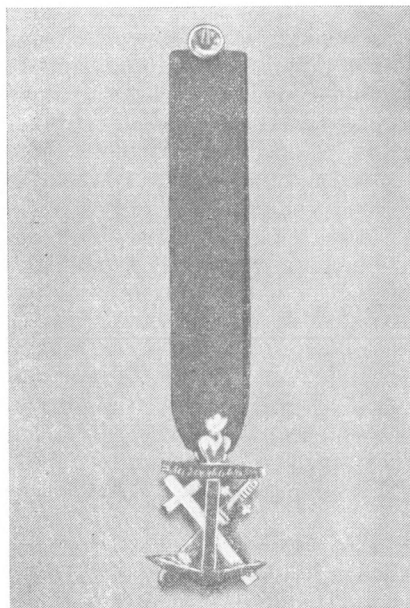
В течение следующих четырех месяцев Пестель не появлялся на заседаниях ложи. Но его имя снова всплывает после решающих выборов, произведенных 1 февраля: непосредственно после баллотировки Пестель предлагается к принятию в число членов ложи «Трех добродетелей». Предложение вызывает единодушное одобрение. 6 февраля 1817 г. — момент, почти совпадающий с утверждением устава «Союза спасения» — Пестель был торжественно введен в заседание ложи, принес клятву на алтаре и после поздравлений сочленов ответил благодарственной речью²¹.

Таким образом, в его тульчинское показание необходимо внести небольшую хронологическую поправку. Вероятно, на этом же заседании аффилированному «брату» был вручен знак иоанновской ложи «Трех добродетелей», сохранившийся в масонской коллекции Пестеля. Знак сделан из бронзы и представляет собой скрещенные меч, крест и якорь, увенчанные пылающим сердцем: символы трех христианских добродетелей — веры, надежды и любви, соединенные с символом неустанной нравственной борьбы, которую обязан вести каждый «свободный каменщик». Верхняя перекладина якоря снабжена двумя надписями: на лицевой стороне выгравировано название ложи: «*des 3 vertus. O. de St P^{re}g*» («Ложа 3 добродетелей. Восток С.-Петербурга»), на обороте — время ее инсталляции: «*11 Ja 1816*» («11 января 1816»). С помощью небольшого колючка знак прикреплен к тонкой ленте из зеленой «струйчатой» (муаровой) ткани, символизировавшей надежду на осуществление идеально-нравственных целей. Знак ложи составлял отличительное украшение мастера и предназначался для ношения в кафтанной петлице.

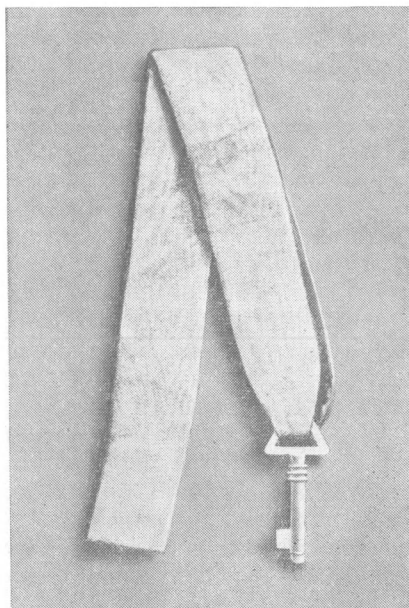
В неразрывной связи с этой эмблемой стоит другой сохранившийся знак из коллекции Пестеля: белый ключик из слоновой кости, с равно-сторонним треугольным ушком и квадратной вогнутой бородкой. Ключик надет на «струйчатую» (муаровую) ленту цвета небесной лазури (символ морального созерцания); он вручался иоанновским мастерам и свидетельствовал об их праве «открывать двери» (т. е. посещать) иоанновские ложи всех символических степеней (ученические, товарищеские и мастерские)²².

После принятия Пестеля деятельность ложи «Трех добродетелей» развивалась в намеченном направлении: постепенно пополняясь новыми членами, она сохраняла характер масонского союза военной молодежи, преимущественно из офицеров гвардии. «Либералисты» быстро повышались в степени товарищей и мастеров²³. Выборы 14 апреля дали им новую, на этот раз решительную, победу: великий мастер генерал-лейтенант Н. М. Бороздин, мешавший выдержанному подбору членов, получил замаскированную отставку²⁴; на его место был избран один из учредителей, член революционного кружка кн. П. П. Лопухин; на должность наместного мастера был приглашен старый и ревностный

* Перевод с фр. Н. М. Дружинина. — *Ред.*

Принадлежавший декабристу П. И. Пестелю знак масонской ложи «Трех добродетелей».

Ключ иоанновского мастера.

масон, инициатор «Союза спасения» А. Н. Муравьев; звание второго надзирателя перешло к кн. Ф. П. Шаховскому, обязанность секретаря принял кн. П. П. Трубецкой; ритором был избран Никита Муравьев и церемониймейстером Сергей Муравьев-Апостол²⁵. Часть членов, по-видимому, отстала и перевес в руководящей мастерской ложе перешел к негласным представителям «Союза спасения». Фактически ложа «Трех добродетелей» превратилась в неофициальный филиал тайного революционного общества.

Сущность всех происшедших изменений делается яснее в свете позднейших показаний арестованных декабристов. Рассказывая о зарождении революционной организации, кн. С. Трубецкой дал следующее ценное пояснение: «Тогда масонство было в большом ходу, Александр Муравьев, бывший тогда молодым человеком с пламенным воображением, пылкою душою, видел в нем какое-то совершенство ума человеческого, предлагал вступить всем в Масоны, но Шипов и я не были Масонами, другие, которые были у нас в виду люди, также не были Масонами, и потому его предложение не было принято, а положено написать небольшой устав для порядка и формы в действии. Устав был написан Пестелем». Дав характеристику «Союза спасения», Трубецкой продолжал: «Александр Муравьев, как я выше сказал, весьма привязанный тогда к Масонству, доказывал, что общество только и может существовать посредством ложи. Он старался и успел сделаться начальником ложи, существовавшей тогда здесь под именем ложи Трех Добродетелей. Но многие члены с ним в сих мыслях не согласовались, попытка его осталась без успеха»²⁶. Показание Трубецкого не совсем точно: его уверения о непринадлежности к масонству документально опровергаются

протоколами ложи, но основное существо его рассказа подтверждают и другие участники «Союза спасения».

Матвей Муравьев-Апостол в одном из своих последних показаний передал следующее: «Александр Муравьев в 1817 году хотел, чтобы общество, которое он составил, действовало через Масонскую ложу: почему и была основана ложа Трех Добродетелей... Князь Лопухин, Александр Муравьев, кн. Долгорукий, кн. Трубецкой, князь Шаховской, Никита Муравьев, брат мой и я принадлежали сей ложе»²⁷. Это показание тоже вызывает некоторые возражения: ложа «Трех добродетелей» была задумана и инсталлирована раньше, чем образовался «Союз спасения». В первый период ее существования — до октября 1816 г. — не обнаруживается никаких признаков преднамеренного революционного плана. Но повторяющееся указание на организационную инициативу Александра Муравьева находит себе полное подтверждение в его собственном показании: «Хотя я и не был начальником ложи, называемой Трех Добродетелей, а был оным князь Лопухин, я же был вторым по нем в ложе сей; но сознаюсь, что имел преступное намерение под покровом сей масонской ложи обезопасить членов общества; почему и старался привлечь в нее членов. Но сие происходило в Петербурге прежде выступления гвардейского отряда в Москву»²⁸.

Таким образом, изменения личного и, в частности, руководящего персонала ложи «Трех добродетелей» приобретают определенный политический смысл. В течение 1816 г. в небольшой группе революционно настроенных офицеров обсуждался вопрос об учреждении тайного общества. Переговоры особенно оживились с наступлением осени, когда из Митавы приехал Пестель, хорошо известный и сильно импонировавший кружку Муравьевых. Выдвигались различные проекты конспиративной организации. Александр Муравьев настойчиво и успешно предлагал облеечь революционное общество в защитную оболочку масонской ложи. Несмотря на возражения Трубецкого (а может быть, и Шипова), большинство друзей разделяло его надежды. Ложа «Трех добродетелей» уже была зачаточной формой политического союза: наряду с другими параллельными образованиями она отражала в себе процесс консолидации передовых представителей армии. Трое активных членов — Лопухин, Долгорукий и Трубецкой — связывали ее с группой Муравьевых. Казалось сравнительно нетрудным воспользоваться готовой, более или менее однородной и замкнутой ячейкой, ввести в нее членов слагающейся политической организации, образовать из них руководящее ядро и превратить масонскую «мастерскую» в лабораторию революционных идей. Первое появление Пестеля 7 октября 1816 г. носит характер предварительной разведки, выяснения состава и обстановки рекомендованной ложи. Проверка дала благоприятные результаты, и план, предложенный А. Муравьевым, был реализован в течение зимних месяцев 1816—1817 гг.

Мирное завоевание ложи «Трех добродетелей» не исключало необходимости образовать крепкое и спевшееся ядро, которое должно было внедриться в распыляющую масонскую организацию и переделать ее по своему образу и подобию. Устав «Союза спасения» сознательно воспроизводил ступени масонской иерархии, ритуал церемоний и клятв, внешний культ строжайшей и сокровенной тайны. Между революционной фракцией («Союз спасения») и облекающей ее полулегальной организацией (масонская ложа) необходимо было установить полное соответствие. Комиссия, избранная для разработки устава, сложилась из четырех масонов, в том числе из «братьев» ложи «Трех добродетелей» — Трубец-

кого, Долгорукого и Шаховского (последний выполнял обязанности секретаря). По общему признанию участников, четвертому члену, Пестелю, выпала наиболее влиятельная и решающая роль: именно он координировал организационные формы «Союза спасения» с привычными формами масонской ложи²⁹. Утверждение устава совпало с первым ощутительным успехом заговорщиков в деле завоевания ложи. Дальнейшие победы явились результатом сознательно и планомерно примененной тактики.

Таковы выводы, которые вытекают из сопоставления протоколов изучаемой ложи и следственных показаний декабристов. Нет никакого сомнения, что Пестель не только поддержал организационный проект А. Муравьева, но принял самое активное участие в его реальном осуществлении. Вступая членом в ложу «Трех добродетелей», он открыто санкционировал ценность предложенного плана и усилил ряды его сторонников не только весом лишнего голоса, но и силою своего морального авторитета. И здесь необходимо внести существенную поправку в его тульчинское показание: предпочтение русского языка французскому не играло решающей роли в его симпатиях к избранной ложе.

Но у нас есть основание утверждать, что участие Пестеля в попытке законспирировать тайное общество было не только более активным, но и значительно более сложным. Давая свои тульчинские показания, Пестель не сказал самого главного: он не расшифровал тех рукописей и важнейших эмблем, которые были изъяты при его домашнем обыске. Разбираясь в этих материалах, мы убеждаемся, что Пестель сознательно умалчивал о наиболее интересной странице своей масонской биографии: о своей принадлежности к высшим степеням шотландского («андреевского») братства.

Из уцелевших реликвий прежде всего обращает на себя внимание второй патент на пергамене, окаймленный сложным масонским рисунком и скрепленный печатью шотландской ложи «Сфинкса». Патент напечатан на латинском языке и включает в себе следующий текст:

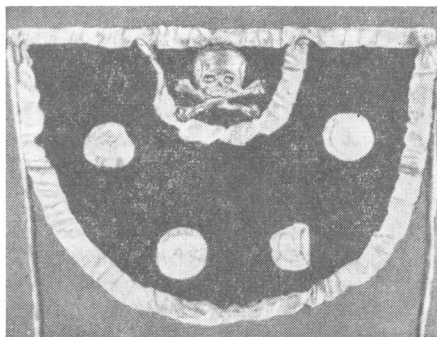
На Востоке Петроградском из ложи правильно устроенной, крепчайшей и блистательной, там, где мир, дружба и равенство царствуют,
в 7-й день первой недели и 12-го месяца февраля
в год Великого Союза 717 и эры престопадной 1817
всем достойнейшим и славнейшим правильным братьям
привет, привет, привет!

Мы, великий мастер, наместный мастер, достойные надзиратели, должностные лица и мастера братства святого Андрея, директорией назначенные в ложу Сфинкса, согласно статутам, украшенные степенями, соответственно отличиям, собравшись на основании правил в достаточном числе, известном истинным братьям, в силу предоставленного нам права удостоверяем, что мы признали братом Павла Пестеля, отличного воина, родившегося в Петербурге в... году, облеченного третьей степенью братства святого Иоанна; его после испытания, в удостоверение нашего благоволения и дружбы, мы поместили среди избранных и впервые присоединили к числу мастеров братства святого Андрея.

В подтверждение чего мы выдали это письменное свидетельство с приложением подписей наших и секретаря, с подвешенными печатами — общества и великого мастера. Славнейших, достойных и дражайших братьев мы умоляем, чтобы они признали его братом и воздали ему подобающие почести, так же как и мы воздаем их союзникам, снабженным подобным документом.

Величайшего Архитектора Вселенной мы просим, славнейшие братья, чтобы он принял вас под свою святую и соразмерную охрану.

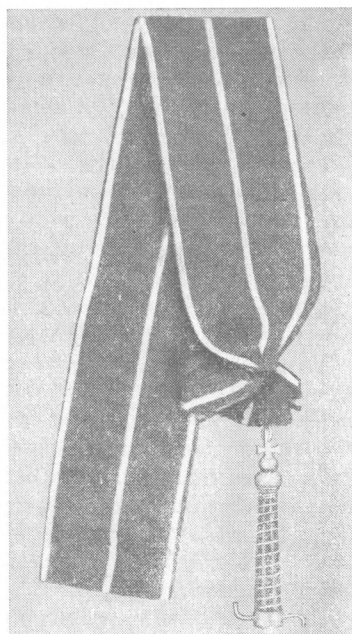
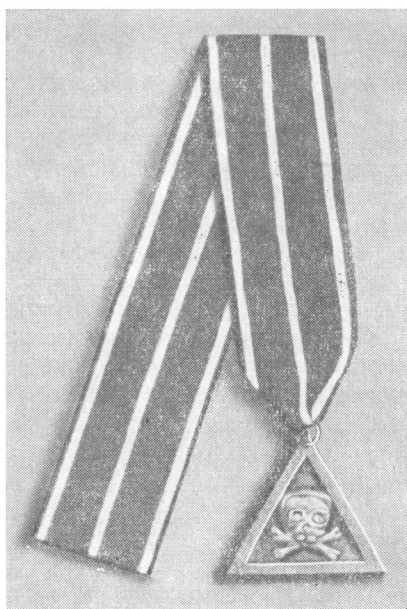
Выдано в Петербурге в вышеуказанный день, месяц и год.

*Залон шотландского ученика
(IV степени).*

*Нашейная лента шотландского
ученика.*

*Перевязь шотландского товарища
(IV степени).*

Следуют подписи «официалов» ложи, из которых выделяются правящий мастер камергер Жеребцов, наместный мастер Оде де-Сион, вводителъ Чекалевский, стюарты Г. Зубов и Д. Нарышкин, секретарь Дальмас³⁰.

Патент дополняют пять масонских эмблем, экспонированных в Музее Революции СССР. Три знака составляют одежду шотландского брата четвертой степени (ученика товарища ложи): это черный замшевый залон (передник) с белой шелковой каймой, четырьмя такими же розетками и мельхиоровым изображением черепа и скрещенных костей на откидном клапане; нашейная лента из черной муаровой ткани, пересеченной тремя белыми шелковыми полосками с мельхиоровым изображением черепа и скрещенных костей в равностороннем прорезном треугольнике; наконец, такая же черная муаровая перевязь с деревянной рукояткой обломанного кинжала, увенчанной мельхиоровым изображением королевской короны. Остальные знаки представляют собой одежду

шотландского брата пятой степени (мастера ложи): 1) белый лайковый запон (передник), обшитый бледно-красным шелком и украшенный пламенеющей вифлеемской звездой с буквой G, двумя скрещенными секирами на откидном клапане (то и другое из бронзы) и четырьмя симметрически расположенными розетками (из бледно-красного шелка); 2) перевязь в виде алой «струйчатой» (муаровой) ленты с узкими зелеными краями, к которой прикреплено бронзовое изображение пламенеющей звезды (сходное с первым)³¹.

Назначение и символический смысл этих знаков выясняются из двух переплетенных рукописей, принадлежавших Пестелю. В обоих — французский текст, начертанный каллиграфическим почерком и обрамленный на каждой странице двойной черной рамкой³². Одна из тетрадей носит заглавие «*Quatrième Grade*» («Четвертая степень»), другая — «*La Maîtrise Ecossaise*» («Степень шотландского мастера»). Вчитываясь в содержание обеих рукописей, мы узнаем в них обрядники шотландских лож шведской системы, аналогичные тем, которые хранятся в Рукописных отделах ГБЛ и Исторического музея в Москве³³. Перед нами проходят описания убранства ложи, ритуалы посвящений, катехизисы и регламенты, разъяснения символов и раскрытия шифров. Из содержания сертификата, помещенного в тетради «*Quatrième Grade*», очевидно, что обе рукописи вышли из ложи «Сфинкса». Описание одежды, вручаемой братьям четвертой и пятой степени, совпадает с внешними признаками масонских знаков, принадлежавших Пестелю.

Что же представляла из себя шотландская ложа Сфинкса и какой смысл заключали в себе ее символические эмблемы?

Как известно, «шотландское» масонство, признавшее своим покровителем апостола Андрея, сложилось в виде аристократического дополнения к «английскому» масонству, считавшему себя под охраной Иоанна Крестителя. Шотландское братство возникло в XVII в. в эмигрантской среде английских якобитов и с самого начала приобрело политический характер. Идее мирного созерцания и нравственного самоуглубления оно противопоставило завет непреклонной и беспощадной борьбы; несложной иерархии и простоте обрядов — причудливое множество степеней и роскошь внешнего ритуала; сравнительной свободе взаимных отношений — систему строжайшей дисциплины и сокровенной тайны. Сплетая свое легендарное прошлое с историей средневековых тамплиеров, шотландское братство обставило свои ложи аристократическими преградами и, постепенно модифицируясь, заимствовало мистические тенденции немецкого розенкрейцерства. Это была попытка падломленной европейской аристократии использовать новое социальное орудие слагавшегося буржуазного общества. Особенно резкие черты приняло андреевское масонство в XVIII в. под непосредственным руководством шведских королей. Эта многостепенная и сложная система была заимствована русской знатью в период ее высшего политического влияния. «Блистательный» Капитул Феникса объединил под орденским знаменем крупнейшие фамилии екатерининской России: Апраксины, Гагарины, Куракины, Долгорукие, Шуваловы и длинный ряд других числились в списках Национальной Ложи под властью Великого Префекта. Гонения Екатерины не оборвали таинственной жизни Верховного Капитула; пережив «годину испытаний», он снова возродился из пепла в обстановке «либерального» царствования. Масонские ложи существовали полулегально и были достаточно известны правительству. Но Капитул Феникса сумел сохранить тайну своей организации и продолжал незримо руководить широкой сетью размножаю-

щихся лож. По-прежнему в шотландские храмы вливаются Голицыны, Волконские, Толстые, Воронцовы, Римские-Корсаковы, виднейшие представители старого братства, которые пытаются возродить блестящий ритуал угаснувшего рыцарства³⁴. Характерные черты этого высшего «андреевского» (или «красного») масонства (в противоположность низшему, «иоанновскому» или «голубому») вскрываются из сохранившихся обрядников, найденных у Пестеля.

Ложа четвертой степени посвящена траурному культу Адонирама, легендарного строителя Соломонова храма, убитого «алчными и завистливыми рабочими». Убийцы успели закопать его труп, но царь, омраченный горем, решил найти и торжественно похоронить дорогое ему тело. 27 братьев, одетых в черные запоны, вооруженных мечами и светильниками, темною ночью проникли к подножию холма, на котором внезапно и чудесно зазеленела акация. Девять отважных мастеров вырыли труп, обернули его в траурные запоны, торжественно внесли в недостроенный храм и погребли его в одном из притворов. В награду за совершенный подвиг царь возложил на 9 избранников черные перевязи с кинжалами, увенчанными изображением его короны, а всем 27 братьям разрешил носить траурные запоны и напейные ленты с изображением черепа на скрещенных костях. Так был основан Орден свободных каменщиков, после разрушения храма эмигрировавший в Шотландию, возрожденный тамплиерами и призванный распространить свою власть на всю вселенную. Посвящение в ученики-товарищи шотландского братства совершалось на фоне этой инсценируемой легенды. Испытуемый должен пройти через залу приготовления по узкой стезе, среди обломков, костей и окровавленных тканей, среди мерцающего света и подавленных вздохов; он должен доказать свою твердость и неустранимость — необходимые свойства мужественного защитника Ордена. С сорванной ветвью акации — символом возрождения — после ряда испытаний и клятв он должен проникнуть в помещение траурной ложи, задрапированной черными тканями, убранной символами смерти, с алтарным балдахином, усеянным серебряными слезами. Окруженный воинствующими братьями, он должен не потеряться под лезвиями обнаженных кинжалов, вынести новые испытания, принести новые клятвы и, доказав свою способность быть смелым и скрытным, получить посвящение в первую высшую степень. Ему вручалась та самая одежда, которую получили первые избранники Соломона. Черный цвет и изображение черепа на запоне и ленте выражали скорбь по убитому Адонираме, напоминали о священном долге предупреждать собратьев о грозящей опасности; белые полосы говорили о душевной чистоте избранников, не виновных в убийстве строителя храма; четыре розетки напоминали о четырех ударах, которыми останки Адонирама были извлечены из-под земли и обломков; наконец, кинжал вручался «для защиты короны, храма, братьев, вдовы и ее детей (масонского ордена) и себя самого», он напоминал о священном долге беспощадной и самоотверженной борьбы за цели шотландского братства. Неофиту сообщались тайные знаки, прикосновения и пароли. Он вступал в конспиративную замкнутую организацию, которая скрывала в себе неразгаданную, влекущую тайну³⁵.

Еще резче проявлялся боевой дух высшего андреевского масонства в следующей ложе — пятой степени. Повышение в звание шотландского мастера связывалось с посвящением на борьбу и страдания во имя «восстановления разрушенного храма». Этой руководящей идее соответствовало внешнее убранство ложи: входивший в помещение видел повер-

женные колонны, напоминавшие о гибели храма; ложа горела красными тканями, окаймленными серебром; тройственный балдахин соединял в себе красный, зеленый и белый цвета — символы пролитой крови, бодрящей надежды и нравственной чистоты; посередине зала возвышалась черная виселица — воспоминание о массовых жертвах казненных тамплиеров. Посвященный подвергался предварительным испытаниям и отказался от собственной воли: с веревкой, надетой на шею, и с кинжалом, занесенным над грудью, он вводился в помещение храма; после усложненных церемоний и многократных клятв он получал четыре посвящающих удара скрещенными шпагами. Ему вручались эмблемы шотландского мастера — андреевский крест на зеленой ленте, красно-белый запон, мужские и женские перчатки, наконец, алая перевязь с пламенеющей звездой. При этом каждый цвет приобретал особое значение: белый — говорил о душевной чистоте, которая должна отличать каждого мастера; красный — напоминал о крови Христа, которая вызвала к священному долгу самоотречения и борьбы, зеленый — символизировал надежду на восстановление разрушенного храма (а в переносном смысле — на завоевание земного счастья). Скрещенные секиры на клапане запона воплощали в себе идею неустанной внутренней борьбы. Наконец, пламенеющая виффлеемская звезда символизировала высший идеал шотландского мастера: познание свойств Вселенной, которая образована четырьмя стихиями, — огнем (Δ), водой (∇), воздухом (Λ), землей (\bar{V}) и одухотворена божественным архитектором, обозначенным буквой «G». Литера «G», кроме того, означала геометрию, высшую из наук, раскрывающую гармонию Вселенной, и Голгофу как символ божественного искупления. Посвященному мастеру вручались акты и привилегии, сообщались пароли и шифры³⁶. Церемония, как вся масонская ритуалистика, строилась на определенном принципе, отчетливо сформулированном в обряднике Пестеля: «Ум сильнее приковывается к предметам, если они поражают зрение, и аллегория глубже запечатлевается в нашей душе»³⁷. Идеология, облеченная в разукрашенную символику, заключала в себе идею рыцарского избрания, постулат бесспорного подчинения орденской власти и завет непреклонной борьбы, не только внутренней — с собственными страстями, но и внешней — с врагами Ордена; в эту основную идеологическую ткань вплеталась мысль о мистическом погружении в неразгаданные тайны Вселенной: аристократический пережиток боевого тамплиерства соединялся с таинственной «наукой» розенкрейцтерства.

П. И. Пестель должен был пройти обе описанные церемонии. Возлагая на себя одежду масона 4-й и 5-й степеней, он сознательно приобщался к высшим градусам «королевского искусства». Какие мотивы руководили им в этом жизненном шаге? Культ аристократии?.. Влечение к мистике?.. Или скрытое намерение расширить свои столичные связи?..

Последний мотив, сыгравший решающую роль по окончании Пажеского корпуса, утратил для Пестеля свое прежнее значение: боевые походы и служба при гр. П. Х. Витгенштейне обеспечили его широкими знакомствами и блестяще начатой карьерой; в Петербурге он бывал короткими наездами и не мог извлечь необходимой пользы из непрерывного посещения масонских собраний; а главное, персональный состав ложи Сфинкса не представлял для него ничего нового: члены андреевского братства *ipso jure* были обязаны состоять братьями иоанновских лож. Посещая шотландский «храм», Пестель должен был встречаться с

хорошо знакомыми лицами. Таким образом, приобщение к высшим масонским степеням не обещало ему никакой личной выгоды.

Аристократические тенденции высшего масонства меньше всего могли привлекать 24-летнего Пестеля: с первых дней своей сознательной политической жизни он был глубоко враждебен аристократической идее. Менялись его взгляды на форму правления, на способы освобождения крестьян, на методы государственных преобразований, но мысль о социально-политическом вреде аристократии никогда не вызывала у него сомнений. В его откровенной исповеди Следственному комитету по делу декабристов подробно рассказана эволюция его политических взглядов. Прежде чем стать революционером, сохраняя воззрения традиционного монархизма, Пестель уже задумывался над отрицательными сторонами общественного неравенства: «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало, а равно и большие преимущества Аристократии, которую я считал, так сказать, стеною, между Монархом и Народом стоящею и от Монарха ради собственных выгод скрывающею истинное положение Народа». В конце концов развитие этой мысли привело Пестеля к глубокому убеждению, что «главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между Массами Народными и Аристократиями всякого рода, как на Богатстве, так и на правах наследственных основанными», что «сии Аристократии... суть главная препона Государственному Благочестию и притом могут быть устранены одним Республиканским образованием Государства»³⁸. Нет никакого сомнения, что и в зимние месяцы 1817 г., повторяя курс профессора Германа и закладывая основы революционного общества, Пестель был так же чужд и враждебен идее аристократии.

Мистические тайны шведской системы едва ли возымели над Пестелем свою притягательную силу. Оставаясь спокойным и трезвым рационалистом, он не испытывал склонности к метафизическим ухищрениям и религиозной экзальтации. Военные и политические вопросы целиком поглощали работу его сознания. Правда, он интересовался вопросами религии и церковной истории: рядом с сочинениями Гельвеция и Бентама на полках его библиотеки стояли не только Библия и Юран, но и реакционно-христианские сочинения Стурдзы и Шатобриана³⁹. Но он скептически относился к догматам христианства, не скрывал своих религиозных сомнений даже от набожной матери и только в последнее время, под влиянием глубокого душевного кризиса, почувствовал потребность в религиозной вере⁴⁰. Суждение Пестеля о масонских эмблемах как завалявшихся игрушках верно отражает его холодный иронический скептицизм: искусственный ритуал и изощренная символика оставались органически чуждыми его позитивному образу мышления. Простой интерес к мистическим течениям не мог подвинуть Пестеля на принятие масонских обязательств, принесение торжественных клятв и разыгрывание сложных церемоний — тем более что мистический элемент не играл такой преобладающей роли в шведской системе: масонский мистицизм можно было гораздо лучше изучить в иоанновской и шотландской ложах Лабзина.

Таким образом, при посвящении в высшие степени Пестелю были одинаково чужды и карьерные соображения, и аристократические симпатии, и мистические чаяния. Но вместе с тем решение Пестеля было вполне обдуманым и приобретало особенное значение в связи с событиями, которые переживало в то время русское масонство.

Возрождение Капитула Феникса дало сильный толчок росту масонских организаций, но состав притекающих членов не всегда соответ-

вовал аристократической идее избранного рыцарства. В несомненной связи с интенсивным развитием торговли и промышленности в масонские ложи проникают иностранные негодянты, русские купцы, типографщики, часовщики, ювелиры; усиливается приток служилой и свободной интеллигенции; все чаще и чаще появляются доктора, учителя, юристы, художники, журналисты, многочисленные чиновники невысоких служебных рангов. Между правящей верхушкой титулованных командиров и расширяющимся слоем буржуазных элементов увеличивается средняя прослойка небогатого дворянства — гвардейских и армейских офицеров, надворных советников, коллежских секретарей. Эта новая общественная среда резко отличается по своим взглядам, симпатиям и вкусам от родовитого барства екатерининской эпохи. Обаяние высоких степеней и внешнего ритуала утрачивает свою силу над новыми общественными кругами. Мещанский идеал христианской добродетели оттесняет на задний план аристократический идеал рыцарской доблести. В недрах петербургского масонства начинается широкое движение против шведской системы с ее таинственными капитулами, многостепенной иерархией и блестящими церемониями. Новая общественная среда требует восстановления старых английских традиций, решительной демократизации братства, полного устранения высоких градусов с их пышной декоративностью и слепым послушанием. Проникнутая духом спокойного рационализма и мирной лояльности, эта среда хочет одновременно отмежеваться и от «таинственных мечтаний» мистиков, и от тайных уставов конспираторов.

Выразителем этого буржуазного течения явился доктор медицины Эллизен, который сосредоточил около себя значительные круги столичных «каменщиков». Завязалась напряженная борьба, которая продолжалась несколько лет и разрешилась организационным расколом русского масонства. Противники высших степеней, примыкая к немецкой системе Шредера, обособились в самостоятельный союз — Великую ложу Астреи, которая постепенно увлекла в свои ряды подавляющую массу русских масонов. Оставшиеся сторонники шведской системы преобразовали свою организацию в Великую Провинциальную Ложу — по-прежнему под тайным руководством Капитула Феникса. Зимой 1816—1817 гг. положение вещей окончательно определилось, между враждующими течениями произошло формальное размежевание и Шотландская Директория печально констатировала отпадение многих высокоуважаемых братьев⁴¹. Пестель получил шотландские степени именно в этот период, когда столичные ложи были охвачены волнениями взаимной борьбы и перед каждым масоном вставал один и тот же вопрос: с кем он пойдет — с поклонниками шведской аристократической системы или с провозвестниками масонской демократической реформы?

Особенное волнение переживала ложа «Соединенных друзей», в которой Пестель по-прежнему принимал непосредственное участие⁴². К концу февраля 1817 г. ложа формально заявила о своем переходе в союз Астреи. Между членами произошел раскол. Некоторые «либералисты» вроде П. Я. Чаадаева предпочли ограничиться тремя иоанновскими степенями; Пестель, не дожидаясь окончательного решения ложи, сделал противоположный выбор — предпочел для себя высшее, андреевское масонство⁴³.

Действительные мотивы этого шага станут для нас понятными, если мы вспомним организационные маневры декабристов в ложе «Трех добродетелей». С точки зрения плана А. Муравьева и Пестеля приобщение

к высшему масонству открывало перед обществом широкие перспективы. Шотландский мастер приобретал важную привилегию — единоличной властью открывать не только явные, но и тайные ложи, недоступные для наблюдения правительства; это исключительное право распространялось даже на те территории, где функционировали легализованные масонские «мастерские». Таким образом, приобретая 5-ю степень, Пестель получал полную возможность не только создавать ячейки из подобранных членов, но и скрывать их деятельность недоступностью масонской тайны. Пестель заблаговременно учел это важное преимущество: уезжая из Петербурга, он постарался получить от Шотландской Директории официальный документ «*Loix, Prerogatives et Privilèges des Maîtres Ecossais*» («Законы, prerogatives и привилегии шотландских мастеров»), который удостоверял сумму его организационных прав. Эта небольшая французская рукопись, переплетенная в красную кожу, с тисненым изображением андреевского креста и сургучными печатями шотландского братства, была захвачена в Линцах вместе с патентами и обрядниками⁴⁴.

Как видно из протоколов андреевской ложи Сфинкса, шотландские мастера, занимавшие руководящие должности, пользовались другим существенным правом: единоличной властью давать шотландские степени иоанновским мастерам, представляя эти действия на последующее утверждение Директории⁴⁵. Таким образом, приобретение высших степеней и занятие орденских постов обещало членам тайного общества возможность передоверять масонские права собственным избранныкам.

Наконец, проникновение в недра шотландских лож давало серьезную точку опоры при завоевании руководящего аппарата. Андреевское братство управлялось сверху, из тайного законспирированного центра. Отсюда направлялся подбор членов не только шотландских, но и иоанновских лож; здесь выносились постановления, которым должны были беспрекословно подчиняться зависимые ложи; тут принимались дискреционные решения относительно братьев, нарушивших свои обеты. Просочиться в эти замкнутые организации Директории и Совета, проникнуть в Капитул Феникса, усилить в нем свои ряды, подчинить своему влиянию Андреевское братство — значило обеспечить полную реализацию задуманного плана. Овладение иоанновской ложей «Трех добродетелей» должно было явиться исходным пунктом широко организованной кампании. Создав «государство в государстве», декабристы могли постепенно провести «своих» иоанновских мастеров в Андреевское братство и постараться образовать тайную шотландскую ложу из числа политических заговорщиков.

Такая мысль, действительно, мелькает при изучении бумаг Шотландской Директории и Верховного Орденского Совета. Ближайшие сотрудники Пестеля по организации революционного союза мало-помалу проникают в шотландские «мастерские»: кн. П. П. Лопухин и Ф. П. Шаховской вступают в ложу Сфинкса, Александр Муравьев — баллотируется в ложу Александра Златого Льва; летом 1817 г. кн. Лопухину и А. Муравьеву удается подняться до седьмой степени — Рыцарей Храма, а к январю 1818 г. их имена уже сияют в Капитуле Феникса наряду с фамилиями гр. М. Ю. Виельгорского, С. С. Ланского, гр. Г. И. Чернышева, гр. Ланжерона и других. Кн. П. П. Лопухин числится вторым герольдом под орденским именем «Рыцаря Восходящего Солнца» («*Eques a sole oriente*»), Ал. Муравьев выступает под орденским именем «Рыцаря Гранаты» («*Eques a granato*»). Наконец, близкие им по настроению кн. П. П. Трубецкой и кн. С. Г. Волконский проникают первый — в чис-

ло товарищей ложи Сфинкса, второй, — мало-помалу повышаясь, в число рыцарей Верховного Капитула⁴⁶.

Учитывая всю совокупность указанных фактов, мы можем выяснить истинные мотивы масонских «увлечений» Пестеля. Им руководила не страстная эмоция, а спокойный и обдуманный расчет. Принимая точку зрения А. Н. Муравьева, Пестель должен был предпочесть не открытые и строго лояльные ложи Астреи, а замкнутую и строго иерархическую шведскую систему. Масонство как сумма религиозно-нравственных принципов и масонство как совокупность символических образов были для него одинаково безразличными. В разветвленном объединении «вольных каменщиков» он видел организационную точку опоры для возникающего революционного союза. Соединение кажущейся легальности с замаскированной тайной, широкое привлечение сторонников с планомерным подбором заговорщиков, добровольное подчинение суровой дисциплине — такова была руководящая задача Пестеля. Масонство было терпимо правительством и действовало почти открыто. Воспользоваться его организацией казалось важным, но только при одном условии: если в широких рамках контролируемых лож можно было построить вторую, скрытую фракционную организацию. Голубое масонство Астреи отрезало всякие пути для подобной тактики, шотландское масонство Капитула Феникса давало для нее готовые сложившиеся формы.

Такая организационная задача предполагала определенный взгляд на цели и характер революционного общества. Конспиративная и замкнутая форма была необходима не для салонной пропаганды, а для активных действий. Давая свое «Историческое обозрение», Никита Муравьев не скрывал от следователей, что устав «Союза спасения» «проповедовал насилие». Раз отдавшись революционной идее, Пестель развивал ее до последних логических выводов. Правда, он не сразу выработал свою программу республиканского равенства и тактику революционного террора. Теоретически он оформил свои воззрения значительно позже, но внутренне, интуитивно он уже был определившимся якобинцем. В своем докладе о разработанном уставе «Союза спасения» он апеллировал к опыту якобинского Комитета общественной безопасности. Спокойный либерализм кн. Трубецкого не простил Пестелю этого выступления: «Восстание против этого было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое навсегда поселило к нему недоверчивость»⁴⁷. Тем не менее якобинский устав, построенный на началах строгой иерархии, суровой дисциплины и планомерной конспирации, был принят учредителями, вероятно, не сразу, а после настойчивого сопротивления Трубецкого и Шипова. Это организационное произведение Пестеля отразило в себе не только его масонские планы, но и его революционное направление. Пестель координировал формы «Союза спасения» с формами масонской ложи, но он предпочел масонские формы именно потому, что они казались ему подходящей оболочкой для боевой, строго дисциплинированной организации.

Правда, осуществление задуманного плана должно было встретить серьезную преграду в пестром и далеко не революционном составе масонских лож. Было бы трудно изолировать тайное общество от соприкосновения с инородными элементами, обеспечить конспирацию на три фронта — от правительства, от обыкновенных масонов и от низших степеней революционного союза. Но необходимо помнить, что масонство начала XIX в. уже не было той консервативной цитаделью, какую оно представляло непосредственно после подавления восстания Пугачева. Новые

общественные слои, влившиеся в масонские организации, принесли с собой и новые политические настроения. Несмотря на подчеркнутую лояльность, столичное и провинциальное масонство постепенно поддавалось модному либерализму. Сопоставляя «Законы Шотландских лож» в двух последовательных редакциях (1782 г. и 1818 г.), мы видим заметную разницу в важнейших формулировках: требование «благословенной преданности государю, на земле живому образу господу», запрещение каких бы то ни было суждений о религиозных и политических вопросах исчезают из основных параграфов устава⁴⁸. Во главе Капитула оказывается образованный и чутко настроенный гуманист своего времени гр. М. Ю. Вильгорский. Среди столичных «каменщиков», задолго до появления тайного общества, начинают циркулировать революционные документы французского «Востока»⁴⁹. По-видимому, создавалась обстановка, которая давала некоторую надежду если не преобразовать русское масонство и не подчинить его своему влиянию, то, по крайней мере, обезвредить его консервативные тенденции.

Попытка А. Муравьева и Пестеля не была единичной и случайной. Независимо от них, но одновременно с ними, зимой 1816—1817 гг., разрабатывали проект революционной масонской организации два молодых радикальных офицера гр. М. Ф. Орлов и гр. М. А. Дмитриев-Мамонов. Задуманный ими Орден русских рыцарей во многом напоминает проект А. Муравьева и Пестеля⁵⁰. Орден должен был объединить «всех истинных сынов Отечества», выдвинуть вдохновляющий лозунг «Взойди, заря свободы» и, противопоставляя «право прирожденной свободы» «патриархальному правлению», доказывать «крайнюю необходимость» конституционных законов. Подобно пестелевскому союзу, Орден строился на принципе активного действия: «Тарпейская скала тиранов» была ближайшей целью его революционной тактики. Наконец, в соответствии с планом Пестеля тайное общество облекалось в формы масонской организации, получало иерархию степеней и обставлялось символическим ритуалом; культ боевого тамплиерства лежал в основу его разработанного устава. Посвященный неопит под остриями мечей и при блеске молнии приносил клятву поражать тиранов, «читать и лобызать кинжал, коим поразится похититель прав, чести и свободы Отечества», «умереть за свободу», «не страшиться оков, бичей, темницы, пыток, яда, пистолета и кинжала».

В интимном письме М. Ф. Орлову М. А. Дмитриев-Мамонов признавался, «что степени — не более как *безделушки, детские игрушки*» в сравнении с политической задачей Ордена: в этих словах звучит та же мысль, которая вызвала позднее ироническое суждение арестованного Пестеля о внешних эмблемах «каменщиков». Сходство можно проследить дальше. Самый дуумвират Орлова — Дмитриева-Мамонова во многом напоминает союз Пестеля с А. Муравьевым: в лице гр. М. А. Дмитриева-Мамонова и А. Н. Муравьева перед нами выступают экзальтированные масоны, которые бросают идею о политическом использовании масонской формы и являются проводниками внешней символики; в лице гр. Орлова и Пестеля мы видим уравновешенных и расчетливых политиков, которые заполняют масонскую форму внутренним политическим содержанием. И здесь и там — стремление завоевать молодую военную аристократию импонирующим культом благородного рыцарства.

Но рядом с чертами несомненного сходства мы видим между обоими проектами существенные отличия. Судя по сохранившимся данным, программа рыцарского Ордена носила более определенный и более ари-

стократический характер: с одной стороны, она требовала федеративной республики, с другой — закладывала основы влиянию могущественной земельной знати. К сожалению, сведения о социальных и политических desiderata «Союза спасения» очень ограничены; всё, что мы знаем, сводится к двум обобщающим формулам: введение представительного правления и освобождение помещичьих крестьян. Учитывая всю дальнейшую эволюцию и тайного общества, и его руководителей, можно предполагать, что первоначальная программа, действительно, носила неопределенно-распылчатый характер, одинаково отвечая позициям умеренного и радикального течения. Кроме того, Орден русских рыцарей строился на ином организационном принципе. По мысли Александра Муравьева и Пестеля, революционное общество должно было, выражаясь словами Н. Тургенева, «состоять в масонской ложе»⁵¹, составлять его скрытую, законспирированную фракцию; для лучшего соблюдения тайны создавалась двойная масонская оболочка — внешняя, в форме обыкновенной ложи, и внутренняя, в виде упрощенной, но повторенной иерархии и, отчасти, ритуалистики. По проекту Орлова — Дмитриева-Мамонова масонская ложа и революционное общество сливались в одно неразрывное целое: соблюдение тайны обеспечивалось исключительно введением степеней и принесением клятв; между революционным ядром и окружающим миром устанавливалось меньше организационных преград; руководящий центр и его ближайшая периферия подвергались большей опасности быть раскрытыми и ликвидированными. Нужно признать, что схема А. Муравьева — Пестеля больше соответствовала и неоформленности политических воззрений, и требованиям строгой конспирации; она оказалась гораздо жизнеспособнее и окончательно заслонила собой проект Орлова — Дмитриева-Мамонова. Узнав о возникновении «Союза спасения» и о принципах его устава, учредители Ордена русских рыцарей быстро распустили свою организацию. Тем не менее факт одновременного образования двух тайных политических обществ в масонской оболочке так же характерен, как параллельная мысль Н. Тургенева о плодотворности организационных идей иллюминатов⁵².

Проект М. А. Дмитриева-Мамонова восходит к масонско-мистическому революционизму эпохи Великой французской революции: «канву» своего плана он почерпнул из влиятельного издания «La bouche de fer», которое выпускали Фоше и Бонневиль. Можно предполагать, что проект А. Муравьева зародился под тем же влиянием французского революционизированного масонства: участие А. Муравьева в высоких степенях «парижского Востока» хорошо известно из протоколов Капитула Феникса⁵³. Но идеологическое воздействие иностранных источников только облегчало развитие естественного процесса: перерастание масонских лож в политические организации было общим явлением в конце XVIII и начале XIX столетия.

При всей разнородности своего состава и сложной пестроте идей масонский орден сохранял некоторые основные черты, которые помогают уяснить его социально-историческую природу. Возникшее в буржуазно-демократической среде послереволюционной Англии масонство втянуло в себя разнообразные общественные слои и было использовано в противоположных политических целях. Но в принципе оно оставалось космополитическим братством во имя преобразования жизни на началах морального совершенствования. Присущей ему основной тенденцией было стремление к равенству всех людей — идея, неизменно пронизывавшая его учение и символику. В противовес государству оно исходило из кри-

тики существующего положения, в противоположность церкви оно вдохновлялось идеалом земного благополучия. Создавая тайную организацию, независимую от власти и церкви, масонство апеллировало не только к свободе совести, но и к свободе мысли — даже в нелепых крайностях своих мистических увлечений. Силою вещей масонские ложи превратились в обширный и скрытый плацдарм, на котором зарождались и боролись разнообразные умственные течения, формировалось и крепло независимое общественное мнение. В рамках масонства нашел себе выражение тот же социально-политический кризис, который породил просветительную литературу и подготовил Великую французскую революцию. Масонство сыграло роль переходной идеологической и организационной формы на великом историческом рубеже, отделяющем феодальное средневековье от буржуазной Европы: идеологически оно пролагало путь доктрине либерального индивидуализма, организационно — предшествовало политическим клубам и партиям. Чем ближе надвигалась борьба с абсолютизмом, тем резче обнаруживалась буржуазно-демократическая основа масонского движения. Работа французского историка Мартэна «Франк-масонство и подготовка Французской революции» показывает, какое крупное значение приобрели масонские ложи накануне Великой французской революции в распространении ее основных идей, формировании политических кадров, подготовке выборов в Генеральные штаты⁵⁴. Немецкое иллюминатство пыталось сыграть аналогичную общественную роль в более отсталой Германии. На территории Италии масонские ложи сплетались с «вентами» карбонариев. В Швейцарских кантонах масонство стало орудием революционных эмигрантов, в частности французских бабувистов⁵⁵. Наконец, в Польше в оболочку масонской ложи был замаскирован Национально-революционный союз, основанный патриотом Лукасинским⁵⁶. Везде и всюду масонство ценилось как форма общественного сплочения, не только охраняющая тайну организации и боевой подготовки, но и способствующая подбору людей определенного идеологического устремления. При отсутствии независимых политических обществ и недостатке организационного опыта русские провозвестники буржуазной революции не могли не вступить на этот испытанный путь.

Однако попытка русских революционеров не имела практического успеха: масонские формы были быстро отброшены и развитие тайного общества пошло по самостоятельному организационному пути. Впоследствии сами участники пробовали давать объяснение неудаче своего плана. По мнению Матвея Муравьева-Апостола, источник неудачи крылся в технических неудобствах: сам инициатор отказался от своего проекта «потому, что все время заседание ложи занято масонскими работами и что всякий масон имеет право приехать в ложу»⁵⁷. Трубецкой обратил внимание на другую сторону дела — на разногласия в среде самих учредителей; рассказав на следствии о вступлении А. Муравьева в ложу «Трех добродетелей», он прибавил: «Но многие члены с ним в сих мыслях не согласовались, попытка его осталась без успеха и он, оставшись в Москве, вышел в 1818 году в отставку, оставил ложу, из которой и бывшие в ней члены общества вышли».

Но разногласия были шире и глубже, они касались основного вопроса об организации «Союза спасения» и коренились в различных взглядах на задачи тайного общества. Тот же кн. Трубецкой разъяснял впоследствии в своих записках: «Масонские формы, введенные в заседаниях и в принятии членов, затрудняли действие общества и вводили какую-то таинственность, которая была в противности с характером

большей части членов. Они хотели действия явного и открытого, хотя и положено было не разглашать намерения, в котором они соединялись, чтобы не вооружить против себя неблагонамеренных... И потому положено было, через непродолжительное время, изменить в этом отношении устав, как признанный неудобным в приложении»⁵⁸. Еще точнее показания Никиты Муравьева: указав на техническую громоздкость обрядов и присяг как на причину медлительных действий образованного «Союза спасения»⁵⁹, он сообщил и конкретные мотивы его ликвидации. Расширяя состав своих членов, тайное общество пригласило присоединиться Михаила Муравьева, И. Г. Бурцева и Петра И. Колошина. «Но они не иначе согласились войти, как с тем, чтобы сей устав, проповедающий насилие и основанный на клятвах, был отменен и чтобы Общество ограничилось медленным действием на мнение. Итак, „Союз спасения“ рушился после трех или четырех месяцев существования. Все формы оного были уничтожены и бесконечные прения возникли, какое дать устройство Обществу». И. Д. Якушкин вполне солидаризировался с Никитой Муравьевым в оценке пестелевского устава: «Особливо вознегодовал он против клятв и слепого повиновения, который Устав сей требовал от первых двух степеней к воле Бояр и от самих Бояр решению большинства голосов. Он показал Устав сей г. Фонвизину, который разделил его образ мыслей»⁶⁰.

Таким образом, непосредственные участники движения указывают три основных момента, которые сорвали организационный план Александра Муравьева и Павла Пестеля: громоздкость масонских форм, невозможность вполне законспирироваться и разногласия в среде членов.

Нельзя отрицать, что масонская ритуалистика должна была осложнить деятельность тайного общества; но ее отрицательные стороны искупались в представлении Пестеля ее положительными чертами: она создавала непроницаемый покров для революционного центра и способствовала более осторожному подбору членов. К тому же, масонский элемент в «Союзе спасения» был значительно смягчен и упрощен, а ритуальные работы в масонских ложах никогда не мешали им выполнять функции общественных собраний.

Гораздо серьезнее другое соображение — невозможность для революционной ложи совершенно изолировать себя от консервативной части масонов. Специфические особенности ложи «Трех добродетелей» — радикализм ее состава и, вероятно, революционность ее собраний — были замечены и вызвали тревогу. «Староверы» поспешили организовать контрманевры и в конце концов сочли себя полными победителями. После восстания 14 декабря 1825 г. старый масон Р. Кусаков писал Я. Ф. Скарятину: «Мне кажется, что если бы покойный император не уничтожил масонских лож, то не удалось бы карбонарству столько усилиться. На нашей памяти, как мы парализовали карбонариев ложи „Трех Добродетелей“, ни в каких правилах сей секты не успели они сделать прозелитов, даже принуждены были выйти из членов от нестерпимости слышать учение истины христианской. Иные же затейливые головы образумились, как то А.Н.М...» (А. Н. Муравьев. — *Н. Д.*)⁶¹. Кусаков был не вполне точно осведомлен: «карбонарии» не упразднили своей секты — они вынесли ее за пределы масонской ложи гораздо раньше, чем победили консервативные столпы Ордена.

Опасность извне, со стороны масонов-противников была вполне реальной. Но главный удар плану А. Муравьева и Пестеля был нанесен с другой стороны — из недр самого «Союза спасения». С отъездом Пестеля

оппозиция снова подняла голову. Умеренное крыло, не желавшее боевой программы, выдержанной конспирации и строгой дисциплины, пополнилось новыми членами. К Трубецкому и Шипову присоединилась не только вновь принятая группа Михаила Муравьева, но и московские члены — И. Д. Якушкин и М. А. Фонвизин. Восставая против масонского ритуала, они старались свести на нет ярко революционные черты «Союза спасения». Братья Муравьевы-Апостолы держались неопределенной позиции, по-видимому, склоняясь на убеждения противников громоздкой обрядности. Кн. Долгорукий был за границей. Оставалась небольшая группа защитников принятого плана во главе с Александром и Никитой Муравьевыми. Переезд Гвардейского корпуса из Петербурга в Москву облегчил тактику противников Пестеля: ложа «Трех добродетелей» фактически прекратила свои занятия, связи с масонским центром оборвались на многие месяцы⁶². В обстановке горячих организационно-тактических споров А. Муравьев проявил инициативу: в противовес ликвидаторской политике оппозиции он образовал новое — Военное общество. Но, в сущности, этот шаг был полной капитуляцией перед противниками: новая организация не имела в себе никаких масонских элементов и носила открыто бесформенный характер. Получение устава «Союза добродетели» вывело тайное общество из затянувшегося кризиса: в параграфе этого лояльнейшего немецкого объединения умеренное крыло декабристов нашло искомую и прочную точку опоры. Комиссия для преобразования устава была избрана под давлением правого большинства: революционной точке зрения Никиты Муравьева противостояла энергичная защита умеренной позиции со стороны Михаила Муравьева и Трубецкого. Четырехмесячная работа осложнилась новыми разногласиями: Никита Муравьев остался в одиночестве и должен был уступить свое место умеренному П. Колошину⁶³.

Новый устав ликвидировал революционное наследие Союза истинных и верных сынов Отечества, он создавал мирное полулегальное общество, призванное содействовать правительству в сфере благотворительности, образования, правосудия и общественного хозяйства. Принцип активного революционного действия заменялся идеей широкой, но мирной пропаганды; конспиративно-замкнутой организации противопоставлялась система широко разветвленных и связанных ячеек; на место выдержанной иерархии и строгой дисциплины ставилась периодическая сменяемость и выборность руководящих органов. Черты масонского ритуала устранялись как ненужные и загромождающие пережитки якобинского плана. В виде компромисса было решено составить для избранных вторую, негласную часть устава, в которой упомянуть о введении конституции и освобождении крестьян. Есть основания предполагать, что это революционное дополнение к «Зеленой книге» осталось черновым проектом в набросках кн. Трубецкого.

Так, возымел свое начало «Союз благоденствия», результат первого решающего раскола в разнородной среде декабристов. Организационный план А. Муравьева и Пестеля был ликвидирован, и участие в масонском ордене утратило всякое политическое значение. Правда, старые масонские привычки сохраняли свою силу над некоторыми из членов: позитивному уму Якушкина представлялись смешными длинные рассуждения товарищей о формах принесения присяги⁶⁴. Но в общем наступило быстрое охлаждение к масонским собраниям, и в частности к ложе «Трех добродетелей». По возвращении гвардии ложа возобновляет свою работу, но состав ее членов заметно изменяется: нет Александра Муравьева и Шаховского, отсутствуют Волконский и Пестель, быстро отпа-

дают Колошин и Долгоруков, постепенно начинают отставать Никита Муравьев и его двоюродный брат Сергей. Августовские выборы 1818 г. уже не дают такого решающего большинства членам тайного общества: мастером стула становится Ржевский, влиятельные места обоих надзирателей тоже переходят к посторонним лицам, за декабристами остаются должности наместного мастера, секретаря, ратора и обрядоначальника. В ноябре официально «покрывают работы» Н. Муравьев и Долгоруков.

Ослабление позиции «карбонариев» облегчает маневры консервативной партии: в конце 1818 г. в ложу вводится старый и «чистый» масон гр. А. И. Дмитриев-Мамонов, который принимает в свои руки бразды правления. Новые выборы приводят к полному разгрому политического крыла. Ложа «Трех добродетелей» окончательно теряет свои характерные особенности и становится обыкновенной столичной масонской ложей⁶⁵.

Какое положение занял в разыгравшихся событиях Пестель? Уезжая из Петербурга, он увозил с собой масонские патенты, эмблемы и уставы. Никита Муравьев дважды подчеркивает в своих показаниях, что Пестель не оставался бездейственным: следуя статутам «Союза спасения», «он продолжал действовать по оным по прибытии своем в первый корпус в Митаву. Когда же граф Витгенштейн, которого он был тогда адъютантом, принял Вторую Армию, тогда, прибыв с ним в Тульчин, он продолжал там свои действия... Получа Устав Союза Благоденствия, он его отверг и в 1820 году завел Южную Управу в том уже виде, как она до конца находилась, решившись пожертвовать статутom 1817 года»⁶⁶.

Если датировка в данном показании не совсем точна, то его общий смысл едва ли противоречит действительности. Пестель не мог отречься от революционной точки зрения и перейти на умеренную позицию Михаила Муравьева. Даже формально признав устав «Союза благоденствия», он продолжал видеть в нем иное, революционное содержание. Старый организационный план не мог потерять в глазах Пестеля своего значения, хотя он постепенно разбивался о явную оппозицию и недисциплинированность членов. Вероятно, идея использования масонского ордена продолжала занимать Пестеля не только в Митаве, но и на юге. Он не оставил своих масонских «игрушек», а взял их с собой во 2-ю армию. Здесь, в обстановке напряженного политического брожения, общество действовало революционнее и активнее. Политическая струя снова пробилась в масонство и в полтавской ложе Новикова, и в кишиневской ложе Овидия. Отсутствие материалов мешает установить, принял ли Пестель непосредственное участие в этих новых попытках? Во всяком случае, узко локализованные в пространстве, они далеко отставали от того широкого организационного плана 1817 г., который предусматривал проникновение заговорщиков в руководящие масонские центры.

Вероятно, самому Пестелю была ясна неудача его первоначальных замыслов. Покинутый ближайшим соратником, разочарованным Александром Муравьевым, встречая глухую преграду в растущем несогласии членов, Пестель должен был ясно сознавать безнадежность новых усилий. Он перестает поддерживать связь с петербургскими масонами и автоматически выбывает сначала из шотландской ложи Сфинкса (к концу 1818 г.), затем из иоанновской ложи «Трех добродетелей» (к концу 1819 г.)⁶⁷. Наезжая в Петербург, он не посещает масонских собраний и не пытается возобновлять старые связи. Масонство, лишенное роли политического орудия, утрачивает для Пестеля свое прежнее значение.

Таким образом, с помощью архивных документов и литературных источников мы установили не только назначение и символический смысл

масонских знаков Пестеля, но также их музейную историко-революционную ценность: с этими вещественными реликвиями связана определенная страница в истории декабризма — попытка революционного использования старой масонской организации. В сохранившейся коллекции Пестеля мы получаем вещественную точку опоры для освещения первых шагов тайного политического общества.

- ¹ Восстание декабристов. (Далее: ВД). М.; Л., 1927, т. 4, с. 34—37, 73; Ср.: *Троцкий И.* Ликвидация Тульчинской управы Южного общества.— *Былое*, 1925, № 5.
- ² *Чернов С. Н.* К истории фонда Следственной комиссии и Верховного уголовного суда по делу декабристов.— *Архивное дело*, 1925, вып. 3/4, с. 109.
- ³ Единственное исключение представляет собой знак, изображающий распятого св. Андрея Первозванного (эмблема шотландского мастера): есть основание предполагать, что этот знак был подменен при перевозке из Петербурга в Москву. Поэтому в дальнейшем изложении он не принят во внимание автором статьи.
- ⁴ ВД, т. 4, с. 45.
- ⁵ ЦГВИА, ф. ВУА (Военно-ученого архива Главного штаба), т. 1, д. 766 (Записка о масонских ложах).
- ⁶ Там же, д. 889 (Список гг. военным..., кои принадлежали к масонским ложам...).
- ⁷ Там же, д. 889 (Список членов Великой Провинциальной ложи 15 октября 1816 г.).
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 479.
- ⁹ ВД, т. 4, с. 6, 7.
- ¹⁰ По-видимому, П. И. Пестель, как представитель лютеранского вероисповедания, носил двойное имя: Павел-Михаил.
- ¹¹ *Соколовская Т. О.* Раннее александровское масонство.— В кн.: *Масонство в его прошлом и настоящем*. [М.], 1915, т. 2, с. 158—162.
- ¹² О Лыкошине см.: *Чернов С. Н.* Отчет о командировке в Москву летом 1924 г. Саратов, 1925, с. 32, 33.
- ¹³ РО ГБЛ, ф. 147 (С. С. Ланского и С. В. Ешневского), д. 59—64; *Соколовская Т. О.* Ложа Трех Добродетелей и ее члены декабристы.— *Русский архив*, 1908, № 10.
- ¹⁴ См. оценку ложи Соединенных Друзей П. П. Лопухиным в письме М. Ю. Виельгорского С. С. Ланскому.— РО ГБЛ, ф. 147, д. 85 (1962), письмо № 23.
- ¹⁵ Записка о масонских ложах.— ЦГВИА, ф. ВУА, ч. 1, № 766. Ср.: *Соколовская Т. О.* Капитул Феникса. Пг., 1916, с. 60—62; РО ГБЛ, ф. 147, д. 60, л. 12 (Протоколы ложи «Трех добродетелей»).
- ¹⁶ РО ГБЛ, ф. 147, д. 60, л. 1—16; д. 64 (Списки членов ложи «Трех добродетелей» за 1816—1819).
- ¹⁷ В этот период С. Г. Волконский был человеком определившегося либерального уменстроения, хотя и не принадлежал к членам тайного общества. См.: *Записки С. Г. Волконского*. СПб., 1904, с. 386, 387.
- ¹⁸ РО ГБЛ, ф. 147, д. 60, л. 17 и след.; д. 85 (письмо М. Ю. Виельгорского С. С. Ланскому).
- ¹⁹ РО ГБЛ, ф. 147, д. 60, л. 25.
- ²⁰ Там же, л. 19, 20.
- ²¹ Там же, л. 25 об.
- ²² Там же, д. 59 (описание одежды мастера); ср.: *Соколовская Т. О.* Каталог масонской коллекции Д. Г. Бурылина. Русский отдел. М., 1910.
- ²³ РО ГБЛ, ф. 147, № 60, л. 83, 90; д. 64 (Списки членов ложи «Трех добродетелей»).
- ²⁴ Он был зачислен почетным великим мастером и утратил влияние на деятельность ложи.
- ²⁵ РО ГБЛ, ф. 147, д. 63 (1940), л. 97/224.
- ²⁶ ВД, М.; Л., 1925, т. 1, с. 23—25.
- ²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 397, л. 133 об.
- ²⁸ ВД, М.; Л., 1927, т. 3, с. 20.
- ²⁹ Там же, т. 1, с. 24, 305, 299; т. 4, с. 154; *Записки кн. С. П. Трубецкого*. СПб., 1907, с. 12.
- ³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 497. Патент был воспроизведен негативным способом в книге: *Толь С. Д.* Масонское действо. СПб., 1914. Там же (с. 221—223) напечатаны (не вполне точно) латинский и переводный тексты.
- ³¹ Шестой знак — Андреевский крест с изображением распятого св. Андрея Первозванного — внушает сомнения в подлинности и поэтому опущен в изложении. Описание аналогичных знаков см.: *Викентьев В. М.* Собрание масонских предметов Российского Исторического музея. М., 1918. Фото перевязи шотландского мас-

- тера V степени и запона шотландского мастера V степени см. в первом издании данной статьи (см. Комментарии).
- ³² ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 479.
- ³³ РО ГБЛ, ф. 147, д. 126 (2002); ОПИ ГИМ, ф. 450 (Е. В. Барсова), № 429.
- ³⁴ Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. [М.], 1914—1915, т. 1, 2 (особенно статьи И. М. Хераскова и Т. О. Соколовской); Соколовская Т. О. Капитул Феникса; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, с. 37—64, 214—243.
- ^{35—36} ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 479; РО ГБЛ, ф. 147, д. 126 (2002), д. 69 (1946).
- ³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 479, La Maitrise Ecossaise, л. 33.
- ³⁸ ВД, т. 4, с. 90—91.
- ³⁹ ЦГВИА, ф. 36, оп. 4, д. 533 (О книгах бывшего полковника Пестеля, назначенных в продажу).
- ⁴⁰ Круглый А. Пестель по письмам его родителей.— Красный архив, 1926, т. 16, с. 182—186.
- ⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, т. 1, д. 766, ч. 1, л. 12—18, 61, 57; ОР и РК ГПБ, ф. 859, Н. К. Шильдер, карт. 20, д. 11 (Царствование Александра I: О масонских ложах); Пыпин А. Н. Русское масонство. Пг., 1916, с. 398—414; Соколовская Т. О. Капитул Феникса, с. 51—65.
- ⁴² РО ГБЛ, ф. 147, д. 27, л. 4.
- ⁴³ Там же, д. 70, л. 1—4.
- ⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 479, ст. 14, 18 и след.; Ср.: РО ГБЛ, ф. 147, д. 69, л. 53 (§ 36); Ср.: Соколовская Т. О. Тайная масонская инструкция шотландским мастерам.— Море, 1906, № 25/26.
- ⁴⁵ ОР и РК ГПБ, ф. 550, ОСРК, F III, д. 72, л. 310—313; РО ГБЛ, ф. 147, д. 70, л. 29.
- ⁴⁶ РО ГБЛ, ф. 147, д. 72 (Список членов ложи Александра Златого Льва, протоколы IV степени), д. 73 (Протоколы Верховного орденового капитула).
- ⁴⁷ Записки кн. С. П. Трубецкого, с. 13.
- ⁴⁸ РО ГБЛ, ф. 147, д. 69.
- ⁴⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 766, «Profession des fois», 1811 г. Частично напечатано в кн.: Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 329.
- ⁵⁰ Семевский В. И. Указ. соч., с. 397—415; Бороздин А. К. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906, с. 148—157.
- ⁵¹ Записка Н. И. Тургенева.— Красный архив, 1925, т. 13, с. 76.
- ⁵² Архив братьев Тургеневых. вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева, 1816—1824. Пг., 1924, т. 3, с. 38; Ср.: Шебунин А. Н. И. Тургенев в тайном обществе декабристов.— В кн.: Декабристы и их время. М., 1928, с. 127—129. По доносу Грибовского, Н. Тургенев шел дальше: он предлагал «преобразовать тайное общество совершенно по системе Вейсгаупта, а членам скрыться под вымышленными именами» См.: ОР и РК ГПБ, ф. 859 (Н. К. Шильдер), карт. 20, д. 11, л. I—IV, 1—9 (Записка гр. А. Х. Бенкендорфа о тайных обществах, 1821 г.).
- ⁵³ РО ГБЛ, ф. 147, д. 73 (Протоколы Верховного орденового капитула).
- ⁵⁴ Martin G. La franc-maçonnerie et la préparation de la révolution française. P., 1927.
- ⁵⁵ Семевский В. И. Указ. соч., с. 365 и след.
- ⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, т. I, д. 719 (О масонских ложах в России и Царстве Польском, 1820—1826).
- ⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 397, л. 133 об.
- ⁵⁸ Записки кн. С. П. Трубецкого, с. 13.
- ⁵⁹ ВД, т. 1, с. 299.
- ⁶⁰ Там же, с. 306.
- ⁶¹ Лавров Н. Ф. Диктатор 14 декабря.— В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 141.
- ⁶² РО ГБЛ, ф. 147, д. 24, л. 39 об.
- ⁶³ ВД, т. 1, с. 306, 307; Ср.: Кропотов Д. А. Жизнь гр. М. Н. Муравьева. СПб., 1874, с. 199—217. При пользовании рассказом Д. А. Кропотова, основанном на сообщениях С. Н. Муравьева, необходимо учитывать многочисленные ошибки автора.
- ⁶⁴ Записки И. Д. Якушкина. М., 1925, с. 30, 31.
- ⁶⁵ РО ГБЛ, ф. 147, д. 63 (140), л. 100/227 и след., л. 133/266—134/267; д. 61, л. 60/85; д. 38 (1915) (Списки членов лож, входящих в Великую провинциальную ложу, с карандашными пометками).
- ⁶⁶ ВД, т. 1, с. 299.
- ⁶⁷ РО ГБЛ, ф. 147, д. 72 (1—3), л. 7 (Список членов ложи Сфинкса, 1818 г.); д. 63 (1940), л. 133/266—134/267.

СЕМЕЙСТВО ЧЕРНЫШЕВЫХ И ДЕКАБРИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

I

Имение графов Чернышевых Ярополец отразило на себе важнейшие перипетии этой быстро поднявшейся и так же быстро закатившейся дворянской фамилии. Неожиданное возвышение в эпоху петровской ломки, быстрый расцвет при Екатерине II, богатство и влияние в начале XIX в. и, наконец, мгновенный удар 14 декабря, навсегда оборвавший линию последовательного подъема,— таковы основные страницы этой краткой фамильной летописи. Моменты возвышения и упадка сплелись с судьбою Яропольца и на страницах архивных документов запечатлели типичные черты той «новой знати», которую так саркастически охарактеризовал А. С. Пушкин в своем известном стихотворении «Моя родословная».

Незнатные потомки пленного шляхтича, служившие на Москве то «по выбору», то в рейтарах, Чернышевы приобрели известность благодаря удачливому сподвижнику Петра, сумевшему из царского денщика превратиться в графа и генерал-аншефа. Григорий Петрович Чернышев преуспел всю Северную кампанию, не раз испытал на себе царскую дубинку и не только заработал высокие чины, но и сколотил себе крупное состояние. В 1717 г. он приобрел у потомков украинского гетмана Дорошенко половину вотчины Ерополч, которую унаследовали вскоре его сыновья. Непосредственным владельцем Яропольца сделался второй из братьев — Захар Григорьевич, один из ранних фаворитов Екатерины II, который быстро поднялся в гору и достиг влиятельной должности президента Военной коллегии, чина генерал-фельдмаршала и, наконец, почетного положения московского генерал-губернатора. Захар Чернышев широко воспользовался милостями императрицы, быстро умножил отцовское состояние и окружил себя внешним блеском и пышностью. Скромная усадьба Ярополец превратилась в великолепное имение сановного вельможи, украсилась псевдоготическим замком, «регулярным садом с прешпектами и куртинами», каналами и каскадами, галереями и оранжереями, зверинцами и беседками. Господский замок соединился «перспективными дорогами» с десятками прилегающих деревень и пустошей, которые кормили графскую семью и многочисленную дворню. К усадьбе примыкали 6 тыс. дес. земли (в том числе около 2,5 тыс. дес. пашни) и было приписано 1260 душ мужеского пола. Здесь, в этой роскошно устроенной усадьбе, бывший фаворит принимал свою «благотельницу»: в январе 1775 г., сейчас же после казни Пугачева, Екатерина II посетила старую столицу, приняла торжественные поздравления московского дворянства и побывала в имении Ерополч.

Достигнув положения крупнейшего магната, З. Г. Чернышев почувствовал себя аристократом и по образцу западноевропейской знати пожелал увековечить материальное могущество своего выдвинувшегося рода: в 1774 г. он решил образовать фамильный майорат, отобрав для этой цели лучшие из своих имений — московский Ярополец и могилевское «графство» Чечерск, насчитывавшее 4,5 тыс. душ, 84 тыс. дес. земли и разнообразные угодья, в том числе мучные и крупчатые мельницы, лесопильни, сукновальни, заводы кирпичные, винокуренные, по-

ташные, «стеклянные» и «железные». Распоряжение З. Г. Чернышева получило высочайшую конфирмацию и обеспечило неприкосновенность одного из крупнейших владений правящего сословия.

По смерти бездетного Захара Чернышева новообразованный майорат вместе с остальными имениями перешел к следующему брату — Ивану Григорьевичу, большому любимцу Павла I, наделенному по прихоти самодержца необыкновенным чином «генерал-фельдмаршала от флота». Но И. Г. Чернышев, оставаясь номинальным собственником Яропольца и Чечерска, уступил пожизненное владение обеими усадьбами вдове умершего Захара, «действительной статс-даме» Анне Родионовне Чернышевой. К этому времени имущество Чернышевых приобрело огромные размеры в результате крупных пожалований, выгодных браков и коммерческих спекуляций.

После Ивана Григорьевича наследником майората сделался его сын Григорий Иванович, влиятельный царедворец конца XVIII и начала XIX в. Продолжателем рода должен был стать его единственный сын, молодой кавалергардский офицер Захар Григорьевич Чернышев. Но увлеченный в общество декабристов и арестованный после неудавшегося восстания, он был приговорен к лишению прав, состояния и ссылке в каторжные работы. Таким образом, судьба чернышевского майората, в том числе имения Ярополец, сразу утратила юридическую определенность: пресекался род графов Чернышевых и делалось вакантным крупнейшее состояние, насчитывавшее до 9 тыс. душ крестьян. На лакомый кусок немедленно нашелся охотник, ближайший помощник Николая I по ликвидации революционного заговора, впоследствии военный министр А. И. Чернышев. Не состоя в родстве с владельцами майората, он предъявил претензии на выморочные имения — Чечерск и Ярополец. По меткому выражению А. П. Ермолова, в подобном требовании не было ничего удивительного: одежда жертвы всегда и везде поступала в собственность палача. Однако Комитет министров не согласился с доводами влиятельного истца, и Ярополец в составе чернышевского майората был присужден зятю Г. И. Чернышева — И. Г. Кругликову.

Осужденный и сосланный декабрист впоследствии был амнистирован и восстановлен в сословно-имущественных правах. Временами он наезжал в Ярополец, где проживала его сестра, Софья Григорьевна. Но он не оставил детей и умер последним представителем своего рода. Имение сохранилось за потомками И. Г. Кругликова, который присоединил к своей старой фамилии родовое имя угасшей дворянской линии.

Такова краткая история волоколамской усадьбы Чернышевых. Подобно многим дворянским вотчинам, Ярополец был местом вельможных затей и барской расточительности. Но имение не только эксплуатировалось обладателями крепостных душ — за него ломали копья в продолжительном судебном процессе, который приобрел широкое общественное значение. Отблеск 14 декабря падает на прошлое Яропольца и придает ему особый интерес, связывая историю имения с событиями и участниками декабристского движения¹.

II

Описывая тяжелое впечатление, произведенное декабрьскими арестами, гр. А. Д. Блудова дала попутно общую характеристику семейства Чернышевых: «Я помню, что года два перед этим временем мы жили на Крестовском и, всякий день гуляя далеко, часто возвращались вечером

по набережной Каменноостровской; наша дорога лежала мимо нынешней дачи принца Ольденбургского, принадлежавшей тогда графу Чернышеву, которого одна дочь уже была замужем за Никитой Муравьевым, а другие еще были красивые живые девочки; и все это миловидное, красивое семейство с друзьями или родственниками сживало по вечерам в галерее, вроде оранжереи, так что видно было, что делалось в этой ярко освещенной стеклянной зале, где среди зелени и цветов мелькали молодые личики около чайного стола. У нас на Крестовском не было знакомых детей, и я помню, что мне бывало завидно Чернышевым или по крайней мере очень хотелось хотя со временем вести такую счастливую жизнь, как они, когда я буду большая. А в самое это время уже готовился разгром, который обрушился на это счастливое семейство и на долгие лета предал его горю и слезам»². Авторы мемуаров сходятся в подобных характеристиках: семейство Чернышевых они описывают в патриархально-благодушных красках, подчеркивая его богатство, широкие общественные связи и развитые культурные интересы.

Отец декабриста, Григорий Иванович Чернышев, представитель третьего поколения удачно выдвинувшейся фамилии, не отличался выдающимся умом и деловыми талантами. Это был типичный «офранцузенный вельможа», который сохранял в XIX столетии привычки и вкусы екатерининского двора. В молодости он пользовался протекцией А. В. Суворова и кн. Г. А. Потемкина, участвовал в штурме Измаила, числился «генерал-инспектором всех атак и колонн». Но его мало увлекали боевые походы и сражения: он быстро сменил свои военные успехи на более легкие и приятные придворные победы. Любитель и знаток французской литературы, он щеголял своим остроумием и любезностью, писал французские комедии и веселые стихи, подражал Лекену в приемах французской декламации и забавлял гатчинский двор своими театральными постановками. Впоследствии он помогал А. Л. Нарышкину управлять императорскими театрами, при Александре I занял почетное, но мало обязывающее положение придворного обер-шенка. Жизнь Г. И. Чернышева сплеталась из легких развлечений, постоянного общения с дворянской знатью и непрерывного угождения двору. Но этот праздный и легкомысленный вельможа был преисполнен сословной гордости и чести. Отдаваясь светским удовольствиям, он жил одновременно другою, сокровенною жизнью: его имя стояло в конспиративном перечне Капитула Феникса — тайной масонской организации, которая объединяла в себе крупнейшие аристократические фамилии России. В этом верховном органе, руководившем многочисленной сетью масонских лож и недоступном для наблюдения правительства, Г. И. Чернышев именовался рыцарем луны (*eques a luna*) и занимал видное положение канцлера. Повышенное сословно-аристократическое чувство находило себе опору в материальном положении Г. И. Чернышева: несмотря на безграничную расточительность, он оставался одним из богатейших землевладельцев начала XIX в., не только обладателем крупного майората, но и собственником других разнообразных и обширных имений³.

Владения Г. И. Чернышева (за исключением Чечерска и Яропольца) охватывали три черноземные губернии — Орловскую, Рязанскую и Воронежскую. В общей сложности они составляли около 4,5 тыс. ревизских душ и заключали в себе плодородные пашенные угодья, тысячи десятин леса, рыбные ловли на реке Дону, винокуренные, конские заводы, полотняные и ковровые фабрики. Особенно выделялось орловское имение Тагино — обычная резиденция Чернышевых. Расположенное на р. Оке,

имевшее разнообразные господские угодья, оно простиралось на огромное пространство в 14 тыс. дес. и отличалось высоким качеством чернозема. Хозяйство Чернышевых было основано на смешанных повинностях — отчасти барщинных, отчасти оброчных. Сведения 1832 г. раскрывают перед нами планомерную и сложную систему извлечения доходов, построенную на строгом учете рабочей силы, подробной отчетности и своевременном составлении смет. Бывали случаи, когда урожай большого тагинского имения полностью запродавался на винокуренные заводы. Дворовая служба оплачивалась особым денежным жалованьем. На ткацкой фабрике села Скорнякова и на винокуренном заводе села Пустошина применялся труд вольнонаемных рабочих. На общем фоне большого крепостного хозяйства заметно проступали новые капиталистические черты.

В имущественном положении Г. И. Чернышева были моменты кризисов и заминок: особенно остро они чувствовались вначале, когда умер расточительный «генерал-фельдмаршал от флота», оставивший после себя большие неоплаченные долги. Специальная опека Г. Р. Державина помогла Г. И. Чернышеву выпутаться из трудного положения; однако собственные разрастающиеся расходы мешали ему освободиться от задолженности и временами сильно отзывались на семейном бюджете. Но мы не должны преувеличивать материальные затруднения Чернышевых: в этом отношении хозяйственные и юридические документы исправляют не всегда точные показания мемуаров. По смерти Г. И. Чернышева остались не только богатый майорат, но и двенадцать имений, оцененных в 2800 тыс. руб. За вычетом долга Опекунскому совету, это составляло солидную цифру в 1720 тыс. руб. асс.⁴

Семейно-бытовая обстановка Чернышевых вполне соответствовала их материальному положению крупных землевладельцев. По воспоминаниям близких свидетелей, Чернышевы жили барской жизнью широкого размаха. В семейные праздники на тагинских конюшнях собиралось до 500 коней, принадлежавших приезжим гостям, которые жилали в имении по несколько дней подряд. Усадьба производила впечатление богатства и изобилия. В доме имелись многочисленная дворня, особый штат учителей, собственный доктор, домашний художник, хороший крепостной оркестр, сформированный иностранным капельмейстером; зимой и летом чередовались непрерывные концерты, кавалькады, фейерверки и танцы. Веселый и легкомысленный хозяин изобретал разнообразные причуды для развлечения съезжавшегося общества. Чернышевы не знали недостатка в денежных средствах: высокое положение их фамилии быстро открывало им кошельки услужливых кредиторов, а тысячи крепостных крестьян составляли неисчерпаемый резерв для пополнения их домашней кассы. Деревенское хозяйство лежало на попечении старой графини, которая сама руководила управляющими, проверяла конторские отчеты и

*Александра Григорьевна Муравьева
(урожденная гр. Чернышева).
Рисунок Г. Маньяни, конец 1810-х
годов (ГИМ)*

распределяла рабочие силы. Судя по воспоминаниям и письмам, гр. Е. П. Чернышева была не только практичной хозяйкой, но и заботливой матерью; она лично воспитывала своих детей и поддерживала с ними оживленную переписку, входя в разнообразные детали их внутренней жизни⁵.

Младшее поколение Чернышевых состояло из шести дочерей, привлекавших современников своей внешностью, и сына Захара, который вписал свое имя в историю движения декабристов. Из всех сестер выделялась Александрина, которая вышла замуж за капитана Гвардейского Генерального штаба и руководителя тайного общества Никиту Муравьева. Юношеский, к сожалению рано оборвавшийся, дневник и многолетняя переписка с семьей достаточно ясно обрисовывают ее образ. Это была натура глубоко эмоциональная, исполненная страстных порывов, доходивших до степени экзальтации. Воспитанная в правилах патриархальной традиции, она отличалась сильной привязанностью к семье, которая ярко обнаружилась в годы сибирской ссылки. Отношения к мужу принимали у А. Г. Муравьевой формы сосредоточенного обожания, которое усилилось после понесенного им удара. Такой же исключительно напряженный характер носила ее любовь к детям, особенно обострявшаяся в моменты их болезни и смерти. Но эта сердечная теплота не замыкалась у А. Г. Муравьевой в ограниченные семейные рамки: она разливалась на всех окружающих, вызывая с их стороны единодушный и искренний отклик. Ни одна из жен декабристов не нашла себе такой высокой оценки в мемуарах и письмах современников. По изображению близких и современников, жизнь А. Г. Муравьевой была непрерывным душевным горением, которое постепенно, но неуклонно подтачивало ее внутренние силы⁶.

Остальные сестры, несмотря на различие их характера, повторяли тот же основной тип увлекающейся эмоциональной натуры. Девушки получили домашнее воспитание под руководством гувернантки мисс Ивенс, которая привила им интерес к английской литературе, вылившийся впоследствии в восторженно-романтический культ Дж. Байрона. По-видимому, образование молодых Чернышевых не поднималось над обыкновенным светским уровнем: вопросы науки и политики не волновали их юношеских мыслей, искусство и поэзия целиком заполняли их воображение⁷. Несколько иначе сложилось воспитание молодого графа З. Г. Чернышева. По его собственным словам, наставником его был «прусский уроженец из города Берлина, называемый Яков Петрович Жуайе». Бумаги Великой Провинциальной ложи рисуют Жуайе активнейшим масоном своего времени и человеком твердых моральных правил. При молодом графе Жуайе исполнял роль попечительного и ревностного опекуна, который бережно охранял его от всяких нежеланных и вредных влияний. Захар Чернышев не отличался блестящими дарованиями и, по-видимому, не получил систематического образования: «По склонности моей я более занимался наукой иностранных языков» — таков был его собственный ответ на соответствующий вопрос Следственного комитета. Действительно, иностранными языками он овладел в совершенстве: прекрасно знал французскую и немецкую речь, английскому языку учил своих товарищей по Читинскому острогу, на итальянском читал «Божественную комедию» Данте. Семнадцати лет он был отдан в муравьевское Училище колонновожатых — одно из немногих учебных заведений, которое давало серьезную военную подготовку, не подавляя культурных интересов и не стирая личной индивидуальности. Через два года, 7 декабря

1817 г., З. Г. Чернышев был зачислен эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк и начал свою военную службу, которая обещала ему блестящую и легкую карьеру⁸. С этого момента перед ним открылась более широкая общественная среда, которая должна была привить ему новые привычки и интересы. Чтобы понять последующую судьбу Захара Чернышева, необходимо внимательно присмотреться к этой среде и отдать себе отчет в ее политических настроениях.

III

По своему составу и традициям Кавалергардский полк был наиболее аристократическим из всех полков петербургской гвардии. Кавалергарды были учреждены с определенной целью — служить почетной охраной во время церемонии коронации; они выставляли своих офицеров на ступени царского трона, образовывали парадную декорацию на торжественных празднествах и выделялись внешним блеском своего обмундирования. Полк вербовался из представителей правящей знати и сохранял самую близкую связь с императорским двором. В период дворцовых переворотов кавалергарды сыграли активную политическую роль, вмешиваясь в вопросы престолонаследия и расслабаясь на сталкивающиеся групповые течения. В 1730 г. они выдвигали из своей среды сторонников и авторов дворянских конституций; при Анне Иоанновне были расформированы за свое мятежное настроение; при Елизавете Петровне вновь восстановлены в правах и осыпаны царскими милостями. Екатерина II зачисляла в кавалергарды своих приверженцев и вербовала из их среды своих фаворитов. При устранении Павла I кавалергардские офицеры во главе со своим командиром и шефом принимали непосредственное участие в заговоре и охраняли своими караулами спальню будущего императора. Сознание своего общественного веса и преданность националистической идее составляли характерные черты этого аристократического полка. Его офицерский корпус брезгливо отгораживался от «выскочек», стараясь свято оберегать сословную чистоту своего избранного состава. В этом смысле очень характерен тот эпизод, который разыгрался в 1820 г. с Захаром Чернышевым. Произведенный из корнетов в поручики, гр. Чернышев вместе с офицером Понятовским написал анонимное письмо одному из своих однополчан: от лица офицеров полка он требовал, чтобы его адресат немедленно оставил общество кавалергардов. Результатом письма было назначение несостоявшегося поединка и последующий арест З. Г. Чернышева. Гувернер Жуае разделил со своим воспитанником это недолгое пребывание в крепостном каземате.

При Александре I офицерские списки Кавалергардского полка, как и раньше, пестрели именами титулованной знати; консервативная традиция по-прежнему сплеталась здесь с оппозиционной политической стру-

Декабрист гр. Захар Григорьевич Чернышев.

Рисунок Г. Маньяни (?), 20-е годы XIX в. (ГИМ).

ей. Новые идеологические течения постепенно пробивали себе дорогу в эту замкнутую среду, проникнутую культом сословной чести. В рядах Кавалергардского полка можно было заметить разнообразные оттенки либеральной мысли: здесь начинали свою политическую карьеру гр. М. Ф. Орлов и П. И. Пестель, кн. П. П. Лопухин и М. С. Лунин; лелеял планы национального восстания будущий вождь греческих гетеристов Александр Ипсиланти; переживали период своих молодых увлечений будущий граф П. Д. Киселев и друг А. С. Грибоедова С. Н. Бегичев. «Союз спасения» и «Союз благоденствия» имели здесь немногих, но убежденных сторонников. Во время Семеновского возмущения либеральная «болтовня» кавалергардских офицеров немало беспокоила правительственные сферы. В период гвардейского похода 1822 г. военные власти стремились обезопасить Кавалергардский полк от вредного влияния либерального масонства. Критика правительственных действий сближала многих молодых кавалергардов, создавая благоприятную почву для возникновения и расцвета тайного общества. Это глухое политическое брожение, постоянно наблюдавшееся в полку, нашло себе открытый исход за два года до вооруженного восстания. В 1823 г. Кавалергардский полк обратил на себя сосредоточенное внимание П. И. Пестеля: Южное общество декабристов избирает его организационной точкой опоры; в недрах полка создается республиканская ячейка, которая сознательно противопоставляет себя Северному обществу и его слагающейся конституционно-монархической программе⁹.

Уже весной 1823 г. Южная директория начала систематическую атаку против умеренного Севера: в Петербург был направлен один из ревностных членов, кн. А. П. Барятинский, который должен был разбудить дремавшую энергию северян и заручиться их согласием на вооруженное восстание и на полное истребление императорской фамилии. Барятинскому не удалось достигнуть поставленной цели, но, уезжая из Петербурга, он прибегнул к искусному и обдуманному маневру: он принял в члены тайного общества двух офицеров Кавалергардского полка — Федора Вадковского и И. Ю. Поливанова. Правда, он передал этих членов на попечение кн. С. П. Трубецкого, т. е. формально ввел их в Северную управу, но смысл его действий был ясен: за спиной Северной думы Южное общество завязывало непосредственную связь с Петербургом, которая могла явиться исходным пунктом для образования самостоятельного республиканского филиала. Своевременно заметив эту опасность, Никита Муравьев «перепринял» Вадковского и Поливанова, но эта запоздалая попытка не имела никакого реального результата: Вадковский и Поливанов стали «адресоваться» к Югу, а в 1824 г. окончательно оформили свое присоединение к Южной организации. По-видимому, Барятинский действовал не в одиночку, а по указанию Пестеля: у Пестеля еще сохранялась живая связь с Кавалергардским полком через посредство брата Владимира, бывшего члена «Союза спасения» и еще недавно, в 1820 г., обратившего на себя внимание своим политическим вольномыслием¹⁰.

Выбор Барятинского оказался вполне удачным. Федор Вадковский был близким родственником Чернышевых, представителем богатой и влиятельной семьи. В его лице тайное общество приобретало молодого и энергичного прозелита, натуру восприимчивую и живую, одаренную пылким воображением и неутолимой жаждой деятельности. Эти индивидуальные особенности обеспечили Вадковскому несомненный успех среди молодежи: его квартира была местом постоянных и многочисленных собра-

ний, на которые сходились молодые офицеры, преимущественно из среды кавалергардов. Увлекательная и образная речь Вадковского заражала своей искренностью и подъемом. В своем политическом увлечении он переходил через границу реально-го, воображение рисовало ему заманчивую картину грандиозного и всемогущего общества; он верил этому прекрасному призраку и умел вдохновлять этой верой неопытные и взволнованные сердца. Правда, Вадковский не умел конспирировать, был юношески доверчив и сильно вредил себе легкомысленной откровенностью. В конце концов за «неприличное поведение» его перебросили в провинциальный армейский полк, но он и там не прекратил своей организационной работы: он неустанно привлекал новых членов, в его сознании роились обширные планы и он сознательно готовил себя к новым опасностям и страданиям. Пестель нашел в нем и преданного ученика, и беспрекословного исполнителя. Однако при всей своей искренней революционности Вадковский и в Егерском полку оставался прежним аристократом: с презрением говорил он о провинциальной среде армейского офицерства, «об этих бедных и незнатных людях, живущих одним только жалованием». Брезгливо отворачиваясь от окружающего общества, он старался завербовать представителей видных и состоятельных фамилий.

Одним из таких намеченных кандидатов был гр. Захар Чернышев, наследник миллионного майората и свой человек в кругах петербургской аристократии. Вадковский приложил все усилия, чтобы привить ему политическое свободомыслие. «Он в моих глазах порочил правительство и говорил, что он думает, как все благомыслящие люди», — вспоминал впоследствии З. Чернышев. Старания Вадковского привели к желанному результату: очень скоро З. Чернышев проникся распространенным настроением политического либерализма и стал принимать непосредственное участие в политических беседах. Подобную же судьбу испытали и другие однополчане Вадковского: в начале 1824 г. в Кавалергардском полку уже была подготовлена почва для самостоятельной ячейки революционного общества¹¹.

К этому моменту политическая борьба между Северной и Южной организациями достигла своего наивысшего пункта. Усилия многочисленных делегатов революционизировать Северную управу не имели ожидаемого успеха. Весной 1824 г. Южная директория предприняла последнюю и наиболее энергичную попытку: она командировала в Петербург самого Пестеля и поручила ему добиться организационного слияния обоих обществ на основе южных революционных планов. Пестель проявил себя талантливым искусным дипломатом, вдохновенным оратором и непобеди-

*Декабрист Федор Федорович Вадковский.
Рисунок декабриста Александра Муравьева,
1821 г. (ГИМ)*

мым спорщиком. Борьба между ним и Никитой Муравьевым приняла форму непримиримого принципиального столкновения. Чаша весов колебалась в разные стороны, демократическое крыло Северного общества уже готово было изменить своему старому знамени. Однако в последний, решающий момент взяли верх умеренные социально-политические воззрения. Северная управа отвергла идеи царубийства и диктатуры, отказалась принять радикальную аграрную программу и воздержалась от предложенного объединения с Южной. Такой исход взаимных переговоров расстраивал тактические предположения Пестеля и ставил под угрозу разработанный им план политического переворота. Ему оставалось или сложить оружие, или решиться на обходное стратегическое движение. С присущей ему энергией Пестель избрал последний выход: он поставил себе задачу образовать новое петербургское общество, республиканское по своей программе и революционное по своей тактике, противопоставить эту ячейку Северной думе, расстроить ее ряды, оторвать от нее революционные элементы и создать прочную и преданную опору для будущего восстания. Старый тактический план потерял при этом крупное изменение: отныне инициатива восстания и переворота должна была исходить от революционного Юга; на обязанность северной организации падало нанесение решительного удара — устранение императорской фамилии и официальное провозглашение республики. Кавалергардский полк, в котором была готовая завязь революционного филиала, явился основным объектом для стратегического маневра Пестеля.

Вокруг Вадковского уже сложился кружок новопринятых членов: ротмистр И. Ю. Поливанов, корнеты П. Н. Свистунов и Н. Н. Депрерадович, артиллерийский подпоручик С. И. Кривцов. Был подготовлен к принятию поручик И. А. Анненков, были намечены и сагитированы другие офицеры Кавалергардского полка. Старый член тайного общества Матвей Муравьев-Апостол, исполнивший обязанности южного комиссара при Северной думе, должен был скрепить воедино эту слагающуюся республиканскую организацию. На квартире у Свистунова было назначено учредительное собрание новообразуемого филиала. Явились Пестель, Матвей Муравьев-Апостол и кавалергарды Вадковский, Поливанов, Свистунов, Анненков и Депрерадович. Вадковский познакомил Пестеля с собравшимися офицерами, присутствующие сели вокруг стола, и Пестель взял первым слово. Он прежде всего спросил собравшихся, согласны ли они участвовать в обществе, которое ставит своей целью революционное преобразование государства? Получив утвердительный ответ, он произнес длинную, часовую речь, в которой постепенно развернул свою политическую и социальную программу. Он подробно остановился на форме государственного правления, постарался раскрыть все преимущества республики и осветил политический опыт Северо-Американских Соединенных Штатов. Он говорил, что только дорогой ценой можно завоевать республиканский порядок: «Нужно быть готовым, чтобы жертвовать своею кровью и не щадить и ту, которую повелено обществом будет проливать». Возбужденные этой речью, присутствующие согласились с революционными доводами Пестеля. Пестель продолжал дальше: он говорил о необходимых мерах для упрочения республики, изложил свой план «национальной директории» (т. е. временного правления) и обосновал свое требование «разделения земель». Он воспользовался при этом экстрактом из «Русской Правды», который был изложен у него на нескольких листках. Мало-помалу перед слушателями обрисовался образ будущего государства, выяснилась система его политических и админи-

стративных учреждений. Захваченные этой увлекающей картиной, члены собрания согласились дать клятву, что они будут с жаром содействовать намеченной цели. Тогда они были подведены к последнему, наиболее щекотливому вопросу. Логично, но осторожно Пестель заставил понять свою молодую аудиторию, что необходима смелая и решительная тактика, «что святейших особ августейшего дома не будет», что неизбежна кровавая жертва, которая оправдывается задачами революционной борьбы. Слушатели не спорили, они просили только разъяснений и высказывали свое согласие. Вечер закончился совместным ужином, на котором пили за успехи общества и за здоровье его сочленов.

Собрание у Свистунова имело свое короткое заключение. Накануне отъезда Пестеля на квартире Вадковского состоялось совещание с участием четырех лиц: Пестеля, Матвея Муравьева-Апостола, Вадковского и Свистунова. Пестель объяснил Свистунову подробности организации Южного общества и состав его директории, возвел Вадковского и Свистунова в высшее звание «бояр» и поручил им обоим, совместно с Матвеем Муравьевым-Апостолом, руководить новообразованной ячейкой и умножать число ее членов. По словам Свистунова, и он и Вадковский находились под обаянием ума и красноречия Пестеля и сознательно вступили в республиканскую организацию Южного общества¹².

После отъезда Пестеля новообразованная ячейка стала мало-помалу разрастаться и крепнуть. Благодаря энергии Свистунова в нее вступили корнеты Кавалергардского полка Д. А. Арцыбашев, А. С. Горожанский и Н. А. Васильчиков; позднее усилиями Горожанского были приняты кавалергардские офицеры: полковник А. Л. Кологривов, поручик П. П. Свинын и корнет кн. А. Н. Вяземский. Постепенно влияние кавалергардского кружка распространилось на другие гвардейские части: при помощи Вадковского был присоединен двоюродный брат Захара Чернышева конногвардеец А. А. Плещеев; через посредство Свистунова были приобщены к филиалу офицеры — Финляндского полка поручик А. А. Добринский и Измайловского полка поручик А. С. Гангблов. Артиллеристом Кривцовым был принят корнет Конногвардейского полка кн. А. А. Суворов. Влияние петербургского отделения Южного общества распространилось и на территорию старой столицы. Летом 1824 г. Барятинский, приехавший в Москву из 2-й армии, принял в тайное общество прапорщика Владимира Толстого, отставного корнета гр. В. А. Бобринского и ротмистра Гусарского полка А. И. Сабурова 2-го. Петербургская и московская ячейки были взаимно осведомлены о персональном составе своих членов и поддерживали непосредственную связь через поручика Анненкова. Позднее, когда Федор Вадковский был переведен в Конно-Егерский полк, он не упускал случая, чтобы привлечь в организацию новых обещающих прозелитов: так были приняты конногвардеец Ф. В. Барыков, драгунский юнкер Скарятин и поручик Кирасирского полка гр. Николай Булгари. Таким образом, петербургская ячейка выпустила целый ряд отдельных отростков, которые охватывали несколько городов: Москву, Пензу, Одессу и Курск. Оторванный от столичной базы, Ф. Вадковский оставался главным вдохновителем и организатором северного филиала: он стремился поддерживать непосредственные связи и с Пестелем, и с разными городами. Отсюда его проект образования специального института связи — группы разъездных агентов тайного общества, поддерживаемых регулярными взносами действительных членов¹³.

Деятельность петербургского филиала перешла за намеченные организационные рамки. Противопоставляя себя Северной думе, ячейка ка-

валергардов старалась установить с ней непосредственные сношения, использовала ее в политических целях — рассматривала ее одновременно и как свою защитную оболочку, и как свой боевой резерв. Среди либеральных кавалергардов был корнет Александр Михайлович Муравьев, младший брат идеолога и организатора Северного общества. Еще в мае 1822 г. двадцатилетним юношей он был принят в тайное общество через М. С. Лунина; но это был глухой период деятельности Петербургской управы: Александр Муравьев чувствовал себя слишком молодым, плохо ориентировался в политических вопросах и скоро оторвался от революционной организации. В 1824 г. на него обратил внимание его родственник Матвей Муравьев-Апостол, который «перепрыгнул» его в возрождавшееся общество. При этом Матвей Муравьев-Апостол поступил очень обдуманно и дипломатично: не сообщая Никите Муравьеву и учитывая его близкую связь с молодым и неопытным братом, Матвей Муравьев-Апостол зачислил кавалергардского корнета не в Южное, а в Северное общество, отвез его к кн. Оболенскому и познакомил с Трубецким и Нарышкиным. Скоро между Александром Муравьевым и его революционными однополчанами установились теснейшие политические связи; окруженный группой республиканцев, А. Муравьев участвовал в их собраниях, вел с ними совместную агитацию, вербовал для них намеченных кандидатов. Фактически он явился посредствующим звеном между Северным обществом и петербургскими последователями Пестеля. С помощью Александра Муравьева в Южное общество были приняты Кологривов, Свинын и кн. Вяземский, которым сообщили основную задачу конституционного преобразования, но не открыли республиканской цели и террористической тактики. Продолжая тактику Ф. Вадковского, республиканцы решили залучить в свою организацию и ротмистра Захара Чернышева. А. С. Горожанский, один из горячих и энергичных членов филиала, повел атаку на Александра Муравьева и после настоячивых усилий достиг наконец своей цели. Весной 1825 г. на квартире у Горожанского Александр Муравьев принял своего родственника, заранее подготовленного продолжительной агитацией. Захару Чернышеву были сообщены самые необходимые сведения: он узнал, что тайное общество состоит из благомыслящих людей, что его цель — конституционное преобразование государства, что проект конституции уже написан и что со временем ему расскажут более обстоятельные подробности. З. Чернышев охотно принял сделанное ему предложение. Впоследствии он так объяснял мотивы своего поступка: «Узнав, что вступили в сие общество многие люди, которых познания и дарования природные гораздо более и превосходнее моих, полагая, что они имели в виду улучшение правительства и благосостояние империи, и быв в таком же заблуждении как и они, — по примеру их одна любовь к отечеству побудила меня вступить в их тайное общество». С этого момента З. Чернышев сблизился с кружком петербургских республиканцев; он нашел здесь своих старых друзей и знакомых — не только товарищей по полку, но и двоюродных братьев Вадковского и Плещеева, и своего старого друга артиллериста С. Кривцова¹⁴.

Присматриваясь к составу петербургского филиала, мы наблюдаем, что он социально и политически однороден. Перед нами — представители обеспеченной аристократии, которые располагают широкими связями в дворянском обществе. По позднейшим правительственным справкам, у отца Свистунова было 5 тыс. душ крестьян в различных губерниях, у ротмистра Поливанова и его жены — около 2 тыс. душ крестьян.

за Вадковским и его семьей числилось более 1700 душ в Тамбовской и Орловской губерниях, за матерью С. Кривцова — около 700 душ в Болховском уезде; крупное состояние Чернышева уже известно; о богатстве Анненкова сообщают нам мемуаристы; по формулярному списку Сабурова 2-го за его отцом состояло 475 душ в Тамбовской губ. Из двадцати членов организации пятеро (гр. З. Чернышев, кн. Вяземский, кн. Суворов, Бобринский и Толстой) принадлежали к титулованным фамилиям; Свистунов и Плещеев были сыновьями камергеров; Васильчиков, Кологривов, Сабуров и Кривцов происходили из старого русского дворянства; Депрерадович был сыном генерал-адъютанта, командира гвардейского Кавалерийского корпуса, Вадковский — сыном сенатора и графини Чернышевой¹⁵.

Так же однородны были политические взгляды и настроения кружка. Если отбросить разряд испытуемых «братьев» (Чернышева, Кологривова и др.), то мы увидим перед собой воинствующих республиканцев, готовых на самые решительные насильственные меры. Некоторые из них, например Анненков, Сабуров и Свистунов, большие поклонники Жан-Жака Руссо; другие бредят проектами цареубийства и выражают стремление к немедленным действиям. Мысль об истреблении тирана, завещанная дворянскими традициями, возбужденная красноречием Пестеля и освященная примерами античной истории, не раз возрождается в сознании революционных кавалергардов. Впервые она вспыхнула весной 1824 г. под влиянием распространившихся слухов о разгроме Южного общества. У Матвея Муравьева-Апостола, взволнованного сведениями об аресте его любимого брата, сложился план немедленного покушения на императора. Он сообщил свои мысли Пестелю, Вадковскому и Свистунову. Пестель принципиально одобрил его идею, Свистунов и Вадковский живо откликнулись и изъявили готовность активно действовать в этом деле. Слухи оказались неосновательными, и террористический замысел филиала быстро расстроился. Однако идея цареубийства была выдвинута опять по инициативе увлекающегося Вадковского. Он сообщил свои планы небольшому кружку из Матвея Муравьева-Апостола, Свистунова, Депрерадовича и Кривцова, которые долго и оживленно обсуждали их на своих собраниях. Вадковский проектировал воспользоваться большим балом в Белом зале императорского дворца, поразить всех членов царской фамилии и здесь же немедленно провозгласить учреждение республики. Проект не вызвал никаких возражений, посвященные офицеры изъявили согласие на совместные действия. Впоследствии Свистунов не раз возвращался к этому замыслу, находя его вполне целесообразным и вполне осуществимым. Героический акт в ослепительной обстановке, в стенах дворца, на глазах потрясенной и обезоруженной аристократии казался чем-то средним между старым дворцовым переворотом и открытой военной революцией. Моментами идея поголовного истребления царской фамилии перебивалась проектом индивидуального покушения: Вадковский непрерывно твердил о том, что он может и должен совершить террористический акт, встретив императора на Елагинном острове и убив его из духового ружья. Таким образом, петербургские «мужи» и «боyre» казались убежденными носителями республиканских и тактических планов Пестеля. Совершенно иное приходится сказать об их социальных воззрениях: идея демократического равноправия и земельного передела не нашла себе активного отклика в рядах революционных кавалергардов; их письма и показания совершенно игнорируют эти основные вопросы пестелевской программы. Политические интересы и молодое воображение

вели их по другой, традиционной дороге; подобно основателям аристократического Ордена русских рыцарей гр. М. Ф. Орлову и М. А. Дмитриеву-Мамонову, они подхватили дворянскую идею тираноубийства и осяятили ее абстрактными догмами руссоизма и отвлеченным культом республики. Это поднимало их в собственных глазах как носителей последовательного политического радикализма. Конституция Никиты Муравьева казалась им чересчур умеренной, Московскую управу Северного общества они третировали как возрожденную организацию «Зеленой книги», враждебную их собственным революционным взглядам¹⁶.

Отмежевываясь от Северного общества в политических целях, члены республиканского филиала опирались и на другую организационную структуру. В противоположность двухъярусной системе Петербургской управы (обычно остававшейся на бумаге), республиканцы установили у себя три категории членов: «братьев», «мужей» и «бояр». Новопринятые члены приобретали первую степень «братьев» и получали общие сведения о революционной организации; они оставались на положении испытуемых учеников, подвергаясь систематической обработке со стороны зрелых сочленов. Со временем они посвящались во вторую степень «мужей» и узнавали подробности о целях революционного общества и о мерах к их достижению. Доказавшие свою преданность и энергию возводились в высшую степень «бояр», которые занимали руководящее положение, знали персональный состав верховного революционного органа и получали исключительное право принимать новых членов. Петербургские республиканцы почти не отступали от этой системы: наличие трех обособленных категорий ярко обнаруживается в их последующих показаниях. С этой организационной точки зрения вполне понятно положение З. Чернышева в недрах Южного общества декабристов: ничего не зная о существовании двух обособленных обществ, З. Чернышев считал себя членом петербургской организации; фактически он принадлежал к низшей категории «братьев», которые подготавливались кавалергардами к посвящению в сознательные республиканцы.

Таким образом, формируя петербургскую ячейку Южного общества, Пестель сознательно применил старый организационный устав первоначального «Союза спасения». И здесь и там он создавал конспиративно-боевую организацию, рассчитанную на активные действия, проникнутую единством воли и подчиненную руководству сверху. В 1817 г. Пестель постарался облеечь ее в защитную оболочку масонской ложи, в 1824 г. она устроилась и действовала под прикрытием умеренно-либерального Северного общества. Ненавидя аристократию, Пестель постарался использовать аристократическую среду и в начале, и в конце своей политической деятельности. Но образуя «Союз спасения» и проникая в недра таинственного Капитула Феникса, Пестель руководился скорее интуицией революционного заговорщика, чем ясной программой политического деятеля. За семилетний промежуток окончательно оформилось его политическое и социальное кредо, сложился его конкретный план революционных действий. Силой вещей боевая база революционного восстания оказалась на юге; на севере, в столице нужна была сплоченная группа решительных и преданных заговорщиков для нанесения быстрого террористического удара. Ячейка Кавалергардского полка, наиболее аристократического и близкого к трону, казалась подходящей опорой для подобного акта. Руками аристократии Пестель надеялся физически низвергнуть аристократический строй; он постарался составить подходящую группу будущих исполнителей и вдохнуть в нее силу революционного

убеждения и готовность на личное мученичество. Письмо Вадковского, перехваченное Шервудом, и позднейшие воспоминания амнистированного Свистунова ярко отражают искусную агитацию южного якобинца. «Наш путь не должен быть усеян розами, и кто ничем не рискует, тот ничего не имеет» — таков был одушевляющий лозунг, завещанный Пестелем петербургским республиканцам¹⁷.

Организационная попытка 1817 г. разбилась о принципиальные разногласия объединившихся заговорщиков. В северном филиале Южного общества не было и намека на подобные разногласия. Тем не менее политическая карта Пестеля была и на этот раз бита. Идея республиканского переворота оказалась в резком противоречии с социальными инстинктами и симпатиями аристократического кружка. Кажущееся согласие и единство распалось при первой попытке решительного наступления. Революционная эмоция излилась в словах и не претворилась в самостоятельное действие. Угрожающие признаки такого исхода проявились задолго до вооруженного восстания. Постепенно, в продолжение 1825 г., стало обнаруживаться растущее охлаждение старейших из членов: ротмистр Поливанов одумался, вышел в отставку и уклонился от всякого участия в обществе; поручик Анненков стал систематически избегать революционных собраний и предпочитал продолжительные командировки за кавалерийским ремонтом; корнет Свистунов начал парализующе действовать на молодежь своим ироническим скептицизмом; Депрерадович, Васильчиков и Арцыбашев держались пассивного образа действия. В петербургском филиале Южного общества происходил невидимый внутренний кризис, который ярко обнаружился позднее, в откровенных показаниях на следствии. По-прежнему горячую энергию проявлял Горожанский: он неустанно агитировал, вербовал кандидатов и возбуждающе действовал на А. М. Муравьева. Но этот незнатный сын коллежского асессора был наименее типичным представителем аристократического кружка; в его приподнятом настроении уже чувствовались признаки будущего психического недуга. Кризис республиканской ячейки был выражением не только индивидуальных идеологических надломов, он отражал собой глубокий общественный сдвиг, который охватывал передовые круги аристократического дворянства. Сельскохозяйственный кризис и обусловленная им реакция бросали вправо недавние либеральные элементы; настроение политической оппозиции утрачивало прежнюю напряженность; постепенно ускользала та почва, которая поддерживала и питала революционную действенность сословного авангарда. Накануне петербургского восстания республиканцы Анненков и Свистунов мало отличались по своему общему настроению от представителей ближайшего общественного круга: и от Михаила Орлова, и от Василия Давыдова и от Никиты Муравьева¹⁸.

Единственным человеком, который ни на одну минуту не свертывал своего боевого знамени, был увлекающийся и энергичный Вадковский. Зброшенный в провинциальное захолустье, оторванный от своей социальной базы, предоставленный самому себе, он по-прежнему волновался и горел в огне неустанной деятельности. Осенние месяцы 1825 г. были вершиной его революционной работы. Но доверчивый и неумелый конспиратор уже шел навстречу ожидавшей его гибели: в начале сентября состоялось его свидание с провокатором Шервудом, который увлек его картиной несуществующего тайного общества на территории военных поселений. Перед Вадковским мелькнула волнующая мысль о необычай-

ном усилении революционной организации и о возможной близости грядущего столкновения.

С этим моментом связано последнее свидание Вадковского с его двоюродным братом и другом Захаром Чернышевым. С сентября 1825 г. З. Чернышев числился в четырехмесячном отпуске и проживал в своем орловском имении Тагино. Почти одновременно сюда приехали А. Г. Муравьева, а через некоторое время ее муж, руководитель Северного общества. Время от времени в Тагино наезжали родственники и знакомые: приехал Ф. Вадковский, а за ним ближайший сосед, московский республиканец прапорщик В. Толетой. В сокровенных дружеских разговорах члены революционного общества делились сомнениями, планами и надеждами. Толстой познакомил Вадковского с московскими событиями и отношениями, сообщил ему о предполагаемом денежном пожертвовании Бобринского и о проекте подпольной революционной типографии. В свою очередь Вадковский рассказал З. Чернышеву о плане вооруженного восстания и царубийства, о разногласиях между Северным и Южным обществами, о революционной программе Пестеля и об ожидаемой вспышке в военных поселениях. Открывая З. Чернышеву эти подробности, Вадковский тем самым повышал его в следующую организационную степень: из «брата» он делал его «мужем»; по-видимому, он поступил так с определенной целью. Вадковскому необходимо было послать отчетное письмо в Южную директорию и познакомить Пестеля с агентом «новооткрытого» общества унтер-офицером И. В. Шервудом. Это ответственное поручение он решил возложить на Николая Булгари, а самого Н. Булгари вызвать из Одессы через посредство З. Чернышева. Неожиданная болезнь матери помешала З. Чернышеву исполнить предложенную миссию, но, принимая поручение Вадковского, он неизбежно солидаризировался с революционными проектами Южного общества. Это обстоятельство сыграло отягчающую роль в его последующей судьбе, было причиной его категоричного приговора и источником его многолетних страданий. Имя Захара Чернышева стало немедленно известным провокатору Шервуду: Вадковский на новом свидании откровенно рассказал ему о своих замыслах и попутно назвал ему многих из заговорщиков. За два дня до восстания 14 декабря вел. кн. Николай Павлович получил в Петербурге подробное донесение генерала И. И. Дибича о действиях Шервуда, о рассказах Вадковского, об участии З. Чернышева и о многом другом, относившемся к революционному заговору. Дибич сообщал, что заговор касается многих лиц в Петербурге и «наиболее в Кавалергардском полку». Вел. кн. Николай Павлович немедленно отвечал ему о принятых мерах и об ожидаемых событиях. В этом «высочайшем» ответе были следующие короткие строки: «Выслать навстречу Булгари и Чернышеву фельдъегерей для взятия их под арест за городом и сюда доставить в крепость». Таким образом, З. Чернышев был обречен — обречен раньше, чем проявилась его активная деятельность, прежде, чем разразилось вооруженное восстание¹⁹.

В это время кружок петербургских республиканцев, с которым связал свое имя З. Чернышев, переживал мучительные дни колебаний и нерешимости. Известие о смерти Александра I поставило перед кружком вопрос о немедленном выступлении, который вытекал из всей предшествующей программы, из всех предположений, завещанных Пестелем. Руководители филиала Горожанский и Свистунов через посредство А. М. Муравьева поспешили выяснить позицию Северного общества. К. Ф. Рылеев и кн. Е. П. Оболенский отвечали: «если будут присягать цесаревичу, то присягнуть, в противном случае сопротивляться». Прися-

га вел. кн. Константину Павловичу прошла без всякой оппозиции. Тем не менее в недрах Северной думы родился первый проект вооруженного восстания: поднять полки под предлогом мнимого заветания Александра I о сокращении солдатской службы; вывести возмущившиеся войска на Сенатскую площадь и принудить правительство подписать конституцию. А. Муравьев сообщил предложение Северной думы главным представителям Южного общества. Горожанский присоединился к проекту, Свистунов ответил на него ироническим смехом. Через несколько дней Северное общество сообщило новый переработанный проект: вызвать восстание в случае отречения Константина; опереться на верность присяге, выйти на Сенатскую площадь, заставить дать конституцию. На этот раз к проекту присоединились Горожанский и Анненков; Свистунов по-прежнему отнесся к нему скептически-отрицательно. События нарастали. Северная дума выдвинула диктатора, выработала план предстоящего выступления, постаралась связаться с полками Гвардейского корпуса, попыталась послать извещение в Южное общество. Оболенский предложил выполнить эту посредническую миссию Свистунову, но тот решительно отказался от предложенного ему поручения. Скептическое настроение Свистунова стало передаваться и остальным офицерам. 12 декабря состоялось совещание у Горожанского, наиболее энергичного из членов рассылавшегося кружка. Решили установить непосредственную связь с Северной думой, Анненков и Арцыбашев поехали к Оболенскому и узнали о намеченном плане переворота. Оболенский в присутствии Рылеева призывал кавалергардов к активным революционным действиям, предлагал им воздействовать на солдат, заклинал их «умереть вместе». Но члены республиканского филиала отвечали уклончиво и нерешительно, ссылались на неопределенное построение полка, высказывали сомнения в своих силах. Не обнаруживая революционной инициативы, они ограничились летучими советами и частными разговорами. Напрасно активное ядро уговаривало Свистунова остаться и принять непосредственное участие в надвигающихся событиях: Свистунов предпочел под предлогом служебной командировки уехать из Петербурга накануне назначенного восстания. Единственное, на что он согласился, — это, заехав в Москву, передать письменный вызов Михаилу Орлову и сообщить устное поручение Семенову. Васильчиков последовал примеру Свистунова. Дедрадович не выразил согласия на выступление; Кологривов, Свиныи и З. Чернышев находились за чертой Петербурга; Гангелов стоял в загородном батальоне. Таким образом, северные последователи Пестеля оказались менее активными и решительными, чем руководители Северного общества: в кружке республиканских офицеров не оказалось ни революционной воли, ни авторитетного руководителя. При таких неблагоприятных условиях наступило утро 14 декабря²⁰.

Момент принесения присяги в казармах кавалергардов открывал несомненные возможности для революционного выступления: приказ дивизионного командира «присягать, не рассуждая» вызвал открытое волнение выстроившегося полка. Члены тайного общества и здесь не проявили революционного почина. Покорно и молча они уступили инициативу полковому командиру Апраксину и вместе с успокоенными солдатами принесли торжественную присягу самодержавному императору. Возмущение Московского и Гренадерского полков на минуту вывело заговорщиков из состояния политической апатии. Арцыбашев и Анненков бросились к Горожанскому, Горожанский бросился агитировать солдат, поехал в Измайловские казармы, в одиночку вышел на Сенатскую пло-

щадь. Но эта мгновенная и запоздавшая вспышка не изменила создавшегося положения. Колеблясь и не решаясь, бывшие республиканцы пассивно отделились от потока событий: подчинились приказу Николая I, сели на коней, выехали на Адмиралтейскую площадь и составили боевой резерв в защиту самодержавного императора. В ответственный исторический момент они изменили своему революционному знамени и подчинили свою волю воле нового самодержца. Эта измена пестелевским идеям не избавила их от ареста, крепости и суда. Но она с наглядностью показала внутреннюю противоречивость их позиции, несоответствие их социального положения их отвлеченному революционизму. Перед лицом начавшегося восстания они не почувствовали в себе настоящего действенного стремления революционно опрокинуть самодержавно-дворянскую империю²¹.

IV

Чернышевы узнали о петербургских событиях через орловского губернатора, который лично приехал в Тагино и сообщил полученную новость семье влиятельного вельможи. Через несколько дней, 20 декабря Никита Муравьев был вызван к московскому генерал-губернатору; стали известны подробности о восстании и об убийстве М. А. Милорадовича; наконец, приехал фельдъегерь за графом Захаром Чернышевым. Оставшееся семейство было охвачено волнением и неизвестностью. Особенно страдала старая графиня Чернышева, еще недавно разбитая нервным параличом. А. Г. Муравьева поспешила в Петербург и там, в обстановке всеобщей тревоги и разнообразных слухов, узнала истинные причины разразившегося несчастья: ей доставили покаянное письмо ее мужа, который называл себя одним из руководителей раскрытого общества и главным виновником горя, в которое ввергнуто столько отчаявшихся семейств.

Постепенно выяснилась прикосновенность Захара к политическому заговору; стало известно об арестах Александра Муравьева, Федора Вадковского, Владимира Толстого и целого ряда других — родственников, друзей и знакомых. Над семьей Чернышевых нависла мрачная туча. Отчаяние и тоска сквозили в письмах Александрины, которые она адресовала матери и сестре. Тяжелый личный удар, мучительная тревога за мужа и брата, забота об арестованном зяте, опасение за здоровье матери — все соединилось, чтобы обрушиться на молодую женщину, одинокую и беспомощную перед лицом этого «всеобщего бедствия». А. Г. Муравьева сумела найти в себе глубокие внутренние силы, чтобы побороть состояние безнадежности, внести бодрящее чувство в узников каземата и дать высокую нравственную оценку их политическому выступлению²².

27 декабря Захар Чернышев был доставлен в Петербург и привезен во дворец на личный допрос к императору. Вначале Николай I мягко отнесся к офицеру Кавалергардского полка, не принимавшим участия в возмущении на Сенатской площади. Очевидно, услуги, оказанные полком 14 декабря, располагали самодержавного следователя к снисходительной оценке «молодых увлечений». Анненков, Арцыбашев и Александр Муравьев после первого допроса отделались четырехмесячным заключением в провинциальных крепостях. Так же милостиво обошлись с З. Чернышевым; по свидетельству отца, император «простил» заблудшего офицера, не обнаружив в его поступках никакой серьезной государственной вины. Коменданту Петропавловской крепости было приказа-

но «присылаемого графа Чернышева посадить на гауптвахту, содержа хорошо». Генерал Сукин точно выполнил высочайшее повеление и поместил арестанта на офицерской квартире в отделении Петровской куртины, «под флагом». Для заключенных потянулись томительные дни одиночного заключения, прерываемого вызовами в Следственный комитет, письменными допросами и для очень немногих — получением писем и редкими свиданиями с родственниками. Захар Чернышев оказался одним из таких немногих привилегированных лиц: А. Г. Муравьева обменивалась с ним короткими письмами и время от времени получала разрешение видеть его в помещении крепости²³.

Но с З. Чернышевым случилось то же самое, что и с целым рядом других подсудимых: по мере хода официального следствия выяснялось его участие в обществе и его близость к революционному кружку, замышлявшему республику, восстание и цареубийство. Первые ответы З. Чернышева носили общий и уклончивый характер. Но, получив конкретные вопросы Следственного комитета, З. Чернышев дал обстоятельные и откровенные показания. Правда, он дал их в сухом и спокойном тоне, сохраняя чувство собственного достоинства, не отрекаясь от либерализма и избегая всякого намека на раскаяние. Но он ничего не скрыл от своих следователей: припомнил немногие эпизоды своей кратковременной «деятельности», сцену принятия его в члены, беседы с Вадковским, разговоры о тайном обществе и сведения об его личном составе. Он постарался вспомнить все имена и объяснить внутренние мотивы своего вступления в организацию. Меньше всего он пощадил самого себя: не вызываемый Следственным комитетом, без всякого оговора со стороны Вадковского, он сообщил о том, что знал республиканскую цель Южного общества, его подготовку к вооруженному восстанию и план истребления императорской фамилии. Вадковскому оставалось только подтвердить содержание этой интимной беседы, происходившей когда-то с глазу на глаз. К излишней откровенности присоединилось и независимое поведение на следствии. По словам современников, генерал А. И. Чернышев, желавший «породниться» с семьей сиятельного вельможи, встретил молодого графа благодушно-фамильярным вопросом: «Comment, cousin, vous etes coupable aussi?» («Как, кузен, и вы состоите в числе виновных?») З. Чернышев, преисполненный чувства аристократического достоинства, обрезал своего однофамильца короткой фразой: «Coupable, reut-etre, mais cousin jamais» («Может быть я виновен, но я никогда не был вашим кузеном!)). Рассказывали, что эта резкость по адресу всемогущего «высочки» немало напортила З. Чернышеву. А. Г. Муравьева постоянно плакалась в своей переписке, что Захар ведет себя «неумно» и «заносчиво», что он сам себя губит своим поведением. По видимому, в основе сжатых, но откровенных показаний З. Чернышева лежало такое же чувство своеобразной «чести», не допускавшее с точки зрения подсудимого никакой тактики запирательства и обмана. Эта невыгодная позиция действительно погубила Захара Чернышева. Николай I был особенно милостив к раскаявшимся декабристам, униженно молившим его о высочайшей пощаде, и, наоборот, он был особенно строг к заговорщикам, которые позволяли себе проявлять независимость и «заносчивость». Показания З. Чернышева давали формальное основание для самого сурового приговора: он знал об умысле бунта и цареубийства и не донес об этом умысле до сведения правительства. В противоположность многим членам республиканского филиала, которые отделались обыкновенным дисциплинарным взысканием, З. Чернышев был подверг-

нут суду и должен был вынести на себе тяжелые последствия обвинительного приговора²⁴.

Письма А. Г. Муравьевой рисуют ее душевное состояние и положение ее семьи в эти тяжелые месяцы официального следствия. Между Никитой Муравьевым, заключенным в Петропавловской крепости, и его женой установились конспиративные сношения с помощью тюремной стражи. Посредством тайных записок Н. Муравьев указывал, какие рукописи и литературу необходимо спрятать от постороннего глаза, выписывал в крепость различные книги и вещи, рассказывал о своих сношениях с заключенными, передавал подробности о своей тюремной жизни. Помимо общения с мужем и братом, А. Г. Муравьева поддерживала непрерывные сношения с верхами столичного общества, быстро узнавала о содержании и тоне сделанных показаний, выясняла настроение в правительственных сферах, добивалась личных свиданий, подробно информировала свою семью. Сожаления окружающих только усиливали ее внутренние страдания. «Тоска, болезнь, настоящее, будущее и хуже всего воспоминания о счастливом прошлом убивают меня», — писала она сестре. Моментами она чувствовала, что силы ее оставляют, что ее охватывает ненависть к жизни и ей осталось единственное желание — смерти. Она испытывала отвращение к Петербургу, его людям, улицам и домам, которые казались ей враждебными и угрожающими. Но это состояние превозмогалось приливом активности, чувством гордости, которое было завоевано несчастьем и любовью к мужу, которая вдохновляла на жертву. Далекая от политики, А. Г. Муравьева поняла бескорыстие революционного подвига и возвела на героический пьедестал заточенного и обвиняемого мужа. На его мольбы о прощении она отвечала выражением глубокой любви и стремлением разделить с ним все лишения и невзгоды будущей жизни. Она сумела отличить предательство и измену некоторых опрошенных подсудимых и, несмотря на перлюстрацию писем, не могла сдержать своего отношения к происходящим событиям. «В течение месяца со всех концов России свозят в тюрьму дворянство; я хотела бы знать, откуда правительство немедленно получит взамен него новое...» — писала она своей матери. Ее охватывало впечатление, будто она находится в неприятельском городе: «Половине гвардии приказано быть все время под ружьем, пистолеты заряжены; чего боятся, чего еще ожидают?..» Начало нового царствования представляется ей злоежом: половина России утопает в слезах... Правда, эти нотки оппозиционности не мешают А. Г. Муравьевой проявлять монархическую лояльность и обращаться к высочайшим особам с просьбами и мольбами. Главная из этих просьб — разрешить ей следовать за своим мужем, куда бы ни занесла его немилостивая судьба. Задолго до официального приговора А. Г. Муравьева отбрасывает от себя всякие иллюзии, произносит страшное слово «Сибирь» и заранее хлопочет о разрешении на поездку. Она не обманывает себя и других: происхождение, богатство, положение в обществе имеют большое значение и для мужа, и для нее; разлука с семьей и с детьми будет для нее большим испытанием; но ее ничто не пугает, она готова порвать со всем миром — она во власти единственной мысли о неразлучной жизни с Никитой. Семейство Чернышевых вполне разделяло мысли и чувства А. Г. Муравьевой. Сила разразившегося удара не убила в них дружеского отношения к Никите Муравьеву и способность понять чужое страдание. Отец и мать постарались ободрить отчаявшегося зятя и, в противоположность Раевским, не стали удерживать свою дочь от задуманной поездки. Молодые графич-

ни Чернышевы, увлеченные культом героических личностей, видели в Н. Муравьеве и в своем брате Захаре смелых борцов, страдающих от самодержавного деспотизма. Струя активного искреннего сочувствия достигала до крепостного каземата, скрашивала узникам томительное одиночество и убивала их ощущение трагического бессилия.

К будущему Захара А. Г. Муравьева относилась спокойно: сначала ей казалось, что он вне всякой опасности, что его мимолетное участие в обществе не вызовет сурового наказания. Двойной приговор на каторгу — мужу и брату — был для нее новым оглушающим ударом. Сила испытанного потрясения ярко отразилась в ее последнем прошении к царю. Чувствуя себя обреченной на смерть, которую она добровольно разделяет со своим мужем, накануне прощания с родиной и детьми она умоляет о снисхождении к ее брату, так мало замешанному в дело революционного общества. Он — единственная опора для больного отца, для умирающей матери и для пяти сестер, «едва покинувших младенческий возраст, но уже увядших от слез и печали». Она просит оставить матери хоть маленький луч надежды, который ослабил бы печальную горечь их последнего жизненного свидания...²⁵

Но Захар Чернышев не был прощен императором. Вместе с братьями Муравьевыми, Свистуновым, Ф. Вадковским и Анненковым он был приговорен к лишению чинов и дворянства и к ссылке на каторжные работы. По силе своей вины он был зачислен в VII разряд государственных преступников и получил 4-летнюю каторгу. Родные и друзья были уверены, что этот суровый судебный приговор был результатом корыстной интриги генерала А. И. Чернышева. В начале февраля 1827 г. Захар Чернышев имел прощальное свидание со своим отцом и, закованный в кандалы, был отправлен в Сибирь в сопровождении фельдъегеря. К этому моменту его сестра А. Г. Муравьева уже успела выехать из Москвы, направляя свой путь в далекое читинское захолустье; в Петербурге, в Иркутске, в Чите — всюду она должна была подписывать тяжелые и унижительные условия, которые ограничивали ее личные права. В Иркутске она нагнала М. Н. Волконскую, в Читу приехала первая из всех женщин; вместе с письмами от родных она привезла с собой заключенным поэтическое приветствие А. С. Пушкина, который вдохновенными строками ободрял сосланных декабристов²⁶.

Осуждение сына не лишило отца прежних придворных милостей: Николай I не хотел окончательно сорваться со своим дворянством и постарался публично засвидетельствовать это нежелание перед всем светом. В январе 1826 г. старик Чернышев удостоился милостивого рескрипта, в 1828 г. император принял его сторону во время скандального процесса о майорате, в 1829 г. ему отдавалось «высочайшее» предпочтение в придворных котильонах. Но эти внешние признаки царского расположения не могли уничтожить глубокой трещины, которая расколола большую и дружную семью Чернышевых. От дочери приходили сибирские письма, которые в мрачных красках рисовали «проклятую страну», говорили о разлученности с мужем, передавали мучительную тоску о покинутых детях. Осужденный сын был заперт в сибирском остроге, а через год был сослан на глухие берега Лены. В Москве умирали графиня Чернышева и ее мать, в Петербурге быстро оборвалась жизнь маленького внука, сына уехавшей Александрины. Старик Чернышев, изнуренный несчастьями и болезнью, чувствовал приближение конца; охваченный приливом мистических настроений, он окружил себя масонскими символами, ежедневно ложился в гроб и навсегда отрекся от своей преж-

Декабрист З. Г. Чернышев на Кавказе.
Акварель Р. И. Дорохова, 30-е годы
XIX в. (ГИМ)

ней веселости; его сознание окочало тяжелое и холодное безразличие; только мысли о детях бросали согревающий луч на его последние обрывавшиеся дни²⁷.

Казалось, пребывание в Чите не было особенно тягостным для Захара Чернышева. Его окружала дружеская товарищеская среда, еще молодая и полная жизненных сил; внутренняя энергия переливалась через край в бревенчатых стенах Читинского острога: усиленные занятия, чтение присылаемых журналов, поэтические опыты, политические беседы скрашивали тюремную жизнь и не давали заглухнуть умственным интересам. «Каторжные работы» сводились к пустой формальности, отношение коменданта Лепарского было осторожное и тактичное. Для З. Чернышева были особенно дороги постоянное общение с Муравьевыми и близость Александрины, которая поселилась тут же, недалеко от острога. Но тюремная жизнь таила в себе постоянные опасности законные в кандалы «государственные преступники» всегда рисковали ока-

заться в трагическом положении. Однажды А. Г. Муравьева подверглась оскорблению со стороны пьяного дежурного офицера; заключенные, в том числе Захар Чернышев, бросились на помощь преследуемой женщине и схватили взбешенного офицера: тот скомандовал часовым, чтобы они примкнули штыки и двинулись к нему на помощь. Еще одно мгновение и в помещении Читинского каземата могло бы разразиться «подавление бунта». Только энергичными усилиями заключенных удалось удержать караульных и предотвратить грозившую катастрофу. Сознание своей несвободы, впечатления крепости и суда, ощущение цепей и каторжного каземата произвели сильное впечатление на З. Чернышева: среди осужденных он особенно выдавался своей внешней худобой и своим подавленным настроением²⁸.

В марте 1828 г. по манифесту З. Чернышев был отправлен на поселение вместе с другими «преступниками» VII разряда. После тяжелого прощания с сестрой и Н. Муравьевым он двинулся в путь вместе со своим другом С. Кривцовым. В отличие от других осужденных его поставили в более сносные условия: он поселился в Якутске, где встретил старого товарища Александра Бестужева. Их жизнь текла печально и однообразно — в чтении книг, в воспоминаниях о прошлом и в робких мечтах о будущем. А. Бестужев иронически сообщал, что их дни «состоят из глотков чая, клубов табачного дыма, вздохов и зевоты». Это тягучее существование было прервано новым событием: в 1828 г. разразилась русско-турецкая война, влиятельные родственники оказали давление на правительство и оба декабриста получили разрешение принять непосред-

ственное участие в кавказской кампании. З. Чернышев был отправлен в Тифлис в сопровождении фельдъегеря и 3 апреля 1829 г. возобновил свою военную службу. Его зачислили рядовым в Нижегородский драгунский полк, которым командовал Н. Н. Раевский, человек близкий к А. С. Пушкину и многим из декабристов. З. Чернышев сражался с горцами, проявлял исключительную храбрость, бросался в атаку во главе своего дивизиона и был ранен в грудь пулей навывлет. Он обращал на себя внимание своим спартанским образом жизни и нежеланием выделяться из общей солдатской массы. По окончании войны Н. Н. Раевский ходатайствовал об его производстве в офицеры, но эта просьба не получила удовлетворения в Петербурге. Сам Н. Н. Раевский на основании доноса заезжего адъютанта был обвинен в непростительном послаблении «государственным преступникам», которое колебало устои воинской дисциплины. И. Ф. Паскевич доносил Николаю I, что короткое обращение Н. Н. Раевского с З. Г. Чернышевым «есть признак, что дух сообщества существует, который по слабости своей не действует, но с помощью связей между собою живет». Сам Н. Н. Раевский отделался домашним арестом, но прощения отличившимся декабристам не последовало, и З. Чернышеву пришлось удвоить свою прежнюю осторожность. За бывшими членами тайного общества неотступно следили подосланные агенты. З. Чернышев избегал встречаться с бывшими товарищами по политическому процессу. По окончании кампании, живя под Тифлисом на крепостных работах, он увиделся с другим из сосланных декабристов — поручиком Гангебловым. Изредка они беседовали друг с другом, устраивая тайные встречи в стороне от лагеря, в заброшенных садах бежавшего населения. Видавшие З. Чернышева в этот кавказский период его жизни отмечали его религиозную покорность — обратную сторону той внутренней резиньяции, которую воспитали в нем душевные переживания его тюремных и солдатских лет²⁹.

Наконец, в 1833 г. З. Чернышев был произведен в офицеры, получил право на отпуск, посетил своих родных и в 1834 г. в Яропольце обвенчался со своей свойственницей, дочерью сенатора Е. А. Тепловой. Через несколько лет благодаря энергии родственников он был уволен в отставку в чине армейского подпоручика. Ему разрешили поселиться в имении Ярополец, которое оставалось в юридическом владении его старшей сестры. К этому моменту многое изменилось в семействе Чернышевых: представителей старшего поколения уже не было в живых; выросшие сестры обзавелись собственными семьями; имение умершего графа подверглось полюбовному наследственному разделу. По общему соглашению Захару Чернышеву, потерявшему право на майорат, было подарено орловское имение Тагино. Правительство разрешило бывшему декабристу поступить на гражданскую службу, и он числился сначала в орловском дворянском собрании, затем в канцелярии московского губернатора. Сохранились только отрывочные сведения об этой полосе его жизни. Его душенный облик окончательно сформировался: в глазах окружающих он представлялся приветливым и любезным, но его интимные письма поражали близких людей своей безысходной и глубокой грустью.

Передовое московское общество видело в З. Чернышеве представителя смелого поколения либеральных политических деятелей. Поэтесса гр. Е. П. Ростопчина поднесла ему свое юношеское стихотворение «Послание к страдальцам». В лице уцелевшего декабриста она приветствовала «изгнанников за правду и закон», которые завоевали себе славу

политическим мученичеством:

Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И рабства иго снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.

.
Быть может... вам и нам ударит час блаженный
Паденья варварства, деспотства и царей,
И нам торжествовать придется мир священный
Спасенья Россиян и мщенья за друзей!..

Севастопольская кампания положила начало новому правительственному курсу. Под влиянием усилившегося политического оживления была дана всеобщая амнистия декабристам. З. Г. Чернышеву были возвращены дворянство и графский титул. Не нуждаясь в денежных средствах, он предпочел покинуть Россию и провести последние годы своей жизни в Италии. В мае 1862 г. на римском кладбище Monte Testaccio опустили в землю тело умершего Захара Григорьевича Чернышева. Он сошел со сцены в либеральную эпоху, которая прославляла политические стремления декабристов, ушел, не только вернув себе прежнее положение и богатство, но и присоединив к ним новое преимущество почетного общественного признания ³⁰.

Гораздо трагичнее была смерть его сестры А. Г. Муравьевой. Ее погубили сибирский климат и постоянные душевные волнения, связанные с жизнью тюрьмы, с судьбой мужа, со смертью близких людей, с мыслью о покинутых детях. Подточенный организм был бессилен против начавшегося недуга; 22 ноября 1832 г. А. Г. Муравьева умерла на руках мужа и нескольких друзей, которые в трогательных красках описали ее последние жизненные часы. Она оставила после себя маленькую дочь, которая сделалась предметом заботливой опеки со стороны сестер Чернышевых; в течение многих лет они не переставали переписываться с Никитой Муравьевым и принимать живое участие в его последующей судьбе. Воспоминание о 14 декабря и его политических жертвах навсегда сохранилось в ближайших ответвлениях семейства Чернышевых ³¹.

V

Прошло несколько десятилетий. Во время своих сибирских странствий В. Г. Короленко попал на угрюмые берега Лены, в глухой и сумеречный Нюйский станок. Он остановился в убогой избушке, которую занимали старик и двое детей, мальчик и девочка. Стояла поздняя осень; замкнутое ущелье озарялось последними лучами сибирского солнца, которое на долгую зиму скрывалось за линией горных хребтов. Старик рассказывал, что его внуки — «исконного рода», потомки генерала Захара Григорьевича Чернышева, сосланного в Сибирь после восшествия на престол Николая I. «Помню: детей все грамоте наставлял и книги читал. Большой был книгочей. Умирая, со слезами приказывал: главное дело за грамоту держитесь крепче». Вернувшись в Россию, Короленко не раз вспоминал об этой случайной встрече на сибирской окраине. Последний луч уходящего солнца ассоциировался в его представлении с мгновенным лучом вооруженного восстания, с последним потомком угасавшего рода и с волжскими песнями о добром мблodge Захаре Чернышеве, заключенном в темницу и скликающем удалую бурлацкую вольницу. Воспомина-

ния и образы прошлого наводили писателя на невольные выводы: «Этот ссыльный Чернышев жил, к чему-то стремился, за что-то жертвовал жизнью, за что-то попал в далекую Сибирь и в то время, как другие его товарищи, более блестящие и более счастливые, выбились опять на вершины жизни, где сияет день и светит солнце, скромный Чернышев угас на берегах далекой и угрюмой реки, слившись навсегда за себя и за своих потомков с безличной темной массой, называемой народом»³².

Теперь, разбираясь в рукописных и печатных материалах, мы лишь раз видим, насколько историческая легенда прекраснее реальной исторической действительности. Действительный декабрист Захар Григорьевич Чернышев не угасал безвестно и одиноко на угрюмых берегах Лены, не вдохновлялся народническими стремлениями и менее всего был способен возглавлять рабочее и крестьянское восстание. Выходец из дворянской аристократии, он до конца своих дней остался верен привычкам и интересам своего класса. Но его прикосновенность к общественному движению не была загадочной исторической случайностью. Он был одним из многих, захваченных в водоворот революционной борьбы; его неяркая политическая фигура сливается с определенной группой землевладельческого дворянства, которая постепенно перерождалась в буржуазию и проникалась революционно-буржуазной идеологией. В этом передовом авангарде правящего сословия были различные классовые группировки и разнообразные политические оттенки. Кружок петербургских кавалергардов, к которому принадлежал Захар Чернышев, занимал крайнюю правую декабристского фронта. Правда, эта небольшая группа выступала как единое целое под знаменем Южного общества и клялась республиканскими заветами П. И. Пестеля. Но мы не должны обманываться внешними узорами их политической идеологии. Наиболее активные из их среды были такими же поклонниками Руссо, какими были многие представители образованного дворянства на рубеже XIX столетия; их отвлеченный республиканизм, подогретый возбуждающей агитацией Пестеля, остался словесной декларацией, не претворившейся в действие; их социальные привычки и интересы связывали их с классом крупнейших земельных собственников, занимавших вершину общественной пирамиды; социальные планы Пестеля не увлекали их на борьбу, революционизирующим стимулом их недолгой политической деятельности была идея тираноубийства, вполне совместимая с положением и традициями русской аристократии. За активным ядром республиканского кружка стояли политически неоформившиеся члены, которыми руководили не столько продуманные взгляды, сколько изменчивые и неопределенные настроения; да и сами представители активного политического ядра переживали внутренний кризис, который уводил их далеко от радикальных принципов Пестеля. 14 декабря было проверкой республиканских убеждений и революционной готовности кавалергардского кружка; история этого дня воочию показала, что за резкой фразеологией и субъективными вспышками таились иные социальные влечения и политические наклонности. Участники кружка объясняли свое непоследовательное поведение различными мотивами, но за этим разнообразием личных переживаний скрывалась единая могущественная сила: инстинктивная привязанность к существующему сословно-землевладельческому государству. Либерально настроенная аристократия не пошла и не могла пойти на вооруженное восстание, которое опрокидывало самодержавно-дворянскую империю не в туманной и заоблачной дали, а в реальной и близкой действительности. Эта группа правящего сословия была способ-

нее на дворцовый переворот и тактику царевубийства, чем на открытую и радикальную революцию. Однако победившее самодержавие, поддержанное массивом землевладельческого класса, не простило правому флангу декабристов его словесной угрозы по адресу монархии и династии. Драматические перипетии, пережитые семейством Чернышевых, — яркая иллюстрация этого исторического вывода.

- ¹ ЦГАДА, ф. 1355 (Экономические примечания к генеральному межеванию), д. 754, 751; д. 750, л. 20—23; д. 727, № 50/2, 23, 46, 48, 71, 74, 78; д. 728, 729; ОПИ ГИМ, ф. 16, арх. 1140/76001 (Книга исходящих дел в Орловскую, Воронежскую, Рязанскую вотчины и другие места, 1 сентября 1832 г.; Прощение Е. Г. Чертовой, с. 107); *Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII столетий*. М., 1896, вып. 9, с. 12—16; *Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга*. 2-е изд. СПб., 1895, т. 2, с. 353—357; *Русский биографический словарь*. СПб., 1905, Чернышевы; Из бумаг Н. П. Архарова. — *Русский архив*, 1864, № 9, с. 876; Любвные записочки высокой особы XVIII века. — Там же, 1881, кн. 3, с. 390.
- ² Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. — *Русский архив*, 1875, кн. 2, с. 182.
- ³ Письма гр. Г. И. Чернышева к кн. С. Ф. Голицыну, 1790 г. — *Русский архив*, 1871, с. 385—408; Письмо И. Г. Чернышева Суворову, 2-го января 1791 г. — Там же, 1874, кн. 2, с. 545; *Долгоруковы И. М. Капище моего сердца*. М., 1874, с. 265, 266; *Шуми-горский Е. С. Имп. Мария Федоровна*. — *Русский архив*, 1891, кн. 1, с. 26—27; *Лонгинов М. Управление русскими театрами в Петербурге и в Москве*. — Там же, 1870, с. 1554; Из записок арх. Фотия. — *Русский архив*, 1869, с. 934—935; *Алексеевский Б. Чернышев, гр. Григорий Иванович*. — *Русский биографический словарь*; РО ГБЛ, ф. 147 (С. С. Ланского и С. В. Ешевского), д. 73 (старый шифр: М, 1950).
- ⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 157, л. 16—6 (Копия постановления Московской дворянской опеки, 1837 г.); ЦГАДА, ф. 1355, д. 1007, № 256; д. 971, № 82, 171; д. 249, № 11; ОПИ ГИМ, ф. 16, арх. 999/76001 (Чертежи пахенным землям, рекам, лесным и пр. угодьям, принадлежащим к селу Тагину); арх. 1140/76001; *Сочинения Г. Р. Державина*. СПб., 1871, т. 6, с. 177—179, 708—712.
- ⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 138 (письма Е. П. Чернышевой); *Записки И. С. Жиркевича*. — *Русская старина*, 1875, т. 13, с. 573—580; *Записки гр. М. Д. Бутурлина*. — *Русский архив*, 1897, кн. 2, с. 39—44.
- ⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 123, 129, 118, 126, 127, 137, 132 (дневник и письма А. Г. Муравьевой); Из переписки декабристов. — *Голос минувшего*, 1914, № 4; *Записки кн. М. Н. Волконской*. СПб., 1904, с. 72, 96; *Анненкова П. Е. Записки жены декабриста*. Пг., 1915, с. 115; *Розен А. Е. Записки декабриста*. СПб., 1907, с. 150; *Записки Н. И. Лорера*. — *Русское богатство*, 1904, № 7, с. 36; *Записки Н. В. Басаргина*. Пг., 1917, с. 169—170.
- ⁷ *Записки гр. М. Д. Бутурлина*, с. 39—41, 73—74; *Портреты декабристов в собрании Государственного Исторического музея*. М., 1927.
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 391 (дело Захара Чернышева) [ВД. М., 1979. Т. 15]; РО ГБЛ, ф. 147, д. 23 (М, 1900), 27 (М, 1904); *Свистунов П. Н. Несколько замечаний...* — *Русский архив*, 1870, с. 1649; *Воспоминания декабриста А. С. Гангелова*. М., 1888, с. 215, 216.
- ⁹ *Ланчулидзева С. История кавалергардов*. СПб., 1899—1912. Т. 1—4; *Он же. Сборник биографий кавалергардов*. СПб., 1901—1908. Т. 3, 4; Из писем К. Я. Булгакова к брату его, Александру Яковлевичу. — *Русский архив*, 1902, кн. 3, № 11, с. 344; *Граф Е. Е. Комаровский*. — Там же, 1896, кн. 2, № 7, с. 409; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 391 [ВД, т. 15].
- ¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 401 (кн. Барятинского), л. 41—43 об. [ВД. М., 1953, т. 10, с. 277—278]; д. 405 (дело Ф. Вадковского), л. 1 [ВД. М., 1954. Т. 11]; д. 397 (дело М. Муравьева-Апостола), л. 109, 113 [ВД. М., 1950, т. 9, с. 252, 255]; д. 427 (дело Поливанова), л. 12, 15 [ВД. М., 1975, т. 13, с. 50, 52—53].
- ¹¹ Федор Вадковский приходился по матери родным племянником Григория Ивановича Чернышева. Личность Федора Вадковского хорошо обрисовывается из его показаний, дополненных показаниями других членов республиканского филиала. См.: ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 405 (дело Ф. Вадковского) [ВД, т. 11]; Письмо Ф. Вадковского П. И. Пестелю напечатано И. Троцким в «Каторге и ссылке» (1929, № 2 (51), с. 84—92); ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 427 (Поливанова), л. 5 об. [ВД, т. 13, с. 53]; д. 369 (Кривцова), л. 11 об. [ВД. М., 1976, т. 14, с. 373]; д. 391 (З. Чернышева) [ВД, т. 15].

- ¹² ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 397 (дело М. Муравьева-Апостола), л. 115 об.—118 об. [ВД, т. 9, с. 257—260]; д. 427 (Поливанова), л. 2, 3, 14, 10, 11 [ВД, т. 13, с. 59, 51—52, 48—49]; д. 367 (Свистунова), л. 11 об.—12 [ВД, т. 14, с. 388—399]; д. 104 (Депрерадовича), л. 1, 3 [ВД, М., 1984, т. 18, с. 280]; д. 368 (Анненкова), л. 8, 9 [ВД, т. 14, с. 366—367]; д. 369 (Кривцова), л. 1, 6 [ВД, т. 14, с. 380]; *Свистунов П. Н.* Несколько замечаний...—Русский архив, 1870, с. 1641; Отповедь П. Н. Свистунова.—Там же, 1871, с. 354; ВД, М., 1927, т. 4, с. 163.
- ¹³ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 367 (Свистунова), л. 6 об., 20 [ВД, т. 14, с. 334, 345]; д. 84 (Горожанского), л. 10 [ВД, т. 18, с. 257, 258]; д. 50 (Арцыбашева) [ВД, т. 18]; д. 59 (Васильчикова) [ВД, т. 18]; д. 58 (Вяземского 2-го) [ВД, т. 18]; д. 56 (Колосовова) [ВД, т. 18]; д. 57 (Свиньиной) [ВД, т. 18]; д. 54 (Плещеева 1-го) [ВД, т. 18]; д. 227 (Барыкова); д. 390 (В. Толстого) [ВД, т. 15]; д. 55 (Сабурова 2-го) [ВД, т. 18]; д. 131 (Бобринского); д. 405 (Ф. Вадковского), л. 21 [ВД, т. 11, с. 196]; Отповедь П. Н. Свистунова, с. 354.
- ¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 370 (А. Муравьева), л. 12, 19 [ВД, т. 14, с. 382, 385]; д. 391 (З. Чернышева), л. 6 [ВД, т. 15, с. 248—249 и др.]; Отповедь П. Н. Свистунова, с. 354; *Гершензон М. О.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, с. 141.
- ¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 55 (Сабурова 2-го) [ВД, т. 15]; *Чернов С. Н.* Имущественное положение декабристов.—Красный архив, 1926, № 15; Алфавит декабристов.—ВД, М.; Л., 1925, т. 8; Воспоминания Полины Анненковой. М., 1929, с. 58.
- ¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 367 (Свистунова), л. 18 [ВД, т. 14, с. 344]; д. 405 (Ф. Вадковского), л. 40 [ВД, т. 11, с. 217]; д. 368 (Анненкова), л. 14 [ВД, т. 14, с. 370]; д. 397 (М. Муравьева-Апостола) [ВД, т. 9]; д. 370 (Александра Муравьева) [ВД, т. 14].
- ¹⁷ О первой попытке Пестеля см.: *Дружинин Н. М.* Массонские знаки П. И. Пестеля.—В кн.: Музей Революции СССР: Сб. статей. М., 1929, сб. 2.
- ¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 367 (Свистунова) [ВД, т. 14]; д. 368 (Анненкова), л. 9 [ВД, т. 14, с. 367]; д. 370 (Александра Муравьева), л. 15 об. [ВД, т. 14, с. 384]; д. 427 (Поливанова), [ВД, т. 13].
- ¹⁹ Там же, д. 391 (З. Чернышева) [ВД, т. 15]; д. 390 (В. Толстого) [ВД, т. 15]; д. 405 (Ф. Вадковского), л. 21, 21 об. [ВД, т. 11, с. 202]; *Шильдер Н.* Междуцарствие в России.—Русская старина, 1897, февраль.
- ²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 84 (Горожанского) [ВД, т. 18]; д. 367 (Свистунова), л. 1, 2, 9 [ВД, т. 14, с. 353—354, 334]; д. 370 (Александра Муравьева) [ВД, т. 14]; д. 368 (Анненкова), л. 10 [ВД, т. 14, с. 367]; д. 104 (Депрерадовича), л. 1 об. [ВД, т. 18, с. 280].
- ²¹ Там же, д. 84 (Горожанского) [ВД, т. 18]; д. 370 (Александра Муравьева), л. 10 [ВД, т. 14, с. 394 и др.]; *Панчулидзе С.* История кавалергардов. СПб., 1912, т. 4, с. 26—29.
- ²² ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 391 (З. Чернышева), л. 1 [ВД, т. 15] ф. 1153, оп. 1, л. 129, 130 (письма А. Г. Муравьевой); ВД, М.; Л., 1925, т. 1, с. 293.
- ²³ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 129, л. 57; ЦГВИА, ф. 1 (Канцелярия военного министерства), оп. 1, т. 5 (1837 г.), Особая экспедиция (По секретной части), № 59 (11499); Воспоминания декабриста А. С. Гангелова, с. 83—84, 88—89; *Щеголев П. Е.* Николай I и декабристы. Пг., 1919, с. 9; Воспоминания Полины Анненковой, с. 63—66; Записки А. М. Муравьева. Пг., 1922, с. 18—19.
- ²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 129, 130, л. 10; ф. 48, оп. 1, д. 391 (З. Чернышева) [ВД, т. 15]; ЦГВИА, ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба е.и.в.), оп. 4, д. 345 (Роспись государственным преступникам...); *Юзefович М. В.* Памяти Пушкина. М., 1880; Материалы ЦГАОР СССР опровергают сообщение И. Д. Якушкина о том, что Захар Чернышев не был допрошен Следственным комитетом. См.: Записки И. Д. Якушкина. М., 1926, с. 132.
- ²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 129, 130, 118 (письма А. Г. Муравьевой); д. 133, 134, 135 (письма Н. М. Муравьева жене); ЦГВИА, ф. 36 (Канцелярия дежурного генерала Главного штаба е.и.в.), оп. 4, д. 201, л. 5 (прошение А. Г. Муравьевой, 15-го июня 1826 г.); д. 98, л. 28 (прошение А. Г. Муравьевой, 15 дек. 1826 г.).
- ²⁶ Письма А. Я. Булгакова к его брату, 1827 г.—Русский архив, 1901, т. 7, с. 22; ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 124; д. 32—37 (письма А. Г. Муравьевой); Записки кн. М. Н. Волконской, с. 70, 124.
- ²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 126, 127 (письма А. Г. Муравьевой отцу); д. 137 (письма Г. И. Чернышева А. Г. Муравьевой); Из писем А. Я. Булгакова к брату его, 1826 г.—Русский архив, 1901, № 7, с. 343; *Смирнова А. О.* Записки. М., 1929, с. 178; Архив гр. Мордвиновых. СПб., 1903, т. 7 (письмо Г. И. Чернышева, 1828 г.), с. VI—VII.
- ²⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 56, л. 1; Записки Н. В. Басаргина, с. 113—115.
- ²⁹ Записки И. Д. Якушкина, с. 135; Записки кн. М. Н. Волконской, с. 82; *Гершен-*

зон М. О. Указ. соч., с. 203, 256; Александр Бестужев в Якутске.— Русский вестник, 1870, № 5; Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова, с. 215—216; *Потто В.* История 44 Драгунского Нижегородского полка. СПб., 1894, т. 3, с. 146; *Долгорукий В. П.* В рядах Нижегородского драгунского полка.— Русская старина, 1882, август, с. 443; *Вейденбаум Е.* Декабристы на Кавказе.— Там же, 1903, июнь, с. 486 и след.; *Берже А. П.* А. А. Бестужев в Пятигорске в 1835 г.— Там же, 1880, октябрь, с. 42.

³⁰ ВД, т. 8, с. 419—420; Из записок Н. Н. Муравьева-Карского.— Русский архив, 1894, № 7; 1895, № 2; *Малиновская Н. Г.* О декабристе графе З. Г. Чернышеве.— Там же, 1903, № 1, с. 142; *Юнкер Г. Ф.* Еще о декабристе графе З. Г. Чернышеве.— Там же, № 2, с. 284—287; *Чернышев-Кругликов И. И.* По поводу статей о декабристе Чернышеве.— Там же, № 4, с. 615; Декабристы: Сб. материалов. Л., 1926, с. 7—17.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 1153, оп. 1, д. 114; ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 54; Записки кн. М. Н. Волконской, с. 96; *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 150; Записки Н. В. Басаргина, с. 169—170; Записки Н. И. Лорера, с. 36.

³² *Короленко В. Г.* Сибирские рассказы: II. Последний луч.— Русское богатство, 1901, № 1.

С. П. ТРУБЕЦКОЙ КАК МЕМУАРИСТ

Мемуарная литература, связанная с историей декабристов, чрезвычайно богата: редкий из активных участников тайного общества не оставил после себя тех или иных воспоминаний. Но этот вид исторического источника, при всех своих преимуществах живого и конкретного изложения, отличается неустранимым дефектом — произвольным субъективизмом в передаче действительных фактов. Воспоминания декабристов не представляют собой исключения: именно здесь, в описании драматических коллизий, нередко смещается правильная историческая перспектива. Научная оценка сохранившихся мемуаров является одной из очередных задач декабристской историографии. Опубликование нового мемуарного источника — записей Трубецкого из архива Якушкиных — выдвигает проблему критического анализа в применении к важному памятнику декабристской литературы — к воспоминаниям основателя и одного из руководителей тайного общества.

Публикуемая рукопись является не единственной и не первой редакцией воспоминаний кн. С. П. Трубецкого. Записки Трубецкого появились в печати одними из первых, через три года по смерти автора, в лондонском издании А. И. Герцена¹. В основу издания была положена копия с неполного черного списка, который сложился из нескольких неравномерных частей: большую часть записок составлял слитный рассказ о событиях междуцарствия и о личных переживаниях Трубецкого во время ареста, следствия и суда; за ним следовали отрывочные и отчасти повторяющиеся записи о тех же событиях междуцарствия, о подготовке и проведении восстания, об условиях возникновения тайного общества; записки дополнялись отрывками из дневника 1857 г. и сибирскую переписку с генералом Рупертом. В тексте встречались ошибки и опечатки², правда не имевшие особенно важного значения.

Через 11 лет лондонский текст был перепечатан без всяких изменений в лейпцигском издании Э. Л. Каспрович³. В 1903 г. Гуго Штейниц перепечатал его вторично в Берлине; но он ограничился главным рассказом о междуцарствии и процессе, отбросив все варианты воспоминаний, все отрывки из дневника и все остальные приложения⁴. В 1906 г., в обстановке массовой революции, воспоминания декабристов стали усиленно издаваться в России. Записки С. П. Трубецкого были легально напечатаны в журнале «Всемирный вестник»; редакция воспользовалась лейпцигской публикацией Э. Л. Каспрович, но воспроизвела ее в урезанном виде, по образцу Гуго Штейница. В таком же виде записки вышли отдельным оттиском и выдержали два издания⁵. Таким образом, копия с черного экземпляра, конспиративно посланная за границу и опубликованная А. И. Герценом, сделалась родоначальницей целого ряда последовательно ухудшавшихся изданий — сначала зарубежных, позднее русских.

Потомки С. П. Трубецкого протестовали против заграничного печатания записок. Изменившиеся условия политической жизни побудили их выступить с самостоятельной публикацией. В 1906 г. воспоминания Трубецкого вышли в издании его дочерей (с предисловием З. С. Свербеевой)⁶. Записки были напечатаны «с подлинной рукописи в том виде,

как кн. С. П. Т. оставил ее». Издатели оговаривались, что рукопись декабриста не была окончательно приведена им в порядок. Сравнительно с лондонским изданием А. И. Герцена эта петербургская публикация была гораздо полнее: основной рассказ о междоусобице и процессе впервые получил историческое введение — о возникновении и развитии тайного общества; сам рассказ о событиях междоусобицы был изложен в новом, неопубликованном варианте; отрывочные заметки, составлявшие вторую часть лондонского издания, соединились в слитное изложение (под заглавием «Прибавления»); переписка была пополнена новыми письмами; были устранены важные пропуски в записях 1857 г.; наконец, впервые появились «Замечания на записки барона В. И. Штейнгеля (1859 г.)». В новой публикации исчезли ошибки и опечатки предыдущих изданий. Воспоминания Трубецкого сделались доступными широкому кругу читателей, по-видимому, в неурезанном и точном воспроизведении. К сожалению, потомки декабриста не дали внешнего описания «подлинной рукописи», не сообщили истории ее возникновения и развития и совершенно умолчали о принципах, положенных в основу ее печатания.

Таким образом, до последнего времени мы имели два варианта записок Трубецкого, которые восходят к двум основным источникам — герценовской копии чернового оригинала (лондонское издание и его перепечатки) и подлинной рукописи, «приведенной в порядок» автором и оставшейся на руках у потомков (петербургское издание). Публикуемый документ из архива Якушкиных представляет собою третий вариант записок Трубецкого, соединяющий в себе ценность собственноручного оригинала и новизну дополняющих воспоминаний.

Первый вопрос, который возбуждает в нас новая публикация, может быть формулирован так: что нового прибавляет настоящая рукопись к знакомому тексту лондонского и петербургского изданий? В какой мере этот вариант может быть оценен как новый исторический источник?

Замечания на записки В. И. Штейнгеля были частично воспроизведены в петербургском издании; печатая записки своего отца, издательницы поддерживали сношения с В. Е. Якушкиным и, очевидно, воспользовались содержанием интересующей нас рукописи⁷, но из восьми имевших записей они напечатали только четыре, небольшие по размерам и наименее ценные по содержанию: о мотивах Милорадовича, о поведении вел. кн. Константина Павловича, о смещении осужденных декабристов с уголовными каторжанами и о протоиерее Мысловском; из большого рассказа о междоусобице было произвольно вырвано и напечатано несколько строк, касавшихся первого известия о болезни Александра I. Были опущены: большое воспоминание о М. С. Луине, краткое, но очень характерное известие о роли генералитета перед подписанием сентенции и, наконец, небольшая и еще более характерная заметка о диктатуре Трубецкого. Эти отрывки печатаются сейчас впервые, дополняя отдельными штрихами историю декабристов и проливая свет на скрытые мотивы самого автора мемуаров.

Восьмая, наиболее крупная запись (в рукописи она занимает первое место) посвящена описанию междоусобицы. Замечания на записки бар. В. И. Штейнгеля (в составе петербургского издания) не содержат этих воспоминаний. Но в тексте лондонского издания имеется большой отрывок, который близко подходит к рукописи Якушкиных по своему внутреннему содержанию⁸. И здесь и там автор одновременно полемизирует и с Штейнгелем, и с Корфом, разоблачает истинные мотивы осто-

рожного поведения Николая и подробно описывает свои впечатления от пребывания в Зимнем дворце 27 ноября 1825 г.; многие факты передаются со слов Ф. П. Опочинина, который был близок к вел. кн. Константину Павловичу и находился в дружественных отношениях с автором мемуаров. Оба рассказа — и в оригинале Якушкиных, и в копии Герцена — написаны после появления книги бар. М. А. Корфа. Однако публикуемая рукопись представляет некоторые отклонения от лондонского издания: введение к рассказу изложено здесь гораздо короче, самое изложение дано конкретно и изобилует деталями мемуарного характера (например, тихие приказания Милорадовича Бапуцкому, расспросы о молебне, беседа с адъютантами, посещение Опочинина 27 ноября, разговор с И. М. Муравьевым-Апостолом); об «историческом» заседании Государственного совета, на котором было вскрыто завещание Александра I, Трубецкой рассказывает со слов «нескольких любопытных», собравшихся в прилегающем зале Зимнего дворца (в лондонском издании автор неожиданно выступает в роли свидетеля-очевидца, проникшего непосредственно в самый зал заседания); наконец, несколько разнятся и даты отъезда Опочинина. Рукопись Якушкиных заканчивается общим рассуждением о разумных действиях Милорадовича, который спас столицу от неизбежного всенародного возмущения; лондонское издание дает нам другое заключение — о сокрытии воззвания Константина и о последствиях этого факта. Сопоставляя обе редакции, мы убеждаемся, что лондонский вариант представляет собою позднейшую переработку замечаний на записки В. И. Штейнгеля: мы видим, как сгладились некоторые конкретные подробности и получила большее развитие вводная часть; рассказ проиграл не только в деталях, но и в точности изложения: увлеченный ролью исторического рассказчика, автор приписал себе то, чего он не видел и не слышал в действительности. Перед нами — типичное превращение живого и верного воспоминания в разводненный и приукрашенный рассказ.

Но описание междоусобицы в рукописи Якушкиных не является первоначальным: лондонское издание сохранило нам более раннюю редакцию этого рассказа в другом месте как начальную часть основного мемуарного текста⁹: здесь сообщается (уже в третьем лице) о заседании Государственного совета, о присяге Константину и о миссии Опочинина. В рассказе еще нет никаких намеков на чтение Корфа и Штейнгеля, изложение непосредственно слито с рассказом о планах тайного общества. Одно из примечаний, разъясняющее этот авторский текст, с несомненностью доказывает его раннее, сибирское происхождение: автор говорит о бывших членах общества, которые «занимали после и ныне еще занимают важные должности в государстве»; перечисляя этих членов, Трубецкой упоминает Н. Н. Муравьева, который «командовал корпусом», М. Н. Муравьева — «сенатора», Кавелина — «военного генерал-губернатора в Петербурге», Л. А. Перовского — «министра внутренних дел», и т. д. Сопоставляя хронологические даты, мы убеждаемся, что автор пишет в начале 40-х годов XIX в. — на это время падают его указания о должностях Муравьевых, Кавелина, Перовского и др.¹⁰ Таким образом, полемизируя с Корфом и Штейнгелем в 1859 г., Трубецкой уже имел готовую фактическую канву в собственных рукописях сибирского периода.

Петербургское издание 1906 г. пожертвовало этим ранним рассказом о междоусобице, но сохранило его непосредственное продолжение — о планах тайного общества, о подготовке восстания и пр. Отброшенный

текст был частично восполнен позднейшим переработанным рассказом — тем самым, который вырос из замечаний на записки Штейнгеля и заключал в себе ссылки на книгу Корфа. При этом был использован не весь рассказ целиком, а только вторая его половина (о впечатлениях во дворце, о поведении Милорадовича и о миссии Опочинина)¹¹. Рассказ был присоединен механически, без всякой связи с предыдущим абзацем: изложение сохранило прежний конкретно-мемуарный характер, ведется в первом лице и резко отличается по своей форме от предыдущего и последующего изложения. Вчитываясь в эту несомненную вставку, невольно задумываешься над вопросом: кто приводил в порядок «подлинную рукопись» Трубецкого — сам ли автор или его потомки?

Итак, рассказ кн. Трубецкого о междоусобице раскрывается перед нами в трех основных редакциях: в сибирской записи 40-х годов; в замечаниях на записки Штейнгеля (1859 г.); и в последующей окончательной обработке. Можно предполагать, что и сибирская запись не была исходным пунктом воспоминаний автора. Просматривая лондонское издание, мы находим в нем ряд обособленных отрывков, которые вращаются вокруг одной и той же темы: один из них говорит о впечатлении, произведенном смертью Александра I (Лнд, с. 80—82), другой — о невозможности немедленной присяги Николаю (Лнд, с. 82—84), третий — о настроении в столице и о планах тайного общества (Лнд, с. 84—88), четвертый — о настроении солдат и снова о революционных планах (Лнд, с. 88—90). Отрывки частично повторяют и дополняют друг друга. Передача фактов — конкретна, изложение планов приближается к показаниям Трубецкого на следствии. Судя по содержанию и форме, перед нами — неостывшие воспоминания о близких событиях (о подготовке восстания), результаты недавних споров (полемиическая заметка о присяге) или начатые и оборванные попытки систематических воспоминаний (о смерти Александра I). Появление таких отрывочных и повторяющихся вариантов при наличии последовательного и законченного рассказа о междоусобице утрачивало бы всякий внутренний смысл; очевидно, лондонские отрывки были черновыми набросками, которые предшествовали слитному повествованию сибирского периода. Они возникали одновременно и по разным поводам, были исходным пунктом последующих воспоминаний и послужили автору готовым материалом для исторической и литературной обработки.

Петербургское издание 1906 г. использовало эти и некоторые другие отрывки, поместив их в «Прибавлении к запискам кн. С.П.Т.» (Пб, с. 79—96). Но оно искусственно соединило их вместе, образовав сплошной, но внутренне разнородный текст: заметка о невозможности присяги механически вклинилась между отрывками о возникновении общества и рассуждением о дворцовых переворотах (Пб, с. 82—84); мысли о бескорыстии членов тайного общества оказались распространенным повторением части предшествующего абзаца (Пб, с. 91—92); рассказ о планах тайного общества оказался разорванным пополам — вторая половина была напечатана, а первая отброшена, так как повторяла уже ранее изложенные события (ср. Пб, с. 92—93 с Лнд, с. 84—88). Этими неудачными приемами петербургское издание подтверждает правильность нашего наблюдения: лондонские отрывки были действительно первоначальными разрозненными набросками последующего слитного текста.

Подводя итог произведенному анализу, мы можем сделать следующий вывод: рассказ о междоусобице, содержащийся в публикуемой рукописи Трубецкого, является одним из этапов продолжительной литературной

работы. Сначала — разновременные черновые наброски, затем — последовательное изложение 40-х годов, потом — сибирские замечания на записки бар. Штейнгеля, за ними — первый отрывок публикуемой рукописи и, наконец, позднейший переработанный рассказ, инкорпорированный в окончательный текст петербургского издания, — таковы отдельные звенья этой растянувшейся цепи литературных опытов. Документ Якушкинского архива помогает нам восстановить утерянную нить непрерывного движения и поставить более широкие и важные вопросы: как возникали и оформлялись мемуары Трубецкого? через какие этапы прошла творческая мысль декабриста? как отразились в ней классовые интересы ее носителя в связи с менявшимися социально-политическими условиями его эпохи?..

Первый толчок к составлению записок должен был возникнуть еще в Сибири — под свежим впечатлением пережитых событий, в сосредоточенных поисках политического и морального оправдания своих действий. Обмен воспоминаниями и споры о прошлом пронизывали все пребывание декабристов на каторге и в ссылке. Культ героического выступления являлся защитным противовесом перенесенному испытанию. Но его сопровождал параллельный процесс рассудочного анализа, который приводил к различным выводам и оценкам, в зависимости от классового характера той или иной группировки.

Князь Трубецкой принадлежал к аристократической верхушке дворянского общества; сосланный в Сибирь, он не изменил своим воззрениям, привычкам и вкусам. Поддерживая общение со всеми «соузниками», он тяготел к определенному политическому и социальному кружку — Н. Муравьева, Волконского и Лунина. Их соединяли и старое знакомство, и общность происхождения, и умеренность взглядов. Активное участие в революционной организации содействовало их внутренней близости, а общий интерес к политическим вопросам поддерживался не только воспоминаниями, но и событиями современности: книжная и журнальная литература сглаживала огромные расстояния и заглушенно передавала непрерывное биение социально-политического пульса. Сибирские сочинения Лунина и Н. Муравьева являются прекрасным показателем этого кружкового общения: сохраняя некоторые индивидуальные отличия, они отражают на себе и совместное сотрудничество, и согласие в оценках. Трубецкой не мог не участвовать в коллективных беседах, не мог не высказываться на интересующие его темы. Но у него были свои напряженные и волнующие размышления.

«Диктатор 14 декабря», вознесенный до роли организатора восстания и павший до положения политического предателя, Трубецкой должен был особенно болезненно переживать свое недавнее прошлое. Он был одним из вдохновителей петербургского выступления и... в решающий момент оставил его без всякого руководства. На него смотрели как на скрепляющую внутреннюю силу, а он униженно отрекся не только от революционных целей, но и от старых товарищей по обществу. Он выработал искуственный план «законного переворота», а жизнь беспощадно разбила его в несколько часов. Старые колебания между желанием революции и опасением бунта должны были возродиться в видоизмененной форме: можно ли оправдать вооруженное выступление, а вместе с ним существование тайного общества? Таков был вероятный круг личных переживаний Трубецкого, определивший точные границы его последующих высказываний. Восстание 14 декабря и его предварительная подготовка становились в центр внимания и интереса. Но объяснить происхождение восстания —

значит объяснить политическую обстановку междоусобицы, а оценить позицию тайного общества (и, следовательно, поведение самого Трубецкого) — значит истолковать его как историческое явление. Именно эти вопросы занимали Трубецкого в первоначальный период его литературной работы. Результаты его размышлений и споров отложились в разрозненных черновых набросках: в «Отрывках» герценовской копии и «Прибавлениях» петербургского издания¹². Вчитываясь в их содержание, мы различаем две основные линии изложения. С одной стороны, автор старается восстановить фактический остов событий: конкретно и сжато он передает о всеобщем волнении умов, о политических расчетах заговорщиков, о событиях 14 декабря и об их ближайших последствиях. Он не отрицает, что Трубецкой был избран диктатором и что от него исходил руководящий план выступления: вывести полки, отказавшиеся от присяги, и вести их на соединение с другими полками. Кроме того, автор старается истолковать разыгравшиеся события в свете определенной концепции. Тайное общество вдохновлялось общепризнанными идеями века, которые разделялись и самим императором Александром; оно стремилось «поставить Россию в такое положение, которое упрочило бы благо государства и оградило его от переворотов, подобных французской революции и которые к несчастью продолжают еще угрожать ей в будущем»¹³. Политическая обстановка междоусобицы предопределяла неизбежность волнений (невозможно было принудить армию к присяге Николаю Павловичу — ни 27 ноября, ни 14 декабря). Члены тайного общества постарались отвести этот стихийный дух солдатского неповиновения в организованное русло политического движения. Трубецкой составил разумный план переворота с участием Государственного совета: «горячие члены» изменили его предначертания и избрали начальником полковника Булатова. Сил оказалось мало, и возмущившиеся полки были быстро рассеяны. Но члены тайного общества принесли бескорыстную жертву — и в этом величие их нравственного подвига.

Таким образом, руководитель революционного заговора, который искусно притворялся и с П. И. Пестелем, и с А. А. Бестужевым, и с К. Ф. Рылевым, попытался обмануть и будущего историка. В порыве личного самооправдания он пренебрег реальными историческими фактами, которые еще недавно признавал в своих покаянных показаниях и в очных ставках с ближайшими соратниками. Он постарался представить тайное общество таким, каким он хотел бы его видеть — и раньше, в процессе борьбы, и особенно теперь, в период воспоминаний: умеренным, мирным, полулегальным. Он позабыл о своей революционной инициативе и о своих компромиссах с республиканцами; а его собственная роль полновластного диктатора оказалась затененной «горячими членами» и командующей фигурой Булатова. Восстание было оправдано как неизбежный и наилучший выход из положения; неудача была объяснена как результат малочисленности членов; а собственное поведение 14 декабря оказалось естественным результатом создавшегося положения.

За этой личной концепцией Трубецкого мы видим определенную общественную тенденцию. Стремление «легализировать» свое революционное прошлое, придать ему мирные и умеренные черты было одинаково свойственно и Лунину, и Н. Муравьеву, и целому ряду их единомышленников. Перед нами сложившаяся классовая группа с устойчивым политическим мировоззрением; это выразители интересов зажиточного «буржуазного дворянства», которое стремится преобразовать крепостнический порядок в свободное «правовое государство» и инстинктивно

опасается всякой массовой революции. Мелкобуржуазные группировки увлекли ее на революционную дорогу; неудача декабрьского восстания окончательно «отрезвила» ее возбужденные головы. Представители этого течения переходят на позиции умеренного либерализма, сознательно отмежевываясь не только от коммунистических теорий (рассуждения Фонвизина), но и от всякого политического радикализма (сибирские сочинения Н. Муравьева и Лунина). Поддерживая либеральную традицию, они придадут ей определенное истолкование: они стараются доказать, что тайное общество декабристов было умеренным и мирным союзом, что силу этого союза составляла непреоборимая нравственная идея и что приемы революционной тактики были ненормальными отклонениями от истинного пути. Черновые наброски Трубецкого были одним из проявлений этой либеральной мемуарно-публицистической струи.

Но у Трубецкого была другая «ахиллесова пята», которая немало беспокоила его совесть: его униженное и предательское поведение во время следствия. Воспоминания о допросах, показаниях и очных ставках должны были сплетаться с яркими впечатлениями от ареста и заключения в крепости. Трубецкой и здесь должен был искать самооправдания и самоутешения; мысль подчинялась, искусно комбинировала факты, задушевывала одно и подчеркивала другое, создавала определенную искусственную картину и заставляла автора верить в свое творческое изобретение. Вероятно, в беседе с женою и близкими товарищами Трубецкой нередко возвращался к этому волнующему вопросу и постепенно привыкал к созданию своего воображения. Его преследовала мысль реабилитировать себя если не перед будущими поколениями, то перед ближайшим кругом собственных потомков. Подрастали его дети, и он старался овладеть их юношеским сознанием, авторитетно внушить им определенное представление о своей личности. «Письмо к детям», которое Трубецкой предпослал своим сибирским воспоминаниям, выражает эту мысль в несколько задушеванной форме: «Цель этих записок не есть то, чтобы они могли служить материалами для будущего историка России. Я их оставляю детям моим для того, чтобы они знали, почему они родились и выросли в Сибири... Быв свидетелями правильной и благочестивой жизни родителей своих, им может в возрасте их притти мысль укорить провидение в несправедливости, а правительство в угнетении невинности». Между тем «истинное, благое и справедливое провидение предаст человека той судьбе, которую он сам себе устроил»¹⁴.

Так родилась первая попытка Трубецкого составить последовательный и законченный рассказ о своей революционной деятельности. Результатом этой работы были сибирские записки 40-х годов, которые буквально воспроизведены в черновой копии Герцена¹⁵. Записки представляют собою связное повествование и распадаются на две неравные половины. Большую часть материала составляют личные воспоминания Трубецкого об обстановке его ареста, следствия и суда. Изложение ведется в первом лице, очень конкретно по форме и изобилует многочисленными подробностями. Несколько иной характер имеет первая часть мемуаров, которая производит впечатление исторического введения: автор дает здесь описание междоусобицы и сообщает планы тайного общества. Изложение ведется уже в третьем лице и чрезвычайно сжато по форме. Обе половины неразрывно слиты в единое целое — читатель ни на один момент не чувствует логического разрыва. Но при внимательном анализе литературной формы мы ясно различаем в сибирских воспоминаниях два разнородных наслоения. По-видимому, записки о личных перипетиях

после ареста были составлены раньше, на основании многократных устных рассказов, под свежим впечатлением происшедших событий: только при этом условии можно объяснить такую конкретную передачу диалогов и такую скрупулезную точность в датировке отдельных показаний. Перед нами — живой и яркий мемуар, свободно и легко излившийся на бумагу. Наоборот, историческое введение представляет собою сухой и тщательно обработанный конспект, в котором отсутствует личность самого автора и побледнели краски исторических фактов. Вводная часть записок производит впечатление механического придатка; центральное внимание уделяется не ей, а последующему рассказу.

Вчитываясь в первую половину сибирского мемуара, мы сразу улавливаем определенную и ярко выраженную тенденцию. Описание междоусобицы опирается на предшествующие наброски, но автор не использует многих исторических фактов и старательно обходит некоторые из своих собственных записей. Перед читателем мелькают отдельные эпизоды в Государственном совете и Зимнем дворце, встречается упоминание о миссии Опочинина, дается анализ создавшегося политического положения. И тут же отсутствуют не только описание 14 декабря, но и конкретные данные о подготовительной работе тайного общества. Немало говорится об учете создавшихся настроений, но очень скупо и бегло — о стратегическом плане переворота. Рассказывая об организации восстания, автор умалчивает о назначении диктатором Трубецкого, зато он подчеркивает, что был назначен начальником над выступающими войсками любимый лейб-гренадерами полковник Булатов. На фоне спокойного и объективного рассказа заметно проступает уже знакомая нам линия построения: причина оказанного сопротивления — не «злонамерение Тайного Общества», а «неправильность принятия в новые руки скипетра». Если бы Константин издал манифест о своем отречении, «восстание было бы неповиновением законной власти». Но Константин не издал манифеста, и сопротивление армии стало неотвратимым; тайное общество опиралось на всеобщее негодование и рассчитывало на присоединение высших сановников государства. Однако отсутствие влиятельных членов и отступничество прежних последователей, которые занимали крупные государственные должности, подорвали успех переворота; «высшему кругу» сановников не хватило инициативы и смелости; организаторы заговора оказались покинутыми и бессильными. И в этом причины начавшегося восстания и его последующего разгрома.

Повторяя и развивая предшествующие наброски, Трубецкой вносит в них некоторые осложняющие моменты. Через все изложение проходит одно невысказанное, но ясное намерение автора: последовательно умолчать о своей собственной роли в развертывавшихся событиях. «Происшествия 14-го числа и последующих дней известны» — этой короткой и ничего не значащей фразой Трубецкой освобождал себя от необходимости объяснять мотивы и формы своего поведения. Подчеркнутой информацией о полковнике Булатове снимался неприятный вопрос о диктатуре. Сухое и краткое изложение, лишенное конкретных подробностей и выдержанное в третьем лице, делало излишними всякие личные воспоминания. Так эволюционировали предшествующие заметки — в сторону затенения определенных действий самого автора.

Показания Трубецкого перед Следственным комитетом дают нам прекрасный масштаб для оценки второй половины сибирских воспоминаний — о личных переживаниях автора после подавленного восстания. Мы знаем, как вел себя арестованный Трубецкой, как быстро он превратился

в раскаявшегося преступника, как многословно и унизительно он рассказывал о своей революционной деятельности. Он не скупился на точные показания и не падал своих товарищей по борьбе. На первом же допросе он рассказал о Пестеле, в ближайшие дни он изложил историю общества, 26 декабря (на 12-й день тюремного заключения) он подал длинейший список членов тайного общества. Его письма к генерал-адъютанту В. В. Левашову и военному министру А. И. Татищеву пересыпаны самыми яркими выражениями политического отречения и морального самобичевания¹⁶. Вчитываясь в сибирские воспоминания Трубецкого, мы напрасно будем искать отголосков этого печального прошлого. Перед нами разворачивается совершенно иная картина: по одну сторону — спокойный и осторожный Трубецкой, исполненный чувства собственного достоинства и чрезвычайно скупой в своих показаниях; с другой стороны — несдержанные и грубые следователи с неуклюжими приемами выпытывания и устрашения; между обеими сторонами идет организованная и напряженная борьба; правительство имеет за собой перевес силы, а обвиняемый кн. Трубецкой — преимущество морального превосходства. Эта предвзятая точка зрения освещает все этапы следственного процесса. Трубецкой очень тенденциозно передает содержание своего первого показания, когда он выгораживал самого себя, оговаривал целый ряд членов тайного общества и отмежевывался от задуманного выступления. Затем он последовательно умалчивает о своем моральном падении 26 декабря, когда он выдал всех товарищей по революционной организации; ничего не говорит о принесенном раскаянии и совершенно опускает переломный момент своего следствия, когда он признался правительству в революционно-террористических планах. Один за другим он вводит несколько эпизодов с определенной целью отвести от себя всякие подозрения: оказывается, он не оговаривал ни С. М. Семёнова, ни С. Г. Краснокутского, ни Г. С. Батенькова; он сам удивлялся, что его не спрашивают о членах Южного общества; ему задавали нелепые вопросы о цареубийстве, которые он быстро и просто отпарировал; по милости генерала С. П. Шипова его начали выспрашивать о М. М. Сперанском, но он ответил упорным и последовательным отрицанием; на очной ставке с К. Ф. Рылевым он заранее согласился с его показаниями: он не хотел выгораживать самого себя, увидев бледного и осунувшегося товарища. Собственноручные, хранящиеся в следственных материалах, показания Трубецкого разбивают его искусственное и намеренное построение: и Семёнова, и Краснокутского, и Батенькова Трубецкой оговорил первый; о Южном обществе он рассказывал так же откровенно, как и о Северном; о Сперанском упомянул задолго до выспрашиваний гр. А. Х. Бенкендорфа; на очной ставке с Рылевым подтвердил действительно происшедшие факты. Правда, автор воспоминаний оставил себе некоторый выход из создавшегося противоречия: подводя итог своему поведению на следствии, он утверждает, что был заранее убежден в содержании приговора, поэтому он отказался от всякой защиты и возложил упование только на одного бога. Однако он тут же прибавляет многозначительную фразу: «Но я думаю, что я не должен был допустить этой мысли овладеть столько мною, чтоб заставить меня с некоторою беспечностью отвечать на несправедливые обвинения»¹⁷. Эта запоздалая попытка опорочить свои документальные показания разрушается критическим анализом следственного материала. В действительности Трубецкой настойчиво и обдуманно вел свою политическую защиту, но основная линия его поведения была диаметрально противоположной тому, что он

утверждает: он прилагал все усилия, чтобы спасти самого себя, и сознательно жертвовал при этом своими товарищами по тайному обществу.

Тенденциозный рассказ о допросах и своих показаниях получил выразительное и яркое обрамление: в форме живого и увлекательного воспоминания Трубецкой описал суровую обстановку крепости, обрисовал грубую сцену исполнения приговора и передал трогательные свидания со своими близкими. Записки приобрели драматический характер, личность самого автора окружил страдальческий ореол, Трубецкой вырос в глазах читателя и превратился в спокойного и мужественного героя. Таким образом разрешалась поставленная задача: читая о деятельности своего отца, дети находили полное соответствие между его политическим прошлым и «правильной, благочестивой жизнью сибирского периода». Трубецкой собственной рукою написал легенду о декабристе — позднейшая либеральная идеализация получила здесь готовую и разработанную основу.

Постепенно сибирские воспоминания Трубецкого вышли за рамки его собственной семьи. Рассказы о междуцарствии и допросах он передавал в устной форме своим друзьям и знакомым. Одно из писем Е. И. Якушкина сохранило нам запись такого непосредственного рассказа¹⁸. Можно думать, что не один Е. И. Якушкин высказывал мнение о необходимости фиксировать ценные исторические данные. После амнистии эта мысль приобретает актуальное общественное значение. В 1857 г. Трубецкой возвратился из сибирской ссылки и сделался близким свидетелем начинавшегося общественного перелома. Отрывки из его позднего дневника рисуют нам социальные и политические взгляды бывшего революционера. В этот период Трубецкой был проникнут лояльнейшим монархизмом и сосредоточенно следил за развитием крестьянского вопроса. Его симпатии были на стороне мирного прогресса, его надежды возлагались на инициативу правительственной власти¹⁹. Переехав в Москву, Трубецкой держался несколько обособленно, но он продолжал появляться у своих родственников и старых знакомых²⁰. Его окружала атмосфера общественного интереса и уважения. Появление книги Модеста Корфа заставило старого декабриста перетряхнуть свои старые воспоминания. Трубецкому стало известно, что его личность неудачливого диктатора заняла определенное место в характеристиках и оценках современников. Он познакомился с иностранными работами Шницлера, Ламартина и других европейских историков, которые изображали его в унизительной роли кающегося преступника. В такой обстановке должно было созреть и оформиться стремление Трубецкого окончательно реабилитировать себя перед будущими поколениями. «Письмо к неизвестному», воспроизведенное в петербургском издании 1906 г., является закреплением и обоснованием этой мысли. Через голову своего анонимного читателя автор говорил уже не с семьей, как раньше, а с широким кругом своих современников и потомков. «Тебе в этих записках откроются, без малейшего укрывательства, все чувства, руководившие мною в тех обстоятельствах, которые истинная моя к тебе дружба заставляла меня оставить для тебя тайною... Я благословляю десницу божию, проводшую меня по терновому пути и тем очистившую сердце мое от страстей, мною обладавших, показавшую мне, в чем заключается истинное достоинство человека и цель человеческой жизни, а между тем наградившую меня и на земном поприще ни с каким другим несравненным счастьем семейной жизни и неотъемлемым духовным благом, спокойной совестью»²¹. «Спокойная совесть», сознание своей правоты и политическая оценка пройденной жиз-

ни — вот чего искал Трубецкой, когда возобновлял свою работу над старческими воспоминаниями. Но личные мотивы мемуариста и здесь переплетались с мотивами общественного порядка: реагируя на современные политические события, Трубецкой отправлялся от них в своих описаниях прошлого; давая оценку обществу декабристов, он неизбежно исходил от понимания и оценки настоящего.

Публикуемые записи из архива Якушкиных являются первым этапом этой московской работы. Развивая сибирские замечания на воспоминания Штейнгеля, Трубецкой расширил и углубил свои прежние возражения. Перед нами — небольшое полемическое сочинение, которое направлено своим острием не только против записок Штейнгеля, но и против публицистической книги бар. Корфа, и против поверхностных описаний иностранных историков. Трубецкой одинаково старается подорвать достоверность этих источников: перепутывая и извращая факты, они дают неправильное представление и об его собственной личности. Широко используя свои сибирские мемуары, автор прежде всего разоблачает официальную легенду о бескорыстном самоотречении обоих наследников. Материал, опубликованный Корфом, не ослабляет, а только усиливает его прежнюю обобщающую концепцию: письма Константина с приказанием торжественно объявить его отречение целиком оправдывают его перед потомством. Но «почему это торжественное объявление не было обнародовано? Его достаточно было, чтоб предупредить не только восстание 14 декабря и на Юге, но и всякое противодействие»²². Неправильное и неразумное поведение правительства вызвало всеобщее волнение в армии и было важнейшей причиной происшедшего кровопролития.

На фоне основного рассказа о междоусобице выступает небольшая заметка автобиографического характера. По словам Штейнгеля, «для предводительства инсurreкции избрали князя Трубецкого, бывшего дежурным штаб-офицером четвертого корпуса». Это утверждение вызывает решительное возражение со стороны Трубецкого: Трубецкой был неизвестен солдатам, и начальником войск был избран не он, а полковник Булатов, хорошо знакомый столичному гарнизону и любимый лейб-гренадерами. Делая такую фактическую «поправку», Трубецкой еще более усиливал соответствующую версию своих сибирских воспоминаний: в первоначальных набросках автор не отрицал, что его избрали в диктаторы; в записке 40-х годов он умалчивал о своем диктаторстве и выдвигал вместо себя полковника Булатова; теперь он решительно отвергает всякую мысль о своем «предводительстве» в вооруженном восстании. Он, Трубецкой, оказывается в стороне от выступления 14 декабря, а следовательно (таков неизбежный вывод) необоснованны и несправедливы все обвинения по его личному адресу. Зачем он должен был являться на площадь, если он не был начальником инсurreкции, если он не был знаком солдатам, если он не имел никакой непосредственной связи с полками гвардии?..

Вот основное, что должен был опровергнуть Трубецкой, возвращаясь к своим воспоминаниям; все остальное — о несправедливом обвинении Милорадовича, о причинах ареста Лунина, о жестоких происках генералов и пр. — является попутными мелочами, которые лишний раз подтверждают историческую неточность записок бар. Штейнгеля. Но главное — описание междоусобицы — остается для автора предметом сосредоточенного внимания и подвергается с его стороны новой переработке. Трубецкой опять возвращается к этой теме, облачает свои замечания к Штейнгелю в форму самостоятельного рассказа, устраняет его лично-

мемуарный характер и усиливает обрисовку отдельных эпизодов. Так возникает последняя, исправленная редакция — исый литературный эскиз к обновляемому тексту связанных воспоминаний.

Чтобы довести до конца поставленную задачу — всесторонне осветить свою роль в истории общества, Трубецкой должен был еще более дополнить и переработать свои сибирские воспоминания. Записки 40-х годов ограничивались моментом междоусобицы и следственного процесса; необходимо было остановиться на возникновении тайного общества и проследить основные этапы его истории. В черновых набросках сибирского периода уже имелся отдельный отрывок на эту тему. Но он был краток и не мог удовлетворить Трубецкого. Правда, автор сохранил его основную тенденцию — в полном согласии со своими умеренными политическими воззрениями. Но он развил и конкретизировал свое старое изложение, остановившись на целом ряде подробностей и постаравшись оттенить свою собственную роль в происходивших событиях. Так возникает последняя редакция записок Трубецкого, которая нашла себе полное отражение в петербургском издании 1906 г.²³ Новый рассказ охватывает собой период с 1816 по 1825 г. и сосредоточивает внимание читателя на самых важных моментах: на составлении первоначального устава общества, на внутренних разногласиях в его среде, на образовании, расцвете и упадке Союза благоденствия и, наконец, на последнем этапе — на истории существования Северного общества. Оставаясь верным своей руководящей идее, Трубецкой обрисовал тайное общество в необычайно мирных и спокойных тонах; в этом отношении новая редакция пошла еще дальше первоначального сибирского наброска. Возникновение тайного общества выводилось теперь из чувства преданности монарху: «Некоторые молодые люди, бывшие за Отечество и царя своего на поле чести, хотели быть верной дружиной вождя своего и на поприще мира. Они дали друг другу обещание словом и делом содействовать государю своему во всех начертаниях его во благо своего народа». Общество преследовало самые мирные и благонамеренные цели: «1-е, строгое исполнение обязанностей по службе; 2-е, честное, благородное и безукоризненное поведение в частной жизни; 3-е, подкрепление словом всех мер и предположений государя к общему благу; 4-е, разглашение похвальных дел и осуждение злоупотребления лиц по их должностям»²⁴. Облекая свою организацию в форму тайного общества, инициаторы исходили из самых лояльнейших побуждений: «Они хотели действия явного и открытого, хотя и положено было не разглашать намерения, в котором они соединялись, чтобы не вооружить против себя неблагонамеренных... Дух кротости, любви к Отечеству и благонамерения, которые одушевляли членов, должен был выразиться во всех их занятиях»²⁵. Такова общая характеристика Трубецкого, резко дисгармонирующая и с материалами следственного процесса, и с данными остальных декабристских мемуаров.

Конкретизируя цели тайного общества, Трубецкой придает им определенную и очень узкую направленность. Он совершенно умалчивает о политических стремлениях заговорщиков: ограничение деспотизма (не говоря уже о введении республики) совершенно отсутствует в его изложении. Зато он сосредоточивает усиленное внимание на другой стороне программы — на ликвидации крепостных отношений. «Должно было представить помещикам, что рано или поздно крестьяне будут свободны, что гораздо полезнее помещикам самим их освободить, потому что тогда они могут заключить с ними выгодные для себя условия, что если помещики будут упорствовать и не согласятся добровольно, то крестьяне могут вырвать

у них свободу и тогда Отечество может быть на краю бездны. С восстанием крестьян неминуемо будут соединены ужасы, которых никакое воображение представить себе не может, и государство делается жертвой раздоров, и может быть, добычею честолюбцев, наконец, может распасться на части, и из одного сильного государства обратиться в разные слабые. Вся слава и сила России может погибнуть, если не навсегда, то на многие лета»²⁶. Это убеждение членов тайного общества, по словам автора, разделялось и императором Александром I. Трубецкой специально останавливается на проектах и попытках правительства, подробно перечисляет предложения либерально настроенного дворянства. К сожалению, «неблагонамеренные» поколебали твердость государя, а искание личной славы превозмогло в монархе стремление к благу подданных. Александр I задумал освободить крестьян одностороннею волею самодержца, посредством указа, данного из Варшавы. Это игнорирование дворянства, угрожавшее России «ужасами безначалия», сильно огорчило тайное общество и вызвало готовность одного из сочленов пожертвовать личностью государя, если он покажет себя таким явным врагом Отечества²⁷.

Такую своеобразную трактовку террористическому вызову И. Д. Якушкина Трубецкой дал впервые, в резком противоречии и с собственными показаниями на следствии, и со всеми имеющимися источниками. Этот характерный штрих тесно сплетается со всею картиной автора: тайное общество — мирная организация прогрессивного дворянства, неразрывно связанного с монархом; ликвидацией крепостного права оно стремилось обезопасить незыблемость государственного порядка; намерение монарха разорвать свою связь с дворянством грозило ответным разрывом со стороны лояльного дворянского общества. Таким образом, описывая события начала XIX в., Трубецкой заговорил языком 1859 г. — эпохи недавних волнений крестьянства, «либеральной инициативы» Александра II и организации дворянских комитетов. Программа общества декабристов оказалась ретроспективной передачей переживаемого момента. В этом характерном и тенденциозном освещении программы — основное отличие новой редакции от чернового наброска сибирского периода.

Для того чтобы выдержать свою умеряющую тенденцию, Трубецкой должен был резко отмежеваться от точки зрения Пестеля. И действительно, Пестель в мемуарном изображении Трубецкого выступает неизменным противником «общего мнения», развещающим источником разногласий и споров. «Образ действия Пестеля возбуждал не любовь к Отечеству, но страсти, с нею несовместимые»²⁸. Пестель стремился к «насильственному изменению образа правления» и соглашался на отделение Польши. Пестель систематически отклонял Южное общество от правил образованного союза. С Пестелем и его предположениями шла непрерывная и длительная борьба. Трубецкой был носителем истинной цели союза: он был на страже его мирных предначертаний, он составлял первоначальный устав, он обновлял его на более точных и выдержанных принципах, он возглавлял противодействие Пестелю, он был направлен для отклонения Южного общества от ложного пестелевского пути.

Таково содержание исторического рассказа Трубецкого. Но, изобилуя фактическими деталями, он не дает нам самого главного — не раскрывает программы и тактики тайного общества в его различных общественно-политических течениях. Революционная сущность организации вытравлена до самого конца. История Северного общества сжата до минимума и заслонилась мирной деятельностью «Союза благоденствия».

Перейдя дальше к междоусобице и планам заговорщиков, Трубецкой и здесь прибегнул к такой же тактике умолчания. Окончательные «намерения» тайного общества оказались нераскрытыми и неясными. Сохраняя редакцию сибирских записок, автор не дал конкретной картины организации восстания, ничего не сказал о своей собственной роли диктатора и совершенно опустил «происшествия 14-го числа».

На этом оборвалась литературная работа Трубецкого. Можно предполагать, что он не закончил ее вполне, что отдельные элементы его рассказа могли подвергнуться расширению и переделке²⁹. Но основная задача, поставленная автором, была достигнута: тайное общество получило определенную оценку и личность Трубецкого — определенную характеристику. Либеральная легенда нашла свое внутреннее и последовательное завершение. Последующие либеральные историки исходили из готового и законченного абриса: тенденциозные воспоминания Трубецкого смыкались в единый логический круг с не менее односторонними характеристиками Лунина и Никиты Муравьева. «Спокойная совесть» автора могла быть утешена: история революционного заговора была представлена в умеренно-либеральном тоне, в соответствии с классовыми тенденциями прогрессивного землевладельческого дворянства.

Подводя итоги нашему исследованию, мы можем поставить заключительный вопрос — об исторической ценности записок С. П. Трубецкого. Критический анализ разновременных редакций убеждает нас, что мемуары Трубецкого не объективные и точные воспоминания участника, а тенденциозно-публицистическое произведение современника. В последовательных наслоениях развертывающейся работы звучат не только отголоски движения декабристов, но и злободневные отклики на совершающиеся события. Историческая правда обильно смешана здесь с намеренной и бессознательной ложью. Притворство автора, ярко проявившееся в общении с товарищами и в показаниях на следствии, резко обнаружилось в реабилитации своей личности. Чтобы оценить воззрения, мотивы и действия заговорщика Трубецкого, надо обратиться к другим, более достоверным материалам. Классовые интересы автора, как представителя буржуазно-землевладельческой группировки, ярко окрасили собою историю тайного общества и объяснение восстания 14 декабря. Воспоминания Трубецкого интересны как памятник последующей эпохи, характерно отразивший внутреннюю эволюцию активных членов Северного общества.

Но в этих записках есть и другая сторона, придающая им значение объективного исторического источника. Трубецкой был близко связан с аристократической знатью и наряду с полковником Ф. Н. Глинкою был важнейшим осведомителем декабристов в необычный и смутный период междоусобицы; поэтому фактические данные автора, касающиеся этого периода и обильно рассыпанные в его мемуарах, приобретают особенное историческое значение. Кроме того, кн. Трубецкой был руководителем Северного общества и возглавлял собою его правое, умеренное крыло; в дни междоусобицы он был не только формальным «диктатором», но и фактическим автором стратегического плана переворота; поэтому так ценны его страницы, посвященные взаимоотношениям с Пестелем, и так существенны его дополнения, относящиеся к планам вооруженного восстания. В этом смысле воспоминания Трубецкого подтверждают и усиливают показания следственных материалов. Непрерывная борьба с революционной тенденцией, начиная с первых шагов «Союза спасения», ориентация на высших сановников в момент подготовки восстания, захват арсенала и Петропавловской крепости в программе предстоящего вы-

ступления — все эти факты приобретают большую ясность благодаря воспоминаниям Трубецкого. Но особенно важным пунктом является вопрос об отношении к крестьянству. Излагая задачи тайного общества — и в первоначальных сибирских набросках, и в последней московской редакции, Трубецкой ясно и откровенно высказал свою классовую точку зрения: «язва крепостного состояния» грозит землевладельческому дворянству новыми бедствиями пугачевщины, ужасы французской революции неизбежно потрясут российское государство, если просвещенные и проникательные граждане не поставят преграды развивающемуся подпочвенному процессу. В истолковании Трубецкого тайное общество декабристов являлось политическим громоотводом нарастающей бури массового движения. Впечатления 40-х и 50-х годов XIX в. заставили автора резче формулировать свою старую и привычную мысль: она руководила им при основании тайного общества и должна была определять его отношение к Пестелю. Эта мысль нашла себе ясное выражение уже давно, в его показаниях Следственному комитету. По словам Трубецкого, политические преобразования в Европе, проекты Александра I, освобождение крестьян в Прибалтийском крае, наконец, чтение политической литературы одинаково содействовали развитию его свободного образа мыслей. «А укоренился он во мне убеждением, которое я имел, что состояние России таково, что неминуемо должен в оной последовать переворот, со временем; сие мнение особенно основывал я: 1-е, на частых возмущениях крестьян против помещиков; 2-е, на всеобщих жалобах на лихоимство чиновников в Губерниях, и наконец 3-е, полагал, что образование военных поселений будет также со временем причиною переворота»³⁰. Восстание крестьян и бунт военных поселений были угрожающими признаками, которые толкали кн. Трубецкого и его классовую группу на образование тайного политического общества и подготовку мирного преобразования. Московские воспоминания Трубецкого окончательно раскрывают и обосновывают этот важнейший момент в истории декабристов.

Нам остается сказать несколько слов о научной ценности публикуемой рукописи. Ее значение, как исторического документа, гораздо шире ее внутреннего содержания. Она не только дополняет сведения о междоусобице в живой и конкретной форме личного мемуара, не только бросает новые штрихи на яркую личность Лунина, она помогает также исследовать скрытые движущие мотивы мемуариста. Являясь одной из стадий литературной работы, эта подлинная собственноручная запись становится надежной точкой опоры при раскрытии и понимании творческого процесса автора.

¹ Записки декабристов / Вольная русская типография. Лондон, 1863. Вып. 2, 3. (Далее: Лнд.).

² Напр., вместо «Лебцельтерн» напечатано «Ланской» (с. 20), вместо «диктатором» — «директором» (с. 22).

³ Записки князя Трубецкого. Лейпциг, 1874 (издание повторялось неоднократно: в 1874 и в 1875 гг.).

⁴ Записки князя Трубецкого. Берлин, 1903.

⁵ Всемирный вестник, 1906, № 1; Записки декабриста князя С. П. Трубецкого / Изд. ред. журн. «Всемирный вестник». [СПб.,] 1906.

⁶ Записки князя Трубецкого / Издание его дочерей. СПб., 1907. (Далее: Пб.).

⁷ Якушкин В. Е. Записки кн. С. П. Трубецкого и его статьи. — Русские ведомости, 1906, № 312.

⁸ Лнд., с. 67—76.

⁹ Там же, с. 3—7.

- ¹⁰ Н. Н. Муравьев командовал корпусом в 1835—1837 и 1848 гг.; М. Н. Муравьев был назначен сенатором в 1842 г.; А. А. Кавелин был петербургским военным генерал-губернатором в 1842—1846 гг.; гр. Л. А. Перовский был министром внутренних дел в 1841—1852 гг.
- ¹¹ Пб., с. 28—33.
- ¹² Лнд., с. 76—93; Пб., с. 79—96.
- ¹³ Лнд., с. 91.
- ¹⁴ Пб., с. 7—8 (ср.: Лнд., с. 65—67).
- ¹⁵ Лнд., с. 3—63.
- ¹⁶ Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 6—108. (Далее: ВД.)
- ¹⁷ Лнд., с. 55.
- ¹⁸ Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных. М., 1926, с. 55—60.
- ¹⁹ Пб., с. 97—108.
- ²⁰ Записки Д. Н. Свербеева. М., 1899, т. 2, с. 435—436.
- ²¹ Пб., с. 9—10.
- ²² См. последующую статью в настоящем томе.
- ²³ Пб., с. 11—26.
- ²⁴ Там же, с. 11—12.
- ²⁵ Там же, с. 13—19.
- ²⁶ Там же, с. 14.
- ²⁷ Там же, с. 18.
- ²⁸ Там же, с. 24.
- ²⁹ Например, должно было измениться описание первого допроса в старой сибирской редакции: упоминание об избрании диктатором (Пб., с. 42) должно было отпасть после соответствующего возражения Штейнгелю.
- ³⁰ Ср.: ВД, т. 1, с. 9; Пб., с. 14—16.

ЗАПИСИ КН. С. П. ТРУБЕЦКОГО ¹

(Из архива Якушкиных ^{1*})

Дни, протекшие между известием о кончине импер[атора] Александра I-го и возшествия на престол Николая, описаны были тотчас многими иностранцами и потом рассказаны самим Николаем, что видно из книги, напечатанной бароном Корфом под заглавием: Возшествие на престол императора Николая I-го.

Сущность рассказов как в этой книге, так и во всех иностранных тогдашнего времени одна и та же; т. е. что вел. кн. Ник[олай] П[авлович] употребил все зависившие от него средства, чтоб побудить старшего своего брата цесаревича Конст[антина] П[авловича] принять принадлежащее ему наследие, но все усилия его остались тщетными и он вынужден ² был сесть на царство.

Сверх того бар[он] Корф говорит, что Ник[олай] Пав[лович] вовсе не знал ничего о духовном завещании, которым Алек[сандр] П[авлович] назначал его своим преемником.

Не входя в разбор всех этих повествований, ни источников, откуда они почерпнуты, расскажу просто, что слышал своими собственными ушами и видел своими собственными глазами в это столь замечательное и тревожное время, положившее начало царствованию, которое в продолжении тридцати лет ослепляя Россию на счет ее силы и могущества, окончилось унижением, от которого она отвыкла и которому верить не могла.

В Петербурге жил тогда частным человеком д[ействительный] с[татский] с[оветник] Федор Петрович Опочинин ^{2*}. Он был некогда адъютантом цесаревича и по выходе в отставку остался его другом.

¹ Сноски в тексте со звездочкой * рядом с цифрой относятся к авторским примечаниям после текста.

² Зачеркнуто должен.

Помещение имел с семейством в Мраморном дворце, а летом в Стрельненском³. Сблизившись с Ф[едором] П[етровичем] и его женой за границей, я оставался с ними в самых коротких отношениях. Они жили, ограничиваясь малым кругом тесного знакомства. Приехав в первых числах ноября 1825⁴ на короткое время в Петербург, я с ними виделся почти ежедневно. Когда я приехал к нему 26-го Ноября, он рассказал мне, что в[ел.] к[н.] Николай Павлович, как скоро получил известие о болезни императора Александра Павловича, пригласил себе председателя Государственного совета князя Петра Васильевича Лопухина, члена Гос[ударственного] Сов[ета] князя Александра Борисовича Куракина и военного генерал-губернатора С[анкт]-Петербургского графа Михаила Андреевича Милорадовича и представлял им, что в случае кончины императора, он по праву, уступленному братом⁵ его Константином Павловичем, и по завещанию Александра должен наследовать престол, от которого цесаревич отказался при вступлении в брак с польской девицей Грудзинской, княгиней Лович. Гр. Милорадович решительно возразил, что в[ел.] к[н.] Николай не может вступить на престол, что законы империи не позволяют государю располагать престолом по⁶ духовному завещанию, что воля Александра об изменении престолонаследия оставалась до сих пор тайною для народа, так как и отречение цесаревича, что Александр не объявил воли своей всенародно⁷, что во всем государстве признается наследником Константин Павлович, что если покойному⁸ государю угодно было, чтоб наследовал после него в[ел.] к[н.] Николай, то он должен был⁹ при жизни своей объявить его наследником, и что, наконец, ни народ, ни войска не согласятся на¹⁰ нарушение прав законного наследника, и припишет дело измене, тем более что и государь и законный наследник в отсутствии, и гвардия решительно откажется принести присягу Николаю в таких обстоятельствах, и оттого неминуемо последует возмущение в столице, которого нечем будет утешить. Совещание продолжалось до 2-х часов ночи¹¹.

Странно, что Корф пишет в своей книге, что гр. Милорадович приехал к в[еликому] к[нязю] с известием о болезни имп. Александра вечером 25 Ноября. Накануне были именины моей жены, у меня было вечером довольно гостей, между прочими Рылеев. Он сказал мне первый, что есть известие из Таганрога, что Александр отчаянно болен¹². 25-го я должен был выехать из Петербурга, и остался единственно для того, чтоб знать чем разрешится болезнь¹¹.

27-го числа поутру я поехал во дворец, и взшел по известной так называемой комендантской лестнице, и был крайне удивлен, нашедши в комнате, отделяющей церковь от внутреннего пехотного караула, графа Милорадовича, отдававшего тихо, но так что я мог слышать¹², приказание коменданту Башуцкому разослать плац-адъютантов по караулам с приказанием привести их к присяге. На распросы мои о случившемся

³ Зачеркнуто дворец.

⁴ Последние пять слов вписаны сверху.

⁵ Дальше зачеркнуто ему.

⁶ Дальше зачеркнуто наследств.

⁷ Дальше зачеркнуто и.

⁸ Слово Покойному вписано сверху.

⁹ Слово Был вписано сверху.

¹⁰ Слово На вписано сверху.

¹¹ Весь абзац написан в нижней части страницы более мелким почерком и отделен сверху чертой.

¹² Последние семь слов вписаны сверху.

узнаю, что был молебен по случаю курьера, привезшего известие, что императору лучше, и что во время молебна другой фельдъегерь привез известие о его кончине; почему молебен был прекращен недокончанный и ожидается собрание членов Государственного совета. Побеседовав несколько с Годаиным и Кавелиным^{5*}, адъютантами Ник[олая] Пав[ловича] о случившемся, я пошел в зал, прилежащий тому, где Совет собирался; там собралось также несколько любопытных, от которых я узнал, что¹³ к[нязя] А. Н. Голицына [sic!], сопровождаемого несколькими другими лицами (кем именно не упомяну), пронес¹⁴ на малиновой бархатной подушке золотой или позолоченный ковчежец, в котором хранилось духовное завещание покойного Государя¹⁵, что когда открыто было заседание¹⁶, то к[н.] Голицын объявил членам, что есть¹⁷, как известно им, завещание Ал[ександра] I-го, на котором собственною его рукою написано: «Хранить в Госуд[арственном] совете впредь до моего востребования, а, в случае моей кончины, раскрыть прежде всякаго другого действия в чрезвычайном собрании». На объявление к[н.] Голицына гр. Милорадовичь отвечал, что в знак уважения к памяти покойного императора должно исполнить его волю, но что касается до престолонаследия, то духовное завещание, не обнародованное при жизни императора и оставшееся до кончины его государственным тайною, не может иметь никакого влияния на изменение положительного закона государственного о наследстве; что законным наследником есть и остается старший по покойном государе брат цесаревичь Конст[антин] Павл[ович] и он по праву уже есть император.

По принесении завещания оно было вскрыто и прочтено; тогда адмирал Мордвинов, вставая, сказал: теперь пойдемте присягать новому императору Константину Павловичу. Члены Совета отправились все вместе в покои в[ел.] к[н.] Николая Павловича, и мы все любопытствовавшие поспешили в комнаты, чрез которые нужно было пройти в[еликому] князю к Императрице вдовствующей, и видели, как он прошел к ней. Оттуда я прошел к большой церкви. Здесь новая открылась сцена: в комнату, занимаемую внутренним караулом, бывшим от роты Е. вел[ичеств]а л[ейб]-г[вардии] Преображенскаго полка Гренадерскаго взвода, поставлен был нагой с крестом и Евангелием. Солдаты спросили, что это значило, и на ответ, что будут приводить к присяге, они спросили: к какой присяге? Им отвечали: Новому государю. Тогда поднялся ропот и *головной* сказал, что у них есть государь и они присягать другому не будут; им объясняли, что государь скончался, они отвечали, что не слыхали даже, чтоб он был болен. Комендант Башупцкий и потом дежурный генерал Потапов напрасные делали усилия уговорить их и уверить их в истине; они¹⁸ слушать ничего не хотели до тех пор, как в[ел.] к[н.] Николай, вышед из церкви¹⁹, не рассказал им о болезни и смерти государя, прибавил, что он сам только что сей час принес присягу новому императору Константину Павловичу. Тогда спокойствие возобновилось, и караул²⁰ молча присягнул.

¹³ *Последние пять слов вписаны на полях вместо зачеркнутой строки.*

¹⁴ *Переправлено.*

¹⁵ *Дальше зачеркнуто слово.*

¹⁶ *Последние три слова вместо зачеркнутых Совет был собран.*

¹⁷ *Дальше зачеркнуто завещание.*

¹⁸ *Переправлено.*

¹⁹ *Дальше зачеркнуто объявил им, что точно получено известие.*

²⁰ *Дальше зачеркнуто безропотно.*

Когда я все это просмотрел во дворце, то поехал узнать, что происходило в Сенате. Нашел Сенат уже пустым, сенаторы все разъехались, оставались только обер-прокуроры Александр Васильевич *Кочубей* и Семен Григорьевич Краснокутский.

Они с негодованием мне рассказали, что сенаторы присягнули по словесному приказанию министра юстиции. А на вопрос мой о хранящемся конверте с списком духовного завещания отвечали, что по спросу, что с ним делать, министр приказал его прислать к нему.

Через несколько дней после, разговаривая со мною, сенатор Иван Матвеевич Муравьев-Апостол рассказал мне, что он в этот день, сидя в присутствии возле товарища своего Митусова, начал было говорить об этом конверте, на что Митусов отвечал: «Это Сибирью пахнет».

27 Ноября²¹, когда я приехал к Ф. П. Опочинину, я его не застал дома, а жена его Дарья Михайловна (дочь *фельд[маршала]*²² к[нязя] Смоленского) сказала мне, что за ним прислал Николай Павлович. Я долго ждал его возвращения, наконец, когда он приехал, то сказал нам, что в[ел]. к[н]. посылает его в Варшаву, и что он выедет, как скоро получит письма от в[ел]. к[н]. Николая. Рано вечером я еще раз поехал к нему; его опять потребовал в[еликий] к[нязь] и просил неотступно собраться поскорее. Между тем он еще ожидал некоторых писем от имп[ераторской] фамилии, и получив их, поздно уже ночью выехал. Он выразил мне в разговоре, что надеется, что Конст[антин] П[авлович] не откажется от наследства, вспоминая, что когда²³ дело шло об его отречении²⁴, то он²⁵ всегда говаривал, что без всякого сомнения император проживет долее его. Опочинин встретил на пути в[ел]. к[н]. Мих[аила] П[авловича] и возвратился в Петербург 28-го вечером²⁶, на другой день снова уехал с новыми письмами²⁷. Уезжая, он сказал мне, что употребит все усилия, чтоб уговорить Константина приехать в Петербург. После его отъезда Дарья Мих[айловна] уже говорила мне о своем убеждении, что Конст[антин] откажется от престола, что он часто говаривал, что еслиб он был императором, то его задушили бы, как задушили отца.

Мой рассказ совершенно противуречит всему, что было писано иностранцами и что повторено в предшествующей статье; он столь же мало согласуется с книгой, изданной г. Модестом Корфом. Но если он неверен²⁸ в тех местах, где я рассказываю только слышанное, то за это я ответственности брать на себя не могу; я рассказал, что слышал от человека, имевшего все средства знать истину, а обманывать ему меня не было никакой надобности. Что же касается до виденного и слышанного мною самим, то в нем я ничего, кроме истины, не передаю. Почему виденное и слышанное мною несогласно с тем, что я читаю, это²⁸ решать не мое дело. Верю очень, что в[ел]. к[н]. Николай мог заставить себя провозгласить императором от членов Совета, Сената и двора, хотя

²¹ Сначала написано В этот день, потом переправлено на 30 Ноября, затем вместо зачеркнутого 30 сверху написано 27.

²² Написано неразборчиво.

²³ Дальше зачеркнуто он отказывался.

²⁴ Дальше зачеркнуто от наследства.

²⁵ Вписано сверху.

²⁶ Вместо на 26 (27) Декабря.

²⁷ Дальше зачеркнуто то я отве.

²⁸ Переправлено вместо этого.

многие его и не желали, но робость противников его в выражении их мыслей заставляет меня оставаться в уверенности, что никто из них не осмелился бы явно противуречить. Сверх того, надобно признаться, что и Константин был не такая находка, для которой нашлось бы много охотников порисковать своею безопасностью. Один граф Милорадович смел безтрепетно высказывать свои убеждения и противиться всякому незаконному поползновению. Он держал в своих руках судьбу России, и спас столицу от общего и всенародного возмущения, которое непременно бы вспыхнуло, еслиб тотчас после кончины Александра потребована была присяга Николаю. Если Николай добровольно покорился убеждениям графа, то²⁹ заслужил признательность Отечества; но еслиб он захотел³⁰ силою добыть престол, то не сомневаюсь, что не нашел бы в графе Милорадовиче себе сообщника³¹. Граф, узнав уже из писем Константина к Николаю, которые были (как и Корф признается) так³² писаны, что их нельзя было напечатать; граф, говоря, увидев³³ из этих писем, что Константин не принял присяги, все еще сдерживал нетерпеливых и домогался правильного отречения от Константина.

«Для предводительства инсurreкции избрали кн. Трубецкого, бывшего деж[урного] шт[аб]-оф[ицера] Гвардейского корпуса».

Трубецкой был деж[урным] шт[аб]-оф[ицером] 4-го армейского корпуса, которого штаб-квартира была в Киеве. С 1819-го года он оставил гвардейскую службу и приехал в Петербург всего на несколько дней. Остался долее только потому, что получено было известие об опасной болезни императора, и чтоб дожидаться дальнейших известий. Будучи не³⁴ знаком гвардейским офицерам и солдатам, он не мог быть избран начальствовать, и за отказом³⁵ некоторых полковых командиров из членов общества, выбор пал на полковника Булатова, который только что назначен был командиром армейского полка, из батальонных командиров Лейб-Гренадерского. Он, как говорили, был любим солдатами³⁶.

В примечании о побуждениях гр[афа] М[илорадовича], заставлявших его желать, чтоб царствовал Константин, внесено на графа незаслуженное³⁶ им подозрение корыстолюбивых надежд. Это непростительно в отношении человека, действовавшего в это критическое время прямо и благородно. Конечно граф мог ожидать, что если дело как слишком видимо должно кончиться воцарением Николая, то этот не простит ему оказанной оппозиции. Мнение же высказанное, будто бы известная щедрость К[онстантина] могла быть побуждением гр[афу] М[илорадовичу] стоять за К[онстантина], в надежде зажить еще расточительнее, вовсе не заслуживает никакого уважения, тем более, что никогда К[онстантин] не считался таким щедролюбивым.

До подписания сентенции человек³⁷ пятнадцать генералов ездили просить императора, чтоб не щадил виновных и предал бы их смерт-

²⁹ Переправлено.

³⁰ Слово за [хотел] вписано сверху; дальше зачеркнуто бы.

³¹ Дальше зачеркнуто и пока бы Граф не.

³² Переправлено вместо таким.

³³ Переправлено.

³⁴ Дальше старательно вымарано больше строки.

³⁵ Дальше зачеркнуто участия.

³⁶ Последнее слово написано неразборчиво.

³⁷ Вначале переправлено.

ной казни. В особенности просили, чтоб князь Оболенский не был пощажён. Этим поступком хвалился генерал Головин перед племянницею своей жены Н. Д. Фонвизиной, и на замечание ея, что набожный человек, каким он себя выдавал, не должен был этого делать, он отвечал «Кровью очищается земля».

В примечании о Луние сказано ³⁸, что он отвезен в Акатуевский рудник «за написанное им ³⁹ для иностранных газет и перехваченное повествование о деле тайного общества». Это несправедливо.

Лунин был в постоянной переписке с сестрою своею Ек[атериной] С[ергеевной] Уваровой. В письмах своих он постоянно рассуждал о разных, правительством предпринимаемых мерах и распоряжениях, и не щадил лиц, занимавших высшие правительственные места, не задевая, впрочем, нисколько высочайшей особы, а, напротив, подсылая ей иногда фимиам. Несмотря на то, ему запрещено было предписанием от III Отделения писать в продолжении целого года «за неуместные рассуждения и самохвальство». Когда год запрещения минул, Лунин написал снова письмо к сестре и вложил его в конверт на имя гр[афа] Бенкендорфа, шефа жандармов при письме к нему, в котором изъяснял, что он по незнанию, что именно могло не нравиться правительству в прежних его письмах, может снова навлечь на себя опалу, почему просит графа взять на себя труд лично просматривать его письма. Это письмо к Б[енкендорфу] он написал по-французски в самых вежливых выражениях.

Разумеется, ответа он не получил никакого и продолжал с тех пор писать еженедельно к своей сестре. Письма были такого же содержания, как и те, по которым последовало запрещение. Между этими письмами некоторые имели общий интерес, и были переведены на русский язык. Тетрадку, таким образом собранную, дал Громницкий читать одному казачьему офицеру Черепанову, который дал также ее для прочтения чиновнику особых поручений при г[ен.-] г[уб.] Руперте, Успенскому; другие говорят что У[спенскому] не давал ее Черепанов, но что Успенский ее утащил. Дело в том, что когда она попалась последнему в руки, то он сделал на Лунина донос Руперту, бывшему тогда в Петербурге. Руперт доложил через Бенкендорфа императору, и Лунин был схвачен внезапно и увезен в заточения в казарму, назначавшуюся прежде для всех осужденных Верх[овным] уг[оловным] судом в Акатуевском руднике ⁴⁰.

Лунин нисколько не удивился новому своему аресту; он всегда ожидал, что его снова засадят в тюрьму, и всегда говорил, что он должен в тюрьме окончить свою жизнь, хоть, впрочем, он очень любил свободно скитаться с ружьем по лесам и проводил большую часть своей жизни на охоте. Однажды я был у него на святках, и он спросил меня, что, по мнению моему, последует ему за его письма к сестре? Я отвечал, что уже четыре месяца прошло, как он возобновил переписку, и если до сих пор не было никаких последствий, то вероятно никаких не будет и вперед. Это его рассердило; он стал доказывать, что этого быть не может, и что непременно его запрут в тюрьму, что он должен в тюрьме окончить жизнь свою.

Руперт, возвратясь в Иркутск, стыдился несколько своего поступка с Луниным и старался отвлечь от себя нареkanie в подлости своего поступка, рассказывая, что он будто бы не мог скрыть доноса Успенско-

³⁸ Вначале переправлено.

³⁹ Дальше зачеркнуто и перехваченное.

го⁴⁰, и что Ник[олай] Пав[лович] сначала дал повеление разстрелять Лунина, но что будто бы он¹ (Руперт) представил тогда государю, что Лунин помешан в уме, и⁴¹ тем спас его от казни. Как бы то ни было, но Лунина взяли и увезли, пошло следствие о распространении его писем. Громницкий, переводивший некоторые из них и сообщавший их некоторым из своих знакомых, был посажен в *Ордонанс-гауз*; хотели к делу приплести Никиту Муравьева, по родству его и приятни с Луниным, полагая, что он был участником в⁴² сочинении некоторых из писем, и матери его Екатерине Феодоровне много стоило⁴³ выгородить сына своего⁴⁴. Через полгода освободили⁴⁵ и Громницкого. Само собою разумеется, что Успенский награжден был Владимирским крестом.

Лунин был усердный католик. Когда он принял католицизм и что его к тому побудило, осталось неизвестным для самых близких к нему. Только эпоху этому полагали мы время пребывания его в Варшаве. Он был в молодости своей большим дуэлистом, и был отставлен из кавалергардов за дуэль⁴⁵. Отец разсердился на него и прекратил ему содержание, Лунин уехал в Париж и там жил некоторое время, давая уроки на фортепьяно. Возвратясь в Россию, он написал письмо к цесаревичу, К[онстантин] П[авлович] его не любил прежде и всегда гнал, но доверенность, с которой Лунин обратился к нему, ему понравилась; он принял его в один из уланских полков Литовского корпуса ротмистром (двумя чинами ниже того, который он имел). После того К[онстантин] П[авлович] перевел его в один из Гвардейских полков в Варшаву и Лунин сделался его любимцем. Когда пришло приказание арестовать Лунина, цесаревич призвал его и сказал ему, что он его не даст, что в Петербурге его повесят и сказал⁴⁶ ему, что он дает ему месяц срока, которым он может воспользоваться. Лунин не захотел избежать готовящейся ему участи, и по вторичному требованию был отправлен в Петербург.

Как ревностный католик, он исполнял все обряды и требования Римской церкви. Ежедневно читал Римский молитвенник⁴⁷. Сестра прислала ему большое бронзовое распятие, и в Петровских казематах был у него сооружен алтарь, который после перешел с ним и на поселение и потом в Акатуй; занимался изучением латинского языка и переводом творений св. Августина, а в Акагуе принялся за греческий язык. Он всегда имел деньги; не любил давать взаймы, но нуждающимся помогал. Не хотел никогда иметь ничего общего с товарищами своего заключения, и жил всегда особняком. В отношении обид говорил, что должно всё прощать, но ничего не забывать. Самые близкие друзья его сознавали, что в поступках его много участвует тщеславие, но им одним нельзя объяснить важнейших его действий, тут побудительная причина скрывалась в каком-нибудь более сильном чувстве. Тщеславие не может заставить человека желать окончить век свой в тюрьме; тогда как религиозные понятия могут возбудить желание мученичества. И я полагаю, что в Луnine было что-нибудь подобное.

⁴⁰ *Примечание* кн. С. П. Трубецкого: Успенский был любовником жены Руперта, который это знал очень хорошо, и держал его очень близко к себе.

⁴¹ *Дальше зачеркнуто* тогда.

⁴² *Дальше зачеркнуто* составлен.

⁴³ *Дальше зачеркнуто* освободить сына своего.

⁴⁴ *Надписано сверху место зачеркнутого* выпустили.

⁴⁵ *Дальше зачеркнуто* Пробыв несколько лет, в отс.

⁴⁶ *Надписано сверху вместо зачеркнутого* наемнул.

⁴⁷ *Последняя фраза* вставлена на полях.

Лунин имел довольно значительное имение. Отец оставил ему в наследство около 2 т[ыс.] душ. Пред осуждением нас было каждому предложено написать завещание. Лунин своим завещанием передавал свое имение своему двоюродному брату, также Лунину, с тем чтоб он крестьян этих отпустил на волю. Сестра Лунина оспорила духовное завещание, и крестьяне отданы были ей. Скоро после того, муж ее, Уваров, пропал без вести. Осталось сомнение, что он, мучимый совестью, что побудил жену свою к такому поступку, прекратил свою жизнь ^{10*}.

Протоиерей Казанского собора Петр Николаевич Мысловской заменил, при заключенных ⁴⁸ в крепости, протоиерея Петропавловского собора Стахия. Сначала от[ец] Петр был, видимо, неприязненно настроен против арестованных, но когда в течении великого поста он от ⁴⁹ большей части из них принял ⁵⁰ исповедь, расположение его совершенно изменилось, он ⁵¹ сделался их другом, пользовался всеми представлявшимися случаями посещать их, предостерегал к осторожности в ответах, доставлял сведения о семействах и, словом, вел себя в отношении всех, которые принимали его с благорасположением, как истинный служитель алтаря, исполненный христианского милосердия. В день сентенции, когда собираемы были осужденные для выслушания ея, он успел предупредить некоторых, опасаясь, чтоб при объявлении смертной казни не упали иные духом. Он казался совершенно уверенным, что смертный приговор, утвержденный для первых пятерых, не будет исполнен, а будет даровано им жизнь под виселицей. В тот день и в тот самый час, когда служили молебен на Петровской площади в благодарность за «ниспровержение ⁵² крамолы», от[ец] Петр отказался присутствовать на нем, и служил панихиду в Казанском соборе по пяти страдальцам.

До самой кончины своей он сохранил свое благорасположение к изгнанникам и по-временам писал к некоторым ⁵³ из них в Сибирь письма.

«Цесаревич не поступил так, как следовало бы поступить, при уважении к своему Отечеству, буде не к Сенату».

Так все мыслили о цесаревиче, и имели на то полное право потому, что ничего более не знали, как только то, что он не принял посланных от Сената. Но обвинения на Константина оказались несправедливыми с тех пор, как вышла в печати книга: «Возшествие на престол императора Николая I-го». Письма цесаревича к Николаю, к князьям Лопухину и Лобанову-Ростовс[ко]му, с приложением торжественного объявления к народу, совершенно его оправдывают. Почему это торжественное объявление не было обнародовано? Его достаточно было, чтоб предупредить не только возстание 14-го Декабря и на Юге, но и всякое противодействие.

Несправедливо показание, будто бы осужденных Верх[овным] уг[оловным] судом не велено было смешивать с каторжными, осужденными за злодеяния. Напротив, все бывшие в Нерчинских рудниках были высылаемы на работы с прочими ссыльно-каторжными, и не теми, кото-

⁴⁸ Слово написано неразборчиво.

⁴⁹ Слово от вписано сверху.

⁵⁰ Переправлено.

⁵¹ Переправлено.

⁵² Надписано сверху вместо укрощение.

⁵³ Переправлено.

рые жили на свободе, но с теми, которые за сделанные ими в бытность уже в каторге новые преступления, содержались в оковах. Так, Трубецкой всегда посылаем был на работу в рудники в сообществе гремевшего некогда в Енисейской губернии разбойничьего атамана Орлова.

Заметки эти на записки Штейнгеля⁵⁴, написаны по моей просьбе С. П.⁵⁵ Трубецким в⁵⁶ пятидесятых годах.

Е. Якушкин⁵⁷

⁵⁴ Буква й вставлена сверху.

⁵⁵ Инициалы С. П. вставлены сверху.

⁵⁶ Дальше зачеркнуто 1859 году и приписаны другими чернилами последние слова.

⁵⁷ Вся приписка сделана собственною рукою Е. И. Якушкина.

ПРИМЕЧАНИЯ Н. М. ДРУЖИНИНА

¹* Публикуемые в настоящем сборнике заметки декабриста кн. С. П. Трубецкого сохранились в семейном архиве Якушкиных и переданы для напечатания Е. Е. Якушкиным. Рукопись (ЦГАОР СССР, ф. 279) занимает 37 страниц писчей бумаги, которые сшиты в виде тетради, форматом в одну четвертую долю листа (три последние страницы оставлены незаполненными). Рукопись испещрена многочисленными авторскими поправками. Судя по характеру исправлений, они были сделаны сейчас же, в процессе писания, и доказывают, что перед нами не беловой экземпляр работы, а ее первоначальный черновой текст.

Время возникновения «Записей» вскрывается отчасти из слов самого автора, отчасти из заключительной приписки Е. И. Якушкина: на 2-й странице С. П. Трубецкой упоминает о царствовании Николая I как о закончившейся эпохе; местами он полемизирует с книгой бар. М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», напечатанной для публики в 1857 г.; по свидетельству Е. И. Якушкина, заметки составлены декабристом «в пятидесятых годах» (сначала Е. И. Якушкин высказался еще конкретнее — «в 1859 году», но, по-видимому, позднее он усомнился в точности своей памяти и предпочел более общую и менее обязывающую датировку). По словам того же Е. И. Якушкина, заметки были написаны по его личной просьбе в Москве, где жил Е. И. Якушкин и где он мог встречаться и говорить с амнистированным декабристом. В 50-х годах XIX в. С. П. Трубецкой проживал в Москве дважды: первый раз — короткое время: с 29 января по 21 февраля 1857 г., проездом из Иркутской губернии в Киев; второй раз — более продолжительный срок: с августа 1859 г. до своей смерти (22 ноября 1860 г.). Очевидно, публикуемые «Записи» составлены автором в этот последний период, т. е. во второй половине 1859 г.: к этому моменту С. П. Трубецкой должен был хорошо ознакомиться с книгой бар. Корфа, достаточно прочно осел в Москве и возобновил старое знакомство с Е. И. Якушкиным.

Обстоятельства, при которых возникла печатаемая рукопись, выясняются из того же примечания Е. И. Якушкина: записи С. П. Трубецкого он называет «заметками на записки Штейнгеля». Речь идет о второй (дополнительной) редакции записок В. И. Штейнгеля (рассказ о восстании 14 декабря, о следствии и суде над декабристами), написанной в начале 50-х годов в Сибири и опубликованной в 1905 г. П. Е. Щеголевым¹. Эти записки в копии хранились у Е. И. Якушкина и были снабжены на полях собственноручными поправками и дополнениями С. П. Трубецкого. По-видимому, еще в Сибири воспоминания В. И. Штейнгеля были размножены и в списках ходили по рукам сосланных декабристов. Один из списков попал к Трубецкому и вызвал с его стороны ряд фактических возражений; впоследствии этот экземпляр перешел к Е. И. Якушкину, который заинтересовался завязавшимся спором и попросил Трубецкого подробнее развить свои лаконичные заметки. Трубецкой согласился, учел недавнюю публикацию бар. Корфа и через некоторое время вручил Е. И. Якушкину небольшую тетрадь, заполненную собственноручными записями.

«Записи» печатаются с соблюдением орфографии подлинника; все авторские поправки вынесены в подстрочник. Там, где первоначальный текст переправлен и не

¹ Общественные движения в России в первую половину XIX в. / Сост. В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Е. Щеголев. СПб., 1905, т. 1. Декабристы, с. 323, 423—474.

поддается чтению, сделана отметка «переправлено». Подчеркнутые места подлинника набраны курсивом.

^{2*} Федор Петрович Опочинин (родился в 1779 г. — умер в 1852 г.) начал военную службу поручиком Измайловского полка и адъютантом вел. кн. Константина Павловича; вскоре был переведен в Конную гвардию и принял участие в кампании 1805—1807 гг. В 1808 г. вышел в отставку и через год был зачислен на гражданскую службу. Пользовался большим расположением вел. кн. Константина Павловича и доверием со стороны Николая I. Не только в период междоусобия, но и в течение всего следствия над декабристами являлся доверенным посредником между Николаем и Константином, постоянно переезжая из Петербурга в Варшаву и обратно. Эти ответственные миссии явились исходным моментом придворной карьеры Опочинина, которая закончилась назначением его обер-гофмейстером и президентом Гоф-интендантской канторы. Жена Опочинина, упоминаемая в «Записях» Трубецкого, была дочерью фельдмаршала кн. Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова (Смоленского).

^{3*} Сохранившиеся дневники Николая I не подтверждают версии С. П. Трубецкого о специальном совещании с участием П. В. Лопухина, А. Б. Куракина и М. А. Милорадовича. Николай вел в эти тревожные ноябрьские дни краткие и сухие записи; судя по обилию имен и мелочным подробностям о придворном времяпрепровождении, дневник заполнялся по истечении каждого дня и дает достаточно точные указания о внешней стороне жизни. Среди лиц, которые поддерживали в это время постоянное общение со двором, дневник часто упоминает петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича: через него поступали донесения бар. И. И. Дибича из Таганрога; он сообщал о положении дел в столице, между ним и Николаем велись конфиденциальные разговоры о переживаемых событиях. От него могли исходить те доводы о порядке престолонаследия, которые приписаны ему Трубецким и другими мемуаристами и которые вполне согласуются с последующим образом действий Милорадовича. Лопухина и Куракина Николай принимал в разное время: Лопухина — 22 ноября, при первых известиях о болезни Александра I; Куракина — 28 ноября, после присяги Константину, в присутствии Опочинина. В записке, составленной 3 декабря тем же Опочининым (по указаниям и отчасти под диктовку Николая), действительно упоминается о специальном совещании 25 ноября, после особенно тревожных известий из Таганрога; но участниками этого совещания названы — Николай, Милорадович и командир Гвардейского корпуса А. Л. Воинов; совещание происходило поздно вечером в Зимнем дворце и было посвящено вопросу, «какие бы нужно принять меры, если бы, чего боже сохрани, получено было известие о кончине возлюбленного монарха». Записка Опочинина была предназначена для Константина и страдает явной тенденциозностью; Николай особенно подчеркивает в ней, что на указанном совещании он настаивал на немедленной присяге «старшему своему братцу, как законному наследнику престола». Очень возможно, что все эти факты — и беседы Николая с Милорадовичем, Лопухиным и Куракиным, и совещание во дворце — стали известны Трубецкому со слов хорошо осведомленного Опочинина. Единство темы связало в сознании Трубецкого эти разновременные встречи и разговоры в единое и неразрывное целое. Так создалась неточная версия, которая реальный факт (давление Милорадовича на Николая) облекла в легендарные формы коллективного совещания с участием крупнейших государственных сановников².

^{4*} Дневники и письма царской семьи помогают разрешить это кажущееся противоречие. Известие от Дибича о безнадежном положении Александра I было доставлено в Петербург 25 ноября в 4 часа дня и часа через два доложено Милорадовичем Николаю (именно об этом эпизоде и сообщает Корф на основании личной записи самого Николая). Но известие 25 ноября было не первым сообщением о болезни Александра I: дневник Николая отмечает тревожные донесения еще под датой 22 ноября; на следующий день донесения повторяются; население дворца испытывает беспокойство, и это ощущение зарождающейся тревоги, по-видимому, питает городские слухи и настроения. Сообщение К. Ф. Рыльева вечером 24 ноября на именинах Е. И. Трубецкого было отголоском этих городских слухов, порожденных первыми эстафетами, полученными от Дибича³.

^{5*} Николай Петрович Годеин и Александр Александрович Кавелин — оба были полковниками Измайловского полка и адъютантами вел. кн. Николая Павловича; оба

² Междоусобие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М., 1926, с. 63—70, 83, 97, 98, 129—130. В тексте (с. 10) кн. Алексей Борисович Куракин ошибочно назван Александром Борисовичем.

³ Там же, с. 65—67, 37; Корф М. А., бар. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857, с. 45—46.

состояли членами Союза благоденствия, но отпали от тайного общества после Московского съезда 1821 г. Как бывшие члены организации, разделявшие либеральные взгляды декабристов, оба были хорошо известны Трубецкому и могли осведомить его о придворных событиях и настроениях.

*⁶ Рассказ Трубецкого о поездках Опочинина подтверждается дневниками лиц царской фамилии, но страдает ошибками в подробностях и в датах. 27 ноября после принесения присяги Николай отправил в Варшаву своего адъютанта Лазарева с неофициальным письмом к Константину. Через два дня, рассчитывая на скорый приезд Константина, Николай решил послать ему навстречу, в Нарву, близкого ко двору Опочинина. По-видимому, он делал это с определенной целью — заблаговременно ориентировать Константина в создавшемся положении и помочь ему на совещании с доверенным и близким лицом выработать план будущих действий. Опочинин выехал из столицы в ночь на 30 ноября. Приехав в Нарву, он встретил не Константина, а Михаила, который спешил из Варшавы с официальными документами, подтверждавшими отречение наследника. Сообщив Михаилу о петербургских событиях, Опочинин признал свою миссию выполненной и немедленно возвратился обратно. 3 декабря он снова присутствует во дворце и по поручению Николая пишет для Константина «протокол всего происшедшего». С этой запиской и с письмом Николая Опочинин немедленно, в ночь на 4 декабря, уезжает в Варшаву.

Очень возможно, что Трубецкой 27 ноября заезжал к Опочинину, не застал его дома и узнал, что его вызвали во дворец: беседы с Опочининым упоминаются в дневнике Николая неоднократно — и 27, и 28, и 29 ноября. Но так же несомненно, что о предстоящей поездке Опочинина Трубецкой мог узнать только 29 ноября, в самый день его выезда из Петербурга. Впоследствии первое и последнее посещения Опочинина слились в сознании Трубецкого в единовременный акт: отсюда произошла путаница в числах, которая отразилась в авторских поправках — ясных следах сосредоточенного, не удавшегося припоминания.

*⁷ Отрицая свое предводительство в инсurreкции и стараясь обосновать свое отрицание фактическими ссылками, Трубецкой вступает в резкое противоречие с документальным материалом. Показания активных участников восстания не оставляют никакого сомнения, что кн. Трубецкой был избран руководителем задуманного переворота, составил план революционного выступления и получил неограниченную власть в распоряжении военными силами. На следствии он не отрицал этой своей руководящей роли и охарактеризовал ее достаточно ясно: «Не хотел я, чтобы члены заранее могли рассуждать о моих предположениях, чтоб тем не унизить звание Диктатора, которое они мне дали, и чтобы после не было прекословия, или ослушания, если я перемену мысли согласно с обстоятельствами; потому я часто говорил, когда меня спрашивали о том, что я предполагаю или, когда что мне предлагали, что обстоятельства покажут, что надобно будет делать»⁴. Полковник Александр Михайлович Булатов, по показаниям всех руководителей (не исключая и самого Трубецкого), должен был командовать Лейб-гренадерским полком и подчиняться начальству Трубецкого. Попытка автора заслониться своей киевской службой звучит крайне неубедительно: Трубецкой был назначен дежурным штаб-офицером 4-го армейского корпуса только за год до разразившихся событий; три предшествующих года (1821—1824) он проживал в Петербурге, принимал активное участие в Северном обществе и был хорошо известен передовым офицерам гвардии. Его положение в тайном обществе, высокий чин и петербургские связи достаточно объясняют, почему он был единодушно избран в «предводители инсurreкции».

*⁸ Сведения, сообщаемые Трубецким об аресте и ссылке М. С. Лунина, не вполне соответствуют следственным документам. Как видно из «дела» Лунина, хранившегося в архиве III Отделения с.е.и.в. канцелярии, поводом к обыску и вторичному аресту декабриста послужили не письма к сестре, а политический трактат «Взгляд на тайное общество». Рукопись этого сочинения в 1841 г. неизвестным путем попала к начальнику III Отделения гр. А. Х. Бенкендорфу, который сделал соответствующий доклад Николаю I. Царь распорядился произвести у Лунина строжайший осмотр, отобрать у него бумаги, заключить его самого в Нерчинск, а о распространении рукописи произвести особое следствие. Распоряжение было передано через иркутского генерал-губернатора В. Я. Руперта и приведено в исполнение его доверенным чиновником П. Н. Успенским. У Лунина были найдены не только его личные записки, но и ряд его политических сочинений («Взгляд на тайное общество», «Разбор донесения Следственной комиссии», «Историческое сочинение о древней Греции» и пр.). Следствие установило, что письма и трактаты Лунина читались не только декабристом Петром Федоровичем Громницким (бывшим членом «Общества Соединенных славян», жившим около Иркутска и иногда исполнявшим у Лунина функции секре-

⁴ Восстание декабристов. М.; Л., 1925, т. 1, с. 102.

таря) и казачьим офицером С. И. Черепановым, но и другими лицами: товарищами Лунина по ссылке (Никитою Муравьевым, Ф. Б. Вольфом и пр.) и некоторыми жителями Иркутска (учителем Журавлевым, полицмейстером Васильевским и пр.). Версия о доносе П. Н. Успенского, которую мы находим в записях Трубецкого, представляется очень правдоподобной и объясняет нам не только «усердие», с которым Успенский обыскивал и допрашивал Лунина, но и полученные им высочайшие награды.

^{9*} Намерение властей привлечь к следствию Никиту Муравьева и усилия его богатой и влиятельной матери освободить сына от нового преследования подтверждаются сибирскими записями петрашевца Толя (сделаны со слов декабристов)⁵. Из сопоставления трактатов Лунина и сибирских сочинений Никиты Муравьева (в частности, его неизданной записки о тайном обществе) видно, что оба декабриста совместно размышляли над очередными вопросами политической жизни.

^{10*} Запись Трубецкого о Луине печатается впервые (за исключением небольшой выдержки, опубликованной в свое время кн. М. С. Волконским)⁶. Трубецкой должен был хорошо знать Лунина не только по тайному обществу, но и по сибирской ссылке: поселившись около Иркутска, они нередко встречались друг с другом, и Трубецкой имел полную возможность изучить характер и вкусы своего «союзника». Тем ценнее свидетельства Трубецкого, который подметил в авторе политических памфлетов такие внутренние мотивы, которые остались неясными для прочих мемуаристов.

⁵ Декабристы на поселении. М., 1926, с. 129.

⁶ Записки кн. М. Н. Волконской. СПб., 1904, с. 168—170 (примеч.).

ДЕКАБРИСТ И. Д. ЯКУШКИН И ЕГО ЛАНКАСТЕРСКАЯ ШКОЛА

I

В 1840 г. декабрист Ф. Ф. Вадковский писал о своих товарищах, разосланных из Петровского каземата: «Все наши уже укоренились... для всех уже началось и разыгрывается последнее действие нашей драмы ...»¹. К этому моменту каторга декабристов окончилась, и для них потянулись томительные годы сибирского поселения — обманчивой полусвободы и постепенно падающей надежды на возвращение в коренную Россию. Этот двадцатилетний период представляет особый интерес в истории декабризма. Бывшие участники политического заговора перестали быть скованными узниками; они получили относительную самостоятельность действий и, вступив в многообразные отношения с внешним миром, постарались найти и отстоять себе место в окружающей жизни. Многие из них развернули энергичную хозяйственную, литературную и педагогическую деятельность, некоторые пошли дальше — попытались продумать и подытожить свое прежнее революционное прошлое.

Изучить этот сибирский период жизни и деятельности декабристов — значит полнее и всестороннее уяснить себе стремления дворянского поколения русских революционеров.

Среди просветительных начинаний сосланных декабристов особенное внимание современников и потомков обращает на себя ялutorовская школа И. Д. Якушкина. О ней вспоминали другие декабристы — Е. П. Оболенский, П. Н. Свистунов, Н. В. Басаргин и бывшие учащиеся школы — А. П. Созонович, О. Н. Балакшина, М. С. Знаменский². О ней писали первые историки декабристской ссылки — К. М. Голодников, С. В. Максимов и А. И. Дмитриев-Мамонов³. Культурные традиции этой школы оказали определенное влияние на учебную политику в Западной Сибири. Тем не менее конкретные представления о ялutorовской школе, о ее возникновении, развитии и успехах, так же как о личной роли самого Якушкина, остаются очень неясными и неполными. Еще неопределеннее стоит вопрос о внутренней связи между педагогической деятельностью Якушкина и его философскими, социальными и политическими воззрениями. Между тем от правильного ответа на этот частный вопрос зависит постановка и разрешение другой, более общей проблемы — внутренней связи между политическим движением, подготовившим восстание 1825 г., и сибирской деятельностью сосланных декабристов. Разыскать и распутать эти скрытые нити, которые тянутся от революционного течения передового дворянства к скромному учительству в недрах сибирского захолустья, — задача, которая требует разрешения со стороны исследователя.

К счастью, мы имеем достаточно полные и документальные источники на интересующую нас тему. В богатом якушкинском архиве сохранились собственноручные отчеты и конспекты самого основателя ялutorовской школы; здесь же находятся копии школьных ланкастерских таблиц, изготовленные в Сибири по личному заказу его сына Е. И. Якушкина; основной учебный материал дополняется перепиской, которую вели относительно школы сами преподаватели, их друзья-декабристы и некоторые из бывших учащихся. Если мы свяжем эти сохранившиеся источ-

ники с сибирскими записями И. Д. Якушкина, с его воспоминаниями о революционном прошлом и с его оценкой вооруженного восстания, перед нами наметятся отчетливые контуры возможного исторического решения. Однако для того, чтобы поставленная задача была разрешена вполне правильно, мы должны выйти из узких рамок ялуторовской школы и вдвинуть это типичное явление своего времени в более широкую перспективу социально-педагогических течений начала XIX в.

II

Город Ялуторовск, в котором И. Д. Якушкину пришлось прожить двадцать лет своей жизни и где он оставил о себе такие теплые и благодарные воспоминания, не мог похвастаться внешней красотой и внутренними интересами. «Местоположение и сам город Ялуторовск нам всем очень не понравился,— писал в 1842 г. Н. В. Басаргин к И. И. Пущину,— как-то он очень разбросан и больно некрасив». В том же духе высказывался позднее сам Пущин: «Вы все хотите иметь подробные сведения об Ялуторовске,— писал он в 1845 г. к Е. А. Энгельгардту.— Право, ничего нет особенно занимательного ни в политическом, ни в естественном отношении». Эти беглые впечатления заезжих декабристов совпадают с описаниями и характеристиками местных жителей. Город был расположен в 260 верстах от Тобольска и представлял собою беспорядочную массу одноэтажных домиков, раскинутых на степной равнине, по течению р. Тобол. Две каменные церкви и два-три небольших каменных дома самой непритязательной архитектуры считались единственным украшением Ялуторовска. По словам Голодникова, здание уездного училища — центра местного просвещения — напоминало «нечто среднее между харчевнею и погребом», а приходское училище было размещено в ветхом деревянном амбаре с двумя прорубленными окнами и дырявым полом. Подавляющее большинство населения составляла безграмотная и темная масса провинциального мещанства; к «аристократии» города принадлежали невежественные продажные чиновники и небольшая кучка крупных торговцев. Город тесно соприкасался с окружающей деревней, которая, в отличие от коренных губерний, не знала крепостного права; очень часто на ялуторовских базарах появлялись и представители коренного казакского населения⁴.

И. Д. Якушкин приехал сюда в сентябре 1836 г., отбывши каторгу на Петровском заводе. Он застал в Ялуторовске ранее поселенных декабристов — бывших членов Южного общества В. К. Тизенгаузена и А. В. Ентальцева. Почти одновременно из Бухтарминской крепости сюда перевели Матвея Муравьева-Апостола, старого товарища И. Д. Якушкина по Семеновскому полку и революционным союзам. Через шесть лет к ним присоединились связанные давнею и тесною дружбою И. И. Пущин и кн. Е. П. Оболенский. Наконец, последним, в 1848 г. прибыл Н. В. Басаргин, и с этого момента ялуторовская «колония» приобрела окончательный и вполне устойчивый состав. Так же, как и в других местах поселения — Урике, Оеке, Туринске, Кургане, декабристы жили здесь собственной замкнутою жизнью; их не привлекали провинциальные дома невежественных чиновников, а темная масса мещанского населения оставалась им чуждою и несколько враждебною. «Нас здесь пятеро товарищей⁵,— рассказывал И. И. Пущин Е. А. Энгельгардту,— живем мы ладно, толкуем откровенно, когда собираемся, что случается непременно два раза в неделю: в четверг — у нас, а в воскресенье — у Муравьева.

Обедаем без больших прихотей вместе, потом или отправляемся ходить или садимся за винт, чтобы доставить некоторое развлечение нашему старому товарищу Тизенгаузену, который и стар и глух, и к тому же, может быть по необходимости, охотник посидеть за зеленым столом. Прочие дни проходят в занятиях всякого рода — умственных и механических... В итоге может быть окажется что-нибудь дельное: цель освящает и облегчает заточение и ссылку». Каждый из декабристов поддерживал отношения с бывшими «соузниками», разбросанными по городам и селам Сибири. Оживленная переписка соединяла Ялуторовск с другими центрами поселения; время от времени обменивались книгами и вещами; пересылали друг другу научные новинки, иностранные журналы, книги, не разрешенные цензурой. Изредка удавалось предпринимать отдаленные поездки в Тобольск, где жили Фонвизины, Анненковы, Свистуновы, или еще дальше — в Иркутск и на Тункинские воды. Из местного населения делали исключение для очень немногих: в семьях А. В. Ентальцева и М. И. Муравьева бывали молодые учителя уездного училища, а сами декабристы посещали дома ялуторовских купцов В. И. Сесенина, Н. Ф. Мясникова и его компаньона Н. Я. Балакшина. Н. Я. Балашкин выделялся большим образованием и умственными интересами: декабристы получали на его имя журналы, переписку и деньги от своих родственников. Наконец, одним из нередких гостей ялуторовских поселенцев, и особенно И. Д. Якушкина, был местный священник С. Я. Знаменский⁶, выделявшийся из среды реакционного и невежественного духовенства своими интеллектуальными запросами и сыгравший активную роль в создании ялуторовской школы.

И. Д. Якушкин жил еще более одиноко и замкнуто, чем другие. У А. В. Ентальцева и М. И. Муравьева, а позднее у Е. П. Оболенского были собственные семьи, которые жили тут же, совместно, согревая декабристов своим теплом и заботой. Семья И. Д. Якушкина была отделена от него многими тысячами верст.

Сначала Якушкин поселился в доме Балакшина, в «небольшой комнате с отдельным ходом и очень простенькой обстановкой»; затем он занял более просторную квартиру, состоявшую из трех комнат в доме купцов Ларионовых. Сохранилось изображение сибирского «интерьера» Якушкина, типичного для среднедворянской обстановки 30—40-х годов XIX в. Просторная комната с дощатым полом и потолком, большой кафельной печью и матерчатыми обоями обставлена знакомой мебелью из камеры Петровского завода. Между окнами — деревянный письменный стол, окрашенный в черную краску, уложенный переплетенными книгами и альбомами; по сторонам размещены складные стулья, в которых мы узнаем сибирский подарок А. Г. Муравьевой. Дальше, ближе к углу, кресло с пюпитром, «наподобие того, которое стояло в Покровском». На стенах целая галерея портретов: над письменным столом, так же как в Петровском заводе, портреты самых близких людей — жены и двух сыновей («Настенькин и детские»), а несколько выше — тещи Н. Н. Шереметевой, лучшего друга и неугомимого корреспондента Якушкина. Над диваном можно ясно различить образы сибирских друзей — Никиты Муравьева, его жены, Александры Григорьевны, и М. Н. Волконской. Сам хозяин изображен в кресле, в красном халате и туфлях, за спокойным и сосредоточенным чтением книги⁷. Именно так, в глубоком уединении и постоянных занятиях, протекала первые годы сибирская жизнь Якушкина. Окруженный книгами, гербариями и географическими картами, он трудился систематически и упорно, не только из искреннего

стремления к знаниям, но и во имя определенной, поставленной себе цели: постоянная умственная работа, расширявшая кругозор, все выше и выше поднимавшая над окружающим миром, была противовесом внешнему гнету, воспитывая независимость, настойчивость и спокойствие духа. «Утешая молодых товарищей,— рассказывает об Якушке П. Н. Свистунов,— он советовал им лечиться от душевного недуга напряжением умственного труда и усердным исполнением долга к ближнему». В словах самого Якушкина мелькает такое понимание своей работы. В 1852 г. он писал своему сыну из Ялуторовска: «Я, не имея части ни в какой науке, тружусь часто без определенной цели над тем, что попадает мне под руку, и для того только, чтобы иметь постоянное занятие, которое всегда доставляет своего рода удовольствие». Впрочем, Якушкин был не совсем прав, давая подобную характеристику: в его занятиях была определенная внутренняя система и определенная, хотя и скрытая, целеустремленность. Он не отказывался от чтения иностранной публицистики, живо интересовался вопросами истории и политической жизни, но его главное внимание поглощали точные науки и естествознание. Еще в России, в крепостных казематах Ронченсальма, он страстно увлекся математикой и находил особенную прелесть в разрешении головоломных задач; в Петровском заводе он начал втягиваться в изучение природы, изобретал новые способы черчения географических карт и приступил к составлению большого руководства по географии. В Ялуторовске он сосредоточился на изучении ботаники и начал большое самостоятельное исследование западносибирской флоры. В семейном архиве сохранились многие десятки страниц, исписанные рукою Якушкина и показывающие его глубокое и серьезное проникновение в очередные проблемы химии, ботаники и зоологии.

Кроме того, одаренный увлекающейся и деятельной натурой, он никогда не мог ограничиться «чистой наукой», эгоистическим удовлетворением интеллектуальных запросов. Приложить приобретенные знания на практике, перелить их в сознание окружающих — всегда оставалось для него живым, возбуждающим стимулом. Он сам сознавался в своем письме Н. Н. Шереметевой: «Все эти годы я читал, думал, сколько мог, многому учился в надежде, что как-нибудь неожиданно мне случится быть полезным для детей». Но он задумывался не только о собственных детях — товарищи по каторжному острогу, знакомые по городу Ялуторовску, а позднее местная сибирская детвора были попеременными объектами его педагогического воздействия.

Такое последовательное стремление к знанию, согретое искренним увлечением и творческой инициативой, заразительно действовало на молодых декабристов в стенах Читинского и Петровского казематов. В Ялуторовске Якушкин сразу сосредоточил на себе всеобщее внимание своими интересами: когда он появлялся на улицах, вооруженный ботанической сумкой, разыскивал и собирал степные цветы и травы или взбирался на ветромер собственного сооружения, суеверные мешчане готовы были увидеть в нем колдуна, чернокнижника, а иногда больше — самого «нечистого духа». Впрочем, не только это возбуждало смутные и часто опасливые слухи об Якушке: суровый, спартанский образ жизни, своеобразный костюм (короткая шубейка и остроконечная шапка), ежедневное купанье в р. Тоболе до самых заморозков, наконец, необыкновенное для Ялуторовска катанье на коньках по гладкому льду реки одинаково вызвали удивление, толки и пересуды. Был момент, когда суеверная толпа ялуторовского мешчанства собралась идти к скромной

квартире Якушкина и разгромить его загадочный ветромер, чтобы избавиться от затянувшейся засухи.

Чем дальше, тем все настойчивее и упорнее Якушкин заковывался в душевную броню спокойного и гордого стоицизма. По словам П. Н. Свистунова, «он так высоко ценил духовное начало в человеке, что неумолим был к себе за малейшее отступление от того, что признавал своим долгом, равно и за всякое проявление душевной слабости». Моральная точка зрения была постоянным руководителем в его личных и социальных оценках. Привыкший к постоянной борьбе и с собственными увлечениями, и с жизненными невзгодами, Якушкин требовал от других высокой идейной настроенности, последовательной прямоты, умения отстаивать свою независимость. С такой этической точки зрения он горячо осуждал проекты коммерческих предприятий, которые время от времени зарождались среди сосланных декабристов. «Он во многом не согласен с нашим образом мыслей, особенно на счет прибыльных занятий,— писал о нем Н. В. Басаргин к И. И. Пущину.— Он утверждает, что нам всем, а еще более вам, не следует думать о приобретении, и что для вас есть еще один способ приобретать: это как можно меньше издерживать и во всем себя ограничивать ...»⁸

Занятия естественными науками и стоическое служение долгу были характерными и устойчивыми чертами Якушкина: они коренились в его сложившемся личном мировоззрении, в его социальной и личной этике. Склонность к абстрактному мышлению была всегда присуща молодому Якушкину: он не только слушал лекции по истории философии, но и знакомился с новейшими философскими системами; в 1824 г. он вел «метафизические» споры со своим близким знакомым Д. А. Облеуховым; в Петропавловской крепости сосредоточенно размышлял над «недоступными» вопросами⁹. В Сибири этот интерес к общим проблемам проявился в нем с новой и еще большей силой. Пережитые события, отрешенность от внешних мелочных впечатлений, устные и письменные беседы с религиозно настроенными людьми располагали к самостоятельным размышлениям и выводам.

Результатом этой сосредоточенной внутренней работы явилась философская записка Якушкина о сущности жизни, которая сохранилась в его черновых бумагах¹⁰. Первое, что бросается в глаза при анализе этого небольшого документа,— несомненное и искреннее желание автора отгородиться от традиционного религиозного мировоззрения. В противоположность многим декабристам, Якушкин ищет ответа на основные жизненные проблемы не в догматах религиозного откровения, а в выводах современного естествознания; он отвергает понятие бессмертной души, как признака, отличающего человека от животного; философская позиция Декарта представляется ему с точки зрения освобожденного человеческого разума непоследовательным компромиссом. Рассуждение Якушкина о происхождении и сущности жизни пронизано явной материалистической тенденцией: он не только повторяет обобщающие выводы современной ему биологии, но устраняет всякую принципиальную грань между бытием и мышлением, между миром духовного и миром материального.

По мнению Якушкина, мышление есть функция «головохребетного мозга», продукт высокоорганизованной материи, высшая стадия жизненного развития. Кристаллы, растения и животные — только разнообразные формы единого закономерного процесса проявления жизни; человек принадлежит к категории высших животных и подчиняется тем

же законам непрерывного движения, которым подчиняется все существующее в окружающем материальном мире.

Но Якушкин не был последовательным в своих материалистических суждениях: он отмежевывался не только от идеалистических элементов картезианства, но также от материалистических выводов из философии Локка. Он развивал идею непротяженных, качественно однородных и непрерывно движущихся «единиц» как единственных субстанций материального мира. Несомненно, что корни этой теории лежали в учении Лейбница о монадах, но также несомненно, что Якушкин попытался обставить это идеалистическое построение естественнонаучными аргументами конца XVIII и начала XIX в. Понятие неделимой «единицы», которая непротяженна, но движется в пространстве и в сочетании с другими «единицами» образует видимые протяженные тела, приближалось к понятию материального атома, теоретически мыслимого, но еще недоступного непосредственному чувственному восприятию. Вся аргументация Якушкина была характерным образчиком эклектической философии, в которой отголоски боевого материализма XVIII в. переплетались с сильными пережитками идеалистической метафизики, а за покровами новейшего естественнонаучного знания сохранялась субъективная, чисто идеалистическая концепция.

Другая характерная черта сочинения Якушкина — стремление вывести происхождение человеческого общества из физических особенностей человека, как животного вида. И здесь Якушкин оказывался в несомненной зависимости от механистического материализма XVIII в.: определенный порядок сочетания «единиц», непрерывно движущихся и соединяющихся друг с другом силою сцепления, объясняет нам отличное свойство человека — слабое развитие «врожденного умения» (мы бы сказали — инстинкта); отсюда — неустраняемая слабость изолированной личности, ее зависимость не только от содействия окружающих людей, но также от коллективного опыта ранее живших поколений. В силу своей физической природы человек бессилев как обособленная единица; поэтому, выступая перед нами как животное мыслящее, он является по необходимости и животным общественным. Такая теоретическая предпосылка приводила к определенному практическому постулату: отвечая своему естественному назначению, человек должен жить и действовать в обществе, воспринимая от него все завоевания человечества и возвращая ему все приобретенные знания и навыки обогащенными и усиленными личной деятельностью. Таким образом, натурфилософская концепция Якушкина становилась скрытой основой его личной и общественной этики — его мыслей о «служении ближнему» и его суждений о преобразовании государства.

Философскому эклектизму Якушкина соответствовала глубокая противоречивость его интимных переживаний. Отвергая мистические воззрения своего друга Д. А. Облеухова, он с горечью сознавался П. Я. Чаадаеву, что «лишен утешения молитвы и предоставлен самому себе». В Петропавловской крепости, скептически относясь к церковным обрядам, он вел религиозные беседы с протопопом Мысловским и согласился принять от него причастие. Он иронически отзывался об «истинах катехизиса», воевал против «средневековой схоластики», но в его камере в Петровском заводе висело изображение распятия. На склоне лет, составляя свои записки, он опорочивал искренность своего религиозного обращения, но здесь же, на страницах «Записок», он считал «истинный дух христианства» одним из высоких достоинств декабриста П. И. Бо-

рисова. Среди разнообразных сибирских материалов Якушкина сохранились его собственноручные выписки из Евангелия: они составляют законченную систему христианской морали, которую, в сущности, Якушкин всегда проповедовал и всегда старался применять в своей жизни¹¹.

«Критика чистого разума» Канта обосновывала в его глазах правомерность научного позитивизма; «Критика практического разума» того же Канта открывала ему дверь к свободному исповеданию деизма и к восприятию нравственных элементов христианства. Во всем его поведении, так же как в его высказываниях, неуклонно звучала идея «категорического императива»: суровое служение долгу в отношении самого себя, в отношении семьи, ближнего и общества составляло главную подоснову его внутренней жизни.

Таким образом, Якушкин не был человеком цельного и строго последовательного мировоззрения: он занимал промежуточную позицию между идеализмом и материализмом, между религией и безбожием, между научно-позитивной моралью и тяготением к христианской этике. Было бы неправильно объяснять подобную двойственность чисто психологическими причинами; ее корни лежали значительно глубже и станут нам гораздо понятнее, если мы задумаемся в систему социальных и политических взглядов, разделявшихся декабристами.

И. Д. Якушкин вступил в тайное общество одним из первых, вместе с кн. С. П. Трубецким и братьями Муравьевыми. Его имя связано с ярким эпизодом 1817 г. — добровольным вызовом на акт царевубийства. Якушкин принимает горячее участие в подготовке Московского съезда «Союза благоденствия». В момент петербургского восстания он возбужденно собирает московских друзей и составляет план вооруженного выступления. На следствии он долго не поддается жесткому давлению Николая I. Его искреннее и глубокое возмущение крепостническими порядками не возбуждает в нас ни малейшего сомнения. По-видимому, перед нами — последовательный боевой революционер, готовый идти до конца, рискуя своим спокойствием, положением и самой жизнью. Однако внимательно всматриваясь в политический облик Якушкина, мы должны существенно ограничить подобную характеристику. В «Союзе спасения» Якушкин солидаризируется с умеренными элементами; после горячей вспышки 1817 г. он временно уходит из тайного общества; на Московском съезде 1821 г. он поддерживает среднее тактическое течение, одинаково отмежевываясь от радикальных предложений гр. М. Ф. Орлова и ликвидаторских проектов типа И. Г. Бурцева. После образования Северного общества он не принимает активного участия в политической жизни, живет вдали от столицы, в уединении своего смоленского имения, старается насаждать рациональное хозяйство, основывает сельскую школу, хлопочет об освобождении своих крестьян — вначале без земли. В сущности, участие Якушкина в московских беседах 1825 г. было случайным и осложнилось революционными замыслами так же неожиданно и мимолетно, как московский вызов на царевубийство в зимние дни 1817 г.

Позднее на страницах своих «Записок» Якушкин выступает перед нами сторонником конституционной монархии и мирного соглашения между враждующими классами. Несмотря на свои революционные выступления, он склонялся в сторону реформистской тактики, в этом смысле его проект петиции Александру I о созыве Земской думы не менее характерен, чем постоянное и искреннее желание «сблизить дворянство с крестьянами»¹².

Тем не менее годы революционных стремлений, глубокого и страстного переживания политических идей, последующего ареста, заключения и суда сыграли определенную роль в жизни Якушкина.

Он видел в этом периоде политической деятельности высокое исполнение морального долга — не изолированное, а коллективное самоотречение от личных интересов. Вот почему его так оскорбляли коммерческие планы некоторых из декабристов. В большом письме к И. И. Пущину из Ялutorовска он говорил по этому поводу: «Во всяком положении есть для человека особенное назначение и в нашем, кажется, оно состоит в том, чтобы сколько возможно менее хлопотать о самих себе. Оно, конечно, не так легко, но зато и положение наше не совсем обыкновенное. Одно только беспрестанное внимание к прошедшему может осветить для нас будущее; я убежден, что каждый из нас имел прекрасную минуту, отказавшись чистосердечно и неограниченно от собственных выгод, и неужели под старость мы об этом забудем. И что же после этого нам останется?»

Такая оценка политического прошлого резко отличала Якушкина от новоявленных защитников самодержавия и православия, вроде кн. Е. П. Оболенского и П. С. Бобрищева-Пушкина. Но это не значит, что Якушкин целиком одобрял свою прежнюю революционную деятельность. В условиях тюремного заключения — в Петропавловской крепости и Ронченсальме — он еще раз продумал и взвесил историю тайного общества; его оценка не совпала с оценкою Александра Бестужева и нашла себе открытое выражение в их оживленном споре по пути на сибирскую каторгу. «Я старался доказать ему, — рассказывает Якушкин, — что несостоятельность наша произошла от нашего нетерпения, что истинное наше назначение состояло в том, чтобы быть основанием великого здания, основанием под землей, никем не замечаемого; но что мы вместо того захотели быть на виду для всех, захотели быть карниз». В такой характеристике звучит сильная нота осуждения, которое повторилось — но гораздо отчетливее и яснее — в собственноручной записке Якушкина о событиях 14 декабря. В литературе уже было указано, что автором этого небольшого исторического очерка руководила определенная политическая точка зрения. Якушкин хочет здесь остаться спокойным и беспристрастным повествователем, но он невольно выдает свои субъективные мнения в подборе и освещении фактов. Петербургское восстание 1825 г. представляется ему заранее обреченным и бесплодным предприятием: оно не имело решительных руководителей, не могло рассчитывать на поддержку офицерского большинства и солдатской массы, сопровождалось ненужными выходками фанфаронов (Александра Бестужева, А. И. Якубовича), случайных участников (П. Г. Каховского, В. К. Кюхельбекера, О. В. Горского) или недалеких людей, готовых поэтому на крайние средства (А. Н. Сутгофа, Н. А. Панова). Организация вооруженного восстания была политической ошибкой, которая вытекала из неправильной стратегии и тактики. Не открытые выступления, не попытки насильственного переворота составляли «истинное назначение» общества, — его задачей должна была остаться скрытая подпочвенная работа, постепенное и упорное укрепление занимаемых позиций. «Записки» Якушкина поясняют такую тактику не только языком фактов, но и прорекламирующими оценками самого автора: «противодействовать староверству закоснелого дворянства», влиять на окружающую молодежь «посредством слова истины», бороться с крепостническими привычками помещиков и с палочной дисциплиной в армии, улучшать состояние своих крестьян,

организовывать сельские школы, противопоставлять реакционной политике независимое общественное мнение — вот что значит действовать «в смысле тайного общества». Так действовали не только формальные участники организации; по словам Якушкина, так действовали его смоленские соседи — Левашевы, Тютчев и многие прогрессивные помещики в разных местах России. «Члены тайного общества ничем резко не отличались от других». И эта скрытая, упорная молекулярная работа непрерывно, но верно подтачивала устои крепостнического государства. Революционное фанфаронство, стремление стать «карнизом», оказаться в авангарде, блеснуть ярким, но мимолетным фейерверком погубили дело тайного общества, оборвали постепенный и неуклонный процесс развития. Правда, Якушкин не поддавался безнадежному пессимизму, он верил в политическое будущее, которое мерцало ему сквозь призму прошедшего, но он категорически осуждал вооруженное восстание, а следовательно, и всякую форму открытого боевого протеста.

Такая характеристика декабристского движения повторяла сибирские оценки Лунина, Трубецкого и Никиты Муравьева. Якушкин навсегда остался верен буржуазно-революционным идеям свободы и равенства — об этом ясно говорят не только его «Записки», но и его позднейшее письмо к А. И. Герцену; но он давно, еще ранее 1825 г., занял промежуточную и непоследовательную позицию. Его смелые, порывистые выступления не могут заслонить от нас бесспорного факта: в четырехлетний промежуток после Московского съезда 1821 г. Якушкин пережил такую же внутреннюю эволюцию, какую испытали многие дворянские революционеры его времени. Колебания между тактиками революции и реформы закончились крушением революционной веры после разгрома 1825 г. В этом отношении Якушкин пошел значительно далее Никиты Муравьева и Лунина: в отличие от Н. Муравьева, он резко отзывался о публицистических работах Лунина, направленных против правительства Николая I. Узнав об аресте Лунина, он писал в своем письме к Пушкину: «Мне искренне жаль Лунина и тем более, что я не разделяю вашего мнения, что он хотел быть жертвой... В пятьдесят лет нельзя держать себя так, как он держал себя в 1800 г., когда был офицером гвардейской кавалерии. С его стороны это только легкомыслие и желание, чтобы о нем говорили. Он для меня был и есть Копьев¹³ нашего поколения». Другими словами, нелегальная и смелая критика правительства, сопряженная с риском ареста и гибели, — такое же революционное фанфаронство, какое проявилось в восстании 1825 г., в подготовке насильственного переворота, в бравадах гвардейского офицерства. Для подлинного и серьезного осуществления поставленной цели нужно другое — нужна незаметная, мелочная, но настойчивая работа, какую вели участники тайного общества, вели Левашовы, Пассек и Тютчев, вели планомерно и искренне сам Якушкин, уединившись в свою смоленскую вотчину. Свистунов следующими словами выразил этот морально-политический вывод Якушкина: «Он раньше других пришел к тому убеждению, что всякий член общества и на скромном поприще домашней жизни может и словом и примером принести немалую пользу Отечеству». Таким образом, и в философских, и в социально-политических взглядах Якушкина мы одинаково наблюдаем глубокую двойственность.

Переживания Якушкина были типичными переживаниями дворянских революционеров — в том понимании этого термина, которое придавал ему В. И. Ленин. Декабристы явились и действовали в условиях разлагающейся феодально-крепостнической системы; исходя из идей

Французской буржуазной революции, они восставали против существующего социально-политического порядка. Но они принадлежали к помещичьей барской среде, и отсюда — неустрашимые внутренние противоречия, которые пропизывали собой их мировоззрение и практическую деятельность. С одной стороны, Якушкин выступал на борьбу с крепостническим дворянством, блокировался с демократическими элементами тайного общества, подготовлял почву для вооруженного восстания; с другой — он сохранял феодально-дворянское землевладение, старался избежать крестьянской революции, искал соглашения с существующей властью. С одной стороны, он воспринимал философские взгляды французских материалистов и старался опереться на положительную науку; с другой — он примирял их с началами идеалистической метафизики и с традиционным учением христианства. В своеобразной, но выпуклой форме он воплотил в себе ту промежуточную идеологию, которая характеризует собой умеренное крыло дворянских революционеров первой четверти XIX в.

Очутившись в Сибири, в условиях полусвободного существования, Якушкин почувствовал прежнюю потребность в осмысленной общественной работе. Изолируясь от чиновно-мещанского мира, от мелочной пошлости провинциального захолустья, Якушкин выискивал разумного применения своей неиссякающей энергии. По воспоминаниям местного старожила, «он любил сходить с народом и особенно с крестьянскими детьми; детей он особенно любил; сибирские бойкие, находчивые ребята очень нравились ему, и мысль дать им средства научиться, устроить для них школу была его мечтою». Такая мысль не могла возникнуть совершенно случайно. Якушкин всегда интересовался вопросами народного образования. Проживая у себя в Смоленской губернии, он сочувственно следил за школьными опытами своих соседей — Левашовых и Пассека. Когда он начал хозяйничать в собственном имении, он провел целую программу частичных улучшений, в том числе образовал небольшую школу для 12 крестьянских мальчиков. Он сам обучал их чтению и письму, водил их на топографическую съемку и собирался послать их в Москву для обучения разному мастерству. Впоследствии, уже в годы сибирской каторги, Якушкин получил письмо от Н. Н. Шереметевой, которая передавала ему благодарность жуковских крестьян за обучение их детей и выясняла непосредственное влияние школы на повышение крестьянского бюджета. По-видимому, и в Сибири Якушкин продолжал сосредоточенно размышлять над этим вопросом. Среди его разнообразных сибирских бумаг есть собственноручные выписки из французского журнала «Revue encyclopedique» за 1832 г., в том числе тщательно переписанные статьи нантского учителя Сувестра («О воспитании») и известного социалиста-утописта Пьера Леру («О философии и христианстве»). И Сувестр, и Леру доказывали огромное политическое значение общественного воспитания: по мнению Леру, «воспитание для всех, это — самый прямой, самый очевидный, самый неотложный вывод из принципа равенства, который необходимо осуществить на практике»; по мнению Сувестра, «общественное воспитание... — великое завещание, которое предшествующее поколение оставляет последующему; этот способ распределения умственных богатств закладывает в недра народа зародыш их будущей истории еще более, чем распределение материальных богатств. Это наследство одновременно закрепляет прошлое и подготавливает будущее». Обе статьи были написаны под непосредственным впечатлением Июльской революции 1830 г. во Франции: мысли о воспитании,

излагавшиеся Сувестром, буквально совпадали с рассуждениями Якушкина о наследственной передаче общечеловеческой культуры. Очевидно, идея всеобщего народного образования представлялась декабристу естественным выводом из его собственных предпосылок — о значении и роли человеческого общества; отдельный индивидuum бессилен, пока он не вооружен «тем, что достается ему по наследству от прежде живших поколений»; для того чтобы выполнить свое назначение — подняться до уровня равноправного члена общества, человек должен получить умственное образование. Непосредственные сибирские впечатления должны были заострить этот вывод и придать ему жизненную практическую постановку.

Поселившись в Ялutorовске, декабристы обратили особенное внимание на местное крестьянство и на его положение сравнительно с коренной Россией. В одном из своих писем к Е. А. Энгельгардту И. И. Пущин отмечал, какое прекрасное влияние оказывает на крестьян отсутствие крепостного права: «Это благо всей Сибири, и такое благо, которое имеет необыкновенно полезное влияние на край и без сомнения подвинет ее вперед от России. Я не иначе смотрю на Сибирь, как на Американские Штаты. Она смогла бы тотчас отделиться от метрополии и ни в чем не нуждалась бы — богата всеми дарами царства природы. Измените несколько постановлений, все пойдет улучшаться». Сибирские крестьяне представлялись Пущину «народом смышленным, довольно образованным сравнительно с Россией...», «они еще не считают нужным читать, но очень заботятся, чтобы новое поколение было грамотное, и это распространяется повсеместно в Сибири. Жаль только, что наше премудрое Министерство просвещения не тем занимает этих парней, чем бы следовало: им преподают курс уездного училища, который долбитсЯ и потом без всякой пользы забывается, между тем как редкий мальчик умеет хорошо читать и писать при выходе из училища»¹⁴.

Можно не сомневаться, что мысли, которые высказывал Пущин, были общими мнениями ялutorовских декабристов, не исключая и самого Якушкина. В частности, критика официального сибирского «просвещения», которую мы находим в письме к Энгельгардту, буквально совпадает с заключениями Якушкина в его отчете о ялutorовской ланкастерской школе. Декабристы могли непосредственно наблюдать приемы школьного обучения в местных — уездном и приходском — училищах и подводить печальные итоги механического, формального вколичивания знаний. В других городах Западной Сибири положение было несколько не лучше; в Томске функционировало такое же уездное училище, как в Ялutorовске; в Омске существовала казачья школа; в Семипалатинске и Петропавловске действовали одногодичные приходские училища. Таким образом, на миллионы квадратных верст и сотни тысяч населения Западной Сибири насчитывалось шесть начальных училищ с очень низкой постановкой образования. Между широкими перспективами хозяйственного расцвета и ничтожными средствами культурного развития оказывалась непроходимая, зияющая пропасть. По мнению декабристов, чтобы сравняться с Северо-Американскими Соединенными Штатами, Сибири было необходимо широкое распространение знаний и, в первую очередь, интенсивное развитие грамотности. Об этом начинали заговаривать более развитые крестьяне, об этом кричала темнота и дикость ялutorовского мещанства. Таким образом, мечта Якушкина об учреждении школы питалась не только воспоминаниями о прошлом, не только идеей широкой преобразовательной работы: она вытекала из всей создавшейся

обстановки, отвечала потребностям хозяйственного и культурного развития Сибирского края.

В 1839 г. в Ялutorовск был переведен из Тобольска священник С. Я. Знаменский, близкий знакомый Фонвизиных, П. Н. Свистунова и П. С. Бобрищева-Пушкина. Якушкин нашел в нем активного сторонника своей идеи организовать народную школу для городского и крестьянского населения. В совместных беседах был разработан план — опереться на синодские указы 1836—1837 гг. об открытии церковно-приходских училищ, возбудить инициативу ялutorовского общества и широко использовать ланкастерский метод обучения¹⁵.

По замыслу Якушкина ялutorовская школа должна была воспроизвести новый тип просветительного учреждения, широко распространенный в Западной Европе и завоевавший себе популярность в России. Ялutorовская школа должна была сложиться по образу и подобию тех училищ, которые еще недавно насаждали декабристы в период своей напряженной политической и практической деятельности.

III

Великая французская буржуазная революция открыла широкое поле для применения передовых идей буржуазной педагогики. Новое капиталистическое общество требовало воспитания и нового человека, более свободного в своих суждениях, более самостоятельного в своих действиях, умеющего легко и быстро ориентироваться в окружающих условиях. Такому требованию полнее и глубже всего отвечала педагогическая теория Песталоцци, органически связанная с эпохой Просвещения, возникшая в демократических кантонах Швейцарии и носившая на себе ярко выраженный демократический отпечаток. Последователи Песталоцци выдвигали в качестве руководящего принципа гармоническое развитие личности; они требовали воспитания самостоятельности, стремились преобразовать начальное обучение на началах наглядности, соответствия природе и непосредственной связи с жизнью. Учение Песталоцци было наиболее передовым педагогическим направлением в эпоху молодой, еще революционной, укреплявшейся буржуазии: оно стремилось к совершенному развитию человеческой индивидуальности и резко порывало с традиционными узами средневековой схоластики¹⁶.

Но в противовес этому молодому и полному сил педагогическому течению возникали и оформлялись другие направления, которые исходили из иных классовых источников. С одной стороны, мобилизовались силы феодальной реакции в лице французских ультрамонтан, которые требовали возврата к старому религиозно-догматическому воспитанию. С другой, — складывалось новое, компромиссное течение, которое старалось приспособить консервативные социально-политические тенденции к неустранимым потребностям капиталистической эпохи; оно одинаково отмежевывалось и от демократических стремлений Песталоцци, и от реакционной позиции феодальной аристократии; связанное с именами английских педагогов Белля и Ланкастера, это течение горячо проповедовало новый метод «взаимного обучения» как могущественное орудие массового народного образования.

Педагогическая теория Белля — Ланкастера была продиктована, несомненно, прогрессивным стремлением: она ставила своей задачей как можно дешевле, быстрее и успешнее вооружить начальную грамотностью широкие массы трудящегося населения. В начале XIX в., когда подго-

товленных учителей было мало, а ассигнования на просветительные нужды были крайне ничтожны, можно было добиться массового распространения грамотности при одном условии: привлекая к преподавательской работе наиболее способных и развитых учащихся. Отсюда основной принцип ланкастерской системы — широкое использование «старших» учеников, которые не только усваивали учебный курс, но и сами обучали менее подготовленных товарищей. Обыкновенно при прохождении того или иного предмета вся масса учащихся распределялась по степени своей подготовки на несколько «классов»; во главе каждого класса ставился «старший», который обучал свою группу под наблюдением «надзирателей» из учащихся и общего руководителя школы — подготовленного учителя. Такая система предполагала два необходимых условия: все «классы» должны были находиться в одном помещении, в поле зрения общего руководителя, а самое обучение было упрощено и приспособлено к способностям и развитию «старшего». Отсюда вытекал второй принцип ланкастерской системы: введение коллективного, строго организованного (мы бы сказали «стандартного») обучения. Каждая группа в составе 6—10 человек попеременно учится чтению и письму, устному счету и письменным упражнениям, выступая как единый и цельный учебный коллектив. При устных занятиях учащиеся под руководством «старшего» становятся полукругом у стен и учатся вслух по стенным таблицам. Обучение идет одновременно: каждый попеременно читает, заучивает и отвечает на вопросы «старшего»; внимание каждого сосредоточено, так как он непрерывно следит за содержанием таблицы, ежеминутно может быть спрошен и непрерывно участвует в учебном процессе. При письменных занятиях весь класс рассаживается на скамьях и пишет под диктовку «старшего» — в младших группах палочками на песке, а в старших — грифелем на аспидных досках. Пишут то, что читали и заучивали, — моторная память закрепляет то, что воспринимала зрительная и слуховая. При этом весь учебный процесс строго организован: он распадается на определенные последовательные движения и протекает одновременно, по команде руководителя и его помощников-надзирателей, с помощью сложной системы свистков, колокольчиков, наглядных сигналов и устных восклицаний. Учащиеся вступают в класс, занимают отведенные помещения, снимают и вешают шляпы, осматриваются «старшим», рассаживаются по скамьям, готовят, чистят и показывают доски, кладут доски, пишут под диктовку, показывают написанное, поправляют ошибки; при переходе к устным занятиям они так же единообразно встают с мест, разделяются на группы, маршируют к стене, закладывают руки за спину, следят за чтением «старшего», читают вслух указанное им место и т. д. «Старший» заранее знает содержание предстоящего урока, и все его действия также планированы, поставлены в определенные рамки и происходят по команде учителя; то, что он сообщает учащимся, строго ограничено содержанием наглядных таблиц и ручного руководства (так называемых «вопросов для „старшего“»). Отвечая на вопросы своего «старшего», учащийся должен воспроизводить определенный, только что заученный текст.

Чтобы оживить эту однообразную систему и стимулировать энергию учащихся, Белль и Ланкастер широко практиковали метод соревнования. Каждый ответ получает немедленную оценку «старшего», и соответственно оценке — тоже немедленно — изменяется место учащегося в его группе: он переставляется то на первое, то на второе, то на третье место в полукружии; лучшие получают наградные ярлыки, а пос-

ле. еженедельного испытания — особые премии; худшие отмечаются специальными внешними значками. На практике этот метод давал вполне осязаемые результаты: благодаря соревнованию, связанному с одновременным коллективным обучением, учащиеся работали очень сосредоточенно и успешно; обучение чтению и письму проходило значительно быстрее и было гораздо успешнее. Достигалась также огромная экономия в денежных средствах: никаких уроков на дом не задавалось, никаких книг и тетрадей не требовалось, обучение совершалось при помощи наглядных таблиц и аспидных досок; благодаря системе коллективного обучения и надзора школы вырастали до огромных размеров — до 1 тыс. учащихся, которые компактно, по строго продуманному плану размещались в одном большом помещении, под общим наблюдением одного учителя. В результате расходы на обучение каждого учащегося уменьшались в десятки раз. По расчетам французских педагогов начала XIX в. начальное обучение 1 тыс. детей продолжалось по старому методу четыре года и обходилось около 144 тыс. франков, обучение такого же числа детей по ланкастерской системе заканчивалось в два года и стоило около 9,5 тыс. франков.

Но эти преимущества ланкастерской системы были далеко не единственными. При системе «взаимного обучения» школьники приучались к самостоятельности, воспитывалось чувство ответственности за порученные задания и вырабатывались навыки коллективной работы. Каждый учащийся, в соответствии со своими успехами, мог выделиться и сделаться «старшим», получая для учебной проработки группу «младших» товарищей, он отвечал за собственные действия и за действия маленького коллектива. Такая постановка преподавания повышала интерес к школьной работе тем более, что телесные наказания были изгнаны и заменены более высокими стимулами — соревнованием и воздействием на личное самолюбие. Вся обстановка ланкастерской школы — система единообразных движений, хлопанье в ладоши, отрывистые свистки, звонки колокольчика, сигнализация «учебного телеграфа»¹⁷ — чрезвычайно занимала и дисциплинировала детей. Современные наблюдатели сравнивали ланкастерские занятия с интересной массовой игрою, которая помогала ребенку или подростку «шутя» овладеть учебным материалом.

Наконец, не меньшее значение имела широкая общественная организация дела. Ланкастерская школа не изолировалась от окружающего мира, а старалась связаться с ним крепкими узами: на учебных занятиях могли присутствовать не только родители, но и все интересующиеся новыми методами; при училищах учреждались общественные советы, которые заслушивали отчеты и оказывали содействие учителю; каждому посетителю предоставлялось право высказать свои мнения и внести предложения об изменении или улучшении работы¹⁸.

Но наряду с прогрессивными чертами ланкастерской системы мы должны отметить другие, противоположные тенденции. Изобретатели методов взаимного обучения были представителями религиозно-филантропического течения: Белль — англиканским священником, Ланкастер — членом квакерской секты. Программы ланкастерской школы были пропитаны идеей религиозного воспитания: школы, учрежденные Беллем, насаждали учение официальной церкви; школы, основанные Ланкастером, обходили разногласия в догматах и распространяли евангельские идеи. Такое построение учебного плана не являлось простой случайностью: оно коренилось в основных социально-политических установках, из которых исходили основатели и сторонники нового метода. Ланкастер-

ская школа не была школою для всех, она возникла и развивалась как школа, предназначенная для низших, трудящихся классов. Исходя из признания социальной иерархии, она стремилась закрепить и увековечить социальное неравенство способами усовершенствованной педагогики. Французское «Общество начального обучения» выражало эту мысль более завуалированно: оно утверждало, что его задача — «сосредоточить и распространить познания, способные доставить низшему классу народа тот род умственного и морального воспитания, который наиболее соответствует его потребностям». Президент общества, герцог де-Ла-Рошфуко, выражал эту мысль более откровенно: «Сверх первоначальных сведений, легко приобретаемых воспитанниками наших училищ,— говорил он в тоне гордого удовлетворения,— они укрепляются в благочестии и кротости, в любви к своим обязанностям в звании подданных, граждан и детей». Религиозное воспитание выполняло здесь определенную социальную функцию — вырабатывать консервативные чувства покорности власти, подчинения семейному авторитету, уважения к имущему классу. Ланкастерская система отвечала закономерной потребности капиталистического общества в широком массовом начальном образовании; но она отвечала этой осознанной потребности в определенной идеологической форме, продиктованной эпохой социально-политической реакции. Религиозно-филантропические течения конца XVIII и начала XIX в. были противовесом духу рационализма и материалистической философии; они противопоставляли приоритет чувства — рассудочности французского Просвещения, подчинение установившемуся порядку и традиции средневековой веры — революционному крушению авторитетов. Апологеты ланкастерской системы нисколько не скрывали социальной подосновы своего педагогического течения: они сознательно и открыто поднимали свое классовое боевое знамя против возможности нового революционного потрясения. На эту тему писали многочисленные публицисты эпохи Реставрации. В массовом начальном образовании они видели гарантию от новой революции, консервативный оплот для имущих классов¹⁹.

Такая руководящая точка зрения должна была определить и программу и способы преподавания ланкастерской школы. Это — школа «простонародья», предназначенная для элементарного обучения и религиозно-нравственного воспитания подрастающих поколений. Поэтому ее программа не должна быть особенно сложна и обширна. В программу ланкастерских школ вошли обучение чтению и письму, преподавание закона божьего и четырех правил арифметики. Самое обучение носило формальный и механический характер. В отличие от Песталоцци руководители школы не заботились о гармоническом развитии личности, о культивировании самостоятельной мысли и выработке творческих зачатков. Организованные действия учебного коллектива сводились к послушному исполнению команды; усвоение школьного материала совершалось посредством пассивного заучивания и повторения; непосредственное изучение жизненных явлений выпадало из курса; отсутствовали и какие бы то ни было объяснения учителя; никаких попыток варьировать передачу знаний, приспособляясь к личным особенностям учащихся, ланкастерская школа не допускала. Воспринимался исключительно словесный материал, не только без всякого критического анализа, но часто и без всякого разумного понимания. Современники изумлялись единообразию и стройности, с которыми двигались сотни и тысячи объединенных школьников; но эта внушительная демонстрация порядка и дисциплины напоминала рассчитанное движение мертвого механизма.

«С первого взгляда показывается,— говорил И. Р. Мартос,— будто видишь перед собой большое число машин, движущихся по звукам свистков, колокольчиков и прочего, а не собрание школьников, приходящих в учебный дом для продолжения своих наук, числом до 1800 человек». Метод соревнования вносил некоторую оживляющую поправку в массовое «стандартное» обучение, но он не мог уничтожить его упрощенного и нивелирующего характера. «Старшие» не обладали необходимой подготовкой, чтобы проявить педагогическое искусство; поставленные в узкие учебные рамки, они ограничивались пунктуальным исполнением простейших операций — чтения, опрашивания, диктовки и проверки; на долю учителя падало исключительно общее наблюдение и координирование несложных учебных процессов. По отзыву наиболее осведомленного современника И. Гамеля, «школа по ланкастерской методе уподобляется некоторым образом механизму часов, имеющему во внутренности своей движущую силу и не требующему большого напряжения к тому, чтобы притти в ход». Подобная система не воспитывала, а подавляла индивидуальные дарования; в своеобразной форме массовой «воспитательной фабрики» она возвращала педагогическую работу на традиционную дорогу средневековой схоластической школы. Таким образом, внутреннее существо ланкастерской системы вполне соответствовало ее социальному назначению; она стремилась идеологически овладеть трудящимися массами, подавляя задатки классового протеста и вырабатывая привычки беспрекословного подчинения. Вполне понятно, почему эта система пользовалась наибольшим успехом в военных училищах, в сиротских приютах, в государственных тюрьмах и в колониальных школах Индии, Африки и Америки²⁰.

Метод взаимного обучения имел многочисленных прозелитов и возбудил широкое общественное движение. Пропаганда нового метода, которую в продолжение целого ряда лет вел Ланкастер, напоминала деятельность религиозного проповедника; в Англии создалось два крупных «национальных» общества для широкого применения «великого педагогического изобретения»: одно из них руководилось сектою квакеров, другое — столпами официальной церкви. Во Франции возникло не менее крупное и влиятельное «Общество распространения начального образования». Таких же энергичных и горячих последователей приобрел ланкастерский метод в Италии и Германии, в Испании и Португалии, в Швеции, Норвегии, Дании. В 20-х годах XIX в. о чудодейственной роли взаимного обучения, о его выдающихся успехах и культурном значении кричала не только европейская пресса: отголоски этого широкого педагогического движения звучали в Северо-Американских Соединенных Штатах, в азиатских колониях Британии, в Африке, даже в Австралии. Открывались многочисленные училища, сотни людей жертвовали на это дело крупные суммы, тысячи людей принимали в нем непосредственное участие.

Если мы присмотримся к руководящему составу ланкастерских объединений, мы увидим перед собой определенную общественную прослойку, которая наиболее отчетливо вырисовывается во Франции. Ланкастерская система получила здесь первое распространение во время «ста дней» Наполеона. «Общество распространения начального образования» было учреждено в 1815 г., накануне Ватерлоо, ранее образованным «Обществом поощрения национальной индустрии». Главными руководителями новой организации были представители либеральной аристократии, опорными пунктами педагогической пропаганды — блестящие салоны Сен-

Жерменского предместья. Партия доктринеров во главе с либеральным оратором Ройс-Колларом защищала и популяризировала школы взаимного обучения; правительство и Парижская академия поддерживали их своими дотациями; герцог де-Ла-Рошфуко играл здесь такую же руководящую роль, какая в Англии выпала на долю герцога Бедфордского и лорда Соммервилльского. За основной группой либерального дворянства шли представители крупной финансовой и промышленной буржуазии во главе со своим идеологом Жан-Батистом Сзем. Такова была социальная база ланкастерского движения, которая проливает свет на его принципиальные установки. Метод «взаимного обучения», провозглашенный орудием народного просвещения и послуживший орудием массового политического воспитания, выдвигался победившими верхами буржуазного общества; горячие апологеты ланкастерского метода выражали интересы определенной классовой группы, группы, которая желала мирного развития капиталистических отношений под твердой эгидой цензовой конституции.

Этому влиятельному слою крупной, преимущественно аграрной, буржуазии противостояли открытые сторонники феодальной реакции. Ультрароялисты, особенно боевая группа на идеологическом фронте — ультрамонтаны, заняли враждебную позицию по отношению к ланкастерским школам. Они обрушивались на буржуазно-прогрессивные тенденции новой педагогической системы, объявляли ее сторонников заклятыми врагами религии и монархии, требовали передачи дела начального обучения в руки религиозных конгрегаций. Против ланкастерских школ была начата упорная систематическая кампания не только на страницах печати, но и с трибуны французского парламента. Против либерального «Общества распространения начального образования» выступили могущественные организации иезуитов и «Братьев христианской доктрины». Усиливающееся влияние клерикалов повлекло за собой официальное гонение против системы взаимного обучения; в реакционное царствование Карла X начались сплошное закрытие ланкастерских школ и массовый уход членов из ланкастерского общества. Только Июльская революция 1830 г. вернула новоизобретенному методу его прежнее полуофициальное влияние.

Кроме того, в рядах сторонников «взаимного обучения» пробивалась другая, более демократическая, новаторская струя. Новый метод открывал широкие возможности для просветительного воздействия на массы. Успехи демократизации знания были бесспорными во Франции: за четыре года (с 1816 по 1820 г.) количество детей, охваченных начальным образованием, поднялось со 165 тыс. до небывалой цифры 1 070 тыс. человек. Вот почему новый метод начал заинтересовывать и привлекать к себе широкие круги буржуазной интеллигенции; в числе основателей и жертвователей ланкастерских обществ мы видим таких людей, как Сен-Симон и Роберт Оуэн. Делаются попытки реформировать ланкастерский метод и постепенно раздвинуть его ограниченные рамки. Метод «взаимного обучения» распространяют на преподавание более сложных предметов — древних и новых языков, черчения, рисования, пения. Программа французских начальных школ начинает расширяться — включает в себя историю, географию, начатки анатомии, физиологии, химии и политической экономии. Появляются воскресные школы и курсы для взрослых рабочих. Тенденция к светскому образованию все более вытесняет религиозно-филантропические задачи. Наконец, что особенно важно, делаются усилия ослабить механический характер взаимного обу-

чения, обеспечить самостоятельное развитие личности, примирить систему Ланкастера с идеями Песталоцци. Эти новаторские течения поддерживаются передовыми кругами промышленной буржуазии, особенно во Франции во время июльской монархии. В 1830—1840 гг. ланкастерская система переживает эпоху своего расцвета. Однако и в этот период она вызывает против себя непрерывную и обоснованную критику: несмотря на все усилия промежуточного течения, она сохраняет свои прежние методические недостатки и остается антиподом передовой буржуазной педагогики. С точки зрения руководящей идеи всестороннего индивидуалистического воспитания против нее ополчаются Виктор Кузен во Франции и Дистервег в Германии. Чем больше вырастают подготовленные педагогические кадры и чем значительнее становятся государственные ассигнования на образование, тем больше хиреет и падает ланкастерская система. Во второй половине XIX в. она вынуждена капитулировать перед методом одновременного классного обучения, в котором руководящая и активная роль принадлежит квалифицированному учителю. Давление промышленного пролетариата и успехи буржуазной демократии окончательно вырывают почву у этого промежуточного и внутренне противоречивого направления²¹.

В Россию ланкастерская система проникла двумя самостоятельными путями — непосредственно из Англии и несколько позднее из Франции. В 1813 г. Министерство внутренних дел отправило в заграничную командировку немецкого инженера И. Гамеля «для собрания полезных сведений по разным частям хозяйства и мануфактур». В Лондоне Гамель познакомился с известным химиком и филантропом В. Алленом, который обратил его внимание на метод «взаимного обучения» и на широкие перспективы, открывающиеся для этого метода в России. Гамель подробно ознакомился с ланкастерскими школами, написал о них несколько корреспонденций и, сильно заинтересовавшись новой педагогической системой, посвятил ей на немецком языке целую книгу. В 1816 г. он поднес свою работу Александру I, который приказал перевести ее на русский язык и издать на государственные средства. Почти одновременно, во время заграничного похода 1814—1815 гг., русские офицеры познакомились в Париже с ланкастерскими школами и с деятельностью французского «Общества начального обучения»; под непосредственным влиянием парижского общества была открыта солдатская школа взаимного обучения в Мобеже, в оккупационном корпусе М. С. Воронцова. Сведения о ланкастерской системе быстро распространились по России и встретили сочувственный интерес со стороны правительства и части дворянского общества. Ланкастерская система как нельзя более отвечала официальному либерализму дворянского правительства и умеренным стремлениям прогрессивных помещиков: она соединяла в себе гарантии дешевого и быстрого обучения с ярко выраженными консервативными тенденциями. Народное образование мыслилось даже передовыми представителями дворянской интеллигенции исключительно с сословно-профессиональной точки зрения. По мнению И. П. Пнина, автора «Опыта о просвещении», сохранение общества требует «неравенства состояния», поэтому «просвещение... состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании он ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности, то есть когда начальство, со своей стороны, свято исполняет обязанности вверенной ему власти, а низшего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения». Отсюда делался логический вывод: «Трудолюбие и трезвость для земледельческого состояния,

исправность и честность для мещанского, правосудие и готовность пожертвовать собой для дворянства» — вот добродетели, «долженствующие служить средоточием его просвещения и из круга коих не должно оно выходить». Учебный устав 1804 г. как будто исходил из противоположной мысли: тесно смыкая основные типы — низшие, средние и высшие учебные заведения, он создавал необходимую базу единого и общего образования для всех подданных государства. Однако в условиях крепостного права, при полной необеспеченности приходских училищ, либеральная реформа 1804 г. оставалась бесплодным законодательным пожеланием. На практике Министерство народного просвещения отнюдь не стремилось к распространению массового начального обучения. И при А. Н. Голицыне и при А. С. Шишкове оно одинаково опасалось заразить подрастающее поколение «лжемудрыми умствованиями, веротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием». Пропагандисты ланкастерской системы разделяли эти социальные опасения; они успокаивали правительство и дворянство, утверждая, что «дело воспитания низших классов народа не состоит в обширной учености и в поверхностном и бесполезном многознании, но в приличном, сообразном цели его и соответственном обстоятельствам и отношениям одного познанию и в благоразумном и христианском образовании». Метод взаимного обучения был проверен на практике, пользовался покровительством королей, распространялся библейскими обществами, насаждал повиновение и сознание своего долга. Кроме того, он завоевал себе широкую популярность во всей Европе и обещал вывести отсталое государство из состояния поголовной дикой безграмотности.

Вот почему прославленный метод «взаимного обучения» постепенно становится в России центром общественного внимания. Начиная с 1815 г. в периодической прессе появляются разнообразные корреспонденции, хроникерские заметки, оригинальные и переводные статьи, посвященные возникновению и успехам ланкастерского метода; издаются руководства по взаимному обучению; по вызову гр. Н. П. Румянцева из Англии приезжает молодой педагог Яков Иванович Герд, который учреждает первую ланкастерскую школу для крепостных детей графского имения в Гомеле; библейские общества уделяют взаимному обучению немалое место в своих отчетах; само правительство развивает энергичную инициативу и ставит вопрос на практическую почву. В 1816 г. Министерство народного просвещения командирует за границу четырех студентов Педагогического института «для изучения методы Ланкастера». По примеру солдатской школы в Мобеже организуются полковые училища в Гвардейском корпусе и в армейских дивизиях. Ланкастерский метод вводится в военно-сиротских отделениях и военных поселениях. В 1819 г. министерство начинает выпускать печатные стенные таблицы для преподавания в школах «взаимного обучения». Для подготовки руководителей ланкастерских школ создается Учительский институт при Петербургском университете. Наконец, открывается центральный правительственный комитет для учреждения училищ «взаимного обучения» в составе М. Л. Магницкого, С. С. Уварова, И. И. Мартынова и Д. П. Рунича. С этого момента распространение ланкастерских школ идет усиленным темпом: они открываются не только по распоряжению правительства, но и в силу свободной общественной инициативы. Возникают школы для городского населения в Петербурге, Ревеле, Вильне, Вологде, Туле; создаются крестьянские школы в подмосковной усадьбе Апраксина, в украинском имении Кочубея, в смоленских поместьях Тютчева и Ле-

вашовых. Открытие городских школ в Туле и Вологде сопровождается публичными торжествами в присутствии губернаторов и архиереев, с участием местного дворянства и купечества; прозелитами нового метода произносятся здесь речи «о гении Белля и Ланкастера», собираются общественные пожертвования, которые измеряются тысячами рублей. Современники прославляют новое английское изобретение и пророчат ему великое будущее. «Свет должен отразиться и на льдах Сибири», — пишет о новооткрытой иркутской школе А. И. Тургенев. «Наступили последние времена невежества, которое стремглав падет в бездну, как Люцифер, со всеми темными легионами своими», — восклицает по поводу киевской школы И. Р. Мартос²².

Присматриваясь к осуществлению ланкастерского метода в России, мы видим те же характерные особенности, какие отличают его на европейском Западе. С одной стороны, мы наблюдаем искреннее стремление преодолеть вековую дикость и косность, с другой, — внимательную заботу об охране традиционного социально-политического мировоззрения. По выражению гр. Сиверса, одного из насадителей ланкастерской системы в России, образование низших классов должно сделать народу «состояние его любезным, законы и правительство почтенными, должности его в различных отношениях к семейству, обществу, государству и главе оного священными». Несомненно, что ланкастерские школы вносили новые прогрессивные черты в дело преподавания: они изгоняли телесные наказания, делали восприятие знаний более легким и занимательным, обучали грамоте не по славянским «азам», а по гражданской азбуке, наконец, при небольших материальных затратах достигали быстрых и осязаемых результатов; но вместе с тем эти школы страдали крайней узостью учебной программы, подчеркнутым религиозно-шовинистическим направлением и чрезвычайной механичностью педагогических приемов. Достаточно просмотреть официальное руководство Н. И. Греча, которое пользовалось широким распространением в школах «взаимного обучения»: подробные перечни всех команд, отдававшихся учителем на уроках чтения, письма и арифметики и строго регламентировавших каждое движение учащихся, дают наглядное представление о русских «воспитательных фабриках» начала XIX столетия. Раздавались отдельные голоса о примирении метода Ланкастера с идеями Песталоцци: на такой точке зрения стояли и молодые студенты Педагогического института, вернувшиеся из заграничной командировки, и гр. Сиверс, руководивший образованием солдатских детей; но осязаемого влияния на практику начального обучения, по крайней мере в официально открытых школах, такие выводы и пожелания не оказали²³.

В России вокруг ланкастерской системы, так же как в Европе, загорелась оживленная полемика. Школы «взаимного обучения» находили себе сочувствие в передовых кругах дворянства и буржуазии, которые хотели широкого и быстрого распространения грамотности. Наоборот, отсталое крепостническое дворянство видело в ланкастерских школах новую идеологическую опасность, которая грозила подорвать колеблющиеся устои существующего порядка. Религиозно-нравственные тенденции «взаимного обучения» казались недостаточным оплотом против язвы «философизма». С точки зрения открытых реакционеров, вооружать народные массы хотя бы элементарной грамотностью — значило открывать двери разлагающей критике и социальному возмущению. А. С. Грибоедов верно подметил это классовое беспокойство, которое бродило в аристокра-

тических гостиных и бюрократических канцеляриях:

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ландкарточных взаимных обучений —

такие слова вкладывает он в уста ревнительницы священных традиций, старухи Хлестовой. То, что рядовые крепостники выражали общо и понятно, находило себе подробное логическое обоснование в высказываниях патентованных обскурантов. По иронии судьбы центром реакционной оппозиции явился тот самый комитет, который был призван насаждать и пропагандировать ланкастерскую систему. Застрельщиком и руководителем начатого похода был знаменитый разрушитель Казанского университета попечитель М. Л. Магницкий. В методе «взаимного обучения» он увидел «способ для опережения успехов неверия», в ланкастерских уроках закона божия — распространение вредного учения методистов, а в научных таблицах Греча — по меньшей мере искусную подготовку к революции. Было оказано решительное давление на правительство, и начался постепенный отбой в деле распространения новых педагогических приемов. Уже в августе 1820 г. по распоряжению Александра I были изъяты учебные таблицы, скопированные с французских пособий. Через несколько месяцев разразилось возмущение Семеновского полка, и правительство перешло к открытому наступлению. В поисках зачинщиков обратили особенное внимание на полковые и центральную школы Гвардейского корпуса. При первых известиях о петербургских событиях Александр I написал командующему корпусом кн. И. В. Васильчикову: «По многим замечаниям на школы взаимного обучения, желательно бы было, чтобы обращено было особенное внимание на счет тех людей, кои обучались в общей школе, бывшей в казармах Павловского полка, как со стороны нравственности и поведения их, так и дисциплины и военного повиновения, и не сохранили ли каких сношений с г. Гречем». Опасным представлялся не только Н. И. Греч, — главный организатор «взаимного обучения», но и его многочисленные ученики, при этом не только взрослые солдаты, но и малолетние посетители сиротских школ. Через несколько дней Александр I писал тому же Васильчикову: «Все эти радикалы и карбонарии, рассеянные по Европе, именно хотят заставить меня бросить начатое дело здесь... они взбешены, видя наш труд... Наблюдайте бдительно за Гречем и за всеми бывшими в его школе солдатами или маленькими девочками... Я уверен, что найду настоящих виновников вне полка, в таких людях, как Греч и Каразин».

Приказания императора были исполнены: следственные власти организовали соответствующие допросы; Греч получил отставку и был поставлен под надзор полиции, новые ланкастерские школы больше не открывались, старые хотя и были сохранены, но оставлены под строгим подозрением. Правда, следствие не подтвердило высказанных опасений, но не изменило определившегося правительственного курса. С момента возмущения Семеновского полка все теснее и теснее суживаются границы применения нового метода: в 1822 г. Министерство народного просвещения решило допускать ланкастерскую систему только при обучении чтению, письму и четырем правилам арифметики; преподавание закона божия и других предметов должно было происходить по обыкновенному способу; в 1827 г. было предписано применять метод «взаимного обучения» только в тех школах, которые насчитывают более сотни чело-

век, проект введения ланкастерских классов при казенных гимназиях был отброшен; применение ланкастерской формы преподавания в кадетских корпусах было тоже приостановлено. Министерство, возглавляемое Шишковым, не скрывало своей реакционной позиции и открыто заявило устами своего шефа: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучить грамоте весь народ или несоразмерное числу одного количество людей принесло бы более вреда, нежели пользы». Устав 1828 г. постарался закрепить эту «просветительную» программу, и дело массового распространения грамотности остановилось по крайней мере на целое тридцатилетие²⁴.

Личное заявление Александра I в его письмах к кн. Васильчикову не оставляет сомнений в действительных мотивах подобного отступления. Возмущение Семеновского полка в Петербурге, революционная деятельность карбонариев в Европе и ланкастерская система преподавания в России связывались в представлениях императора в одну неразрывную и сомкнутую цепь. Такое предположение имело известное политическое основание. После смерти Александра I в его кабинете был найден секретный донос М. К. Грибовского, который указывал на скрытое, но особенно важное звено образовавшейся цепи: на тайную политическую деятельность революционного «Союза благоденствия».

Грибовский был достаточно хорошо осведомленным шпионом: он состоял членом Коренного совета «Союза благоденствия» и сведения, которые он доставил о возникновении и задачах тайного общества, о его организации, деятельности и личном составе, вполне совпадали с историческими фактами. Тем важнее его показания, непосредственно относящиеся к интересующему нас вопросу. Рассказав о содержании «Зеленой книги» и осветив полулегальную тактику декабристов, Грибовский сосредоточил свое внимание на пропагандистских планах «Союза благоденствия»: «Первым шагом для привлечения низшего состояния почитались: освобождение крестьян, к чему каждый член был обязываем, и распространение училищ взаимного обучения. Научивши простой народ и нижних воинских чинов одному только чтению, скорее подействовали бы приготовленными в духе и по смыслу их маленькими сочинениями, начав самыми невинными: сказками, повестями, песнями, краткими наставлениями и пр., чтобы их заохотить, чему и сделаны опыты».

Таким образом ланкастерская система оказывалась вспомогательным орудием политической пропаганды, входила в сознательные расчеты тайного революционного общества.

Соответствует ли такое утверждение Грибовского объективным данным действительности? Или в своих попытках построить блестящую полицейскую карьеру он хватил через край и намеренно смешал истину с ложью?..

В составе членов «Союза благоденствия» и его ближайшем политическом окружении были активные участники ланкастерского движения. Брат декабриста Н. И. Кривцов, в 1815 г. проживавший в Париже, увлекался не только республиканскими идеями, но и системой «взаимного обучения»: он с интересом изучал ланкастерские школы, вступил в члены французского «Общества начального обучения» и лелеял планы создать «нормальную школу ланкастерской методики» по возвращении в Россию. Декабрист Н. И. Тургенев, так же как и его брат Александр, был

безоговорочным сторонником ланкастерской системы и вынес благоприятные впечатления из непосредственного осмотра Петербургской военно-сиротской школы. Декабрист И. Г. Бурцев был начальником центральной школы Гвардейского корпуса, которая вызывала такие настороженные опасения Александра I. Декабрист А. В. Семенов заведовал ланкастерской школой Егерского полка. Но особенно активной деятельностью проявил себя гр. М. Ф. Орлов — одна из самых крупных фигур декабристского движения. Так же, как Н. И. Кривцов, он познакомился с ланкастерскими школами в Париже, вступил в члены французского «Общества начального обучения» и решил применить систему Ланкастера в русских условиях. Энергичный и даровитый М. Орлов оказался последовательнее и настойчивее Кривцова: очутившись в Киеве на должности начальника штаба, он обратил внимание на школу военных кантонистов и ввел в ней преподавание по ланкастерскому методу. Результаты оказались самыми благоприятными: киевская школа быстро расширилась и стала известною по всей России. В рапорте дежурному генералу А. А. Закревскому М. Орлов подробно и с увлечением описывал организацию и работу своего педагогического детища. Но он смотрел на свою учебную работу не с формальной, военно-служебной точки зрения. Возобновив старые связи с парижским «Обществом», он писал ему о значении ланкастерской системы: «Если изобретение книгопечатания произвело в Европе такую великую революцию, только размножив распространение мыслей, то какой же революции следует ожидать от учебного метода, который стремится до бесконечности расширить мыслящих людей. Да, господа, делая образование легко доступным, вы идете прямым путем к благородной цели всеобщей цивилизации; вы призываете целый мир пользоваться счастьем, которое когда-то оставалось уделом для немногих; именно в ваших начальных школах будущее будет черпать обильные средства для достижения общественного благоденствия и морального величия». Таким образом, М. Орлов, как и многие из его современников, ценит прежде всего прогрессивную, демократическую сторону ланкастерского течения; он приветствовал ее как орудие массового народного образования, как необходимую предпосылку «общественного благоденствия». Через полтора года М. Орлов был избран вице-президентом киевского отделения Библейского общества. Как и раньше, при вступлении в члены «Арзамаса», он немедленно воспользовался этим избранием как благоприятным поводом для политического выступления. Отмежевываясь от «любителей старины», он предложил Библейскому обществу возбудить инициативу дворянства и купечества, собрать добровольные пожертвования и покрыть Россию целой сетью училищ «взаимного обучения». Публичная речь М. Орлова была окрашена ярким политическим тоном: он обрушился на «политических староверов», этих «врагов света и стражей тьмы», которые одинаково борются против просвещения и против свободомыслия, против ликвидации феодальных прав и против введения представительных учреждений. Основание ланкастерских школ он вынес за одни скобки с уничтожением крепостного права и с подготовкой конституционной реформы. Именно так была понята и расшифрована на шумевшая речь М. Орлова. Позднее, командуя 16-й пехотной дивизией, он не только окружал себя преданными сторонниками и реформировал военное управление, руками В. Ф. Раевского он продолжал насаждать ланкастерские школы с определенной целью — подготовить условия для политической пропаганды. В. А. Жуковский хорошо знал М. Орлова и верно оттенил эту черту в своих черновых набросках:

Начальник штаба, педагог,
Ты по ланкастерской методе
Мальчишек учишь говорить
О славе, пряниках, природе,
О кубарях и о свободе.

Оттенок легкой иронии, которая звучит в этом «Послании М. Ф. Орлову», не может заслонить от нас одного бесспорного вывода: и в собственных глазах, и в представлении близких современников М. Орлов выступал глашатаем и проводником ланкастерского метода как вспомогательного орудия революционной деятельности²⁵.

Педагогические начинания М. Орлова встречали сочувственный отклик в кругах либерального дворянства, больше того, — они строго соответствовали уставу «Зеленой книги» и находили себе дополнение и развитие в практических действиях «Союза благоденствия».

29 июля 1818 г. в Министерство народного просвещения был представлен проект нового общества, которое формулировало свои задачи в следующих выражениях: «Нижеподписавшиеся, будучи уверены, что воспитание есть самое успешное средство для доставления Отечеству граждан честных, трудолюбивых, покорных законам и благочестивых, и желая способствовать распространению оных по мере сил своих, вознамерились составить общество для учреждения училищ по методе взаимного обучения». Устав нового общества предусматривал учреждение училищ, составление учебных пособий и основание отделений в различных городах России. Проект был подписан несколькими именами, в том числе трех руководящих деятелей «Союза благоденствия» — медальера гр. Ф. П. Толстого, литератора Ф. Н. Глинка и первого республиканца среди декабристов М. Н. Новикова. 14 января 1819 г. устав получил утверждение министра народного просвещения, и 16 июля состоялось первое торжественное заседание нового объединения. Председателем общества был избран Ф. П. Толстой, его помощниками — литераторы Ф. Н. Глинка и Н. И. Греч, а казначеем — купец первой гильдии, впоследствии петербургский городской голова, Н. И. Кусов. Обязанности секретаря исполнял друг А. С. Пушкина, поэт и писатель В. К. Кюхельбекер. Общество развернуло энергичную организационную деятельность, привлекло более сотни членов, собрало более 18 тыс. руб. и открыло на окраине Петербурга, в Коломне, бесплатное училище на 250 человек. За четыре года эта «коломенская школа» пропустила через свои стены 815 детей и 312 из них оказала бесплатную медицинскую помощь. Характерно, что общество, по примеру французского, постаралось расширить программу преподавания: в число учебных предметов оно включило «краткие сведения по географии и русской истории». Организации школы был придан широкий общественный характер: ежедневно по четыре члена общества дежурили в помещении училища и принимали непосредственное участие в воспитании учащихся. Новое объединение установило связь с французским «Обществом начального обучения» и оказало огромное влияние на распространение ланкастерской системы по всей территории России. В частности, по инициативе петербургского общества М. М. Сперанский основал в Иркутске школу «взаимного обучения», которая функционировала при ближайшем и активном участии декабриста Г. С. Батенькова. Подробные отчеты о деятельности общества помещались в «Соревнователе просвещения» и «Сыне отечества».

Воспоминания Ф. П. Толстого проливают свет на этот интересный эпизод в истории народного образования в России. Основатели «Общества для заведения училищ по методе взаимного обучения» не были случайной и разьединенной кучкой людей. Это была компактная и хорошо спевшаяся группа, которая успела объединиться на предшествующей организационной работе. Первоначально она входила в состав масонской ложи «Peter zur Wahrheit» («Петра к Истине»), руководимой инициатором масонской демократической реформы доктором Эллизенем. Ложа «Петра к Истине» объединяла наиболее передовых представителей петербургского масонства. Осенью 1815 г., после возвращения гвардии из заграничного похода, от этой старой немецкой ложи отпочковалось новое, более молодое, либерально настроенное ядро, образовавшее ложу «Избранного Михаила». Такое явление тоже не было единичным и случайным: в одно и то же время от старой и популярной ложи «Соединенных друзей» отпочковалась новая, более однородная по составу ложа «Трех добродетелей». Оба факта характеризуют процесс консолидации передового офицерства, которое все больше проникалось активным политическим настроением. Ложа «Трех добродетелей» вобрала в себя руководящие кадры тайного общества; ложа «Избранного Михаила» тоже имела определенный подбор руководящих и рядовых членов: в 1817—1821 гг. в ней состояли: мастером стула Ф. П. Толстой, оратором Ф. Н. Глинка, секретарем Н. И. Греч; в составе ее «братьев» числились М. Н. Новиков, Н. А. Бестужев, оба брата Кюхельбекеры и Г. С. Батеньков. Наряду с гвардейскими офицерами и представителями либеральных профессий мы находим в ней выходцев из столичной буржуазии: купцы Толченев и Кусовы занимали руководящие посты среди официалов ложи. Ф. П. Толстой, Ф. Н. Глинка и М. Н. Новиков одновременно были основателями и видными руководителями «Союза благоденствия»; Н. Бестужев, В. и М. Кюхельбекеры и Батеньков позднее вступили в тайное общество, но уже в этот период выделялись своим либерализмом и умственными интересами.

Ложа не ограничивалась выполнением масонских церемоний — посвящением в члены и произнесением нравственных речей, — она развила широкую филантропическую деятельность и с этой целью выделила особый благотворительный комитет. По-видимому, на собраниях масонов, так же как на встречах «либералистов», затрагивался вопрос о популярной идее ланкастерского обучения. В 1818 г. среди главных официалов ложи возникла и оформилась мысль о практическом осуществлении этой идеи. «Ф. Н. Глинка, я и Греч, — вспоминал позднее Ф. П. Толстой, — вознамерились составить общество распространения ланкастерских школ в России; многие из братьев нашей ложи изъявили желание вступить в этот союз... Главнейшая цель состояла в том, чтобы стараться о быстрейшем распространении грамотности в простом народе». Ближайшей задачей проектируемого объединения намечалось основание столичной ланкастерской школы «для крестьянских детей, бедных мечтан и мастеровых». Так появился цитированный проект устава, в котором воспитание «граждан» (не подданных, а именно граждан) подчинялось руководящей идее — «блага Отечества» (терминология, очень характерная для декабристов).

К сожалению, списки членов «Общества для заведения училищ по методе взаимного обучения» не были опубликованы и не сохранились в исторических архивах. Но можно не сомневаться, что наряду с руководителями ложи «Избранного Михаила» в него вошли и рядовые

«братья»-масоны — Н. А. Бестужев и Г. С. Батеньков; новое общество должно было завербовать в свои ряды многих петербургских «либералов», в том числе ближайших друзей Ф. П. Толстого, о которых он упоминает в своих записках и показаниях: декабристов С. П. Трубецкого, Никиту Муравьева, братьев Муравьевых-Апостолов, кн. П. П. Долгорукова. Показания Трубецкого дают нам еще более ценное указание: оно устанавливает непосредственную организационную связь между тайным «Союзом благоденствия» и легальным «Обществом взаимного обучения». Когда Следственный комитет запросил Трубецкого, какие вольные общества находились в заведовании «Союза благоденствия», Трубецкой ответил следующими словами: «Вольных обществ при мне не составилось; члены хорошенько не понимали ни образа, ни предмета их составления; они должны были быть приготовительными, и через них полагалось искать членов для Союза. Вместо сего положено было, чтобы члены входили в существующие известные общества; так вошли члены многие в составленное общество для заведения училищ взаимного обучения, которого однако от упадка не поддерживали». Трубецкой, искусно лавировавший между подводными камнями следственного процесса, предпочел умолчать о других «вольных» объединениях: о литературных собраниях «Зеленой лампы», об «Обществе любителей российской словесности», о масонской ложе «Трех добродетелей». Не без основания он упомянул только об одном обществе Ф. П. Толстого: стараясь завуалировать свои истинные цели, оно добилось формального покровительства обеих императриц и заручилось сочувственным вниманием самого гр. А. А. Аракчеева. По показаниям Трубецкого, члены революционной организации не ограничивались вступлением в «Общество взаимного обучения»: после Московского съезда 1821 г. и окончательной ликвидации «Союза благоденствия» осталась сумма в 3 тыс. руб. «Получив их, — рассказывает Трубецкой, — предполагали употребить на какое-либо доброе дело, и я полагал на бывшее здесь тогда училище взаимного обучения для бедных детей. Деньги сии я после того получил, и, действительно, употребил часть на пособие сему училищу». Таким образом, ланкастерское общество, образованное группою руководителей революционного союза, находилось в зоне его непосредственного влияния и пользовалось его организационной и финансовой поддержкой. Можно предполагать, что и самое возникновение общества было результатом коллективного решения «Союза благоденствия»: это было практическое выполнение культурной задачи, ясно сформулированной в «Зеленой книге»: «Союз всеми силами попирает невежество и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию Отечества, старается водворить истинное просвещение. Для сего занимается он сочинениями и переводом книг, как хороших учебных, так и тех, кои служат к изяществу полезных наук. Старается также распространять изучение грамоты в простом народе».

Правда, некоторые сомнения возбуждает в нас одиозная фигура литератора Н. И. Греча, но мы не должны забывать, что Греч 1818—1820 гг. был совершенно иным, чем Греч 1830—1850 гг., эпохи николаевской реакции и всемогущества III Отделения: в период политического подъема он рисовался «отъявленным либералом», находился в дружеских отношениях со многими декабристами и считался одним из желательных кандидатов в тайное общество. Его репутация как популярного автора «бешеных» статей и руководителя самого либерального журнала вполне объясняет нам его участие в ланкастерском движении и тревожные опа-

сения Александра I. Греч был у всех на виду и со всеми более или менее связан; он являлся естественным посредником между членами революционной организации и широкими кругами прогрессивного дворянства. Сведения о тайнственных связях между ланкастерскими школами и участниками политического заговора стали поступать значительно раньше, чем был написан указанный донос Грибовского. Только этим можно объяснить настойчивую кампанию, которую предпринял против ланкастерского общества министр народного просвещения кн. А. Н. Голицын. Началась система мелких преследований — «запросы и замечания... незаслуженные выговоры и даже обвинения»; в личном докладе Александру I Голицын высказал подозрение, что «Общество взаимного обучения» непосредственно связано с «западными либералами». Над Ф. П. Толстым был установлен тайный надзор полиции; положение «Общества взаимного обучения» становилось все более и более опасным. Терроризированные открытым наступлением реакции, участники объединения решили прекратить свою деятельность: Толстой отказался от звания председателя, и «Общество взаимного обучения» распалось через четыре года после своего основания. Таким образом, отношение фактов было обратное тому, какое изображают нам показания Трубецкого: он говорил, что декабристы не поддерживали общества от начавшегося упадка; на самом деле упадок и ликвидация общества были результатом усиливающегося преследования против «либералистов».

Однако правительственные репрессии не остановили ланкастерского движения. Отдельные члены тайного общества продолжали действовать в соответствии с требованиями «Зеленой книги». В этом смысле особенно характерны начинания смоленского землевладельца П. П. Пассека, принятого в члены тайного общества своим соседом И. Д. Якушкиным. Пассек был оседлым хозяйствующим помещиком, держался либерального образа мыслей и старался вотчинными реформами урегулировать свои отношения с крестьянами. По словам Якушкина, «он завел в своем имении прекрасное училище, по порядку взаимного обучения, и набрал в него взрослых ребят, предоставляя за них тем домам, к которым они принадлежали, разные выгоды». Школа Пассека обучала не только технической грамотности — она была пропитана определенной социально-политической тенденцией: мальчики учились читать по книжке «О правах и обязанностях гражданина», изъятной из обращения по распоряжению правительства, а заканчивали прохождение курса заучиванием крестьянских прав и обязанностей, установленных преобразовательной деятельностью помещика. Ланкастерская система служила делу политического просвещения — в классовом понимании прогрессивного дворянства²⁶.

Педагогические занятия гр. М. Ф. Орлова и П. П. Пассека, так же как просветительные опыты «Союза благоденствия», характеризуют позицию умеренного крыла тайного общества. В деятельности майора В. Ф. Раевского мы наблюдаем более революционные и смелые стремления. Раевский преподавал в Кишиневе в ланкастерской дивизионной школе под общим наблюдением М. Орлова; но он пошел значительно дальше, чем его популярный и ответственный руководитель. Собственно-ручные прописи, изготовленные Раевским, говорили о борьбе за свободу и равенство, знакомили с деятельностью Вашингтона и Мирабо, разъясняли понятия конституции и восстания. Сам Раевский не ограничивался механическим сообщением знаний: он рассказывал своим слушателям о французской революции и о военном перевороте в Испании, одобрял действия семеновских солдат, восхвалял прелести республики и звал

солдатскую массу «за Днестр» на борьбу с поработителями. Это была открытая революционная пропаганда с ярко выраженными демократическими тенденциями. После ареста Раевского Орлов резко отмежевывался от его «сумасшедших» мнений и жаловался киевским знакомым, что Раевский «скомпрометировал» его своими действиями. Зная политические воззрения Орлова, можно согласиться с его раздраженными выводами: струя демократической революционности, которая пробивалась в самостоятельных выступлениях Раевского, оставалась чуждою буржуазно-аристократическому либерализму Орлова. В политических занятиях кишиневской школы мы видим наиболее революционное демократическое использование ланкастерской системы в России²⁷.

Но это единичное исключение не изменяет общего характера интересующего нас факта: в России, так же как в Англии и во Франции, ланкастерская система имела под собой определенную классовую базу, по своим задачам и по своему методу она вполне соответствовала интересам прогрессивных помещиков и передовой торгово-промышленной буржуазии. Широкое использование метода взаимного обучения стало притягательной целью дворянских революционеров и сочувствующей им дворянской периферии. Однако понимание и применение ланкастерского метода заметно варьировалось в зависимости от разных установок: официальные правительственные училища отличались крайне ограниченной учебной программой и подчиняли ее задачам «охранительного» направления; школы, устроенные декабристами, старались расширить узкие программные рамки, смягчали и нейтрализовали религиозно-консервативные тенденции, стремились тем или иным путем провести идеи свободы и равенства. Такая нейтрализация должна была менее удаваться в публичных школах «Общества взаимного обучения»; Орлов и Пассек были самостоятельнее в своих замкнутых школах, могли свободнее и успешнее маневрировать. Но характерные особенности ланкастерского метода — катехизические приемы обучения и механические формы восприятия — оставались его неотъемлемыми и неискоренимыми чертами; мало того, самые передовые декабристские училища (за исключением дивизионной школы Раевского) строились на идее авторитетного мировоззрения, на воспитании чувства социальной и политической покорности.

И. Д. Якушкин разделил в этом случае общую судьбу своего классового течения. Рассказывая о ланкастерских школах Орлова и Пассека, Левашовых и Тютчева, он дает им определенную политическую квалификацию: он высоко оценивает их как проявления работы тайного общества, подрывавшие устои крепостнического порядка. Несомненно, что он смотрел на них такими же глазами и в годы своей молодости, когда он «уединенно и безвестно» проживал в смоленском имении, разрабатывал проект крестьянской реформы и заводил училище для собственных крепостных. Но в отличие от майора В. Ф. Раевского, Якушкин не мог одобрить возмущения Семеновского полка и не мог стремиться к массовой революции; он исходил из «естественного» противопоставления помещика крестьянину и подходил к крестьянину с социально-филантропической точки зрения; мечтая о ликвидации крепостного права, он сохранял феодально-помещичье землевладение. Такой компромиссной социально-политической позиции вполне отвечала ланкастерская система с ее различными внутренне противоречивыми тенденциями. Старые воззрения и оценки не исчезли в период сибирской каторги и поселения: с прежнею силою они воскресли в Якушкине, когда мелькнула маяющая перспектива самостоятельной и широкой педагогической работы²⁸.

IV

Приступая к организации ялutorовской школы, И. Д. Якушкин исходил из определенных педагогических принципов; они нашли себе отражение сначала в интимной переписке с друзьями, позднее — в заключительном отчете о преподавательской деятельности. Человек сложившегося самостоятельного мировоззрения, Якушкин подходил к этим вопросам с широкой обобщающей точки зрения. По его словам, «прямая и высшая цель умственного образования состоит в том, чтобы осмыслить человека, развернуть в нем способность мышления. Существенное средство для достижения этой цели заключается всегда в постепенном, правильном и постоянном упражнении мышления. Грамотность и вообще школьное учение самый подручный способ для достижения этой цели».

Та же идея «осмысления человека» руководила Якушкиным при обучении крестьянских детей его имения и пронизывала его советы о воспитании дочери С. П. Трубецкого. Но для того, чтобы научиться мыслить, человек должен получить образование, соответствующее его социальному положению, и в частности его практическим потребностям. «Предметы, преподаваемые в приходском училище, и предметы, преподаваемые в высших учебных заведениях, каждый в свою очередь, способствует осмыслению человека. Но школьное учение способствует к достижению прямой цели умственного образования, осмысляя человека вообще; должно еще иметь в виду частные потребности человека по положению его в обществе и в этом отношении не все равно, изощряются ли умственные способности обучаемого над предметом, о котором впоследствии ему если и придется, то редко подумать, или над таким, который и впоследствии ему будет близок, и потому при умственном образовании необходимо обратить внимание на предметы преподавания, которые по обстоятельствам могут быть более или менее удобны для осмысления обучаемого».

В этом рассуждении Якушкина обращают на себя внимание два момента: с одной стороны, его односторонняя интеллектуалистическая точка зрения, с другой, — наметавшийся уклон в сторону сословно-профессионального образования. И раньше, в период своих деревенских занятий, Якушкин руководился не только задачей «осмысления» детей своих крепостных; он стремился «доставить им более верные средства добывать пропитание, нежели какие имели до сих пор отцы их». Поэтому сначала он обучил этих мальчиков грамоте, а потом роздал «в ученье разным мастерствам». Перед нами — та же педагогическая идея, какая лежала в основе гофвилльского опыта Фелленберга, а в России была применена Я. И. Гердом при организации школы в гомельском имении Н. П. Румянцева. И здесь и там авторы исходили из противопоставления «простого народа» привилегированным классам и создавали различные типы педагогических заведений, отвечающие запросам и навыкам различных общественных категорий. В смягченной и несколько преобразованной форме рассуждение Якушкина возрождало старую традиционную точку зрения, которая сохранила свою силу в сочинении Пинна, но была чужда теории Песталотци. Правда, передовая буржуазная педагогика требовала от воспитателя учета конкретной жизненной обстановки, знакомства с близкою, реальною действительностью, но она смотрела на эти жизненные объекты как на исходный пункт всесторон-

него гармонического развития, как на первый этап широкого, общего и равного для всех образования. Якушкин исходит из другого педагогического принципа: он хочет разъединить и обособить обучаемых детей, увековечив системою специального образования существующие различия социального положения.

Но какие бы учебные группы ни образовались при осуществлении этого принципа, Якушкин предъявляет к ним некоторые общие дидактические требования. Ему представляется совершенно бесспорным, что главный источник восприятия не словесные объяснения учителя, а самостоятельные наблюдения учащихся. «Большую часть наших понятий о предметах, нас окружающих, мы получаем конечно не чрез объяснения учителя, а чрез собственные наблюдения. По мере того, как предмет представляется нам с разных сторон, мы получаем о нем все более и более подробные понятия; потом сравниваем его с другими предметами, мы окончательно узнаем отличительный его признак. В самой сущности понимать значит не более и не менее как знать, почему то, о чем мы рассуждаем, существует так, а не иначе, то есть знать, чем предмет, о котором мы рассуждаем, сходен с другими предметами и чем он от них отличается. Обучая какому бы то ни было предмету, учитель наш не сообщает никакого понятия об этом предмете ученику своему; он может только искусным преподаванием более или менее способствовать пониманию самого ученика». В этом пункте Якушкин занимает передовую педагогическую позицию, выступая против механической передачи знания и против назойливого внушения педагога; самостоятельная индивидуальная переработка жизненных впечатлений — вот основная гарантия действительного познания мира. Но из этого правильного дидактического принципа, отвергающего традиционные приемы феодальной педагогики, Якушкин делает крайние и потому неверные выводы: правда, он признает, что искусное преподавание может содействовать самостоятельному пониманию учащегося, но он сильно преуменьшает руководящую и творческую роль учителя; в его изображении педагогического процесса восприятие и освоение действительности протекают почти независимо и стихийно, обеспечены наличием определенных средних способностей и не требуют непрерывного вмешательства со стороны учителя.

По мысли Якушкина, чтобы возбудить самостоятельное мышление и обеспечить возможность самостоятельного познания, необходимо направить внимание учащегося на самые близкие и понятные для него впечатления. Не абстрактные, теоретические истины, а конкретные явления окружающей природы — наилучший объект для «осмысления» человека. «Было время, когда были уверены, что детей надобно долго учить геометрии, чтобы научить их точно и правильно рассуждать; но в геометрии истины так точны и правила, преподаваемые ею, так непреклонны, что они ничего не имеют общего со всем окружающим человека, и вот может быть причина, почему нередко случается, что математическая голова бывает на плечах человека, пошлого во всех своих житейских отношениях.

В науках естественных истины суть только явления, большею частью столько же ощутительные для ребенка, как и для взрослого человека; стоит только ребенку представить эти явления в порядке, приспособленном к его понятию, и для него многие законы, управляющие этими явлениями, сделаются так же ощутительными. Вообще я думаю, что некоторые части естественных наук, преподаваемые как следует, могут заме-

нить логику, эту науку скучную и недоступную для детей и которую, однако, преподают им с целью образовывать их рассудок».

В этом рассуждении Якушкина снова обнаруживается передовая и смелая мысль представителя новой педагогики. Слишком «полные» и «непреклонные» истины, почерпнутые из геометрии и логики, не могут стимулировать умственной самостоятельной работы учащегося. Нужно поставить ребенка лицом к лицу с окружающей природой, предложить ему доступные объекты для индивидуального наблюдения, и он самостоятельным усилием творческой мысли выработает умение правильно образовывать и связывать понятия. Но естественные науки нельзя преподавать с помощью одностороннего словесного объяснения — необходимо конкретное, наглядное обучение, которое поможет неподготовленному ребенку овладеть обобщающими научными выводами. «В естественных науках самое трудное состоит, конечно, в изучении особенного языка, составляющего принадлежность отдельную каждой части науки; к тому же многие из этих языков весьма неточны и часто непоследовательны. Чтобы пособить этому неудобству, можно, кажется, во многих случаях пополнить языки изустный и письменный языком изобразительным; для этого с начинающими обучаться, положим, ботанике, прежде всего надо заняться последним этим языком, то есть научиться читать изображения и, вместе с тем, изображать все им прочитанное на этом языке». А так как изображение предметов (например, цветов и животных) предполагает у Якушкина непосредственное созерцание самого объекта, то отсюда вытекает логический вывод о необходимости предметного изучения реальной действительности не только в помещении классной комнаты, но и в реальной обстановке сада, поля и леса. Идея изобразительного дидактического языка разбивала принципы словесно-схоластической школы, активизировала и заинтересовывала учащихся, смыкала педагогические рассуждения Якушкина с новаторскими идеями Яна Коменского и Песталоцци.

Передовая буржуазная педагогика делала из этих положений определенные выводы — она не уменьшала роли преподавателя и не понижала чувства его внутренней ответственности; наоборот, она требовала от него более глубокой и более изощренной творческой деятельности; изучение личных особенностей учащихся, непрерывный учет детской психологии, гибкое варьирование педагогических приемов должны были обеспечить всестороннее развитие детской индивидуальности. Образование должно было переходить в планомерное воспитание не только ума, но и характера обучаемого ребенка. Теснейшая связь между педагогом и его воспитанниками была одной из важнейших аксиом теории Песталоцци. Педагогическая мысль Якушкина пошла по иной дороге: исходя из своего одностороннего интеллектуалистического принципа и преследуя задачу массового образования «простого народа», он сознательно шел на ликвидацию индивидуального педагогического воздействия. По мнению Якушкина, способ «изустного преподавания» невозможен в условиях классных занятий; преподаватель не в состоянии давать объяснения каждому учащемуся, не может приравниваться к понятиям каждого из своих слушателей: успехи учащихся в низших учебных заведениях обусловлены последовательностью задаваемых уроков, которая «почти неизменно определяется печатными руководствами, изданными по всем предметам». Но если «изустное преподавание» целиком устраняется, то отпадает необходимость в участии подготовленного даровитого учителя. Печатные руководства могут быть легко заменены стенными таблицами,

а устные вопросы учителя — заранее составленными вопросами для «старшего». Другими словами, обыкновенный способ начального преподавания может быть заменен самым дешевым и эффективным методом — методом «взаимного обучения». «Для всякого человека было бы полезно многое знать и многое уметь, но чтобы приобрести посредством учения какое-нибудь знание, потребно более или менее времени, необходимы денежные издержки. Тот способ ученья, который дешевле других и при котором потребно менее времени на приобретение какого-нибудь знания, наиболее удобен для распространения этого знания». Способ «взаимного обучения» обещает наиболее быстрые успехи и требует наименее значительных расходов. Но этого мало. «При способе взаимного обучения преподавание нисколько не зависит от учителя, которого прямая обязанность состоит в строгом наблюдении за ходом и порядком учения; самое преподавание зависит только от таблиц, читаемых учениками, и от табличек, по которым старший предлагает вопросы ученикам своего полукруга. Составить те и другие непременно правильно по какому бы то ни было предмету — труд немаловажный, но могут трудиться люди, имеющие для этого нужные сведения и нужные дарования, чрез что умственное образование все более и более освобождается от зависимости, в которой оно до сих пор находится от личности преподавателей, будет все более и более доступным для миллионов людей, коснеющих теперь в невежестве».

Якушкин глубоко верит в универсальность ланкастерского метода и считает его вполне приложимым к любой научно-учебной дисциплине. «Вообще нет такой науки, вещественная часть которой не могла бы быть преподаваема по этому способу и для которой он не мог бы служить вспомогательным и весьма действительным средством». Совершенно достаточно умелого составления стенных таблиц и вопросов для «старшего»; содержание того и другого «должно быть совершенно понятно для взрослого человека с здравым смыслом и умеющего читать». Учащиеся путем многократного чтения, повторения и записывания прочно запоминают данное содержание; в процессе заучивания они самостоятельно осваивают его внутренний смысл и постепенно овладевают сущностью изучаемого предмета.

Таковы были педагогические предпосылки, которыми руководился Якушкин при организации своей ялutorовской школы. В подобном соединении идей нельзя не подметить внутреннего противоречия: с одной стороны, Якушкин становится на твердую почву новой буржуазной педагогики — выдвигает задачу воспитания человеческой мысли, старается опереться на самостоятельные наблюдения учащихся, высказывается за систематическое изучение природы, требует наглядного, предметного обучения. Но, с другой — он остается во власти феодальной педагогической традиции, он склоняется в сторону сословно-профессионального образования, игнорируя творческую работу учителя, освящает словесно-катехизическое преподавание и примиряется с упрощенным методом механического заучивания. Несомненно, что педагогическая теория Якушкина была неразрывно связана с его общим философским мировоззрением. Якушкин прежде всего рационалист, воспитанный на идеях французского Просвещения XVIII столетия; отсюда его односторонний интеллектуализм, его идея «осмысления человека», его апелляция к самовоспитанию разума. Нам известно, что этот рационализм Якушкина принял определенную форму, вобрал в себя деистические построения прошлого века и сильно проникся материалистическими тенденциями; при всем интересе

к абстрактной философии Якушкин отдавал предпочтение позитивному знанию; отсюда его идея естественнонаучного образования и его требование наглядного, предметного обучения. Но Якушкин оставался двойственным в своем философском мировоззрении, в своих социальных и политических взглядах. Стремление к массовой демократизации знаний соединялось у него с признанием существующей социальной иерархии, и это противоречивое сочетание несродных идей привело его к идеализации ланкастерского метода. Однако Якушкин по-своему принял и переработал ланкастерскую систему: он отказался от ее подчеркнутой религиозно-консервативной тенденции и стремился к максимальному расширению преподаваемых знаний; по его мнению, моменты наглядности и предметности должны были дополнить и оживить словесно-катехизическую форму обучения. Это был смягченный и преобразованный вариант ланкастерской системы, который мы встречаем у ее передовых представителей в Англии и Франции и который отчетливо намечался в школах «взаимного обучения», организованных декабристами²⁹.

Якушкин приступил к педагогической работе, опираясь на поддержку и участие ялutorовского священника Знаменского. Легальными точками опоры служили незадолго до того изданные указы «святейшего» Синода, которые предлагали местному духовенству организовать при церквях начальные приходские училища. Задачи, программы и методы преподавания этих училищ регулировались учебным уставом 1828 г.; разрешения архиерея и благосклонного отношения губернатора было достаточно, чтобы легализовать школьные начинания Якушкина. Добиться такого разрешения, приобрести прочную финансовую базу, составить программу и учебные пособия, наконец, произвести организованный набор учащихся — таковы были подготовительные шаги к открытию задуманной школы. Разрешение от тобольского архиерея было получено быстро: у Знаменского были налаженные связи с губернским центром и достаточный авторитет в глазах духовенства. В конце концов новому училищу была поставлена определенная задача — «приготовить детей священников и церковнослужителей, проживающих в городе и окрестностях, к поступлению в семинарию и вместе с тем доставить возможность учиться мальчикам, не имеющим права поступить или по недостатку своему не поступающим в уездное училище». Такая формулировка имела целый ряд преимуществ: она давала ялutorовской школе бесспорный легальный титул, обеспечивала ей возможность расширить свою программу и защищала ее от нападок со стороны министерских органов.

Гораздо труднее было укрепить материальную базу нового училища. На духовную консисторию, так же как на губернские власти, рассчитывать было нечего: устав 1828 г. предоставлял право открывать приходские училища, но не обеспечивал их никакими денежными ассигнованиями. Ялutorовское «городское общество» не было склонно к каким бы то ни было расходам. Якушкину и Знаменскому приходилось ориентироваться на добровольные пожертвования, и они развили большую инициативу, чтобы возбудить симпатии и интересы местного населения. Особенно вниманием было обращено на ялutorовское купечество, с которым политические изгнанники поддерживали постоянные связи. Перспектива основания ланкастерской школы под фактическим руководством образованного Якушкина привлекла крупного откупщика и заводчика И. П. Медведева и либерального купца Н. Я. Балакшина. Медведев не ограничился денежными пожертвованиями, он предоставил в распоряжение школы целое здание, расположенное на его стеклоделательном заводе в селении

Коптюле; здание было перевезено в Ялutorовск, водружено в ограде церковного собора и приспособлено к предстоящим учебным занятиям. Денежные сборы производились и за пределами города Ялutorовска: несомненно, что школе оказывали денежную поддержку обеспеченные декабристы тобольской колонии; по словам бывшей ученицы Якушкина, присылались средства и из далекой России. Помогали не только деньгами, но и личной работой. Сам И. Д. Якушкин приступил к выполнению наиболее ответственной задачи — составлению стенных ланкастерских таблиц и «вопросов для старшего»; Знаменский переписывал их для употребления в школе, М. И. Муравьев-Апостол наклеивал их на картон, Ентальцева вязала шнуры и делала указки; польский повстанец Собаньский вытачивал вешалки. Были мобилизованы все наличные силы, в том числе тобольские декабристы. Таким образом, ялutorовская школа не была изолированным начинанием одного Якушкина; с самого начала она превратилась в широкое общественное начинание, приобрела известность и поддержку у местного населения.

Одновременно Якушкин и Знаменский вели горячую пропаганду, чтобы обеспечить школе необходимое число учащихся. Якушкин не ограничивался разговорами с ялutorовскими знакомыми; он ходил по улицам города, заводил беседы с собравшимися мальчиками и убеждал их в необходимости учиться. При этом было обращено внимание не только на самый Ялutorовск, но и на ближайшие деревенские окрестности города.

К 7 августа 1842 г. все приготовления были закончены. В этот день ялutorовское церковноприходское училище приступило к регулярным занятиям, сначала в скромном составе из шести учащихся и двух преподавателей — самого Якушкина и законоучителя Знаменского. Постепенно количество школьников вырастало и к концу года достигло сорока двух человек. В школе учились только мальчики, девочек совсем не было. Занятия происходили четыре раза в неделю (перерывы падали на четверг, субботу и воскресенье), по четыре часа ежедневно: два часа поутру и два часа после обеда. С этого времени, рассказывает А. П. Созонович³⁰, «все остальные занятия Ивана Димитриевича отодвинулись на задний план». Якушкин неизменно присутствовал на уроках, руководил работою «старших», систематически проверял знания и выступал в активной роли не только учителя, но и воспитателя³¹.

Школа помещалась в просторном одноэтажном здании с высокими и светлыми комнатами. Классное помещение было организовано по ланкастерскому типу: около стены, на небольшом возвышении стояла учительская кафедра; против, во всю длину комнаты, были расставлены парты, на несколько человек каждая; первые два ряда представляли собой неглубокие плоские ящики, насыпанные песком, снабженные палочками для писания и линейками для разравнивания песка; за этими партами сидели начинающие обучаться грамоте; следующие два ряда имели аспидные доски с грифелями и губками для стирания: сюда садились более подготовленные «классы», последние ряды парт имели чернила и предназначались для старших «классов». Около стен было устроено несколько железных полукругов, которые особыми крючками пристегивались к стенам петлями: сюда становились группы учащихся для устных занятий под руководством «старших». По стенам были развешаны учебные таблицы. Около кафедры был подвешен на шнурке самодельный географический глобус.

Классное помещение было заполнено разнохарактерною массою школьников, которую красочно описывает один из бывших учеников

Якушкина: «Каких только не было тут костюмов, начиная с франтовской курточки барича, сына губернского прокурора... до азиата и два татарченок с чисто выбритыми головами в своих национальных костюмах. Были два брата в казацких казакинах и босые; был тут и Васильев в разорванном халате и в сапогах с каблучками на манер боченок». Учились не только сыновья городских жителей, но и крестьянские дети из прилегающих и далеких деревень: бывали случаи, когда родители привозили школьников из Кургана и даже из Тобольска. Для бедных учеников имелись пимы и полупубки; жившие особенно далеко развозились домой на лошадях Балакшина. Якушкин свято охранял внутреннее единство своей ялutorовской учебной коммуны: теоретически он признавал необходимость различных типов образования для разных общественных категорий; на практике он «зорко следил за тем, чтобы между учащимися были самые простые и дружеские отношения», чтобы никакие сословные различия не колебали установленного товарищеского равенства³².

Школа начала свою деятельность не только со скромной цифры учащихся, но и с очень скромной, ограниченной программы: в нее входило обучение чтению и письму, четыре правила арифметики и краткий катехизис. Но Якушкин не хотел ограничиваться преподаванием элементарной грамотности; не ожидая разрешения тобольской консистории, он начал расширять количество преподаваемых предметов: сначала ввел русскую грамматику, потом латинский язык (для подготовки мальчиков в духовную семинарию), наконец, вторую часть арифметики. Когда ялutorовская школа получила определенную целевую установку, программные рамки были раздвинуты еще шире. Не забудем, что по уставу 1828 г. приходское училище должно было ограничиться кратким катехизисом, священной историей, чтением церковного и гражданского текста, чистописанием и начатками арифметики; в ремесленных посадах и селениях разрешалось открывать второй класс, равноценный низшему классу уездного училища, который охватывал собой начало русской грамматики, продолжение арифметики и начатки геометрии. Якушкин не считался с этими формальными положениями закона и значительно опередил программу не только приходского, но и уездного училища: за обучением этимологии он ввел преподавание синтаксиса; вторую часть арифметики сменила сначала геометрия, а за нею механика; были введены география и русская история; для подготовляющихся в семинарию, помимо латинского языка, были устроены уроки греческого. Кроме того, преподавались чистописание, рисование и черчение. Таковы были официально признанные предметы, которые неизменно фигурировали в подаваемых отчетах. Но, перебирая конспекты ялutorовской школы и просматривая воспоминания ее участников, мы узнаем, что Якушкин пошел значительно дальше: оставаясь верным своей идее естественнонаучного образования, он ввел в виде «неофициальных» и не фиксированных в отчетах еще два предмета — ботанику и зоологию. Кроме того, он мечтал преподавать практическое законоведение: с этой целью он поручил «одному из товарищей-юристов» (по-видимому, И. И. Пущину) составить руководство по крестьянским законам. Такая разносторонняя программа не могла уложиться в рамки официального двухлетнего курса. Правда, все предметы, начиная с русской грамматики и кончая русской историей, преподавались в сокращенной, элементарной форме; но все же объем сообщаемого материала был слишком обилен для обыкновенного срока начального обучения. Фактически он был увеличен Якушкиным до пределов четы-

рехлетнего курса: 7 августа 1842 г. началось преподавание чтения и письма, 13 июля 1846 г. закончилось преподавание последнего из предметов — русской истории. Для того чтобы вполне оценить степень продолжительности занятий, нужно помнить особенности метода «взаимного обучения» в ялуторовской школе: никаких уроков на дом не задавалось, весь материал закреплялся во время классной работы; занятия происходили зимою и летом, без всяких каникул, но классные уроки бывали только четыре раза в неделю и продолжались летом четыре часа, а зимою только два часа в день.

Все предметы, за исключением ботаники и зоологии, преподавались по методу «взаимного обучения». Механизм ланкастерской системы соблюдался последовательно и строго. Внешняя форма каждого урока была отчетливо описана самим Якушкиным: «Вошедши в класс, помолившись богу и ставши к полукругам, ученики в продолжение 20 минут и по указанию старшего читали таблицы... после чего в продолжение 10 минут старший по своей табличке заставлял учеников поочередно или складывать или прочесть наизусть то, что они перед тем читали на таблице, висящей на стене. Потом опять учитель звонил в колокольчик, записывая в своей чистой тетради учеников в том порядке, в каком они теперь стояли в полукругах. После чего ученики, перешедшие к столам и сидя на скамьях, в продолжение получаса писали на грифельных досках то же самое, что они читали в полукругах, и то, что старший диктовал им по своей табличке». Эта сжатая схема ланкастерского урока получила более конкретное освещение у ученицы Якушкина О. Н. Балаксиной. Рассказав о железных полукругах, прикрепленных к стенам классного помещения, она подробно описала самый порядок устных занятий: «В средину такого круга становился один из учеников, уже прошедший и усвоивший этот круг, по назначению Якушкина, а кругом, сложив руки назад, становились несколько человек, которым еще надо было этот круг пройти. На стену весились таблицы и стоящий в кругу ученик показывал указкой ту или другую букву, цифру и т. д., смотря по кругу, а стоящие вокруг по очереди отвечали. Причем наиболее успевающие и хорошо усвоившие становились к одному концу, а плохо знающие — к другому, т. е. другими словами размещались по знаниям. И с конца, где стояли уже усвоившие этот круг, ученики переводились Якушкиным к следующему кругу, а на их место продвигались следующие. У учеников в то время считалось весьма лестным вставать в начале круга, а затем, усвоив хорошо, сразу перескочить через всех и стать к другому концу круга, где стоят уже усвоившие этот круг. Таких кругов было несколько, причем ученики переходили по мере усвоения от одного к другому. Якушкин же, сидя на кафедре, за всем следил, делал поправки и замечания».

Таким образом, в преподавании ялуторовской школы были представлены все моменты ланкастерской системы: обучение при помощи «старших» под общим наблюдением и руководством учителя; последовательные упражнения в чтении — заучивании, устным воспроизведении усвоенного материала и его немедленном письменном закреплении; стенная таблица для обучаемых и катехизические таблички для обучающего служили единственными направляющими пособиями: постоянное соревнование между учащимися являлось внутренним двигателем учебной работы; наконец, разделение на «классы» и «полукружия» облегчало быстрое продвижение вперед каждого успевающего школьника³³.

Содержание курса русской грамматики определялось кратким посо-

бием Н. И. Греча, которое пользовалось широким распространением в первой половине XIX столетия: первая часть грамматики охватывала правила этимологии, вторая — синтаксис, «словопроизношение» и правописание. Якушкин несколько переработал учебник Греча, выбросил менее важные разделы, дал более сокращенные формулировки и увеличил количество примеров. Весь грамматический текст был разнесен на девятно стенных таблиц и состоял из кратких «определений» и практических «задач». Разбивка материала на «определения» давала основу для легкого заучивания курса и для четкого построения контрольных вопросов. Например, на первой стенной таблице значилось определение: «В русской азбуке 35 букв, 11 гласных (а, е, и, о, у... и т. д.), 21 согласная (б, в, г, д... и т. д.) и 3 полугласных (ъ, ь, й)». «Старший» прочитывал это определение сам, затем по частям заставлял прочитывать его мальчиков своего полукружия. После чтения, в котором поочередно участвовали все школьники группы, «старший» смотрел в свою ручную таблицу и задавал вопросы: «Сколько букв в русской азбуке? Сколько гласных и какие они? Сколько согласных и какие они? Сколько полугласных и какие они? Скажите пример гласной буквы? Скажите пример полугласной буквы?» Вопросы адресовались поочередно каждому школьнику полукружия. Сначала они отвечали, смотря в таблицу, т. е. считывая с нее определенный ответ, затем, не видя таблицы, т. е. на память. Если один отвечал неверно, должен был отвечать другой, если ошибался и этот, отвечал следующий и т. д. Чтение и ответы продолжались до тех пор, пока содержание определения не усваивалось школьниками достаточно твердо. Тогда «старший» переходил к следующему определению, и процедура заучивания повторялась снова в том же самом порядке. По существу это было догматическое заучивание словесного текста, расположенного по старой катехизической форме. Время от времени «определения» перемежались «задачами», т. е. вопросами, которые требовали самостоятельного изложения усвоенных правил и предполагали личную сообразительность учащихся. В содержание этих задач входило также упражнение в грамматическом разборе.

Повторяя учебное руководство Греча, грамматические таблицы Якушкина разделяли его многочисленные недостатки: большая часть правил была изложена в форме абстрактных догматических положений; таблицы склонений и спряжений были чересчур сложны и трудно усваиваемы школьниками младшего возраста; некоторые определения были формулированы неясно и требовали для своего понимания дополнительных разъяснений³⁴.

. Очень часто, пересматривая тексты этих ялуторовских таблиц, мы убеждаемся, как недостаточно простое повторение и заучивание учебного материала; механические стороны ланкастерского метода дают себя чувствовать даже в такой, более формальной, дисциплине, как грамматика.

Подбор примеров, которые должны были пояснять грамматические правила, не обнаруживает никакой определенной политической тенденции: Якушкин был далек от официального патриотизма Греча («поумневшего» Греча реакционной эпохи), но он не внушал школьникам своих собственных политических мыслей. Единственными намеками на его личное мировоззрение являются моральные сентенции в духе гражданской добродетели и исторические изречения в стиле декабристского национализма³⁵.

По тому же образцу «определений» и «задач» были составлены стенные таблицы, применявшиеся на уроках арифметики. При обучении пер-

вой части этого предмета Якушкин воспользовался печатными таблицами, изданными Министерством народного просвещения (так же как он делал при обучении чтению и письму), хотя и внес в них некоторые дополнительные поправки; сюда входили нумерация и учение о четырех действиях над целыми числами. Остальное содержание курса было составлено по существующим руководствам и охватило собой простые и десятичные дроби, степени и корни, отношения и пропорции, тройное правило, правила товарищества и смешения, арифметические и геометрические прогрессии. Содержание курса излагалось догматически, без всякого раскрытия его внутреннего смысла: ученик должен был запомнить данное «определение» и уметь применить его на практике при решении задач. В качестве примера можно привести правило деления дробей; оно было изложено Якушкиным в форме следующего «определения».

«При делении дробей должно помножить числитель множимого на знаменателя множителя, а знаменатель множимого — на числитель множителя:

$$\frac{3}{4} : \frac{2}{5} = 1 \frac{7}{8}; \quad \frac{3 \times 5}{4 \times 2} = \frac{15}{8} = 1 \frac{7}{8}.$$

Помножая числитель множимого 3 на знаменатель множителя 5, в произведении получаю 15; помножая знаменатель множимого 4 на числитель множителя 2, в произведении получаю 8. Исключаю целое число у неправильной дроби $\frac{15}{8}$, получаю $1 \frac{7}{8}$ ».

Почему именно числитель множимого помножается на знаменатель множителя, а знаменатель множимого на числитель множителя, стенная таблица не объясняла, и школьник должен был считать и запоминать данное определение, не уясняя его с точки зрения понятия о дробных числах. Правило механически заучивалось и механически применялось на практике; учащийся не мог задать никакого вопроса «старшему», не мог попросить его разъяснить то, что осталось ему непонятным; «учебная фабрика» работала по конвейеру, и никаких остановок и диалогов ланкастерская система не допускала; но если бы школьник и спросил, то «старший» оказался бы бессильным помочь своему товарищу: он знал не больше того, что содержали в себе стенные таблицы, и не имел педагогического умения, чтобы разъяснить трудное место.

Решение арифметических задач производилось «по ключу»: в таблицах давались примерные решения для задач различного типа; усвоив себе определенный ход действия при определенных условиях, учащийся должен был переносить его на аналогичные случаи. Такая система базировалась преимущественно на работе механической памяти. Предполагалось, что оперирование числовыми величинами само собой разовьет самостоятельное мышление, но перевес механического усвоения над рассудочным пониманием должен был сильно отражаться на окончательных результатах изучения.

Гораздо труднее было применить систему «определений» и «вопросов» к преподаванию таких предметов, как история и география. Живое повествование о фактах надо было заменить сжатым и точным изложением, разрезать это изложение на отдельные «спрессованные» куски и перевести его на стандартный язык вопросов и ответов. Якушкин вышел из этого затруднения следующим образом: Курс географии он разнес на сорок семь таблиц, которые охватывали собой краткие сведения из математической географии (о форме и движении Земли, о полюсах, экваторе, меридианах и пр.), важнейшие определения географии физической

(понятия моря, материка и пр.) и длиннейший перечень географических названий, гораздо более детальный и сложный, чем это было принято в позднейших учебных пособиях. В сущности, этот сухой и голый перечень без всяких характеристик и пояснений составлял основное содержание преподаваемого курса: краткие определения служили только введением в соответствующие разделы номенклатурного списка. Для наглядного ориентирования в пространстве служил самодельный географический глобус; он был подвешен шнурком на железном блоке, мог подниматься и опускаться, описывать криволинейные движения и вращаться вокруг собственной оси. Географические пункты были обозначены на нем вместо полных названий заглавными разноцветными буквами. При прохождении курса учащиеся не только читали и заучивали стенные таблицы, но и «читали», показывали и запоминали выученные места на глобусе. В качестве дополнения было введено самостоятельное черчение карты Западной Сибири под непосредственным руководством самого Якушкина. Такие приемы наглядного обучения должны были облегчать и упрочивать усвоение географии. Тем не менее восприятия учащихся сводились к запоминанию голой топографии — расположения морей и островов, рек и озер, государств и городов. Конкретных представлений о характерных особенностях того или иного материка, народа или государства учащиеся не получали. И здесь механическое усвоение формальных знаний вытекало из специфических особенностей принятого учебного метода.

Курс русской истории был содержательнее и полнее, чем курс географии. Якушкин воспользовался учебным руководством Язвинского и внес его содержание на пятьдесят шесть стенок таблиц, начав с призвания Рюрика и кончив воцарением Николая I. Вчитываясь в историческое изложение декабриста, мы напрасно будем выискивать отголоски его политического мировоззрения. Перед нами — сжатое, сухое, строго фактическое повествование, которое ведется по династическим рубрикам и выдвигает на первый план события внешней политики и акты правительственной власти. Исторические явления, которые особенно интересовали и волновали декабристов: вечевые собрания, тирания Грозного, реформы Петра I, попытки ограничения самодержавия — переданы очень глухо, без всякой политической тенденции. О вече упомянуто только в Новгороде; при изложении царствования Ивана IV главное внимание перенесено на внешние войны; экономические и культурные преобразования Петра I совершенно не затронуты; из всех конституционных попыток упомянуты только кондиции Анны Ивановны; очень вскользь задета екатерининская комиссия «из всех сословий государства»; о внутренней политике Павла I не сказано ни одного слова. Зато подробно изложены польские, турецкие и шведские войны; особенно подробно передана война 1812—1814 гг. С размерами и политическим тоном изложения хорошо знакомы два исторических отрывка — об опричнине Грозного и о последнем периоде царствования Александра I. Опричнина была изложена Якушкиным в следующих словах: «В 1560 г. скончалась царица Анастасия, после чего царь отказался от престола, но по убедительной просьбе духовенства и выбранных членов всех сословий согласился опять царствовать; вслед за тем два первые его любимца и главные советники новгородский иерей Сильвестр и Алексей Адашев были удалены; Сильвестр сослан был в Соловецкий монастырь (на острове Соловецком), а Адашев послан в Ливонию, где он и умер. В 1565 г. Иоанн, отделив себе 20 городов с многими волостями, под названием

опричнины, и учредивши особенных телохранителей, под названием опричников, остальную часть государства предоставил в управление касимовскому царю Симеону, а впоследствии избранным боярам». Еще показательнее характеристика реакционного десятилетия 1815—1825 гг., которой заканчивается исторический курс Якушкина: «В последние десять лет своего царствования император Александр особенно заботился о мире и общей тишине в Европе; он скончался в 1825 г. в Таганроге и завещал престол брату своему, ныне благополучно царствующему императору Николаю Павловичу». Таким образом, революционные оценки не нашли себе никакого проявления в элементарном изложении Якушкина; составляя свое школьное пособие, он старался устранить всякий намек на собственную политическую позицию; содержание курса должно было остаться благонамеренным и неуязвимым для явных и скрытых наблюдателей; его единственная задача была сообщить школьникам определенный минимум исторических фактов, расширить их хронологический кругозор и укрепить их национальное чувство. О закреплении крестьян мы находим только два очень осторожных беглых упоминания; «Смутное время», разинское и пугачевское восстания изложены в обычном официальном стиле; явление раскола совершенно обойдено автором; зато, что очень характерно, чувствуется внимание к истории Сибири.

История преподавалась так же, как и остальные предметы: она считывалась со стенных таблиц, заучивалась и воспроизводилась в ответах на вопросы «старшего»; вопросы были составлены настолько подробно, что содержание ответов было буквальным повторением стенной таблицы. Фактически это было постепенное затверживание наизусть пятидесяти шести таблиц исторического текста. Для закрепления усвоенного материала Якушкин изобрел следующий мнемонический способ: у каждого ученика имелась таблица из графленной бумаги, разлинованная на крупные четырехугольники (каждый из них обозначал столетие); четырехугольники в свою очередь были разделены на сто клеток (каждая клетка обозначала один год). Сначала школьники отмечали наиболее выдающиеся события условными буквами в соответствующей клетке четырехугольника (например, призвание Рюрика буквою «Р»), затем письменно излагали усвоенные события, которые относились к пройденному столетию. Усилия «старшего» были направлены на то, чтобы закрепить в памяти учащихся все сто пятьдесят пять событий исторического курса. Перечень событий в хронологической последовательности, но без всякой прагматической связи — таков был главный стержень всего исторического преподавания. И здесь формальное знание и механическое заучивание преобладали над внутренним рассудочным пониманием.

Стенные таблицы по механике охватывали основные вопросы: о свойствах твердых и жидких тел, о сложении и размножении сил, о центре тяжести, о движении, наконец, о простых машинах (рычаге, воротах, блоках, сцеплении зубчатых колес). Каждое «определение» снабжалось наглядными чертежами, которые самостоятельно воспроизводились учащимися. Таблицы по геометрии не сохранились, но, судя по заключительному отчету, преподавание строилось по образцу обучения арифметике, так же как преподавание древних языков строилось по типу обучения грамоте и русской грамматике. На уроках геометрии (которые охватывали основные понятия и планиметрию) практиковалось черчение с помощью бумажного наугольника и, время от времени, решение геометрических задач. Что касается «закона божия» (который лежал на обязанности священника Знаменского), то содержание краткого и пространного ка-

техизиса само собой определяло систему вопросов и ответов, изложенных в стенных таблицах.

Такова была основная, официально признанная часть учебного курса. Мы видели, что ланкастерский метод «взаимного обучения» наложил определенную печать на содержание и приемы преподавания Якушкина. Обучение было механизировано и не могло воспитывать той самостоятельной, критически работающей мысли, о которой так заботилась теория Песталоцци. Стремление Якушкина «осмыслить» каждого учащегося не находило себе точки опоры в избранной системе преподавания. Гораздо последовательнее был проведен другой дидактический принцип — применение наглядного метода обучения. Правда, словесный материал решительно преобладал над конкретными впечатлениями, но это засилье вербализма смягчалось и органичивалось изучением глобуса, черчением карт, воспроизведением чертежей по геометрии и механике. Тем не менее преподавание оставалось по преимуществу механическим и требовало введения новых дополнительных коррективов.

Якушкин сознательно пошел на такие коррективы и внес в учебную жизнь ялutorовской школы новую и свежую педагогическую струю. Прежде всего он занял определенную позицию по отношению к учащимся школы: он не изолировался от них, не поставил себя в положение сурового и недоступного ментора, а постарался внешне и внутренне сблизиться со всею массою школьников. Во время перемен он не уходил из классного помещения, а отвечал на разнообразные вопросы, которые задавали ему учащиеся; очень часто он выводил их во двор и затевал коллективные игры, в которых принимал самое непосредственное и активное участие. Силою своего личного нравственного примера он оказывал на детей глубочайшее влияние: по воспоминаниям учащихся, «дети его мало того, что любили, просто обожали и нисколько не боялись». Но Якушкин старался воздействовать на учащихся не только своими воспитательными приемами, но и своею преподавательскою работою. Он непосредственно руководил подготовкою «старших», выбирал с этой целью наиболее способных и организовывал с ними самостоятельные занятия по всем учебным предметам. Со всей остальной массою школьников были поставлены занятия естественнонаучными предметами, проходившие в свободной и живой экскурсионно-беседной форме. «Весной, летом и осенью, — рассказывает ученица О. Н. Балакшина, — после занятий обычно шли в поле и Якушкин рассказывал на примере жизнь природы, так как он был хороший ботаник». Сохранились собственноручные учебные конспекты Якушкина не только по ботанике, но и по зоологии. Это — сжатые извлечения из его научных записок, приспособленные к преподаванию детям школьного возраста и, очевидно, служившие программой для экскурсий. Показывая растение, Якушкин разбирал его основные части, рассказывал о корне, стебле и листьях, анализировал внутреннее строение цветка, знакомил школьников с классификацией растений, раскрывал характерные отличия растений друг от друга. Того же типа были школьные беседы по зоологии: судя по сохранившемуся конспекту, Якушкин давал систематическое описание животных, разбирал их анатомическое строение, выяснял их деление на «отделы», «порядки», «колена» и «семейства». Занятия ботаникой (и вероятно зоологией) происходили не только в поле, но и в классном помещении; Якушкин должен был пользоваться своим сибирским гербарием и демонстрировать изображение различных животных. В программу школы было введено рисование растений и животных. Эти экскурсии и уроки осуществляли

идею естественнонаучного образования, которая с самых первых шагов вдохновляла Якушкина как педагога; они были решительным отступлением от ланкастерского метода, устанавливали непосредственную связь между учителем и учащимися, вкладывали в систему обучения недостающую ей жизненную конкретизацию и широко раздвигали умственный кругозор учащихся.

Таким образом, педагогическая практика точно отражала педагогическую теорию Якушкина: и здесь и там мы видим неустрашимую двойственность, которая вытекала из социального положения декабриста и находила себе точное соответствие в его философском мировоззрении. Сплетение передовых буржуазных тенденций с остатками неизжитой феодальной традиции пронизывало мышление и педагогическую деятельность Якушкина. Якушкин-педагог, так же как Якушкин-политик, не является перед нами законченной монолитной фигурой; несмотря на кажущееся единство своих выстраданных убеждений, он воплощает в себе внутренние противоречия правого крыла дворянских революционеров, которое господствовало и задавало тон в Северном обществе декабристов³⁶.

Для полной характеристики ялуторовской школы нужно отметить полное отсутствие телесных наказаний, которое резко контрастировало с порядками городского уездного училища. Якушкин пользовался исключительно методами нравственного воздействия и только в самых крайних случаях прибегал к высшей форме школьного наказания: на виновного надевали «лентяя», сделанного из бумаги и лент, что производило на детей сильное впечатление. Наоборот, в случае успехов выдвинувшийся школьник украшался похвальным ярлыком, который должен был возбуждать взаимное соревнование. Такое сочетание умелых воспитательных приемов вместе с внешней занимательной формой «взаимного обучения» делали школу привлекательной и любимой учащимися. «Дети собирались в школу, как на праздник», — рассказывала А. П. Созонович. «Мы учились шутя и нисколько не считали трудом нашу науку», — вспоминал впоследствии М. С. Знаменский. Школьники проявляли большие успехи, и слава ялуторовской школы широко разнеслась по всей Тобольской губернии. Количество школьников неизменно возрастало и к концу 1845 г. достигло цифры 102. За 15 лет, с момента открытия училища и вплоть до отъезда Якушкина, в школе перебывало 594 мальчика. Ежегодно поступало от 26 до 57 человек, кончали курс от 14 до 55 человек. Население Ялуторовска гордилось своим достижением, и популярность Якушкина быстро поднялась в глазах местного общества.

Однако с формальной стороны положение Якушкина было очень неопределенным и неустойчивым. Фактически он являлся инициатором и вдохновителем школьной работы; именно он положил в основу преподавания ланкастерский метод обучения; он составлял учебные пособия по всем предметам преподавания, за исключением древних языков и «закона божия»; он непосредственно руководил учебными занятиями и подготовкой «старших», словом, он был основной движущей силой школы. Но юридически он оставался «государственным преступником», лишенным прав и сосланным на поселение; закон запрещал ему не только руководить работой школы, но и давать частные уроки отдельным учащимся. Якушкину приходилось прятаться за спину С. Я. Знаменского, который считался ответственным заведующим ялуторовского училища. На должности учителя формально числился Е. Ф. Седачев, соборный дьячок, выпедший из пятого класса тобольской семинарии. Якушкин держал его в качестве школьного надзирателя и постепенно приучал его

к функциям руководителя. Таким образом, между формальным состоянием училища и фактическим положением вещей существовало резкое противоречие, которое разрешалось от случая к случаю по воле уездной и губернской администрации. Отсюда — непрерывная затяжная борьба, которая велась вокруг ялutorовского училища и стоила немало сил энергичному и настойчивому Якушкину.

Борьба вспыхнула еще задолго до открытия школы, когда в ограде городского собора устанавливалось новое здание, пожертвованное купцом Медведевым. Ялutorовский городничий приказал полиции разогнать рабочих и направил духовенству грозный запрос, на каком основании производятся школьные постройки? Якушкину и Знаменскому с помощью тобольских декабристов удалось отвести этот первый удар со стороны уездного сатрапа. Училище открылось и приступило к школьной работе. Тогда выступил на сцену Лукин, смотритель уездного училища, прославившийся своим пьянством и грубым обращением со школьниками; он произвел ревизию новооткрытой школы, усомнился в благонадежности ланкастерских таблиц и попытался удалить Якушкина из классного помещения. Однако Якушкин не остался в долгу перед уездным «просветителем» и, оказав энергичный отпор, сам выдворил его из здания школы. Полетели доносы тобольскому губернатору и духовной консистории. Якушкину и Знаменскому пришлось мобилизовать свои тобольские связи: М. А. Фонвизин и П. С. Бобрищев-Пушкин поддерживали хорошие отношения с генерал-губернатором и архиереем. Такая ситуация была очень благоприятна для ялutorовской школы и помогала обойти формальные трудности. Положение осложнялось враждебным вмешательством консистории и неопределенной позицией директора гимназии. Между Ялutorовском и Тобольском завязалась бумажная война, в которой участвовали с одной стороны местные учреждения, с другой — две колонии декабристов. Борьба велась с переменным успехом и не раз угрожала существованию новооткрытой школы. 3 ноября 1842 г. И. И. Пущин писал И. Д. Якушкину из Тобольска: «Вы нам ничего не говорите о Ваших школьных делах, между тем М[ихаил] А[лександрович]³⁷ стороной узнал, что снова было нападение от Лукина и что по этому акту губернатор писал городничему о запрещении Вашей учебной деятельности. Вчера был Фелицын³⁸ и между прочим высказал, что консистория получила отзыв от Ст[ефана] Як[овлевича]³⁹. Это можно догадываться из его горько-радостного вида, с которым он произнес: «Вот Знаменский может под суд итти. Он же человек святой и строгих правил. Никого не слушается». К тому же он прибавил положительно, что консистория имеет бумагу от губернатора, который просит внушить Знаменскому что-то на ваш и на его счет... Вывод из этого один: признавая в полной мере чистоту Ваших намерений, я вместе с тем убежден, что не иначе можно приводить их в действие, в нашем положение, как оставаясь за кулисами или заставляя молчать тем или другим способом тех, которые могут препятствовать. Во всяком случае легально нельзя доказать своего права быть Ланкастером в Сибири и особенно когда педагоги уездные не задобрены рюмкой настойки». Пущин предупреждал Якушкина, что «недоброжелатели» собираются «из мухи сделать слона». Однако вопрос получил неожиданное счастливое разрешение, которое восстановило в правах ялutorовскую школу. Как раз в это время Западную Сибирь ревизовал сенатор Толстой, хорошо знакомый с многими декабристами, в том числе и с Якушкиным. Он вмешался в борьбу уездной и губернской администрации, оказал давление на тобольские органы и обеспечил

перевес на сторону «сибирского Ланкастера». В начале 1843 г. Пущин спешил поздравить Якушкина с одержанной победой: «Радуюсь вашему торжеству над школьным самовластием. Директор мне говорил о вашем училище так, как я всегда желаю слышать. Толстой своей фигурой тут кстати попал — это лучшее дело в его жизни». Таким образом первая (но не последняя) атака на якушкинскую школу была счастливо отбита и на некоторое время установилось состояние более или менее устойчивого равновесия⁴⁰.

Благоприятному исходу борьбы очень способствовала сложившаяся репутация ялуторовского училища. На безрадостном фоне сибирского просвещения «незаконное детище» сосланного декабриста выделялось яркою путеводною точкой. В ялуторовскую школу началось настоящее паломничество из разных уголков Тобольского края. Сюда приезжали смотрители уездных училищ из Кургана, Ишима и Тобольска, командировались рядовые учителя обучаться ланкастерскому методу «не теорией, а уже на практике», наконец, появлялись высшие власти — директор гимназии, архиерей, губернатор. Впечатления от школы были неизменно благоприятные, и полулегальное положение Якушкина все более и более упрочивалось. В конце 1842 г. смотритель курганского училища писал священнику Знаменскому: «Г[осподин] директор от Вашей школы в восхищении, считает ее образцовой не только в дирекции, но даже в Сибири. Мне говорил и даже просил, чтобы постарался устроить **приготовительный класс** по образцу ее. Радуюсь за вас, радуюсь и тому, что **дело правое торжествует** и низкие доносы падают». В том же тоне писали смотрители училищ из других городов; новизна, необычность и быстрые успехи ланкастерского метода покоряли сердца сибирской администрации и давали ей материал для парадных отчетов.

Через четыре года просветительное начинание Якушкина получило новый толчок для своего развития. В мае 1846 г. до Якушкина дошло тяжелое известие о смерти его жены Анастасии Васильевны; под сильным впечатлением этого события и в тесном союзе с С. Я. Знаменским он решил основать новую, на этот раз женскую школу, посвященную памяти умершей А. В. Якушкиной. Снова была развернута широкая общественная пропаганда, мобилизованы силы местных декабристов, собраны денежные средства и начаты хлопоты перед тобольской администрацией. Школа была открыта с разрешения местного архиерея под видом «духовного приходского училища для девиц всех сословий». От местной купчихи Мясниковой удалось получить сумму на постройку школьного здания. Сам Якушкин, исходя из четырехлетнего опыта мужского училища, разработал новую программу и составил новые дополнительные таблицы. К организации дела были привлечены представительницы женского общества, в частности жена декабриста М. И. Муравьева-Апостола и жена местного исправника Ф. Е. Выкрестюк.

Школа открылась 1 июля 1846 г. Вначале в ней училось только двадцать пять девочек, но к 1850 г. насчитывались уже пятьдесят шесть учениц. Основные предметы преподавания были здесь те же, что и в мужском училище: сначала девочки обучались грамоте, затем последовательно проходили русскую грамматику, первую часть арифметики, краткий катехизис, географию и историю. Латинский и греческий языки, которые подготавливали мальчиков к поступлению в духовную семинарию, были изъяты, так же как геометрия, механика и вторая часть арифметики (по-видимому, признанные практически ненужными для женского образования). Зато в программу обучения девочек были введены новые пред-

меты — краткая «священная история» и «изъяснение литургии» (очевидно для оправдания легального титула «духовного училища»), рукоделие и французский язык, удовлетворявший требованиям уездного «общества» (при обучении французскому языку Якушкин обращал большое внимание на навыки разговорной речи). Курс оказался более сжатым, чем в первый раз, и был закончен менее чем в три года: девочки принимались не моложе двенадцати лет, в занятиях они обнаруживали больше сосредоточенности и гораздо быстрее справлялись с основными учебными предметами. Преподавание велось, как и раньше, по ланкастерскому методу, дополненному личными экскурсиями и беседами Якушкина. Для того чтобы содержать женскую школу, пришлось ввести учебную плату по 7 руб. 16 коп. серебром в год; несколько позднее она была отменена и обучение стало бесплатным, так же как и в мужском училище. С 1847 г. материальные средства расширились благодаря продаже рукодельных изделий: девочки учились вышиванию, вязанию и плетению кружев; результаты их учебной работы сбывались не только в Ялutorовске, но и в других городах Тобольской губернии. Наконец, в 1848 г. финансовая база ялutorовских училищ была окончательно упрочена: благодаря систематическому давлению со стороны тобольской колонии, особенно М. А. Фонвизина, администрация добилась особого «представления» генерал-губернатора и Министерство внутренних дел, признав полезность ялutorовского приходского училища, «определило производить на содержание его по 200 р. серебром в год из городских средств». С этого момента можно было оплачивать, хотя и в скромном размере, труд надзирателя Е. Ф. Седачева и руководительницы рукодельного класса А. Н. Балакшиной.

Женская школа пользовалась особенным успехом, тем более что специального женского образования Сибирь не знала, девочек не пускали в обыкновенные училища и подавляющая масса женского населения, не исключая городского мещанства и купечества, вырастала безграмотной и умственно отсталой. В глуши далекого сибирского захолустья Якушкин пробивал дорогу новым педагогическим веяниям, впервые ставя вопрос об образовании женщины.

Декабристские колонии в Тобольске, Кургане, Иркутске и Селенгинске с интересом следили за успехом ялutorовской школы. В августе 1849 г. И. И. Пущин не без гордости писал М. И. Муравьеву-Апостолу с далеких берегов Селенги: «Иван Дмитриевич с ланкастерией во главе моих рассказов об Ялutorовске». Авторитет Якушкина как знатока ланкастерского метода еще более поднялся в глазах местной администрации. После посещения Ялutorовска тобольским губернатором Энгельке И. И. Пущин писал М. И. Муравьеву-Апостолу в июле 1849 г.: «Энгельке в восхищении от Ялutorовского училища. Я вменяю ему в достоинство этот восторг — он мирит меня с другими его недостатками». Николаевская администрация как будто примирилась с педагогической деятельностью «государственного преступника»: в официальных донесениях Якушкин неизменно аттестовывался как человек примерного поведения, который «занимается хозяйством и чтением книг»; по-видимому, никакие признаки не предвещали новой атаки на учебные заведения, созданные личной энергией декабриста⁴¹.

Тем не менее борьба за школу возобновилась и на этот раз приняла еще более упорные и опасные формы. В 1850 г. в Ялutorовск был переведен новый смотритель уездного училища Н. А. Абрамов; вначале он благожелательно отнесся к педагогическим занятиям Якушкина, но очень

скоро переменил свое мнение и занял крайне враждебную и агрессивную позицию. В отсутствие уехавшего Знаменского у нового зрителя оказался неожиданный союзник в лице второго соборного священника Александра. «Этот человек,— писал о нем Якушкин,— выказал какое-то остервенение против нашего училища для девиц и даже писал о нем бог знает какой вздор архиерею». Разногласия с Абрамовым вызвали резкие столкновения, которые Якушкин подробно описал в своем письме к Знаменскому 17 мая 1850 г.; оно очень характерно и для позиции официального насадителя просвещения, и для оценки личности самого Якушкина: «Я был у него,— рассказывает Якушкин,— несколько раз и обо всем с ним, как с порядочным человеком, говорил просто и откровенно; после этого представьте мое удивление, когда я узнал, что он всячески придирается к нашим училищам... Евгению⁴² он сказал напрямик, что ни то, ни другое училище не должно существовать. Встретившись со мной на улице, он мне сказал почти то же, но в таких странных выражениях, что я решил тут же объяснитьсь с ним, и так как вам известно, что в подобных случаях я не умею говорить иначе, как очень громко, то он и попросил меня идти с ним дальше и увел меня за собор; там я ему определил в точности и его и мое положение,— что я, конечно, не имею никакого права заведывать училищем, и если я с ним говорил откровенно, то потому, что почитал его человеком порядочным, но что после всего того, что он мне сказал, я с ним не знаком, и что он может делать на меня донос, куда ему угодно. Объяснил ему также, что ему никакого нет дела до наших училищ и проч., всего не упишешь на этом листке».

Таким образом, война была объявлена, и Якушкину пришлось снова мобилизовать своих тобольских друзей и сторонников. Было ясно, что зритель уездного училища не только боится официальной ответственности, но и стремится использовать двухсотрублевую городскую дотацию на другое назначение.

Сначала губернская администрация слабо реагировала на представление Абрамова. Знаменский, лично улаживавший это дело в Тобольске, писал Якушкину: «О Седачеве говорил преосвященному, довольно говорили об училище, то же было говорено и директору, который ни то, ни сё, а только просит какнибудь, из этого видно, что и прежняя бумага была только для порядка». Но чем острее становились взаимоотношения в Ялutorовске, тем большее значение приобретала позиция губернского начальства. Якушкин лично отправился в Тобольск, чтобы добиться благоприятного решения о школе. Тобольские союзники оказали ему самое энергичное содействие. В конце концов, под непосредственным давлением декабристов, директор тобольской гимназии Чигиринский перевел Абрамова в город Тюмень и заменил его более податливым зрителем Христиановым. Но, по-видимому, эта перемена не могла остановить начавшуюся кампанию: в Тобольск продолжали поступать политические доносы, и вопрос об ялutorовских училищах начинал все больше беспокоить губернскую администрацию. Над педагогическими начинаниями Якушкина нависла угроза полной ликвидации. Насколько серьезно было создавшееся положение, показывает тревожное письмо Якушкину из Тобольска, отправленное Знаменским 12 октября 1850 г.:

«Любезный друг Иван Дмитриевич! На прошлых неделях мне передал Степан Михайлович⁴³ разговор Чигиринского в доме Александра Михайловича⁴⁴, что он находится в затруднительном положении насчет ялutorовских наших училищ, которые приказал ему князь⁴⁵ закрыть, то же говорил и у Анненковых по приезде своем из Омска. Это все я

пустил мимо ушей. 10 сего месяца меня призывает к себе архиерей и сказал: «У меня был директор и объявил, что в ваших училищах распоряжается и обучает гос[ударственный] пр[еступник] Якушкин, это строго воспрещено и у директора есть сведения о том и просит моего распоряжения». Я на это сказал: «Якушкин мне очень знаком, часто ко мне ходит и иногда вместе ходим в училище, и что в наших училищах обучение производится через старших, а если и есть наставник, то его обязанность только смотреть за порядком и более ничего». — «Да, я знаю, что у вас по методу Ланд-Кастера, — сказал архиерей, — но все мне надобно разведать, не ходит ли без вас и не распоряжается ли там; сверх того у вас метода преподавания в обширном объеме, обучают даже французскому языку и в таблицах ваших что-то есть противные постановления, да кто теперь смотрит вместо вас за училищами?» Я против всего этого сколько мог объяснился и, видя его намерение сделать поручение все-таки разведать по явке директора, сказал, что я сам напишу в пятницу. — «Напиши, и что окажется там, донеси»...

Сегодня, после занятий в комиссии своей, я пошел к директору узнать причину всего. Директор положительного сказал: «Я получил все уже сведения и всю переписку о ваших училищах, и что в них обучает Ив. Д. Якушкин и поэтому официально хотел писать завтра».

Для самого училища и для мира я умоляю вас пригласить недели на три, а много что на четыре, до приезда моего, диакона Седачева, чтобы он постоянно ходил, а себя отстраните. Пусть он будет для вывески на время, а на будущей неделе, чтобы исполнить приказание архиерея, я напишу им, т. е. отцу Ивану Свинцову и диакону Седачеву, чтобы они мне прислали бумагу, что диакон постоянно ходит в училище, и что туда кроме некоторых посетителей никого не бывает таких, которые бы распоряжались и учили...

Отношение мое к консистории самое невыгодное; если архиерей сам от себя поручит разведать, тогда поднимется прежняя переписка по консистории, из которой я уже имел подтверждение не допускать, в противность узаконений, Вас. Этот указ у меня при деле, — не знаю только, через правление или прямо мне передан, потому-то я озабочился, что Вы передали якобы переписку смотрителю. Пожалуйста, не оскорбляйтесь этим письмом, — говорить так и мне больно и вам слышать тяжело; немного, немного потерпите и всё перемелется. Мысленно обнимаю Вас, поклонитесь от меня всем. Прощайте, будьте здоровы; знакомые Ваши кланяются. Письмо это истребите».

В конце концов ялutorовские училища уцелели, но Якушкину было строго запрещено вести какое бы то ни было преподавание. К этому моменту школа уже достаточно окрепла, а, главное, усилиями Якушкина были подготовлены новые преподаватели: в мужском училище руководил уроками диакон Е. Ф. Седачев, в женском — только что окончившие ученицы, воспитанница М. И. Муравьева Августа Павловна Созонович и старшая дочь купца Балакшина Анисья Николаевна. По свидетельству П. Н. Свистунова, за Якушкиным осталось заочное руководство, которое обеспечивало успешное выполнение выработанного плана.

Тем не менее положение мужского училища быстро и резко изменялось: оно перестало быть самостоятельным учебным заведением, подготовляющим учеников в духовную семинарию, и превратилось в одноклассный подготовительный класс при уездном училище. Такая перемена повлекла за собой немедленное сужение школьной программы и свела интересное начинание Якушкина к уровню элементарного училища по

обучению грамоте. Нет никакого сомнения, что основной причиной ялуторовских перемен являлись не личные колебания сибирских администраторов, а общие условия социально-политической жизни. Николаевская реакция, усилившаяся после 1848 г., не пощадила скромной ланкастерской школы в городе Ялуторовске. Педагогическое создание Якушкина испытало на себе ту же историческую судьбу, какая выпала на долю ланкастерского образования в царствование Александра I⁴⁶.

Получив амнистию, Якушкин в сентябре 1856 г. покинул Ялуторовск, простившись со своею ланкастерской школой. Живя под Москвой, он продолжал интересоваться успехами «девичьего училища» и поддерживал переписку с бывшей ученицей А. Н. Балакшиной. Незадолго до смерти он написал ей дружеские, теплые строки: «Ты очень меня порадовала, вспоминая с любовью о былом; я также вспоминаю о нем, как о прекрасном времени моей жизни. Любивши вас всех так, как я вас любил, посреди вас я жил полною жизнью, а если когда надоедал вам, то это происходило от излишнего рвения к вам». Женское училище недолго пережило отъезд И. Д. Якушкина. Сначала оно перешло в ведение Седачева, а после его смерти — под руководство учителя, присланного «из дирекции». Судя по сведениям, полученным Е. И. Якушкиным, сыном декабриста, ялуторовская школа отступила от ланкастерского метода и сравнялась с обыкновенными казенными училищами. О. Н. Балакшина (сестра учительницы школы) находила, что уход И. Д. Якушкина сыграл роковую роль в истории школы: «После его отъезда из Ялуторовска школа разрушилась; хотя и много лиц заведуют и хлопочут тут, но ничего не могут поделать теперь — нет другого такого И. Д. Якушкина, верно не будет никогда». Живые и благодарные воспоминания о школе долго сохранялись не только у бывших учеников декабриста, но и в широких кругах ялуторовского населения. По мнению одного из местных мемуаристов, ялуторовское женское училище явилось праматерью женского образования в Западной Сибири⁴⁷.

V

Подводя итоги своей педагогической деятельности, И. Д. Якушкин вынес определенную оценку ялуторовской школе. Отметив ее практическое значение — подготовку мальчиков в духовную семинарию и уездное училище, он остановился на ее общем образовательном влиянии: «Несколько сот мальчиков из крестьян, мещан и солдатских детей, перебивавших в ялуторовском духовном училище, читая сотни таблиц и писавши ежедневно со слов старшего или наизусть то, что они перед тем читали, научились порядочно читать, писать и считать, сверх того, во время пребывания своего в училище они очевидно осмыслились; но для них было бы несравненно полезнее научиться читать и писать и осмыслиться по таблицам, содержащим основные принципы предмета им более близкого по их положению и состоянию. Тогда приобретенные ими знания не пришлось бы им впоследствии забыть, как большая часть учеников забывает русскую грамматику и другие предметы, им преподаваемые в низших учебных заведениях... Точно то же должно сказать и о предметах преподавания в училище для девиц, где все эти предметы проходили потому только, что по принятому обычаю они преподаются во всех низших учебных заведениях».

Эта заключительная оценка крайне характерна для социально-педагогических воззрений Якушкина. Оставаясь верным своим принципиаль-

ным предпосылкам, Якушкин расценивает успехи ялutorовской школы с точки зрения «осмысления» обучаемых школьников; но основной недостаток преподавания он видит не в механичности восприятия учащихся, не в преобладании словесного материала и не в ограниченных рамках общеобразовательных предметов; он видит основной недостаток в несоответствии между программой ялutorовской школы и социальным положением обучающихся школьников. Для того чтобы достигнуть максимального педагогического эффекта, начальная школа для «простого народа» должна была получить более специальный практический уклон; другими словами, она должна была обучать крестьянских детей начаткам агрономии и мецанских детей — ремесленному производству. Таков естественный вывод, который вытекает из общей оценочной характеристики Якушкина.

Не нужно думать, что, высказывая подобное пожелание, Якушкин приближался к идеалу политехнического образования. Его исходная точка зрения была совершенно иной — она предполагала различные типы начального образования: с одной стороны, общеобразовательную школу, обучающую не только естествознанию, но и грамматике, истории, географии и иностранным языкам (правомерности и необходимости подобной программы не отрицал и Якушкин), с другой — прикладную школу, в которой отсутствуют элементы общего образования, а естественнонаучные предметы превращены в базу технического обучения; первая школа функционирует для «высшего состояния», вторая — должна быть создана для «простого народа». Такая начальная школа, приспособленная к «положению и состоянию» низших сословий, не могла разлагать существующих феодальных перегородок, не могла подорвать сословного общества. Силою вещей она должна была консервировать существующие социальные отношения, приспособляясь к обстановке дворянского государства. Может показаться, что Якушкин исходил из реакционных предположений николаевского устава 1828 г., который восстанавливал принцип сословно-обособленной школы для каждого отдельного «состояния». Но такой вывод был бы глубоко ошибочным: реакционное правительство Николая I стремилось задержать и свести на нет массовое народное образование; наоборот, декабрист Якушкин, радуя за прикладную начальную школу, стремился к широкому и более прочному усвоению жизненных знаний в интересах самой трудящейся массы. Больше того, теоретически Якушкин суживал программу начальной школы, а на практике он сильно раздвигал ее суженные границы, старался ввести общеобразовательные предметы, оживить и углубить восприятие учащихся.

Ланкастерская школа в Ялutorовске продолжала сложившуюся социально-педагогическую традицию: в тяжелых условиях николаевской реакции, в обстановке придирчивого полицейского надзора, эта школа выражала передовую буржуазную идею демократизации знаний, но осложненную феодальными педагогическими пережитками. В таком преломлении идея массового образования вдохновляла на общественно-педагогическую деятельность прогрессивное буржуазное дворянство Англии, Франции и России, была источником учреждения просветительных обществ и насаждения массовых школ «взаимного обучения». Тайный союз декабристов явился организованным рупором такого движения; он дал наиболее прогрессивное толкование идеям Ланкастера и проявил энергичную инициативу в деле их практического осуществления. Восторжествовавшая крепостническая реакция оборвала развитие этого процесса. В условиях сибирской полусвободной жизни декабристы снова вернулись

к педагогической деятельности, но в более ограниченных и сильно сдвинутых рамках.

В это время идея массового народного образования увлекала далеко не одного Якушкина; начальные школы для сибирского населения создавались и раньше и позже ялutorовского училища: в Чите — Д. И. Завалишным, в Минусинске — Беляевым, в Олонках — В. Ф. Раевским, в Тобольске — П. Н. Свистуновым¹. К сожалению, мы имеем краткие и глухие сообщения об этих свободных общественных начинаниях «государственных преступников». Однако мы знаем, что ланкастерский метод применялся В. Ф. Раевским и Свистуновым, что программа беляевской школы близко совпадала с программой Якушкина, что по почину Завалишина создавались приходские училища по забайкальским селениям. Таким образом, ялutorовский опыт Якушкина не был изолированным, единичным явлением. С одной стороны, он подхватывал оборванную нить «Союза благоденствия» и его революционных преемников, с другой — он связывался единством внутренней цели с сибирскими опытами других декабристов. Правда, в ялutorовской школе Якушкина мы наблюдаем некоторые искажающие наслоения: условия поднадзорного населения налагали несомненную печать на программу и приемы преподавания — они не допускали никаких революционных тенденций, заставляли «законспирировать» занятия естественными науками, придали благонамеренный оттенок курсу русской истории. Но в общем границы и методы начального обучения сохраняли прежние принципиальные основания и прежнее социально-педагогическое направление. Каждая сибирская школа, основанная декабристами, могла иметь собственные неповторимые особенности; можно предполагать, что ланкастерское училище, основанное В. Ф. Раевским, было демократичнее и ближе к крестьянству, чем ялutorовская школа Якушкина; но эти разнообразные и внешне разрозненные попытки объединяла одна руководящая и вдохновляющая идея: заложить необходимые культурные основания для предстоящего государственного преобразования России. Ланкастерская школа Якушкина раскрывает эти мотивы в наиболее конкретной и развернутой форме: идеология дворянского революционера начала XIX в. со свойственными ему колебаниями и противоречиями пронизывает историю этого интересного социально-педагогического эпизода.

¹ Декабристы на поселении. М., 1926, с. 74.

² Воспоминания Е. П. Оболенского об И. Д. Якушкине. — В кн.: Декабристы и их время. М., 1928, т. 1, с. 192—198; Свистунов П. Н. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14 декабря и о декабристах. — Русский архив, 1870, с. 1633—1788; Неизданная рукопись Н. В. Басаргина. — Каторга и ссылка, 1925, № 5; Заметки А. П. Созонович по поводу статьи К. М. Голодников. — В кн.: Декабристы: Материалы для характеристики / Под ред. П. М. Головачева. М., 1907, с. 122—162; Воспоминания о декабристах в Сибири, записанные со слов их ученицы О. Н. Балакшиной. — Сибирские огни, 1924, № 3, с. 178—181.

³ Турбин С., Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие люди. СПб., 1872 (под псевдонимом Старожил скрывается М. С. Знаменский, который в беллетристической форме, под вымышленными именами, описывает ялutorовских декабристов и педагогическую работу И. Д. Якушкина); Сорок лет назад. — Сибирский вестник, 1885, № 2, 3; Голодников К. М. Государственные и политические преступники в Ялutorовске и Кургане. — Исторический вестник, 1888, № 12; Голодников К. М. Декабристы в Тобольской губернии. Тюмень, 1899; Максимов С. В. Сибирь и каторга. — Собр. соч. М., 1896, т. 3, с. 315, 318, 319; Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, с. 242, 243.

⁴ Голодников К. М. Декабристы в Тобольской губернии; Пуштин И. И. Записки о Пушкине и письма. М.; Л., 1927, с. 101.

- ⁵ Письмо датировано 1845 г., когда А. В. Ентальцев был уже психически болен, а Н. В. Басаргин еще не приезжал из Омска.
- ⁶ Балакишин Б. С. Воспоминания о декабристах в Сибири.— Сибирские огни, 1924, № 3, с. 178; Декабристы: Материалы для характеристики, с. 138, 143—146; Пущин И. И. Указ. соч., с. 152—162; ЦГАОР СССР, ф. 279 (Якушкины), оп. 1, д. 92 (письма И. И. Пущина к И. Д. Якушкину, 5 сент. 1841 г., 28 февр. 1842 г., 11 июля 1840 г., 5 сент. 1840 г.), л. 151 об., 182, 183, 40—42, 51—54.
- ⁷ Картина, несомненно, написана с натуры. Можно предполагать, что она принадлежит кисти художника М. С. Знаменского, бывшего ученика И. Д. Якушкина (в настоящее время эта картина М. С. Знаменского хранится в Музее А. С. Пушкина в Москве). Ср.: Описание камеры Петровского завода, сделанное И. Д. Якушкиным в письме к Н. Н. Шереметевой.— Из переписки декабристов.— Голос минувшего, 1915, № 3.
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 37, 34, 35 (Записки по химии, ботанике, зоологии, ошибочно причисленные к материалам ялutorовской школы); Заметки А. П. Созонова..., с. 128, 147; Турбин С., Старожил. Указ. соч.; Неизданная рукопись Н. В. Басаргина, с. 166; Свистунов П. Н. Указ. соч.; ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 760, л. 1—1 об. (письмо И. Д. Якушкина к Е. И. Якушкину из Ялutorовска, 19 дек. 1852 г.); Записки И. Д. Якушкина. 7-е изд. М., 1926, с. 109; Воспоминания Е. П. Оболенского об И. Д. Якушкине, с. 193; Пущин И. И. Указ. соч., с. 132, 137; Из переписки декабристов.— Голос минувшего, 1915, № 3, с. 210—211.
- ⁹ Шаховской Д. Якушкин и Чаадаев.— В кн.: Декабристы и их время. М., 1932, т. 2, с. 193; Чернов С. Н. Четыре письма неизвестного к декабристу И. Д. Якушкину. Саратов, 1927; Он же. Из отчета о командировке в Москву и Ленинград осенью 1922 г. Саратов, 1924, с. 16—17; Восстание декабристов. М.; Л., 1927, т. 3, с. 48. (Далее: ВД); Записки И. Д. Якушкина, с. 100—101.
- ¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 30 (Рассуждение названо систематизаторами архива «Эмбриология и вопросы о жизни»; [в настоящее время после обработки фонда эти записки озаглавлены «Что такое человек»] и также отнесены к материалам ялutorовской школы).
- ¹¹ Шаховской Д. Указ. соч., с. 168; Якушкин Е. Е. Мысловский и декабристы: (Рукопись); Из переписки декабристов, с. 211, 213; Записки И. Д. Якушкина, с. 134; ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 39.
- ¹² ВД, т. 3, с. 37—60; Записки И. Д. Якушкина, с. 11—73.
- ¹³ А. Д. Копьев — офицер Измайловского полка, писатель, драматург, известный своим остроумием; в наместку над прусской формой, введенной при Павле I, за-казал ее в утрированном виде и был разжалован за это в солдаты.
- ¹⁴ Декабристы на поселении, с. 104—106; Записки И. Д. Якушкина, с. 105, 81; Якушкин И. Д. Четырнадцатое декабря.— В кн.: Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1931, т. 1, с. 165—178; Из бумаг И. Д. Якушкина.— Былое, 1906, № 4, с. 188, 189; Свистунов П. Н. Указ. соч., с. 1657.
- ¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 109, л. 173, 174 (письмо Н. Н. Шереметевой к И. Д. Якушкину из Покровского, помеченное «1 сентября»); Знаменский М. С. И. Д. Якушкин.— Сибирский сборник, 1886, т. 3, с. 87; Голодников К. М. Декабристы в Тобольской губернии, с. 6; Пущин И. И. Указ. соч., с. 161; Свистунов П. Н. Указ. соч., с. 1659—1660.
- ¹⁶ Мединский Е. Н. История педагогики. М., 1926, т. 2, с. 78—91.
- ¹⁷ Под «учебным телеграфом» разумелось выставление около каждой группы высокого пестика с отметкой о выполнении задания.
- ¹⁸ Гамель И. Описание способа взаимного обучения по системе Белля, Ланкастера и других. СПб., 1820; Bouisson F. Nouveau dictionnaire de pedagogie et d'instruction primaire. P., 1911, p. 1381—1387, 945—948, 174; Ланкастерские школы.— Сын отечества, 1818, ч. 47, 48; Модзалевский Л. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб., 1866, с. 901—920.
- ¹⁹ Bouisson F. Op. cit., p. 1907—1911; Речь президента Парижского общества первоначального обучения герцога де-Ла-Рошфуко.— Сын отечества, 1819, ч. 54, с. 263; О взаимном обучении (Из «Minerve française»).— Там же, ч. 53, с. 3—16; Ср.: Гамель И. Указ. соч., с. 3, 8, 9.
- ²⁰ Bouisson F. Op. cit., p. 174; Гамель И. Указ. соч., с. 202, 313; Ланкастерское училище в Киеве (около 1820 г.): Записки Ив. Ром. Мартоса.— Киевская старина, 1897, кн. 58, с. 65.
- ²¹ Bouisson F. Op. cit., p. 1381—1387, 1907—1911; Гамель И. Указ. соч.; Новости литературные.— Сын отечества, 1819, ч. 54, с. 278, 279; Северная почта, 1815, № 3 (Известия внутренние).
- ²² Гамель И. Указ. соч., с. I—VI, 1—16; Северная почта, 1815, № 3 (Известия внутренние); 1816, № 2 (Письмо из Лондона); 1818, № 103 (Из Могилева); Ланкастер-

- ские школы.— Сын отечества, 1818, ч. 48, с. 9; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875, т. 1, с. 889, 1018, 1185, 1273, 1286, 1670—1671, 1727—1729, 1753; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е.в. канцелярии. СПб., 1893, вып. 6, с. 206; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930, с. 393—404 и след.; Ланкастерское училище в Киеве (около 1820 г.): Записки Ив. Ром. Мартоса.— Киевская старина, 1897, кн. 58, с. 55, 65; *Остолопов Николай.* Письмо к издателю из Вологды.— Сын отечества, 1820, ч. 60, с. 38—40; Об открытии в Туле школы взаимного обучения.— Журнал имп. Человеколюбивого общества, СПб., 1820, ч. 14, с. 72—80; Выписка из отчета Петербургского общества учреждения училищ взаимного обучения.— Сын отечества, 1823, ч. 84; Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899, т. 1, с. 335; *И. Г. Первая в России ланкастерская школа.*— Исторический вестник, 1887, т. 29, с. 650 и след.; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., [1910], с. 169, 183, 184; *Рождественский С.* Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I.— Русское прошлое, 1923, № 5; *Томашевская Н.* Ланкастерские школы в России.— Русская школа, 1913, № 3; *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1908, с. 338, 339; *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 672—674.
- ²³ *Греч Н. И.* Руководство по взаимному обучению. СПб., 1819; *Александров Г. Н.* Очерки моей жизни.— Русский архив, 1904, № 12, с. 475 и след.; О новейших методах первоначального обучения.— Сын отечества, 1818, ч. 46, 47; Ланкастерское училище в Киеве (около 1820 г.): Записки Ив. Ром. Мартоса; *Рождественский С.* Указ. соч., с. 46.
- ²⁴ Бумаги кн. И. В. Васильчикова.— Русский архив, 1875, кн. 1, с. 351, 352; кн. 2, с. 65, 128, 325, 451; Переписка И. В. Васильчикова с кн. П. М. Волконским по делу возмущения Семеновского полка, 1820—1821 гг.— Русская старина, 1871, т. 4, с. 656—657; Переписка начальника Главного штаба П. М. Волконского с дежурным генералом Главного штаба А. А. Закревским.— Сборник имп. Русского исторического общества. (Далее: Сб. РИО). СПб., 1890, т. 73, с. 58, 111, 156; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни, с. 408; *Шильдер Н. К.* Два доноса в 1831 г.— Русская старина, 1899, февр., с. 308; *Рождественский С.* Указ. соч., с. 44, 45, 47, 48; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Указ. соч., с. 199 и след.; *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений СПб. учебного округа с 1715 по 1828 г. СПб., 1849, с. 155—157, 221—225; *Он же.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений СПб., учебного округа с 1829 по 1853 г. СПб., 1854, с. 225; *Петров В. В.* Столетие Военного министерства, 1802—1902 гг. СПб., 1902, с. 109, 124.
- ²⁵ Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 г.— Русский архив, 1875, кн. 3, с. 425; *Гершензон М. О.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, с. 36; *Семевский В. И.* Указ. соч., с. 672; Речь, произнесенная вице-президентом киевского отделения Библийского общества в торжественном собрании 11 августа 1819 г.— Сб. РИО. СПб., 1891, т. 78, с. 519—528; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1897, с. 64; То же — за 1896 г. СПб., 1900, с. 192, 193; *Гершензон М. О. М. Ф. Орлов.*— В кн.: История Молодой России. М.; Пг., 1923, с. 10—13; Ланкастерское училище в Киеве (около 1820 г.): Записки Ив. Ром. Мартоса, с. 678.
- ²⁶ Проект устава Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения Беля и Ланкастера, 1818.— Русская старина, 1881, т. 30, с. 181; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875, т. 1, с. 1230—1236, 1311; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 232 (Показания Ф. П. Толстого); Воспоминания Т. П. Пассека.— Русская старина, 1878, февраль, с. 209—222; ВД. М.; Л., 1925, т. 1, с. 42, 86; М.; Л., 1926, т. 2, с. 166; О существующих в России училищах взаимного обучения.— Соревнователь просвещения, 1823, ч. 22, с. 104; ср.: Сын отечества, 1823, ч. 84, с. 97—107; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Указ. соч., с. 241; Записки И. Д. Якушкина, с. 60.
- ²⁷ Всеподаннейший доклад начальника Главного штаба по делу В. Ф. Раевского.— В кн.: *Щеголев П. Е.* Декабристы. М.; Л., 1926, с. 59; Декабристы: Отрывки из источников / Под ред. Ю. Г. Оксмана. М.; Л., 1926, с. 183—196; Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди.— Русский архив, 1866, с. 1437; ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 643, л. 21 (письмо П. Н. Свистунова Е. И. Якушкину, 4 мая 1872 г.).
- ²⁸ Записки И. Д. Якушкина, с. 35, 40, 48, 58—61; Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. М., 1913, т. 1, с. 363 (письмо И. Д. Якушкина из Жукова, 4 марта 1825 г.).
- ²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 24, 26; д. 49, л. 1—2 (копия письма И. Д. Якушкина С. П. Трубецкому, 25 окт. 1841 г.).
- ³⁰ Воспитанница М. И. Муравьева-Апостола, ученица И. Д. Якушкина.
- ³¹ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 24 (цитированное письмо Е. П. Оболенского Е. И. Якушкину, 20 нояб. 1857 г. в настоящее время в фонде отсутствует); д. 92,

- л. 202—205, 218, 219, 224, 225, 271 (письма И. И. Пущина И. Д. Якушкину 4 июня, 19 сент., 3 нояб. 1842 г.); Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864, т. 2, отд. 1, с. 154; *Князьков С. А., Сербов Н. И.* Указ. соч., с. 204; *Знаменский М. С.* Указ. соч.; Воспоминания Е. П. Оболенского об И. Д. Якушкине, с. 195; *Турбин С., Старожил.* Указ. соч.; Воспоминания... записанные со слов... О. Н. Балакшиной. с. 179; Заметки А. П. Созонович..., с. 132.
- ³² Воспоминания... записанные со слов... О. Н. Балакшиной, с. 179—180; *Турбин С., Старожил.* Указ. соч., с. 329.
- ³³ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 24; д. 613 (цит. письмо Е. П. Оболенского); Воспоминания... записанные со слов... О. Н. Балакшиной, с. 179—180.
- ³⁴ В качестве примера можно привести определение «совершенного вида» в глаголах: «[вид] совершенный означает действие, не определяя его, что оно начато или кончено: рассмотреть, я рассмотрел. В первом случае он называется вид совершенно начинательный и составляется с глаголом начинательным стать. Во втором случае вид совершенно окончательный, с предлогом».
- ³⁵ Например: «Строгое исполнение своих обязанностей приносит честь человеку и гражданину». «Великий Суворов — честь своего века — навсегда прославил Россию громкими своими победами в Турции, Польше и Швеции».
- ³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 24, 28, 29, 31, 38, 40 (черновые конспекты И. Д. Якушкина и копии стенных таблиц по разным предметам); цит. письмо Е. П. Оболенского; ОПИ ГИМ, ф. 282, д. 280 (Тетрадь по зоологии И. Д. Якушкина); Воспоминания..., записанные со слов... О. Н. Балакшиной; Заметки А. П. Созонович..., с. 142; Неизданная рукопись декабриста Н. В. Басаргина.— Каторга и ссылка, 1925, № 5, с. 165; *Турбин С., Старожил.* Указ. соч., с. 334.
- ³⁷ Декабрист М. А. Фонвизин.
- ³⁸ Фелицын — тобольский чиновник.
- ³⁹ Священник С. Я. Знаменский.
- ⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 92, л. 224, 225, 279—298 (письма И. И. Пущина И. Д. Якушкину 3 нояб. 1842 г., 15 янв. [1843 г.]); *Знаменский М. С.* Указ. соч.; Воспоминания М. Д. Францевой.— Исторический вестник, 1888, т. 6, с. 610—640.
- ⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 232, л. 29, 43 об. (письма И. И. Пущина М. И. Муравьеву-Апостолу 14 июля, 31 авг. 1849 г.); цит. письмо Е. П. Оболенского; д. 24, 32 (отчет, конспекты по французскому языку); д. 232, л. 28—29 (письмо И. И. Пущина М. И. Муравьеву-Апостолу, 14 июля 1849 г.); *Знаменский М. С.* Указ. соч., с. 90; Заметки А. П. Созонович..., с. 133—140.
- ⁴² Седачев — сначала причетник, потом дьякон ялutorовского собора, был надзирателем мужского училища.
- ⁴³ Декабрист Степан Михайлович Семенов, служивший советником Тобольского губернского правления.
- ⁴⁴ Декабрист Александр Михайлович Муравьев, служивший канцелярским чиновником Тобольского губернского правления.
- ⁴⁵ Кн. П. Д. Горчаков, генерал-губернатор Западной Сибири.
- ⁴⁶ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1, д. 65 (письма С. Я. Знаменского И. Д. Якушкину, 23 мая, 12 окт. 1850 г.); д. 24; *Знаменский М. С.* Указ. соч., с. 95—97; *Свистунов П. Н.* Указ. соч., с. 1660.
- ⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 279, оп. 1 (письмо О. Н. Балакшиной М. И. Муравьеву-Апостолу в настоящее время в фонде отсутствует); д. 46 (фотокопия письма И. Д. Якушкина А. Н. Балакшиной); д. 451, л. 7 (письмо Н. Балакшина Е. И. Якушкину 9 окт. 1859 г.); *Знаменский М. С.* Указ. соч., с. 86.
- ⁴⁸ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. Мюнхен, 1906, ч. 4, с. 267—268, 274, 275; *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережившем. СПб., 1882, с. 297; Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925, с. 32, 33, 70.

А. ГАКСТГАУЗЕН И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ

Имя Августа Гакстгаузена и его трехтомное сочинение о путешествии по России¹ были широко известны в русских правительственных и общественных кругах 40—70-х годов XIX в. И путевые впечатления Гакстгаузена, и его многократные выступления в печати стали крупным явлением в истории русско-германских культурных связей в переломный период перехода от феодальной формации к капитализму.

Барон Август фон Гакстгаузен вышел из среды землевладельческой знати Вестфалии и был воспитан в строгих правилах католической церкви и консервативного монархизма. В юности он принял активное участие в национально-освободительной войне 1813 г., а после ее окончания сблизился с представителями немецкого романтизма и исторической школы права, воплотивших в себе реакцию против Французской буржуазно-демократической революции. Устремление в прошлое, поиски самобытных начал германской народности, резкое отрицание просветительских идей XVIII в. навсегда определили политическую позицию Гакстгаузена. Его идеалом была эпоха феодального средневековья: его вдохновляло иллюзорное представление о гармоническом единстве Священной Римской империи, германской нации и всемогущего престола римского папы. События новой европейской истории представлялись ему в виде смены добровольного христианского подчинения власти языческим «обоготворением человечества»; он видел в ней крушение великих начал далекого и невозвратного прошлого². В течение ряда лет Гакстгаузен управлял имением своего отца и интересовался аграрными отношениями Германии: в них он искал утраченную органичность и цельность немецкого народа — в соответствии с принципами своего мировоззрения. Он обстоятельно изучил аграрный строй прусских провинций и в качестве королевского советника принял участие в подготовке прусских аграрных законов. Обследуя бывшие славянские земли, Гакстгаузен обратил внимание на остатки общинного строя, которые показались ему загадочными и необычными для немецкой деревни. У него возникло желание изучить славянскую общину не только по сочинениям и документам, но и путем живого восприятия действительности³.

А. Гакстгаузен попросил русское правительство разрешить ему объехать Россию, изучить ее производительные силы, сельские отношения, обычаи и нравы, считая, что итоги этой поездки будут полезными не только России, но и Западной Европе. Николай I дал Гакстгаузену разрешение при условии, что его путешествие будет не правительственным, а частным делом. Гакстгаузен был радушно встречен в официальных и дворянских кругах Петербурга; к нему были прикомандированы образованные чиновники, хорошо знавшие немецкий язык; лучшие специалисты Министерства государственных имуществ доставили ему статистические материалы; по всем губерниям, входившим в разработанный маршрут, были разосланы предписания оказывать Гакстгаузену всемерное содействие; все расходы по путешествию взяло на себя русское правительство.

В течение шести месяцев Гакстгаузен осмотрел обе столицы, объехал

часть северных районов, почти все Поволжье и несколько губерний Черноморского центра, побывал в Крыму и Закавказье, познакомился со значительной частью Украины и осенью 1843 г. возвратился в Москву. Здесь он общался не только с местной аристократией, но и с представителями дворянской интеллигенции, присутствовал при спорах между западниками и славянофилами и особенно часто беседовал об общине с Константином Аксаковым⁴. Покидая Россию, он получил согласие русского правительства субсидировать издание его будущего сочинения и начал обработку накопленного материала с командированным в Берлин чиновником киселевского министерства. Подготовительная работа заняла у Гакстгаузена три года: первые два тома его «Studien» вышли на немецком языке в 1847 г.⁵

Книга была снабжена не только описанием живых эпизодов, но и цифровыми данными, почерпнутыми в центральных и местных учреждениях. Сообщаемые факты автор сопровождал личными размышлениями и обобщающими выводами. Его основное внимание было сосредоточено на значении русской поземельной общины и на деятельности самоуправляющегося крестьянского «мира»; попутно, в противовес характеристике крупной промышленности, давалась сочувственная оценка мелкой промышленной артели. А. Гакстгаузен рассматривал русскую крестьянскую общину в полном соответствии с воззрениями славянофилов: по его мнению, это было самобытное исконное учреждение, которое органически выросло из славянской патриархальной семьи и легло в основу государственного строя России. Петровские реформы не затронули этого старинного основания народной жизни — оно сохранило свою самостоятельность и животворную силу. Между высшими классами, которые заимствовали европейские вкусы и нравы, и широкими народными массами образовалась зияющая пропасть. Однако крестьянская община во всех ее вариантах осталась прочным оплотом нормальной государственной жизни: она оградила Россию от появления пролетариата, а следовательно, от разрушительных начал нового времени. То, чего добиваются на Западе социалисты и коммунисты, существует в России как непреложный факт всей русской истории. Таким образом, Гакстгаузен нашел в николаевской России известное осуществление своего идеала — патриархальные сельские отношения, воплощающие в себе, с его точки зрения, органическое и цельное развитие народной жизни.

А. Гакстгаузен не был «первооткрывателем» крестьянской общины: о наличии крестьянского «мира» с общинными пределами и круговой порукой хорошо знал каждый русский помещик. В XVIII в. общину описывали И. Н. Болтин и А. Н. Радищев⁶. В начале XIX в. среди образованного дворянства и в правительственных органах велась кампания против устарелого общинного землепользования в целях рационализации сельского хозяйства. Институту поземельной общины противопоставлялся принцип частной буржуазной собственности на землю: на этом основании был построен закон 1803 г. о свободных хлебопашцах и проекты реформы государственной деревни 20—30-х годов XIX в. Эту мысль мы находим и в революционном проекте конституции декабриста Никиты Муравьева, и в замечаниях его оппонента кн. С. П. Трубецкого⁷. Однако с 30—40-х годов XIX в. отрицательные стороны капитализма в Западной Европе, бедственное положение европейского пролетариата и распространение социалистических идей поколебали в глазах правительства и консервативного дворянства идею свободного, рационально поставленного «фермерства». Поземельная община с ее уравнительными пределами

стала рассматриваться как гарантия против образования пролетариата, как охранительное начало, которое ставит преграду всяким «разрушительным теориям». Славянофилы подняли эту точку зрения на высоту историко-философской концепции: в поземельной общине и самоуправляющемся «мире» с его сходами и старостами они усмотрели исконное самобытное начало славянской, и в частности русской, жизни — не только своеобразное, но и противоположное западноевропейскому разлагающему принципу частной собственности. В 1838 г. Иван Киреевский впервые сформулировал эту основополагающую мысль славянофильского кружка. Ту же идею повторил в 1842 г. (т. е. ранее путешествия Гакстаузена) А. С. Хомяков, утверждавший, что мирская община спасает русского поселеника от состояния западного пролетария⁸. Константин Аксаков специально занялся изучением старинных грамот, чтобы показать исконное происхождение русской общины, ее внутреннюю нравственную связь, свободное самоуправление и патриархально-семейный характер⁹. Именно эту сторону славянофильского учения воспринял немецкий исследователь, подготовленный к таким выводам всем своим мировоззрением и поисками решения «загадочных» вопросов, связанных с пережитками славянского прошлого.

А. Гакстаузен выпустил третий, обобщающий том своего сочинения через пять лет после двух первых. За это время Западная Европа пережила революцию 1848 г., кровавую расправу с пролетарским восстанием в Париже и реакционный венгерский поход 1849 г., организованный Николаем I. А. Гакстаузен был непосредственным свидетелем революции в Германии, наблюдал распространение социалистических идей и сочувственно воспринял победу реакции у себя дома и в соседних странах. Впечатления бурных месяцев 1848—1849 гг. не могли не отразиться на его обобщающих выводах. Концепция общинно-патриархального строя России, уже намечавшаяся в I и II томах «Studien», получила более развитую и заостренную форму. Прежняя проблема приобрела всемирно-историческую постановку. Что такое Россия в отличие от Западной Европы и каково ее значение в развитии мировой цивилизации? Содержание III тома было подробно мотивированным ответом на этот главный вопрос. Сила России, утверждал Гакстаузен, в однородности ее населения, в единстве ее языка, обычаев, общественного и политического строя, который уходит корнями в глубокое прошлое и придает всему государству органичность и цельность. А. Гакстаузен не отрицал необходимости и целесообразности петровских реформ — в этом отношении он открыто расходился с учением славянофилов. По его мнению, Россия — страна европейская и заимствование романо-германской культуры было для нее необходимым этапом после освобождения от ига татаро-монголов. Но в отличие от Запада, Россия не имеет дворянства, глубоко и прочно связанного с землей; русское дворянство — служилое сословие, созданное государственной властью, ничем не отличающееся по своим нравам от светского общества западноевропейских стран. Бюрократия, созданная Петром I, так же как в Европе, является злом, но злом наименьшим: она вторгается в народную жизнь, подрывает ее старинные устои, но, осуществляя политику абсолютизма, спасает народ от разрушительных теорий нового времени. Подлинное могущество народа коренится в его семейно-патриархальном быте, в славянской поземельной общине, в свободном самоуправлении, в самостоятельно организующейся артели. Находясь между Западной Европой и Азией, Россия выполняет великую миссию распространения христианской романо-германской культуры

среди отсталых азиатских народов. А. Гакстгаузен убежден, что в конце концов восточная церковь соединится с западной и тем самым единство европейского мира будет окончательно упрочено. Россия спасла Европу от революции, опираясь на могущественную силу своих патриархальных принципов. Отец — в семье, выборный староста — в общине и неограниченный царь — во главе государства связаны друг с другом неразрывной связью исторического развития и преемственности. Могущество и величие России непоколебимы, ее народ и ее армия стоят на страже ее исторического строя. Так выглядит феодально-реакционная концепция бар. А. Гакстгаузена, продиктованная его классово-помещичьей позицией и обрамленная в религиозно-монархическую форму¹⁰.

«Studien» Гакстгаузена не могли быть точным отображением русской действительности. Не зная русского языка, немецкий исследователь зависел от правительственных чиновников и в выборе объекта своих наблюдений, и в понимании явлений незнакомой ему жизни. А главное, Гакстгаузен подходил к русской, в частности к деревенской, жизни с точки зрения сложившегося мировоззрения немецкого полуфеодального помещика. Приехав в Россию, он уже имел определенный критерий для отбора и освещения своих путевых впечатлений. Кроме того, он не мог не учитывать отношения к его будущему труду со стороны русского правительства: прося субсидии на издание своего исследования, он посылал в Петербург все подготовленные тома своих «Studien» для предварительного ознакомления. А. Гакстгаузен не увидел в России жестокой эксплуатации крепостного крестьянства, не уловил процесса разложения крепостного строя, не понял природы и страшного влияния николаевского деспотизма. Слушая споры западников и славянофилов, он полагал, что эти молодые люди просто «фрондеры», критикующие правительство под влиянием разрушительных теорий Запада.

Однако при всех недостатках сочинение Гакстгаузена стало важным источником для понимания аграрных отношений в России. Автор подходил к явлениям русской жизни с чрезвычайным интересом и большой наблюдательностью; обладая широким знанием сельского хозяйства, он умел уловить многие характерные черты деревенского быта. Его конкретные описания, добросовестно изложенные в хронологическом порядке, до сих пор не потеряли своего научного значения. Именно поэтому сочинение Гакстгаузена приобрело такой авторитет в широких кругах русского образованного общества. Что касается его общей концепции, то она возбудила живые споры, особенно по вопросу об исторической роли поземельной общины.

Первый, кто публично высказался о книге Гакстгаузена, был русский эмигрант, революционный демократ А. И. Герцен. Еще в России Герцен сосредоточенно размышлял о положении русского крестьянства. По его собственным словам, он познакомился с деревенской жизнью не только в поместьях своего отца, но и во время своей ссылки в Вятской и Новгородской губерниях¹¹. Еще в Москве Герцен имел с Гакстгаузенем продолжительную беседу, которую изложил в своем дневнике 13 мая 1843 г.: «Я имел случай говорить с Якстгаузенем; меня удивил ясный взгляд на быт наших мужиков, на помещичью власть, земскую полицию и управление вообще. Он находит важным элементом, сохранившимся из глубокой древности, общинность, его-то надобно развивать сообразно требованиям времени...»¹².

Уже тогда Герцен поставил перед собой вопрос о жизненных силах русской поземельной общины; однако он не мог согласиться с мнением

славянофилов и склонялся к мысли о застойном характере этого института, заглушающего протест против крепостного гнета¹³. Совершенно иную постановку приобрел для Герцена вопрос об общине, когда он пережил кровавое подавление революции 1848 г. Он ехал во Францию, а затем в Италию с иными мыслями и чувствами, чем ехал Гакстгаузен из Германии в Россию. Очарованный западноевропейской культурой, Герцен преклонялся перед демократическими лозунгами Великой французской революции, с которыми связывал свои молодые мечты о неминуемом торжестве социализма. Непосредственно пережив на улицах Рима и Парижа праздничное торжество «весны народов», Герцен был потрясен победой буржуазной реакции, которая разрушила его иллюзорную веру юношеских дней. В обстановке беспощадной и жестокой реакции Герцен пришел к выводу о близком крушении европейской цивилизации. Он чувствовал вокруг себя веяние смерти, у него не осталось никаких надежд на возрождение западноевропейской демократии; бессилие масс и их революционных вождей повергло его в состояние безнадежного отчаяния¹⁴. В такой обстановке Герцен прочел первые два тома сочинения Гакстгаузена, еще раз продумал свои прежние споры со славянофилами и, охваченный любовью к покинутой родине, пришел к выводу, что Гакстгаузен прав в своей оценке русской общины и артели. Перед Герценом, по его словам, забрезжила «едва заметная полоска на востоке, намекающая на дальнее утро, перед наступлением которого разразится не одна туча»¹⁵. Уже в конце 1849 года, который Герцен проклял за все его преступления перед человечеством, он опубликовал на французском языке свою замечательную статью «Россия», в которой изложил мнение Гакстгаузена, характеризуя его как «консерватора, эрудита старого закала и благосклоннейшего в мире наблюдателя». В этой статье Герцен заложил основы своей утопической теории «русского социализма». Разделяя иллюзии немецкого путешественника (но далеко не все!), Герцен писал: «А. Гакстгаузен совершенно прав: социальное устройство сельских общин в России — истина столь же великая, как и могущественная славянская организация политической системы. Община является собственником и объектом обложения; она ответственна за всех и каждого в отдельности, а потому автономна во всем, что касается ее внутренних дел... Сельский пролетариат в России невозможен»¹⁶.

Однако, соглашаясь с Гакстгаузенем, что сельская община «животворящая монада русского государства», Герцен подошел к вопросу с диаметрально противоположной точки зрения, чем прусский королевский советник: он был убежден, что одряхлевшая культура германо-романского мира должна уступить место страстно ожидаемому социалистическому строю. То, что является для Запада только надеждой, к которой устремлены его усилия, говорил он, «для нас уже действительный факт, с которого мы начинаем; угнетенные императорским самодержавием, мы идем навстречу социализму, как древние германцы, поклонявшиеся Тору или Одину, шли навстречу христианству»¹⁷. Если Гакстгаузен неразрывно объединял сельскую автономную общину с властью императора, то Герцен, наоборот, резко противопоставлял самостоятельную самоуправляющуюся общину деспотизму царского самодержавия; если Гакстгаузен видел в католицизме высшую силу христианского мира, то Герцен, наоборот, радовался, что русский народ не был развращен католицизмом, что он свободен от всяких духовных оков, которые мешают наступлению мира свободы и равенства. Герцен был согласен с Гакстгаузенем, что русское дворянство не имеет глубоких и самостоятельных корней в стра-

не, что оно представляет собою служилое сословие, подчиненное власти, но он выделял из состава дворянства среднюю прослойку, центром которой является Москва: именно здесь, по его мнению, таится зародыш будущей революции, именно тут, несмотря на оторванность от народа, «кипит множество страстей и сил», которые нашли свое воплощение в поэзии А. С. Пушкина и восстании декабристов. Словом, вместо феодально-патриархальной концепции Гакстгаузена Герцен развивал революционное учение о крушении абсолютизма и освобождении подавленной сельской общины¹⁸.

С этого момента на протяжении многих лет Герцен неустанно пропагандировал свою теорию «русского социализма» и перед западноевропейским читателем, и перед своими московскими друзьями. Не отрицая, что работа Гакстгаузена «интересный, но неистово реакционный труд»¹⁹, Герцен использовал его конкретные данные, окончательно сформулировав свою концепцию в ряде статей: «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия». Сельская община в представлении Герцена стала великим историческим достижением русского народа: «Община,— по его словам,— спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно дожидается развития социализма в Европе»²⁰. Сочетание западноевропейских социалистических идей с русским общинным миром обеспечит победу социализма и обновит дряхлеющую западноевропейскую цивилизацию.

Появление третьего тома сочинения Гакстгаузена заставило Герцена резче отмежеваться от его феодально-патриархальной теории. Это было тем более необходимо, что сам Гакстгаузен на страницах этого тома противопоставил свое понимание русской общины («как органической принадлежности патриархальной демократии») революционной трактовке Герцена («безжизненному призраку,— как утверждал Гакстгаузен,— современного раздробленного демократического общества»²¹). В 1852—1853 гг. Герцен в статьях «Русское крепостничество» и «Крещеная собственность» по-прежнему соглашался с мнением Гакстгаузена о могучем влиянии русской общины и артели, но в то же время подчеркивал его «неописуемую, неистовую страсть к монархизму», его рабоподобное подчинение гегелевской формуле «всё существующее разумно», его идеализацию патриархальной власти помещика, его «страстную любовь рабства»²².

В своей теории «русского социализма» Герцен применял правильный диалектический метод, он утверждал, что в процессе закономерного развития отставшим народам необязательно проходить все фазы социальной эволюции, что Россия сохранила стихийный зародыш социализма, который расцветет, оплодотворенный передовыми идеями человечества. Но у Герцена, несмотря на его философскую позицию детерминизма, не было конкретного научного анализа ни положения Западной Европы, ни состояния русской общины. Он оставался во власти социального романтизма, ему не хватало собственных наблюдений над русской деревенской жизнью, он не замечал начавшегося процесса разложения общины на территории Европейской России. Между тем в середине XIX в. расслоение крестьян в недрах поземельной общины уже влекло за собой определенные экономические последствия: наряду с общинными землями росло количество участков, приобретенных в частную собственность зажиточными крестьянами; развивалось предпринимательство деревенских

богачей на купчих и арендованных землях; в промышленных артелях верховодили эксплуататоры-подрядчики; общинные наделы иногда сдавались беднякам в аренду тем же предпринимателем; сотни тысяч крестьян наполовину отрывались от земли, поступая на фабрики или отправляясь на сезонные сельскохозяйственные работы. Во всех своих публичных выступлениях — в статьях и на митингах — Герцен повторял абстрактно сформулированный тезис, внушенный ему односторонней характеристикой реальной действительности и утопической верой в животворную силу древнего национального института.

События второй половины 50-х годов нанесли сильнейший удар реакционной концепции Гакстгаузена и заставили русских публицистов придать новую, более реалистическую постановку вопросу о крестьянской общине. Парижский мир 1856 г. подорвал вывод Гакстгаузена о величии и несокрушимой силе николаевской империи; общественное движение в России, переросшее в революционную ситуацию, должно было изменить представление Гакстгаузена о русских «фрондерах», якобы несвойственных характеру русского народа и государства. Подготовка и проведение реформы 1861 г. стали переломным моментом в истории России, важнейшим условием для перехода к буржуазной монархии, которую с такой антипатией наблюдал Гакстгаузен на Западе.

По мере роста общественного подъема и постепенного смягчения правительственной цензуры крестьянский вопрос и, в частности, будущие формы крестьянского землепользования стали центральной проблемой русской публицистики. Уже в 1856 г. ясно определилось два политических течения, противостоявших крепостническому дворянству: буржуазно-либеральное, к которому принадлежали передовые помещики, и революционно-демократическое, выражавшее интересы и чаяния крестьянства. В завязавшемся споре об общине буржуазные либералы повели атаку против теории Гакстгаузена с двух точек зрения: московский ученый Б. Н. Чичерин, ученик Т. Н. Грановского и автор антикрепостнических нелегальных записок, опровергал мнение Гакстгаузена об исконном, самобытно-славянском, патриархально-семейном характере современной поземельной общины в России; профессор И. В. Вернадский, последователь школы вульгарных экономистов, доказывал хозяйственную отсталость и историческую обреченность поземельной общины, которую возвеличивал Гакстгаузен, а вслед за ним — Герцен.

Против буржуазно-либеральной оценки поземельной общины в свою очередь выступил властитель дум молодого поколения, революционный демократ Н. Г. Чернышевский. На страницах «Современника» в 1856—1858 гг. он напечатал серию статей, которые отчасти повторяли призывы Герцена, но во многом отличались от его аргументации. Так же как Герцен, Чернышевский исходил из идей утопического социализма, рассматривая русскую поземельную общину как гарантию против возникновения пролетариата и как зародыш будущего строя экономической ассоциации. Оценивая итоги развития Западной Европы, Чернышевский предпочитал критическую позицию славянофилов безоговорочным восхвалениям западников, но и в Западной Европе он видел зачатки новой неминуемой фазы социалистического производства. Свою первую большую статью на тему об общине Чернышевский целиком посвятил сочинению Гакстгаузена, не скрывая от читателей политической реакционности разбираемого автора: Гакстгаузен, по его словам, «не только не республиканец или хотя бы либерал, но даже не просто консерватор, а такой реакционер, какие в Германии могут быть встречаемы только между

помещиками некоторых прусских провинций»²³. Но не это интересует Чернышевского. Для него важен конкретный материал, сообщаемый Гакстгаузенем, его практические выводы «просвещенного, опытного и проникающего сельского хозяина»²⁴. Чернышевский рекомендует Гакстгаузена как «исследователя, действительно замечательного и основательного, с мнениями которого не всегда можно соглашаться, но неутомимое трудолюбие и обширность знаний которого нельзя не уважать»²⁵. Чернышевский не согласен с мнением Гакстгаузена, что русская поземельная община составляет замечательную особенность славянского быта (так же, как не считает убедительными аргументы Чичерина о недавнем, чисто государственном происхождении этого института). Русская община — остаток патриархального быта, какой пережили все племена Западной Европы, и гордиться этим пережитком нет никакого основания: это результат отсталости русской экономической жизни, «следствие невыгодных обстоятельств нашего исторического развития». Но в данный момент, когда решается вопрос о дальнейшем экономическом развитии России, этот результат исторической отсталости может послужить важной точкой опоры для перехода к более совершенной форме общественной жизни.

В отличие от Герцена Чернышевский реалистически смотрит на ближайшее будущее. Россия уже находится на пороге капиталистического строя: «достоверно, что развитие экономического движения, заметным образом начинающееся у нас пробуждением духа торговой и промышленной предприимчивости, построением железных дорог, учреждением компаний пароходства и т. д., необходимо изменит наш экономический быт, до сих пор довольствовавшийся простыми формами и средствами старины. Волею или неволею мы должны будем в материальном быте жить, как живут другие цивилизованные народы»²⁶. Но история Англии, Франции и других стран показывает, что этот быт несет с собой разорение трудящегося населения. Для Запада уже начинается новая эпоха всемирной истории, возникает переворот, который приведет к более совершенным формам жизни. Переход от частной собственности на землю и промышленные предприятия в форму ассоциации сопровождается мучительными кризисами и труден в силу непривычки европейских земледельцев к общинному труду. Россия находится в ином положении: она может использовать сохранившееся общинное землевладение, общинные привычки и навыки распределения земли, чтобы миновать страдания пролетариата и беспрепятственнее перейти к общинному производству «через пятьдесят, быть может, через тридцать лет или — кто знает, замедлится или ускорится неизбежный ход событий? — быть может, и раньше — будет уже поздно поправлять дело»²⁷.

Чернышевский подробно останавливается на основном аргументе противников поземельной общины — о невозможности вводить сельскохозяйственные улучшения и, следовательно, о невыгодности сельского хозяйства для членов общины. Опираясь статистическими данными, Чернышевский опровергает этот тезис. Пользуясь материалами Гакстгаузена, он показывает многообразие форм общинного землевладения, возможность его приспособления к различным местным условиям и приходит к выводу (отличному от Гакстгаузена), что община, если она освобождена от внешнего насилия и мелочной опеки, не является преградой для улучшения сельского хозяйства. Конечно, благотворное влияние общины возможно только при определенных условиях: если земельная рента поступает трудящемуся земледельцу и если он свободен

от кредитных обязательств. «Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, — говорит Чернышевский, — которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу»²⁸. Если мы расшифруем эту подцензурную формулировку, то мысль Чернышевского будет для нас вполне ясной: условием перехода к общественной форме ассоциации должна быть национализация земли и распределение ее между общинами трудящихся крестьян — без всякого выкупа. Но такое условие предполагало, как необходимую предпосылку, крестьянскую революцию и конфискацию помещичьей собственности.

Чтобы уточнить свою мысль и убедить всех сомневающихся, Чернышевский философски обосновывает диалектический скачок от более отсталой общественной формы к наиболее передовой, «минуя средние логические моменты». Кроме того, в особой статье он решительно выступает против буржуазной теории «laissez faire, laissez passer», обосновывая необходимость активной помощи государства трудящимся массам. Необходимо только, говорил Чернышевский, чтобы деятельность власти была разумною, не принимала формы мелочной опеки, не насилывала людей, а исходила из их добровольных желаний.

Таким образом, используя материалы Гакстгаузена и принимая его вывод о пользе общинного землевладения, Чернышевский вносил в этот вывод новое содержание, развивая и обосновывая тем самые «разрушительные теории», против которых ополчался Гакстгаузен. Аргументация Чернышевского, развернутая в цикле его статей, была неизмеримо конкретнее и реалистичнее, чем пропаганда Герцена²⁹. Однако и там и здесь в основе публицистических выступлений обоих революционных демократов лежала утопическая мысль о возможности социального переворота в России, лишенная научного анализа тех движущих сил, которые могут обеспечить реальный успех подобной революции.

Наряду с «Современником» энергичным защитником крестьянской общины выступил «Колокол», издававшийся в это время Вольной русской типографией Герцена в Лондоне.

Статьи обоих демократических журналов оказали огромное влияние на формирующееся мировоззрение передовой молодежи. Требование сохранить и сделать свободной крестьянскую общину повторялось в революционных прокламациях 60-х годов, в программах различных кружков, в спорах и переписке выдающихся деятелей этого периода. При этом герценовская идея самобытности русской общины явно преобладала над более реалистической точкой зрения Чернышевского. Таким образом, были заложены основы будущего народнического движения, которое окончательно сформировалось на рубеже 60-х и 70-х годов.

Во время подготовки реформы 1861 г. Гакстгаузен издал брошюру, в которой еще раз изложил свою точку зрения на хозяйственное и морально-политическое значение общинного землевладения. Он решительно выступил против намерения некоторых землевладельцев пойти по пути западноевропейских государств и разделить всю крестьянскую наделенную землю между домохозяевами на основе частной собственности. Он утверждал, что Россия — единственная европейская страна, в которой сохранилось общинное землевладение, крепкая основа религиозно-нравственной цивилизации. Разумный государственный деятель не должен покушаться на этот замечательный институт, который имеет огромное значение «для всего мира и для России в особенности»³⁰. По-видимому, доводы Гакст-

гаузена произвели большое впечатление на председателя Редакционных комиссий Я. И. Ростовцева. После оживленного обмена мнений Редакционные комиссии заняли компромиссную позицию, которая в известной мере должна была удовлетворить и сторонников и противников общины. Общинное землевладение сохранялось там, где оно существовало раньше; однако мирскому сходу предоставлялось право большинством двух третей голосов переходить с согласия помещика на подворно-наследственное землевладение и разрешать такой переход отдельным домохозяевам³¹. Таким образом, открывалась возможность постепенной ликвидации общинного землепользования и закрепления земельных наделов в частную собственность.

Развитие товарно-денежных отношений и усиливающееся разложение крестьянства нанесли удар патриархально-феодальной теории Гакстгаузена. Перед ним встал вопрос: что же произойдет дальше и каковы будут последствия обнародованной реформы для России и для всего мира? Этому вопросу была посвящена новая работа Гакстгаузена, вышедшая в свет на немецком языке в 1866 г., в год его смерти³². На основании материалов губернских комитетов и Редакционных комиссий, систематизированных А. Скребицким, в книге излагались подготовка и сущность реформы 1861 г. Наиболее интересной частью этого сочинения была его заключительная глава, посвященная будущему русского дворянства и общинного землевладения. По мнению Гакстгаузена, отмена крепостного права поставила перед русским дворянством неотложную задачу: опираясь на Жалованную грамоту дворянству и на активную помощь правительства, непосредственно заняться хозяйством своих имений и сосредоточить в своих руках все местное управление. Что касается поземельной общины, то ее будущее, с точки зрения Гакстгаузена, остается нерешенным, но если она будет насильственно ликвидирована, то исчезнет самобытная основа силы и могущества русского государства. В этой последней работе о России Гакстгаузен особенно наглядно связал свою классовую помещичью позицию с проблемой общинного землевладения и управления крестьянами.

В 1869 г. «Studien» Гакстгаузена были изданы на русском языке (сюда не вошли ранее опубликованный «Закавказский край» и третий, обобщающий том сочинения)³³. Книга вызвала многочисленные отклики в периодической печати. К этому моменту ясно обнаружились отрицательные стороны реформы и тяжелое положение крестьянства под давлением феодальных пережитков и развития ростовщического капитала. Народнические журналы «Отечественные записки» и «Дело» критичнее, чем Герцен и Чернышевский, подошли к работе Гакстгаузена: они отметили сомнительность многих источников автора и осудили его идиллическое описание крестьянской жизни. Однако, исходя из мнения о самобытности и жизненной силе русской общины, народники с этой точки зрения поддерживали выводы Гакстгаузена³⁴.

К концу XIX в. процесс разложения общины под влиянием капиталистического развития России стал отчетливо виден не только революционным марксистам. Но этот бесспорный факт не снимает вопроса о материальной основе и наблюдений Гакстгаузена, и оценок Герцена и Чернышевского, и утопических построений народников. В 40-х годах, когда Гакстгаузен объезжал европейскую часть России, а у Герцена сложилась теория «русского социализма», процесс разложения общины проходил только свою начальную стадию. В некоторых районах, особенно удаленных от крупных торговых центров и от речных магистралей,

крестьянская община еще сохраняла свою жизненную силу. В моменты крестьянских волнений деревенский «мир», сдавленный властью помещика и чиновников, на некоторое время сбрасывал эту внешнюю давящую силу и самостоятельно выбирал сельскими старостами наиболее энергичных и смелых вожakov своего движения³⁵. Идея земельного передела сохраняла свою силу в сознании крестьянства: чем больше росло население и земельное «утеснение», тем могущественнее становилось стремление уравнивать землепользование среди обделенных слоев деревни. В течение 40-х годов около половины однодворческих сел Центрально-черноземного района под давлением бедноты перешли от подворно-наследственного владения к поземельно-общинному³⁶. Даже позднее, в 60-х годах, в Чигиринском уезде Киевской губернии развернулось широкое движение бедноты против «актовиков», владевших документами на землю, в пользу «душевиков» — с целью общинного передела земельных угодий³⁷. Специальные исследования, произведенные в 80—90-х годах в Сибири, констатировали возникновение общинного землевладения там, где раньше применялись более первобытные методы — вольная заимка и свободный захват земли³⁸.

В 70—80-х годах К. Маркс и Ф. Энгельс живо интересовались проблемой русской поземельной общины. В 1877 г. К. Маркс подчеркивал, что его теория первоначального накопления не может служить «универсальной отмычкой», игнорирующей исторические условия различных стран и периодов. В предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» основоположники марксизма писали в 1882 г.: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»³⁹. Но русским народникам не удалось поднять на сознательное и мощное движение трудящиеся массы; не произошло в это время и пролетарской революции на Западе. Дальнейшее развитие капитализма, захватившее русскую деревню, окончательно рассеяло иллюзии русского общинного социализма. Тем не менее Ф. Энгельс признавал историческое значение этого иллюзорного представления: «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов»⁴⁰.

В 40—70-х годах по вопросу о крестьянской общине скрестились пути двух противоположных социально-политических мировоззрений: феодально-реакционной концепции Гакстаузена и теории общинного социализма Герцена и Чернышевского. Исходя из своих жизненных наблюдений, русские революционные демократы использовали фактический материал немецкого путешественника, чтобы обосновать свою веру в возможность близкого социального переворота. Однако в силу своего идеалистического метода, а главное, вследствие хозяйственной отсталости России — как это подчеркивал В. И. Ленин — они не могли произвести научного анализа движущих сил социальной революции. В этом была их ошибка, но за этой ошибкой мы не должны забывать об объективном революционно-демократическом содержании их идеологии — об их борьбе за обеспечение крестьян землею и за полную демократизацию социально-политического строя России⁴¹.

- ¹ Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands von August Freiherrn von Haxthausen. Hannover, 1847. Bd. 1, 2; Berlin, 1852. Bd. 3. (Далее: Studien).
- ² Studien, Bd. 3, S. 180—195.
- ³ Биографические сведения о бароне А. Гакстгаузене см. в кн.: Журнал Министерства юстиции, 1866, № 12, с. 667—668; Санкт-Петербургские ведомости, 1867, № 1 (перепечатки некролога из газеты «Kölnische Zeitung», 1867).
- ⁴ Studien, Bd. 3, S. 2—6; Герцен А. И. Собр. соч. М., 1956, т. 9, с. 163; М., 1959, т. 18, с. 203—204; Барсуков Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893, кн. 7, с. 281—284.
- ⁵ Исторические материалы из архива Министерства государственных имуществ. СПб., 1891, вып. 1, с. 189—207; Семейский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в. СПб., 1888, т. 2, с. 429—443.
- ⁶ Болтин Ив. Примечания на историю древние и нынешние России г. Леклерка... СПб., 1788, т. 2, с. 340—344; Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 3, с. 130, 131.
- ⁷ ПСЗ I, т. 27, № 20620, 20625; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л., 1946, т. 1, с. 156—158, 175—177; Он же. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 187, 188, 213, 214, 307, 324.
- ⁸ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900, т. 3, с. 70; Киреевский И. В. Полн. собр. соч. М., 1911, т. 1, с. 115.
- ⁹ Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1889, т. 1, с. 21, 41, 50, 52, 55, 58, 82, 123, 203, 303, 396.
- ¹⁰ Studien, Bd. 3, S. 6—238. Сам А. Гакстгаузен считал, что более точно выражены его мысли во французском издании, вышедшем на год позже: См.: Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie. Troisième volume. Berlin, 1853, ch. I—V.
- ¹¹ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1957, т. 12, с. 261.
- ¹² Герцен А. И. Собр. соч. М., 1954, т. 2, с. 281—282.
- ¹³ Там же, с. 288.
- ¹⁴ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1955, т. 6, с. 44.
- ^{15—18} Там же, с. 112, 198—201, 204, 205—221.
- ¹⁹ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1956, т. 7, с. 260.
- ²⁰ Там же, с. 323; ср. с. 128—132, 271—306; т. 12, с. 134—166.
- ²¹ Studien, Bd. 3, S. 150.
- ²² Герцен А. И. Собр. соч., т. 12, с. 52, 54, 55, 113, 114.
- ²³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1948, т. 4, с. 316.
- ^{24—28} Там же, с. 317, 318, 745, 738, 434.
- ²⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 644—650; т. 4, с. 303—348, 349—369, 722—730, 737—761; М., 1950, т. 5, с. 71—107, 357—392, 576—626, 686—710, 711—791.
- ³⁰ Haxthausen Auguste, de, baron. De l'abolition par voie législative du partage égal et temporaire dans les communes russes. P., 1858.
- ³¹ Положение о выкупе, ст. 163; Местное Положение о поземельном устройстве крестьян... в губерниях Великороссийских, Новороссийских и Белорусских, ст. 115.
- ³² [Haxthausen A.] Die ländliche Verfassung Russlands: Ihre Entwicklung und ihre Feststellung in der Gesetzgebung von 1861, von August Freiherrn von Haxthausen. Leipzig, 1866.
- ³³ [Гакстгаузен А.] Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, барона Августа Гакстгаузена / Пер. Л. И. Рагозина. М., 1870.
- ³⁴ Дело, 1870, № 1, Современное обозрение, с. 53—58; Отечественные записки, 1869, т. 187; Современное обозрение, с. 39—44; ср.: Голос, 1869, № 305; Дон, 1869, № 106—108; Сын отечества, 1869, № 235.
- ³⁵ Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. документов. М., 1961, с. 425, 484, 485; ср.: Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.: Сб. документов. М., 1962, с. 372, 388.
- ³⁶ Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858, вып. 1, с. 111—115.
- ³⁷ Материали по історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875—1879 рр.). Київ, 1934.
- ³⁸ Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М., 1908.
- ³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 116—121, 305.
- ⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 451.
- ⁴¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 168, 169, 175; т. 21, с. 255—262.

ЧЛЕН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ «НАРОДНАЯ ВОЛЯ» АННА ВАСИЛЬЕВНА ЯКИМОВА (КОБОЗЕВА)

1. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

К северу от Волги, ближе к Уральскому хребту, по течению изви-
листых крутобрегих рек, раскинулся лесистый вятский край. Черемис-
ские* поселения перемежаются здесь с русскими селами и деревнями.
Сто лет назад эти суровые дебри были захвачены смелыми новгородцами,
жившими свободным республиканским строем. Вольные вятские общины
долго сохраняли свою свободу и не сразу покорились московскому само-
державию. Но и позднее, подчинившись насилию, вятчане зажили иною
жизнью: здесь не было помещичьих усадеб и не было крепостного гнета.
В упорной борьбе с природой слагались и твердые характеры. Воспоми-
нания о временах былой независимости передавались в народных сказа-
ниях и песнях. Крепкое трудовое крестьянство, мужицкий общинный мир
сохраняли здесь свое значение в самые поздние царские времена.

В этом далеком северном краю, в одном из сел Уржумского уезда,
12 июня 1856 г. родилась будущая революционерка Анна Васильевна
Якимова.

Как многие товарищи-разночинцы ее дней, А. В. Якимова происходила
из духовной семьи: ее отец был сельский священник, человек твердого
характера и стародавних воззрений. Семья была многодетная и трудовая:
с ранних лет маленькая Анюта обучалась шитью и вязанью, помогала на
кухне матери, мыла полы, полоскала на речке белье. Девочка не знала
барства и роскоши: кругом была крестьянская народная среда с ее
повседневною трудовую жизнью. Дом приходского священника постоянно
наполнялся прихожанами: крестьяне шли сюда за советом и помощью,
рассказывали здесь о своих радостях и несчастьях. Нередко о. Василий
брал с собой дочь в обычные поездки по «требам»: перед девочкой
раскрывались тяжелые условия деревенской жизни и полная беспомощ-
ность крестьянства в борьбе с болезнями. Эти впечатления заронили в
душу ребенка первые семена «народничества»: девочку уже увлекает
мечта о помощи крестьянству, желание сделаться фельдшерицей-акушер-
кой и отдать свои силы страдающей деревне.

Интерес к народу питался и другими источниками. Однообразно-суро-
вую обстановку родного дома прорезал светлый, согревающий луч: та-
ким лучом была няня, вятская крестьянка, которая пробудила к себе
горячую любовь в подрастающих детях. Заботы этой женщины, ее рас-
сказы о крестьянском житье-бытье, немудреные деревенские гостинцы и
увлекательные народные сказки заполняли воображение и волновали
чувство. «Няня была моя главная воспитательница и в то же время —
утешительница в тревожнениях моей детской жизни», — вспоминала
впоследствии Якимова.

Так, в обстановке вятской деревни, среди впечатлений крестьянского
быта вырастала будущая революционерка-народница.

Одиннадцати лет, в 1867 г., девочку увезли в город и отдали в жен-
ское епархиальное училище. В прежние времена дочери сельского свя-

* Черемисы — старинное название марийцев и чувашей.

щенника предстояла бы иная судьба: домашнее воспитание, раннее замужество, семейные заботы, замкнутая и однообразная жизнь. Но Якимова вырастала в другое время, когда в воздухе повеяло иными мыслями и настроениями. В России начиналась ломка старого крепостного уклада: пало крепостное право, уничтожались обветшавшие учреждения, вводились частичные преобразования в старый самодержавный порядок. Все громче и требовательнее раздавались голоса о необходимости освободить человеческую личность, обеспечить ей широкое и самостоятельное развитие. Надо поднять народное образование и предоставить его не только мужчинам, но и женщинам. Необходимо вооружить будущих матерей знаниями и умениями, говорили одни. Этого мало, прибавляли другие: нужно освободить женщину от сковывающего ее семейного гнета, признать ее право на самостоятельный труд и свободное существование; женщина — такой же человек, как мужчина, и имеет одинаковые права на участие в общественной жизни. Под влиянием таких взглядов в России открываются новые женские учебные заведения, обновляется преподавание, чаще появляются женщины-учительницы, женщины-врачи, женщины — общественные деятельницы.

Отец Якимовой был человек старых воззрений, но он понимал значение образования и сам подготовил дочь к поступлению в школу. В начале 60-х годов в губернском городе было открыто епархиальное училище для дочерей священников. По всему своему складу оно сильно отличалось от старых духовных школ. Девочек обучали не только катехизису и воспитывали в них не только будущих поповен. Программа Вятского епархиального училища была шире программы женских гимназий; обращалось серьезное внимание на физическое воспитание и трудовые навыки. А главное — среди преподавателей были люди новых устремлений, молодые и смелые проповедники личной и общественной свободы. Новые идеи 60-х годов незаметными путями проникали в женскую школу и возбуждали молодую проснувшуюся мысль.

А. В. Якимова пробыла в Вятском епархиальном училище пять лет — годы отрочества и ранней юности, когда складываются характер и взгляды на жизнь. Девочка вырастала окруженная тесной товарищеской средой, впитывала в себя новые, неизвестные прежде впечатления. Особенно сильно было влияние молодой воспитательницы Анны Дмитриевны Кувшинской. Эта девушка была одной из тех, которых увлекали передовые стремления того времени. Жажда знания и желание применить его к делу — просветить дремлющие умы, найти и показать другим настоящую жизненную дорогу — двигало ее действиями. А. Д. Кувшинская не ограничивалась выполнением школьной программы: она приносила своим ученицам книги по разнообразным вопросам и пробуждала в девушках общественные интересы. Чтение книг и душевные беседы открывали новый мир и поднимали волнующие вопросы: о жизни, о назначении человека, об его общественном долге, о задачах современной женщины. Часто ночами, когда гасились огни и училище погружалось в глубокий сон, Анюта Якимова с кружком близких подруг тихо вставали с своих постелей. Обернутые простынями и одеялами, они осторожно пробирались в библиотеку, расстилали на пол часть одеял, ставили в середину свечи и, лежа на животе, принимались за чтение. При малейшем движении в коридоре быстро гасили свет. Такая предосторожность была не лишней: епархиальное начальство не одобрило бы их выбора книг — в руках учениц были запрещенные сочинения Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, «властителей

дум» тогдашнего молодого поколения; рядом с заветными книжками «Современника» встречались заграничные революционные брошюры. Эти книги звали вперед, к осмысленной, трудовой жизни, основанной на знании и на служении обществу. Они говорили о необходимости борьбы, о завоевании светлого будущего. Они будили стремление идти в народ — угнетенный и страдающий, но готовый подняться и построить новую лучшую жизнь на началах равенства и свободы.

А. Д. Кувшинская действовала не одиноко: в то время в Вятку ссылали «политических» и в городе существовал кружок молодых революционеров. Особенно сильно было влияние В. Ф. Трощанского, высланного на север за студенческие беспорядки. Кувшинская посещала этот кружок, слушала речи Трощанского и постепенно проникалась его воззрениями. В беседах с ученицами она проповедовала те же идеи — служения народу и борьбы за новую жизнь. В конце концов начальство заметило ее пропаганду и уволило из училища. Но уходя, она не забыла своих юных воспитанниц: она отдала их под покровительство другой учительницы, своей близкой подруги. По-прежнему ученицы сходились на чтения и беседы. Иногда тайком от начальства в училище приходил молодой Николай Аполлонович Чарушин. Он приносил с собой нелегальную литературу и рассказывал девушкам о революционной борьбе европейских рабочих. Якимова и ее подруги с захватывающим вниманием слушали эти рассказы — о Первом Интернационале, о Французской революции, о баррикадах Парижской коммуны. Далекие европейские события находили отклик в духовном училище глухого вятского края.

Семена нигилизма глубоко запали в сознание А. В. Якимовой. Кончая школу, она решила пойти в народ — сделаться сельской учительницей и начать просвещение крестьянской массы. Но предварительно она решила прослушать годичные педагогические курсы в Вятке. Родители резко воспротивились этому шагу. Но девушка упорно стояла на своем: она убеждала, доказывала, грозила побегом из родного дома. Столкновения отцов и детей были нередки в эту пору. Две старшие подруги Якимовой — Кочурова и Чемоданова — уже бежали из-под родительского крова: одна из них сделала это явно, другая вступила с этой целью в фиктивный брак с приезжим студентом. Молодежь стремилась вырваться из семейных оков, уйти из мещанского быта и отдаться широкой идейной работе. Скрепя сердце родители Якимовой отпустили ее на вятские курсы.

Жизнь потекла свободнее, вне глаз училищного начальства. Снова — усиленное чтение, снова — товарищеские беседы, опять — увлекающие речи о революционной борьбе. Молодежь часто собирается в квартире М. Е. Селенкиной, изучает революционную литературу, обсуждает основные вопросы дня. Вспыхивают живые споры, обнаруживаются различные течения. Вятка переживала то же, что все губерnsкие центры России. От неясных и общих идей молодое поколение переходило к разрешению практических вопросов: что делать? как помочь народу? как построить свою деятельность в массах?..

Громадное большинство соглашалось, что мирной, чисто культурной работой не поможешь крестьянскому горю, не выведешь народ из мрака нищеты, невежества и бесправия. Нужна организованная насильственная борьба, необходима массовая народная революция. Надо идти в народ, чтобы помочь ему организовать революцию. Но как — мнения расходились.

Одни говорили: нужно идти в народ, вооружившись знаниями, начать пропаганду социализма и путем длительной подготовки обеспечить

победу грядущей социальной революции. Так рассуждал П. Л. Лавров, один из вождей передовой молодежи. Другие возражали: нужно идти в народ, чтобы возбуждать его к немедленному бунту, к активным массовым выступлениям; учить народ революции нечего — он сам таит в себе революционную правду, он близок к восстанию и не раз поднимался — при Разине и Пугачеве. Он знает, куда ему идти: крестьянский, общинный мир — вот ячейки будущего счастливого строя; вольный союз свободных трудовых общин — вот задача грядущей революции. Так рассуждал М. А. Бакунин, проповедник учения анархизма. Более смелые и решительные примыкали к его воззрениям. Этим «бунтарям» казалось, что России минует горькая чаша капитализма. Еще немного — и великая крестьянская революция одним ударом сметет царство эксплуатации и насилия.

А. В. Якимова разделяла мысли и настроения бакунистов. Семнадцать лет, охваченная жаждой широкой революционной работы, она подала прошение в Орловское земство (Орловского уезда Вятской губернии) о зачислении ее на место народной учительницы. Родители пытались удержать ее при себе (отец рассчитывал устроить частную школу в собственном доме), но молодая девушка не согласилась на этот план. После некоторой борьбы родные примирились с совершившимся фактом. В августе 1873 г. Якимова покинула родной очаг и двинулась в путь — навстречу новой самостоятельной жизни.

2. В НАРОД!

На полпути от города Вятки к уездному городу Орлову, теперь г. Халтуринск (родина революционера Степана Халтурина), на большой проселочной дороге раскинулось село Камышинское. Здесь Якимова начала свою деятельность учительницы и революционерки. Село было земледельческое, но земля была скудная и плохо кормила население. Крестьяне подрабатывали речными промыслами — летом уходили бурлачить на р. Вятку и дальше, на волжские и камские берега. Помещичьего гнета не знали, но страдали от тяжелых податей и насилий местной полиции. Крестьянская жизнь текла однообразно, изо дня в день, в условиях мелкого хозяйственного быта.

Сельская школа занимала одну половину большого крестьянского дома; в другой половине в крестьянской семье поселилась приехавшая учительница. С осени 1873 г. начались школьные занятия. Не ограничиваясь уроками, Якимова старалась занять ребят и в свободное время. Детский говор не прекращался в течение целого дня: беседовали с учительницей, рассматривали картинки, читали книги. Наряду с маленькими приходили учиться юноши по 15—16 лет, особенно в свободное зимнее время. За детьми потянулись взрослые: кто приходил прочесть или написать письмо, а кто и просто потолковать о том, о сем. Скоро у молодой учительницы завязались широкие связи по всей округе: раннею весной по предложению уездного земства Якимова стала ходить по деревням делать прививки против оспы. Помимо школьной библиотеки, она завела собственную, с подбором книг определенного содержания о тяжелой народной жизни, о борьбе, о социализме. Привозила из Вятки нелегальные брошюры, присланные из столичных центров. Заводила разговоры о крестьянском житье-бытье, о народных лишениях, о необходимости изменить жизнь. Крестьяне охотно слушали и читали. Особенно ходко шли брошюры, просто написанные, но революционные по

своему содержанию («Сказка о четырех братьях», «Дедушка Егор», «Стенька Разин», «История одного французского крестьянина»). Из далекого Петербурга их рассылали по всей России революционные народники из кружка «чайковцев». Крестьяне и сами рассказывали о тяготах своей жизни, откровенно критиковали существующие порядки, сочувственно откликались на живую речь. Но — и только. В глубине души они оставались глубоко пассивными. Рассказы о будущем равенстве слушали, как занятную сказку. Один и тот же припев заканчивал собой все беседы: «Не нами это началось, не нами и кончится». Чем дольше проповедовала молодая народница, тем больше сомнений закрадывалось в ее душу: где же революционность крестьянской массы? почему в народе так мало активности?.. или виновата ее неопытность, ее неумение подойти к делу? Хотелось поделиться своими сомнениями с товарищами, поехать в столицу, пополнить свои знания и опыт.

Несколько успешнее шло дело с молодежью. Особенно выдавался один юноша, безногий калека, Матвей Хорошавин. В течение года он перечел всю нелегальную библиотечку, серьезно и глубоко продумал содержание всех книг. А. В. Якимова видела, что он неспособен на крестьянскую работу, и решила сделать из него полезного работника для родной деревни: отвезла его в Вятку и отдала за плату в обучение сапожнику. На прощанье снабдила его нелегальными книгами, и юноша начал читать их своим городским знакомым. Скоро сапожная мастерская Гаврилы Прокопьева сделалась местом кружковых собраний: сходились, читали, беседовали. Революционные идеи нашли себе ответный отклик. Сам хозяин не раз высказывал мятежные мысли: «Царской фамилии, начальства и чиновников не будет; через несколько лет произойдет в России бунт и явится какой-нибудь Стенька Разин, который пойдет за нас». Стали давать книжки на дом, дали одному революционный песенник. Но получивший оказался предателем — пошел в Вятское губернское жандармское управление и показал запрещенную книжку. Прокопьев и Хорошавин были арестованы. А через некоторое время, 12 мая 1875 г., жандармы нагрянули в село Камышинское, перерыли всю школу, нашли нелегальные брошюры, арестовали учительницу и в тот же день увезли ее в губернский город.

При увозе Якимовой крестьянки окружили экипаж и с плачем провожали ее из села. Из толпы раздавались причитания: «И кто это под тебя колеса-то подкатил?!». Через день учительница была заключена в губернскую тюрьму.

Аресты шли по всей России. Народники разошлись и разъехались по деревням, часто под видом ремесленников и чернорабочих. Начали пропаганду, раздавали книжки и всюду встречали одно и то же: крестьянство было далеко от восстания — сочувственно слушали, но оставались пассивны. Зато не дремали урядники и становые: начались доносы, обыски, аресты, все тюрьмы были переполнены. До тысячи человек молодежи было захвачено правительством. Началось большое судебное дело — о пропаганде в разных местностях империи.

А. В. Якимову поместили в одиночную камеру, посадили на арестантский паек (собственных денег у нее не было) и не разрешали ей прогулок. Потянулась однотонная жизнь — в полном молчании, без общения с людьми, без свежего воздуха. Лишения не испугали молодую девушку: народники были готовы на предстоящие страдания и ожидали их. «Главное — не раскисать!» — таково было общее решение. Скоро товарищи с воли устроили «передачу», начали присылать книги.

Узнали об аресте и родные. Мать добилась свидания с дочерью, залилась слезами и, не произнося ни слова упрёка, все время повторяла: «Иди на волю, а я останусь здесь вместо тебя!». Отец подавил в себе желание встречи и решил образумить заблудшую дочь: не приходил на свидания, не присылал денег и только время от времени, после обедни в тюремной церкви, присылал дочери просфору и свое благословение.

Через год Якимову повезли из Вятки в Петербург — сюда свозили наиболее подозреваемых и подлежащих суду. Здесь, в доме предварительного заключения, молодая девушка нашла свою учительницу и друга — А. Д. Кувшинскую. Их камеры оказались близко и соединялись друг с другом трубами парового отопления. После годичного молчания перед Якимовой открылась возможность живого общения с товарищами — обмена мыслями, чувствами, настроениями. Говорить вслух было невозможно, но можно было «перестукиваться», пользуясь тюремной азбукой: определенное число ударов по трубе соответствовало той или другой букве. Вся тюрьма была наполнена неумолчным стуком: замурованные в каменные мешки революционеры оживили их новой речью и никакие запрещения начальства не могли остановить этой горячей жажды взаимного общения. Тяжесть одиночного заключения смягчалась; каждый чувствовал себя частью одного целого; легче было переносить лишения, болезни, разлуку с родными.

Общения с товарищами не прекратилось и после, когда Якимову вместе с некоторыми узниками перевели в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Тюремный режим был здесь суровее, за разговоры карали лишением книг, строго запрещали перестукиваться. Но перестукивание возобновилось: стучали всем, чем можно, — иконою, поднятым на прогулке камушком, косточкой от обеда, собственной ногой; стучали о железную решетку окна, о кран умывальника, наконец, о пол (стены были обиты войлоком и не давали звука). В этом Якимова была особенно усердной. Здесь, за тюремной решеткой, она познакомилась со многими революционерами, приобрела новые дружеские связи, нашла ответ на волновавшие ее вопросы. Тюремное заключение длилось долго: Якимова просидела почти три года, другие — еще больше. Многие не вынесли тюремной обстановки: некоторые захирели и умерли от болезней, другие лишились рассудка, третьи покончили самоубийством. Наконец в конце 1877 г. начался судебный процесс над 193 обвиняемыми (остальные были отпущены и частью разосланы по отдаленным губерниям). В числе обвиняемых была и Якимова.

Как отнестись к предстоящему суду? Этот вопрос вызывал большие споры среди узников. Громадное большинство высказывалось за политику протеста. «Мы не обвиняемые, а пленники, — говорили заключенные, — правительство не может судить нас, оно само — заинтересованная сторона в начавшейся борьбе». Расходились только в формах протеста: одни стояли за использование судебных заседаний и произнесение революционных речей; другие высказывались за отказ от всякого участия в судебной комедии. Правительство само обострило создавшееся положение: чтобы избежать шумного скандала, оно разбило подсудимых на группы и решило вызывать их поочередно. Ответом был шумный и страстный протест. Обвиняемые отказывались присутствовать на суде, их приводили силой, под угрозой обнаженного оружия; тогда они разражались на суде негодующими, резкими речами и возгласами. Одному из них, Ишполиту Мышкину, удалось произнести яркую революционную речь. Протестантов хватили и снова уводили в тюремные камеры.

Весь Петербург был взволнован событием дня. Постепенно по всей России стало известно о смелых выступлениях подсудимых, и взрыв сочувствия охватил новые слои подрастающей молодежи.

С самого начала Якимова была сторонницей решительного бойкота царского суда: она отказалась от присутствия на суде и, приведенная силою, публично и резко заявила свой протест.

На этот раз Якимовой удалось избежать обвинительного приговора: на следствии она неуклонно отрицала свою вину; улики были ничтожны, и прокурору не на чем было построить обвинения. 5 января 1878 г. она очутилась на свободе, а через несколько недель узнала о своем оправдании.

В ожидании приговора Якимова успела использовать короткое пребывание в столице. Денег у нее было мало, пришлось вместе с сопропесницей Е. Завадской поселиться в бедной и сырой комнатухе у прачки. Питались плохо — чаем с дешевой колбасой, кислой капустой, холодцом из лавочки. Зато жили напряженной идейной жизнью: каждый день — многолюдные собрания (чаще всего — в квартире А. И. Корниловой), новые интересные знакомства, живые, волнующие споры, широкие революционные проекты... В это время Якимова сближается с А. И. Желябовым и С. Л. Перовской — будущими революционными вождями; подводит итоги своей революционной работе, выясняет причины ее неудачи, участвует в совещаниях первой крупной революционной организации «Земля и воля». В это время народники перестраивают свои ряды и преобразуют свою тактику: смыкаются в тесное общество, вводят строгую дисциплину, приступают к основанию прочных деревенских поселений, все чаще заговаривают о необходимости «пропаганды действием». Первые неудачи, тюремное заключение и судебный процесс не остались бесследными: нерешительные и колеблющиеся отпали, зато выковалось крепкое революционное ядро, которое охвачено горячим подъемом, стремится к действию и умеет учитывать свой опыт.

В 1878 г. Якимовой было 22 года. Все пережитое закалило и оформило ее революционную личность. Отныне она предана революции — навсегда и безраздельно. Перед ней открывается дорога борьбы, которая требует самоотречения и грозит личною гибелью. Сознательно и бесспоротно она вступает на этот тернистый путь. Но прежде чем отдаться активной деятельности, она считает необходимым сделать еще один предварительный шаг: поближе подойти к народу, понять и почувствовать его жизнь, вооружить себя ясными и трезвыми представлениями о его быте. Крестьянство вятской деревни — не обычное русское крестьянство: оно не испытало помещичьего гнета и не ему совершить революцию. Нужно узнать русскую деревню промышленного района — не по ученым книжкам, а в живой, неприкрашенной действительности, в непосредственном личном соприкосновении. Эту мысль разделяют ближайšie подруги Якимовой — Е. Завадская и О. Кафiero-Кутузова. Сообща все трое сговариваются отправиться в пешеходное путешествие по Верхнему Поволжью и весной съезжаются в Тверской губернии, чтобы осуществить задуманный план.

В темных ситцевых платьях, покрывшись платочками и закинув за спину котомки, Якимова и ее подруги двинулись в дальнюю дорогу. Шли они налегке, захватив по перемене белья и небольшой запас провизии. По внешнему виду их трудно было отличить от богомолок — особенно позднее, когда их лица покрылись солнечным загаром, а спины сгорбились от физической усталости. Они и выдавали себя за странниц —

людей бывалых, которые бродят по «святым местам» и немало видели на своем веку. У каждой было по фальшивому паспорту, изготовленному землевольческой «небесной канцелярией». Внешность и говор скрадывали молодость и происхождение. Для отдыха выбирали красивые и укромные местечки на берегах рек и ручьев, стирали и сушили свое белье, мылись и купались сами. На ночлеги останавливались по деревням, когда наступали сумерки, а с восходом солнца уже двигались в путь. Питались просто и скудно, больше хлебом и луком. Так прошли они Тверскую, Ярославскую, Костромскую и Нижегородскую губернии. Если очень уставали, делали передышку: на один-два перегона садились на поезд или пароход. По пути присматривались и прислушивались к окружающему, заводили разговоры с крестьянами, но никакой пропаганды не вели, чтобы не помешать цели своего путешествия. Знакомились с бытом центрального района, подмечали смышленность и бойкость местного люда. Однако многого узнать не могли: в деревне было горячее время полевых работ, а на коротких остановках трудно было изучить крестьянскую жизнь. Путешествие давало себя чувствовать: ноги опухли и стерлись до крови (башмаки давно истрепались, и путницы заменили их лаптями); ощущались сильная усталость и голод.

Добравшись до Нижнего, Е. Ф. Завадская и О. Кафиро решили кончить свое «паломничество». Но «Баска» (революционное прозвище А. В. Якимовой^{2*}) не желала сдаваться так скоро. Ей захотелось окунуться в заводскую жизнь, почувствовать на себе тяжелую, трудовую лямку, близко увидеть рабочую массу в обычной житейской обстановке. Отдохнув и подкрепившись силами, Якимова отправилась на Сормовский завод, крупное машиностроительное предприятие в 9 верстах от Нижнего Новгорода. Предъявила свой паспорт на имя дочери дьячка откуда-то с Дона и попросила работы. Из конторы ответили: «Сейчас работы нет, приходи через неделю и справься». А. В. Якимова решила не возвращаться в город и нанялась на пристани на выгрузку дров. Работа была торопливая и тяжелая: мужчины и женщины попеременно таскали на носилках партии дров с речных плотов на волжский берег. Работали под наблюдением надсмотрщика, который не стеснялся в попуканиях и брани; трехэтажная ругань висела в воздухе: ругались все — и надсмотрщик, и мужчины, и женщины. Деньги получали у подрядчика, который, распивая чай, заставлял ждать измученную и голодную толпу. Временами самодовольное и сытое лицо хозяина показывалось в окне и раздавались саленные прибаутки по адресу собравшихся работниц. «Тут, — вспоминала Якимова, — вполне испытала я чувство ненависти голодного труженика к сытому тунеядцу».

Через неделю удалось поступить на завод простой чернорабочей. И здесь работа была тяжелой: приходилось выгружать и переносить в мастерские различный строительный материал, иногда крупные тяжести. Антонина (так звали Якимову по паспорту) выдавалась своим здоровьем и силой. Бывали случаи, когда ее звали в мужскую партию на замену недостающего рабочего: «Ну-ка, Антонина, берись!». И «дочь дьячка» подхватывала толстый дубовый брус, который, накренившись, давил и резал ей плечо. Рабочий день длился долго — 12 часов в сутки. Время работы проверялось строго — при помощи жестяных номерков. Иногда после гудка, когда работы прекращались, десятник громогласно объявлял: «Бабы, оставайся на ночную смену!». И женщины покорно

^{2*} Она часто говорила по-вятски: «Баско» (Хорошо).

оставались на заводе, выдерживая непрерывный 16—20-часовой труд. По закону сверхурочные работы были не обязательны, и об этом ясно говорилось в заводских правилах. Но администрация плохо считалась с законом, а рабочие чувствовали себя бессильными и покорялись. Антонина первая решила не подчиняться такому порядку. «Что ты, что ты,— говорили ей женщины,— оштрафуют тебя, и все тут». «Не оштрафуют,— отвечала Антонина,— не смеют нарушить правила». Но администрация, действительно, выписала непокорную работницу на штрафной доске. «Ничего не значит: запугать хотят, страшают, а не вычтут при расчете, я — по правилам»,— твердила Антонина. «Пропишут тебе правила»,— насмешливо-укоризненно отвечали женщины.— «А если оштрафуют, к директору жаловаться пойду». Но угроза жалобой вызывала всеобщий смех. «Слушай, что новенькая говорит: хочет жаловаться к директору идти. Погоди, обломают тебе крылышки!».

Тупая покорность судьбе, отсутствие активного протеста, недостаток смелости и почина характеризовали чернорабочую массу. И на этом фоне заботности неожиданная протестантка привлекала к себе внимание и товарищей, и заводской администрации.

Но Антонина выдавалась среди работниц не только этим. Обращение заводских рабочих с работницами было в то время чересчур вольным, достоинство женщины не уважалось, и сами работницы поощряли мужчин к такому поведению. Якимова давала неизменный отпор таким выходкам: «Как тебе не стыдно! Не можете пройти мимо женщины, чтобы не облапить ее»,— отстраняясь, говорила она рабочим. Такой отпор вызывал необычайное изумление. «Господи, господи, работаешь, как каторжный, и не побаловаться»,— отвечали оторопелые рабочие. Странную работницу начали звать «монашенкой». Заводская администрация стала присматриваться к ней поближе. Через некоторое время Антонину перевели в «стружечницы»: работа там была легче, а заработок чуть-чуть повыше.

Одновременно с Якимовой на Сормовском заводе работал ее земляк, основатель «Северно-русского рабочего союза» Степан Халтурин: его увлекала идея чисто пролетарской классовой организации и он заводил связи с провинциальными рабочими. Якимова впервые встретилась с ним в Нижнем на народнической квартире. На заводе они скрывали свое знакомство. Вообще Якимова старалась ничем не обнаружить своих революционных взглядов — не вела никакой пропаганды, не раздавала никаких книг. И все-таки полицейские тучи уже сгущались над ее головой.

Прошло два месяца тяжелого изнурительного труда. Здоровье Якимовой заметно пошатнулось. Оставаться на заводе не было смысла — поставленная задача была исполнена. Якимова пошла в заводскую контору и потребовала расчета: отговорилась тем, что опасно заболела мать и требуют домой. Администрация подсчитала заработок, выдала поденную плату по высшей норме и не произвела никакого вычета. «А паспорт ваш у станового пристава в Кунавине. Нужно обратиться туда». Было ясно: «дочь дьячка» заподозрили в революционных намерениях; еще немного — подделка была бы обнаружена, и «Антонина» была бы арестована.

Но она предпочла не беспокоить станового и подарила ему свой фальшивый паспорт. Уходя с завода, завернула в мастерскую и показала женщинам свою расчетную книжку: никакого штрафа не удержали! «Ну, понятно, Антонина, ты — человек грамотный, а мы — люди тем-

ные», — отвечали работницы. Но в голосе их звучало уважение, и простились они с уходящей ласково и приветливо.

Из Нижнего Якимова отправилась на родину — еще раз увидеть знакомые места и последний раз обнять близких людей. Местная полиция уже имела распоряжение учинить над «нигилисткой» строжайший надзор и воспрепятствовать ее выезду из родного Архангельского. Исправник, становой, сотский, староста — все были поставлены на ноги. Следили за каждым движением поднадзорной. Но она сумела обмануть бдительность власти — незаметно ускользнула из села, искусно замела свои следы и, несмотря на учиненную погоню, с новым фальшивым паспортом отправилась в Петербург.

По дороге Якимова заехала в село Камышинское, где началась ее революционная работа: она хотела увидеть знакомых крестьян и рассказать им, за что ее арестовали и судили. Здесь повидалась она с близкими людьми и, простившись, двинулась в дальнюю дорогу снежными просторами.

Знакомый пожилой крестьянин повез ее до Яранска. Якимова не скрыла от него цели своей поездки: она рассказала ему о своем желании — навсегда и бесповоротно вступить в революционную организацию. «Святое твое дело, — отвечал камышинец, — если бы не семья, я сам бы пошел на это дело».

Это прощальное напутствие еще звучало в сознании Якимовой, когда она въезжала в Петербург. Новая, героическая страница открывалась в жизни молодой 23-летней революционерки.

3. ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА

Приехав в столицу, Якимова стремилась увидеть своих товарищей по процессу, наиболее близких к ее воззрениям, — Н. А. Морозова и Л. А. Тихомирова. Но ей был дан землевольческий адрес к сестре О. В. Аптекмана, и она временно поселилась на «рабочей» конспиративной квартире: сюда сходились революционные рабочие слушать народнические лекции Г. В. Плеханова и Аптекмана. Присматриваясь к этой пропаганде, Якимова не удовлетворялась подобным типом работы: заводские рабочие Петербурга казались ей слишком далекими от народа; в их мыслях и настроениях она не находила нужной революционной энергии; самые лекции представлялись ей слабым орудием в той великой борьбе, которую необходимо развернуть среди царящего деспотизма.

Чем больше Якимова раздумывала о пережитых впечатлениях, тем больше склонялась к выводу о необходимости иной пропаганды — не словами, а делами. Воспитанная на идеях Бакунина, она рвалась к массовой революции. Но крестьянские массы оказались неподготовлены и пассивны. Слепая покорность судьбе сковывала человеческую волю. Одного сознания существующей несправедливости было мало: необходим волевой подъем, горячая вера, твердая решимость, смелые действия. Надо одушевить народные массы этой верой и этой решимостью, разбить обаяние могущественной власти, увлечь примером самопожертвования и героизма. Задача революционеров — взять на себя почин, заставить задрожать врага и всколыхнуть застоявшееся болото своей активностью.

Так рассуждала не одна Якимова. Такие мысли и намерения бродили в сознании многих революционеров. Массовое хождение в народ окончилось неудачей: крестьянство не откликнулось на проповедь социализма. Попытка народников перестроить свои ряды, укрепить деревенскую рабо-

ту организацией и дисциплиной, завести прочные народнические поселения не принесла желанных плодов. Агитация в крестьянстве подвигалась туго — правительство обрушивалось на революционеров все новыми и новыми арестами. За каторжными приговорами последовали смертные казни. Кругом кипели шпионы и провокаторы. Самодержавная власть мобилизовала все силы, чтобы задушить начавшееся движение.

На первых порах народники отреклись от чисто политической борьбы. Нам не нужна хваленая европейская свобода, раздавались настойчивые голоса, нам нужна немедленная социальная революция; мы должны свергнуть не только самодержавие, но и весь буржуазно-помещичий строй; не следует раздроблять свои силы — сначала свергать царя, а потом уничтожать экономическое угнетение. Нужно добиться этого сразу — мощным напором народного восстания.

Теперь многие заговорили иначе. Пока существует самодержавный строй, подготовить социальную революцию невозможно. Необходимо начать с царя, завоевать политическую свободу и только тогда, укрепившись на захваченных позициях, произвести экономический переворот: всю землю отдать крестьянам, все фабрики и заводы — рабочим. Уничтожение царского деспотизма, политическая свобода — вот наша очередная задача. Наш путь идет через народное восстание, но вызвать его надо собственным героическим примером.

Не все соглашались с такими выводами. В рядах «Земли и воли» вспыхнули оживленные споры: «деревенщики», стоявшие за старую тактику, не хотели сдаваться «политикам». Но ряды чистых народников все больше редели: сама жизнь толкала революционеров на вооруженную борьбу с правительством.

Борьба началась с самозащиты: врывающихся жандармов встречали революционными выстрелами, уличенных шпионов убивали со своей дороги, особенно свирепым сановникам мстили за совершенные жестокости. Сначала эти вооруженные выступления были единичны и случайны. Постепенно они учащались и становились постоянным явлением. Особенно сильное впечатление произвели три террористических акта. Летом 1877 г. петербургский градоначальник Д. Ф. Трепов приказал высечь розгами политического заключенного Боголюбова. В ответ молодая народница В. И. Засулич на свой страх и риск явилась к Трепову и выстрелила в него из револьвера. В начале 1878 г. шеф жандармов Н. В. Мезенцов убедил царя усилить наказание осужденным народникам и разослать оправданных в отдаленные губернии; томившихся в Петропавловской крепости он окружил суровыми притеснениями. В ответ земледелец С. М. Кравчинский среди белого дня, на людной площади Петербурга поразил Мезенцова ударом кинжала в грудь. Наконец, 2 апреля 1879 г. другой земледелец, А. К. Соловьев, у самого Зимнего дворца произвел несколько выстрелов в гуляющего царя: в лице самодержца он мстил за все преследования и жестокости, которые допускала неограниченная власть; стараясь убить царя, он пытался разбить священный ореол несокрушимого императорского трона.

А. В. Якимов вполне разделяла эти воззрения. Ударом в самый центр государства — убийством самодержавного деспота — необходимо переломить сознание народа и вызвать его из состояния тупой безнадежности. Эта мысль не покидала Якимову после неудавшегося покушения Соловьева и начавшихся арестов. «Рабочая» квартира землевольцев была разгромлена — Плеханов, Аптекман и «Баска» едва спаслись. Товарищи предложили Якимовой временно выехать в Калужскую губернию, но тос-

ка по активной работе скоро потянула ее обратно в столицу. После долгих усилий она нашла своих единомышленников — Н. Морозова и других «политиков», обменялась с ними мыслями и настроениями, встретила в их среде сочувствие и помощь. Весной 1879 г. начинается ее непосредственное участие в вооруженной «пропаганде фактами».

В недрах «Земли и воли» существовала особая «дезорганизаторская группа»: ее задачей было дезорганизовывать, расстраивать ряды правительства, устраняя с дороги наиболее жестоких и вредных чиновников. Револьвер и кинжал казались недостаточно надежными и сильными орудиями борьбы. Возникла мысль о необходимости применения взрывчатых веществ — нитроглицерина и динамита. Решили устроить небольшую лабораторию для производства опытов. Организацию дела поручили двум товарищам, одинаково самоотверженным и преданным революции: Степану Ширяеву и Анне Васильевне Якимовой. Ширяев засел за специальные пособия и начал свою работу. Якимова сделалась его помощницей, исполняя обязанности квартирной хозяйки, строго соблюдая правила конспирации. Через некоторое время была устроена другая квартира, где динамит приготавливался уже в большом количестве: первые опыты легли в основу широкой и уверенной работы. Хозяевами этой второй квартиры были также Ширяев и Якимова.

Чем сильнее разгорались споры о необходимости вооруженной борьбы, тем больше «политики» стремились к самостоятельным и сплоченным выступлениям. В мае 1879 г. группа землевольцев, сторонников новой тактики, сомкнулась в независимую боевую организацию. Задачей группы была террористическая борьба с правительством во имя политического освобождения России. «Свобода или смерть» — таково было название новой организации. Строжайшая дисциплина, беспрекословное подчинение Исполнительному комитету должны были обеспечить успех ее деятельности. Группа состояла из 15 человек, в ее состав входили: Н. Морозов, Л. Тихомиров, А. Квятковский, С. Ширяев и А. Якимова. В распоряжении группы было 20 тыс. руб., внесенные одной из участниц, фактивно вышедшей замуж и получившей от родных приданое. Были заведены собственная динамитная мастерская и конспиративная квартира. Собрания устраивались в Лесном, где-нибудь в чаще деревьев. Подготавливали почву для предстоящих боевых выступлений.

Это объединение «политиков» было преддверием других, более серьезных событий. Разногласия в среде землевольцев становились все обостреннее. «Быть или не быть политической борьбе?» — этот вопрос горячо обсуждался на товарищеских сходках. Решили покончить с ним раз и навсегда — устроить партийный съезд и вынести обязательное для всех решение. Съезд состоялся в конце июня в городе Воронеже. В течение нескольких дней, в Ботаническом саду и на реке Воронеже, велись оживленные и настойчивые споры. «Политики» выступали сплоченными рядами — заранее перед съездом они устроили отдельные совещания в городе Липецке Тамбовской губернии: там было решено во что бы то ни стало обеспечить победу новому течению. «Деревенщики» оказались в меньшинстве и признали необходимость террористической борьбы. Но разногласия не исчезли, и осенью в Петербурге произошло окончательное разделение народнической организации «Земля и воля». Сторонники политической борьбы отделились от товарищей и образовали новую революционную партию, получившую название «Народная воля». Освободить Россию от ига самодержавия, дать возможность народу высказать и осуществить свою волю — такую задачу поставили себе «наро-

довольцы». Оставаясь социалистами, они направили свое внимание на подготовку народного восстания. Для этой цели вели революционную агитацию среди учащихся, рабочих и военных; организовывали тайные революционные кружки; выпускали подпольные листовки и журнал; наконец, готовили террористические акты. Особенно много энергии и самопожертвования требовала боевая работа — она поглощала главные силы народовольцев и представлялась самой очередной и важной. 26 августа 1879 г. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор самодержцу, ответственному за все бедствия и жестокости, которые творятся в царской России. Казнь царя Александра II, по мысли народовольцев, должна была разбудить народ и подготовить час победоносного массового восстания.

А. В. Якимова вошла в ряды Исполнительного комитета. Вместе с товарищами, согласно принятому уставу, она отреклась от собственности, от родственных связей, от личной воли — во имя великого революционного дела. И сразу она заняла одно из важных мест в народовольческой организации: на ее плечи пала боевая техническая работа.

Было решено выполнить приговор над царем, когда он будет возвращаться из Крыма в Петербург. Были задуманы два одновременных подвига под полотном железной дороги, один — в Москве, другой — под Александровском Екатеринославской губернии: при неудаче первого покушения должно было немедленно последовать второе. Приготовлениями на юге руководил А. И. Желябов, крупнейший из вождей «Народной воли». Якимова была его ближайшей технической помощницей. Под именем ярославского купца Черемисова Желябов приехал в Александровск вместе с Якимовой, которая числилась по паспорту его женой; заявив, что он намерен открыть кожевенный завод, снял заранее высмотренный дом и приступил к работе. Были заготовлены динамитные снаряды, и незадолго до ожидаемого проезда царя их заложили под железнодорожное полотно в 4 верстах от города. Две ночи подряд укладывали проволоку от железнодорожной линии к грунтовой дороге. 18 ноября 1879 г. Желябов в сопровождении нескольких помощников сторожил царский поезд, сидя в крестьянской телеге, в стороне от насыпи. Поезд показался, Желябов мгновенно соединил концы проволоки с батареей, но ожидаемого взрыва не последовало, по-видимому, провода были нечаянно испорчены путевым сторожем...

Так же неудачно оказалась вторая попытка, под Москвой. Здесь приготовления вела С. Л. Перовская, которая поселилась с Л. Гартманом под видом мещан-старообрядцев в Рогожском районе. Была выкопана подземная галерея, заложена разрушительная мина, и в момент появления поезда раздался оглушительный взрыв. Два вагона опрокинулись, но поезд оказался не царским: царь проследовал в Москву на полчаса раньше.

Неудачи не ослабили, а усилили энергию народовольцев. Организатором нового покушения выступил столяр С. Халтурин, основатель «Северно-русского рабочего союза», — тот самый, с которым Якимова встретилась на Сормовском заводе. Постепенно в Халтурине произошел тот же перелом, который испытала большая часть землевольцев: он пришел к ясному сознанию, что необходима активная политическая борьба. Осенью, перед отъездом на юг, Якимова имела с ним дружеские беседы и видела его готовность к вооруженным выступлениям. Она посоветовала ему обратиться за содействием к «Народной воле», и Халтурин последовал ее совету. В качестве столяра он нанимается в Зимний дворец,

получает помещение в дворцовом подвале, искусно разыгрывает роль протачка-крестьянина и приступает к подготовке взрыва.

В это время Якимова возвращается в Петербург и вместе с Г. Исаевым устраивает динамитную мастерскую на Большой Подъяческой улице. Весь приготовленный динамит частями передается Халтурину, и он незаметно пронесит его в царский дворец. Внезапно арестовывают А. Квятковского, одного из руководителей заговора. Находят у него клочок бумаги с каким-то планом (это был план Зимнего дворца). Подозревая возможность покушения, делают внезапный обыск в подвальном помещении столяров. Сундучок с динамитом был раскрыт, но в его содержании не рылись, удовлетворившись поверхностным осмотром. Медлить далее было невозможно. 5 февраля, перед самым царским обедом, заранее рассчитав минуты, Халтурин аккуратно приладил ящик с динамитом, зажег фитиль и вышел из дворца. На площади, в условленном месте, он встретил Желябова и бросил ему одно слово: «Готово!». В ту же секунду раздался страшный грохот, огни во дворце потухли и черные клубы дыма заполнили внутреннее помещение. Но цель взрыва не была достигнута: царь несколько запоздал к обеду, а сила взрыва оказалась недостаточной для разрушения столовой.

С. Халтурин нашел себе временное убежище в той самой мастерской, которая снабжала его запасами динамита. На долю Якимовой и Исаева выпала почетная обязанность скрыть своего товарища, когда петербургская жандармерия и полиция усиленно разыскивали его по всей столице. Здесь, окруженный динамитными бомбами, Халтурин пережил тяжелое сознание своей неудачи. Но тут же он мог убедиться в неуловимости террористов и в жалком бессилии «вездесущей» полиции.

Хозяева динамитной мастерской были в самых лучших отношениях с домовым дворником, прогоревшим торговцем из «суровской» лавочки. Как раз в это время дворник задумал справиться свои именины и созвать гостей из числа старых, добрых знакомых. Но помещения у именинника не было, кроме жалкой швейцарской комнатки. Он обратился к своим приятелям, хозяевам квартиры, которые казались ему такими приличными и благонамеренными. Что делать?.. Отказать нельзя! Квартиру очистили и прибрали. Халтурина отвели на холодный чердак, который примыкал непосредственно к квартире. Закутанный в шубу, Халтурин сидел против окошка, выходящего в гостиную гостеприимных хозяев. Начали собираться гости. Явился сам околоточный надзиратель. Приступили к выпивке и закуске, засели за карты. А. В. Якимова искусно разыграла свою роль, несколько раз сразилась в карты с околоточным и три раза оставила его в дураках. Вечеринка закончилась, и снова гостеприимная квартира заполнилась взрывчатыми веществами и перешла к изготовлению динамита.

Покушения в Москве и в Петербурге произвели огромное впечатление во всей России. Правительство было перепугано и напрягало все усилия в поисках заговорщиков, но безуспешно. Сочувствие начатой террористической борьбе наблюдалось повсюду. Однако сами народovolьцы не могли быть довольны: начатые предприятия срывались одно за другим. Снова и снова надо было удваивать революционную энергию.

Ожидали, что весной Александр II отправится в Одессу. Заранее, в апреле 1880 г., группа народovolьцев съехалась в этот город и начала приготовления к новому покушению. С. Перовская и Н. Саблин под именем купцов Прохоровских открыли бакалейную лавочку на Итальянской улице: отсюда начали подкоп под мостовую (этим путем должен

был проезжать царь). В то же время Якимова и Исаев поселились на Троицкой улице под фамилией Потаповых: здесь хранился привезенный динамит и всё необходимое для снаряжения мины. Как всегда, работали, окруженные взрывчатыми веществами, под угрозой ареста или взрыва. Однажды Исаев прочищал тоненькой палочкой металлическую трубку для запала. Внезапно раздался сильный взрыв, и Якимовой, вбежавшей из соседней комнаты, представилась страшная картина: Исаев, бледный, как полотно, сидел с окровавленной кистью руки; куски оторванных пальцев покрывали стены и потолок. В трубочке оказалась гремучая ртуть, и Исаеву оторвало три пальца. Еще минута — и на взрыв сбегутся испуганные соседи, мастерская будет открыта и начатое дело сорвется снова. «Уходи скорее с квартиры, я погиб», — обратился Исаев к Якимовой. Но спокойная и решительная «Баска» не потерялась: она увела раненого товарища в темную комнату, забинтовала ему руку, опустила ее в холодную воду, быстро подобрала куски оторванных пальцев и замыла все кровавые пятна. Не забыла предусмотрительно открыть окошко во двор, чтобы отвести всякие подозрения соседей. К счастью, на улице было шумное движение экипажей, и взрыв оказался незамеченным. Сейчас же Якимова сбегала на Итальянскую, вызвала «своего» врача и вечером отвезла раненого в земскую больницу — операция была необходима. Рассказали, что «Потапову» оторвало пальцы на складе машин, по собственной неосторожности. Якимова добилась разрешения присутствовать на операции: она боялась, что усыпленный Исаев может невольно проговориться.

Предприятие удалось спасти, но довести его до конца не пришлось. Александр II не поехал через Одессу, и начатый подкоп поспешили незаметно засыпать. Якимова возвратилась в Петербург и приняла участие в новом террористическом акте. На этот раз решили подложить мины под Каменный мост, по которому часто проезжала императорская карета. Желябов и двое его товарищей опустили в воду две каучуковые подушки, начиненные динамитом. В день проезда царя Желябов и рабочий Тетерка должны были под видом разносчиков спуститься на прачечный плот и сомкнуть провода батареи.

Якимова должна была исполнять обязанности сигнальщицы: следить за царским выездом и, увидев отъезжающую карету, пройти по мосту — знак приготовления к взрыву. Но покушение и на этот раз не удалось довести до конца.

Тем временем была организована новая динамитная мастерская на Обводном канале. Здесь руководство делом было сосредоточено в руках Н. И. Кибальчича, обладавшего солидными техническими познаниями. Якимова была его помощницей и применяла здесь свой опыт, накопленный долгими месяцами опасной работы. Но ее ждала новая, более ответственная задача: Исполнительный комитет «Народной воли» выработал новый план покушения на Александра II. В начале ноября 1880 г. приступили к подготовке.

Как раз в это время в меблированных комнатах, на углу Невского проспекта и Новой улицы, поселились Евдоким Ермолаевич Кобозев с женою Еленою Федоровною. И по паспорту, и по внешнему облику оба происходили из городского мещанства: муж — широколицый, с рыжей бородой лопатой, жена — простовато одетая, с вятским говорком на «о», с подстриженной челкой на лбу. Оба только что приехали в столицу, чтобы открыть тут торговое заведение. Высмотрели подходящий подвал на Малой Садовой, в доме Менгден, сняли его за 1200 руб. в год, заклю-

чили условие, начали ремонт. С 7 января 1881 г. открылась торговля в сырной лавке Кобозевых. Лавка была как лавка: стояли ящики и бочки с сырами, висела икона с лампадкой, бегал хозяйский кот. Но полиция была осторожной: помещение выходило на улицу, по которой нередко проезжал царь. Послали в Воронеж справиться, был ли выдан паспорт мещанину Кобозеву? Ответ получился успокоительный: все было в порядке. Ни соседи, ни дворник, ни постовой городской не замечали ничего подозрительного. Никто не знал, что под видом Кобозева поселился один из народовольцев — Ю. Н. Богданович, а под видом его жены — та самая «Баска», которая участвовала в предшествовавших покушениях на императора.

Каждую ночь, после закрытия сырной лавки, здесь начиналась напряженная и трудная работа. В жилой комнате тщательно завешивалось окно, снималась деревянная обшивка наружной стены и начиналось прорытие подземной галереи. Работали медленно и осторожно, чтобы не навлечь на себя подозрений с улицы. «Хозяйка», Якимова, следила в окно за движениями постового городского. Мужчины пробивали стену и вели подкоп. Стена поддавалась туго — цемент и кирпичи пришлось размягчать кислотой. Подкоп шел к самой середине улицы. После долгих усилий наткнулись на железную водопроводную трубу — пришлось изменить взятую направленность. Через некоторое время встретилось новое препятствие — деревянная сточная труба. Копать ниже — нельзя: выступает подпочвенная вода; копать выше — опасно: может произойти обвал мостовой. Решили пересечь трубу — прорезать в ней отверстие (вода доходила только до половины трубы), потом продвинуть через него бурав и сосуды с динамитом. Труба была пробита, и ужасное зловоние охватило подземную галерею. Землекопы надевали на себя респираторы из ваты и все-таки не могли выдерживать долгое время. Наконец трубу заделали и продолжали работу дальше. Копали несколько мужчин, которые заранее сходились в лавку, стараясь отвести от себя следы. Землю не выносили, а складывали в комнатах — в бочки, в диван — всюду, куда можно было сложить.

Одновременно велась другая работа: на квартире Кибальчича готовился динамит, а на улицах столицы тщательно изучали выезды царя.

Приходилось быть постоянно настороже; малейшая оплошность — и подкоп будет открыт. Опасность грозила отовсюду — от дворника, от городского, от шмыгающих шпионов, от случайных посетителей. Однажды днем в отсутствие Кобозева лавку посетил управляющий дома: зашел справиться, не дал ли новый асфальт какой-нибудь трещины, хотел побывать в заднем помещении и осмотреть пол. Якимова заявила, что там развешено вымытое белье, а за асфальтом они сами смотрят, это — в их интересах. Управляющий не настаивал и ушел из лавки.

Однако опасность надвигалась с другой стороны. 25 февраля подкоп окончили, оставалось подождать дня проезда царя и заложить мину. 27 февраля шпионы выследили одного из народовольцев, выходившего из сырной лавки. За лавкой установили надзор, полетели полицейские доносы. В тот же день произошло новое несчастье, которое грозило разрушить весь план террористов: на квартире Тригоны был арестован Желябов, главный организатор и вдохновитель заговора...

На следующий день в лавку Кобозевых нагрянула полиция: решили осмотреть подозрительное помещение под предлогом санитарно-технических целей. Военный инженер генерал Мровинский обошел лавку и ком-

нату, пощупал деревянную обшивку, ткнул ногой сено и уголь, заглянул в бочки — все оказалось в порядке, никаких следов подкопа не обнаружилось. Хозяин лавки почтительно сопровождал начальство и давал необходимые объяснения. Осмотр не дал полиции никаких результатов, и все обошлось благополучно.

Члены Исполнительного комитета не растерялись. Было созвано немедленно совещание и решено действовать, не откладывая. Проезд царя ожидался на следующий день, 1 марта. Постановили действовать и миною, и бомбами: если царь поедет по Малой Садовой, будет взорвана мостовая; если царь двинется по другим улицам, выступят метальщики с бомбами.

Ночью в подкопе была заложена мина и поставлена батарея; в то же время на конспиративной квартире происходило приготовление бомб. К утру все было готово, весь план обдуман, все обязанности строго распределены.

Наступило 1 марта 1881 г. А. В. Якимова с утра находилась в лавке. В ее задачи входило — сидеть у окна и следить за движением на улицах; при появлении царской кареты она должна была дать знать товарищу (М. Ф. Фроленко), который находился около подкопа и держал в руках электрические провода: по знаку Якимовой он должен был быстро сомкнуть их с батареей. «Хозяин» лавки Богданович—Кобозев по ранее составленному плану оставил лавку за час до ожидаемого взрыва. М. Ф. Фроленко был неизвестен соседям и мог незаметно ускользнуть через задний выход. Самым опасным было положение Якимовой: как хозяйка лавки она была известна всему дому и ускользнуть при взрыве оказывалось для нее невозможным.

На ближайших улицах были расставлены сигналисты и метальщики (ничего не знавшие о существовании подкопа). Главное руководство террористическим актом сосредоточилось в руках С. Л. Перовской.

В час дня Александр II выехал из помещения Зимнего дворца. Якимова видела, как замирает уличное движение, как напрягаются и каменеют фигуры конных жандармов. Еще мгновение — и будет дан сигнал. Фроленко уже наготове. Но внезапно спины жандармов расправляются, лица оживают, начинается движение и разговоры: царская карета миновала Малую Садовую и двинулась к манежу. Якимова отправилась на разведку и смешалась с толпой, заполнявшей соседние улицы.

Тем временем метальщики заняли новые позиции по Екатерининскому каналу. После военного смотра царь двинулся в обратный путь, заехал на полчаса в Михайловский дворец и, выйдя оттуда, приказал кучеру направиться по набережной Екатерининского канала. В сопровождении конных казаков, полиции и жандармов царская карета помчалась по набережной. Неожиданно раздался оглушительный взрыв, задребезжали стекла, улица окуталась дымом и покрылась обломками: это была первая бомба, брошенная Н. И. Рысаковым. Задняя сторона кареты была разрушена, но царь остался невредимым. Он вышел из кареты и направился к арестованному метальщику.

«Это тот, который бросил?» — «Так точно, ваше императорское величество», — отвечали в толпе. Царь повернулся и направился к карете. Прошло мгновение — и раздался новый оглушительный взрыв. Облако снега, пыли, обломков поднялось в воздух. Царь упал смертельно раненный. Смертельно раненным упал и бросивший бомбу И. И. Гриневицкий.

Приговор Исполнительного комитета был приведен в исполнение. Убийство царя произвело громадное впечатление на всю страну. Но борь-

ба с самодержавием не могла считаться оконченной. Решили сохранить неиспользованный подкоп, и Якимова по-прежнему осталась хозяйкой сырной лавки. Однако обстоятельства складывались иначе. В ночь на 3 марта полиция явилась в конспиративную квартиру на Тележной улице и устроила там засаду; было ясно: арестованный Рысаков дает откровенные показания. Можно было опасаться за квартиру на Малой Садовой. Решили ликвидировать лавку и выпроводить из Петербурга ее хозяев.

В тот же день с дневным поездом уехал Богданович—Кобозев. Якимова задержалась дольше: вечером, в обычное время, заперла лавку, зажгла лампадку перед образом св. Георгия Победоносца и с маленьким узелком в руках вышла через задний ход в ворота, мимо дремавшего дворника. В тот же вечер поезд мчал Якимову по направлению к Смоленску, а оттуда — в Москву.

На следующий день покупатели, дворник, полиция напрасно стучали в безмолвную сырную лавку. Помещение было вскрыто и обыскано. Нашли массу земли, буравы, лопаты, скрытую батарею. Подкоп был осмотрен, и мина извлечена на свет. Но энергичные поиски «преступников» не давали никаких результатов.

Пожив в Москве, Якимова отправилась в Киев отдохнуть и устроить свои личные дела. По приезде она остановилась в меблированных комнатах у товарища по партии — Фанни Морейнис. Но за Фанни следили и в тот же день произвели у нее обыск. Попутно были арестованы Якимова и М. Р. Лантанс. Киевская полиция не знала, что арестовывает крупнейших террористов. Только впоследствии, после предательства В. П. Меркулова, выяснилось, кто такая была арестованная Ольга Владимировна Емельянова.

Мечты о победе не осуществились. Якимову перевезли в Петербург и отдали под суд вместе с другими захваченными народовольцами, в том числе А. Д. Михайловым, Н. А. Морозовым и М. Ф. Фроленко. В это время аресты шли по всей России. Самодержавие было напугано, но уцелело. Призыв народovolьцев еще не встретил отклика в народных массах. Желябов, Перовская и Кибальчич уже взойшли на виселицу. Над остальными обвиняемыми террористами веял призрак неизбежной и близкой смерти.

4. КАТОРГА И ССЫЛКА

Процесс 20 народovolьцев, на котором судили А. В. Якимову, происходил в Петербурге с 9 по 15 февраля 1882 г. Якимова не скрывала своей революционной работы, признала свое участие в ряде террористических актов, но отказалась давать подробные показания, чтобы не повредить товарищам. На суде она держалась спокойно, изредка улыбалась. От защиты решительно отказалась. Не вся ее деятельность была обнаружена. Тем не менее ей был вынесен смертный приговор — так же как 9 другим подсудимым, в том числе Т. И. Лебедевой.

Весть об этом приговоре облетела Европу и вызвала страстный протест знаменитого французского писателя Виктора Гюго: «Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами безграничная тьма, среди этого мрака 10 человеческих существ; из них две женщины (две женщины!) обречены на смерть, а десять других должен поглотить русский склеп — Сибирь. Зачем? К чему эта виселица? К чему эта тюрьма?.. Милосердия!..»

Под давлением европейского общественного мнения новый самодержец Александр III заменил офицеру Н. Е. Суханову повешение «расстреливанием», а другим смертную казнь — бессрочной каторгой. Для многих эта царская «милость» оказалась только мучительной и медленной смертью.

А. В. Якимова была заточена в Екатерининской куртине Петропавловской крепости (изредка ее перемещали в Трубецкой бастион). Всех осужденных перевели на каторжное положение — переодели в казенную дерюгу, лишили чая, сахара и мыла, давали скудную и отвратительную пищу: утром и вечером по кружке мутного кипятку, порцию черного засоренного хлеба, в обед водянистые щи и гречневую размазную. На прогулку не выпускали. Книг не давали вовсе (позднее стали давать Библию). Обращение было грубое и суровое. Особенно тяжелым было положение женщин, находившихся под постоянным надзором солдат и тюремщиков. Голодая, без воздуха и работы, заключенные теряли свои силы. Началась чахотка, цынга и дизентерия. Врачебной помощи почти не оказывалось. Шестеро заключенных мужчин зачали и умерли; умерла также одна из женщин — Терентьева; один из осужденных лишился рассудка.

Положение Якимовой было вдвойне тяжелым: на ее руках был новорожденный грудной младенец, родившийся в тюрьме, за несколько месяцев до суда. Молодая мать отказалась отдать его тюремщикам, кормила его собственной грудью и согревала своим дыханием среди сырости и холода крепостной камеры. От постоянного недоедания у заключенной началось худосочие и открылись гнойные нарывы, которые грозили перейти в гангрену. Ребенку не хватало молока матери, у него появились желудочные заболевания, и его раздражающие крики раздавались под сводами царской тюрьмы, долетая до одиночных камер. Тяжелое положение матери и сына вызвало некоторое смягчение режима: Якимовой разрешили выдавать бульон, бутылку молока и 3-х копейчную булку; стали выпускать ее на прогулку; позволили получать мыло и стирать в камере белье.

Так продолжалось до лета 1883 г. К этому времени решили отправить Якимову и ее сопроцессницу Т. И. Лебедеву на Карийскую каторгу в далекую Сибирь. Им предстояло совершить многотысячеверстный путь частью по железной дороге, частью по воде, главным образом — пешком по этапу. Отправились вместе с группой осужденных по процессу 17 народовольцев 1883 г. Для Якимовой этот путь длился долго, почти 2 года. Свежий воздух, новые впечатления, общение с друзьями не могли уничтожить разрушительного влияния холода и сырости, грязи, этапов и утомления дороги. Мальчик, бывший на руках у матери, заболел несколько раз, нередко он был на волосок от смерти; сама Якимова сваливалась то от тифа, то от других болезней. Товарищи убедили ее оставить сына в Красноярске, на руках верных друзей, которые будут следить за его здоровьем. Скрепя сердце, мать согласилась; было ясно, что ребенку угрожает верная смерть в условиях каторжного режима.

В мае 1885 г. Якимова добралась до Кары. Так называлась маленькая золотиносная речушка, приток многоводной Шилки, на самом краю Сибири. Здесь, среди сопок, обрамленных густыми хвойными лесами, было раскинуто несколько тюремных поселков. Помещение для женщин было устроено при устье реки и походило на разваливающуюся конюшню. Камеры были холодные и сырые; печи имелись только в коридоре. В зимнее время стены угловых комнат покрывались ледяной коркой; на нижних сторонах соломенных тюфяков показывался иней. Крохотные окна

под потолком едва пропускали лучи дневного света. Для прогулок существовал маленький двор, и только в узкие щели деревянных палей^{3*} можно было увидеть внешний мир — суровую и дикую красоту сибирского края.

Женщинам разрешалось проводить время вместе; они устроили коммуны, избрали из своей среды старосту, сообща столовались, стараясь несколько улучшить скудный тюремный паек. В суровые морозы вся жизнь сосредоточивалась в тюремном коридоре — здесь шла стряпня, хлебопечение, стирка. Здесь же за самоваром обменивались мыслями, воспоминаниями, мечтали о будущем. Изредка случалась большая радость — приходила весточка с воли. Поддерживали тайные сношения с мужской тюрьмой. Получали книги из тюремной библиотеки.

Замкнутая жизнь текла однообразно и серо, постоянно подтачивая молодые силы, вырывая из среды заключенных то одну, то другую жертву. Так продолжалось до 1889 г., когда на карийскую каторгу обрушилась неожиданная гроза.

В августе того года в тюрьму приехал приамурский генерал-губернатор Корф. При обходе женской тюрьмы генерал был возмущен поведением заключенной Е. Н. Ковальской: непримиримая протестантка не захотела встать при его появлении. Через несколько дней, глубокой ночью, жандармы ворвались в помещение женской тюрьмы, схватили полусонную, раздетую Ковальскую и, подвергая ее оскорблениям, увезли в другую тюрьму. Ответом на это насилие была тюремная голодовка: заключенные женщины отказались принимать пищу, пока не сменят коменданта Масюкова, ответственного за оскорбления Ковальской. Голодовка возобновлялась несколько раз, в числе протестующих была и Якимова. Тюремное начальство, чувствуя возбужденное состояние карийской каторги, избрало путь томительных проволок. Положение постепенно обострялось и становилось безвыходным. Тогда одна из заключенных, Н. Сигида, решила пожертвовать собой, чтобы разругать затянувшийся узел: она ударила коменданта, надеясь вызвать этим его отставку. В ответ по распоряжению генерал-губернатора, одобренному из Петербурга, к политическим решили применить телесное наказание. Сигиду высекли розгами в присутствии жандармов и солдат. Это было позорным оскорблением не только для чести женщины, но и для достоинства революционерки. Протестовать оставалось единственным путем — собственной смертью. В тот же день отравились Сигида и трое ее подруг, заключенные с нею в одном помещении. Через несколько дней, узнав о смерти 4 женщин, отравились 16 заключенных в мужской тюрьме. Но яд оказался слабым — двое мужчин погибло, остальных возвратили к жизни. В ответ на этот протест правительство отменило приказ о телесном наказании. Но вместе с тем оно решило упразднить политическую тюрьму и перевести карийцев на общее положение с уголовными.

Два года Якимова пробыла на уголовной каторге вместе с обыкновенными преступницами, деля с ними и время и пищу. Но расчеты правительства не оправдались: уголовные не были враждебны к политическим, уважали в них непреклонную стойкость и отвели им «красный угол» на арестантских нарах.

В 1892 г. Якимову выпустили в «вольную команду» — разрешили ей жить вне стен тюрьмы, но под строгим надзором тюремного начальства.

^{3*} Паля (мн. ч. — пали) — столб, употребляемый для забора, частокола.

Еще через несколько лет перевели с Кайрийского рудника на Акатуйский, а в 1899 г. выпустили на поселение: одним из царских манифестов бессрочная каторга была заменена двадцатилетнею, а 8 месяцев в рудниках стали засчитывать за 1 год каторги.

А. В. Якимовой удалось устроиться в Чите, главном городе Забайкальской области,— месте службы ее мужа М. А. Диковского. Поступив конторщицей на Забайкальскую железную дорогу, она не оставляла мысли о революционной борьбе. Из Европейской России доходили вести о наступившем оживлении, о первых зарницах массовой всенародной революции. Наступила русско-японская война. В воздухе чувствовалось приближение политической грозы.

В конце 1904 г. Анна Васильевна Якимова «самовольно отлучилась» с места своего поселения, чтобы отдаться снова и безраздельно революционной работе. Приехав в Европейскую Россию, она вступила в партию социалистов-революционеров и через некоторое время заняла почетное и ответственное место в ее Центральном комитете. По поручениям партии она объезжала различные города России, принимала участие в самых опасных революционных предприятиях. Петербург, Москва, Одесса, Рига, Тифлис, Баку, Батум были местами ее работы в бурный период первой революции. Она чувствовала мощное влияние массового движения, о котором мечтала в годы своей юности, и активно помогала его развитию. Но вместе с тем она ощущала за собой непрерывное наблюдение, которое не оставляло ее ни на один шаг. В недрах партии с.р. таилась провокация, которая опутывала своей сетью и А. В. Якимову. 23 августа 1905 г. старая террористка была арестована в железнодорожном вагоне, по дороге из Нижнего в Москву. Арестованная не открыла своего имени и долго числилась «бродягой, не помнящей родства». Но было ясно, что ее настоящее имя известно жандармской власти: в конце концов она решила назвать себя. Никаких допросов не устраивали, а заключили сначала во Владимирскую тюрьму, а потом в Петропавловскую крепость. Третий раз Якимовой пришлось увидеть ненавистные стены царской Бастилии. Октябрьский царский манифест 1905 г. не освободил ее: побег был признан преступлением уголовным и повлек за собой новый процесс и новый тюремный приговор. Только 7 июня 1907 г. Якимова вышла наконец из стен Читинской тюрьмы.

Революция была подавлена, и снова на время восторжествовала реакция. Но, оставшись в Чите, Якимова не прекратила революционной деятельности: она продолжала работать в читинской организации с.р. и в местном комитете политического Красного Креста. Не раз ее квартира подвергалась полицейским налетам и обыскам. Однажды на короткое время арестовали саму хозяйку беспокойной квартиры.

Наступила вторая — Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. Вести о восстании в Петрограде долетели до Забайкалья, вызвав всеобщий взрыв радости и подъема. Свержение царизма, могучий рост победоносного движения были исполнением заветных чаяний Якимовой. В начале марта Чита уже справляла празднество свободы. Ликующая толпа заливала улицы и площади города. А. В. Якимова шла впереди революционной демонстрации, неся над головой развевающееся красное знамя. В ее лице народ приветствовал героическое поколение революционеров, которые нанесли первые могучие удары царскому самодержавию. Торжественною клятвою собравшиеся массы утвердили свою преданность свободе и свою готовность к ее защите. Якимова навсегда запомнила этот день. Такие минуты незабываемого подъема искупали в

ее глазах всю тяжесть многолетнего заточения, каторги и ссылки: они доказывали великий смысл ее собственного общественного подвига.

Так протекала жизнь А. В. Якимовой, начиная с детства и кончая моментом революции. По своему происхождению и воспитанию она вышла из среды разночинцев 60-х годов и воплотила в себе их характерные черты — суровую простоту, трудовой закал и упорство в достижении намеченных целей. Выросши среди народа, она отдала народу всю свою жизнь, испытав стремления, борьбу и страдания лучших людей своего поколения. Тюрма и каторга не сломили, а закалили ее: она осталась неизменно верной самой себе. И теперь среди молодых порослей новой жизни она кажется такой же крепкой и цельной, как кряжистые дубы ее родного вятского края.

Со времени образования Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев Анна Васильевна Якимова-Диковская состоит его активным членом. При организации временной комиссии по празднованию 100-летнего юбилея декабристов Анна Васильевна была избрана председателем этой комиссии^{4*}.

^{4*} В основу настоящей биографии, кроме печатных источников, легли устные воспоминания А. В. Якимовой и некоторых из ее товарищей по революционной работе. — Н. Д.

ПРИМЕЧАНИЯ

Что читать о жизни и деятельности А. В. Якимовой

¹ *Личные воспоминания А. В. Якимовой:*

Якимова А. В. Из прошлого. — Историко-революционный вестник, М., 1922, № 1(4); Она же. Из далекого прошлого. — Каторга и ссылка, М., 1924, № 8; Она же. По поводу пьесы «1881 год». — Там же, 1925, № 2(15); Она же. Группа «Свобода или Смерть». — Там же, 1926, № 3(24).

² *Правительственные и партийные документы:*

Процесс 193-х. М., 1906; Процесс 1 марта 1881 г. СПб., 1906; Процесс 20 народовольцев в 1882 г. — Русская историческая библиотека, 1906, № 10; Письма из Петропавловской крепости. — В кн.: Литература партии «Народной воли». М., 1907, с. 462—475; Кари́йская трагедия 1889 г. М., 1920, с. 31.

³ *Воспоминания и письма:*

Кафиеро-Кутузова О. Из далекого прошлого. — Былое, 1907, № 1; Чудновский С. Из дальних лет. — Минувшие годы, 1908, № 5, 6; Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х годов. М., 1924; Фигнер В. Н. Запечатленный труд. М., 1921. Т. 1; Из архива Л. Тихомирова. — Красный архив, 1924, т. 6; Прибылева А. В. От Петербурга до Кары. М., 1923; Кон Ф. На Каре. — Каторга и ссылка, 1922, № 3; Ивановская П. Страницка из истории Кари́йской каторги. — Каторга и ссылка, 1923, № 5; Автобиографическая записка С. Ширяева. — Красный архив, 1924, т. 7; Тютчев Н. Воспоминания и статьи. М., 1926, т. 2.

КОММЕНТАРИИ

Произведения академика Н. М. Дружинина, включенные в настоящее издание, помещены в тематическом порядке: в пределах тематических комплексов соблюдается хронологическая последовательность публикации работ. Исключение составляет фундаментальная монография «Декабрист Никита Муравьев», которой открывается весь том.

Для удобства читателей представляется необходимым сделать некоторые пояснения относительно местонахождения основных источников, которыми пользовался Н. М. Дружинин, и оформления научно-справочного аппарата данного издания. Эти пояснения относятся главным образом к его работам о декабристах, составляющим основной объем тома. За время, прошедшее с момента их выхода, произошли изменения в названиях архивов, некоторые коллекции документов и вещей переменили место своего хранения, многие архивные фонды подверглись новой обработке. В настоящем томе приводятся современные названия архивов и новые номера архивных фондов и единиц хранения, которые соответствуют старым ссылкам, сделанным при первом издании работ.

Прежде всего следует остановиться на материалах Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, которые являются важной составной частью источниковой базы исследований Н. М. Дружинина.

О фонде Муравьевых и Бибиковых, документы которого легли в основу монографии «Декабрист Никита Муравьев». В настоящее время фонд имеет номер 1153 (старый номер фонда при хранении его в ЦГАОРе был 1166). В 1950 г. фонд был передан из ЦГАОР СССР в Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИАМ), где он «подвергся усовершенствованию и научно-технической обработке» (слова, взятые в кавычки, приведены из предисловия к описи ф. 1153, с. V). Затем фонд был вновь возвращен в ЦГАОР. К сожалению, при обработке фонда в архиве г. Москвы не были составлены переводные таблицы, что сильно затруднило работу по перешифровке ссылок.

Изменился номер фонда «Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу декабристов», в настоящее время это ф. 48 (старый номер — ф. 1123). Нумерация дел фонда сохранена старая (по описи № 1, Н. П. Павлова-Сильванского). Ссылки в статье «Масонские знаки П. И. Пестеля» на фонд XXI Особого отдела АОР соответствуют новым ссылкам на ф. 48, д. 397, 479.

Архив Якушкина, сокращенно обозначенный в первом издании работ «АЯ», хранится в ЦГАОР СССР — ф. 279 (Якушкиных). Фонд обработан, в настоящем издании приводятся новые номера единиц хранения, соответствующие старым ссылкам. Не удалось отыскать два документа, на которые имеются ссылки в статье «Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа»: письмо Е. П. Оболенского Е. И. Якушкину от 20 ноября 1857 г. и письмо О. Н. Балакишиной М. И. Муравьеву-Апостолу. В описи фонда 279 эти письма не значатся.

В монографии «Декабрист Никита Муравьев» и статье «Семейство Чернышевых и декабристское движение» есть ссылки на «Экономические примечания к генеральному межеванию», хранившиеся ранее в Центральном межевом архиве. В настоящее время материалы этого архива находятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). «Экономические примечания к генеральному межеванию» составляют фонд 1355, номера единиц хранения также изменились. В на-

стоящем издании приведены современные шифры, соответствующие старым ссылкам в названных работах Н. М. Дружинина.

Архив Московского университета (АМУ), на который имеются ссылки во второй главе монографии «Декабрист Никита Муравьев», находится ныне в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы, ф. 148 (Московского университета).

В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИА СССР) также велась работа по фондообразованию и обработке материалов. Работа по перешифровке ссылок на документы ЦГИА СССР для настоящего издания выполнена научным сотрудником ЦГИА В. И. Вельбель. Не удалось при этом разыскать лишь «Дело о фельдъегере Г. Желдыбине» (ссылка 4 в главе 8 монографии «Декабрист Никита Муравьев»).

Из ЦГИА СССР в Ленинграде в Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) переданы документы Канцелярии военного министерства. Ныне это фонд 1 ЦГВИА. Материалы Канцелярии дежурного генерала главного штаба е. и. в., хранящиеся в ЦГВИА, составляют фонд 36.

В Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (РО ГБЛ) текст конституции Н. Муравьева с рассуждениями К. П. Торсона (Приложение IV к монографии «Декабрист Никита Муравьев») хранится в настоящее время в фонде И. И. Пущина — ф. 243, № 4.54 (старый шифр: поступление 1904 г., № 3369). Материалы о масонстве собраны в фонде С. С. Ланского и С. В. Ешевского — ф. 147; наряду с новыми единицами хранения в скобках приведены старые номера, которые сохранились на делах фонда.

Хранившиеся ранее в Музее Революции в Москве материалы о декабристах переданы оттуда и хранятся в настоящее время в Государственном Историческом музее (ГИМ). В частности, экономические документы Муравьевых, письма Н. Муравьева, рукописи М. Лунина, тетради по зоологии И. Д. Якушкина, обозначенные в первом издании работ под шифром: МР, к. п. 3957. Они находятся в Отделе письменных источников ГИМ (ОПИ ГИМ) в ф. 282, д. 287, 285, 280, 302. В Историческом музее находится также коллекция масонских знаков П. И. Пестеля, поступившая туда из Музея Революции.

* * *

Монография «Декабрист Никита Муравьев». Опубликована в 1933 г. в Москве, в серии «Историко-революционная библиотека (воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России)». Эта серия выходила под грифом Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Объем монографии — 26 п. л., тираж 3100 экземпляров.

Помимо авторского текста, в книге имеется пять приложений: экономические документы из архива Муравьевых; список книг Никиты Муравьева по вопросам философии, истории, экономики и права из числа подаренных Е. Ф. Муравьевой Московскому университету и три варианта текста Конституции Н. Муравьева: 1) текст, найденный в бумагах С. П. Трубецкого (ЦГАОР СССР, ф. 48, № 333, л. 157—174); 2) список Конституции, хранившийся в бумагах И. И. Пущина, с рассуждением К. П. Торсона (РО ГБЛ, ф. 243, № 4.54); 3) вариант Конституции, написанный Н. Муравьевым в Петропавловской крепости во время следствия по делу декабристов (ЦГАОР СССР, ф. 48, № 10).

В настоящем издании исследование Н. М. Дружинина «Декабрист Никита Муравьев» перепечатывается полностью, без каких-либо изменений, за исключением мелкой редакторской правки, со всеми теми приложениями, какие имелись в издании 1933 г. В соответствии с нынешними издательскими правилами примечания даны по главам, к которым они относятся, и помещены в конце текста монографии перед приложениями. При книге имелся именной указатель. В настоящем издании этот именной указатель как самостоятельный указатель к монографии «Декабрист Никита Муравьев» не воспроизводится. В дополненном виде, с учетом имен, встречаю

щихся в других работах, включенных в том, он помещен в виде именного указателя ко всей книге.

Статья «К истории идейных исканий П. И. Пестеля» опубликована впервые в 1929 г. во втором сборнике статей Музея революции Союза ССР под названием «Масонские знаки П. И. Пестеля» (с. 12—47). Сборник вышел к 5-летию со дня основания музея. Тираж очень небольшой — 600 экз.

В сборнике подведены итоги пятилетней деятельности музея, поставлены задачи на будущее в области организации музейного дела и изучения накопленных материалов по истории революционного прошлого. Материалы сборника отражают исследовательскую работу сотрудников музея по изучению отдельных коллекций и комплексов материалов. Н. М. Дружинин с 1926 г. являлся ученым секретарем музея и принимал активное участие в этой работе. Текст статьи печатается полностью с воспроизведением части иллюстраций, помещенных в первом издании в названном выше сборнике.

Статья «Семейство Чернышевых и декабристское движение». Опубликована в 1930 г. в сборнике статей под названием «Ярополец» (с. 17—43). Сборник является восьмым выпуском «Трудов Общества изучения Московской области». Он готовился к юбилейным пушкинским датам: 130-летию со дня рождения и 90-летию со дня смерти поэта. Тираж сборника 1 тыс. экз.

Пушкинская комиссия, созданная при Обществе изучения Московской области, занималась, в частности, изучением отдельных мест, связанных с именем поэта. В связи с этим внимание пушкинистов привлекло имение Ярополец под Волоколамском, в котором А. С. Пушкин останавливался в 1833 г. у своей тещи Натальи Ивановны Гончаровой. В то время Ярополец находился во владении двух семей: родственников жены Пушкина Гончаровых и Чернышевых. Граф Григорий Петрович Чернышев — прапрадед декабриста Захара Григорьевича Чернышева — купил часть Яропольца в 1717 г. у Петра Петровича Дорошенко, предка по материнской линии Натальи Николаевны Гончаровой. В Яропольце в XIX в. находились две усадьбы — Гончаровых и Чернышевых. Поэтому в сборнике, носящем название «Ярополец» и посвященном А. С. Пушкину, нашла место статья о семействе Чернышевых. Судьба этого семейства тесно связана с движением декабристов, его видные представители являлись близкими друзьями и единомышленниками поэта. Статья перепечатывается полностью с воспроизведением иллюстраций, помещенных при первом ее издании, за исключением одного портрета З. Г. Чернышева, ссылка на местонахождение которого в сборнике отсутствует.

Статья «С. П. Трубецкой как мемуарист» и публикация «Записи С. П. Трубецкого (Из архива Якушкиных)» с примечаниями Н. М. Дружинина изданы в 1932 г. в книге «Декабристы и их время» (Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени, т. 2, с. 23—43; 9—22). Издание это вышло под грифом Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, выпущено оно было Издательством Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В книгу вошли работы членов Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. Эти секции существовали и действовали при обществе до времени их слияния в 1931 г. с другой секцией при том же обществе, называвшейся Секцией по изучению революционного движения 40-х и 60-х годов XIX в. После соединения этих секций дальнейшая работа по изучению движения декабристов и их эпохи велась образовавшейся в итоге их слияния новой Секцией по изучению революционных движений домарксистского периода. Публикация записей Трубецкого с комментариями Н. М. Дружинина и его исследовательская статья о С. П. Трубецком перепечатываются полностью.

Статья «Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа». Опубликована впервые в 1941 г. во втором томе (выпуск 1-й) Ученых записок Московского городского педагогического института (ныне Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина) (с. 33—96), вышедших тиражом 400 экз. В 1975 г. статья была перепечатана в сб. «Декабристы в Сибири», т. 3. В настоящем издании статья воспроизводится полностью.

Статья «А. Гакстаузен и русские революционные демократы». Опубликована в журнале «История СССР» (1967, № 3, с. 69—80). На год раньше под тем же названием статья была опубликована на немецком языке в сборнике, посвященном известному немецкому ученому академику Е. Винтеру, изданном к 70-летию со дня его рождения (A. v. Haxthausen und die russischen revolutionären Demokraten.— In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen: Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag. Berlin, 1966, S. 642—658).

«Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Анна Васильевна Якимова (Кобозева)» — популярная брошюра о жизни и революционной деятельности видного члена «Народной воли» А. В. Якимовой, опубликована в 1926 г. в серии «Дешевая библиотека журнала «Каторга и ссылка» в Издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, тиражом 16 тыс. экз. Работа написана для популярной серии и не имеет, в отличие от других работ, помещенных в настоящей книге, научного аппарата. В конце ее имеется лишь список изданий, которыми автор пользовался при ее написании. Большой интерес для исследователей настоящая работа представляет включением в нее отрывков воспоминаний деятелей революционного движения. Такие воспоминания Н. М. Дружинин слышал непосредственно от участников движения и воспроизвел в своей работе.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абрамов Н. А. 428, 429
 Авалиани С. 280
 Август, римский имп. 82
 Августин, епископ 378
 Авксентьев А. 229
 Аврамов И. Б. 111
 Аврелий Марк, римский имп. 50, 82, 83
 Адамс Д. 64, 141
 Адашев А. 422
 Адриан, римский имп. 82
 Аксаков К. С. 438, 439, 448
 Акудинов, крестьянин 212
 Александр, свящ. 429
 Александр Павлович, вел. кн. см. Александр I
 Александр I 16, 31–36, 39–41, 46, 48, 51, 60, 67, 73, 76, 83, 93, 101, 102, 116, 123, 133, 179, 187, 193, 203, 217, 230–234, 329, 332, 335, 344, 345, 358–360, 362, 369, 371–374, 376, 390, 401, 404–406, 410, 422, 423, 431, 435
 Александр II 369, 435, 461–463, 465
 Александр III 467
 Александров Г. Н. 435
 Алексеевский Б. 354
 Алехин, землевладелец 24
 Аллен В. 401
 Альфиери В. 65
 Анастасия, царица, жена Ивана IV 422
 Андреева О., крестьянка 245
 Андреевич 2-й Я. М. 221, 222
 Андроссов В. П. 41, 229–231
 Анна Ивановна, имп. 335, 422
 Анненков И. А. 114, 204, 208, 233, 241, 338, 339, 341, 343, 345, 346, 349, 355
 Анненкова П. Е. 240, 354, 355
 Анненковы 386, 429
 Антинг Ф. 65
 Антонина см. Якимова А. В.
 Антонины, римские имп. 80, 82
 Антонов, секретарь 244
 Апраксин, полковник 345
 Апраксин С. С. 20, 24, 27, 402
 Апраксины 315
 Аптекман О. В. 458, 459, 470
 Аракчеев А. А. 33, 34, 41, 61, 101, 187, 409
 Армфельд Г.-М. 35
 Арсеньев К. И. 15, 17, 29, 229, 230, 238, 239, 252
 Артемьев С. крестьянин 245
 Архаров Н. П. 354
 Арцыбашев Д. А. 339, 343, 345, 346, 355
 Ашлей П. 239
 Бажаев В. Г. 229–231
 Байер Г.-З. 79
 Байрон Д. 334
 Бакунин М. А. 452, 458
 Бакунин М. П., агроном 13
 Балакшин Б. С. 434
 Балакшин Н. Я. 386, 416, 418, 436
 Балакшина А. Н. 428, 430, 431, 436
 Балакшина О. Н. 384, 419, 424, 431, 433, 436, 471
 Балашов А. Д. 308
 Балицкий Г., издатель 121
 Баратаев М. П. 223
 Барсов Е. В. 329
 Барсуков Н. П. 234, 448
 Барыков Ф. В. 339, 355
 Барятинский А. П. 8, 107, 108, 336, 339, 354
 Басаргин Н. В. 11, 240, 354–356, 384, 385, 388, 433, 434, 436
 Баска см. Якимова А. В.
 Батеньков Г. С. 117, 183, 192, 365, 407–409
 Батюшков К. Н. 54, 56, 58, 63, 67, 77, 232, 233
 Башуцкий А. П. 359, 373, 374
 Бебер, масон 309
 Бегичев С. Н. 336
 Бедфордский, герцог 400
 Беккариа Ч. 64
 Белегард, аббат 52
 Белл А. (Белль А.) 395–397, 403, 434, 435
 Белосельский Э. А. 109
 Беляев 1-й А. П. 240, 433, 436
 Бенкендорф А. Х. 200, 206, 207, 329, 365, 377, 382
 Бенингсен Л. Л. 57
 Бентам И. 37, 38, 64, 108, 252, 318
 Берг, автор проекта 31
 Берже А. П. 356
 Берк Э. 64, 86, 89, 165
 Бестужев (Марлинский) А. А. 113, 115, 116, 135, 187, 350, 356, 362, 391
 Бестужев А. Ф., отец декабристов 50
 Бестужев М. А. 115, 222

* Указатель составила Л. П. Дойникова. Принятые сокращения: англ. – английский, вел. кн. – великий князь; кн. – князь, княгиня; гр. – граф, графиня; имп. – император; свящ. – священник.

- Бестужев Н. А. 5, 9, 115, 126–131, 133, 134, 183, 205, 222, 235, 408, 409
 Бестужев П. А. 115
 Бестужевы 126
 Бестужев-Рюмин М. П. 117
 Бецкий И. И. 52
 Бибииков Д. Г. 214
 Бибииков И. Г. 83
 Бибиикова А. 232, 233, 240, 241
 Бибииковы 7, 11, 471
 Бирюков И. 248
 Бирюкович В. 230, 232
 Бланкеннагель Е. И. 13, 16
 Блекстон В. 64, 252
 Блудов Д. Н. 77
 Блудова А. Д. 331, 354
 Бобринский В. А. 339, 341, 344, 355
 Бобрищев-Пушкин Н. С. 111
 Бобрищев-Пушкин П. С. 111, 391, 395, 426
 Богданович М. И. 233
 Богданович Ю. Н. 463–466
 Боголюбов (псевдоним Емельянова П. А.) 459
 Богородицкий О. П. 83
 Богучарский В. 380
 Болотов А. Т. 12, 13
 Болтин И. Н. 79, 252, 438, 448
 Большаков П., писец 243
 Бомон Леон, де 87
 Бонапарт см. Наполеон I
 Бонневиль, издатель 323
 Борисовы А. И. и П. И. 221, 389, 390
 Борисов Л. А. 13
 Боровикова-Майкова М. С. 234
 Бороздин А. К. 233, 236, 329
 Бороздин Н. М. 310
 Бошан А. 65
 Брайс Д. 180, 237–239
 Браккенридж, историк 64
 Бригген А. Ф. 105, 116
 Броневский С. Б. 207
 Булатов А. М. 362, 364, 367, 376, 382
 Булгаков А. Я. 354 355
 Булгаков К. Я. 354
 Булгари Н. Я. 339, 344
 Булич Н. Н. 232
 Бурбоны 59
 Бурцев И. Г. 72, 73, 78, 94, 95, 203, 325, 390, 406
 Бурылин Д. Г. 328
 Бутенко А. 233, 237, 238
- Вадковский Ф. Ф. 8, 108, 114, 206, 208, 212, 221, 336–341, 343, 344, 346, 347, 349, 354, 355, 384
 Вальховский В. Д. 105
 Вандам, маршал 57
 Варадинов Н. 230
 Варгин, поставщик 125
 Василий III, вел. кн. московский 81
 Васильев, ученик ялуторовской школы 418
 Васильев А. И. 243
 Васильев Ф. крестьянин 245
 Васильева С. крестьянка 245
 Василевский, полицмейстер 383
- Васильчиков И. В. 32, 404, 405, 435
 Васильчиков Н. А. 339, 341, 343, 345, 355
 Вашингтон Г. 92, 410
 Вейденбаум Е. 356
 Вейсгаут, масон 329
 Вельбель В. И. 4, 472
 Вернадский Г. В. 237, 238, 240, 329
 Вернадский И. В. 443
 Вернер К. А. 229, 230
 Веспасиан, римский имп. 82
 Вигель Ф. Ф. 51, 53, 232–234
 Виельгорский М. Ю. 224, 233, 309, 320, 322, 328
 Викентьев В. М. 329
 Вильмен, историк 64
 Вильсон И. 229
 Винтер Е. 474
 Виргилий, поэт 50
 Витгенштейн Л. П. 83
 Витгенштейн П. Х. 305, 317, 327
 Вишняков Н. П. 233
 Владимир, вел. кн. киевский 81
 Воинов, секретарь 247
 Воинов А. Л. 381
 Волконская М. Н. 205, 206, 240, 241, 349, 354–356, 383, 386
 Волконские 207, 316
 Волконский М. С. 383
 Волконский С. Г. 8, 76, 84, 106, 110–112, 139, 207, 208, 220, 223, 231, 240, 241, 309, 320, 327, 328, 361
 Волконский П. М. 101, 435
 Вольный С.-Ф. 65, 86
 Вольский Ф. В. 109
 Вольтер Ф.-А. 50, 54, 64, 81
 Зольф Ф. Б. 111, 207, 241, 383
 Воронов А. 435
 Воронцов М. С. 27, 33, 36, 38, 401
 Воронцов Р. И. 24
 Воронцовы 316
 Всеволожский В. А. 13
 Выкрестюк Ф. Е. 427
 Вяземский А. Н. 339–341, 355
 Вяземский Н. Г. 24
 Вяземский П. А. 32, 36, 38–40, 76–78, 121, 130, 131, 134, 142, 194, 232, 236
 Вяземские 435
- Гагарин С. И. 24
 Гагарин Ф. Ф. 309
 Гагарины 315
 Гакстгаузен А., фон 2, 16. 437–448, 474
 Галилей Г. 88
 Гамель И. 399, 401, 434
 Гангеблов А. С. 339, 345, 351, 354–356
 Ганеман Н. 247
 Гарденберг К.-А. 66
 Гартман Л. 461
 Геерен, юрист 64, 86, 156
 Гейнеций И.-Г. 64
 Гелиогабал, римский имп. 80
 Гельвеций, философ 64, 86, 318
 Герд Я. И. 52, 402, 412
 Гереншванд, экономист 257
 Герман К. Ф. 36, 63, 64, 318
 Геродот, историк 53

- Герц 99
 Герцен А. И. 216, 357–359, 363, 392, 440–448
 Гершензон М. О. 355, 356, 435
 Гессен С. Я. 231, 235, 241
 Гизо Ф. 145
 Гладков, полицмейстер 88, 108
 Глинка Ф. Н. 63, 72, 78, 90, 91, 202, 370, 407, 408
 Гнедич Н. И. 51, 77, 205, 232, 234, 240
 Годайн Н. П. 374, 381
 Голенищев-Кутузов М. И., кн. Смоленский 375, 381
 Голиков И. И. 79, 252
 Голицын А. Б. 309
 Голицын А. Н. 34, 200, 374, 402, 410
 Голицын В. М. 109, 113, 223
 Голицын Д. В. 21, 24, 197
 Голицын Д. М. 36
 Голицын П. А. 83
 Голицын С. Ф. 354
 Голицыны 51, 316
 Головачев А. А. 228
 Головачев П. М. 433
 Головин, генерал 377
 Голодников К. М. 384, 385, 433, 434
 Голохвастов А. И. 243
 Гомер 81
 Гончарова Н. И. 473
 Гончарова Н. Н. 473
 Гончаровы 473
 Горацкий 48
 Горбачевский И. И. 9, 221
 Горожанский А. С. 339, 340, 343, 344, 345, 355
 Горский О. В. 391
 Горсткий И. Н. 105
 Горчаков А. И. 61
 Горчаков П. Д. 436
 Горчакова, кн. 25
 Грахс Тиберий 66, 88
 Гравовский Т. Н. 443
 Грегуар А. 60
 Греков Б. Д. 223, 235, 241
 Греч Н. И. 60, 232, 233, 404, 407–410, 420, 435
 Грибовский М. К. 91, 197, 234, 329, 405, 410
 Грибоедов А. С. 308, 336, 403
 Гриневецкий И. И. 465
 Гриц С. 231, 241
 Громницкий П. Ф. 377, 378, 382
 Грудзинская И. А. (кн. Лович) 373
 Гумбольдт В. 82, 87
 Гурьев Д. А. 61
 Гюго В. 466
 Давид Ж.-Л. 59
 Давыдов В. Л. 8, 107, 110–112, 204, 223, 343
 Давыдов Д. В. 77
 Дайси А. В. 237
 Дальмас, масон 307, 314
 Данте (Алигьери) 334
 Дашков Д. В. 77, 234
 Декарт Р. 388
 Дельвиг А. А. 121
 Демидов П. Н. 24
 Денисов, учитель Н. М. Муравьева 53
 Депрерадович Н. Н. 114, 338, 341, 343, 345, 355
 Державин Г. Р. 51, 57, 333, 354
 Десницкий С. Е. 13, 14, 229
 Детю де Траси А.-Л.-К. 64
 Дешамп, юрист 39, 40, 194
 Джефферсон Т. 64, 141
 Джунковский С. С. 29, 230
 Дибич И. И. 197, 305, 344, 381
 Диковский М. А. 469
 Диодор, историк 53
 Дистерверг А. 401
 Дмитриев И. И. 51, 78, 101
 Дмитриев С. С. 2, 4
 Дмитриев-Мамонов А. И. 384, 433, 435
 Дмитриев-Мамонов М. А. 68–70, 89, 112, 142, 194, 322, 323, 327, 342
 Димитрий Иоаннович, царевич 252
 Добринский А. А. 339
 Добролюбов Н. А. 450
 Довнар-Запольский М. В. 5, 7, 120, 134, 233–237, 239
 Дойникова Л. П. 4
 Долгорукие 315
 Долгорукий А. А. 243
 Долгорукий В. П. 356
 Долгоруков И. А. 8, 63, 71, 72, 76, 84, 90, 223, 309, 312, 326, 327
 Долгоруков И. М. 354
 Долгоруков П. П. 409
 Долгоруков Ю. В. 25
 Долгоруковы 51
 Домбаль Ш.-Ж. 24, 209
 Дову П.-К.-Ф. 147
 Дорохов Р. И. 350
 Дорошенко П. П. 330, 473
 Дружинин Н. М. 2, 3, 7, 231, 233, 235, 236, 240, 355, 448, 471–474
 Дружинина Е. И. 2
 Дубровин Н. Ф. 218, 230, 231, 233, 241
 Дюбек Е. Ф. 229
 Дюги Л. 237–239
 Евменов Е. крестьянин 245
 Екатерина II 14, 50, 142, 152, 252, 315, 329, 330, 335
 Елизавета Алексеевна, имп. 124
 Елизавета Петровна, имп. 335
 Емельянов П. А., см. Боголюбов
 Емельянова О. В. см. Якимова А. В.
 Ентальцев А. В. 385, 386, 434
 Ентальцева А. В. 417
 Ермолов А. П. 331
 Ешевский С. В. 328, 354, 472
 Желдыбин, фельдъегерь 204, 472
 Желябов А. И. 455, 461, 463, 464, 466
 Жеребцов А. 307, 314
 Жинкин Н. 232
 Жиркевич И. С. 354
 Жихарев С. П. 232
 Жомини Г. В. 63
 Жорес Ж. 237

- Жуайе Я. П. 334, 335
 Жуков М. М. 243
 Жуковский, полковник 198
 Жуковский В. А. 51, 77, 78, 234, 406
 Журавлев, учитель 383
- Заблочкий-Десятовский А. П. 231
 Завадовский П. В. 48
 Завадская Е. Ф. 455, 456
 Завалишин Д. И. 201, 206, 240, 433, 436
 Закревский А. А. 59, 406, 435
 Засулич В. И. 459
 Зеленков П. С. 97, 99, 246—248
 Знаменский М. С. (псевдоним Старожил) 384, 425, 433, 434, 436
 Знаменский С. Я. 386, 395, 416, 417, 423, 426, 427, 429, 436
 Зубков В. П. 223
 Зубов Г., масон 314
 Зыков Д. П. 109
- Ивановская П. 470
 Ивашев В. П. 111
 Ивенс, гувернантка 334
 Игнатович, губернский секретарь 243
 Иконников В. С. 229, 230, 231
 Иоанн Калита 81
 Иоанн III 81
 Иоанн IV Грозный 81, 253, 422
 Ипсиланти А. К. 309, 336
 Исаев Г. П. 462, 463
- Кавелин А. А. 83, 359, 372, 374, 381
 Калигула, римский имп. 82
 Канкрин Е. Ф. 33, 34, 41, 155
 Кант Э. 390
 Капнист А. В. 83
 Капнист В. В. 224
 Каразин 404
 Карамзин Н. М. 34, 36, 50, 78—83, 92, 101, 141, 216, 226, 231, 232, 234, 235
 Карл X 400
 Каспрович Э. Л. 357, 371
 Катенин П. А. 77
 Кауфман А. А. 448
 Кафиро-Кутузова О. 455, 456, 470
 Каховский П. Г. 115, 125, 201, 391
 Кашин В. 230, 231
 Кашкин С. Н. 8, 122, 126—134, 236
 Квятковский А. А. 460, 462
 Кешен П. И. 27, 29
 Кибальнич Н. И. 463, 464, 466
 Киреевский И. В. 439, 448
 Киселев П. Д. 3, 33, 34, 38, 231, 305, 336, 448
 Князьков С. А. 435, 436
 Кобозев Е. Е. см. Богданович Ю. Н.
 Кобозева Е. Ф. см. Якимова А. В.
 Ковальская Е. Н. 468
 Ковальченко И. Д. 2
 Коган М. С. 235, 241
 Кожевников М. Н. 246—248
 Козлов И. И. 77
 Козодавлев П. О. 16
 Коленкур А.-О.-Л. 15, 16, 60
- Кологривов А. Л. 339—341, 345, 355
 Колокольников П. Н. 233
 Колокольцов А. Н. 242, 243
 Колокольцов Ф. М. 48, 51, 96, 97, 231, 242—244, 247
 Колокольцова Е. Ф. см. Муравьева Е. Ф.
 Колокольцова М. И. 242—244
 Колокольцовы 232
 Колошины Павел И. и Петр И. 72, 73, 75, 76, 78, 105, 132, 325—327
 Комаров Н. И. 234
 Комаровский Е. Е. 354
 Коменский Я.-А. 52, 414
 Комов И. М. 13
 Кон Ф. 470
 Констан Б. 59, 60, 62, 64, 65, 67, 82, 86, 87, 89, 103, 143, 145—148, 154, 156, 165, 172, 180
 Константин Павлович, вел. кн. 48, 308, 345, 358, 359, 364, 367, 372—376, 378, 379, 381, 382
 Коперник Н. 88
 Копылов, повыхчик 247
 Копьев А. Д. 392, 434
 Коржавины, торговцы 14
 Корнилов А. А. 230
 Корнилова А. И. 455
 Коробьин Г. Н. 20
 Короленко В. Г. 352, 356
 Корф, губернатор 468
 Корф М. А. 37, 231, 359, 360, 366, 367, 372, 373, 375, 376, 380, 381
 Корф Ф. И. 83
 Кочубей А. В. 375, 402
 Кочубей В. П. 25, 31, 34, 306
 Кочурова, подруга А. В. Якимовой 451
 Кравчинский С. М. 459
 Краснокутский С. Г. 365, 375
 Кривцов Н. И. 405
 Кривцов С. И. 114, 338—341, 350, 354, 355, 406, 435
 Кромвель О. 64
 Кропотов Д. А. 232, 233, 329
 Кругликов И. Г. 331
 Кругликова С. Г., урожденная гр. Чернышева 331
 Круглый А. 329
 Кубалов Б. Г. 231
 Кувшинская А. Д. 450, 451, 454
 Кузен В. 401
 Кузнецов, купец 211
 Кукольник В. Г. 252
 Кулишер И. М. 229
 Кульман Н. К. 231
 Куницын А. П. 36, 78
 Куракин А. Б. 25, 373, 381
 Куракина, кн. 36
 Куракины 315
 Кусаков Р. 234, 325
 Кусов Н. И. 407
 Кусовы, купцы 408
 Кутанов Н. 231
 Кучевский А. Л. 46, 231
 Кушелев Г. Г. 25
 Кюхельбекер В. К. 115, 222, 391, 407, 408
 Кюхельбекер М. К. 408

- Лабзин, масон 318
 Лаваль И. С. 36
 Лавернь, писатель 65
 Лавинский А. С. 205
 Лавров Н. Ф. 234, 235, 329
 Лавров П. Л. 452
 Лазарев, адъютант 382
 Ламартин А., историк 366
 Ланганс М. Р. 466
 Ланжерон, гр. 320
 Лапжюинэ Ж.-Д. 64, 141, 147
 Ланкастер Дж. 395—397, 399, 401—403, 406, 426, 427, 432, 434, 435
 Ланские 51, 309
 Ланской С. С. 233, 320, 328, 354, 371, 472
 Ларионовы, купцы 386
 Ларошфуко Франсуа, де 398, 400, 434
 Лафайет, маркиз 67
 Лебедев, коллежский регистратор 247
 Лебедева Т. И. 466, 467
 Лебедельтерн 371
 Левашов В. В. 127, 142, 201, 365
 Левашовы 392, 393, 402, 403, 411
 Левин К. Н. 5
 Лейбниц Г.-В. 389
 Лекен А. А. 332
 Леклерк, историк 448
 Ленин В. И. 22, 230, 392, 447, 448
 Леонов А., крестьянин 245
 Лепарский С. Р. 206, 350
 Леру П. 393
 Ливанов М. Г. 13
 Липранди И. П. 435
 Лихарев В. Н. 111
 Лобанов-Ростовский А. Б. 232, 354
 Лобанов-Ростовский Я. И. 379
 Локк Дж. 389
 Ломоносов М. В. 4, 79
 Лонгинов М. Н. 354
 Лопухин П. В. 373, 379, 381
 Лопухин П. П. 8, 72, 95, 116, 223, 309, 310, 312, 320, 328, 336
 Лорер Н. И. 111, 235, 240, 354, 356
 Лукасинский, масон 324
 Лукин, учитель Н. М. Муравьева 53
 Лукин, смотритель уездного училища 426
 Лунин М. С. 9, 72, 73, 79, 92, 95, 99, 101, 105, 106, 117, 118, 203, 206—208, 213, 215—220, 223, 224, 228, 232, 234, 235, 239—241, 336, 340, 358, 361—363, 367, 370, 371, 377—379, 382, 383, 392, 472
 Лыкошин В. И. 308
 Любомиров П. Г. 229
 Людовик XVIII 59, 60
 Лященко П. И. 229, 231
 Магницкий М. Л. 402, 404
 Майборода А. И. 197, 305
 Майер, воспитатель Н. М. Муравьева 53, 54, 60
 Маккиавелли Н. 81
 Максимов С. В. 384, 433
 Малиновская Н. Г. 356
 Малиновский А. Ф. 31, 33, 187
 Маньяни Г., художник 333, 334
 Марий, римский военачальник 82
 Мария Федоровна, имп. 354
 Марков И., секретарь 243
 Маркс К. 447, 448
 Мартэн Г. 324
 Мартос И. Р. 399, 403, 434, 435
 Мартынов И. И. 402
 Маслов С. А. 42, 230, 241
 Массильон Ж.-Б. 198
 Масюков, комедант 468
 Медведев И. П. 416, 426
 Медведников, купец 211
 Медынский Е. Н. 434
 Мезенцов Н. В. 459
 Мейер, юрист 141
 Мельгунов С. П. 329
 Менгден, домовладельцы 463
 Меншиков А. С. 33
 Меркулов В. П. 466
 Меттерних К.-В. 102, 179
 Милорадович М. А. 197, 346, 358—360, 367, 373, 374, 376, 381
 Миллер Ф. И., историк 79, 252
 Мильман С. С., историк 235
 Мин Е. 230
 Мирабо О.-Г. 67, 410
 Миттермайер, юрист 64
 Митусов 375
 Митьков М. Ф. 105, 109, 111, 113, 117, 132, 133, 224
 Михаил Павлович, вел. кн. 375, 382
 Михайлов А. Д. 466
 Михайловский-Данилевский А. И. 233
 Мишель А. 238
 Мишо, издатель мемуаров 64
 Модзалевский Б. Л. 231
 Модзалевский Л. 434
 Монтескье Ш.-Л. 50, 64, 65, 82, 85, 86, 142, 148, 155, 162, 252
 Мордвинов Н. С. 25, 29, 31—33, 36—38, 42, 69, 70, 78, 142, 187, 194, 229, 374
 Мордвиновы 231—233, 355
 Морейнис Ф. А. 466
 Морелли, лейтенант 90
 Морков И. 252
 Морозов Н. А. 458, 460, 466
 Морозов П. О. 234
 Мосешицкий С. Г. 247
 Мошков И. 252
 Мровинский, генерал 464
 Муравьев Александр Михайлович 79, 95, 115, 204, 205, 210, 212, 216, 217, 232—234, 240, 241, 340, 343—346, 355, 429, 436
 Муравьев Александр Николаевич 71—74, 76, 310—313, 319—327
 Муравьев Артамон Захарович 74
 Муравьев Матвей Михайлович 245, 246
 Муравьев Михаил Никитич, отец Никиты и Александра Муравьевых 25, 48—53, 55, 64, 232, 233, 244, 246—248, 329
 Муравьев Михаил Николаевич 72—75, 94, 325—327, 372
 Муравьев Никита Михайлович 2, 6—10, 47, 51—67, 71—122, 124—136, 138—148, 150—182, 184—228, 232—246, 248, 253, 268, 289, 295, 304, 309, 311, 312, 321, 325—327, 332, 334, 336, 338, 340, 342,

- 343, 346, 348—350, 352, 355, 361—363, 370, 378, 383, 386, 392, 409, 438, 448, 471, 472
- Муравьев Николай Николаевич 26, 42, 50, 63, 224, 230
- Муравьев-Апостол Иван Матвеевич, отец Матвея и Сергея Муравьевых-Апостолов 50, 56, 232, 359, 375
- Муравьев-Апостол Матвей Иванович 8, 63, 71—73, 84, 107—112, 114, 202, 222, 309, 312, 324, 326, 338—340, 354, 355, 385, 386, 409, 417, 427, 428, 430, 435, 436, 471
- Муравьев-Апостол Сергей Иванович 63, 67, 71—74, 76, 84, 107, 110—112, 117, 135, 200, 227, 233, 235, 241, 309, 311, 326, 327, 409
- Муравьев-Карский Николай Николаевич 356, 359, 372
- Муравьева А. Г. 119, 205—207, 240, 333, 334, 341, 344, 346—350, 352, 354, 355, 386
- Муравьева Е. Ф. 51, 96, 97, 205, 206, 208, 212, 218, 220, 231—235, 240—248, 378, 472
- Муравьева С. Н. («Нонушка») 208
- Муравьевы 7, 8, 11, 52, 53, 56, 60, 64, 96, 97, 200, 201, 206—212, 231, 232, 242, 349, 350, 390, 471, 472
- Муравьевы-Апостолы 349
- Муромцев А. М. 309
- Мусин-Пушкин В. А. 115, 224
- Муханов П. А. 105, 221, 224
- Мысловский П. Н. 358, 379, 389, 434
- Мышкин И. Н. 454
- Мюллер И. 64, 66, 79, 82, 233
- Мясников Н. Ф. 386
- Мясникова, купчиха 427
- Мятлев П. В. 243
- Назимов М. А. 109, 183, 187
- Наполеон I 51, 55—60, 66, 85, 113, 225, 252, 253, 399
- Нарышкин А. Л. 332
- Нарышкин Д. 314
- Нарышкин М. М. 83, 105, 109, 113, 117, 132, 133, 138, 183, 196, 223, 224, 237, 340
- Наумов И. 252
- Небольсин Г. П. 229
- Нерон, римский имп. 80
- Нессельроде К. В. 25
- Нечкина М. В. 231, 235, 241
- Никитин М. М. 231, 241
- Никифоров О., крестьянин 245
- Николай Павлович, вел. кн. см. Николай I
- Николай I 44, 114, 119, 123, 124, 134, 135, 186, 197—200, 205, 208, 209, 215—219, 228, 240, 331, 344, 346, 347, 349, 351, 352, 359, 360, 362, 372, 373—376, 378—382, 390, 392, 422, 423, 432, 437, 439
- Новиков М. Н. 72, 327, 407, 408
- Новосильцев Н. Н. 39, 76, 102, 142, 194, 195, 238
- Новосильцевы 51
- Норов В. С. 105, 106
- Ньютон И. 88
- Облеухов Д. А. 388, 389
- Оболенский Е. П. 83, 105, 108—110, 112—116, 122, 127, 129, 130, 132, 133, 135, 183, 201, 222, 228, 340, 344, 345, 376, 384—386, 391, 433—436, 471
- Оболенский К. П. 83
- Огановский Н. П. 229
- Оде-де-Сион, масон 314
- Одоевский А. И. 115, 127, 128, 133, 136, 215
- Оксман Ю. Г. 229, 231, 435
- Оленин А. Н. 245, 246
- Олизар Г. Ф. 223
- Ольденбургский, принц 332
- Опочинин Ф. П. 359, 360, 364, 372, 373, 375, 381, 382
- Опочинина Д. М. 375
- Орлов, атаман 380
- Орлов А. Ф. 200
- Орлов В. Г. 24
- Орлов Г. Г. 24
- Орлов М. Ф. 68—70, 77, 78, 84, 89, 105, 112, 118, 132, 142, 194, 223, 224, 235, 322, 323, 336, 342, 343, 345, 390, 406, 407, 410, 411,
- Орлов-Чесменский А. Г. 230
- Остен-Сакен Ф. В., фон 229
- Остолопов Н. 435
- Оуэн Р. 400
- Павел I 36, 74, 83, 89, 331, 335, 422, 434
- Павлов М. Г. 21
- Павлов-Сильванский Н. П. 305, 471
- Панин Н. И. 35, 37, 70, 142, 193, 194
- Панины 51
- Панкевич М. И. 54, 55
- Панов Н. А. 391
- Панчулидзе С. 354, 355
- Паскевич И. Ф. 351
- Пассек П. П. 392, 393, 410, 411
- Пассек Т. П. 435
- Пастухов П. И. 243
- Пахман А. С. 229
- Пепе Г., генерал 90
- Перовская С. Л. 455, 461, 462, 465, 466
- Перовский В. А. 83, 223
- Перовский Л. А. 83, 223, 359, 372
- Персин, купец 211
- Песталоцци И.-Г. 395, 398, 401, 403, 412, 414, 424
- Пестель П. И. 2, 7, 63, 68, 71—76, 84, 88—95, 103—108, 110—114, 116, 120, 133, 139, 142, 151, 165, 168, 183, 200, 201—203, 218, 221, 222, 226, 227, 235, 305—313, 315—323, 325—329, 336—339, 341—345, 353—355, 362, 365, 369, 371, 471—473
- Петр I 81, 252, 330, 422, 439
- Петр II 252
- Петра, воспитатель Н. М. Муравьева 53
- Петров А., крестьянин 245
- Петров В. В. 435
- Петухов Е. В. 232
- Писарев Д. И. 450
- Плеханов Г. В. 458, 459
- Плещеев 1-й А. А. 339—341, 355
- Плутарх 78, 154

- Повало-Швейковский И. С. 112
 Погодин, капитан, орловский помещик 25, 230
 Погодин М. П. 232, 234, 448
 Поджио А. В. 107—110, 201, 202, 235
 Покровский А. А. 135
 Покровский В. И. 15
 Покровский М. Н. 5, 231
 Поливанов И. Ю. 108, 114, 223, 336, 338, 340, 343, 355
 Полторацкий А. А. 309
 Полторацкий Д. М. 13, 20, 24, 230
 Поляков Н. С. 13
 Помпей, римский полководец 82
 Понятовский, офицер 335
 Поп А. англ. поэт 82
 Потапов А. Н. 197, 374
 Потаповы см. Исаев Г., Якимова А. В.
 Потемкин Г. А. 332
 Потоцкий С. С. 33, 36
 Потто В. 356
 Пресняков А. Е. 135, 237
 Прибылева А. В. 470
 Прокопьев Г. 453
 Прохоровы см. Перовская С. Л., Саблин Н.
 Пугачев Е. И. 321, 331, 452
 Пустошкин, знакомый Е. Ф. и Н. М. Муравьевых 100
 Пушкин А. С. 36, 77, 78, 82, 121, 205, 234, 236, 330, 349, 351, 355, 407, 433, 442, 473
 Пушкин Б. С., историк 240
 Пушкин В. Л. 77
 Пушкина гр. 99
 Пушин И. И. 78, 105, 109, 115, 118, 121, 122, 125—134, 201, 222, 234, 236, 239, 241, 268, 289, 385, 388, 391, 392, 394, 418, 426—428, 433, 434, 436, 472
 Пушин П. С. 84
 Пыпин А. Н. 329, 435
- Рагозин Л. И. 448
 Радищев А. Н. 15, 47, 50, 64, 252, 438, 448
 Раевские 348
 Раевский В. Ф. 208, 222, 241, 406, 410, 411, 433, 435
 Раевский Н. Н. 351
 Разин С. Т. 452, 453
 Разумовский К. Г. 24
 Раич С. Е. 84
 Ралль Ф. Ф. 20
 Рамсей Д., историк 64
 Раупах Э.-В. 8, 203, 204
 Рейнгард Х. Е. (Ф. Х.) 54, 55, 232
 Ржевский, масон 327
 Риго, полковник 90
 Рикардо Д. 64
 Римский-Корсаков В. А. 83
 Римские-Корсаковы 316
 Робеспьер М. 124, 178
 Рождественский С. 435
 Розен А. Е. 240, 354, 356
 Рознотовский А. В. 13, 229
 Ройс-Коллар 400
 Ростовцев Я. И. 446
 Ростопчин Ф. В. 18, 27, 28, 36, 56
- Ростопчина Е. П. 351
 Румянцев Н. П. 20, 24, 27, 402, 412
 Румянцев С. П. 31, 34, 230
 Рунич Д. П. 402
 Руперт В. Я. 357, 377, 378, 382
 Руссо Ж.-Ж. 49, 52, 64, 144, 145, 148, 155, 178, 341, 353
 Рылеев К. Ф. 7, 105, 109, 110, 112, 113, 115, 116, 118, 119, 121—123, 125, 127, 128, 130—132, 134, 135, 138, 140, 183, 197, 200, 201, 203, 222, 227, 236, 344, 345, 362, 365, 373, 381
 Рысаков Н. И. 465, 466
 Рюльер С. 65, 89
 Рюрик 422, 423
- Саблин Н. 462
 Сабуров 2-й А. И. 339, 341, 355
 Садиков П. А. 241
 Саллюстий 65
 Самарин И. И. 20, 24
 Самборский А. А. 13
 Сапожников, купец 35
 Свербеев Д. Н. 232, 372
 Свербеева З. С. 357, 358
 Свешников О. Л. 35, 231
 Свинцов И. 430
 Свинкин П. П. 339, 340, 345, 355
 Свистунов П. Н. 8, 114, 223, 232, 239, 240, 338—341, 343—345, 349, 354, 355, 384, 387, 388, 392, 395, 430, 433, 434, 435, 436
 Свистуновы 386
 Святослав, вел. кн. киевский 81
 Северин Д. П. 77
 Седачев Е. Ф. 425, 428—431
 Селенкина М. Е., подруга Якимовой А. В. 451
 Селивановский С., купец 35
 Семевский В. И. 5, 7, 125, 127, 140, 230, 231, 233, 234, 236, 237, 329, 380, 435, 448
 Семенов А. 230
 Семенов А. В. 406
 Семенов Д., крестьянин 245
 Семенов С. М. 84, 105, 130, 132, 201, 203, 345, 365, 429, 436
 Сен-Симон К.-А. 400
 Сениян Д. Н. 36
 Сепульвед, полковник 90
 Сербов Н. И. 435, 436
 Сесенин В. И. 386
 Сиверс, контрагент Муравьевых 97
 Сиверс 403
 Сигида Н. 468
 Сидоров Е. 234
 Сидоров Н. П. 329
 Сийес Э.-Ж. 60, 145
 Сильвестр 422
 Симеон, касимовский царь 423
 Синклер Дж. 209
 Сицовский В. В. 229
 Сисмонди Ж.-Ш.-Л. 64
 Скалон С. В. 235
 Скарятин Я. Ф. 234
 Скарятины Г. Я. и Ф. Я. 339
 Скребицкий А. 446
 Смирнова А. О. 355

- Смит Адам 14, 37, 64, 149
 Снесарев П., нотариус 247
 Собаньский 417
 Советов А. В. 229, 230
 Созонович А. П. 384, 417, 425, 430, 433, 434, 436
 Соймонов П. А. 243
 Соколов, учитель Н. М. Муравьева 53
 Соколов Ф. П. 6
 Соколовская Т. О. 231, 233, 308, 328, 329
 Соловьев А. К. 459
 Солон 154
 Соммервильский, лорд 400
 Сопилов В. С. 252
 Софокл 81
 Сперанский М. М. 31, 35, 36, 39, 40, 83, 142, 195, 205, 231, 365, 407
 Старожил, см. Знаменский М. С.
 Стахий, протоиерей Петропавловского собора 379
 Степанов И., крестьянин 245
 Степанова М., крестьянка 245
 Столыпин А. А. 36
 Сторожев В. Н. 231
 Страхов П. И. 54, 55
 Строганов А. С. 24, 243
 Строганов П. А. 31, 33, 34
 Стройновский В. В. 64, 253
 Струве П. Б. 229, 230
 Струйский Н. Е. 47
 Суверс, учитель 393, 394
 Суворов А. А. 339, 341
 Суворов А. В. 63, 65, 82, 141, 226, 332, 354, 436
 Сукин А. Я. 236
 Сулла, римский полководец 82
 Сутгоф А. Н. 115, 391
 Суханов Н. Е. 467
 Сухомлинов М. И. 232
 Сыроечковский Б. Е. 11, 235, 241
 Сэй Ж.-Б. 64, 149, 172, 400
- Тальма, французский актер 59
 Тарасов Е. И. 241
 Тарле Е. В. 229
 Татищев А. И. 200, 204, 365
 Тацит Корнелий, историк 53, 65, 78
 Теплова Е. А. 351
 Терентьева Л. Д. 467
 Тетерка, рабочий 463
 Тиберий, римский имп. 82
 Тизенгаузен В. К. 385, 386
 Тит, римский имп. 82
 Тихомиров Л. А. 458, 460, 470
 Толстой, сенатор 426, 427
 Толстой В. С. 339, 344, 344, 346, 355
 Толстой П. А. 24
 Толстой Ф. П. 83, 84, 407–410, 435
 Толстые 51, 316
 Толченев, купец 408
 Толь Д. С. 329
 Толь Ф. Г. 217, 383
 Томашевская Н. 435
 Торсон К. П. 115, 117, 126–131, 133–134, 183, 187, 192, 204, 268, 289, 472
 Траян, римский имп. 82
- Тренин В. В. 231, 241
 Трепов Д. Ф. 459
 Троцкий И. М. 235, 328, 354
 Троцанский В. Ф. 451
 Тригоны М. Н. 464
 Трубецкая Е. И. 207, 381
 Трубецкие 207, 208
 Трубецкой, вице-губернатор 214
 Трубецкой П. П. 311, 320
 Трубецкой С. П. 2, 5, 63, 71–75, 84, 105, 108–113, 115–117, 122, 134–140, 167–171, 174, 183, 193, 196, 200–202, 207, 217, 223, 227, 228, 233–235, 241, 253, 309, 311, 312, 321, 324, 326, 328, 329, 336, 340, 357–372, 376, 378, 380–383, 390, 392, 409, 410, 412, 435, 438, 472, 473
 Туган-Барановский М. И. 11, 229, 233
 Турбин С. И. 433, 434, 436
 Тургенев А. И. 33, 77, 232, 234, 403, 405
 Тургенев И. П. 50
 Тургенев Н. И. 5, 7, 26, 33, 34, 62, 70, 77, 78, 95, 105, 109, 110, 112, 113, 115, 117, 187, 196, 204, 203, 223, 224, 227, 230, 233, 234, 241, 323, 329, 405
 Тургеневы 241, 329
 Тучков А. И. 132, 133
 Тэер А. 24, 42, 209, 210, 230, 231
 Тютчев, помещик 392, 402, 411
 Тютчев Н. 470
- Уваров С. С. 77, 402
 Уварова Е. С. 377
 Угрюмов М. Д. 13
 Улыбышев А. Д. 36
 Унковский А. М. 228
 Усовский А. В. 222
 Успенский П. Н. 377, 378, 382, 383
 Устинов И., издатель 246
 Устрялов Н. Г. 209
 Ушаков С., издатель 253
- Фабриции, римский род 80
 Фавр А. 57
 Федоров П., крестьянин 245
 Фелицын, чиновник 426, 436
 Фелленберг 412
 Фенелон Ф., де ла Мотт 52
 Фигнер В. Н. 470
 Фидий 81
 Филанджери Г. 64
 Филатов Е., крестьянин 245
 Фихте И.-Г. 66
 Фишер фон Вальдгейм Г. И. 21
 Фомин А. И. 40, 231
 Фонвизин И. А. 132
 Фонвизин М. А. 9, 62, 72–74, 105, 106, 117, 118, 132, 142, 193, 194, 196, 223, 224, 237, 325, 326, 363, 426, 428, 436
 Фонвизина Н. Д. 377
 Фонвизины 94, 223, 386, 395
 Фотий, архимандрит 354
 Фоше, издатель 323
 Францева М. Д. 436
 Фредерикс А. И. 83
 Фроленко М. Ф. 465, 466
 Фукидид 65, 81

- Хавский П. В. 84
 Халтурин С. 452, 457, 461, 462
 Херасков И. М. 329
 Хованская Е. Ф. (урожденная Колокольцова) 245
 Хованская М. М. см. Челищева М. М.
 Хованский М. С. 244
 Ходнев А. И. 229–231
 Холмогоровы В. И. и Г. И. 354
 Хомяков А. С. 439, 448
 Хорошавин М., ученик А. В. Якимовой 453
 Храповицкий А. В. 243
 Христианов, смотритель уездного училища 429
- Цезарь Г.-Ю. 82
 Цинна 82
- Чаадаев П. Я. 308, 319, 389, 434, 435
 Чарторыйский А. А. 31
 Чарушин Н. А. 451
 Чекалевский, масон 314
 Челищев А. А. 105
 Челищев Н. А. 244–248
 Челищева М. М. 231, 244, 246–248
 Чемоданова, подруга Якимовой А. В. 451
 Черемисов см. Желябов А. И.
 Черепанов С. И. 377, 383
 Черкасов А. И. 115
 Чернов К. П. 115
 Чернов С. Н. 234, 234, 235, 241, 328, 355, 434
 Чернышев А. И. 305, 331, 347, 349
 Чернышев Григорий Иванович, тесть Н. М. Муравьева 101, 206, 320, 331–333, 349, 354, 355
 Чернышев Григорий Петрович 330, 473
 Чернышев Захар Григорьевич 8, 330, 331
 Чернышев Захар Григорьевич, ротмистр, декабрист 198, 223, 331, 334, 335, 337, 340–342, 344–347, 349–356, 473
 Чернышев Иван Григорьевич 331
 Чернышев-Кругликов И. И. 356
 Чернышева гр. 341
 Чернышева А. Р. 331
 Чернышева Е. П. 200, 234, 346, 349, 354
 Чернышевский Н. Г. 443–448, 450
 Чернышевы 2, 198, 201, 235, 240, 330–334, 336, 346, 348, 349, 351, 352, 354, 471, 473
 Черткова Е. Г. 354
 Чигиринский, директор гимназии 429
 Чиперин Б. Н. 443, 444
 Чудновский С. 470
 Чулков Н. П. 232
- Шапелье, ла 169
 Шатобриан Ф.-Р. 64
 Шафранов Н. А. 229
 Шаховской Д. 434
 Шаховской Ф. П. 71–73, 76, 309, 311–313, 320, 327
 Шварц Г. Е. 93, 102
 Швитков М., коллежский секретарь 25, 229, 230
- Шебунин А. Н. 230, 231, 234, 329
 Шевырев С. П. 232
 Шелехов Д. П. 20, 28, 230, 231
 Шервуд И. В. 343, 344
 Шереметев Н. П. 27
 Шереметева Н. Н. 386, 387, 393, 434
 Шильдер Н. К. 231, 234, 329, 355, 435
 Шиман Т. 216
 Шипов И. П. 8, 63, 72, 91, 105, 106, 202, 311, 312, 321, 326
 Шипов С. П. 63, 72, 233, 311, 312, 321, 326, 365
 Ширяев С. 460, 470
 Шишков А. С. 34, 36, 402, 405
 Шлёцер Х. А. 253
 Шницлер, историк 365
 Шредер, масон 319
 Штейн Г.-Ф.-К. 66
 Штейнгель В. И. 8, 115, 119, 123, 124, 125, 127–134, 183, 358–361, 367, 372, 380
 Штейниц Г. 357, 371
 Шторх А. К. 29
 Штрайх С. Я. 234–236, 240
 Шубарт И.-Х. 12, 13
 Шуваловы 315
 Шумигорский Е. С. 354
- Шеголев П. Е. 241, 355, 380, 435
 Щепкина Е. Н. 235, 241
 Щербатов А. Н. 243
 Щербатов М. М. 15, 35–38, 69, 70, 79 252
 Щербатов Ф. А. 109
- Эллизен, масон 319, 408
 Энгельгардт Е. А. 385, 394
 Энгельке, губернатор 428
 Энгельман Г. 230
 Энгельс Ф. 447, 448
- Юзефович М. В. 355
 Юнг А. 12, 13
 Юниус (Филипп Френсис) 64
 Юнкер Г. Ф. 356
 Юсупов Н. Б. 27, 243
 Юшневский А. П. 110
- Язвинский, автор учебника истории 422
 Якимова А. В. (Кобозева) 2, 449–470, 474
 Якоб Л. 18, 24, 26, 29, 155, 229, 230
 Якубович, иркутский чиновник 212
 Якубович А. И. 115, 116, 118, 133, 202, 391
 Якушкин В. Е. 121, 122, 236, 258, 371
 Якушкин Е. Е. 380, 434
 Якушкин Е. И. 121, 122, 216–218, 236, 241, 366, 380, 384, 421, 434–436, 471
 Якушкин И. Д. 2, 9, 62, 63, 71–74, 138, 202, 208, 223, 233, 234, 236, 237, 240, 325, 326, 329, 355, 369, 384–395, 410–436, 471, 472, 474
 Якушкина А. В. 427
 Якушкины 2, 9, 121, 241, 357–359, 367, 372, 380, 434, 471
 Ярославов А. М. 13
 Яценко А. С. 237

- Adams J. 248
 Alfieri V. 248
 Auger A. 248

 Bailleul J. Ch. 248
 Bar C., de 249
 Beauchamp A. 248
 Beaufort M. 248
 Beccaria C. 248
 Bentham J. 249
 Bercy D., de 249
 Bigland J. 249
 Blackstone W. 249
 Borde A., de la 249
 Bouisson F. 434
 Brackenridge H. M. 249
 Burke E. 243, 249

 Campan, m-me 249
 Cevallos 250
 Charles XII 252
 Charles-Malo 249
 Chateaubriand F.-R. 249
 Clere, le 249
 Clerly 250
 Collin de Bar 249
 Colly, de, baron 250
 Constant B., de 237, 238, 249
 Cromwell O. 252

 Dalmas 249
 Destutt, Tracy de, comte 249, 251
 Dolmes A., de 249
 Dufau P. 237
 Dumon Et. 249
 Duvergier J. 237

 l'Escoiqui 250

 Fiévée J. 249
 Filangieri G. 249
 Fleuri 250
 Freytag, général 249
 Friedrich I, keiser 252
 Friedrich II, könig 251
 Fritot A. 249

 Ganilh M. Ch. 249
 Goldsmith 250
 Gourgaud, général 250
 Guadet J. 237

 Haxthausen A. F., von 448, 474
 Heeren A.-H.-Z. 234, 238, 250
 Heinneccius J. G. 250
 Helvetius C.-A. 249
 Henri IV 249
 Hue F. 250

 d'Ivernois F. 250

 Jefferson T. 250

 Lacretelle M. Ch. 250
 Lanjuinais M., le comte 250
 Las Casas B., de 250
 Louis XV 251
 Louis XVI 251
 Levesque P. Ch. 250
 Louvet 250

 Mably 250
 Marina F. M. 250
 Martin G. 329
 Meiero J. 250
 Meyer J. D. 234, 237, 250
 Michaud L. G. 250
 Mill J. 250
 Mittermaier G.-J.-A. 250
 Moleville B. 250
 Montesquieu 234, 237, 251
 Müller J., von 251

 Napoléon I 250, 251
 Nicolai Fr. 251

 Pailliet J. B. 251
 Paris J. J. 251
 Pastoret, de 251
 Pecchio J. 251
 Pépé G., général 251
 Pickon L. A. 250
 Platon 250
 Pradt, de 251

 Raffenel C. D. 250
 Ramsay D. 251
 Rau K. H. 251
 Rebecque 249
 Reynier L. 251
 Ricardo D. 251
 Robillard C. J. 251
 Rochjacquelin, de la, marquise 250
 Rousseau J.-J. 251

 Salgues J. B. 251
 Say J. B. 251
 Schlötzer Chr., von 251
 Sidney A. 251
 Sismondi S., de 251
 Smith A. 251
 Soulavie J. L. 251
 Staël, de 248
 Steltzer Cr.-J.-L. 251, 252
 Storch H. 252
 Strahlenberg, de, baron 252
 Stryku Sam. 252

 Texier 252

 Villemain 252
 Voigt J. 252
 Volney C.-F. 252
 Voltaire 252

 Watson R. 252

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
ДЕКАБРИСТ НИКИТА МУРАВЬЕВ	5
Предисловие	5
I. Социальные процессы начала XIX века	11
II. Политическое воспитание Н. Муравьева	47
III. Период революционных стремлений	67
IV. Борьба за умеренную программу	93
V. Вопрос о редакциях конституции	119
VI. Первый вариант конституции	141
VII. Второй и третий варианты конституции	168
VIII. Суд и Сибирь	197
IX. Итоги	221
Приложения (I—V)	242
К ИСТОРИИ ИДЕЙНЫХ ИСКАНИЙ П. И. ПЕСТЕЛЯ	305
СЕМЕЙСТВО ЧЕРНЫШЕВЫХ И ДЕКАБРИСТСКОЕ ДВИ- ЖЕНИЕ	330
С. П. ТРУБЕЦКОЙ КАК МЕМУАРИСТ	357
Записи кн. С. П. Трубецкого (Из архива Якушкиных)	372
ДЕКАБРИСТ И. Д. ЯКУШКИН И ЕГО ЛАНКАСТЕРСКАЯ ШКОЛА	384
А. ГАКСТГАУЗЕН И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕ- МОКРАТЫ	437
ЧЛЕН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ «НА- РОДНАЯ ВОЛЯ» АННА ВАСИЛЬЕВНА ЯКИМОВА (КОБО- ЗЕВА)	449
КОММЕНТАРИИ	471
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	475

Николай Михайлович
ДРУЖИНИН

Избранные труды:
РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ
В XIX в.

*Утверждено Отделением истории АН СССР,
Ученым советом Института истории СССР*

Редактор издательства *М. М. Медведев*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Л. И. Куприянова*
Корректоры *Ю. Л. Косорыгин, Р. В. Молоканов*

ИБ № 29465

Сдано в набор 17.01.85
Подписано к печати 06.09.85
Т-14918. Формат 70×100^{1/16}
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 39,65. Уч.-изд. л. 48. Усл. кр. отт. 41,11
Тираж 16500 экз. Тип. зак. 1072
Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКА»
ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА:

Восстание декабристов:
Документы, т. XVI.
Журналы и докладные записки
Следственного комитета.

40 л.— 3000 экз.

В настоящем томе впервые публикуются журналы Следственного комитета по делу декабристов и докладные записки председателя комитета А. И. Татищева Николаю I. Публикуемые документы дают точное представление о деятельности Следственного комитета, подробно раскрывают ход следствия над первыми русскими революционерами. Сборник связывает воедино весь комплекс следственных материалов, рассредоточенных в делопроизводстве Следственного комитета по многочисленным следственным делам. Воспроизводимые в публикации резолюции Николая I наглядно демонстрируют его руководящую роль в ходе следствия над декабристами. Книга снабжена указателем имен.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей, аспирантов и всех, интересующихся историей восстания декабристов в 1825 г.

Н. М. ДРУЖИНИН
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ.

40 л.— 3000 экз.

Вторая книга «Избранных трудов» академика Николая Михайловича Дружинина содержит работы, посвященные общим вопросам периодизации отечественной истории, развитию социально-экономических предпосылок формирования русской нации, статьи о русском абсолютизме XVIII в., о генезисе капитализма в России и его особенностях в сравнении со странами Западной Европы и США. Книга открывается обширным исследованием историка «„Журнал землевладельцев“, 1858—1860 гг.» и завершается заключением академика к его монографии «Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг.», удостоенной Ленинской премии.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей вузов, аспирантов, экономистов.

В. С. РУМЯНЦЕВА
НАРОДНОЕ АНТИЦЕРКОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В РОССИИ В XVII ВЕКЕ.

20 л.— 3000 экз.

Монография посвящена первоначальной истории народного антицерковного движения, известного под названием раскол. Книга, в значительной мере основанная на архивных материалах, охватывает период времени с 40-х — 80-е годы XVII в. Автор рассматривает деятельность московского Печатного двора и придворного кружка «боголюбцев» (Стефан Внифантиев и другие), учение Капитона Даниловского и выступления посадских людей против церковной политики правительства, что отражало социальное недовольство народных масс как в городах Центральной России, так и в Замосковном и Новгородском краях во второй половине XVII в. В приложении даны документы Посольского, Тайного, Разрядного и Новгородского приказов о сыске раскольников.

Книга рассчитана на специалистов-историков, пропагандистов.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97
(«Книга — почтой»);	197345	Ленинград, Петрозаводская ул.,
7 («Книга — почтой»);
370005	Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Кни-
га — почтой»);	220012	Минск, Ленинский проспект, 72
(«Книга — почтой»);
232600	Вильнюс, ул. Университето, 4;	103009	Москва, ул. Горького, 19а;
690088	Владивосток, Океанский проспект,
140;	117312	Москва, ул. Вавилова, 55/7;
320093	Днепропетровск, проспект Гага-
рина, 24 («Книга — почтой»);	117192	Москва, Мичуринский проспект,
12 («Книга — почтой»);
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95
(«Книга — почтой»);	630076	Новосибирск, Красный проспект,
51;
375002	Ереван, ул. Туманяна, 31;	630090	Новосибирск, Академгородок,
Морской проспект, 22 («Книга —
почтой»);
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289
(«Книга — почтой»);	142284	Протвино, Московской обл.,
«Академкнига»;
420043	Казань, ул. Достоевского, 53;	142292	Пушино, Московской обл., МР.
«В», 1;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиря-
ка, 137 («Книга — почтой»);
252142	Киев, проспект Вернадского, 79;	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73;
252030	Киев, ул. Пирогова, 2;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели,
43;
252030	Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга —
почтой»);	700187	Ташкент, ул. Дружбы народов, 6
(«Книга — почтой»);
277012	Кишинев, проспект Ленина, 148
(«Книга — почтой»);	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18;
343900	Краматорск, Донецкой обл.,
ул. Марата, 1 («Книга — поч-
той»);	450059	Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга —
почтой»);
660049	Красноярск, проспект Мира, 84;	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2
(«Книга — почтой»);	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского,
42 («Книга — почтой»);
191104	Ленинград, Литейный проспект,
57;	310078	Харьков, ул. Чернышевского, 87
(«Книга — почтой»).
199164	Ленинград, Таможенный пер., 2;		
196034	Ленинград, В/О, 9 линия, 16;		

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ

Н.М.ДРУЖИНИН